WIDENER
HN TBDW $

XPS 9

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ФЕВРАЛЬ 1916 ПТР

ЛѢТОПИСЬ

СОДЕРЖАНІЕ

ИВ. БУНИНЪ. С. ЕСЕНИНЪ. Д. СЕМЕНОВСКІЙ Стихотворенія — М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ. — Н. НИКАНДРОВЪ. Лѣсъ. — А. НОВОСЕЛОВЪ Жабья жизнь. — А. БЛОКЪ. Стихотворенія. — В. БРЮСОВЪ. Стихотворенія. — М. ГОЛЬД ШМИДТЪ. Еврей. — Н. ВЕНГРОВЪ. Стихотворенія. — В. БАЗАРОВЪ. Упрощеніе мысли. — А. АВРААМОВЪ. Народъ и музыка. — НИК. СУХАНОВЪ. О происхожденіи войны. — И. ЧЕРНЫШЕВЪ. Крестьянская реформа (къ 55-лѣтію). — И. Е. РѢПИНЪ. Изъ воспоминаній. — ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. Исповѣдь одного современника. — Ст. ВОЛЬСКІЙ. Алчущіе и жаждущіе. — ПУТНИКЪ. Письмо изъ ссылки. — Д. ВОЛКОВЪ. Въ тылу. — А. ЕРМАНСКІЙ Политическіе отклики. — В. ТИХОНОВИЧЪ Театръ «изъ народа». — А. НИКИТСКІЙ Финансовые планы. — В. ВОЛГИНЪ Англійскія дѣла. — Р. ГРИГОРЬЕВЪ. Письмо изъ Рима. — БИБЛІОГРАФІЯ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ

на новый ежемѣсячный журналъ

„ЛѢТОПИСЬ“,

издаваемый при ближайшемъ участіи М. ГОРЬКАГО.

Журналъ имѣетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы:

Литература и искусство. Литературно-критическіе очерки. Театръ. Музыка. Живопись.

Иностранная жизнь. Ежемѣсячный обзоръ международной жизни и политики. Корреспонденціи: изъ **Франціи, Англіи, Швейцаріи, Германіи, Даніи, Голландіи, Швеціи, Соед. Штатовъ.**

Внутреннее обозрѣніе. Политическая жизнь. Экономика, финансы. Самоуправленіе. Окраины. Рабочій вопросъ. Школа. Церковь.

Наука и философія.

По Россіи. Бытъ провинціи. Факты, обзоры и наблюденія провинціальной жизни.

Библіографія. Систематическіе обзоры литературы. Критическія замѣтки и рецензіи.

Подписная цѣна: на годъ (съ янв. 1916 г.) **12 р.** —на— полгода **6 р.** —на— 3 мѣс. **3 р.** —на— 1 мѣс. **1 р.**

Кооперативамъ, профессіональнымъ союзамъ, больничнымъ кассамъ, учителямъ, народнымъ библіотекамъ и др. культурнымъ и просвѣтительнымъ обществамъ допускается скидка при условіи подписки черезъ контору журнала

на годъ: вмѣсто 12 руб. — 10 руб., на полгода 5 руб. и съ **разсрочкой платежа:** при подпискѣ **4** руб., къ 1-му апр. **3** руб. и къ 1-му іюля **3** руб.

Декабрьская книга за 1915 г. разошлась вся.

Предполагаемое содержаніе мартовской книги:

Стихотворенія: **И. Бунина, Губера, С. Дубновой-Эрлихъ.** — Въ людяхъ. **М. Горькаго** (продолженіе) — Нянька **К. Волгина.** — Еврей. **М. Гольдшмидта.** — Китаецъ. **Я. Седерберга и др.**
Статьи: **А. Богданова, М. Горькаго, Р. Григорьева, Л. Маслова, М. Павловича, Н. Суханова** и др.
Дневникъ и письма — Л. Н. Толстого.

Цѣна книги въ розничной продажѣ 1 р. 25 к.

Подписка принимается: **въ главной конторѣ,** во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Адресъ конторы и редакціи:

Петроградъ, Б. Монетная, 18. — Телеф. 108-91.

Издатель А. Н. Тихоновъ. Редакторъ **А. Ѳ. Радзишевскій.**

ЛѢТОПИСЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

№ 2

ВРАЛЬ 1916

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 19 APR 1906

СОДЕРЖАНІЕ.

		Стр.
I.	И. БУНИНЪ. Стихотворенія: Молодой король. Святитель.	1
II.	СЕРГѢЙ ЕСЕНИНЪ. Стих. Молебенъ.	4
III.	Д. СЕМЕНОВСКІЙ. Стих. Сторожка.	5
IV.	М. ГОРЬКІЙ. Въ людяхъ.	6
V.	Н. НИКАНДРОВЪ. Лѣсъ.	43
VI.	А. НОВОСЕЛОВЪ. Жабья жизнь.	78
VII.	А. БЛОКЪ. Пер. стих. З. ТОПЕЛІУСА, Н. РУНЕБЕРГА и Л. ОНЕРВА.	89
VIII.	В. БРЮСОВЪ. Пер. стих. И. ЭРККО.	92
IX.	М. ГОЛЬДШМИДТЪ. Еврей. Пер. М. БЛАГОВѢЩЕНСКОЙ.	94
X.	НАТАНЪ ВЕНГРОВЪ. Стих. О радости.	148
XI.	В. БАЗАРОВЪ. Усложненіе жизни — упрощеніе мысли.	149
XII.	АРС. АВРААМОВЪ. Народъ и музыка.	170
XIII.	НИК. СУХАНОВЪ. Русская публицистика о происхожденіи войны.	184
XIV.	И. ЧЕРНЫШЕВЪ. Крестьянская реформа и „особый“ путь нашего развитія. (Къ 55-лѣтію крестьянской реформы).	209
XV.	И. Е. РѢПИНЪ. Изъ воспоминаній.	230
XVI.	ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО. ВЯЧ. ПОЛОНСКІЙ. Исповѣдь одного современника.	241
XVII.	ПО РОССІИ. СТ. ВОЛЬСКІЙ. Алчущіе и жаждущіе. — ПУТНИКЪ. Письмо изъ ссылки. — Д. ВОЛКОВЪ. Въ тылу. (Изъ записокъ очевидца).	259
XVIII.	ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. А. ЕРМАНСКІЙ. Политическіе отклики. — В. ТИХОНОВИЧЪ. Театръ „изъ народа“. — А. НИКИТСКІЙ. Финансово-экономическіе планы	292

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. В. ВОЛГИНЪ. Англійскія дѣла. — РАФ. ГРИГОРЬЕВЪ. Изъ итальянскихъ общественныхъ настроеній. (Письмо изъ Рима). 324

XX. БИБЛІОГРАФІЯ. ARS. Валентинъ Горянскій. „Крыломъ по землѣ“. — Т. Г. Любовь Столица. „Елена Дѣева“. — Н. ВЕНГРОВЪ. Борисъ Садовской. „Полдень“. — Д. ВОЛКОВЪ. В. В. Брусянинъ. „Темный ликъ“. — МИХ. ЛЕВИДОВЪ. А. Ремизовъ. „Укрѣпа“. — В. ПОЛОНСКІЙ. Дм. Крачковскій. „Человѣческая весна“. — ПОЛЯКЪ. „Zycie“ („Жизнь“). — Д. ВЫСОДСКІЙ. Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. „О русскомъ стихосложеніи“. — Л. СТАРКЪ. „Извѣстія книжныхъ магазиновъ „Т-ва М. О. Вольфъ“ и „Вѣстникъ Литературы“ № 1. — А. П. Е. Н. Медынскій. „Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника“. — А. П. Проф. Н. М. Книповичъ. „Курсъ общей зоологіи“. — VARTHO. О. Д. Хвольсонъ. „Знаніе и вѣра въ физикѣ“. — М. ПЕТРОВЪ. М. Д. Зажецковъ. „Всероссійскій Земскій Союзъ“. — А. ЕРМАНСКІЙ. П. Г. Мижуевъ. „Сады-города и жилищный вопросъ въ Англіи“. — А. Н—СКІЙ. В. С. Зивъ. „Иностранные капиталы въ русскихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ“. — А. Н. І. М. Кулишеръ. „Германскій экспортъ и борьба съ нимъ“ 347

XXI. КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ 364

XXII. ОБЪЯВЛЕНІЯ 367

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція, изъ уваженія къ труду наборщиковъ, проситъ гг. авторовъ представлять рукописи переписанными на пишущей машинѣ, или совершенно четко перомъ.

На отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ по дѣламъ редакціи — по четвергамъ съ 4 до 6 час.

Пріемъ секретаря — по понедѣльникамъ и четвергамъ съ 2 до 5 час.

Тино-лит. Акц. О-ва „Самообразованіе". П-дъ, Забалканскій пр., № 75.

МОЛОДОЙ КОРОЛЬ.

То не красный голубь метнулся
Темной ночью надъ черной горою —
Въ черной тучѣ метнулась зарница,
Освѣтила плетни и хаты,
Громомъ гремитъ далекимъ.

— Ваша королевская милость,
Говоритъ королю Елена, —
А король на коня садится,
Пробуетъ, крѣпки-ль подпруги,
И лица Елены не видитъ, —
Ваша королевская милость,
Пожалѣйте ваше королевство,
Не ѣздите ночью въ горы:
Вражій станъ, ваша милость, близко.

Король молчитъ, ни слова,
Пробуетъ, крѣпко ли стремя.

— Ваша королевская милость, —
Говоритъ королю Елена,
Пожалѣйте дѣтей своихъ малыхъ,
Молодую жену пожалѣйте,
Жениха моего пошлите!

Король въ отвѣтъ ей ни слова,
Разбираетъ въ темнотѣ поводья,
Смотритъ, какъ свѣтитъ на горѣ зарница.

И заплакала Елена горько
И сказала королю тихо:
— Вы у насъ ночевали въ хатѣ,
Ваша королевская милость,

На бѣду мою ночевали,
На мое великое счастье...
Побудьте еще хоть до свѣта,
Отца моего пошлите!

Не пушки въ горахъ грохочутъ —
Громъ по горамъ ходитъ,
Проливной ливень въ лужахъ плещетъ,
Синяя зарница освѣщаетъ
Дождевыя длинныя иглы,
Вороненую черноту ночи,
Мокрыя соломенныя крыши;
Пѣтухи поютъ по деревнѣ —
То-ли спросонья, съ испугу,
То-ли къ веселой ночи,
Какъ у насъ говорится въ народѣ...
Король сидитъ на крыльцѣ хаты.

Ахъ, хороша, высока Елена!
Смѣло шагаетъ она по навозу,
Ловко засыпаетъ коню корма!

Ив. Бунинъ.

HARVARD COLLEGE LIBRARY · WIDENER LIBRARY

СВЯТИТЕЛЬ.

Твой гробъ, дубовая колода,
Стоялъ открытый, и къ нему
Все шли и шли толпы народа
Въ душистомъ голубомъ дыму.

А на доскѣ, тяжелой, черной,
Былъ смуглый золотой окладъ —
Блисталъ Твой образъ чудотворный
Въ огняхъ малиновыхъ лампадъ.

И осьняя міръ десницей
И въ шуйцу взявъ завѣтъ Христа,
Какъ горько Ты, о темнолицый,
Изсохшія смыкалъ уста!

Ив. Бунинъ.

МОЛЕБЕНЪ.

Заглушила засуха засѣвки,
Сохнетъ рожь и не всходятъ овсы,
На молебенъ съ хоругвями дѣвки
Потащились въ комляхъ полосы.
Собрались прихожане у чащи,
Лихоманную грусть затая.
Загузынилъ дьячишко лядащій
„Спаси Господи люди твоя!“
Открывались небесныя двери,
Дьяконъ бавкнулъ изъ кряжистыхъ силъ:
„Еще молимся, братья, о вѣрѣ,
Чтобы Богъ намъ поля оросилъ!“.
Заливались веселыя птахи,
Крапалъ брыгами попъ изъ горстей.
Стрекотуньи сороки, какъ свахи,
Накликали дождливыхъ гостей.
Зыбко пѣнились зори за рощей,
Какъ холстины ползли облака,
И туманно по быльницѣ тощей
Межъ кустовъ ворковала рѣка.
Скинувъ шапки, молясь и вздыхая,
Говорили промежъ мужики:
— Колосилась-то ярь не плохая,
Да сгубили сухіе деньки!
На конѣ — черной тучицѣ въ санкахъ, —
Билось пламя — шлея... синь и дрожь...
И кричали парнишки въ еланкахъ:
„Дождикъ, дождикъ, полей нашу рожь!“

Сергѣй Есенинъ.

СТОРОЖКА.

За вязью елокъ глухо-шелестящій
Малинникъ выросъ, буенъ, дикъ и густъ.
Малина здѣсь дѣвичьихъ краше устъ,
Краснѣй зари и поцѣлуя слаще.

Въ малинникъ сѣла старица-сторожка.
Окошки-очи мутны и малы,
Она пуста. Въ кусты прямѣй стрѣлы
Метнулася заглохшая дорожка.

Какъ дико здѣсь! Въ пустой дырѣ колодца
Живетъ семейство юркихъ бѣсенятъ,
Къ нимъ въ гости ходятъ черти изъ болотца.

А ели сонно шепчутъ и звенятъ
И, прямо въ тучи упершись верхами,
Качаются надъ хворостомъ и мхами

Д. Семеновскій.

Перепечатка воспрещается. Право на переводъ принадлежитъ автору.

ВЪ ЛЮДЯХЪ.

*Продолженіе *.*

III.

Незамѣтно, какъ маленькая звѣзда на утренней зарѣ, погасъ братъ Коля. Бабушка, онъ и я — спали въ маленькомъ сарайчикѣ, на дровахъ, прикрытыхъ разнымъ тряпьемъ; рядомъ съ нами, за щелевой стѣной изъ горбушинъ, былъ хозяйскій курятникъ, съ вечера мы слышали, какъ встряхивались и клохтали, засыпая, сытыя куры, — утромъ насъ будилъ золотой горластый пѣтухъ.

— О, чтобъ тебя розорвало, — ворчала бабушка, просыпаясь.

Я уже не спалъ, наблюдая, какъ сквозь щели дровяника пробиваются ко мнѣ на постель лучи солнца, а въ нихъ пляшетъ какая-то серебряная пыль — эти пылинки, точно слова въ сказкѣ. Въ дровахъ шуршатъ мыши, бѣгаютъ красненькія букашки съ черными точками на крыльяхъ.

Иногда, уходя отъ душныхъ испареній куринаго помета, я вылѣзалъ изъ дровяника, забирался на крышу его и слѣдилъ, какъ въ домѣ просыпались безглазые люди, огромные, распухшіе во снѣ.

Вотъ высунулась изъ окна волосатая башка лодочника Ферманова, угрюмаго пьяницы; онъ смотритъ на солнце крошечными щелками заплывшихъ глазъ и хрюкаетъ, точно кабанъ. Выбѣжалъ на дворъ дѣдъ, обѣими руками приглаживая рыженькіе волосенки — спѣшитъ въ баню обливаться холодной водой. Болтливая кухарка домохозяина, остроносая, густо обрызганная веснушками, похожа на кукушку, самъ хозяинъ — на стараго, ожирѣвшаго голубя, и всѣ люди напоминаютъ птицъ, животныхъ и звѣрей.

Утро такое милое, ясное, но мнѣ немножко грустно и хочется

---

* См. „Лѣтопись", № 1. 1916 г.

уйти въ поле, гдѣ никого нѣтъ — я ужъ знаю, что люди, какъ всегда, запачкаютъ свѣтлый день.

Однажды, когда я лежалъ на крышѣ, бабушка позвала меня и непромко сказала, кивнувъ головой на свою постель:

— Померъ Коля-то...

Мальчикъ съѣхалъ съ кумача подушки и лежалъ на войлокѣ, синеватый, голенькій, рубашка сбилась къ шеѣ, обнаживъ вздутый животъ и кривыя ножки въ язвахъ, руки странно подложены подъ поясницу, точно онъ хотѣлъ приподнять себя. Голова чуть склонилась на бокъ.

— Слава Богу, отошелъ, — говорила бабушка, расчесывая волосы свои. — Что-бы онъ жилъ, убогонькій-то?

Притопывая, точно танцуя, явился дѣдъ, осторожно потрогалъ пальцемъ закрытые глаза ребенка; — бабушка сердито сказала:

— Что трогаешь немытыми-то руками?

Онъ забормоталъ·

— Вотъ — родили... жилъ, ѣлъ... ни то, ни сё...

— Проснись, — остановила его бабушка.

Онъ слѣпо взглянулъ на нее и пошелъ на дворъ, говоря:

— Мнѣ хоронить не на что, какъ хошь сама...

— Тьфу, ты, несчастный!

Я ушелъ и вплоть до вечера не возвращался домой.

Хоронили Колю утромъ другого дня, я не пошелъ въ церковь и всю обѣдню сидѣлъ у разрытой могилы матери, вмѣстѣ съ собакой и Язевымъ отцомъ. Онъ вырылъ могилу дешево и все хвастался этимъ передо мной.

— Это я только — по знакомству, а то бы — рубль...

Заглядывая въ желтую яму, откуда исходилъ тяжелый запахъ, я видѣлъ въ боку ея черныя, влажныя доски. При малѣйшемъ движеніи моемъ бугорки песку вокругъ могилы осыпались, тонкія струйки текли на дно, оставляя по бокамъ морщины. Я нарочно двигался, чтобы песокъ скрылъ эти доски.

— Не балуй, — сказалъ Язевъ отецъ, покуривая.

Бабушка принесла на рукахъ бѣлый гробикъ, «дрянной мужикъ» прыгнулъ въ яму, принялъ гробъ, поставилъ его рядомъ съ черными досками и, выскочивъ изъ могилы, сталъ толкать туда песокъ и ногами, и лопатой. Трубка его дымилась, точно кадило. Дѣдъ и бабушка тоже молча помогали ему. Не было ни попова, ни нищихъ, только мы четверо въ густой толпѣ крестовъ.

Отдавая деньги сторожу, бабушка сказала съ укоромъ:

HARVARD COLLEGE LIBRARY

— А ты, все-таки, потревожилъ Варину-то домовину...

— Какъ иначе? И то я чужой земли прихватилъ. Это — ничего!

Бабушка поклонилась могилѣ до земли, всхлипнула, взвыла и пошла, а за нею — дѣдъ, скрывъ глаза подъ козырькомъ фуражки, одергивая потертый сюртукъ.

— Сѣяли сѣмя въ непахану землю, — сказалъ онъ вдругъ, убѣгая впередъ, точно воронъ по пашнѣ.

Я спросилъ бабушку:

— Чего онъ?

— Богъ съ нимъ! У него свои мысли, — отвѣтила она.

Было жарко, бабушка шла тяжело, ноги ея тонули въ тепломъ пескѣ, она часто останавливалась, отирая потное лицо платкомъ.

Я спросилъ ее, понатужась:

— Черное-то въ могилѣ — это материнъ гробъ?

— Да, — сказала она сердито. — Пёсъ неумный... Года еще нѣтъ, а сгнила Варя-то! Это все отъ песку, онъ воду пропускаетъ. Кабы глина была, лучше бы...

— Всѣ гніютъ?

— Всѣ. Только святыхъ минуетъ это...

— Ты — не сгніешь!

Она остановилась, поправила картузъ на моей головѣ и серьезно посовѣтовала:

— Не думай-ко про это, не надо. Слышишь?

Но я думалъ: какъ это обидно и противно — смерть! Вотъ гадость! Мнѣ было очень плохо.

Когда пришли домой, дѣдъ уже приготовилъ самоваръ, накрылъ на столъ.

— Попьемъ чайку, а то — жарко, — сказалъ онъ. — Я ужъ своего заварю. На всѣхъ.

Подошелъ къ бабушкѣ и похлопалъ ее по плечу.

— Что, мать, а?

Бабушка махнула рукой.

— Что ужъ тутъ!

— То-то вотъ! Прогнѣвался на насъ Господь, отрываетъ кусокъ за кускомъ... Кабы семьи-то крѣпко жили, какъ пальцы на рукѣ...

Давно не говорилъ онъ такъ мягко и миролюбиво. Я слушалъ его и ждалъ, что старикъ погаситъ мою обиду, поможетъ мнѣ забыть о желтой ямѣ и черныхъ, влажныхъ ключьяхъ въ боку ея.

Но бабушка сурово остановила его:

— Перестань-ко, отецъ! Всю жизнь говоришь ты эти слова, а кому отъ нихъ легче? Всю жизнь ѣлъ ты всѣхъ, какъ ржа желѣзо...

Дѣдъ крякнулъ, взглянулъ на нее и замолчалъ.

Вечеромъ, у воротъ, я съ тоскою повѣдалъ Людмилѣ о томъ, что увидѣлъ утромъ, но это не произвело на нее замѣтнаго впечатлѣнія.

— Сиротой жить лучше. Умри-ка у меня отецъ съ матерью, я бы сестру оставила на брата, а сама — въ монастырь на всю жизнь. Куда мнѣ еще? Замужъ я не гожусь, хромая — не работница. Да еще дѣтей тоже хромыхъ народишь...

Она говорила разумно, какъ всѣ бабы нашей улицы, и, должно быть, съ этого вечера я потерялъ интересъ къ ней; да и жизнь пошла такъ, что я все рѣже встрѣчалъ подругу.

Черезъ нѣсколько дней послѣ смерти брата, дѣдъ сказалъ мнѣ:

— Ложись сегодня раньше, на свѣту — разбужу, въ лѣсъ пойдемъ за дровами...

— А я — травокъ пособираю, — заявила бабушка.

Лѣсъ, еловый и березовый, стоялъ на болотѣ, верстахъ въ трехъ отъ слободы. Обиленъ сухостоемъ и валежникомъ, онъ размахнулся въ одну сторону до Оки, въ другую — шелъ до шоссейной дороги на Москву, и дальше, за дорогу. Надъ его мягкой щетиной чернымъ шатромъ высоко поднималась сосновая чаща — «Савелова грива».

Все это богатство принадлежало графу Шувалову и охранялось плохо; куназинское мѣщанство смотрѣло на него, какъ на свое, собирало валежникъ, рубило сухостой, не брезгуя при случаѣ и живымъ деревомъ. По осени, запасая дрова на зиму, въ лѣсъ снаряжались десятки людей съ топорами и веревками за поясомъ.

Вотъ и мы трое идемъ на разсвѣтѣ по зелено-серебряному росному полю; слѣва отъ насъ, за Окою, надъ рыжими боками Дятловыхъ горъ, надъ бѣлымъ Нижнимъ-Новгородомъ, въ холмахъ зеленыхъ садовъ, въ золотыхъ главахъ церквей, встаетъ, не торопясь, русское лѣнивенькое солнце. Тихій вѣтеръ сонно вѣетъ съ тихой, мутной Оки; качаются золотые лютики, отягченные росою, лиловые колокольчики нѣмотно опустились къ землѣ, разноцвѣтные безсмертники сухо торчатъ на малоплодномъ дернѣ, раскрываетъ алыя звѣзды «ночная красавица» — гвоздика...

Темною ратью двигается лѣсъ встрѣчу намъ. Крылатыя ели, какъ большія птицы; березы, точно дѣвушки. Кислый запахъ болота течетъ по полю. Рядомъ со мною идетъ собака, высунувъ розовый языкъ, останавливается и, принюхавшись, недоумѣнно качаетъ лисьей головой.

Дѣдъ, въ бабушкиной кацавейкѣ, въ старомъ картузѣ безъ козырька, щурится, чему-то улыбается, шагаетъ тонкими ногами осторожно, точно крадется. Бабушка, въ синей кофтѣ, въ черной юбкѣ и бѣломъ платкѣ на головѣ, катится по землѣ споро — за нею трудно поспѣть.

Чѣмъ ближе лѣсъ, тѣмъ оживленнѣе дѣдъ; потягивая воздухъ носомъ, покрякивая, онъ говоритъ вначалѣ отрывисто, невнятно, потомъ, словно пьянѣя, весело и красиво:

— Лѣса — Господни сады. Никто ихъ не сѣялъ, одинъ вѣтеръ Божій, святое дыханіе устъ Его... Бывало, въ молодости, въ Жегуляхъ, когда я бурлакомъ ходилъ... Эхъ, Лексѣй, не доведется тебѣ видѣть-испытать, что мною испытано! На Окѣ лѣса — отъ Касимова до Мурома, али — за Волгой лѣсъ, до Урала идетъ, да! Все это безмѣрно и пречудесно...

Бабушка смотритъ на него искоса и подмигиваетъ мнѣ, а онъ, спотыкаясь о кочки, дробно сыплетъ сухонькія слова, засѣвая ими мою память.

— Вели мы изъ Саратова расшиву съ масломъ къ Макарію на Ярмарку и былъ у насъ прикащикъ Кирилло, изъ Пуреха, а водоливомъ — татаринъ касимовскій, Асафъ, что ли... Дошли до Жегуля, а хватилъ вѣтеръ верховой въ глаза намъ — выбились изъ силушки, встали на мертвую, закачались — сошли на берегъ кашу варить. А май на землѣ, Волга-то — моремъ лежитъ, и волна по ней стайно гуляетъ, — будто лебеди, тысячами, въ Каспій плывутъ. Горы-то Жегули, зеленыя, по вешнему, въ небо взмахнули, въ небушкѣ облака бѣлыя пасутся, солнце таетъ на землю золотомъ. Отдыхаемъ, любуемся, подобрѣли всѣ другъ ко другу; на рѣкѣ-то сиверко, холодно, а на берегу — тепло, душисто! Подъ вечеръ, Кирилло нашъ — суровый былъ мужчина и въ лѣтахъ — всталъ на ноги, шапку снялъ, да и говоритъ: «Ну, ребята, я вамъ болѣ не начальникъ, не слуга, идите — сами, а я въ лѣса отойду!» Мы всѣ встряхнулись — какъ, да что? Намъ, вѣдь, безъ отвѣтнаго передъ хозяиномъ человѣка нельзя — безъ головы люди не ходятъ! Оно — хоть и Волга, а и на прямомъ пути сбиться можно. Народъ — звѣрь безумный, ему — чего жалко? Испугались. А онъ — свое: «Не хочу болѣ эдакъ

житъ, пастухомъ вашимъ, уйду въ лѣса!» Мы было — которые — собрались бить его, да вязать, а — которые — задумались о немъ, кричатъ: стойте! А водоливъ-татаринъ тоже кричитъ: «и я ухожу!» Совсѣмъ бѣда. Ему, татарину, за двѣ путины хозяиномъ не плачено, да полпути въ третьи сдѣлалъ — большія деньги по той порѣ! Кричали, кричали до самой ночи, а къ ночи семеро ушло отъ насъ, остались мы не-то шестнадцать, не-то — четырнадцать. Вотъ-те и лѣсъ!

— Они — въ разбойники ушли?

— Можетъ — въ разбойники, а можетъ — въ отшельники, въ ту пору не очень разбирали эти дѣла...

Бабушка крестится.

— Пресвятая Матерь Божія! Какъ подумаешь про людей-то, такъ станетъ жалко всѣхъ.

— Всѣмъ данъ одинъ разумъ — знай, куда бѣсъ тянетъ...

Входимъ въ лѣсъ по мокрой тропѣ, среди болотныхъ кочекъ и хилаго ельника. Мнѣ кажется, что это очень хорошо — навсегда уйти въ лѣсъ, какъ ушелъ Кирилло изъ Пуреха. Въ лѣсу нѣтъ болтливыхъ людей, дракъ, пьянства, тамъ забудешь о противной жадности дѣда, о песчаной могилѣ матери, обо всемъ, что обижая, давитъ сердце тяжелой скукой.

На сухомъ мѣстѣ бабушка говоритъ:

— Надо закусить, сядемте-ко!

Въ лукошкѣ у нея ржаной хлѣбъ, зеленый лукъ, огурцы, соль и творогъ въ тряпицахъ, дѣдъ смотритъ на все это конфузливо и мигаетъ.

— А я ничего не взялъ ѣды-то, охъ, мать честная...

— Хватитъ на всѣхъ...

Сидимъ, прислонясь къ мѣдному стволу мачтовой сосны; воздухъ насыщенъ смолистымъ запахомъ, съ поля вѣетъ тихій вѣтеръ, качаются хвощи; темной рукою бабушка срываетъ травы и разсказываетъ мнѣ о цѣлебныхъ свойствахъ звѣробоя, буквицы, подорожника, о таинственной силѣ папоротника, клейкаго Иванъ-чая, пыльной травы плавуна.

Дѣдъ рубитъ валежникъ, я долженъ сносить нарубленное въ одно мѣсто, но я незамѣтно ухожу въ чащу, вслѣдъ за бабушкой, она тихонько плаваетъ среди могучихъ стволовъ и, точно ныряя, все склоняется къ землѣ, осыпанной хвоей. Ходитъ и говоритъ сама съ собою:

— Рано опята пошли — мало будетъ гриба! Плохо, Ты, Господи, о бѣдныхъ заботишься, бѣдному и грибъ — лакомство!

Я иду за нею молча, осторожно, заботясь, чтобы она не замѣчала меня — мнѣ не хочется мѣшать ея бесѣдѣ съ Богомъ, травами, лягушками ...

Но она видитъ меня.

— Сбѣжалъ отъ дѣда-то?

И кланяясь черной землѣ, пышно одѣтой въ узорчатую ризу травъ, она говоритъ о томъ, какъ однажды Богъ, во гнѣвѣ на людей, залилъ землю водою и потопилъ все живое.

— А Премилая Мать Его, собрала заранѣ всѣ сѣмена въ лукошко, да и спрятала, а послѣ проситъ солнышко, — осуши землю изъ конца въ конецъ, за то люди тебѣ славу споютъ! Солнышко землю высушило, а Она ее спрятаннымъ зерномъ и засѣяла. Смотритъ Господь — опять обростаетъ земля живымъ — и травами, и скотомъ, и людьми! ... Кто это, говоритъ, надѣлалъ противъ Моей воли? Тутъ Она Ему покаялась, а Господу-то ужъ и самому жалко было видѣть землю пустой, и говоритъ Онъ Ей: это хорошо Ты сдѣлала!

Мнѣ нравится разсказъ, но я удивленъ и пресерьезно говорю:

— Развѣ такъ было? Божья-то Матерь родилась долго спустя послѣ потопа.

Теперь бабушка удивлена.

— Это кто тебѣ сказалъ?

— Въ училищѣ, въ книжкахъ написано ...

Это ее успокаиваетъ, она совѣтуетъ мнѣ:

— А ты брось-ко, забудь это, книжки всѣ; врутъ онѣ, книжки-то!

И смѣется тихонько, весело.

— Придумали, дурачки! Богъ — былъ, а Матери у Него не было, эко! Отъ кого же Онъ родился?

— Не знаю.

— Вотъ — хорошо! До[illegible]не знаю» доучился!

— Попъ говорилъ, что Божья Матерь родилась отъ Іоакима и Анны.

Бабушка уже сердится — стоитъ противъ меня и строго смотритъ прямо въ глаза мнѣ.

— Если ты эдакъ будешь думать, я тебя такъ-то ли отшлепаю!

Но черезъ минуту объясняетъ мнѣ:

— Богородица всегда была, раньше всего! Отъ нея родился Богъ, а потомъ ...

— А Христосъ — какъ же?

Бабушка молчитъ, смущенно закрывъ глаза.

— А Христосъ... да, да, да?

Я вижу, что — побѣдилъ, запуталъ ее въ тайнахъ Божіихъ, и это мнѣ непріятно.

Уходимъ все дальше въ лѣсъ, въ синеватую мглу, изрѣзанную золотыми лучами солнца. Въ теплѣ и уютѣ лѣса тихонько дышитъ какой-то особенный шумъ, мечтательный и возбуждающій мечты. Скрипятъ клесты, звенятъ синицы, смѣется кукушка, свиститъ иволга, немолчно звучитъ ревнивая пѣсня зяблика, задумчиво поетъ странная птица — щуръ. Изумрудныя лягушата прыгаютъ подъ ногами; между корней, поднявъ золотую головку, лежитъ ужъ и стережетъ ихъ. Щелкаетъ бѣлка, въ лапахъ сосенъ мелькаетъ ея пушистый хвостъ; видишь — невѣроятно много, хочется видѣть все больше, идти все дальше.

Между стволовъ сосенъ являются прозрачныя, воздушныя фигуры огромныхъ людей и исчезаютъ въ зеленой густотѣ; сквозь нее просвѣчиваетъ голубое, въ серебрѣ, небо. Подъ ногами пышнымъ ковромъ лежитъ мохъ, расшитый брусничникомъ и сухими нитями клюквы, костяника сверкаетъ въ травѣ каплями крови, грибы дразнятъ крѣпкимъ запахомъ.

— Пресвятая Богородица, ясный свѣтъ земной, — вздыхая, молится бабушка.

Она въ лѣсу точно хозяйка и родная всему вокругъ — она ходитъ медвѣдицей, все видитъ, все хвалитъ и благодаритъ. Отъ нея — точно тепло течетъ по лѣсу, и когда мохъ, примятый ея ногой, расправляется и встаетъ — мнѣ особенно пріятно это видѣть.

Идешь и думаешь: хорошо быть разбойникомъ, грабить жадныхъ, богатыхъ, отдавать награбленное бѣднымъ — пусть всѣ будутъ сыты, веселы, не завистливы и не лаются другъ съ другомъ, какъ злые псы. Хорошо также дойти до бабушкина Бога, до ея Богородицы и сказать имъ всю правду о томъ, какъ плохо живутъ люди, какъ нехорошо, обидно хоронятъ они другъ друга въ дряннномъ пескѣ. И сколько вообще обиднаго, раздражающаго на землѣ, чего вовсе не нужно. Если Богородица повѣритъ мнѣ, пусть дастъ такой умъ, чтобъ я могъ все устроить иначе, получше какъ-нибудь. Пусть бы люди слушали меня съ довѣріемъ— ужъ я бы поискалъ, какъ жить лучше! Это ничего, что я маленькій — Христосъ былъ всего на годъ старше меня, а ужъ въ то время мудрецы его слушали...

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Однажды, ослѣпленный думами, я провалился въ глубокую яму, распоровъ себѣ сучкомъ бокъ и разорвавъ кожу на затылкѣ. Сидѣлъ на днѣ, въ холодной грязи, липкой, какъ омола, и съ великимъ стыдомъ чувствовалъ, что самъ я не вылѣзу, а путать крикомъ бабушку было неловко. Однако, я позвалъ ее.

Она живо вытащила меня и, крестясь говорила:

— Слава Те Господи! Ну, ладно, что пустая берлога, а кабы тамъ да хозяинъ лежалъ?

И заплакала сквозь смѣхъ. Потомъ повела меня къ ручью, вымыла, перевязала раны своей рубашкой, приложивъ какихъ-то листьевъ, утолившихъ боль, и отвела въ желѣзнодорожную будку, — до дому я не могъ дойти, сильно ослабѣвъ.

Я сталъ почти каждый день просить бабушку:

— Пойдемъ въ лѣсъ!

Она охотно соглашалась, и такъ мы прожили все лѣто, до поздней осени, собирая травы, ягоды, грибы и орѣхи. Собранное бабушка продавала и этимъ кормились.

— Дармоѣды! — скрипѣлъ дѣдъ, хотя мы совершенно не пользовались его хлѣбомъ.

Лѣсъ вызвалъ у меня чувство душевнаго покоя и уюта; въ этомъ чувствѣ исчезали всѣ мои огорченія, забывалось непріятное, и въ то же время у меня росла особенная настороженность ощущеній: слухъ и зрѣніе становились острѣе, память — болѣе чуткой, вмѣстилище впечатлѣній — глубже.

И все болѣе удивляла меня бабушка, я привыкъ считать ее существомъ высшимъ всѣхъ людей, самымъ добрымъ и мудрымъ на землѣ, а она неустанно укрѣпляла это убѣжденіе. Какъ-то вечеромъ, набравъ бѣлыхъ грибовъ, мы, по дорогѣ домой, вышли на опушку лѣса, бабушка присѣла отдохнуть, а я зашелъ за деревья — нѣтъ ли еще гриба?

Вдругъ слышу ея голосъ и вижу: сидя на тропѣ, она спокойно срѣзаетъ корни грибовъ, а около нея, вывѣсивъ языкъ, стоитъ сѣрая, поджарая собака.

— А ты иди, иди прочь! — говоритъ бабушка. — Иди съ Богомъ!

Незадолго передъ этимъ Валёкъ отравилъ мою собаку, мнѣ очень захотѣлось приманить эту, новую. Я выбѣжалъ на тропу, собака странно изогнулась, не ворочая шеей, взглянула на меня зеленымъ взглядомъ голодныхъ глазъ и прыгнула въ лѣсъ, поживъ хвостъ. Осанка у нея была не собачья и, когда я свистнулъ, она — дико бросилась въ кусты.

— Видалъ? — улыбаясь спросила бабушка. — А я вначалѣ опозналась, думала — собака, гляжу — анъ клыки-то волчьи, да и шея тоже! Испугалась даже: ну, говорю, коли ты волкъ, такъ иди прочь! Хорошо, что лѣтомъ волки смиренны...

Она никогда не плутала въ лѣсу, безошибочно опредѣляя дорогу къ дому. По запахамъ травъ она знала, какіе грибы должны быть въ этомъ мѣстѣ, какіе — въ иномъ, и часто экзаменовала меня.

— А какое дерево рыжикъ любитъ? А какъ ты отличишь хорошую сыроѣжку отъ ядовитой? А какой грибъ любитъ папоротникъ?

По незамѣтнымъ царапинкамъ на корѣ дерева, она указывала мнѣ бѣличьи дупла, я влѣзалъ на дерево и опустошалъ гнѣзда звѣрька, выбирая изъ него запасы орѣховъ на зиму; иногда въ гнѣздѣ ихъ было фунтовъ до десяти.

И однажды, когда я занимался этимъ дѣломъ, какой-то охотникъ всадилъ мнѣ въ правую сторону тѣла двадцать семь штукъ бекасиной дроби — одиннадцать бабушка выковыряла иглой, а остальныя сидѣли въ моей кожѣ долгіе годы, постепенно выходя.

Бабушкѣ нравилось, что я терпѣливо отношусь къ боли.

— Молодецъ, — хвалила она, — есть терпѣнье — будетъ и умѣнье!

Каждый разъ, когда у нея скоплялось немножко денегъ отъ продажи грибовъ и орѣховъ, она раскладывала ихъ подъ окнами «тихой милостиной» — а сама даже по праздникамъ ходила въ отрепьѣ, въ заплатахъ.

— Хуже нищей ходишь, срамишь меня, — ворчалъ дѣдъ.

— Ничего, я тебѣ — не дочь, я вѣдь не въ невѣстахъ...

Ихъ ссоры становились все болѣе частыми.

— Я не болѣе другихъ грѣшенъ, — обиженно кричалъ дѣдъ, — а наказанъ больше!

Бабушка поддразнивала его:

— Черти вѣрно знаютъ, кто чего стоитъ.

И говорила мнѣ съ глазу на глазъ:

— Боится старикъ мой чортушекъ-то! Вонъ какъ старѣетъ быстро, со страху-то... Эхъ, бѣдный человѣкъ...

Я очень окрѣпъ за лѣто и одичалъ въ лѣсу, утративъ интересъ къ жизни сверстниковъ, къ Людмилѣ — она казалась мнѣ скучно-умной...

Однажды дѣдъ пришелъ изъ города мокрый весь — была

осень, и шли дожди — встряхнулся у порога, какъ воробей, и торжественно сказалъ:

— Ну, шалыганъ, завтра сбирайся на мѣсто!

— Куда еще? — сердито спросила бабушка.

— Къ сестрѣ твоей Матренѣ, къ сыну ея...

— Охъ, отецъ, худо ты выдумалъ!

— Молчи, дура! Можетъ, его чертежникомъ сдѣлаютъ.

Бабушка молча опустила голову.

Вечеромъ я сказалъ Людмилѣ, что ухожу въ городъ, тамъ буду жить.

— И меня скоро повезутъ туда, — сообщила она задумчиво. — Папа хочетъ, чтобы мнѣ вовсе отрѣзали ногу, безъ ноги я буду здоровая.

За лѣто она похудѣла, кожа лица ея стала голубоватой, а глаза выросли.

— Боишься? — спросилъ я.

— Боюсь, — сказала она, беззвучно заплакавъ.

Нечѣмъ было утѣшить ее — я самъ боялся жизни въ городѣ. Мы долго сидѣли въ уныломъ молчаньѣ, прижавшись другъ ко другу.

Будь лѣто, я уговорилъ бы бабушку пойти по міру, какъ она ходила, будучи дѣвочкой. Можно бы и Людмилу взять съ собой — я бы возилъ ее въ телѣжкѣ...

Но была осень, по улицѣ летѣлъ сырой вѣтеръ, небо окутано неизсякаемыми облаками, земля сморщилась, стала грязной и несчастной...

IV.

Я снова въ городѣ, въ двухъ-этажномъ бѣломъ домѣ, похожемъ на гробъ, общій для множества людей. Домъ — новый, но какой-то худосочный, вспухшій, точно нищій, который внезапно разбогатѣлъ и тотчасъ объѣлся до ожирѣнія. Онъ стоитъ бокомъ на улицу, въ каждомъ этажѣ его по восемь оконъ, а тамъ, гдѣ должно бы находиться лицо дома, — по четыре окна; нижнія смотрятъ въ узенькій проѣздъ, на дворъ, верхнія — черезъ заборъ, на маленькій домикъ прачки и въ грязный оврагъ.

Улицы, какъ я привыкъ понимать ее, — нѣтъ; передъ домомъ распластался грязный оврагъ, въ двухъ мѣстахъ его перерѣзали узкія дамбы. Налѣво оврагъ выходитъ къ арестантскимъ ротамъ, въ него сваливаютъ мусоръ со дворовъ, и на днѣ его стоитъ лужа густой, темно-зеленой грязи; направо, въ концѣ оврага,

киснетъ илистый Звѣздинъ прудъ, а центръ оврага — какъ разъ противъ дома; половина — засыпана соромъ, заросла крапивой, лопухами, конскимъ щавелемъ, въ другой половинѣ священникъ Доримедонтъ Покровскій развелъ садъ; въ саду — бесѣдка изъ тонкихъ дранокъ, окрашенныхъ зеленою краскою. Если въ эту бесѣдку бросать камни, — дранки съ трескомъ лопаются.

Мѣсто донельзя скучное, нахально-грязное; осень жестоко изуродовала сорную глинистую землю, претворивъ ее въ рыжую смолу, цѣпко хватающую за ноги. Я никогда еще не видалъ такъ много грязи на пространствѣ столь небольшомъ и, послѣ привычкѣ къ чистотѣ поля, лѣса, этотъ уголъ города возбуждалъ у меня тоску.

За оврагомъ тянутся сѣрые, ветхіе заборы, и далеко среди нихъ я вижу бурый домишко, въ которомъ жилъ зимою, будучи мальчикомъ въ магазинѣ. Близость этого дома еще болѣе угнетаетъ меня. Почему мнѣ снова пришлось жить на этой улицѣ?

Хозяина моего я знаю, онъ бывалъ въ гостяхъ у матери моей вмѣстѣ съ братомъ своимъ, который смѣшно пищалъ:

— Андрей — папа, Андрей — папа.

Они оба такіе же, какъ были: старшій, горбоносый, съ длинными волосами, пріятенъ и, кажется, добрый; младшій, Викторъ, остался съ тѣмъ же лошадинымъ лицомъ и въ такихъ же веснушкахъ. Ихъ мать — сестра моей бабушки — очень сердита и криклива. Старшій — женатъ, жена у него пышная, бѣлая, какъ пшеничный хлѣбъ, у нея большіе глаза, очень темные.

Въ первые же дни она раза два сказала мнѣ:

— Я подарила матери твоей шелковую тальму, со стеклярусомъ...

Мнѣ почему-то не хотѣлось вѣрить, что она подарила, а мать приняла подарокъ. Когда же она напомнила мнѣ объ этой тальмѣ еще разъ, я посовѣтовалъ ей:

— Подарила, такъ ужъ не хвастайся.

Она испуганно отскочила отъ меня.

— Что-о? Ты съ кѣмъ говоришь?

Лицо ея покрылось красными пятнами, глаза выкатились, она позвала мужа.

Онъ пришелъ въ кухню съ циркулемъ въ рукахъ, съ карандашемъ за ухомъ, выслушалъ жену и сказалъ мнѣ:

— Ей и всѣмъ надо говорить — вы! А дерзостей — не надо говорить.

Потомъ нетерпѣливо сказалъ женѣ:

HARVARD COLLEGE LIBRARY • HOUGHTON LIBRARY

— Не безпокой ты меня пустяками!

— Какъ — пустяки? Если твоя родня...

— Чортъ ее возьми, родню! — закричалъ хозяинъ и убѣжалъ.

Мнѣ тоже не нравилось, что эти люди — родня бабушкѣ; по моимъ наблюденіямъ, родственники относятся другъ ко другу хуже чужихъ: больше чужихъ зная другъ о другѣ худого и смѣшного, они злѣе сплетничаютъ, чаще ссорятся и дерутся.

Хозяинъ понравился мнѣ, онъ красиво встряхивалъ волосами, заправляя ихъ за уши, и напоминалъ мнѣ чѣмъ-то «Хорошее дѣло». Часто, съ удовольствіемъ смѣялся, сѣрые глаза смотрѣли добродушно, около ястребинаго носа забавно играли смѣшныя морщинки.

— Довольно вамъ ругаться, звѣри-курицы! — говорилъ онъ женѣ и матери, обнажая мягкой улыбкой мелкіе плотные зубы.

Свекровь и сноха ругались каждый день; меня очень удивляло, какъ легко и быстро онѣ ссорятся. Съ утра, обѣ нечесанныя, растегнутыя, онѣ начинали метаться по комнатамъ, точно въ домѣ случился пожаръ; суетились цѣлый день, отдыхая только за столомъ во время обѣда, вечерняго чая и ужина. Пили и ѣли много, до опьянѣнія, до усталости, за обѣдомъ говорили о кушаньяхъ и лѣнивенько переругивались, готовясь къ большой ссорѣ. Что бы ни изготовила свекровь — сноха непремѣнно говорила:

— А моя мамаша дѣлаетъ это не такъ.

— Не такъ, значитъ — хуже!

— Нѣтъ — лучше!

— Ну, и ступай къ своей мамашѣ.

— Я здѣсь — хозяйка!

— А я — кто?

Вмѣшивался хозяинъ:

— Довольно, звѣри-курицы! Что вы — съ ума сошли?

Въ домѣ все было необъяснимо странно и смѣшно: ходъ изъ кухни въ столовую лежалъ черезъ единственный въ квартирѣ маленькій, узкій клозетъ; черезъ него вносили въ столовую самовары и кушанье, онъ былъ предметомъ веселыхъ шутокъ и — часто — источникомъ смѣшныхъ недоразумѣній. На моей обязанности лежало наливать воду въ бакъ клозета, а спалъ я въ кухнѣ, противъ его двери и у двери на парадное крыльцо: головѣ было жарко отъ кухонной печи, въ ноги дуло съ крыльца; ложась спать, я собиралъ всѣ половики и складывалъ ихъ на ноги себѣ.

Въ большой залѣ, съ двумя зеркалами въ простѣнкахъ, картинами-преміями «Нивы» въ золотомъ багетѣ, съ парой карточныхъ столовъ и дюжиной вѣнскихъ стульевъ, было пустынно и скучно. Маленькая гостиная тѣсно набита пестрой мягкой мебелью, горками съ «приданымъ», серебромъ и чайной посудой, ее украшали три лампы, одна другой больше. Въ темной, безъ оконъ, спальнѣ, кромѣ широкой кровати, стояли сундуки, шкафы, отъ нихъ исходилъ запахъ листоваго табаку и персидской ромашки. Эти три комнаты всегда были пусты, а хозяева тѣснились въ маленькой столовой, мѣшая другъ другу. Тотчасъ послѣ утренняго чая, въ восемь часовъ, хозяинъ съ братомъ раздвигали столъ, раскладывали на немъ листы бѣлой бумаги, готовальни, карандаши, блюдца съ тушью и принимались за работу, одинъ на концѣ стола, другой противъ него. Столъ качался. Онъ загромождалъ всю комнату, и когда изъ дѣтской выходила нянька съ хозяйкой, онѣ задѣвали углы стола.

— Да не шляйтесь вы тутъ! — кричалъ Викторъ.

Хозяйка обиженно просила мужа:

— Вася, скажи ему, чтобъ онъ на меня не оралъ!

— А ты не тряси столъ, — миролюбиво совѣтовалъ хозяинъ.

— Я — беременная, тутъ — тѣсно...

— Ну, мы уйдемъ работать въ зало.

Но хозяйка кричала, негодуя:

— Господи, кто же въ залѣ работаетъ?

Изъ двери клозета высовывается злое, раскаленное огнемъ печи лицо старухи Матрены Ивановны, она кричитъ:

— Вотъ, Вася, гляди: ты работаешь, а она въ четверыхъ комнатахъ отелиться не можетъ. Дворянка съ Гребешка, умишка ни вершка!..

Викторъ ехидно смѣется, а хозяинъ кричитъ:

— Довольно!

Но сноха, обливъ свекровь ручьями ядовитѣйшаго краснорѣчія, валится на стулъ и стонетъ:

— Уйду! Умру!

— Не мѣшайте мнѣ работать, чортъ васъ возьми! — оретъ хозяинъ, блѣдный съ натуги. — Сумасшедшій домъ — вѣдь для васъ же спину ломаю, вамъ на кормъ! О, звѣри-курицы...

Сначала эти ссоры пугали меня, особенно я былъ испуганъ, когда хозяйка, схвативъ столовый ножъ, убѣжала въ клозетъ и, заперевъ обѣ двери, начала дико рычать тамъ. На минуту въ

HARVARD COLLEGE LIBRARY

домѣ стало тихо, потомъ хозяинъ уперся руками въ дверь, согнулся и крикнулъ мнѣ:

— Лѣзь, разбей стекло, сними крючекъ съ пробоя!

Я живо вскочилъ на спину его, вышибъ стекло надъ дверью, но когда нагнулся внизъ — хозяйка усердно начала колотить меня по головѣ черенкомъ ножа. Я, все-таки, успѣлъ отпереть дверь, и хозяинъ, съ боемъ вытащивъ супругу въ столовую, отнялъ у нея ножъ. Сидя въ кухнѣ и потирая избитую голову, я быстро догадался, что пострадалъ зря: ножъ былъ тупой, имъ даже хлѣба кусокъ трудно отрѣзать, а ужъ кожу — никакъ не прорѣжешь; мнѣ не нужно было влѣзать на спину хозяина, я могъ бы разбить стекло со стула и, наконецъ, удобнѣе было снять крючокъ взрослому — руки у него длиннѣе. Послѣ этой исторіи ссоры въ домѣ больше уже не пугали меня.

Братья пѣли въ церковномъ хорѣ; случалось, что они начинали тихонько напѣвать за работой, старшій пѣлъ баритономъ:

— Кольцо души дѣвицы
Я въ мо-ре ур-ронилъ...

Младшій вступалъ теноромъ:

— И съ тѣмъ кольцомъ я счастье
Земное погубилъ.

Изъ дѣтской раздавался тихій возгласъ хозяйки:

— Вы съ ума сошли? Ребенокъ спитъ...

Или:

— Ты, Вася, женатъ, можно и не пѣть о дѣвицахъ, къ чему это? Да скоро и ко всенощной ударятъ...

— Ну, такъ мы — церковное...

Но хозяйка внушала, что церковное вообще неумѣстно пѣть гдѣ-либо, а тутъ еще... — и она краснорѣчиво показала рукою на маленькую дверь.

— Надо будетъ перемѣнить квартиру, а то — чортъ знаетъ что! — говорилъ хозяинъ.

Не менѣе часто онъ говорилъ, что надо перемѣнить столъ, но онъ говорилъ это на протяженіи трехъ лѣтъ.

Слушая бесѣды хозяевъ о людяхъ, я всегда вспоминалъ магазинъ обуви — тамъ говорили такъ же. Мнѣ было ясно, что хозяева тоже считаютъ себя лучшими въ городѣ, они знаютъ самыя точныя правила поведенія и, опираясь на эти правила, — неясныя мнѣ, — судятъ всѣхъ людей безжалостно и безпощадно. Судъ

этотъ вызывалъ у меня лютую тоску и досаду противъ законовъ хозяевъ, нарушать законы — стало источникомъ удовольствія для меня.

Работы у меня было много: я исполнялъ всѣ обязанности горничной, по средамъ мылъ полъ въ кухнѣ, чистилъ самоваръ и всю мѣдную посуду, по субботамъ — мылъ полы всей квартиры и обѣ лѣстницы. Кололъ и носилъ дрова для печей, мылъ посуду, чистилъ овощи, ходилъ съ хозяйкой по базару, таская за нею корзину съ покупками, бѣгалъ въ лавочку, въ аптеку.

Мое ближайшее начальство — сестра бабушки, шумная, неукротимо-гнѣвная старуха, вставала рано, часовъ въ шесть утра, наскоро умывшись, она, въ одной рубахѣ становилась на колѣни передъ образомъ и долго жаловалась Богу на свою жизнь, на дѣтей, на сноху.

— Господи! — со слезами въ голосѣ восклицаетъ она, прижавъ ко лбу пальцы, сложенные щепотью, — Господи, ничего я не прошу, ничего мнѣ не надо — дай только отдохнуть, успокой меня, Господи, силою Твоею!

Ея вопли будили меня, проснувшись, я смотрѣлъ изъ-подъ одѣяла и со страхомъ слушалъ жаркую молитву. Осеннее утро мутно заглядываетъ въ окно кухни, сквозь стекла, облитыя дождемъ; на полу, въ холодномъ сумракѣ, качается сѣрая фигура, тревожно размахивая рукою; съ ея маленькой головы изъ-подъ сбитаго платка осыпались на шею и плечи жиденькіе свѣтлые волосы, платокъ все время спадалъ съ головы, старуха, рѣзко поправляя его лѣвой рукой, бормочетъ:

— А, чтобъ-те розорвало!

Съ размаха бьетъ себя по лбу, по животу, плечамъ и шипитъ:

— А сноху — накажи, Господи, меня ради; зачти ей всѣ, всѣ обиды мои! И открой глаза сыну моему, — на нее открой и на Викторушку! Господи, помоги Викторушкѣ, подай ему милостей Твоихъ...

Викторушка спитъ тутъ же въ кухнѣ, на полатяхъ; разбуженный стонами матери, онъ кричитъ соннымъ голосомъ:

— Мамаша, опять вы орете спозаранку! Это просто бѣда!

— Ну, ну, спи себѣ, — виновато шепчетъ старуха. Минуту, двѣ качается молча и вдругъ снова мстительно возглашаетъ: — И чтобъ пострѣлило ихъ въ кости и ни дна бы имъ, ни покрышки, Господи...

Такъ страшно даже дѣдушка мой не молился.

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Помолясь, она будила меня:

— Вставай, будетъ дрыхнуть, не за тѣмъ живешь!... Ставь самоваръ, дровъ неси — лучины-то не приготовилъ съ вечера? У!

Я стараюсь дѣлать все быстро, только бы не слышать шипучаго шопота старухи, но угодить ей — невозможно; она носится по кухнѣ, какъ зимняя вьюга, и шипитъ, завывая:

— Тише, бѣсъ! Викторушку разбудишь, я-те задамъ! Бѣги въ лавочку...

По буднямъ къ утреннему чаю покупали два фунта пшеничнаго хлѣба и на двѣ копейки грошевыхъ булочекъ для молодой хозяйки. Когда я приносилъ хлѣбъ, женщины подозрительно осматривали его и, взвѣшивая на ладони, спрашивали:

— А привѣска не было? Нѣтъ? Ну-ка, открой ротъ!

И торжествующе кричали:

— Сожралъ привѣсокъ, вонъ крошки-то въ зубахъ! Вотъ, видишь, Вася...

...Работалъ я охотно, мнѣ нравилось уничтожать грязь въ домѣ, мыть полы, чистить мѣдную посуду, отдушники, ручки дверей; я не однажды слышалъ, какъ въ мирные часы женщины говорили про меня:

— Усердный.

— Чистоплотенъ.

— Только дерзокъ очень.

— Ну, матушка, кто-жъ его воспитывалъ!

И обѣ старались воспитывать во мнѣ почтеніе къ нимъ, но я считалъ ихъ полоумными, не любилъ, не слушалъ и разговаривалъ съ ними зубъ-за-зубъ. Молодая хозяйка, должно быть, замѣчала, какъ плохо дѣйствуютъ на меня нѣкоторыя рѣчи, и поэтому все чаще говорила:

— Ты долженъ помнить, что взятъ изъ нищей семьи! Я твоей матери шелковую тальму подарила. Со стеклярусомъ!

Однажды я сказалъ ей:

— Что же мнѣ за эту тальму шкуру снять съ себя для васъ?

— Батюшки, да онъ поджечь можетъ! — испуганно вскричала хозяйка.

Я былъ крайне удивленъ: почему — поджечь?

Онѣ обѣ то и дѣло жаловались на меня хозяину, а хозяинъ говорилъ мнѣ строго:

— Ты, братъ, смотри у меня!

Но однажды онъ равнодушно сказалъ женѣ и матери:

— Тоже и вы хороши! Ѣздите на мальчишкѣ, какъ на ме-

ринъ, другой бы давно убѣжалъ, али издохъ отъ такой работы..

Это разсердило женщинъ до слезъ, жена, топая ногою, кричала изступленно:

— Да развѣ можно при немъ такъ говорить, дуракъ ты длинноволосый! Что же я для него, послѣ этихъ словъ? Я женщина беременная.

Мать выла плачевно:

— Богъ тебя прости, Василій, только — помяни мое слово — испортишь ты мальчишку!

Когда онѣ ушли, въ гнѣвѣ, хозяинъ строго сказалъ:

— Видишь, чортушка, какой шумъ изъ-за тебя? Вотъ я отправлю тебя къ дѣдушкѣ и будешь снова тряпичникомъ!

Не стерпѣвъ обиды, я сказалъ:

— Тряпичникомъ-то лучше жить, чѣмъ у васъ! Приняли въ ученики, а чему учите? Помои выносить...

Хозяинъ взялъ меня за волосы, безъ боли, осторожно, и заглядывая въ глаза мнѣ, сказалъ удивленно:

— Однако, ты ершъ! Это, братъ, мнѣ не годится, нѣ-ѣтъ...

Я думалъ — меня прогонятъ, но черезъ день онъ пришелъ въ кухню съ трубкой толстой бумаги въ рукахъ, съ карандашемъ, угольникомъ и линейкой.

— Кончишь чистить ножи — нарисуй вотъ это!

На листѣ бумаги былъ изображенъ фасадъ двухъ-этажнаго дома со множествомъ оконъ и лѣпныхъ украшеній.

— Вотъ тебѣ циркуль! Смѣряй всѣ линіи, нанеси концы ихъ на бумагу точками, потомъ проведи по линейкѣ карандашомъ отъ точки до точки. Сначала вдоль — это будетъ горизонтальныя, потомъ — поперекъ, это — вертикальныя. Валяй!

Я очень обрадовался чистой работѣ и началу ученія, но смотрѣлъ на бумагу и инструменты съ благоговѣйнымъ страхомъ, ничего не понимая.

Однако, тотчасъ же, вымывъ руки, сѣлъ учиться. Провелъ на листѣ всѣ горизонтальныя, свѣрилъ — хорошо! Хотя три оказались лишними. Провелъ всѣ вертикальныя и съ изумленіемъ увидалъ, что лицо дома нелѣпо исказилось: окна перебрались на мѣста простѣнковъ, а одно, выѣхавъ за стѣну, висѣло въ воздухѣ, по сосѣдству съ домомъ. Парадное крыльцо тоже поднялось на воздухъ до высоты второго этажа, карнизъ очутился посрединѣ крыши, слуховое окно — на трубѣ.

Я долго, чуть не со слезами, смотрѣлъ на эти непоправимыя чудеса, пытаясь, понять какъ они совершились? И не понявъ,

рѣшилъ исправить дѣло помощью фантазіи: нарисовалъ по фасаду дома на всѣхъ карнизахъ и на гребнѣ крыши воронъ, голубей, воробьевъ, а на землѣ передъ окномъ — кривоногихъ людей, подъ зонтиками, не совсѣмъ прикрывшими ихъ уродства. Затѣмъ исчертилъ все это наискось полосками и отнесъ работу учителю.

Онъ высоко поднялъ брови, взбилъ волосы и угрюмо освѣдомился:

— Это что же такое?

— Дождикъ идетъ, — объяснилъ я. — При дождѣ всѣ дома кажутся кривыми, потому что дождикъ самъ — кривой всегда. Птицы — вотъ это все птицы — спрятались на карнизахъ Такъ всегда бываетъ въ дождь. А это — люди бѣгутъ домой, вотъ — барыня упала, а это разносчикъ съ лимонами...

— Покорно благодарю, — сказалъ хозяинъ и, склонясь надъ столомъ, сметая бумагу волосами, захохоталъ, закричалъ. — Охъ, чтобъ тебя вдребезги разнесло, звѣрь-воробей!

Пришла хозяйка, покачивая животомъ, какъ боченкомъ, посмотрѣла на мой трудъ и сказала мужу:

— Ты его выпори!

Но хозяинъ миролюбиво замѣтилъ:

— Ничего, я самъ начиналъ не лучше...

Отмѣтивъ краснымъ карандашомъ разрушенія фасада, онъ далъ мнѣ еще бумаги.

— Валяй еще разъ! Будешь чертить это, пока не добьешься толку...

Вторая копія у меня вышла лучше, только окно оказалось на двери крыльца. Но мнѣ не понравилось, что домъ пустой, и я населилъ его разными жителями: въ окнахъ сидѣли барыни съ вѣерами въ рукахъ, кавалеры съ папиросами, а одинъ изъ нихъ, некурящій, показывалъ всѣмъ длинный носъ. У крыльца стоялъ извозчикъ и лежала собака.

— Зачѣмъ же ты опять напачкалъ? — сердито спросилъ хозяинъ.

Я объяснилъ ему, что безъ людей — скучно очень, но онъ сталъ ругаться.

— Къ чорту все это! Если хочешь учиться — учись! А это — озорство...

Когда мнѣ, наконецъ, удалось сдѣлать копію фасада похожей на оригиналъ, это ему понравилось.

— Вотъ видишь, сумѣлъ же! Эдакъ, пожалуй, мы съ тобой дойдемъ до дѣла скоро...

И задалъ мнѣ урокъ:

— Сдѣлай планъ квартиры: какъ расположены комнаты, гдѣ двери, окна, гдѣ что стоитъ? Я указывать ничего не буду — дѣлай самъ!

Я пошелъ въ кухню и задумался — съ чего начать?

Но на этой точкѣ и остановилось мое изученіе чертежнаго искусства.

Подошла ко мнѣ старуха-хозяйка и зловѣще спросила:

— Чертить хочешь?

Схвативъ за волосы, она ткнула меня лицомъ въ столъ такъ, что я разбилъ себѣ носъ и губы, а она, подпрыгивая, изорвала чертежъ, сошвырнула со стола инструменты и, уперевъ руки въ бока, побѣдоносно закричала:

— На, черти. Нѣтъ, это не сойдется! Чтобы чужой работалъ, а брата единаго, родную кровь — прочь?

Прибѣжалъ хозяинъ, приплыла его жена, и начался дикій скандалъ — всѣ трое наскакивали другъ на друга, плевались, выли, а кончилось это тѣмъ, что, когда бабы разошлись плакать, хозяинъ сказалъ мнѣ:

— Ты покуда брось все это, не учись — самъ видишь, вонъ что выходитъ!

Мнѣ было жалко его — такой онъ измятый, беззащитный и навѣки оглушенъ криками бабъ.

Я и раньше понималъ, что старуха не хочетъ, чтобы я учился, нарочно мѣшаетъ мнѣ въ этомъ. Прежде чѣмъ сѣсть за чертежъ, я всегда спрашивалъ ее:

— Дѣлать нечего?

Она хмуро отвѣчала:

— Когда будетъ — скажу, торчи, знай, за столомъ, балуйся...

И черезъ нѣкоторое время посылала меня куда-нибудь, или говорила:

— Какъ у тебя парадная лѣстница выметена? Въ углахъ — сорье, пыль! Иди, мети...

Я шелъ, смотрѣлъ — пыли не было.

— Ты спорить противъ меня? — кричала она.

Однажды она облила мнѣ всѣ чертежи квасомъ, другой разъ опрокинула на нихъ лампаду масла отъ иконъ, — она озорничала, точно дѣвчонка, съ дѣтской хитростью и съ дѣтскимъ неумѣньемъ скрыть хитрости. Ни прежде, ни послѣ я не видалъ человѣка, который раздражался бы такъ быстро и легко, какъ она, и такъ страстно любилъ бы жаловаться на всѣхъ и на все.

Люди вообще и всѣ любятъ жаловаться, но она дѣлала это съ наслажденіемъ особеннымъ, точно пѣсню пѣла.

Ея любовь къ сыну была подобна безумію, смѣшила и пугала меня своей силой, которую я не могу назвать иначе, какъ яростной силой. Бывало, послѣ утренней молитвы, она встанетъ на приступокъ печи и, положивъ локти на крайнюю доску полатей, горячо шипитъ:

— Случайный ты мой, Божій, кровинушка моя горячая, чистая, алмазная, ангельское перо легкое! Спитъ, — спи, ребенокъ, одѣнь твою душеньку веселый сонъ, приснись тебѣ невѣстушка, первая раскрасавица, королевишна, богачка, купецкая дочь! А недругамъ твоимъ — не родясь издохнуть, а дружкамъ — жить имъ до ста лѣтъ, а дѣвицы бы за тобой — стаями, какъ утки за селезнемъ!

Мнѣ нестерпимо смѣшно — грубый и лѣнивый Викторъ похожъ на дятла: такой же пестрый, большеносый, такой же упрямый и тупой.

Шопотъ матери иногда будилъ его, и онъ бормоталъ сонно.

— Подите вы къ чорту, мамаша, что вы тутъ фыркаете прямо въ рожу мнѣ!.. Жить нельзя!

Иногда она покорно слѣзала съ приступка, усмѣхаясь:

— Ну, спи, спи... грубьянъ!

Но бывало и такъ: ноги ея подгибались, шлепнувшись на край печи, она, открывъ ротъ, громко дышала, точно обожгла языкъ, и клокотали жгучія слова:

— Та-акъ? Это ты мать къ чорту послалъ, сукинъ сынъ? Ахъ, ты, стыдъ мой полуночный, заноза проклятая, дьяволъ тебя въ душу мою засадилъ, сгнить бы тебѣ до рожденія!

Она говорила слова грязныя, слова пьяной улицы — было жутко слышать ихъ.

Спала она мало, безпокойно, вскакивая съ печи иногда по нѣсколько разъ въ ночь, валилась на диванъ ко мнѣ и будила меня.

— Что вы?

— Молчи, — шептала она крестясь, присматриваясь къ чему-то въ темнотѣ. — Господи... Илья пророкъ... Великомученица Варвара... сохрани нечаянныя смерти...

Дрожащей рукой она зажигала свѣчу. Ея круглое носатое лицо напряженно надувалось, сѣрые глаза, тревожно мигая, присматривались къ вещамъ, измѣненнымъ сумракомъ. Кухня — большая, но загромождена шкапами, сундуками, ночью она кажется маленькой. Въ ней тихонько живутъ лунные лучи, дрожитъ ого-

некъ неугасимой лампады предъ образами, на стѣнѣ сверкаютъ ножи, какъ ледяныя сосульки, на полкахъ — черныя сковородки, чьи-то безглазыя рожи.

Старуха слѣзала съ печи осторожно, точно съ берега рѣки — въ воду, и, шлепая босыми ногами, шла въ уголъ, гдѣ надъ лоханью для помоевъ висѣлъ ушастый рукомойникъ, напоминая отрубленную голову, тамъ же стояла кадка съ водой.

Захлебываясь и вздыхая, она пила воду, потомъ смотрѣла въ окно, сквозь голубой узоръ инея на стеклахъ.

— Помилуй мя, Боже, помилуй мя, — проситъ она шопотомъ.

Иногда, погасивъ свѣчу, опускалась на колѣни и обиженно шептѣла:

— Кто меня любитъ, Господи, кому я нужна?

Влѣзая на печь и перекрестивъ дверцу въ трубѣ, она щупала, плотно ли лежатъ вьюшки, выпачкавъ руки сажей, отчаянно ругалась и какъ-то сразу засыпала, точно ее пришибла невидимая сила. Когда я былъ обиженъ ею, я думалъ: жаль, что не на ней женился дѣдушка, вотъ бы грызла она его! Да и ей доставалось бы на орѣхи. Обижала она меня часто, но бывали дни, когда пухлое, ватное лицо ея становилось грустнымъ, глаза тонули въ слезахъ, и она очень убѣдительно говорила:

— Ты думаешь — легко мнѣ? Родила дѣтей, няньчила, на ноги ставила — для чего? Вотъ — живу кухаркой у нихъ, сладко это мнѣ? Привелъ сынъ чужую бабу и промѣнялъ на нее свою кровь — хорошо это? Ну?

— Нехорошо, — искренно говорилъ я.

— Ага? То-то...

И она начинала безстыдно говорить о снохѣ:

— Бывала я съ нею въ банѣ, видѣла ее! На что польстился? Такія ли красавицами зовутся?..

Объ отношеніяхъ мужчинъ къ женщинамъ она говорила всегда изумительно грязно; сначала ея рѣчи вызывали у меня отвращеніе, но скоро я привыкъ слушать ихъ внимательно, съ большимъ интересомъ, чувствуя за этими рѣчами какую-то тяжкую правду.

— Баба — сила, она самого Бога обманула, вотъ какъ! — жужжала она, пристукивая ладонью по столу. — Изъ-за Евы всѣ люди въ адъ идутъ, на-ко вотъ!

О силѣ женщины она могла говорить безъ конца, и мнѣ всегда казалось, что этими разговорами она хочетъ кого-то напугать. Я особенно запомнилъ, что «Ева — Бога обманула».

На дворѣ нашемъ стоялъ флигель, такой же большой домъ; изъ восьми квартиръ двухъ зданій, въ четырехъ жили офицеры, въ пятой — полковой священникъ. Весь дворъ былъ полонъ деньщиками, вѣстовыми, къ нимъ ходили прачки, горничныя, кухарки; во всѣхъ кухняхъ постоянно разыгрывались романы и драмы, со слезами, бранью, дракой. Дрались солдаты другъ съ другомъ, съ землекопами, рабочими домохозяина; били женщинъ. На дворѣ постоянно кипѣло то, что называется развратомъ, распутствомъ, — звѣриный, неукротимый голодъ здоровыхъ парней. Эта жизнь, насыщенная жестокой чувственностью, безсмысленнымъ мучительствомъ, грязной хвастливостью побѣдителей, подробно и цинично обсуждалась моими хозяевами, за обѣдомъ, вечернимъ чаемъ и ужиномъ. Старуха всегда знала всѣ исторіи на дворѣ и разсказывала ихъ горячо, злорадно.

Молодая слушала эти разсказы, молча улыбаясь пухлыми губами, Викторъ хохоталъ, а хозяинъ, морщась, говорилъ:

— Довольно, мамаша ...

— Господи, ужъ и слова мнѣ нельзя сказать! — жаловалась разсказчица.

Викторъ поощрялъ ее:

— Валяйте, мамаша, чего стѣсняться! Все свои вѣдь ...

Я не понималъ — почему при своихъ надо говорить безстыдно?

Старшій сынъ относился къ матери съ брезгливымъ сожалѣніемъ, избѣгалъ оставаться съ нею одинъ на одинъ, а если это случалось, мать закидывала его жалобами на жену, и обязательно просила денегъ. Онъ торопливо совалъ ей въ руку рубль, три, нѣсколько серебряныхъ монетъ.

— Напрасно вы, мамаша, берете деньги, не жалко мнѣ ихъ, а — напрасно!

— Я вѣдь для нищихъ, я — на свѣчи, въ церковь ...

— Ну, какіе тамъ нищіе! Испортите вы Виктора въ конецъ.

— Не любишь ты брата, великій грѣхъ на тебѣ!

Онъ уходилъ, отмахиваясь отъ нея.

Викторъ обращался съ матерью грубо, насмѣшливо. Онъ былъ очень прожорливъ, всегда голодалъ. По воскресеньямъ мать пекла оладьи и всегда прятала нѣсколько штукъ въ горшокъ, ставя его подъ диванъ, на которомъ я спалъ; приходя отъ обѣдни, Викторъ доставалъ горшокъ и ворчалъ:

— Не могла больше-то, гвозди-козыри!

— А ты жри скорѣе, чтобы не увидали ...

— Я нарочно скажу, какъ ты для меня оладьи воруешь, вилки въ затылкѣ!

Однажды я досталъ горшокъ и съѣлъ пару оладей — Викторъ избилъ меня за это. Онъ не любилъ меня такъ же, какъ и я его, издѣвался надо мною, заставлялъ по три раза въ день чистить его сапоги, а ложась спать на полати, раздвигалъ доски и плевалъ въ щели, стараясь попасть мнѣ на голову.

Должно быть, подражая брату, который часто говорилъ «звѣри-курицы», Викторъ тоже употреблялъ поговорки, но всѣ онѣ были удивительно нелѣпы и безсмысленны.

— Мамаша — кругомъ направо! — гдѣ мои носки?

Онъ преслѣдовалъ меня глупыми вопросами:

— Алешка, отвѣчай: почему пишется — синенькій, а говорится — финики? Почему говорятъ — колокола, а не — около кола? Почему — къ дереву, а не — гдѣ плачу?

Мнѣ не нравилось, какъ всѣ они говорятъ; воспитанный на красивомъ языкѣ бабушки и дѣда, я вначалѣ не понималъ такія соединенія несоединимыхъ словъ, какъ «ужасно смѣшно», «до смерти хочу ѣсть», «страшно весело»; мнѣ казалось, что смѣшное не можетъ быть ужаснымъ, веселое — не страшно, и всѣ люди ѣдятъ вплоть до дня смерти.

Я спрашивалъ ихъ:

— Развѣ можно такъ говорить?

Они ругались:

— Какой учитель, скажите! Вотъ — нарвать уши...

Но и «нарвать уши» казалось мнѣ неправильнымъ: нарвать можно травы, цвѣтовъ, орѣховъ.

Они пытались доказать мнѣ, что уши тоже можно рвать, но это не убѣждало меня, и я съ торжествомъ говорилъ:

— А, все-таки, уши-то не оторваны!

Кругомъ было такъ много жестокаго озорства, грязнаго безстыдства — неизмѣримо больше, чѣмъ на улицахъ Кунавина, обильнаго «публичными домами», «гулящими» дѣвицами. Въ Кунавинѣ за грязью и озорствомъ чувствовалось нѣчто, объяснявшее неизбѣжность озорства и грязи: трудная, полуголодная жизнь, тяжелая работа. Здѣсь жили сытно и легко, работу замѣняла непонятная, ненужная сутолока, суета. И на всемъ здѣсь лежала какая-то ѣдкая, раздражающая скука.

Плохо мнѣ жилось, но еще хуже чувствовалъ я себя, когда приходила въ гости ко мнѣ бабушка. Она являлась съ чернаго крыльца, входя въ кухню крестилась на образа, потомъ въ поясъ

HARVARD COLLEGE LIBRARY

кланялась младшей сестрѣ, и этотъ поклонъ, точно многопудовая тяжесть, сгибалъ меня, душилъ.

— А, это ты, Акулина, — небрежно и холодно встрѣчала бабушку моя хозяйка.

Я не узналъ бабушки: скромно поджавъ губы, незнакомо измѣнивъ все лицо, она тихонько садилась на скамью у двери, около лохани съ помоями, и молчала, какъ виноватая, отвѣчая на вопросы сестры тихо, покорно.

Это мучило меня, и я сердито говорилъ:

— Что ты гдѣ сѣла?

Ласково подмигнувъ мнѣ, она отзывалась внушительно:

— А ты помалкивай, ты здѣсь не хозяинъ!

— Онъ всегда суется не въ свое дѣло, хоть бей его, хоть ругай, — начинала хозяйка свои жалобы.

Нерѣдко она злорадно спрашивала сестру:

— Что, Акулина, нищенкой живешь?

— Эка бѣда...

— И все — не бѣда, коли нѣтъ стыда.

— Говорятъ — Христосъ тоже милостиной жилъ...

— Болваны это говорятъ, еретики, а ты, старая дура, слушаешь! Христосъ — не нищій, а — Сынъ Божій, онъ придетъ, сказано, со славою судить живыхъ и мертвыхъ — и мертвыхъ, помни! Отъ Него не спрячешься, матушка, хоть въ пепелъ сожгись... Онъ тебѣ съ Васильемъ отплатитъ за гордость вашу, за меня, какъ я, бывало, помощи просила у васъ, богатыхъ...

— Я вѣдь посильно помогала тебѣ, — равнодушно говорила бабушка. — А Господь намъ отплатилъ, ты знаешь...

— Мало вамъ! Мало...

Сестра долго пилила и скребла бабушку своимъ неутомимымъ языкомъ, а я слушалъ ея злой визгъ и тоскливо недоумѣвалъ: какъ можетъ бабушка терпѣть это? И не любилъ ее въ такія минуты.

Выходила изъ комнатъ молодая хозяйка, благосклонно кивала головою бабушкѣ.

— Идите въ столовую, ничего, идите!

Сестра кричала во слѣдъ бабушкѣ:

— Ноги оботри, деревня еловая, на болотѣ строена!

Хозяинъ встрѣчалъ бабушку весело:

— А, премудрая Акулина, какъ живешь? Старичокъ Каширинъ дышитъ?

Бабушка улыбалась ему своей улыбкой изъ души.

— Все пишешься, работаешь?

— Все работаю! Какъ — арестантъ.

Съ нимъ бабушка говорила ласково и хорошо, но — какъ старшая. Иногда онъ вспоминалъ мою мать:

— Да-а, Варвара Васильевна... Какая женщина была — богатырь, а?

Жена его обращалась къ бабушкѣ и вставляла слово:

— Помните, я ей тальму подарила, черную, шелковую, со стеклярусомъ?

— Какъ же...

— Совсѣмъ еще хорошая тальма была...

— Д-да, — бормоталъ хозяинъ, — тальма, пальма, а жизнь — шельма!

— Что это ты говоришь? — подозрительно спрашивала его жена.

— Я? Такъ себѣ... Дни веселые проходятъ, люди хорошіе проходятъ...

— Не понимаю я — къ чему это у тебя? — безпокоилась хозяйка.

Потомъ бабушку уводятъ смотрѣть новорожденнаго, я собираю со стола грязную чайную посуду, а хозяинъ говоритъ мнѣ негромко и задумчиво:

— Хороша старуха, бабушка твоя...

Я глубоко благодаренъ ему за эти слова, а, оставшись глазъ на глазъ съ бабушкой, говорю ей, съ болью въ душѣ:

— Зачѣмъ ты ходишь сюда, зачѣмъ? Вѣдь ты видишь, какіе они...

— Эхъ, Олеша, я — все вижу, — отвѣчаетъ она, глядя на меня съ доброй усмѣшкой на чудесномъ лицѣ, и мнѣ становится совѣстно — ну, разумѣется, она все видитъ, все знаетъ, знаетъ и то, что живетъ въ моей душѣ этой минутою.

Осторожно оглянувшись, не идетъ ли кто, она обнимаетъ меня, задушевно говоря:

— Не пришла бы я сюда, кабы не ты здѣсь, — зачѣмъ они мнѣ? Да дѣдушка захворалъ, провозилась я съ нимъ, не работала, денегъ нѣту у меня... А сынъ, Михайло, — Сашу прогналъ, поить-кормить надо его. Они обѣщали за тебя шесть рублей въ годъ давать, вотъ я и думаю, не дадутъ ли хоть цѣлковый? Ты вѣдь около полугода прожилъ ужъ...

И шепчетъ на ухо мнѣ:

— Они велѣли пожурить тебя, поругать, не слушаешься ни-

кого, говорятъ. Ужъ ты бы, голуба-душа, пожилъ у нихъ, потерпѣлъ годочка два, пока окрѣпнешь! Потерпи, а?

Я обѣщалъ терпѣть. Это очень трудно. Меня давитъ эта жизнь, нищая, скучная, вся въ суетѣ ради ѣды, и я живу, какъ во снѣ.

Иногда мнѣ думается — надо убѣжать. Но стоитъ окаянная зима, по ночамъ воютъ вьюги, на чердакѣ воэится вѣтеръ, трещатъ стропила, сжатыя морозомъ, — куда убѣжишь?

* * *

Гулять меня не пускали, да и времени не было гулять — короткій зимній день истлѣвалъ въ суетѣ домашней работы неуловимо быстро.

Но я обязанъ былъ ходить въ церковь; по субботамъ — ко всенощной, по праздникамъ — къ поздней обѣднѣ.

Мнѣ нравилось бывать въ церквахъ; стоя гдѣ-нибудь въ углу, гдѣ просторнѣе и темнѣй, я любилъ смотрѣть издали на иконостасъ — онъ точно плавится въ огняхъ свѣчъ, стекая густо-золотыми ручьями на сѣрый каменный полъ амвона; тихонько шевелятся темныя фигуры иконъ; весело трепещетъ золотое кружево царскихъ вратъ, огни свѣчъ повисли въ синеватомъ воздухѣ, точно золотыя пчелы, а головы женщинъ и дѣвушекъ похожи на цвѣты.

Все вокругъ гармонично слито съ пѣньемъ хора, все живетъ странною жизнью сказки, вся церковь медленно покачивается, точно люлька, — качается въ густой, какъ смола, темной пустотѣ.

Иногда мнѣ казалось, что церковь погружена глубоко въ воду озера, спряталась отъ земли, чтобы жить особенною, ни на что не похожею жизнью. Вѣроятно, это ощущеніе было вызвано у меня разсказомъ бабушки о градѣ Китежѣ, и часто я, дремотно покачиваясь вмѣстѣ со всѣмъ окружающимъ, убаюканный пѣньемъ хора, шорохомъ молитвъ, вздохами людей, твердилъ про себя пѣвучій, грустный разсказъ:

— Обложили окаянные татарове,
Да своей поганой силищей,
Обложили они славенъ Китежъ-градъ,
Да во свѣтлый часъ, заутренній...
Ой ли, Господи, Боже нашъ,
Пресвятая Богородица!
Ой, сподобьте вы рабей своихъ
Достоять имъ службу утреннюю,
Дослушать святое писаніе!
Ой, не дайте татарину
Святу церкву на глумленіе,
Женъ, дѣвицъ — на посрамленіе,

Малыхъ дѣтушекъ — на игрищѣ,
Старыхъ старцевъ на смерть лютую!
А услышалъ Господь Саваоѳъ,
Услыхала Богородица
Тѣ людскія воздыханія
Христіанскія жалости.
И сказалъ Господь Саваоѳъ
Свѣтъ Архангелѣ Михаилѣ:
— А поди-ко ты, Михайло,
Сотряхни землю подъ Китежомъ,
Погрузи Китежъ во озеро;
Инъ пускай тамъ люди молятся
Безъ отдыху, да безъ устали
Отъ заутрени до всенощной
Всѣ святы службы церковныя
Во вѣки и вѣка вѣковъ!

Въ тѣ годы я былъ наполненъ стихами бабушки, какъ улей медомъ, кажется, я и думалъ въ формахъ ея стиховъ.

Въ церкви я не молился, было неловко предъ Богомъ бабушки повторять сердитыя дѣдовы молитвы и плачевные псалмы; я былъ увѣренъ, что бабушкину Богу это не можетъ нравиться, такъ же, какъ не нравилось мнѣ, да къ тому же, онѣ напечатаны въ книгахъ, значитъ, — Богъ знаетъ ихъ на память, какъ и всѣ грамотные люди.

Поэтому, въ церкви, въ тѣ минуты, когда сердце сжималось сладкой печалью о чемъ-то, или когда его кусали и царапали маленькія обиды истекшаго дня, я старался сочинять свои молитвы; стоило мнѣ задуматься о невеселой долѣ моей — сами собою, безъ усилій, слова слагались въ жалобы:

— Господи, Господи — скушно мнѣ!
Хоть-бы ужъ скорѣе вырости!
А то — жить терпѣнья нѣтъ,
Хоть удавись — Господи прости!
Изъ ученья — не выходитъ толку.
Чортова кукла, бабушка Матрена
Рычитъ на меня волкомъ,
И жить мнѣ — очень солоно!

Много «молитвъ» моихъ я и до сего дня помню — работа ума въ дѣтствѣ ложится на душу слишкомъ глубокими шрамами — часто они не зарастаютъ всю жизнь.

Въ церкви было хорошо, я отдыхалъ тамъ такъ же, какъ въ лѣсу и полѣ. Маленькое сердце, уже знакомое со множествомъ обидъ, выпачканное злой грубостью жизни, омывалось въ неясныхъ, горячихъ мечтахъ.

Но я ходилъ въ церковь только въ большіе морозы или когда вьюга бѣшенно металась по городу, — когда кажется, что небо замерзло, а вѣтеръ распылилъ его въ облака снѣга, и земля тоже замерзая подъ сугробами, никогда уже не воскреснетъ, не оживетъ.

Тихими ночами мнѣ больше нравилось ходить по городу, изъ улицы въ улицу, забираясь въ самые глухіе углы. Бывало, идешь — точно на крыльяхъ несешься; одинъ, какъ луна въ небѣ; передъ тобою ползетъ твоя тѣнь, гаситъ искры свѣта на снѣгу, смѣшно тычется въ тумбы, въ заборы. Посреди улицы шагаетъ ночной сторожъ, съ трещеткой въ рукахъ, въ тяжеломъ тулупѣ, рядомъ съ нимъ — трясется собака.

Неуклюжій человѣкъ похожъ на собачью конуру, она ушла со двора и двигается по улицѣ, неизвѣстно куда, а огорченная собака — за нею.

Иногда встрѣтятся веселые барышни и кавалеры — я думаю, что и они тоже убѣжали отъ всенощной.

Порою, сквозь форточки освѣщенныхъ оконъ, въ чистый воздухъ прольются какіе-то особенные запахи — тонкіе, незнакомые, намекающіе на иную жизнь, невѣдомую мнѣ; стоишь подъ окномъ и, принюхиваясь, прислушиваясь — догадываешься: какая это жизнь, что за люди живутъ въ этомъ домѣ? Всенощная, а они — весело шумятъ, смѣются, играютъ на какихъ-то особенныхъ гитарахъ — изъ форточки густо течетъ мѣдно-струнный звонъ.

Особенно интересовалъ меня одноэтажный, приземистый домъ на углу безлюдныхъ улицъ — Тихоновской и Мартыновской. Я наткнулся на него лунною ночью, въ ростепель, передъ масляницей; изъ квадратной форточки окна, вмѣстѣ съ теплымъ паромъ струился на улицу необыкновенный звукъ, точно кто-то очень сильный и добрый пѣлъ, закрывъ ротъ; словъ не слышно было, но пѣсня показалась мнѣ удивительно знакомой и понятной, хотя слушать ее мѣшалъ струнный звонъ, надоѣдливо перебивая теченіе пѣсни. Я сѣлъ на тумбу, сообразивъ, что это играютъ на какой-то невыносимой скрипкѣ, чудесной мощности; невыносимой — потому что слушать ее было почти больно. Иногда она пѣла съ такой силой, что — казалось — весь домъ дрожитъ, и гудятъ стекла въ окнѣ. Капаю съ крыши, изъ глазъ у меня тоже закапали слезы.

Незамѣтно подошелъ ночной сторожъ и столкнулъ меня съ тумбы, спрашивая:

— Ты чего тутъ торчишь?

— Музыка, — объяснилъ я.

— Мало ли что! Пошелъ...

Я быстро сбѣжалъ кругомъ квартала, снова воротился подъ окно, но въ домѣ уже не играли, изъ форточки бурно вытекалъ на улицу веселый шумъ, и это было такъ не похоже на печальную музыку, точно я слышалъ ее во снѣ.

Почти каждую субботу я сталъ бѣгать къ этому дому, но только однажды, весною, снова услышалъ тамъ віолончель, она играла почти непрерывно до полуночи; когда я воротился домой — меня отколотили.

Ночныя прогулки подъ зимними звѣздами, среди пустынныхъ улицъ города очень обогащали меня. Я нарочно выбиралъ улицы подальше отъ центра — на центральныхъ было много фонарей, меня могли замѣтить знакомые хозяевъ, тогда — хозяева узнали бы, что я прогуливаю всенощныя. Мѣшали пьяные, городовые и «гулящія» дѣвицы; а на дальнихъ улицахъ можно было смотрѣть въ окна нижнихъ этажей, если они не очень замерзли и не занавѣшены изнутри.

Много разныхъ картинъ показали мнѣ эти окна — видѣлъ я, какъ люди молятся, цѣлуются, дерутся, играютъ въ карты, озабоченно и беззвучно бесѣдуютъ — предо мною, точно въ панорамѣ за копейку, тянулась нѣмая, рыбья жизнь.

Видѣлъ я въ подвалѣ, за столомъ, двухъ женщинъ — молодую и постарше; противъ нихъ сидѣлъ длинноволосый гимназистъ и, размахивая рукой, читалъ имъ книгу. Молодая слушала, сурово нахмуривъ брови, откинувшись на спинку стула; а постарше — тоненькая и пышноволосая — вдругъ закрыла лицо ладонями, плечи у нея задрожали, гимназистъ отшвырнулъ книгу, а когда молоденькая, вскочивъ на ноги, убѣжала — онъ упалъ на колѣни передъ той, пышноволосой, и сталъ цѣловать руки ея.

Въ другомъ окнѣ я подсмотрѣлъ, какъ большой, бородатый человѣкъ, посадивъ на колѣни себѣ женщину въ красной кофтѣ, качалъ ее, какъ дитя, и, видимо, что-то пѣлъ, широко открывая ротъ, выкативъ глаза. Она вся дрожала отъ смѣха, запрокидывалась на спину, болтая ногами, онъ выпрямлялъ ее и снова пѣлъ, и снова она смѣялась. Я смотрѣлъ на нихъ долго и ушелъ, когда понялъ, что они запаслись весельемъ на всю ночь.

Много подобныхъ картинъ навсегда осталось въ памяти моей и часто, увлеченный ими, я опаздывалъ домой. Это возбуждало подозрѣнія хозяевъ, и они допрашивали меня:

— Въ какой церкви былъ? Какой попъ служилъ?

Они знали всѣхъ поповъ города, знали, когда какое Евангеліе читаютъ — знали все, имъ было легко поймать меня во лжи.

Обѣ женщины поклонялись сердитому Богу моего дѣда — Богу, который требовалъ, чтобы къ Нему приступали со страхомъ; Имя Его постоянно было на устахъ женщинъ, даже ругаясь, онѣ грозили другъ другу:

— Погоди! Господь тебя накажетъ, Онъ-те скрючитъ, подлую!..

Въ воскресенье первой недѣли поста старуха пекла оладьи, а онѣ все подгорали у нея, красная отъ огня, она гнѣвно кричала:

— А, черти бы васъ взяли...

И вдругъ, понюхавъ сковороду, потемнѣла, швырнула сковородникъ на полъ и завыла:

— Ба-атюшки, сковорода-то скоромная, поганая, не выжгла вѣдь я ее въ чистый-то понедѣльникъ, Го-осподи!

Встала на колѣни и просила со слезами:

— Господи-Батюшка, прости меня, окаянную, ради Страстей Твоихъ! Не покарай, Господи, дуру старую...

Выпеченныя оладьи отдали собакамъ, сковородку выжгли, а невѣстка стала въ ссорахъ упрекать свекровь:

— Вы даже въ постѣ на скоромныхъ сковородахъ печете...

Онѣ вовлекали Бога своего во всѣ дѣла дома, во всѣ углы своей маленькой, плоской жизни, отъ этого нищая жизнь пріобрѣтала внѣшнюю значительность и важность, казалась ежечаснымъ служеніемъ высшей силѣ. Это вовлеченіе Бога въ скучные пустяки подавляло меня, и невольно я все оглядывался по угламъ, чувствуя себя подъ чьимъ-то невидимымъ надзоромъ, а ночами меня окутывалъ холоднымъ облакомъ страхъ — онъ исходилъ изъ угла кухни, гдѣ передъ темными образами горѣла неугасимая лампада.

Рядомъ съ полкой — большое окно, двѣ рамы, разъединенныя стойкой; бездонная синяя пустота смотритъ въ окно, кажется, что домъ, кухня, я — все виситъ на самомъ краю этой пустоты и, если сдѣлать рѣзкое движеніе, все сорвется въ синюю, холодную дыру и полетитъ куда-то мимо звѣздъ, въ мертвой тишинѣ, безъ шума, какъ тонетъ камень, брошенный въ воду. Долго я лежалъ неподвижно, боясь перевернуться съ боку на бокъ, ожидая страшнаго конца жизни.

Не помню, какъ я вылѣчился отъ этого страха, но я вылѣчился скоро; разумѣется, мнѣ помогъ въ этомъ добрый Богъ бабушки, и я думаю, что уже тогда почувствовалъ простую истину: —

HARVARD COLLEGE LIBRARY · WIDENER LIBRARY

мною ничего плохого еще не сдѣлано, безъ вины наказывать меня — не законъ, а за чужіе грѣхи я не отвѣтчикъ.

Прогуливалъ я и обѣдни, особенно — весною, непоборимыя силы ея рѣшительно не пускали меня въ церковь. Если же мнѣ давали семишникъ на свѣчку — это окончательно губило меня: я покупалъ бабокъ, всю обѣдню игралъ и неизбѣжно опаздывалъ домой. А однажды ухитрился проиграть цѣлый гривенникъ, данный мнѣ на поминанье и просфору, такъ что ужъ пришлось стащить чужую просфору съ блюда, которое дьячекъ вынесъ изъ алтаря.

Играть хотѣлось страстно, и я увлекался играми до неистовства. Былъ достаточно ловокъ, силенъ и скоро заслужилъ славу игрока въ бабки, въ шаръ и въ городки въ ближнихъ улицахъ.

Великимъ постомъ меня заставили говѣть, и вотъ я иду исповѣдываться къ нашему сосѣду, отцу Доримедонту Покровскому. Я считалъ его человѣкомъ суровымъ и былъ во многомъ грѣшенъ лично передъ нимъ: разбивалъ камнями бесѣдку въ его саду, враждовалъ съ его дѣтьми, и, вообще, онъ могъ напомнить мнѣ не мало разныхъ поступковъ, непріятныхъ ему. Это меня очень смущало. и когда я стоялъ въ бѣдненькой церкви, ожидая очереди исповѣдываться — сердце мое билось трепетно.

Но отецъ Доримедонтъ встрѣтилъ меня добродушно-ворчливымъ восклицаніемъ:

— А, сосѣдъ... Ну — вставай на колѣни! Въ чемъ грѣшенъ?

Онъ накрылъ голову мою тяжелымъ бархатомъ, я задыхался въ запахѣ воска и ладана, говорить было трудно и не хотѣлось.

— Старшихъ слушаешься?

— Нѣтъ.

— Говори — грѣшенъ!

Неожиданно для себя, я выпалилъ:

— Просвиры воровалъ.

— Это — какъ же? Гдѣ? — спросилъ священникъ, подумавъ и не спѣша.

— У Трехъ Святителей, у Покрова, у Николы...

— Ну-ну, по всѣмъ церквамъ! Это, братъ, не хорошо, грѣхъ, — понимаешь?

— Понимаю.

— Говори — грѣшенъ! Несуразный. Воровалъ-то, чтобы — ѣсть?

— Когда — ѣлъ, а то — проиграю деньги въ бабки, а просвиру домой надо принести, я и — украду....

Отецъ Доримедонтъ началъ что-то шептать, невнятно и уста-

лю, потомъ — задалъ еще нѣсколько вопросовъ и вдругъ строго спросилъ:

— Не читалъ ли книгъ подпольнаго изданія?

Я, конечно, не понялъ вопроса и переспросилъ:

— Чего?

— Запрещенныхъ книжекъ не читалъ ли?

— Нѣтъ, никакихъ...

— Отпускаются тебѣ грѣхи твои... Встань!

Я удивленно взглянулъ въ лицо ему, оно казалось задумчивымъ и добрымъ. Мнѣ было неловко, совѣстно: отправляя меня на исповѣдь, хозяева наговорили о ней страховъ и ужасовъ, убѣдивъ каяться честно во всѣхъ прегрѣшеніяхъ моихъ.

— Я въ вашу бесѣдку камнями кидалъ, — заявилъ я.

Священникъ поднялъ голову и сказалъ:

— И это нехорошо! Ступай...

— И въ собаку кидалъ...

— Слѣдующій, — позвалъ отецъ Доримедонтъ, глядя мимо меня.

Я ушелъ, чувствуя себя обманутымъ и обиженнымъ: такъ напрягался, въ страхѣ исповѣди, а все вышло не страшно и даже не интересно! Интересенъ былъ только вопросъ о книгахъ, невѣдомыхъ мнѣ; я вспомнилъ гимназиста, читавшаго въ подвалѣ книгу женщинамъ и вспомнилъ «Хорошее дѣло» — у него тоже было много черныхъ книгъ, толстыхъ, съ непонятными рисунками.

На другой день мнѣ дали пятиалтынный и отправили меня причащаться. Пасха была поздняя, уже давно стаялъ снѣгъ, улицы просохли, по дорогамъ курилась пыль; день былъ солнечный, радостный.

Около церковной ограды азартно играла въ бабки большая компанія мастеровыхъ; я рѣшилъ, что успѣю причаститься и попросилъ игроковъ:

— Примите меня!

— Копейку за входъ въ игру, — гордо заявилъ рябой и рыжій человѣкъ.

Но я не менѣе гордо сказалъ:

— Три подъ вторую пару слѣва!

— Деньги на конъ!

И началась игра!

Я размѣнялъ пятиалтынный, положилъ три копейки подъ пару бабокъ въ длинный конъ; кто собьетъ эту пару — получаетъ деньги, промахнется — я получу съ него три копейки. Мнѣ посчастливилось: двое цѣлились въ мои деньги, и оба не попали, я вы-

игралъ шесть копеекъ со взрослыхъ, съ мужиковъ. Это очень подняло духъ мой...

Но кто-то изъ игроковъ сказалъ:

— Гляди за нимъ, ребята, а то убѣжитъ съ выигрышемъ...

Тутъ я обидѣлся и объявилъ сгоряча, какъ въ бубенъ ударилъ:

— Девять копеекъ подъ лѣвой крайней парой!

Однако, это не вызвало у игроковъ замѣтнаго впечатлѣнія, только какой-то мальчуганъ моихъ лѣтъ крикнулъ, предупреждая:

— Глядите, — онъ счастливый, это чертежникъ со Звѣздинки, я его знаю!

Худощавый мастеровой, по запаху — скорнякъ, сказалъ ехидно:

— Чертенокъ? Хар-рошо...

Прицѣлившись налиткомъ, онъ мѣтко сбилъ мою ставку и спросилъ, нагибаясь ко мнѣ:

— Ревешь?

Я отвѣтилъ:

— Подъ крайней правой — три!

— И сотру, — похвастался скорнякъ, но проигралъ.

Больше трехъ разъ кряду нельзя ставить деньги на конъ, я сталъ бить чужія ставки и выигралъ еще копейки четыре, да кучу бабокъ. Но когда снова дошла очередь до меня, я поставилъ трижды и проигралъ всѣ деньги, какъ разъ во-время — обѣдня кончилась, звонили колокола, народъ выходилъ изъ церкви.

— Женатъ? — спросилъ скорнякъ, намѣреваясь схватить меня за волосы, но я вывернулся, убѣжалъ и, догнавъ какого-то празднично одѣтаго паренька, вѣжливо освѣдомился:

— Вы причащались?

— Ну, такъ что? — отвѣтилъ онъ, осматривая меня подозрительно.

Я попросилъ его разсказать мнѣ, какъ причащаютъ, что говоритъ въ это время священникъ и что долженъ былъ дѣлать я.

Парень сурово избычился и устрашающимъ голосомъ зарычалъ:

— Прогулялъ причастье, еретикъ? Ну, а я тебѣ ничего не скажу — пускай отецъ шкуру спуститъ съ тебя!

Я побѣжалъ домой, увѣренный, что начнутъ разспрашивать и неизбѣжно узнаютъ, что я не причащался.

Но поздравивъ меня, старуха спросила только объ одномъ:

— Дьячку за теплоту — много ли далъ?

— Пятачекъ, — наобумъ сказалъ я.

— И три копейки — за глаза ему, а семишникъ себѣ оставилъ бы, чучело!

...Весна. Каждый день одѣтъ въ новое, каждый новый день ярче и милѣй; хмѣльно пахнетъ молодыми травами, свѣжей зеленью березъ, нестерпимо тянетъ въ поле слушать жаворонка, лежа на теплой землѣ вверхъ лицомъ. А я — чищу зимнее платье, помогаю укладывать его въ сундукъ, крошу листовой табакъ, выбиваю пыль изъ мебели, съ утра до ночи вожусь съ непріятными, ненужными мнѣ вещами.

Въ свободные часы — мнѣ совершенно нечѣмъ жить; на убогой нашей улицѣ — пусто, дальше — не позволено уходить; на дворѣ сердитые, усталые землекопы, растрепанныя кухарки и прачки, каждый вечеръ — собачьи свадьбы — это противно мнѣ, и обижаетъ до того, что хочется ослѣпнуть.

Я иду на чердакъ, взявъ съ собою ножницы и разноцвѣтной бумаги, вырѣзаю изъ нея кружевные рисунки и украшаю ими стропила — все-таки, пища моей тоскѣ. Мнѣ тревожно хочется идти куда-то, гдѣ меньше спятъ, меньше ссорятся, не такъ назойливо одолѣваютъ Бога жалобами, не такъ часто обижаютъ людей сердитымъ судомъ.

...Въ субботу на Пасхѣ приносятъ въ городъ изъ Оранскаго монастыря чудотворную икону Владимірской Божіей Матери, она гоститъ въ городѣ до половины іюня и посѣщаетъ всѣ дома, всѣ квартиры каждаго церковнаго прихода.

Къ моимъ хозяевамъ она явилась въ будни утромъ; я чистилъ въ кухнѣ мѣдную посуду, когда молодая хозяйка путливо закричала изъ комнаты:

— Отпирай парадную — Оранскую несутъ!

Я бросился внизъ, грязный, съ руками въ салѣ и тертомъ кирпичѣ, отперъ дверь — молодой монахъ съ фонаремъ въ одной рукѣ и кадиломъ въ другой тихонько проворчалъ:

— Дрыхнете? Помогай...

Двое обывателей вносили по узкой лѣстницѣ тяжелый кіотъ, я помогалъ имъ, поддерживая трязными руками и плечомъ край кіота, сзади топали тяжелые монахи, неохотно распѣвая густыми голосами:

— Пресвятая Богородица моли Бога о на-асъ...

Я подумалъ съ печальной увѣренностью:

— Обидится на меня Она за то, что я, грязный, несу Ее, и отсохнутъ у меня руки...

Икону поставили въ передній уголъ на два стула, прикрытые

чистой простыней, по бокамъ кіота встали, поддерживая его, два монаха, молодые и красивые, подобно ангеламъ; ясноглазые, радостные, съ пышными волосами.

Служили молебенъ.

— О, Всепѣтая Мати, — высокимъ голосомъ выводилъ большой попъ и все щупалъ багровымъ пальцемъ припухшую мочку уха, спрятаннаго въ пышныхъ волосахъ.

— Пресвятая Богородице помилуй на-асъ, — устало пѣли монахи.

Я любилъ Богородицу; по разсказамъ бабушки, это Она сѣетъ на землѣ для утѣшенія бѣдныхъ людей всѣ цвѣты, всѣ радости — все благое и прекрасное. И когда нужно было приложиться къ ручкѣ Ея, не замѣтивъ, какъ прикладываются взрослые, я трепетно поцѣловалъ икону въ лицо, въ губы.

Кто-то могучей рукой швырнулъ меня къ порогу, въ уголъ. Непамятно, какъ ушли монахи, унося икону, но очень помню, — хозяева, окруживъ меня, сидѣвшаго на полу, съ великимъ страхомъ и заботою разсуждали — что же теперь будетъ со мной?

— Надо поговорить со священникомъ, который поученѣе, — говорилъ хозяинъ и беззлобно ругалъ меня:

— Невѣжа, какъ же ты не понимаешь, что въ губы нельзя цѣловать? А еще... въ школѣ учился...

Нѣсколько дней я обреченно ждалъ, что же будетъ? Хватался за кіотъ грязными руками, прилажился — незаконно, ужъ не пройдетъ мнѣ даромъ это, не пройдетъ!

Но, видимо, Богородица простила невольный грѣхъ, вызванный искреннею любовью. Или же наказаніе Ея было такъ легко, что я не замѣтилъ его среди частыхъ наказаній, испытанныхъ мною отъ добрыхъ людей.

Иногда, чтобы позлить старую хозяйку, я сокрушенно говорилъ ей:

— А Богородица-то, видно, забыла наказать меня...

— А ты погоди, — ехидно обѣщала старуха. — Еще поглядимъ...

...Украшая стропила чердака узорами изъ розовой чайной бумаги, листками свинца, листьями деревьевъ и всякой всячиной, я распѣвалъ на церковные мотивы все, что приходило въ голову, какъ это дѣлаютъ калмыки въ дорогѣ:

— Сижу я на чердакѣ,
Съ ножницами въ рукѣ,
Рѣжу бумагу, рѣжу...
Скушно мнѣ, невѣжѣ!

HARVARD COLLEGE LIBRARY • WIDENER LIBRARY

Былъ-бы я собакой —
Бѣгалъ-бы гдѣ хотѣлъ,
А теперь оретъ на меня всякой,
Сиди, да молчи, пострѣлъ,
Молчи, пока цѣлъ!

Старуха, разглядывая мою работу, усмѣхалась, качала головой.

— Ты бы вотъ эдакъ-то кухню украсилъ...

Однажды на чердакъ пришелъ хозяинъ, осмотрѣлъ содѣянное мною, вздохнулъ и сказалъ:

— Забавенъ ты, Пѣшковъ, чортъ тебя возьми... Фокусникъ, что ли, выйдетъ изъ тебя? Не догадаешься даже...

Онъ далъ мнѣ большой Николаевскій пятакъ.

Я укрѣпилъ монету лапками изъ тонкой проволоки и повѣсилъ ее, какъ медаль, на самомъ видномъ мѣстѣ среди моихъ пестрыхъ работъ.

Но черезъ день монета исчезла, вмѣстѣ съ лапками; — я увѣренъ, что это старуха стащила ее!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

М. Горькій.

ЛѢСЪ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Этимъ спектаклемъ театръ Одоля заканчивалъ свой зимній сезонъ, по счету уже двадцать первый.

Какъ и во всѣ предыдущіе годы, на прощальное представленіе собралось множество публики.

До поднятія занавѣса осталось полчаса, но громадный зрительный залъ былъ уже полонъ.

Ряды публики, начинаясь отъ сцены, прямыми параллельными линіями шли черезъ весь партеръ и, дойдя до стѣнъ, двухъ боковыхъ и задней, поднимались по нимъ, какъ длинныя библіотечныя полки, все выше и выше, подъ самую крышу театра. И вся утроба театра, всюду, куда ни глянешь, излинованная этими одинаковыми, черными, толстыми, горизонтальными полосами, напоминала четыре гигантскихъ транспаранта: одинъ положенный, во весь полъ, и три поставленныхъ, по одному у каждой стѣны, за сценой. И было видно, какъ у нѣкоторыхъ посѣтителей партера, людей солидныхъ, съ положеніемъ, въ формѣ, лысыхъ, оказавшихся на днѣ колодца изъ транспарантовъ, сразу зарябило, замигало, забѣгало въ глазахъ, а на лицахъ появилось сіяніе довольной дѣтскости и глуповатой растерянности...

Немного позже, публика, какими-то путями набившаяся въ театръ сверхъ числа, образовала своими толпами на листѣ каждаго транспаранта подобіе чернильныхъ кляксъ. А еще позже, она зачернила собой и всѣ бѣлыя мѣста транспарантовъ: и поля, и промежутки между строкъ. Какъ жидкая чернильная масса, она растеклась всюду, гдѣ только могла удержаться и откуда ей былъ виденъ хотя краешекъ сцены. Она сидѣла, стояла, висѣла. И недоступными для нея и свободными отъ ея черноты въ залѣ оставались только два мѣста: бѣлый потолокъ, да сцена, затянутая сѣрымъ занавѣсомъ.

И одинаково, что вверху, то и внизу, во всемъ, казалось, го-

дами закупоренномъ зданіи театра, стояла та особенная, приторная, тошнотворная вонь, которая такъ хорошо идетъ къ лицу русскимъ общественнымъ мѣстамъ. Въ густомъ и нагрѣтомъ воздухѣ, застревавшемъ у всѣхъ въ груди и нагонявшемъ на всѣхъ сонливость, чувствовалось, еще сохранились частички выдыханій человѣческихъ толпъ, наполнявшихъ этотъ театръ вчера, позавчера, въ прошломъ году, двадцать лѣтъ тому назадъ. Тогда, какъ и теперь, вѣроятно, тоже волочились по залу за публикой хвостами свѣжіе запахи и дорогихъ духовъ, и прачечнаго мыла, и розъ, и камфары, и тонкихъ винъ, и протабаченныхъ ртовъ, и изысканныхъ яствъ, и скверныхъ желудковъ. На среднемъ балконѣ самаго верхняго яруса, на поставленномъ транспарантѣ, гдѣ по случаю воскреснаго дня были сплошь простолюдины и учащіеся, одной маленькой гимназисткѣ, какъ разъ во время перваго звонка, сдѣлалось дурно. И когда, продвигаясь сквозь черные ряды публики, ее выносили на рукахъ ея подруги, всѣ вмѣстѣ похожія на слипшійся рой хлопотливо порхающихъ бабочекъ, она, тоже бабочка, была въ бѣломъ передничкѣ, съ голубенькой ленточкой въ косичкѣ, съ росинками пота на нѣжномъ носикѣ, съ невинно-закрытыми глазками, какъ мертвенькая, только съ карамелькой за одной оттопыренной щечкой . . .

Несмотря на давку, безпорядокъ, вымогательства капельдинеровъ и вонь,—казалось, даже благодаря именно имъ,—у публики въ залѣ и у артистовъ на сценѣ, какъ во время дѣйствій, такъ и во время антрактовъ, поддерживалось необыкновенно приподнятое, шутливое, безшабашное настроеніе. И, слыша всюду раздающійся смѣхъ, видя вокругъ улыбающіяся лица, можно было подумать, что весь театръ, по случаю торжественности дня, сплотился въ одну семью и, передъ тѣмъ, какъ явиться сюда, гдѣ-то за общимъ столомъ дружно и хорошо выпилъ вина.

Занавѣсъ былъ поднятъ, открылась сцена. По сравненію съ высокимъ зрительнымъ заломъ, она оказалась маленькой нишей, выдолбленной въ передней стѣнѣ.

Давалось представленіе.

Какъ и въ прошлые годы, прощальнымъ спектаклемъ шла пьеса Островскаго «Лѣсъ». Исполнители были въ ударѣ, играли съ подъемомъ, вызывали ихъ безъ конца. И, опять таки, какъ въ прошлые годы, наибольшимъ успѣхомъ въ теченіе всего вечера пользовался комикъ Счастливцевъ, одного появленія котораго на сценѣ было достаточно для того, чтобы публика, въ особенности принадлежавшая къ верхнимъ ярусамъ, въ удивленіи всплескивала руками, откидывалась назадъ и хохотала. Исключительный успѣхъ, по-

видимому, бодрилъ удачливаго актера необычайно; онъ старался; и, чтобы выходило еще смѣшнѣе, прибавлялъ къ заученной роли собственныя забавныя штучки, пользуясь для этого гдѣ жестомъ, гдѣ ужимкой, гдѣ словечкомъ. И публика, въ концѣ концовъ, такъ увлеклась его мастерствомъ, что совсѣмъ перестала замѣчать игру его товарища по выходамъ, трагика Несчастливцева. Красивые, то ласково-журчащіе, то обличительно-гремящіе, монологи послѣдняго пропадали даромъ, никѣмъ не оцѣненные, никого не тронувшіе. И оттого звучали они у него съ каждымъ разомъ все большей натуральностью, искренностью, глубиной, мукой, и тѣмъ самымъ еще рѣшительнѣе расходились съ игривымъ самочувствіемъ публики.

Съ людской толпой, какъ и съ отдѣльнымъ человѣкомъ, очень часто бываетъ такъ, что, однажды давъ волю своему смѣху, толпа долго потомъ не можетъ успокоиться, готовая смѣяться и по поводу, и безъ повода, и вопреки поводу. Такъ было теперь и съ театральной толпой. Трагикъ со слезами въ голосѣ вѣщалъ ей со сцены о людскомъ жестокосердіи, неблагодарности, равнодушіи къ чужимъ страданіямъ, а она, въ своемъ большинствѣ, либо наблюдала въ это время за выкрутасами комика, если онъ находился на сценѣ, либо, если его не было, приготовивъ лица и животы для смѣха, съ откровеннымъ нетерпѣніемъ ожидала его дурашливаго выхода.

Однако, эта личная драма Несчастливцева, драма въ драмѣ, протекала втайнѣ и нисколько не мѣшала гладкому ходу всей пьесы. И съ блескомъ, съ шумомъ, съ подношеніями, прошли первый ея актъ, второй, третій, четвертый и, наконецъ, послѣдній, пятый.

Затѣмъ насталъ самый важный моментъ изъ всего вечера: по примѣру прошлыхъ лѣтъ, теперь долженъ былъ состояться публичный церемоніалъ чествованія труппы.

Обычно на такихъ торжествахъ, кромѣ случайныхъ депутацій отъ просвѣтительныхъ, благотворительныхъ и пожарныхъ обществъ, въ театрѣ выступали двое обязательныхъ ораторовъ. Одинъ говорилъ отъ благодарной публики, другой отъ растроганной труппы. Первый, воздавъ должное заслугамъ театра Одоля въ дѣлѣ умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія широкихъ массъ, всякій разъ горячо призывалъ труппу и впредь, долгіе-долгіе годы, съ такими же успѣхами сѣять въ народѣ разумное, доброе, вѣчное. Второй, ежегодно отмѣчая фактъ, что еще никогда искусство не стояло такъ близко къ русскому народу, какъ въ этотъ знаменательный день, ходилъ по самому краю

HARVARD COLLEGE LIBRARY · WIDENER LIBRARY

сцены и увѣрялъ публику, что память объ этомъ днѣ никогда-никогда не умретъ въ чуткихъ сердцахъ артистовъ. А делегаты отъ обществъ, несвязно и неслышно, какъ передъ начальствомъ, съ веселыми подсказами изъ рядовъ публики, говорили о значеніи театра Одоля съ точки зрѣнія нуждъ и пользъ представляемыхъ ими учрежденій. И рѣчь каждаго оратора публика награждала одинаково довольными, веселыми, долго несмолкавшими апплодисментами.

II.

Казалось, и строки всѣхъ четырехъ транспарантовъ ощетинились, и кляксы набухли, и чернила верхнихъ ярусовъ собрались капать на партеръ, когда, вслѣдъ за окончаніемъ спектакля, публика всего театра значительно улыбнулась и, какъ одинъ человѣкъ, встала на ноги.

И празднество началось.

Плечо къ плечу, публика стояла на своихъ мѣстахъ; съ надеждой и умиленіемъ, написанными на лицахъ, смотрѣла на полотнище опущеннаго занавѣса; съ воодушевленіемъ, котораго сама не замѣчала, била передъ собой ладонь о ладонь, и голосами, какими въ туманную погоду перекликаются черезъ рѣку, вызывала труппу театра, служащихъ, администрацію, владѣльца.

— О-о-оо! — сливались рѣчные голоса толпы въ одинъ протяжный, колеблющійся въ воздухѣ, зовущій крикъ. — О-о-оо!..

И въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ у публики не было никакой другой жизни, кромѣ этого крика, и никакихъ другихъ частей тѣла, кромѣ раскрытаго рта.

Наконецъ, сѣрый, дряхлый, морщинистый занавѣсъ подергался, какъ кожа стараго слона, въ одномъ мѣстѣ, другомъ, третьемъ, потомъ расправилъ складки, натянулся и, какъ висѣлъ, такъ всей своей отвѣсной плоскостью равномѣрно двинулся вверхъ, на подобіе выдвижной крыши отъ коробки, положенной набокъ, отверстіемъ къ публикѣ. И вмѣстѣ съ этой крышкой, сразу опередивъ ее, поднялись вверхъ и массовые крики публики, изъ длинныхъ, заунывно-зовущихъ и причесанныхъ вдругъ превратившись въ короткіе, бѣшенно-прыгающіе и вихрастые.

— Уу... кха-кха-кха!.. — клокотала все время на одномъ мѣстѣ, не вмѣщаясь въ зданіе театра, радость толпы. — Уу... тах-тах-тах!..

Въ положенной набокъ продолговатой деревянной табачной коробкѣ фабрики Асмолова, подъ наполовину отодвинутой вверхъ крышкой, какимъ-то чудомъ умѣстились исполнители «Лѣса», всѣ

другіе артисты театра Одоля, служащіе, рабочіе, администрація, владѣлецъ, его супруга. Со всѣхъ сторонъ обливаемые сильнымъ электрическимъ свѣтомъ, выстроившись рядами, кто на полу, кто на подмосткахъ, они развернулись во всю длину коробки пестрымъ махровымъ вѣеромъ и въ первую минуту стояли передъ публикой прямо, неподвижно и нѣмо, какъ передъ наведеннымъ на нихъ аппаратомъ фотографа.

Первостепенные артисты и артистки, получающіе большое жалованье, составляли первый рядъ вѣера; второстепенные, получающіе меньше, второй, позади и повыше перваго; третьестепенные, вмѣстѣ съ прилично одѣтыми служащими, составляли третій рядъ, протянувшійся, какъ цѣпь горъ, позади и повыше второго. А съ боковъ, изъ-за крыльевъ вѣера, лѣваго и праваго, и сверху, между его зазубринъ, выглядывали или очень веселыя или очень мрачныя лица рабочихъ, всѣ съ празднично-наивными шеями въ вымытыхъ сорочкахъ. Центральнымъ стержнемъ, на которомъ держался весь вѣеръ, являлась небольшая, выступающая на шагъ впередъ, фигура самого Одоля, благодаря поднятымъ плечамъ, круглому животу и воткнутымъ въ него тонкимъ ножкамъ въ подвернутыхъ брючкахъ, очень похожая на нахохлившагося цыпленка. На его маленькомъ цыплячьемъ лицѣ, сплошь бѣломъ и мохнатомъ отъ пудры, единственнымъ пятномъ, виднымъ всему театру, были устремленныя на публику дудочкой, ярко-накрашенныя карминомъ губы, сильно благоухающія на видъ, какъ, впрочемъ, и весь онъ, свѣжими, только что распечатанными пряниками. Тутъ же, рядомъ съ нимъ, справа, превосходя его въ три раза ростомъ и въ пять разъ шириной, заслоняя своимъ пышнымъ платьемъ, какъ царь-колоколомъ, значительную часть вѣера, стояла его супруга, обычно не имѣющая отношенія къ труппѣ. На первый взглядъ это была женщина-великанша, какихъ за небольшую плату особые предприниматели показываютъ по городамъ. И, какъ у всѣхъ подобныхъ великаншъ, особенно гнетущее впечатлѣніе чего-то нездороваго, даже трупнаго, производили ея большія, пухлыя, оголенныя до локтей, восковóго вида руки, мертво покоившіяся на обширномъ, выпукломъ, пружинномъ животѣ.

Артисты и артистки стояли на сценѣ и всѣмъ своимъ махровымъ вѣеромъ, казалось, продѣлывали передъ публикой, нестройно, кто какъ хотѣлъ, шейную гимнастику. Они оставляли свои корпусы по возможности неподвижными, а головами, съ сіяющими лицами, дергали, точно расшатанными глобусами, влѣво, вправо, внизъ. Съ одними изъ публики они при этомъ любезно раскланивались, другимъ умильно улыбались, третьимъ изображали при-

HARVARD COLLEGE LIBRARY

вѣтливые знаки, словно то и дѣло обнаруживая въ многоэтажно-воздвигнутой передъ ними толпѣ лица своихъ хорошихъ знакомыхъ.

Одоль окончательно забылся. Казалось, у него сводило всѣ суставы отъ наслажденія, когда онъ, поднявъ плечи еще выше, отдѣлялъ отъ пола то одну ножку, то другую, водилъ на стороны шеей, запрокидывалъ назадъ голову, страстно закатывалъ глаза, дулъ въ дудочку губъ, строилъ пальцами вкусные поцѣлуи и безъ счета посылалъ ихъ публикѣ верхнихъ ярусовъ, гимназисткамъ, курсисткамъ, модисткамъ... А тѣ, въ отвѣтъ, цѣлыми рядами свѣшивались черезъ барьеры внизъ, тянулись трепетными руками къ сценѣ, какъ къ иконѣ, апплодировали, кричали, блѣднѣли, краснѣли, плакали, смѣялись. И дама-великанша, при видѣ всего этого, только пухла, выходя изъ своихъ контуровъ, какъ рѣка выходитъ изъ береговъ.

— Господи, какіе они всѣ милые, славные, простые! — сложивъ молитвенно руки и устремивъ на сцену набожное лицо, воскликнула на галлереѣ, на одной изъ строкъ поставленнаго транспаранта, въ страшной тѣснотѣ, скромная дѣвушка, нѣжная шея которой и красивая головка съ гладкой прической были окружены широкимъ, бѣлымъ отложнымъ воротомъ, покрывающимъ ея плечи, какъ скорлупа разбитаго яйца

— Еще бы! — молодымъ баскомъ отозвался ея сосѣдъ, студентъ, въ слинявшей кораллово-красной рубашкѣ, подъ разстегнутой тужуркой, съ большими волосами, отброшенными назадъ, и съ двойной бородой, похожей на селедочный хвостъ. — Народъ вѣдь это все съ прекраснымъ образованіемъ! — продолжалъ онъ, развалясь сутуло на скамьѣ и въ волненіи тряся длинными волосами. — Могли бы быть инженерами, адвокатами, докторами, получать тысячи! А не захотѣли! Потому, что есть что-то повыше этого!

И студентъ мечтательно застоналъ, изобразивъ на лицѣ мучительную гримасу.

— Народъ, что говорить, чистый, семейный, — вмѣшался въ ихъ разговоръ краснощекій купецъ съ бабьимъ мясистымъ лицомъ, сидѣвшій позади нихъ и весь вечеръ небрежно бросавшій въ ротъ сѣмечки. — И это ничего, что они тутъ ломаются передъ публикой. Кто какими занятіями занимается. Лишь бы не крали. А добромъ я такимъ людямъ двадцать копеекъ всегда дамъ.

— Детальные господа, не то, что мы! — съ завистливымъ восхищеніемъ обнажилъ два ряда желтыхъ зубовъ и, любуясь издали труппой, воскликнулъ сосѣдъ купца, курчавый мастеровой, съ

золотыми колечками волосъ на вискахъ, съ выставленной напоказъ крахмальной манишкой, цвѣтными полосами своими напоминающей какую-то акцизную бандероль.

— Красивые, какъ патреты, — вымолвила его неразговорчивая, неподвижная, надутая подруга, очевидно, горничная, застрявшая до подмышекъ въ корсетѣ, какъ въ воронкѣ, въ свѣтленькомъ ситцѣ цвѣточками, съ капельками пота на свѣжемъ лицѣ, пахнущемъ, какъ и вся она, сырой говядиной.

Точно такимъ же образомъ переговаривались и въ другихъ рядахъ публики, вверху, внизу, по сторонамъ, вездѣ.

— А разрѣшите-ка мнѣ, пожалуйста, къ случаю, нѣсколько словъ сказать, — раздался вдругъ надъ головами всѣхъ, подъ потолкомъ, на галлереѣ, громкій, замѣчательно явственный, немного жесткій отъ волненія, мужской голосъ, почему-то сразу потушившій собой гудящій говоръ театра.

Публика умолкла, подняла вверхъ заинтересованныя лица и уже ихъ не опускала, примащиваясь на мѣстахъ поудобнѣе. И ея лица, облитыя свѣтомъ, тѣсно примыкали одно къ другому, кружокъ къ кружку, овалъ къ овалу, застлавъ полы и стѣны театра сплошной кружевной сѣткой и согнавъ съ нихъ прежнюю черноту. И въ театрѣ стало свѣтлѣе.

Въ театрѣ всѣ, до послѣдняго человѣка знали, что именно такъ, выступленіемъ оратора отъ благодарной публики, должно было начаться сегодняшнее чествованіе. Тѣмъ не менѣе, было видно, какъ и сцену, и зрительный залъ въ первое мгновеніе [illegible] то обстоятельство, что въ настоящемъ году, ораторъ, для произнесенія своей рѣчи избралъ мѣсто не въ партерѣ, какъ это велось всегда, а на галлереѣ. Иные изъ публики даже раскрыли рты отъ удивленія и вопросительно водили ими вокругъ.

— Просимъ оратора выйти къ барьеру, а то не слыхать и не видать! — въ слѣдующее мгновеніе уже кричали бодрые, озабоченные, почти хозяйственные голоса снизу, съ дна театра, съ листа положеннаго транспаранта.

Потомъ, точно такіе же крики полетѣли и со сцены и съ остальныхъ трехъ листовъ поставленныхъ транспарантовъ, взбираясь по строкамъ каждаго изъ нихъ, какъ по тремъ отвѣснымъ лѣстницамъ, со ступеньки на ступеньку, все выше и выше, все ближе и ближе къ мѣсту оратора. Такимъ образомъ, послѣдней присоединилась къ крикамъ театра, безъ всякой въ томъ нужды для себя, скорѣе въ ущербъ себѣ, публика галлереи, сидѣвшая рядомъ съ ораторомъ, локоть къ локтю съ нимъ.

Попутно голоса толпы изъ [illegible]ыхъ и просительныхъ пере-

HARVARD COLLEGE LIBRARY

ходили гдѣ въ капризные, недовольные, гдѣ въ требовательные, возмущенные.

— О-о-оо!... — поднимался изъ одного мѣста театра даже угрожающій пламень и подвижнымъ кончикомъ своего языка нащупывалъ вверху фигуру оратора.

Точно завороженный странной музыкой множества возбужденныхъ человѣческихъ голосовъ, мужскихъ и женскихъ; точно сладко усыпленный ею; точно внутреннимъ взоромъ углубленный въ ея загадочную пучину, — долгое время не шевелилъ ни однимъ членомъ ораторъ.

Онъ стоялъ въ самомъ послѣднемъ ряду галлереи, въ то время, какъ всѣ другіе сидѣли. Его спина касалась стѣны; голова подпирала потолокъ; а вся фигура, съ большой горой волосъ на головѣ, рисовалась на верхней строкѣ задняго поставленнаго транспаранта, среди длиннаго ряда сидящей публики, какъ единственный высокій нотный знакъ среди остальныхъ, означавшихъ собой болѣе низкіе музыкальные тона.

Было видно: онъ волновался. По мѣрѣ усиленія воя толпы, кожа его лица бѣлѣла, глаза темнѣли, губы кривились въ замкнутую улыбку.

И только, когда волны человѣческихъ голосовъ перекарабкались черезъ барьеры всѣхъ ярусовъ и подкатились къ его ногамъ, угрожая смыть его съ мѣста, только тогда онъ, бережно неся въ себѣ какое-то рѣшеніе, какъ сосудъ дорогой и хрустальный, и не переставая замкнуто улыбаться, неповоротливыми, немножко смѣшными шагами, какъ малое дитя съ кручи, спустился съ самаго послѣдняго ряда средней галлереи къ самому первому. Публика пяти промежуточныхъ рядовъ галлереи, съ веселыми полупоклонами и съ предвкушающими улыбками, дружно уступала ему дорогу, гдѣ это было нужно и гдѣ не нужно.

— Сами собрали столько народу, а сами... — показалась было ему навстрѣчу, откуда-то снизу, изъ-за барьера галлереи, голова послѣдняго нахальнаго выкрика публики, но, завидѣвъ его шагающимъ, она дико, какъ кошка съ забора, сорвалась обратно.

Остановившись у барьера, ораторъ съ такой осторожностью пошевелился впередъ и глянулъ внизъ, точно тамъ былъ не зрительный залъ, а часть чудовища. И театръ, наконецъ, увидѣвъ его, такъ и дохнулъ ему въ лицо горячимъ вздохомъ пріятнаго удовлетворенія.

— И-и-и...

III.

Ни артисты, ни артистки уже не существовали для публики: все ея вниманіе теперь сосредоточилось на незнакомцѣ, на загадкѣ, кто онъ, на его будущей рѣчи, произведетъ ли она фуроръ, скандалъ, или пройдетъ безслѣдно.

Тысячи глазъ, сотни биноклей, какъ туча жрущихъ насѣкомыхъ, поверхностно заползали во всевозможныхъ направленіяхъ по широкому, внимательному, съ необыкновенной улыбкой, лицу незнакомца, до самыхъ бровей закрытому шапкой небрежныхъ, разной длины волосъ; по его голой шеѣ, особенно рѣзко очерченной на фонѣ зачѣмъ-то поднятаго сзади воротника пиджака; по короткой мѣшковатой фигурѣ, съ длинными руками; по платью, правда, городскому, но Богъ знаетъ когда, кѣмъ и на кого сшитому; по картузу, который онъ сперва энергично крутилъ въ обѣихъ рукахъ, точно прачка, выкручивающая полотенце, а потомъ воткнулъ, какъ карандашъ, однимъ концомъ въ карманъ.

А когда, послѣ всего этого, онъ еще полѣзъ угловатой рукой за пазуху, досталъ оттуда сѣрую тряпочку и корявыми пальцами бураго цвѣта, долго высвобождалъ изъ нея, какъ живого рака, очки, въ желѣзной оправѣ, на тесемочкѣ, и потомъ безъ тѣни смущенія напяливалъ ихъ, какъ обручъ, на кочковатую голову, тогда игривое вниманіе публики удвоилось. Для нея представлялось уже несомнѣннымъ, что отъ такого человѣка и пахнуть ничѣмъ другимъ не можетъ, кромѣ какъ только сапожнымъ или портновскимъ товаромъ. Молодые люди и барышни, въ рядахъ верхнихъ ярусовъ, даже взвизгивали отъ радостнаго сознанія своего превосходства надъ нимъ и безгранично влюбленными глазами подробно оглядывали на себѣ свои наряды, придавая надлежащій видъ каждой оборочкѣ, каждой пуговицѣ. Въ то же время въ партерѣ, то здѣсь, то тамъ, вспыхивали короткіе, самодовольные, сдерживаемые приличіемъ смѣшки, по звуку напоминающіе чирканье спички по коробкѣ.

— Вотъ типикъ! — проговорили другъ другу глазами и захохотали два одинаковыхъ реалиста, съ головами, лицами и шеями мопсовъ, сидѣвшіе, въ невозможной тѣснотѣ, во второмъ ряду галлереи, какъ разъ за спиной стоявшаго передъ ними незнакомца.

И чѣмъ внимательнѣе приглядывались они къ его длинному, нелѣпой формы пиджаку, съ отвислыми карманами, къ короткимъ голенастымъ ногамъ, съ крупными ступнями, и къ большимъ волосамъ, казалось, обкусаннымъ сзади собаками, тѣмъ сильнѣе ихъ согнутыя спины сотрясалъ счастливый хохотъ.

HARVARD COLLEGE LIBRARY · WIDENER LIBRARY

— Пòд-стрò-ѐ-нò, какъ въ томъ году! — раздѣльно провозгласилъ вдругъ на весь театръ сильный, обличающій голосъ, принадлежавшій, какъ всѣ тотчасъ же увидѣли, старому мужчинѣ, съ суровыми, косматыми бровями зеленаго цвѣта, одѣтому въ платье отставного военнаго и занимавшему мѣсто, среди давки, ярусомъ ниже, на лѣвомъ балконѣ. — Жи-ды! — еще громче и выше завопилъ его голосъ, обращенный съ бокового балкона уже прямо къ труппѣ.

Публика всѣхъ ярусовъ отрывисто разсмѣялась, какъ бы вся вдругъ гавкнувъ со своихъ мѣстъ въ пространство.

— Второй! — съ умиленіемъ въ голосѣ и лицѣ воскликнули на галлереѣ одинаковые реалисты, оба вразъ, какъ рыболовы, выхватившіе изъ воды рыбу.

И они захохотали, тряся тупыми, одинаково срѣзанными лицами.

А отставной военный, сдѣлавъ публикѣ свое предостереженіе, какъ ни въ чемъ не бывало, сложилъ на впаломъ животѣ старческія руки, втянулъ между дряхлыхъ плечь большую костистую голову, напустилъ на глаза вѣки, пріоткрылъ ротъ, буйно поросшій вокругъ желто-зеленой бородой и, отечески посапывая, отдыхалъ, видимо, погрузясь въ терпѣливое ожиданіе дальнѣйшихъ обманныхъ дѣйствій со стороны труппы.

Движеніе и веселое перешептыванье, вызванныя въ театрѣ его выступленіемъ, между тѣмъ, не прекращались: кто искалъ его глазами; кто указывалъ на него другимъ, какъ одинъ охотникъ указываетъ другому дичь; кто уже ухитрился поднять изъ-за него горячій споръ. И незнакомецъ, лишенный, такимъ образомъ, возможности начать говорить, всѣми забытый, стоялъ на прежнемъ мѣстѣ, на большой высотѣ, у барьера, какъ у края пропасти, съ насмѣшливымъ удивленіемъ смотрѣлъ оттуда внизъ, блестя очками, какъ зеркалами, и пожималъ то однимъ плечомъ, въ слишкомъ просторномъ, очевидно, чужомъ пиджакѣ, то другимъ.

Такъ протекали минуты. Публика не унималась. И незнакомецъ уже началъ было поглядывать назадъ, ища глазами выхода. Когда вдругъ, ярусомъ ниже, на правомъ балконѣ, какой-то мальчикъ, подростокъ, лѣтъ четырнадцати, всей своей выутюженной внѣшностью похожій на конторскаго ученика, всталъ у своего мѣста и, стиснувъ зубы, зашипѣлъ на всю публику, на всѣ три тысячи человѣкъ. Худенькій, блѣдненькій, косенькій на одинъ глазъ, въ черной тужуркѣ въ обтяжку и съ одной длинной штаниной на прямыхъ, какъ палки, ногахъ, а съ другой короткой, онъ шипѣлъ и шипѣлъ, какъ гусь, вытянувъ впередъ шею и водя некрасиво

оскаленнымъ ртомъ по одному транспаранту, другому, третьему. И публика въ первый моментъ не боялась его, не слушалась, смѣялась; потомъ мало-по-малу застыдилась, забоялась, заробѣла, затихла и кое-гдѣ даже разстроилась, насупившись, какъ передъ близкими слезами.

— Третій! — показывали другъ другу на него глазами одинаковые реалисты, толкали одинъ другого подъ бока и заразительно хохотали, смущая ближайшихъ сосѣдей.

Онъ тотчасъ же направилъ спеціально на нихъ струйку своего пульверизатора, съ лѣваго балкона на среднюю галлерею, и они, спрятавшись за чужія спины, успокоились.

И въ залѣ установилась прежняя тишина. И всѣ знали, что среди этой тишины, должно было прозвучать первое слово незнакомца.

— Это не тотъ! — вдругъ, вопреки общимъ ожиданіямъ, по всему пространству театра пронесся полный испуга шопотъ Одоля.

Публика съ молніеносной быстротой оторвала свои взгляды отъ незнакомца, сдѣлала ихъ хищными, очертила ими по стѣнамъ и потолку театра множество дугъ и остановила на фигурѣ Одоля. Одоль стоялъ подъ ея взглядами на сценѣ, впереди вѣера артистовъ, и, съ опущенной трубочкой губъ, такими безпомощными глазами глядѣлъ вверхъ на незнакомца, точно видѣлъ въ немъ привидѣніе и только ожидалъ, куда оно тронется.

— Виноватъ, — забормоталъ онъ, тряся нижнею половиной раздвоенной трубочки и дѣлая незнакомцу знакъ, чтобы онъ подождалъ. — Виноватъ, — отталкивалъ онъ отъ себя воздухъ кистью руки въ манжетѣ и, съ видомъ цыпленка, попавшаго подъ проливной дождь, жалкій, сгорбленный, кривой, зачѣмъ-то вобравшій въ себя одну ножку, поворотился лицомъ къ артистамъ, спиной къ публикѣ.

Онъ говорилъ своей труппѣ тихо, торопясь, дергаясь, заикаясь, какъ паралитикъ. Труппа отвѣчала ему бодрыми, спокойными, развалистыми, вполнѣ увѣренными голосами. Только одна дама-великанша не принимала участія въ ихъ разговорѣ, продолжая стоять, какъ страшная восковая фигура въ музеѣ.

Публика жадно слушала, покрививъ на сторону лица.

— Э... а... и... — доносились до ея навостреннаго слуха только отдѣльные гласные звуки изъ словъ Одоля.

— Импровизація? — вмѣстѣ съ тѣмъ явственно разбирала она каждое слово мощнаго тратика Несчастливцева. — Ммэ... — басилъ онъ. — Тѣмъ лучше. Значитъ, сильнѣе выйдетъ.

HARVARD COLLEGE LIBRARY

— Пусть сперва этотъ скажетъ, а потомъ тотъ, — услыхала она затѣмъ голосъ плутоватаго комика Счастливцева.

Точно жалуясь на преслѣдующую его судьбу, незнакомецъ въ это время водилъ налѣво и направо лицомъ, поднималъ плечи, хлопалъ себя по бедрамъ, вздыхалъ.

— Госпюда ... — началъ онъ и показалъ тревожно улыбающееся лицо всей лѣвой половинѣ театра, когда, по требованію заголосившей публики, переговоры Одоля съ артистами были, наконецъ, прекращены. — Госпюда ... — показалъ онъ лицо всей правой половинѣ театра.

— Пусть онъ говоритъ, пусть! — глухо, какъ изъ завязаннаго мѣшка, прокричалъ въ этотъ моментъ запоздавшій голосъ изъ публики, откуда-то снизу.

Въ дальнѣйшемъ незнакомецъ глядѣлъ узкими щелями припухшихъ глазъ прямо на сцену и, изрѣдка вспыхивая стеклами очковъ, говорилъ съ такимъ видомъ, какъ будто сбрасывалъ съ себя передъ публикой одежду за одеждой.

— ... Я не теоретикъ ... — сбрасывалъ онъ съ себя одну одежду. — Я практикъ ... — сбрасывалъ онъ другую. — Въ гимназіи не учился ... — оголялся онъ далѣе. — И родители мои были тоже люди небогатые ... Поэтому я врать не стану ... А буду говорить только правду, безо всякаго, прямо отъ души ... И, если кто образованный и богатый, то прошу меня извинить за такой глупый мой умъ ...

IV.

И было видно, какъ въ тонѣ его голоса, въ выраженіи лица, въ жестахъ, громаднымъ большинствомъ театра сразу почувствовалась покоряющая сила подлинной человѣческой исповѣди, искренней, безгранично свободной, не стѣсненной ничѣмъ.

И въ такой каменной неподвижности застыли вдругъ ряды слушателей, повернувшихся спинами къ сценѣ, лицами къ незнакомцу, что все громадное нутро театра, съ труппой и публикой, съ потолкомъ и электрическими огнями, представилось глазу уже не живой натурой, могущей черезъ минуту зашевелиться и распасться, а колоссальной, великолѣпно нарисованной картиной, которая никогда не измѣнитъ ни своихъ линій, ни красокъ, и просуществуетъ на полотнѣ вѣка. Внезапно кѣмъ-то прибавленный въ залѣ свѣтъ электричества усилилъ это впечатлѣніе, сдѣлавъ замѣтнымъ на картинѣ самый воздухъ и всю картину какъ бы придвинувъ ближе къ глазу.

И такой кристально-чистой тишиной налился до краевъ театръ, какъ сосудъ наливается водой, что со стороны бралъ страхъ, какъ бы сквозь прозрачную толщу этой тишины, какъ сквозь увеличительное стекло, какой-нибудь незначительный промахъ оратора не показался бы театру большой и смѣхотворной ошибкой. И мозгъ рѣдко кого изъ публики порой не пронизывала жуткая мысль о томъ, что какъ, вѣроятно, много, безконечно много, должно было переболѣть сердце этого человѣка, прежде чѣмъ понудить его на откровеннѣйшую исповѣдь передъ столь многочисленными, разнородными, совершенно чуждыми ему и, главное, вприво настроенными слушателями.

Рѣчь его была трудная, медлительная, значительная, сладковатая, съ горчинкой.

И слова его, для всѣхъ неожиданныя, совсѣмъ особенныя, раздѣльныя, прежде чѣмъ достичь слуха публики, летѣли, у всѣхъ на виду, одно за другимъ, черезъ все воздушное пространство театра, отъ купола до пола. Такъ монеты, будучи бросаемы въ море, раньше чѣмъ лечь на его дно, блестя, прорѣзываютъ собой сверху донизу весь пластъ его водяной массы.

— ... По правдѣ сказать, я за всю свою сорокалѣтнюю жизнь былъ въ театрѣ, можетъ, семь или восемь разъ, — скупо бросалъ незнакомецъ въ прожорливую пучину моря свои монеты, очевидно, нажитыя тяжелымъ личнымъ трудомъ. — И послѣ каждаго раза я говорилъ себѣ, что не надо ходить, то-есть, не для чего... А если когда опять шелъ, то только для того, чтобы узнать, какія есть перемѣны... Для этого для самаго я и сегодня сюда пришелъ, то-есть, не для представленія и не для юбилея, а для перемѣнъ... Вамъ, можетъ, скучно слушать про это, господа?...

— Ничего, говорите, говорите! — глухо прокричалъ прежній голосъ снизу, изъ завязаннаго мѣшка.

Публика, до этой минуты, казалось, не дышавшая, теперь воспользовалась случаемъ, чуточку шевельнулась и длинно потянула въ себя воздухъ. Насмѣшливыя улыбки почти сплошь исчезли съ ея лицъ, и самыя лица заострились новымъ запасомъ вниманія: слишкомъ очевидными были для нея усилія, которыми давалось слово оратору, и та душевность, которой звучала вся его рѣчь.

— И что же я вижу? — продолжалъ незнакомецъ, покачиваясь отъ усилій, на подобіе поклоновъ, и этими движеніями какъ бы выкачивая изъ своихъ сокровенныхъ хранилищъ все новыя сбереженія. — То-есть, какое мое мнѣніе объ театрахъ теперь, послѣ того, какъ я три года въ нихъ не бывалъ?... А ка-

кое было тогда, такое самое и теперь... Точь-въ-точь... Даже еще хуже... То-есть, прямо хоть голову разбей объ этотъ барьеръ съ досады... Или: ляжь вотъ на этотъ полъ, зажмурь глаза и кричи караулъ все время, пока вы тамъ представляете... То-есть, повѣрите, такой ужасный страхъ беретъ глядѣть на васъ, думать про васъ, господа дѣятели сцены... Прямо ой!...

Онъ сдѣлалъ страдальческую гримасу и лихорадочно тряхнулъ головой. Потомъ, обращаясь попрежнему къ артистамъ, продолжалъ, медленно, съ глубокимъ чувствомъ:

— Скажите, душевно спрашиваю: вы дѣти или кто?... Если, скажемъ, не дѣти, тогда отчего вы такіе довольные?... То-есть, отчего вамъ такъ мало надо?... Отчего, по прошествіи время, артистъ въ васъ, мастеръ своего дѣла, прибавляется и прибавляется, а человѣкъ, во всѣхъ другихъ статьяхъ, убавляется и убавляется?... Что это такое?... Вѣдь, если смотрѣть, то какъ уже мало осталось въ васъ отъ человѣка къ сегодняшнему двадцать первому юбилею!... То-есть, вы стали вродѣ какъ калѣки... Сами калѣки, вы и людей дѣлаете тутъ калѣками... То-есть, вы прямо убійцы... Душевно говорю, безъ зла...

Эта часть рѣчи, ея ошеломляющее содержаніе, увѣренный тонъ, совершенно парализовали и зрителей и артистовъ, и они ничего другого не могли дѣлать, кромѣ какъ только ждать, когда незнакомецъ кончитъ. Такъ невинное дитя, повстрѣчавшись во снѣ съ разбойникомъ, вдругъ чувствуетъ себя не въ силахъ ни кликнуть маму, ни защищаться, ни бѣжать.

И только послѣдняя фраза оратора, гдѣ онъ назвалъ артистовъ убійцами, подобно грубому толчку, пробудила театръ.

Глаза артистовъ расширились и заморгали на освѣщенный залъ, какъ послѣ физическихъ пощечинъ. Тѣмъ рѣзче бросалось въ глаза исключеніе, которое являлъ собой, своимъ поведеніемъ, трапикъ. Богатырь, усачъ, съ рѣзкими и глубокими чертами лица, обычно выражающими у него силу и страданіе, онъ смотрѣлъ теперь вверхъ на незнакомца страннымъ, жаднымъ, почти безумнымъ отъ восхищенія взглядомъ. И какія-то буйныя силы, казалось, зрѣли въ груди этого пьяницы, бродяги и страдальца.

— Что такое онъ говоритъ? — поворотясь спиной къ публикѣ, лицомъ къ труппѣ, тонкимъ озябшимъ голосомъ говорилъ Одоль. И, опустивъ глаза въ карманные часы, онъ капризно, почти съ плачемъ, прибавилъ: — А гдѣ же тотъ, гдѣ тотъ?

— Ммэ... — могучей октавой покрылъ его голосъ и заставилъ его самого замолчать Несчастливцевъ, старавшійся не пропустить ни слова изъ рѣчи незнакомца.

— Полицію бы, — осторожно посовѣтовалъ было комикъ Счастливцевъ, воровато забѣгавъ по полу мелкими глазами.

— Ммя-мма! ... — пожевалъ на него своимъ басомъ и страшно повелъ черными намалеванными бровями трагикъ, наливая глаза кровью и какъ бы хмѣлѣя.

Одновременно съ этимъ движеніемъ на сценѣ, по рядамъ публики катилось, то въ одну сторону, то въ обратную, угрюмое, горбатое, массовое ворчаніе, похожее на невидимый бѣгъ грома за горизонтомъ.

И прозрачная тишина, наполнявшая театръ, замутилась осадками, въ массѣ отдѣлившимися отъ стѣнъ театра, отъ дна. И полотнище съ грандіозной картиной отъ края и до края смазалось.

Весь театръ пришелъ въ движеніе.

— Это чортъ знаетъ, что такое! — изъ общей мути голосовъ выдѣлился одинъ, особенно негодующій.

Кричалъ изъ партера на галлерею, показывая незнакомцу весь кружокъ своего блѣднаго лица, нестарый и немолодой господинъ, въ формѣ учителя гимназіи, въ двойномъ пенснэ, съ довольно большими волосами вокругъ низкой головы и съ круглой, какъ блинъ, словно очерченной по циркулю, плѣшью посерединѣ.

— Это голословно! — выходилъ онъ изъ себя, сверкая бѣлѣющими въ расщелинѣ между бородой и усами злыми зубами. — Вы аргументы давайте! Вы факты давайте, факты!

— Девятый! — всплеснули руками и затряслись отъ хохота, какъ наѣздники, одинаковые реалисты во второмъ ряду галлереи.

— Вотъ здорово! — захлебываясь, хвастался одинъ изъ нихъ. — Уже девять! И этотъ изъ нашихъ! Его можно считать за двоихъ!

— Понятно за двоихъ! — согласился другой, глядя на педагога съ любовью натуралиста, накалывающаго на булавку живое насѣкомое.

— Господа! — почти въ одно время съ учителемъ встала въ партерѣ и указала публикѣ на незнакомца дама, крупная, съ большимъ, горбатымъ, фамильнымъ носомъ, съ черными дугами бровей, вся въ черномъ, строгая, похожая на игуменью. — Это просто больной человѣкъ! — говорила она, и въ горлѣ ея сохло, и голосъ трепеталъ отъ волнующаго желанія сдѣлать при людяхъ добро. — И его нельзя такъ! Зачѣмъ же? Онъ не виноватъ! Къ нему надо поосторожнѣе, съ умѣньемъ, не каждый! Я врачъ! Я могу его, если надо, на извозчикѣ, потихоньку, и ванны, и бромъ!

HARVARD COLLEGE LIBRARY

Дальше ея голосъ окончательно изсохъ отъ волненія, она посипѣла, помолчала и, прижавъ къ бѣлому мучнистому лицу лорнетъ, все еще чего-то ожидала отъ всѣхъ глазами. Потомъ глаза ея приняли выраженіе, предшествующее слезамъ, и она неувѣренно опустилась на стулъ, обиженная и удивленная, что ее больше ни о чемъ не спросили.

— Двѣнадцатая! А изъ бабъ первая! Бабы пойдутъ отдѣльно!

— Факты, факты давайте! — вздымаясь со строкъ всѣхъ четырехъ транспарантовъ и ухая въ воздухѣ, между тѣмъ уже неслось это слово отовсюду вверхъ, къ незнакомцу. — Аа!... Аакъ!... Факты!... Долой!...

Конторскій мальчикъ стоялъ на своемъ мѣстѣ, смотрѣлъ на публику и, покрывая ее многоголосый шумъ, шипѣлъ. И дѣлалъ онъ это съ такимъ видомъ, съ какимъ пожарный заливаетъ бушующій вокругъ огонь.

— Пшш... — рѣзко шипѣла въ глубокомъ залѣ струя единственнаго пожарнаго, выѣдая до основанія огонь то въ одномъ мѣстѣ театра, то въ другомъ. — Пшш... Пшш... — ловко попадала она именно туда, куда было больше всего надо.

И когда мальчикъ залилъ послѣднія попыхивавшія въ партерѣ головни, двухъ низенькихъ добродушныхъ генераловъ съ короткими шеями и одну важную даму, высокую, костлявую, съ голыми лопатками темно-коричневаго цвѣта и съ лицомъ бабы-яги, тогда снова одно за другимъ полетѣли въ публику съ высоты отдѣльныя и медленныя слова незнакомца, чеканныя и вѣскія, какъ монеты. И голосъ его звучалъ еще болѣе странно-одиноко среди безпредѣльной тишины, въ которой стремительно понесся театръ.

— ...Факты? — обращаясь къ тремъ тысячамъ взволнованнаго народа, самъ тоже взволнованный, говорилъ незнакомецъ, съ двумя большими красными шишками, вдругъ выскочившими у него подъ глазами. — Вотъ вамъ факты!

И, выдѣливъ изъ всѣхъ своихъ театральныхъ переживаній одно, по виду самое незначительное, онъ остановился на немъ подробно.

V.

То-есть, подходящихъ фактовъ имѣется у меня не мало, но я нарочно возьму изъ нихъ только одинъ... И, чтобы не было скучно слушать, я не стану описывать тутъ, какъ я волновался, когда, послѣ трехъ лѣтъ, снова надумалъ пойти сюда, то-есть, какъ я все-таки надѣялся, разсчитывалъ, воображалъ...

Чищу ботинки, и щетка двадцать пять разъ вылетаетъ у меня изъ рукъ... Пью чай съ ситнымъ, и во рту никакого вкуса... Одѣваю галоши, и колѣнки дрожатъ... Потомъ выхожу изъ квартиры на волю и сразу удивляюсь отличному воздуху, хотя на меня, какъ изъ ведра, льетъ дождь... Дѣлаю еще нѣсколько шаговъ и огнямъ уличныхъ фонарей радуюсь, что горятъ... Эхъ!... По правдѣ сказать, мнѣ стыдно вспомнить про это: я былъ тогда какъ мальчикъ!... Помогалъ ломовому извозчику поднимать упавшую лошадь, передъ одной богачкой раскрылъ въ кондитерскую дверь, съ какимъ-то духовнымъ лицомъ по пути разговорился на тему про жизнь... Хотя зачѣмъ я все это разсказываю вамъ?... Для вашего высокаго образованія слушать про это, можетъ быть, даже очень низко...

— Ничего, говорите, говорите!

— Пшш...

— Вотъ я иду по одной улицѣ, по другой, по третьей... Смотрю на безконечный потокъ шагающаго по панелямъ народа, на переполненные трамваи, на набитые рестораны... Вспоминаю про телефоны, водопроводы, одеколоны, вафли... И думаю: на что мнѣ ваши города, государства и теплые клозеты, если я и при нихъ все равно крутомъ одинокій, какъ вотъ этотъ палецъ...! И дождь уже понимаю въ другомъ отношеніи... И къ огнямъ фонарей дѣлаюсь равнодушный: пусть бы и не горѣли... И холодно, и сыро, и сиротливо, и на себя злой, и на людей злой, и жмусь, и держусь ближе къ стѣнкамъ... И тоска, господа... Вотъ здѣсь тоска!... И вдругъ вспоминаю про то, куда иду, то-есть, въ какое особенное мѣсто на землѣ, въ которомъ не былъ уже цѣлыхъ три года... Совмѣстно съ этимъ вспоминаю и про то, что прогрессъ эти три года шелъ впередъ, а не назадъ... И снова дѣлаюсь легкимъ, оказываюсь на серединѣ панели, прибавляю шагу... Вотъ, въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, подхожу я къ театру, поднимаюсь на широкое крыльцо, толкаю тяжелую дверь, минуя свиное рыло швейцара, курамъ на смѣхъ одѣтое въ золотую фуражку, душевно говорю, потомъ пробиваюсь сквозь народъ къ кассѣ, даю деньги, беру билетъ, прячу сдачу... Потомъ поднимаюсь по лѣвой лѣстницѣ наверхъ, то-есть, направляюсь уже на свое мѣсто... И тамъ, то-есть, на полпути, мнѣ перегораживаютъ дорогу какіе-то люди, похожіе на присяжныхъ повѣренныхъ, то-есть, халуи, и предлагаютъ мнѣ сдать имъ на сохраненіе мое верхнее платье... Дескать, для вѣжливости, чтобы висѣло... Ихъ семь-восемь душъ, я одинъ, они въ сто разъ лучше меня одѣвши, и меня бросаетъ въ страхъ, въ стыдъ,

HARVARD COLLEGE LIBRARY • WIDENER LIBRARY

въ злость, въ холодъ, въ жаръ, въ задушье... Но это, конечно, еще ничего... Вродѣ самъ виноватъ: одѣвайся чище и сравняешься съ халуями... И я сдаю имъ свои лохмотья, пряча дырки отъ электричества... Потомъ иду, то-есть хочу идти... И вотъ тутъ-то... тутъ, можно сказать, начинается... Тутъ — главное!... Тутъ — ой!...

Незнакомецъ простоналъ, покрутилъ головой, пригрозилъ театру пальцемъ, побѣлѣлъ и нѣсколько мгновеній не могъ говорить.

Его волненіе, было видно, передалось театру. И общее ожиданіе напряглось до крайности.

— Значитъ, такъ — заговорилъ онъ далѣе тревожно. — Вотъ я сдаю тѣмъ вашимъ людямъ свою рванину и тотчасъ же, тамъ же, у вѣшалокъ, то-есть, даже еще не видя вашей игры на сценѣ, вдругъ вижу передъ собой ваше настоящее лицо, ваши руки и ножъ въ нихъ... Да, ножъ, господа убійцы!... То-есть, иначе говоря, тѣ ваши люди, подавая мнѣ нумерокъ отъ вѣшалки, заводятъ со мной, примѣрно, такой разговоръ... «На чаекъ съ вашей милости»... Сколько вамъ?... «А это-съ какъ-съ вашему-съ здоровью-съ будетъ-съ угодно-съ»... И поклончики, и улыбочка такая на всемъ лицѣ, и собачье ожиданіе въ глазахъ... И чѣмъ, скажемъ, выработаннѣе поклончики, и чѣмъ слаже это ихнее «съ», и чѣмъ больше на лицѣ разной нечисти, поднятой съ самаго дна души, тѣмъ бо́льшая полагается имъ отъ публики плата... Вотъ тоже, своего рода, профессія: собственной душонкой поторговывать, кому на сколько: гривенникъ даете, и уваженія вамъ на гривенникъ; полтинникъ даете, и вниманія вамъ на полтинникъ; рубль, и почетъ вамъ рублевый... Брр!... И недаромъ наша природа всякій разъ въ этомъ мѣстѣ такъ бунтуется противъ васъ, господа дѣятели сцены, у кого сознательно, какъ, скажемъ, у меня, и у кого безсознательно, какъ у тѣхъ золотыхъ дѣвушекъ, двухъ, которыя сегодня на моихъ глазахъ, можетъ, четверть часа спорили: «на, ты дай ему пятиалтынный»... Нѣтъ, давай ты: мнѣ стыдно... Сегодня ей, господа, стыдно, и завтра стыдно, а черезъ мѣсяцъ знакомства съ вашимъ театромъ?... Вотъ гдѣ вашъ ножъ!... Вотъ гдѣ, то-есть, еще на порогѣ театра, вы наносите этимъ ножомъ мнѣ, то-есть, всей публикѣ, ударъ въ самое сердце, дескать: привѣтъ вамъ, дорогіе гости, добро пожаловать, милости просимъ, заходите, смотрите, какъ мы вамъ рады, какъ хорошо васъ встрѣчаемъ... И вотъ гдѣ мнѣ уже хочется кричать отъ боли, даже еще не видя вашей драмы на сценѣ!... То-есть, у васъ драма тамъ, а у меня она здѣсь... Потому что, на самомъ-то дѣлѣ, развѣ это не драма,

когда я иду и воображаю о высокомъ, а меня въ это время ножомъ?... И у васъ «лѣсъ» тамъ, а у меня онъ здѣсь, потому что развѣ такое гдѣ-нибудь возможно, кромѣ какъ только въ дикомъ лѣсу?... И какое тутъ у васъ можетъ получиться, прости Господи, умственно-нравственно-эстетическое воспитаніе народныхъ массъ, когда у васъ у самихъ нѣтъ главнаго, что дѣлало бы васъ похожими на человѣка!... Душевно говорю, безъ зла, потому что мнѣ самому за сорокъ лѣтъ и семь душъ дѣтей!...

VI.

Незнакомецъ на минутку остановился, оглядѣлся, передохнулъ. Публика, до этого момента неподвижно глядѣвшая вверхъ, теперь, расправляя занѣмѣвшія шеи, одѣлала ими такое винтообразное движеніе къ потолку, словно выражала желаніе слушать незнакомца еще сто лѣтъ.

— Не скучно слушать? — прекрасно видя настроеніе публики, спросилъ, обращаясь къ ней, незнакомецъ, и въ голосѣ его уже слышались новыя нотки легкости, спокойной радости.

Публика отвѣтила ему дружнымъ просительнымъ гуломъ, по которому можно было подумать, что въ театрѣ собрались одни басы.

И когда онъ потомъ говорилъ, то получалось такое впечатлѣніе, будто во всемъ громадномъ помѣщеніи театра ворочалъ головой, улыбался на обѣ стороны, возносилъ къ небу руки, произносилъ слова, дышалъ и вообще жилъ только одинъ онъ. Все же остальное было мертво, и теперь, и всегда, какъ среди стѣнъ заброшеннаго колодца.

— Гдѣй-то я остановился? — вольно, почти по-домашнему, разсуждалъ незнакомецъ на прекрасномъ просторѣ и по особенному улыбался подъ очками. — Теперь уже къ концу, — подчеркнулъ онъ, какъ бы желая еще вѣрнѣе закрѣпить за собой необыкновенное вниманіе театра. — И вотъ, значитъ, господа дѣятели сцены, самое первое, чего мнѣ хочется послѣ встрѣчи съ вами у вѣшалокъ, это не видѣть ни васъ самихъ, ни вашей игры на сценѣ... Потому что, вы тѣмъ ножомъ, можетъ, на всю мою жизнь убили во мнѣ вѣру и въ васъ и во все, что отъ васъ... И мнѣ еще отъ вѣшалокъ всякій разъ хочется бѣжать назадъ, обратно, въ то самое болото нашей ежедневной человѣческой жизни, изъ котораго я столько разъ порывался было къ вамъ, въ расчетѣ на высоту, на чистоту, на хорошіе примѣры для жизни... И на самомъ дѣлѣ, скажите, что другое послѣ

этого я могу дѣлать, какъ только не бѣжать отъ васъ... Потому что какимъ мальчикомъ маленькимъ, какимъ калѣкой нравственнымъ, какимъ деревомъ безчувственнымъ долженъ я быть, чтобы потомъ еще оставаться смотрѣть вашу игру на сценѣ, въ костюмчикахъ, въ паричкахъ, съ накрашенными щечками, съ подведенными бровками... То-есть, не одни же костюмчики ваши бутафорскіе пришелъ сюда я смотрѣть, и не одной же выученности вашей актерской удивляться!... Говорите, представляете на сценѣ прекрасное произведеніе искусства?... Но какъ могу я въ него вникать, когда вы меня уже ранили, когда я уже больной, когда душа моя уже занята зрѣлищемъ другого произведенія искусства, можетъ, самаго прекраснаго изъ всѣхъ, созданнаго самой природой, то-есть, зрѣлищемъ живого человѣка и того, что вы тутъ у себя съ нимъ продѣлываете, въ образѣ тѣхъ людей у вѣшалокъ, въ образѣ нашемъ, то-есть, всей публики, и въ образѣ вашемъ собственномъ, то-есть, всѣхъ актеровъ... Вы тѣмъ ножомъ все человѣчество въ самомъ корнѣ подрѣзываете и первыхъ самихъ себя... И, правда, поглядите, что уже сталось съ вами?... И чистосердечно, безо всякаго, скажите: вы люди или кто?... Если, допустимъ, люди, тогда куда дѣвалось ваше все?... То-есть, гдѣ ваши человѣческіе глаза, человѣческое сердце, человѣческій умъ?... То-есть, почему вы неспособны ни видѣть, ни чувствовать, ни понимать, что то, о чемъ я говорю, живому человѣку есть ножъ?... Что?... Приставъ?... Какой приставъ?... Ага... Хорошо... Сейчасъ... Господа!... Послѣднее!... Кратко!... Одна минута!...

И незнакомецъ неожиданно заволновался, зашагалъ взадъ — впередъ передъ барьеромъ, какъ передъ стѣнкой клѣтки, а самъ въ это время держалъ выше головы вытянутыя руки, какъ бы распинаясь передъ публикой и именемъ всего святого умоляя ее еще минуту не шевелиться.

— Объявляю!—торжествомъ и послѣдней рѣшимостью зазвучалъ его голосъ. — Знайте! Я такой человѣкъ! Если я былъ сегодня неправъ, то-есть, если среди васъ найдется хоть одинъ человѣкъ, душу котораго каждый разъ не ранили бы у тѣхъ вѣшалокъ тѣмъ ножомъ, съ опасностью однажды добить въ васъ ваши человѣческіе глаза, сердце, умъ, какъ они все это уже добили у себя, тогда я собственноручно здѣсь распишусь, что, дескать, я, такой-то, такого-то числа, находясь въ такомъ-то театрѣ, вдругъ лишился ума!... И еще: чтобы на сегодняшнемъ двадцать первомъ юбилейномъ праздникѣ среди всѣхъ здравомы-

слящихъ не быть одному сумасшедшему, я обѣщаюсь немедленно, то-есть, сразу же послѣ вашего отвѣта, выйти изъ этого зданія вонъ, на улицу, ночью, одинъ, и теперь, конечно, уже навсегда-навсегда! . . .

Незнакомецъ съ силой бросилъ внизъ руки, опустилъ перетянутую тесьмой голову, такъ что очки его оказались на вѣсу, повернулся къ выходу и, призакрывъ глаза, чтобы никого и ничего не видѣть, ждалъ, что ему отвѣтитъ театръ: уходить отъ всѣхъ или оставаться со всѣми?

Было тихо.

Внизу, на днѣ театра, черезъ весь партеръ шелъ къ выходу, къ кассѣ, къ телефонной трубкѣ, вѣроятно, просить инструкцій у полиціймейстера дежурный приставъ, весь выглаженный, блистающій, будто даже не настоящій, а игрушечный, очень искусно сдѣланный на кукольной фабрикѣ, съ руками, ногами, глазами, съ машинкой внутри. Онъ шелъ, и пріятно было смотрѣть, какъ машинка безошибочно работала въ немъ: асъ-два, асъ-два, асъ-два . . .

VII.

Театръ полсекунды молчалъ и глядѣлъ вверхъ на незнакомца собачьими, налитыми преданностью глазами; потомъ съ радостнымъ стономъ такъ и подкинулся къ нему всѣмъ своимъ днемъ и боками, какъ одѣяло, которое два человѣка трясутъ за углы на дворѣ.

— Аа! . . . — повернулось прямо на незнакомца жерло всего театра, и полилась на него одна безконечная, упругая, сдавленная со всѣхъ сторонъ, звуковая струя, стѣны театра для которой были, какъ стѣнки водопроводной трубы для воды. — Аа! . . . — съ головы до ногъ орошала фигуру незнакомца эта сильная струя. — Ааа! . . . Браво! . . .

Незнакомецъ, казалось, отягченный излишкомъ навалившагося на него счастья, склонилъ голову, попятился на полшага назадъ, сѣлъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ театра, среди восторженныхъ криковъ толпы и плеска аплодисментовъ, шипѣло, какъ масло на сковородкѣ, энергичное шиканье. Пронзали воздухъ, какъ горящія ракеты, пронзительные свистки. Гдѣ-то, по общему шуму, какъ по стволу дерева, рубилъ топоромъ насмѣшливый хохотъ.

И въ публикѣ, какъ это бываетъ во всякой толпѣ послѣ важныхъ событій, люди, совершенно незнакомые между собой, ви-

HARVARD COLLEGE LIBRARY • WIDENER LIBRARY

дящіе одинъ другого въ первый и, можетъ быть, въ послѣдній разъ, уже говорили другъ съ другомъ и спорили, какъ старые знакомые. И несмотря на то, что былъ поздній часъ, объ усталости ни у кого не было и помину. Наоборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ большее нервное возбужденіе охватывало театръ, зрѣтельный залъ, сцену.

Говорили въ партерѣ, въ ложахъ, на балконахъ, на галлереяхъ. Говорили то отдѣльными группами, то вдругъ всѣмъ театромъ, всѣми его безчисленными голосами. Картина была необыкновенная, величественная, мощная, поднимающая духъ, заражающая большимъ волненіемъ, стремленіемъ въ какую-то богатую высь, у которой нѣтъ границъ.

Это тоже была исповѣдь, такая же пламенная и стихійная, какъ и исповѣдь незнакомца, только всенародная, массовая. Теперь, по почину незнакомца, всѣ открывались передъ каждымъ и каждый предъ всѣми. И тайнъ не было. О, тутъ было чему поучиться, чѣмъ упиться, передъ кѣмъ излиться, въ чемъ утопить свое личное горе!

Кто со своими словами обращался къ незнакомцу. Кто къ труппѣ. Кто къ публикѣ, сидящей поблизости. Кто, кому было особенно невмоготу, кричалъ на середину театра, къ коллективному и многоликому, и чтобы его вопль, наконецъ, услышали всѣ: и незнакомецъ, и артисты, и вся публика, и весь народъ, и весь міръ, и вся вселенная. Одни говорили на тему, близкую къ темѣ незнакомца, другіе — просто пользуясь рѣдкой возможностью выговориться. И всѣ торопились, какъ евреи, комкали мысли, глотали слова, дорисовывая мимикой, жестами, въ одну минуту хотѣли выложить и показать все, что имъ далъ опытъ всей жизни. И въ общемъ хаосѣ звуковъ иной разъ невозможно было опредѣлить, кому принадлежали и для чего предназначались эти слова, упавшія сверху, кому тѣ, поднявшіяся снизу, и кому остальныя, налетающія съ боковъ. То казалось, что маленькая гимназистка, съ нѣжнымъ и краснымъ отъ возбужденія лицомъ, кричитъ съ балкона грубымъ басомъ; то вдругъ чудилось, что акцизный чиновникъ, съ шеей шире головы и съ глазами на выкатѣ, машетъ на сцену рукой и пищитъ голосомъ маленькой гимназистки. И въ утомленномъ мозгу, въ оглушенныхъ ушахъ, подъ конецъ складывалось такое впечатлѣніе, будто здѣсь спорятъ и говорятъ собственно не люди, часто сидящіе въ разныхъ ярусахъ и даже не видящіе другъ друга, а только ихъ голоса, вырвавшіеся на свободу.

Голоса публики, выпущенные на свободу, летали и подъ ку-

HARVARD COLLEGE LIBRARY • WIDENER LIBRARY

поломъ театра, и между электрическими лампами, и вдоль стѣнъ, и въ углахъ зала. А стоило кому-нибудь изъ служителей раскрыть на секунду выходную дверь, какъ они вваливались цѣлыми клубами и въ смежныя помѣщенія, въ коридоры, буфеты, фойэ, на лѣстницы.

Что происходило въ зрительномъ залѣ, то и на сценѣ; только въ меньшемъ масштабѣ. Тамъ, въ средѣ артистовъ, сперва измявшихъ, а потомъ изорвавшихъ въ клочья свой великолѣпный вѣеръ, голоса труппы то кружились надъ головами Одоля съ супругой, то вдругъ, въ одиночку или стаями, какъ птицы, неслись въ зрительный залъ, какъ столбы голосовъ публики.

И самой сцены, казалось, даже вовсе не было. Было окно охваченнаго пожаромъ дома, и въ томъ окнѣ метались въ паникѣ жильцы. Мужчины и женщины, кто въ чемъ, съ отчаянными лицами, съ ужасными жестами, они молили о помощи, грозя выброситься съ высоты на мостовую.

Этотъ, единственный въ своемъ родѣ, одновременный обмѣнъ мнѣніями сразу трехтысячной толпой пронесся передъ глазами всѣхъ атмосферической бурей, которая хорошо потрепала деревья лѣса и исчезла. И длился онъ очень недолго; пока приставъ говорилъ по телефону съ полиціймейстеромъ; слѣдовательно, какія-нибудь минуты. А если бы его участники высказались по очереди, съ предсѣдателемъ, какъ на какомъ-нибудь спеціально созванномъ собраніи, то на это, на изложеніе всѣхъ мнѣній по порядку, потребовались бы долгіе часы.

— Господа! — одинокимъ голубемъ, чистымъ, выхоленнымъ, снялся со сцены и полетѣлъ къ лѣсу голосовъ публики голосъ артиста, говорившаго на прошлогоднемъ юбилеѣ отъ растроганной труппы. — Господа! Дайте слово сказать!

Онъ подождалъ и продолжалъ:

— Слушайте! Не въ томъ бѣда, что люди, получающіе маленькое жалованье, берутъ на чай! Гдѣ не берутъ? Я васъ спрашиваю, господа: гдѣ не берутъ? Что-о? И не въ томъ бѣда, что въ современномъ театрѣ имѣются тѣ или другіе недочеты! Гдѣ ихъ нѣтъ? Я васъ спрашиваю, господа: гдѣ ихъ нѣтъ? Что-о? Бѣда вовсе не въ этомъ, господа, а въ томъ, что нѣкоторая часть нашей публики, къ сожалѣнію, очень значительная, въ силу своей малокультурности, и въ двадцатомъ вѣкѣ все еще продолжаетъ вносить въ искусство политику! Что-о? У насъ изъ этого сдѣлали даже вопросъ, когда тутъ никакого вопроса нѣтъ, и все ясно, какъ день? Какое, напримѣръ, имѣетъ отношеніе кательдинеръ къ артисту или вѣшалка для платья къ сценѣ? То

одно, а то другое! То тамъ, а то совсѣмъ здѣсь! Что-о? Изъ-за чего же такая шумиха? Изъ-за гривенника? Зачѣмъ дому пріятныхъ развлеченій, куда каждый идетъ отдохнуть отъ трудового дня, навязывать роль партійной школы? Я васъ спрашиваю, господа: зачѣмъ? Что-о? И что за узость взгляда такая! И что за безсиліе такое свободно подняться выше партійной точки зрѣнія! И что за привычка такая вездѣ поучать, морализировать, обличать! И что за страсть къ разрушенію во имя разрушенія! Что-о? Только тотъ не ошибается, господа, кто ничего не дѣлаетъ! Подъ видомъ святой простоты вкрасться въ наше довѣріе, усыпить наше вниманіе и потомъ, заручившись сочувствіемъ непонимающей публики, насъ же осыпать бранью! За что? Я васъ спрашиваю, господа: за что? Я васъ прошу отвѣтить, господа: за что? И если въ нашемъ театрѣ, какъ и во всякомъ другомъ, допустимъ, имѣются недостатки, то почему бы о нихъ не сказать господину Одолю тихо, культурно, благородно, по-человѣчески, какъ въ двадцатомъ вѣкѣ, письмомъ или устно? Господинъ Одоль восполнилъ бы пробѣлы, только и всего! А теперь что выходитъ? И скандалъ, и газеты, и весь праздникъ разстроилъ! Я самъ видѣлъ, какъ нѣкоторые унесли обратно свои подношенія, зачѣмъ это? Что-о? Вполнѣ по-русски: начали за здравіе, кончили за упокой! И печальнѣе всего, господа, то, что такія выходки со стороны публики только въ одной Россіи еще возможны! Ничего подобнаго вы никогда не встрѣтите ни въ одной странѣ запада! Тамъ всему свое мѣсто! Намъ надо, господа, не другихъ учить, а самимъ учиться, учиться и учиться! Ибо вотъ гдѣ нашъ главный лѣсъ, даже, можно сказать, тайга: въ некультурности публики!

— Хо-хо-хо! — нѣсколько разъ подкатывался вплотную къ голосу этого артиста голосъ изъ публики, здоровый, увѣренный, нахальный, грохочущій, какъ изъ бочки: — Хо-хо-хо!

— Вотъ не вижу, кто гогочетъ, но и не видя знаю, что гогочетъ человѣкъ однобокій, партійный, съ программой!

— Хо-хо-хо!

— Окровавленными руками прикасаетесь на этой сценѣ къ творенію генія человѣка! — въ числѣ другихъ, набрасывался на голосъ артиста тонкій голосъ съ балкона. — Въ нечистую раму одѣваете въ этомъ зданіи священное изображеніе земныхъ страданій человѣка! Въ кубкѣ отравленномъ предательски подносите людямъ напитокъ драгоцѣнный! У-у-уу!...

VIII.

Ааа!...

IX.

Господа! — оттолкнулся отъ земли, полетѣлъ вверхъ и оттуда кубаремъ ввергнулся въ общую свалку голосовъ новый голосъ, въ помощь артисту. — Господа! Зачѣмъ такъ кричать? Къ чему ссориться? Надо тихо, какъ я! И развѣ это не правда, что намъ еще много надо учиться, чтобы нагнать Европу? Тамъ, честное слово, извозчикъ то самое кушаетъ, что у насъ графъ Сумароковъ! Въ будни къ столу голубиный супъ, барашка молоденькая или, на худой конецъ, рыбка живая, а въ праздникъ кроликъ своего выводу! И сами его рѣжутъ у себя въ палисадникѣ! Во! Ха-ха-ха! Дочки-гимназистки, за ножки держатъ, пріучаются, а мать, вотъ съ такими сиськами, шкурку почти что съ живого сдираетъ! Тамъ потому — что не такъ, какъ у насъ! Тамъ потому — что понимаютъ! Тамъ потому — что знаютъ, что если каждый въ отдѣльности будетъ наживаться, то и вся нація будетъ богатая! Тамъ не смотрятъ! Тамъ полминуты не потеряютъ даромъ! Тамъ сберегательныя кассы трещатъ отъ обывательскихъ денежекъ! Я самъ этому всему очевидецъ! Потому что во Франціи, въ Парижѣ, мой родной братъ для исправленія два съ половиной года надзору отбывалъ! Тамъ, онъ разсказываетъ, не только что самый низкій рабочій классъ, но и домовладѣльцы, и профессора, и барыни въ шляпкахъ, примутъ отъ васъ на чай за какую-нибудь плеванную услугу, напримѣръ, хотя бы за указаніе, какъ попасть на такую-то улицу или куда идетъ этотъ трамвай! И зато вѣжливость какая, улыбка какая, деликатность, щепетильность! И пятакъ возьмутъ, и одну копейку возьмутъ! Потому что, какъ сказать, господа: она хоть и копейка, а все-таки деньги! А за гривенникъ и цилиндрой своей въ воздухѣ вамъ на дорожку поболтаютъ! А тамъ вѣдь Европа, господа, не Азія какая-нибудь, а самый деликатесъ и мамзели! Оттуда распространяется весь свѣтъ, вся наука, всѣ еропланы, и братъ мой, благодаря имъ, совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ: уже собственное дѣльце имѣетъ, и четыреста душъ рабочихъ кормитъ, и шея стала вотъ такой толщины! А раньше тоже по театрамъ бѣгалъ, правды искалъ, какъ малоумный, даже боялись, думали — такимъ и останется! А взять нашъ знаменитый московскій Художественный театръ! Кто былъ? Онъ, вонъ въ газетахъ пишутъ, двадцать очковъ впередъ самой Европѣ дастъ! А между тѣмъ

смотрите: въ этотъ театръ даже люди со среднимъ образованіемъ льстятся попасть въ халуи, чтобы на чаевыхъ богатѣть! Нельзя требовать, господа! Каждому хочется хорошо жить! Особенно семейнымъ! И въ чѣсть чего же тогда мы живемъ, если не въ честь того, чтобы хорошо кушать!

— Замолчите вы, — нѣсколько разъ подскакивалъ къ этому голосъ другой, раздраженный до крайности. — Вы ровнымъ счетомъ ничего не понимаете! У васъ даже не поймешь, кто былъ въ Парижѣ: вы или вашъ братъ? Я желаю вамъ возразить! Что такое жизнь? Слушайте, господа! Во-первыхъ, я самъ русскій человѣкъ и могу этимъ гордиться, понимаете? И по моему характеру—или давай мнѣ все или ничего! Понимаете? И живыми кроликами и сберегательными кассами меня не надуешь! Чтобы я, какъ за границей, по будничнымъ днямъ въ сберегательныя книжки слонятыми марки наклеивалъ, а въ праздники дралъ шкуру съ собственнаго кролика? Нѣтъ! Да я лучше сразу положу голову подъ рельсы, понимаете? Но объ этомъ, довольно! Теперь второй вопросъ! Говорите, прекрасное въ театрѣ даете? И хорошо, и спасибо, и дай вамъ Богъ здоровья за то! Но только давайте мнѣ его полностью, понимаете? Чтобы все! Цѣликомъ! И въ самомъ идеальномъ видѣ, безъ подмѣси, хотя бы и заграничной, потому что я человѣкъ сознательный, въ двадцатомъ вѣкѣ въ церковь не пойду, и должно же быть у меня что-нибудь святое, и надо же мнѣ чему-нибудь и гдѣ-нибудь молиться, понимаете? И подавайте мнѣ его, скажу прямо, чистыми руками, чтобы отъ него не пахло вашими пальцами, понимаете? Но объ этомъ довольно! Теперь третій вопросъ! Называете это мѣсто храмомъ? Хорошо, спасибо! Но только тогда и ведите себя здѣсь такъ, чтобы я, еще не доходя, чувствовалъ, что это не лавочка, гдѣ обвѣшиваютъ народъ, а именно храмъ, мѣсто духовное, понимаете? А вмѣсто этого здѣсь насъ двадцать первый годъ обвѣшиваютъ: что даютъ, и что берутъ, какъ показалъ сегодняшній ораторъ, браво ему, понимаете? Но объ этомъ довольно! Теперь слѣдующій вопросъ! Что касается, господа, ихнихъ профессоровъ, то не забывайте, что когда народъ разочаровывается въ батюшкѣ, онъ бросаетъ и вѣру, и такіе профессора и такая наука въ одинъ прекрасный день должны лопнуть, потерпѣть крахъ! Понимаете? Но довольно объ этомъ! Что же касается теперь художественнаго театра, а также Западной Европы, то нынче, господа, послѣ 905 года, даже въ иныхъ парикмахерскихъ виситъ аншлагъ, что тутъ на чай не берутъ, потому что, браво оратору, тамъ понимаютъ, какой отъ этихъ чаевыхъ идетъ вредъ и мастерамъ и публикѣ! Понимаете?

Потому что, господа, опять браво оратору, истинная культура, нутряная, коренная, не шелуховая, придетъ не сверху, не отъ мамзелей, а снизу, отъ рабочаго класса, то-есть, скорѣе отъ такихъ парикмахерскихъ, чѣмъ отъ такихъ театровъ, понимаете? А сверху, господа, трижды браво оратору, идетъ не культура, а ея одёжа, бѣлье, ея пудра, помада, ея туалетъ, со всяческой мишурой, съ сусальнымъ золотомъ, соблазнительнымъ только для дикарей и для дамъ, понимаете?

— Браво, браво, браво! Спасибо за дамъ! За дамъ спасибо! Если-бъ зналъ, жену-бъ привелъ, пусть бы послушала! Однѣми парижскими шляпками да буами въ чахотку вогнала! Что ни годъ, то буа! По буднямъ служу въ двухъ мѣстахъ, по праздникамъ бѣгаю въ третье, стыдно сказать, въ какое! И развѣ раньше я такой былъ? Смотрите, господа: гдѣ мои щеки, гдѣ моя шея, гдѣ мое все? А ребра? Пощупайте: однѣ кости! Очень спасибо за дамъ, что вступились! Пора обратить вниманіе на положеніе мужского класса! Раньше женскій классъ хоть въ газетахъ прохватывали! И если бы только однѣ благородныя! Къ тѣмъ это идетъ! А то за ними и наши тянутся, предлогъ берутъ! Увидятъ буу — и себѣ буу! Буу и буу! Что ты будешь дѣлать? И не бьешь ее сроду, а тутъ съ досады возьмешь за косы и покажешь ей, какія бываютъ буи! Истинный Богъ, не вру!

Къ этому голосу и къ тѣмъ другимъ, что переплетались вмѣстѣ съ нимъ, все время лѣзъ еще одинъ, ползучій, липкій, какъ смола. Его отдирали отъ общаго клубка голосовъ, отстраняли, отбрасывали прочь, а онъ поднимался и снова лѣзъ, наступалъ, валился на другихъ, какъ безчувственно-пьяный.

— Я самъ рабочій человѣкъ, вы не думайте! — наваливался онъ на кого-то, ничего не замѣчая, кромѣ себя. — Вотъ мои музоли! Господа, смотрите на мои музоли! На музоли мои смотрите! Потрогайте-ка ихъ! Трогайте, чего не хотите, не бойтесь, съ васъ денегъ, за это не спросятъ! Трогайте, это не грязь, это такое музолиное мясо!

— Господа, погодите, нельзя такъ; — въ то же время пытался разобраться въ клубкѣ шумныхъ голосовъ спокойный основательный голосъ. — Вѣдь чтобы судить о такихъ сложныхъ вещахъ, какихъ коснулся сегодня ораторъ, надо хорошо знать и политическую экономію, и исторію, и біологію, и юриспруденцію, главнымъ образомъ, римское право, и высшую математику съ астрономіей, и языки...

— А вы, господинъ, чѣмъ хвастаться, лучше возьмите и разскажите намъ, если знаете!

HARVARD COLLEGE LIBRARY

— Оо!.. Пфф!.. Объ этомъ надо говорить дни, недѣли, мѣсяцы, годы...

— Ухъ — тыи... годы! Это значитъ и на работу не надо ходить, а только сидѣть и васъ слушать! Ванька, слышишь, что вонъ тотъ господинъ говоритъ, шкилетъ, въ длинныхъ волосьяхъ? Гы-гы-гы!

— Стойте, господа, не слушайте, кого попало! Кто это говорилъ про книги и годы? Не вѣрьте! Арабскія сказки! Я про театры всѣ книги прочелъ и ни въ одной не встрѣтилъ той наиглавнѣйшей истины, что театръ прежде всего долженъ быть чистымъ мѣстомъ на землѣ! Поэтому я и говорю, что если когда увидите толстую книгу про театръ, то заранѣе знайте: сочинитель ея, какая-нибудь мелкая личность въ очкахъ, какое-нибудь ничтожество изъ ученыхъ профессоровъ, обязательно разливается по бумагѣ моремъ мелочей, а главнаго не видитъ! Браво оратору за главное! За главное браво!

X.

Господа, ближе къ дѣлу! — вывернулся на поверхность изъ общаго водоворота голосовъ одинъ голосъ. — Сообщайте факты! Что касается лично меня, слушайте, господа, не перебивайте! Что касается лично меня, то могу сообщить, слушайте же, господа, не перебивайте! То могу сообщить, что я знаю нѣсколькихъ человѣкъ, которые рѣдко посѣщаютъ театръ по разнымъ причинамъ, въ числу которыхъ входятъ и эти чаевыя переживанія! И, понятное дѣло, имъ не жаль пятиалтыннаго! Они больше бы дали, только чтобы не давать! Они болѣютъ, подавая! Имъ стыдно! Вѣдь не всѣ люди безъ стыда, и стыдъ теряется человѣкомъ не сразу, а постепенно, съ муками, съ борьбой, съ болью! Это, господа, всякій изъ васъ по себѣ знаетъ! Вспомните, какъ вы стыдъ свой теряли! Поэтому я и говорю: вдумайтесь хорошенько въ слова сегодняшняго оратора! Хотя одинъ разъ въ жизни во что-нибудь вдумайтесь! Только одинъ разъ въ жизни, а потомъ больше не надо, только одинъ разъ, очень прошу! Такъ какъ если ни разу въ жизни ни о чемъ не думать, то тогда и умъ тоже теряется, пропадаетъ! А если у васъ ни стыда ни ума, тогда значитъ у васъ остается одно мясо, и вы дѣлаетесь скотами! Не стѣсняйтесь, не стѣсняйтесь, я самъ раньше тоже такой былъ, какъ вы! Даже еще хуже! О чемъ, бишь, я еще хотѣлъ сегодня сказать? Кажется, больше ни о чемъ! Я кончилъ, господа! Все! Браво оратору! Ор-ра-ратору!

— Какая дичь! — заэвенѣлъ женскій голосъ, упрямый, какъ

желѣзо. — Я никогда даже не замѣчаю этихъ людей у вѣшалокъ! Суну имъ сколько-нибудь, если такъ принято, и иду себѣ дальше! И еще я хотѣла сказать, что если бы дѣйствительно тутъ было такъ плохо устроено, тогда билеты не брались бы такъ нарасхватъ! Разъ ходятъ, значитъ довольны! Я кончила!

Поднялся дѣланный мужской хохотъ; послышались насмѣшки, двусмысленныя шутки; посыпались возраженія.

— Мадамъ, а вы знаете, что въ театры идутъ, можетъ быть, главнымъ образомъ оттого, что больше некуда идти! И на драки идутъ, и на свадьбы, и на похороны! А почему? Все поэтому! Народъ любитъ собираться, онъ не можетъ жить безъ этого! И оттого, что некуда идти, онъ и въ публичные дома идетъ! Развратники? Нѣтъ, извините! За развратомъ? Нѣтъ, нѣтъ, неправда! Я самъ русскій человѣкъ и врать не стану: бывало, вотъ хочется чего-то высшаго, чистаго, святого, вотъ ищу-ищу въ умѣ, куда бы это пойти, а потомъ, смотрю, уже сижу въ публичномъ домѣ рядомъ съ голыми дѣвицами, самъ своей жизни не радый! Вотъ перекрещусь, что правда! А я, господа, человѣкъ женатый, что же тогда дѣлать холостымъ! Куда идти? А тутъ, какъ на грѣхъ, водку прикрыли!

— Правда, правда, правда! — зазвучали густымъ нестройнымъ хоромъ безчисленные мужскіе голоса, старые, молодые. — Истинная правда! Святая правда!

И довольные, что поднялись, эти голоса долго не желали садиться и вились въ воздухѣ, разрастаясь, умножаясь, захвативъ весь театръ: и зрительный залъ и, частью, сцену.

— Какъ они говорили, такъ оно и выходитъ! Взято прямо изъ жизни! Что правда, то правда! Даромъ что я мастеровой человѣкъ и имѣю семейство, но и меня влечетъ, влечетъ къ мимолетнымъ романчикамъ! Что-жъ? Своего рода роскошь жизни!

— Тутъ не про это!

— Ничего! Тутъ каждый про свое!

— Господинъ! Не тотъ, который этотъ, а тотъ, который раньше! Да, вы, вы! Не смотрите, что я, можетъ, чище васъ одѣтый, дайте вашу руку! Люблю правду! И скажу, что дѣйствительно пора начинать жить внутренностью и на откровенность, а не наружностью одной и враньемъ! Попробовали, пожили одёжой одной, галстучками, одними, поврали и довольно! Теперь надо дальше идти, дальше мишуры! Вѣдь черезъ нихъ, черезъ этихъ мишурниковъ, на землѣ уже не осталось ни одного чистаго мѣста: всюду напакостили, куда ни ступи! И главное то, что тутъ на правительство уже никакъ не свалишь вину: сами у себя такіе по-

HARVARD COLLEGE LIBRARY

рядки халуйскіе позаводили! И дай имъ, такимъ, конституцію-они и съ нею распорядятся такъ же: нацѣпятъ на всѣхъ вотъ такіе галстучки, чтобы было не хуже какъ въ Европѣ, этимъ и ограничатся! Они даже вреднѣе, чѣмъ правительство! Хлопайте оратору, господа, хлопайте, онъ русскій человѣкъ, природный, безо всякихъ!

— На самомъ-то дѣлѣ, почему нѣкоторые не хлопаютъ? Господинъ, отчего вы не хлопаете? Вы русскіе или какіе? Говорите, греки? Греки тоже православные, хлопайте!

Въ помощь прежнему женскому голосу, откуда-то взлетѣлъ съ тою же бойкостью второй.

— Генію все позволено! — отбивался онъ отъ мужскихъ, толпой дразнящихъ его. — Артистъ одно, а человѣкъ — другое! Нельзя это мѣшать и къ таланту предъявлять человѣческія требованія!

— Наговорила! Ха-ха-ха!

— Баба. Что съ ней взять?

— Долой, которые, что ни то! — уже долгое время буянилъ глухой голосъ въ послѣднихъ рядахъ галлереи. — Здѣсь не заграница, изъ нашего овса рисъ дѣлать и потомъ намъ же его привозить по пять рублей за пудъ! Здѣсь Россія! Долой! Не желаю! Я имѣю большую власть въ себѣ! Пьяный? А ты мнѣ подносилъ?

— Тише, товарищъ, — вязали его другіе голоса. — Не раскамашивайтесь очень. Здѣсь дамы. Здѣсь могутъ невиновные пострадать. Держитесь на точкѣ зрѣнія, разсучьте обратно рукава. Теперча и безъ етаго всѣ узнали.

— Теперча всѣ узнали! — мрачно обрадовался этому слову буянившій и не отпускалъ его отъ себя. — Теперча всѣ узнали!

— Обратите вниманіе, коллега, на группу этихъ подвыпившихъ типовъ, занимающихъ цѣлый рядъ позади насъ. Послушайте, о чемъ они говорятъ, поглядите, какими глазами они на всѣхъ глядятъ. Погромщики, истинные погромщики! И какой еще въ сущности лѣсъ наша Россія!

— Согласенъ, коллега. Больше того. Думаю, не только Россія, все человѣчество еще лѣсъ, дремучій, дикій, страшный. Настоящая культура, о которой тутъ говорилъ одинъ юноша, дѣйствительно еще не начиналась. Вотъ почему въ словахъ этого удивительнаго незнакомца я усматриваю много горькой правды. Кажется, уже сбывается пророчество: что утаилъ отъ мудрыхъ, открылъ младенцамъ.

— Такъ-то оно такъ. Только тутъ что-то не того. Надо

будетъ когда-нибудь на досугѣ серьезно поразмыслить объ этомъ, что и какъ.

И наряду съ голосами возбужденными, рѣзкими, крикливыми, тихо ворковали по угламъ голоса сдержанные: гдѣ мрачные, глухіе, гдѣ скорбные, пѣвучіе.

— А когда на сценѣ топится въ рѣчкѣ страдалица, жрать въ ложахъ шоколадъ въ два съ полтиной фунтъ можно?

— Да, братъ, вѣрно. Жрать шоколадъ надо бы запретить, когда возлѣ человѣкъ съ горя въ рѣчкѣ топится.

— Поди-ка-ся запрети. Такъ оно и въ жизни, братокъ. Кто шоколадъ, кто въ рѣчку, кто что.

— Вотъ то-то и главное. Тутъ одно подъ одно вродѣ подводится. Тутъ уже политика. Тутъ уже не подобаитъ излишняго баить.

— И-эхъ... братокъ ты мой!

Потомъ слѣдовало между ними молчаніе, во время котораго мысли каждаго собесѣдника шли своимъ путемъ и скрыто. Иногда онѣ снова выплывали на поверхность.

— А они все-таки его найдутъ.

— Кого?

— А оратора.

— Кто?

— А артисты.

И опять прежній вздохъ, молчаніе, скрытый ходъ мыслей.

А рядомъ, тутъ же, другое собесѣдованіе, тоже далекое отъ общаго шума, мирное и вполнѣ самостоятельное.

— Кричатъ-кричатъ и все безъ толку... Какіе-то балаболки... Право, ей-Богу... Не въ томъ, что на чай берутъ, а въ то, что безо время берутъ!... Вотъ главное!... Ты не бери, когда я сучный, когда я только что пришелъ изъ дому и раздѣваюсь... Ты бери, когда я ухожу, когда я довольный, что меня не обокрали здѣсь!.. Тогда я, можетъ, еще больше дамъ, если захочу...

— Раньше за эту цѣну и водевиль давали...

— Теперича все стало дороже... Которая раньше селедка стоила три копейки, ее теперича за гривенникъ не укупишь...

— Селедку можно хотя съѣсть...

XI.

Пекадни изъ публики вели подобныя бесѣды между собой и переникались съ артистами, другіе въ это время искали глазами знакомца, и такъ разглядывали его, съ такимъ блатого-

HARVARD COLLEGE LIBRARY · WIDENER LIBRARY

вѣйно-тревожнымъ выраженіемъ лицъ, точно подозрѣвали присутствіе въ немъ какой-то большой тайны.

Двое веселыхъ низенькихъ генераловъ и одна важная высокая дама, шаля, отнимали другъ у друга бинокль и наводили его изъ партера на незнакомца, какъ на парящій въ небѣ аэроплант.

— Почему вы думаете, что это непремѣнно переодѣтый? — спрашивалъ даму одинъ генералъ, не отрывая глазъ отъ бинокля.

— Потому что простой человѣкъ не смогъ бы такъ гладко говорить, — отвѣчала дама, жеманясь. — У простого человѣка: энто, да чаво, да запамятовалъ.

Курсистки, студенты, гимназистки, гимназисты, какіе-то штатскіе юнцы и юницы, непрерывнымъ гусыкомъ, какъ паломники, поднимались по всѣмъ лѣстницамъ изъ нижнихъ ярусовъ вверхъ и направлялись прямо къ незнакомцу. Каждый и каждая по-своему прекрасные, о чемъ-то своемъ думающіе, что-то свое чувствующіе, съ одинаково напряженными лицами, загадочно-мечтательные, они останавливались вокругъ незнакомца тѣсными рядами и такъ тепло и жадно смотрѣли на него и такъ при этомъ крѣпко жались другъ къ другу, точно онъ однимъ своимъ видомъ вызывалъ въ нихъ чувства всеобщаго родства.

Незнакомецъ, утопая въ нескладномъ пиджакѣ, сидѣлъ на серединѣ перваго ряда галлереи и сѣрой тряпочкой, въ которой давеча были очки, теръ лобъ, весь въ складкахъ. Очковъ уже не было на немъ, поэтому его лицо, въ слѣдахъ оспы, съ утинымъ носомъ, широкимъ ртомъ и узкими глазами, казалось теперь заспаннымъ и страннымъ. Онъ, морщась отъ усталости и еще отъ какихъ-то сложныхъ чувствъ, сидѣлъ, улыбался, бесѣдовалъ съ однимъ, другимъ, третьимъ. И нѣкоторые изъ публики такъ жаждали этой бесѣды, хотя изъ одного слова, точно во время нея на нихъ переходила съ него частичка какой-то неземной благодати. Получившіе кусочекъ благодати отходили, и подходили другіе.

— Нѣтъ, правда, очень прошу, скажите, кто вы, потому что я должна васъ о многомъ-многомъ разспросить! — тянулась къ нему трепетнымъ подбородкомъ скромная на видъ дѣвушка, вся насквозь свѣтясь страданіемъ чистаго порыва, та самая, у которой бѣлый воротъ, покрывавшій плечи, походилъ на скорлупу яйца.

Толстый помѣщикъ, пріятный блондинъ, въ рыжей поддевкѣ, отдѣльно отъ молодежи поднялся изъ партера на галлерею, зачѣмъ-то сунулъ незнакомцу въ боковой карманъ пиджака свою визитную карточку и съ такой же поспѣшностью отправился

обратно, унося на лицѣ свѣтлое выраженіе вѣрующаго, приложившагося къ чтимой святынѣ.

— Братъ! — въ это же время понесся черезъ весь зрительный залъ, со сцены на галлерею, страшный голосъ трагика Несчастливца. — Братъ! — вторично прорѣзалъ тишину замершаго театра его изнемогающій отъ страданія голосъ.

Точно пробираясь сквозь кустарникъ, трагикъ отстранилъ отъ себя влѣво и вправо остальныхъ артистовъ и выступилъ впередъ, на самый край сцены. Рѣзкія, намалеванныя черты лица его кривились, отражая на себѣ нечеловѣческое напряженіе его мозга. А глаза, устремленные на незнакомца, выражали блаженство великаго раскаянья и моленіе о прощеніи. Точно такими же глазами, должно быть, смотрѣли дѣти Іакова на своего брата Іосифа, котораго они нѣкогда продали, а потомъ совершенно случайно узнали въ толпѣ чужестранцевъ.

Одной рукой трагикъ крѣпко сжималъ лобъ, а другой дѣлалъ въ воздухѣ судорожныя движенія, какъ будто силясь раскопать въ памяти мучительно-необходимыя ему слова. Онъ нѣсколько разъ съ видомъ безмѣрнаго отчаянья встряхивалъ кудрявой головой и саженными плечами, словно желая отмахнуться отъ лѣзущихъ на умъ не тѣхъ словъ.

— «Душа моя полна благодарности» .... — глубоко-трагическимъ, содрогающимся басомъ заговорилъ онъ, наконецъ, словами изъ своей роли, очевидно, такъ и не разыскавъ въ памяти былыхъ хорошихъ собственныхъ словъ. — «Она полна любовью къ вамъ» ... — мученически звучалъ на весь залъ его голосъ. — «Грудь моя полна теплыхъ слезъ» ... О! — воскликнулъ онъ тономъ еще болѣе горестнымъ: — «Мы пьемъ, шумимъ, представляемъ здѣсь пошлыя фальшивыя страсти», а тамъ, а тамъ ...

Голосъ его сорвался, и, вмѣсто тѣхъ, не актерскихъ, а обычныхъ человѣческихъ словъ, которыхъ такъ страстно искала въ памяти его душа, изъ груди его полились звуки, которыхъ никогда не слыхала сцена Одоля: рыданія стараго человѣка, не такъ прожившаго свой вѣкъ.

Онъ сбросилъ съ плечъ бутафорскій ранецъ, набитый бумажной трухой, сорвалъ съ головы великолѣпный черный парикъ, подъ пышными кудрями котораго къ жалостливому удивленію публики оказалась совершенно сѣдая, остриженная, узкая интеллигентская голова.

— «Ахъ, теперь одна могила» ... — едва вымолвилъ онъ сквозь рыданія и, съ лицомъ, опутаннымъ длинными руками, въ

HARVARD COLLEGE LIBRARY • MUSEUM LIBRARY

странномъ костюмѣ бродячаго актера Несчастливцева, сильно нагорбясь, зашагалъ за кулисы.

Тонкимъ струннымъ жужжаніемъ жалобно заплакалъ зрительный залъ, въ одномъ мѣстѣ, другомъ, третьемъ. Истерическіе выкрики женщинъ и кашель мужчинъ мало-по-малу наполнили театръ.

А слѣдомъ за трагикомъ, какъ карлики за великаномъ, забрасывая его нагорбленную спину словами недовольства, попрековъ и оскорбленій, двинулись со сцены и остальные артисты, вмѣстѣ съ администраціей, странной толпой, въ гриммѣ, полугриммѣ и такъ.

— О! — своенравно остановился вдругъ трагикъ, наполовину уже скрывшійся за кулисы, и остановилъ собой всѣхъ. И, показывая оттуда незнакомцу на толпу своихъ преслѣдователей, онъ съ благороднымъ пафосомъ произнесъ: — «Зачѣмъ зашли вы въ этотъ лѣсъ? Зачѣмъ спугнули совъ и филиновъ? Что имъ мѣшать? Пусть ихъ живутъ, какъ имъ хочется! Тутъ все въ порядкѣ, какъ въ лѣсу быть слѣдуетъ!»

— Онъ пьяный! — раздался полный отчаянья выкрикъ Одоля. — Занавѣсъ! — завопилъ Одоль на прислугу.

И одиноко-громко стуча высокими каблучками по доскамъ пола и скосивъ вылѣзшіе изъ орбитъ глаза въ партеръ на кукольно-красивую фигуру дежурнаго пристава, онъ со сжатыми кулаками заспѣшилъ за кулисы, гдѣ одна часть артистовъ опускала занавѣсъ, а другая, вмѣстѣ съ рабочими, поднимала. Дама-великанша послѣдовала за мужемъ, съ такимъ выраженьемъ, точно съ секунды на секунду ожидала, что подъ ней провалятся доски пола.

— Я прекращаю чествованіе! — вслѣдъ за выкрикомъ Одоля, прозвучалъ другой голосъ, ровный, властный, кокетливо-фатовской, принадлежавшій полицейскому приставу, вдругъ вставшему въ позу, въ полуоборота ко всей публикѣ, съ миной привычнаго презрѣнія на губахъ. — Попрошу расходиться, э! — обратился онъ къ залу. — Я больше не позволю чествовать!

— Тридцать второй! А въ то воскресенье было одиннадцать! Хорошо, что пошли! Я говорилъ!

— Я тоже говорилъ!

Занавѣсъ, шевеля толстыми горизонтальными складками, точно жуя недовольными губами, медленно опустился.

Публика встала, голодно, отъ всей души, прорычала въ пространство, повернулась къ выходу и тронулась съ мѣста.

Идти было тѣсно. Люди подвигались медленно, вершковыми

шажками, и, оборачивая свѣтлыя кружки лицъ то на сцену, то на галлерею, выпирали платками заплаканные глаза.

За занавѣсомъ шумѣли. И голосъ трапика, высокій, рыдающій, едва доносился оттуда до публики, какъ изъ глубокаго-глубокаго оврага.

— ...«Люди, люди!... Ваши слёзы — вода...»

Н. Никандровъ.

ЖАБЬЯ ЖИЗНЬ.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Я пробирался волчьими тропами въ поморскій скитъ, заброшенный радѣтелями къ самому сердцу Алтая.

На послѣдней заимкѣ, провожая меня утромъ, хозяинъ говорилъ:

— Ты помѣшкалъ бы, пріятель. Вотъ, гляди-гляди, Егоровски поѣдутъ лѣсъ сочить. Хошь до Рѣзвой рѣчки по пути. Заблудишь, пріятель...

— Спасибо, дѣдушка. Авось не пропаду.

Онъ стоялъ на высокомъ крыльцѣ босикомъ и безъ шапки, заложивши руки за крученый поясъ.

— Ну, мотри... Только штобы...

Его голосъ потерялся въ бойкомъ рокотѣ рѣчушки.

Уже полдень. Горы подступаютъ все плотнѣе. Черные, угрюмые лѣса одѣли ихъ по склонамъ. Зеленовато-голубой волной идетъ рѣка по каменнымъ ущелинамъ. Стремительно бросается она на мокрыя стѣны утесовъ и, отраженная, въ безумной ярости несется бѣлой пѣной, а за поворотомъ мчится уже гладкой зыбью, отражая красоту лѣсовъ и неба, чтобы снова въ узкомъ коридорѣ звонкимъ жемчугомъ засыпать съ горъ скатившіеся валуны.

Едва примѣтная тропинка извивается по берегу, порой спускаясь въ воду или поднимаясь на прирѣчный утесъ. Лошадь четко сѣчетъ камень острыми подковами. Она внимательно и осторожна. Мелкія рѣчушки, вырываясь къ ложу царицы-рѣки, шумными каскадами встаютъ намъ на дорогѣ. Соловко каждый разъ тревожно наклоняетъ голову къ водѣ, выразительно фыркаетъ и вдругъ, рѣшившись, бросается въ студеную струю. Вода хлещетъ его въ бокъ и толкаетъ, а онъ, боязливо шарахаясь на скользкихъ крутляшахъ, уже видитъ начало тропинки на томъ берегу и прибавляетъ шагу. Выйдя на берегъ, встряхнется, оборветъ зубами пару вѣтокъ съ ближняго куста и — дальше.

Солнышко, теряясь въ гущѣ лѣса, радуетъ тепломъ и свѣтомъ лишь на розсыпяхъ. Вершины розсыпей угломъ уходятъ вверхъ. Когда посмотришь издали, то кажется, что изъ горы течетъ сѣрая вязкая грязь. Она вѣеромъ раскинулась по склону, подъ корень скосила лѣсъ. Гигантскій вѣтеръ нижней гранью падаетъ къ водѣ. Тутъ тропинки уже нѣтъ. Соловко выламываетъ ноги на ползучихъ острыхъ камняхъ, поминутно спотыкается, коситъ глазами вправо, на рѣку.

Вотъ опять суровый бомъ упрямо пялитъ въ рѣку свою каменную грудь, встаетъ ей на пути несокрушимый, неприступный. Дорога замираетъ у воды. Рѣшиться? Нѣтъ! Можетъ быть въ низкую воду здѣсь и проѣзжаютъ какъ-нибудь... Я только что, огибая приторъ, былъ на волосокъ отъ участи попасть съ бушующей волной на средину рѣки. Другая тропинка поднимается круто на бомъ. Выбираю ее. Она лѣпится по глыбамъ гранита, виснетъ надъ самой рѣкой. Голову нехорошо обноситъ. Грозными зарницами мелькаютъ мысли: «сорваться... на острые камни... потомъ въ воду»...

Откуда-то неясно долетаютъ голоса, и сейчасъ же раздается властный окрикъ:

— Держи! Крѣпи! Держи рѣшнѣ!

Изъ-за притора вылетаетъ плотъ. На немъ двое мужиковъ. Они въ однѣхъ рубахахъ. Видимо, на случай, если расколотитъ на порогахъ. Смотрю растерянно, какъ зыбаетъ толстыя бревна, а плотъ — уже мимо. Меня замѣтили, и тотъ, что съ черной бородой, у задняго весла, кричитъ:

— Рѣкой-то рази глыбка-а?

Пока собираюсь отвѣтить, плотъ относитъ. Мужикъ, не переставая отгребаться, надсаживается:

— Держи лѣвя-я, лѣвя-я, лѣвя-я... на ка-амень!...

Плотъ скрывается за поворотомъ.

Неожиданно черезъ тропу ложится глыба сѣраго гранита. Она гладкая, скользкая. Уже совсѣмъ хочу ее объѣхать начинающейся розсыпью, но вспоминаю недавній совѣтъ. Соловко храпитъ и пробуетъ копытомъ камень, потомъ рѣшительно закидываетъ ноги. Подковы срываются. Мгновенье мы оба висимъ надъ обрывомъ. Животный страхъ бросаетъ въ потъ. Но Соловко, сгибаясь подъ тяжелой кладью, невѣроятно быстрыми прыжками поднимается на верхнюю площадку. Мы живемъ! Тамъ, за камнемъ, дорожка спокойно уходитъ черезъ лѣсъ пологой мягкотью.

Оправляясь въ сѣдлѣ, я смотрю подъ утесъ, и сердце стынетъ

HARVARD COLLEGE LIBRARY • WIDENER LIBRARY

въ ужасѣ. Даже если бы крутая роэсыпь не снесла насъ въ рѣку, мы, пройдя ее, попали бы въ глубокій каменный мѣшокъ.

Спасибо Черной Бородѣ!

Тропинка мягкая, но слѣду нѣтъ. Она упрямо поднимается въ вершину. Лѣсъ густой-густой, еще не знающій желѣза. Деревья изживаютъ вѣкъ и падаютъ, гдѣ выросли. Ихъ длинные тяжелые стволы лежатъ колодами то тутъ, то тамъ. Солнце еле пробиваетъ ажуръ зелени. Лицомъ поминутно разрываешь липкую невидимую паутину. Внизу, подъ деревьями, сыро. Густо пахнетъ землей.

Наконецъ, поднялись на сѣдло. И почти сейчасъ же — спускъ. Дорожка смѣло опрокидывается, ведетъ зигзагами все черезъ лѣсъ, куда-то внизъ, къ невѣдомому, жутко интересному.

Я заблудился. Въ этомъ уже нѣтъ сомнѣнія. Примѣты всѣ пропали. А вѣдь какъ краснорѣчиво, обстоятельно разсказывалъ мнѣ дѣдушка Степанъ!

На косогорѣ лѣсъ растаялъ. Не любитъ онъ южныхъ уклоновъ. Сказочно глубокой далью синѣетъ тѣсное ущелье. Нитью серебра легла по дну его, еще неслышная, рѣченка. Изъ-за груди откоса, прямо подъ ногами, чуть сѣрѣетъ крыша. Люди и здѣсь! Соловку тяжело. Одинъ-другой неловкій шагъ — и мы свернемся, полетимъ черезъ колючіе кусты. Внизу, въ зеленыхъ копнахъ тополей, все рѣзче выступаетъ домикъ...

Когда, скатившись подъ гору, я миновалъ рѣчушку и подъѣхалъ къ домику, меня встрѣтилъ дикимъ лаемъ свирѣпый бѣлый песъ. Лѣзетъ къ лошади, старается схватить ее за ноздри, а на взмахъ нагайки отвѣчаетъ волчьимъ воемъ. Соловко, досадно удивленный, топчется на кучѣ мусора, шагъ за шагомъ отступая къ банѣ. Я ищу глазами по двумъ крохотнымъ оконцамъ одряхлѣвшей избы. Никого! Но вотъ стукнула защелка, и на подгнившемъ низенькомъ крылечкѣ показалась женщина. Подъѣзжаю ближе. Она щуритъ глаза, и нельзя понять, старость или солнце натянули на лицо морщины.

— Здорово живете! — стараюсь перекричать собаку.

Она окидываетъ жаднымъ взглядомъ меня и лошадь.

— Здорово живешь... Заѣзжать ли чо ли будешь?

— Надо бы.

— Дакъ заѣзжай.

— А эта заимка — Захаровскихъ?

Она смотритъ удивленно и растерянно.

— Пошто такъ? Мы Мирошински.

— У Степана Василича мнѣ говорили, что Захаровы на Рѣзвой рѣчкѣ.

Она улыбается, ковыряя пальцемъ подъ шешмурой.

— Сказывали правильно, а только здѣсь до Рѣзвой далеко, за бѣлокъ тебѣ надо. У насъ Шумишка пробѣгаетъ. На всей Шумишкѣ мы одни, Мирошински... Да цыть ты, окаянная! — неожиданно взвизгнула баба, притопывая пяткой. — Будь ты троютрижды, на семи соборахъ проклята!

Она проворно подхватила съ полу какой-то обрубокъ и съ плеча запустила въ собаку. Та перекинула пушистый хвостъ подъ брюхо и, боязливо озираясь, ускакала въ кусты. А баба уже потеряла тихую улыбку. Отгоняя отъ крыльца теленка, она тянетъ раздражительно:

— У насъ какъ ежли человѣкъ заѣдетъ, только знаемъ, что за горло взять... Одичали... Чисто звѣри... Жизнь, ты жизнь!...

Настроеніе хозяйки не манило привѣтомъ и лаской. Но я уже разсѣдлывалъ лошадь и прибиралъ поклажу.

— Мужиковъ нѣтъ дома?

Баба помолчала и нахмурилась.

— Въ избу старикъ-отъ, а Миронъ за телкой гдѣ-то утянулся. Ты не стрѣлъ его?

— Нѣтъ.

Она вздохнула и ушла.

Солнце опустилось за большой горой. Ущелье тѣсное, сырое. Только кинули тѣнь крутые гребни, какъ на днѣ его уже пахнуло сыростью. Кругомъ мочажникъ. Лишь заимочка стоитъ на небольшомъ пригоркѣ. Ни плетня, ни прясла. Изба покрыта на два ската необрѣзаннымъ тесомъ, а подъ крышей изъ конца въ конецъ — пролетъ. Холодно, бѣдно и неуютно.

Соловко готовится вздремнуть. Привязанный къ столбику, онъ разставляетъ ноги, шумно встряхивается и широко зѣваетъ свободнымъ отъ желѣза ртомъ.

II.

За окномъ уже вечеръ. Въ низкой и тѣсной избѣ полумракъ. Печка пышетъ жаромъ. Пахнетъ кислымъ хлѣбомъ и чѣмъ-то тупо-сладкимъ, отъ чего мутитъ подъ ложечкой.

Дѣдушка Семенъ сидитъ на голбцѣ у печи. Онъ въ длинной-длинной бѣлой рубахѣ и бѣлыхъ штанахъ. Лицо у него сухое, кроткое. Глаза тихіе, умные. Сѣдая борода и жидкіе пучки волосъ

на головѣ опрятно прибраны. Весь онъ такой чистый, хорошій. Живетъ съ ясной душой, готовый умереть, когда случится.

Съ дѣтскимъ любопытствомъ наблюдая за раскладкой багажа, онъ долго смотритъ на красивый черный ящикъ, наконецъ, протягиваетъ восковую руку и беретъ его. Нечаянный нажимъ — и аппаратъ со звономъ раскрывается, показывая полированную внутренность. Ящикъ падаетъ въ колѣни. Дѣдъ смѣется виновато и растерянно.

— Изломалъ, кажись?

— Ничего! Хорошо, что не на полъ.

Подаетъ мнѣ аппаратъ дрожащими руками.

— Штука-то, ишь она какая... не бывало у рукъ-то... Сказываютъ, будто этими, какъ ихъ, землю обмѣряютъ... Съ деревни ланись наѣзжалъ народъ, такъ все болтали, што съ заимокъ насъ погонютъ.

А самъ щупаетъ меня глазами. «Не изъ тѣхъ ли, молъ, милый?» Но спросить стѣсняется.

Я успокаиваю дѣда. А онъ все такъ же виновато улыбается.

— Не дослышу, милый, не дослышу.

— Кого тамъ не дослышу, — вздыхаетъ баба, — совсѣмъ окрѣпъ ушами. Хошь въ барабанты бей, не мигнетъ.

Она оживилась и хлопочетъ безъ устали.

— То-то смотрю я, кто, молъ, это. Ровню бы одежа наша, да, опять, безъ бороды. Въ этомъ мѣстѣ ежли кто изъ деревень покажется, такъ до краю надивуешься. Заблудящій рази кто наѣдетъ. Пра-аво.

Дѣдушка перебиваетъ:

— Тебѣ, милый, можетъ, похлебать чего бы? Катерина! А?

— Ну, ужъ гдѣ имъ нашего! Не станутъ. Вотъ уже утре испеку блиновъ. Только мука-то у насъ — слава одна, что мука, а испекешь, такъ изъ души воротитъ. Ланишный хлѣбъ-то.

— Плохой родился?

— Кого тамъ! Испрогиблое што ни есть мѣстишко. Овошъ не родится, не то што. Кругомъ мочажина, изморозь, туманъ. Хлѣбъ-отъ изъ деревни возимъ на вьюкахъ. Грѣху одного сколь, пока дотянешь.

Катерина вскипятила чайникъ. Сизо-черный отъ смолистой копоти, онъ даже на столѣ сердито хлюпаетъ подъ крышкой и стрѣляетъ паромъ черезъ круто выгнутый носокъ...

Столъ накрытъ сѣрой запачканной холстиной. На холстинѣ — треснувшая чашка, горка длинныхъ ноздреватыхъ ломтей хлѣба и деревянное корытце съ сотами.

HARVARD COLLEGE LIBRARY · WIDENER LIBRARY

Катерина извиняется:

— Чай-то, поди, свой заварите? У насъ и нѣтъ его. Пьемъ баданъ да всяки травки. Такъ, абы пахло да покруче напревало.

Въ ея голосѣ звучитъ насмѣшка, хотя лицо такое грустное, серьезное. Баба она видная, пожалуй, молодая, но жизнь твердой рукой провела по лицу, исказила его. Катерина говоритъ, говоритъ, а глаза безпокойно шныряютъ. Кажется, что каждую минуту она ждетъ кого-то, кто-то вспугиваетъ ея душу.

— Тоже видѣла, какъ люди-живутъ. Шестой годъ на этихъ мѣстахъ, а до того все по стряпкамъ служила, у господъ, въ Семипалатномъ. Все, бывало, по-людски, не какъ-нибудь. Изготовить ли чего, подать ли... Не што... Чо это? Какъ попала? А такъ ужъ вышло оно. На разнесчастную мою голову. Жила я, значитъ, у священника, отца Ксенофонта. Вотъ хорошій былъ батюшка! Да вы, поди, знате его? Нѣтъ! Хорошій человѣкъ, обходительной. А Миронъ-то въ тѣ поры лѣсомъ занимался, сплавлялъ, ну и, значитъ, какъ въ городѣ, сейчасъ батѣ меду бадейку. Не жалѣлъ тотъ, уважалъ хорошо. Миронъ-то и сманилъ костяную дуру. То и то тебѣ будетъ. Дескать, ничего, што вдовый. Дѣтей нѣту, а заимка, пасѣка, хозяйство. Пошла на своды. Вѣнца у нихъ нѣту...

— Чаю выпьешь со мной?

Она обрываетъ разсказъ, благодарно улыбается и отходитъ къ печкѣ, гдѣ садится на узкую лавку, подпирая щеку кулакомъ.

— На здоровье кушайте съ дороги-то. Пожалуйте съ медкомъ, послаще.

— Свой?

— Да вотъ дѣдушка добылъ. За мысикомъ тутъ пасѣчка. Ранѣ, сказываютъ, у него стоялю сотъ по-много, на Громотушкѣ рѣчкѣ. Теперь ужъ гдѣ ему! До десятку роевъ доржитъ. Миронъ — тотъ не охочій. Прахомъ все пустилъ.

— Подсаживайся!

Она нерѣшительно бросаетъ взглядъ то на меня, то въ уголъ печки, за которымъ вздыхаетъ старикъ, и тянетъ руку къ шкапчику.

— Рази чашечку.

Катерина воровски, заслоняя собой столъ отъ старика, наливаетъ чаю и устраивается опять на лавкѣ. Пьетъ она съ мирнымъ довольнымъ лицомъ, пьетъ чашку за чашкой. А дѣдушка Семенъ совсѣмъ задремалъ — приморился на пасѣкѣ, — но все видитъ и все слышитъ старый, душой понимаетъ.

Мухи липнутъ къ столу, роями носятся надъ головой, мелькаютъ точками по сѣрымъ стекламъ.

Катерина вытираетъ фартукомъ лицо.

— Съ годъ, однако, не пила. Вое баданъ да блюшница. Трава она — трава и есть. Ни скусу, ни питанья... Вѣра такая у нихъ, — киваетъ она на уголъ. — Ни Боже мой, ни чаю, ничего! Чашешны они. У каждаго своя посудина. Какъ смѣшались — надо очищаться. На петимью другъ дружку ставятъ... Какой вѣры? — она безнадежно махаетъ рукой. — Теперь и самъ Господь не дастъ толку, какой они вѣры. Всяки тутъ есть. На Громотушкѣ все больше ѳедосѣевщины держатся. Старикъ-то оттуда. Тоже ѳедосѣевской, не отстаетъ. А Миронъ — тотъ дырникъ. Э-эвонъ дырка въ стѣнѣ, подрушничкомъ заткнута. Такъ на разно и молятся... Пріѣхалъ, слышь, на Громотушку исхимникъ какой-то. Такъ изъ виду маленькой, сухонькой, а заговоритъ, заговоритъ — отколь чего берется. Самъ наговариватъ, а самъ головкой этакъ, головкой этакъ. Сомутилъ народу страсть. Вотъ съ того на Шумишкѣ третій годъ болтаемся. Подобрали избу. Отъ Климушки, покойника. Потянулъ Миронъ-то. На міру ему людно, не по ндраву стало... Исхимникъ этотъ, — не найдя словъ, ударила рукой по лавкѣ, — будь онъ трою-трижды на семи соборахъ! Нѣту на нихъ здѣсь... Шляются кажинный годъ...

Помолчавши, продолжаетъ таинственнымъ шопотомъ:

— Утѣсняютъ ни на милость божью. Перво-то ниче себѣ жили, а теперь склоняютъ въ свою вѣру. Старикъ-отъ, не гляди, што тихонькой, мутитъ шибко. Сколь разовъ ужъ на соборъ вызывали. Тамъ подъ Малымъ Теремкомъ у Пахомовскихъ собираются наставники, дѣла рѣшаютъ. Вызовутъ это, и почнутъ склонять. Не хочу, молъ, по-вашему, а они свое. Дескать, какъ знашь, а только нельзя ему съ тобой въ разныхъ обрядахъ, разведемъ. Тотъ и почнетъ укорять...

Катерина поднимаетъ фартукъ къ носу и начинаетъ всхлипывать:

— Мѣста нѣтъ живого... Руки, ноги выломаны...

За стѣной, на крыльцѣ раздаются шаги. Катерина быстро утираетъ носъ и, испуганно вскочивши, прячетъ чашку.

— Видно, обернулся.

Миронъ входитъ, оставляя дверь не запертой. Сутулый, весь какъ скованный, въ плечахъ широкій. Лицо до глазъ заросло курчавой, черной бородой. Метнулъ глазами на меня, повѣсилъ шапку у двери и, не кланяясь, здоровается.

Чувствую себя такъ скверно, словно онъ засталъ меня на нехорошемъ дѣлѣ.

— Нечаянно заѣхалъ, заблудился.

Миронъ молчитъ. Сѣлъ на лавку гостемъ и осматриваетъ съ головы до ногъ.

— На Убу здѣсь можно выѣхать?

— А пошто нельзя? Кругомъ дороги. Хошь слѣпой доѣдешь.

Онъ опять молчитъ.

— Сыскалъ теленка? — осторожно справляется баба.

Миронъ отвѣчаетъ не сразу и не глядя на нее.

Долго неловко молчимъ. Но Миронъ учаялъ что-то носомъ и съ злораднымъ лицомъ, поглядывая на меня, на чайникъ, пробирается за печку. Онъ шаритъ тамъ по полочкамъ. Нашелъ чашку съ недопитымъ чаемъ, понюхалъ и, обернувшись, бросилъ ее на полъ. Чашка брызнула осколками.

Катерина обмерла, стоитъ у печки.

— Ссука каторжная! . . .

Миронъ остановился передъ ней съ потемнѣвшимъ лицомъ.

— Постыдись хошь людей! — истерично вскрикиваетъ Катерина.

Миронъ зловѣще насѣдаетъ:

— Я доколь съ тобой маяться буду? Безъ того поганьше пса, дыкъ нѣтъ, — ишшо посуду пакоститъ. У-у-у ты!

Катерина ежится, готовая принять ударъ. Но Миронъ отвертывается.

— Ппшелъ доить! — оретъ онъ.

Самъ не можетъ найти мѣста, бѣгаетъ, обваривает злыми темными глазами.

— Ты, пріятель, какъ тебя, какого ты званія . . . Не ладно это! Пошто нечисть въ домъ заносишь? . . . энту халду мутишь . . . Ей вашего брата — подай.

Пытаюсь оправдаться.

— Ппшелъ доить! . . .

Катерина, собираясь, всхлипываетъ и никакъ не находитъ чего-то.

Наконецъ, собралась и, словно вырвавшись, бросается въ сѣнцы. Выйдя, она хлопаетъ дверью такъ, что вздрагиваютъ стѣны.

— Жжабья жизнь, — слышенъ ея голосъ за окномъ.

Дѣдушка Семенъ встаетъ съ кряхтѣньемъ, идетъ къ лавкѣ и шевелитъ тамъ какіе-то ремни.

— Узду-то подшилъ бы . . . А? Подшилъ бы, говорю.

Миронъ молчитъ.

III.

Глухая ночь накрыла избу.

На краю стола въ широкой плошкѣ плавится свѣча. Свѣтильня загнулась, повисла и горитъ торопливо-мигающимъ краснымъ огнемъ. Я лежу на полу, на пахучей зеленой травѣ, покрывъ ее тонкимъ одѣяломъ. Тѣло отдыхаетъ. Только тутъ пришла усталость, и кажется тяжелымъ сномъ забытая людьми тропинка, лѣсъ, подъемы, кручи — вся поѣздка.

Катерина завалилась къ стѣнкѣ на высокихъ нарахъ и притихла.

Миронъ все еще на улицѣ — слышно, какъ за рѣчкой окликаетъ лошадей.

Дѣдъ кряхтитъ на печи.

— Житье было раздольное, — скрипитъ онъ, продолжая прерванный разсказъ. — Изъ деревни што-есть заѣзжать боялись. Звѣря было вдосталь, меду хорошо водилось, ну и жили... Все избушками, избушками, подальше одинъ отъ другого. На деревню ни-ни, не кажись! Ежли надо шибко, такъ скрадкомъ по зарянкѣ притянешь къ дружку, а онъ и того — схоронитъ...

Катерина вкрадчиво перебиваетъ:

— Вы не спите, што ли?

— Нѣтъ.

— Вотъ я чо спрошу васъ... Какъ тамъ?... Ежли вытти на Медвѣдиху... До городу черезъ каки деревни будетъ?

— Зачѣмъ тебѣ черезъ Медвѣдиху?

— Много дальше? Ну, я такъ... Сказывали только, будто можно.

Я говорю ей все, что знаю про этотъ дикій длинный путь. Мелькаетъ мысль, такая смѣлая, живая, и удивляешься, какъ просто и легко иногда можно устроиться.

А дѣдушка ведетъ свое:

— Ну, и стали, значитъ, наѣзжать пикетные. Какъ кусты одѣнутся, они и потянули. Туды, суды по сопкамъ шарются... Который оплошалъ сердешный, того и сцапали... По начальству его... Ко мнѣ этакъ же... О-ё-ё-ё!... — неловко повернувшись, стонетъ онъ: — Уу-ё-ё-ё!.. Прости насъ, Царица Небесная. Господи, Исусе Христе Сыне Божій!.. Натянулись на меня. Я, это, стою позадь избы въ кусточкахъ и вижу — по долинѣ люди. Ну, я не сробѣлъ, окошко вышибъ, захватилъ въ избѣ ружьишко да топоръ, да еще тамъ что попалю и метнулся въ сопки...

Пришелъ Миронъ. Я притворился спящимъ. Онъ походилъ по избѣ, украдкой взглянулъ на меня, разложилъ по шестку на-

сквозь промоченные сапоги и босикомъ, въ широкой распоясанной рубахѣ, стоитъ надъ свѣчкой, поцарапываясь. Лицо у него все такое же строгое, но пробѣжала по нему какая-то дума, округлила, согнала все жесткое. Передъ тѣмъ, какъ ложиться, мы съ Мирономъ долго говорили, и теперь онъ мнѣ не кажется такимъ, какой пришелъ изъ сопокъ. А понять его я не могу. Не пускаетъ въ душу. Она мнѣ представляется — его душа — такой же, какъ и эта заимочка — глухая, скрытая отъ постороннихъ глазъ, и ведутъ въ нее тайныя тропки черезъ таежные лазы, черезъ кручи и бурныя рѣки. Есть ли кто-нибудь, кому Миронъ покажетъ эти тропки? Отъ меня схоронился, запуталъ, отвелъ.

— У Савелія четыре дѣвки было... дочери... — не унимается старикъ, — такъ онъ, однако, разовъ двадцать, а то и болѣ перемѣнивалъ мѣста-то!...

Миронъ морщится, идетъ къ печи и, ставши на голбецъ, легонько дергаетъ Семена за подолъ рубахи.

— Буде, тятя! Кому наговариваешь? Онъ спитъ.

— А ну, я ничего... Любопытно ему про житье-то, про прежнее... Съ необыку, видно, приморило... Ой-ё-ё-ё!

Тяжелю ступая широкими мозолистыми пятками, Миронъ подходитъ къ свѣчкѣ, смотритъ на меня и задуваетъ. Свѣтильня тлѣетъ красной звѣздочкой и сейчасъ же съ трескомъ пропадаетъ подъ слюнявымъ пальцемъ. Мухи звонкимъ, густымъ шумомъ наполняютъ избу, долго тыкаясь по стѣнамъ.

На глаза ложится тьма, тяжелая, безъ искорки. Чуть закроешь вѣки — поплывутъ круги. Они уходятъ, разрастаясь, путаются, тонутъ въ черной пустотѣ. И вдругъ яркой акварелью встанетъ красный угловатый камень, а подъ нимъ на сочной зелени рисуется малиновая земляника. Или огненнымъ пятномъ зарябятъ, запестрятъ пахучіе жаркій-цвѣты, да такъ, что слеза прошибетъ. Мутными, но рѣзко вычерченными квадратами свѣтлѣютъ окна: глаза приглядѣлись.

Миронъ шарашится, поскрипывая половицей. Что онъ не ложится?

Опять цвѣты, деревья, ягоды и цѣлые лѣса... Накачало въ сѣдлѣ — теперь зыбаетъ и кружитъ голову. Передъ глазами — залитая солнцемъ падь...

Я испуганно вздрогнулъ. Кто-то молится прерывистымъ шопотомъ. Развѣ дѣдъ со сна? Но нѣтъ, онъ мирно спитъ и тонко, отрывисто посвистываетъ носомъ. Вглядываюсь, вслушиваюсь. Это молится Миронъ передъ своей дырой. Какое у него теперь лицо и какіе глаза? Не видитъ ли онъ сквозь дыру все-то, что скрыто

для другихъ? Можетъ быть, тамъ, за стѣной, передъ нимъ стоитъ великая, святая истина...

— О-охъ! — вздыхаетъ Катерина.

«Жабья жизнь!» Странно жуткое слово. Жабья! Да, ихъ много тутъ въ болотѣ. Сѣрыя, грузныя.

Мысли мелькаютъ обрывками.

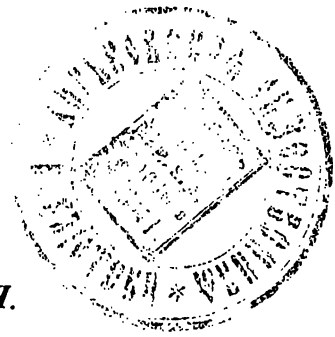
Коня поилъ... Стою на кочкѣ, держа повода въ рукахъ и любуюсь, какъ глотаетъ Соловко, а подъ ногой у него что-то хлопаетъ. Жаба! Глубоко вдавилъ ее копытомъ въ грязь. Она выпучила круглые глаза и трепещетъ передними лапками, тутo надувая зобъ...

Какъ дорога на Медвѣдиху? Мнѣ почему-то кажется, что Катерина сейчасъ думаетъ объ этомъ. Вспоминаю всѣ деревни, хутора и заимки, по которымъ ей идти.

Миронъ все молится. А за стѣной не умолкаетъ рѣчка. Словно въ пустую посудину гдѣ-то круто-круто падаетъ она съ камней на камни и никакъ не можетъ вылиться. Въ мочажинахъ тыркаетъ дергачъ. Сыро тамъ, темно и холодно.

Лишь вверху, высоко надъ горами, пріютившими у ногъ своихъ едва примѣтную заимку, блещетъ милліонами святыхъ огней недосягаемое небо. Слышитъ ли гордое небо слова Мироновой молитвы, видитъ ли оно, какъ умираетъ на болотѣ жаба?

А. Новоселовъ.



РАБОЧАЯ ПѢСНЯ.

З. Топеліусъ.

Переводъ со шведскаго.*

Рабочіе — други, нашъ радостенъ трудъ
Финляндіи, матери нашей,
Мы мѣримъ глубины озеръ и запрудъ,
Мы правимъ ремесла и пашемъ.
Упорнымъ трудомъ
Мы ставимъ ей домъ,
Чтобъ мать не осталась на мѣстѣ пустомъ,
Въ нуждѣ не увяла,
Не стала рабой,
Отъ насъ получала
Свой хлѣбъ и покой.
Рабочіе — други, нашъ радостень трудъ
Финляндіи, матери нашей.

Прекрасная мать въ лучезарной красѣ
Насъ крѣпко къ груди прижимаетъ,
И сердца біенья мы слушаемъ всѣ,
Лишь только борьба затихаетъ.
Чтобъ долгъ отплатить,
Добро отдарить
Мать въ жемчугъ и въ золото надо рядить,
Въ потокъ полноводный
Ей любо смотрѣть;
Намъ — жить съ ней, свободной,
И съ ней умереть.
Прекрасная мать въ лучезарной красѣ
Насъ крѣпко къ груди прижимаетъ.

Александръ Блокъ.

* Изъ „Финляндскаго" сборника книгоиздательства „Парусъ".

МАРШЪ МЕРТВЕЦОВЪ.

Жихо Рунебергъ.

Переводъ со шведскаго.

Упорной колонной мы строимся тамъ,
Гдѣ гибнутъ живые толпами.
Все новые воины къ нашимъ рядамъ
Идутъ, примыкаютъ съ годами.

Пробитая грудь, окровавленный лобъ —
Такъ рать наша бьется изъ гроба,
Ее не пугаютъ опасность и гробъ,
Не трогаютъ зависть и злоба.

Слабѣетъ въ сраженьи живая рука,
Оружіе можетъ сломаться,
А наши дѣянья не знаютъ врага,
Не могутъ ничѣмъ запятнаться.

Да, новые воины къ нашимъ рядамъ
Идутъ, примыкаютъ съ годами,
Побѣдной колонной мы держимся тамъ,
Гдѣ гибнутъ живые толпами.

Александръ Блокъ.

НЕ СТРАШУСЬ.

Л. Ожерва.

Переводъ съ финскаго.

Не страшусь, пускай могила
Надо мной простерла сводъ;
Знаю — мощной мысли сила
Изъ могилы путь найдетъ.

Не страшусь, пусть вечеръ алый
Озаряетъ небосклонъ;
Тѣнь улыбки самой малой
Въ книгу впишется временъ.

И замолкшій духъ изъ бездны
Зазвучитъ издалека,
Упадая ливнемъ звѣзднымъ
На грядущіе вѣка.

Александръ Блокъ.

ПѢСНЯ ВУОКСЫ.

Ж. Эркко.

Переводъ съ финскаго.

Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ, упорныя,
Громоздятъ громады горъ,
И безсильны ихъ напоръ
Раздробить утесы черные.
Вотъ, пьяна и вспѣнена,
Черезъ камни бьетъ волна.
Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ упорныя,
Что мгновенье,
Злѣй теченье,
Волны вопятъ, необорныя.
Преграждая бурный токъ,
Подставляетъ камень бокъ,
Но, стремясь въ поля просторныя,
Налетаютъ зыби водъ,
Рвутся дальше, все впередъ...
Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ, упорныя.
Токъ ударомъ,
Въ гнѣвѣ яромъ,
Рушитъ въ бездну камни спорные.
Чу! звучитъ со всѣхъ сторонъ
Скалъ упрямыхъ скорбный стонъ,
И, покрывшій выси горныя,
Лѣсъ взираетъ, страха полнъ,
На побѣду пѣнныхъ волнъ,

Саймы волны,
Гнѣвомъ полны,
Воютъ въ Вуоксѣ, упорныя.
Край мой бѣдный!
То — побѣдный
Гимнъ поютъ валы упорные!
Саймы сонная волна
Буйствомъ въ Вуоксѣ полна,
Бьетъ о скалы непокорныя!

Валерій Брюсовъ.

HOWARD COLLEGE LIBRARY

ЕВРЕЙ.

РОМАНЪ

М. ГОЛЬДШМИДТА.

Продолженіе *.

Часть вторая.

I.

Вечеромъ 28 октября 182.. года весь домъ богатаго негоціанта Израэльсена въ Копенгагенѣ былъ ярко освѣщенъ. Сынъ Израэльсена поступилъ въ университетъ и по этому случаю отецъ давалъ парадный обѣдъ. На роскошно убранномъ столѣ горѣли серебряные канделябры, и свѣтъ ихъ красиво отражался и игралъ въ драгоцѣнномъ хрусталѣ. Общество состояло, помимо семьи негоціанта, изъ нѣсколькихъ христіанъ, среди которыхъ были двое молодыхъ людей, выдержавшихъ въ этотъ же день экзаменъ въ университетъ, а также одинъ студентъ-еврей старшаго курса и Якобъ Бендиксенъ.

Послѣ того, какъ всѣ усѣлись за столъ, изобиловавшій яствами, и гости послѣдовали усердному приглашенію хозяина оказать честь блюдамъ и вообще быть, какъ дома, Израэльсенъ наполнилъ свой стаканъ и провозгласилъ:

— Выпьемъ за здоровье моего сына по случаю того, что сегодня онъ добился счастья стать студентомъ!

Раздалось дружное «ура», и въ этомъ хорѣ принялъ участіе также и самъ виновникъ торжества.

Немного спустя поднялся одинъ изъ гостей, молодой Вильгельмъ Фангель, и произнесъ слѣдующій тостъ:

— Съ разрѣшенія хозяина я предлагаю выпить за здоровье другого студента-новичка, удостоившагося наивысшей похвалы. За здоровье Якоба Бендиксена!

Въ первый разъ въ жизни Якобъ удостоился такой чести. Правда, въ этотъ же день въ церкви его имя было провозглашено ректоромъ университета; но этого отличія онъ удостоился по закону, благодаря своимъ высокимъ отмѣткамъ на экзаменахъ, и

* См. „Лѣтопись" № 1. 1916 г.

это было какъ бы его правомъ. Здѣсь же его отличили по собственному почину; это особенно льстило его самолюбію. Онъ всталъ и, чокаясь съ протянутыми къ нему стаканами, бросилъ быстрый, но внимательный взглядъ на лицо Фангеля, точно ему хотѣлось навсегда запечатлѣть въ своей памяти черты этого человѣка.

— Наивысшей похвалы? — спросилъ негоціантъ, когда всѣ усѣлись. — Что это означаетъ?

— Это означаетъ, — отвѣтилъ одинъ изъ гостей, — что Бендиксенъ выдержалъ экзаменъ съ отличіемъ, что полученныя имъ отмѣтки превышаютъ самыя высокія.

— Аронъ, — сказалъ негоціантъ, обращаясь къ сыну и глядя на него очень серьезно. — Почему же ты не получилъ наивысшей похвалы? Развѣ я не истратилъ на тебя столько же денегъ, сколько истратилъ на Бендиксена его отецъ? Такъ почему же я не получилъ такого же удовольствія отъ своихъ денегъ?

— Ну, — отвѣтилъ сынъ, съ досадой мотнувъ головой, — зато Бендиксенъ только и дѣлалъ, что учился.

— А развѣ ты не могъ только учиться? Или ты скажешь, что у тебя было какое-нибудь другое дѣло, лѣнтяй ты этакій! — крикнулъ отецъ.

— Я вовсе не лѣнтяй, — отвѣтилъ сынъ угрюмо, смущенный беззастѣнчивостью отца.

Тутъ вмѣшался Вильгельмъ Фангель:

— Вы несправедливы къ вашему сыну, господинъ Израэльсенъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ также прилежно учился. Но вѣдь Богъ не всѣхъ равно надѣляетъ способностями.

— Вы правы, господинъ Фангель, — отвѣтилъ отецъ примирительнымъ тономъ. — Вы очень разсудительный молодой человѣкъ... Но скажите, пожалуйста, въ чемъ заключается это отличіе?

— Тѣ, кто получаютъ во все время ученія только высшія отмѣтки и никогда не получаютъ низшихъ, удостаиваются отъ ректора университета наивысшей похвалы.

— Скажите, многіе ли еще, кромѣ Бендиксена, удостоились этого отличія? — спросилъ негоціантъ.

— Нѣтъ, только онъ одинъ.

Глаза Израильсена засверкали, и онъ сказалъ:

— Онъ единственный, получившій это высокое отличіе, и онъ — еврей!

Онъ всталъ и сказалъ, обращаясь къ Бендиксену:

— Пью за ваше здоровье! Я былъ бы счастливъ, если бы вы были моимъ сыномъ!

— Мои молодые друзья! — сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, обращаясь къ студентамъ христіанамъ. — Знайте, что пожилой еврей, вставшій передъ молодымъ, оказываетъ ему этимъ величайшую честь. Вы видѣли, что я всталъ передъ Бендиксеномъ. Мой сынъ болванъ!

Несмотря на шутливыя слова негоціанта, въ его тонѣ было нѣчто такое, что захватило Якоба, и у него чуть не выступили слезы на глазахъ. Вильгельмъ Фангель вскочилъ со своего мѣста и крикнулъ:

— Господинъ Израэльсенъ! Здѣсь вы Rector magnificus! Вы раздаете наивысшія похвалы и порицанія! Да здравствуетъ ректоръ Израэльсенъ!

Всѣ подхватили это пожеланіе громкими криками «ура» и стали чокаться.

— Давно ли вы были въ театрѣ? — спросила старшая дочь хозяина, Роза, своего сосѣда студента.

— Къ сожалѣнію, давно, такъ какъ пришлось усердно готовиться къ экзаменамъ.

— Вы не видали «Бланку»?

— Нѣтъ, іомфру Израэльсенъ.

— Господи, говорятъ, что это великолѣпно!

— А вы тоже не видали?

— Нѣтъ. Дѣло, видите ли, въ томъ, что у меня только четверть мѣста. А потому надо, чтобы мнѣ особенно повезло для того, чтобы я увидала эту пьесу.

— Четверть мѣста? — воскликнулъ студентъ съ изумленіемъ, измѣряя взглядомъ довольно крупную фигуру своей сосѣдки. — Это, должно быть, очень непріятно.

— Вы понимаете, насъ четыре сестры, а мѣсто у насъ только одно. Право, отецъ, ты могъ бы взять для насъ еще одно мѣсто, — обратилась она къ отцу, бросая на него укоризненный взглядъ.

— Хорошо тебѣ говорить, — отвѣтилъ негоціантъ. — Каждое мѣсто стоитъ денегъ. Вотъ сосчитай: четыре марки и девять мѣсяцевъ... Сколько это будетъ — четырежды-девять? — спросилъ онъ своего младшаго сына, давая ему возможность поупражняться въ счетѣ.

— Четырежды-девять? ... 2 марки и 4!

Нѣкоторые изъ присутствующихъ засмѣялись, но отецъ съ довольнымъ видомъ обратился къ своему сосѣду и прошепталъ:

— Ну, и голова у этого мальчика! Съ Божьей помощью онъ доставитъ мнѣ много радостей. Онъ не будетъ учиться, не будетъ красть у Господа время, а у меня деньги. Онъ получитъ наивысшую похвалу, какъ купецъ... Однако, я вижу, что никто ничего не пьетъ и не ѣстъ! Пожалуйста, не церемоньтесь, кушайте и пейте вволю! Бендиксенъ, пейте, ѣшьте! Вамъ это будетъ въ пользу послѣ усерднаго ученія. Надѣюсь часто видѣть васъ у себя въ домѣ!

Бендиксенъ сердечно поблагодарилъ за приглашеніе.

— Какъ поживаетъ вашъ отецъ? — спросилъ негоціантъ. — Я хорошо помню его, я часто бывалъ въ домѣ вашего дѣда.

— Благодарю васъ, онъ здоровъ!

— А ваша мать? Вѣдь она, кажется, дочь стараго рабби Натана и Гидель, сестры жены Филиппа Херца? — спросилъ хозяинъ.

— Моя мать скончалась, — отвѣтилъ Якобъ.

Лицо негоціанта сразу измѣнилось и стало печальнымъ. Онъ покрылъ себѣ голову и тихо произнесъ текстъ: «Борухъ дайонъ эммесъ!» (Да будетъ благословенъ Праведный Судія!)

Всѣ члены его семьи съ участіемъ посмотрѣли на Якоба.

— Когда она умерла, мой бѣдный юноша? — спросилъ негоціантъ.

— Три мѣсяца тому назадъ, — отвѣтилъ Якобъ, закусивъ губы, чтобы не расплакаться.

— Бѣдный молодой человѣкъ!... Отчего она умерла?

Якобъ началъ терять самообладаніе. Къ счастью, кто-то изъ гостей нечаянно отодвинулъ свой стулъ, и хозяинъ вспомнилъ, что пора вставать изъ-за стола. Онъ всталъ, всѣ послѣдовали его примѣру и перешли въ гостиную.

Якобу было не по себѣ; сынъ хозяина, окончившій студентъ, былъ золъ, самъ хозяинъ былъ также въ мрачномъ настроеніи. Каждый еврей переноситъ какъ бы личное горе, когда слышитъ о смерти другого еврея. Онъ смотритъ на себя и на свое племя, какъ на избранныхъ Богомъ, но онъ въ то же время сознаетъ, что у него есть ужасный врагъ, котораго въ силу мірового закона не можетъ отвратить даже Самъ Господь, — этотъ врагъ — смерть. И вотъ страшный врагъ побывалъ въ его общинѣ и взялъ себѣ жертву. Ангелъ Смерти былъ въ кругу евреевъ, быть можетъ, пролетѣлъ надъ его головой. Когда настанетъ чередъ его осиротѣвшимъ дѣтямъ подвергнуть себя ужасному кри? * Когда онъ самъ вступитъ въ соприкосновеніе съ темной силой и будетъ унесенъ въ кейверъ овойсъ **, въ таинственную жизнь, которой живутъ его обитатели? Развѣ не собираются покойники для общей молитвы въ покойницкой, передъ похоронами благочестиваго человѣка? Развѣ не раздается тамъ затаенный гулъ гнѣвныхъ голосовъ, когда среди нихъ готовятся положить на вѣчный покой грѣшника? Да, тамъ своя жизнь, и эта таинственная жизнь послѣ смерти вызываетъ въ каждомъ евреѣ благоговѣйный страхъ. Но вѣдь и христіане вѣрятъ въ это! Иначе имъ не за чѣмъ было бы бояться тихихъ, неподвижныхъ покойниковъ, когда они проходятъ ночью по кладбищу. Ихъ привидѣнія — вѣдь это тоже жизнь смерти...

Вскорѣ гости разошлись. Якобъ вышелъ вмѣстѣ со студентомъ евреемъ, который за весь вечеръ не произнесъ почти ни слова. Этого студента звали Мартинъ Леви.

---

* Обрядъ разрыванія одежды въ знакъ скорби по умершему.

** Могилы праотцевъ. Кладбище.

— Негоціантъ Израэльсенъ нѣсколько грубоватый человѣкъ, — сказалъ Леви, — но надо отдать ему полную справедливость: у него прекрасная кухня.

— Ну, а я нахожу, что онъ добродушный человѣкъ, — отвѣтилъ Якобъ.

— А вы замѣтили его жену? Она молчала, точно въ ротъ воды набрала. А когда она поѣла, то сложила руки и стала вертѣть большими пальцами, какъ идіотка.

— По всей вѣроятности, она просто не привыкла къ обществу христіанъ, — замѣтилъ Якобъ.

— А дочки! Ни дать, ни взять — четыре граціи! Одна толще другой!

— Господинъ Леви, — сказалъ Якобъ, — не въ моихъ привычкахъ дурно отзываться о человѣкѣ, за столомъ котораго я былъ.

— Ну, я вовсе не хотѣлъ сказать ничего дурного. Вѣдь вы знаете, что евреи любятъ посплетничать другъ о другѣ. Къ тому же, я весь вечеръ промолчалъ, а теперь надо нагнать потерянное время.

— Правда, вы были очень молчаливы. Почему?

— Прежде чѣмъ отвѣтить вамъ, я хотѣлъ бы знать, не находитесь ли вы въ близкихъ дружескихъ отношеніяхъ съ семьей Израэльсенъ? И не настолько ли вы ярый еврей, что всегда во всемъ оправдываете евреевъ?

— Ни то, ни другое! У Израэльсенъ въ домѣ я былъ въ первый разъ. Я, право, даже не знаю, почему они меня пригласили. Съ сыномъ мое знакомство самаго поверхностнаго свойства. Ну, а что касается евреевъ, то я желалъ бы быть съ ними гораздо ближе, чѣмъ это было до сихъ поръ.

— Прекрасно. Я это хотѣлъ знать только для того, чтобы какъ-нибудь не задѣть васъ. Вотъ видите ли, я сидѣлъ тамъ все время, словно на иголкахъ. Я каждую минуту боялся, что господинъ Израэльсенъ скажетъ или сдѣлаетъ какую-нибудь безтактность, устроитъ маленькій скандалъ, который произвелъ бы непріятное впечатлѣніе на гостей христіанъ. И зачѣмъ такіе евреи приглашаютъ къ себѣ христіанъ? Я нахожу, что соединеніе такого еврейства съ христіанствомъ совершенно неудобоваримо. Вотъ въ такомъ-то смѣшанномъ обществѣ я чувствую себя въ высшей степени нехорошо. Вѣдь различные элементы подобнаго общества рѣзко разграничены, тутъ нѣтъ общаго объединяющаго духа, въ которомъ можно было бы свободно дышать. Если понимаешь одну сторону, то совершенно не понимаешь другой. Нѣтъ, я предпочитаю быть или исключительно въ еврейскомъ обществѣ, или исключительно въ обществѣ христіанъ. И въ томъ и въ другомъ я чувствую себя прекрасно. Мы, студенты-евреи, амфибіи, которыя могутъ быть и среди евреевъ, и среди христіанъ.

Якобъ былъ пораженъ, когда услыхалъ, что другой выражаетъ

его мысли о евреяхъ и христіанахъ. Съ минуту онъ молчалъ, потомъ отвѣтилъ:

— Амфибіи. Вы говорите, что студенты-евреи — это амфибіи? А мнѣ кажется напротивъ, что мы именно полная противоположность амфибіямъ. Мы покинули родную стихію и перешли въ другую, которая не соотвѣтствуетъ нашей натурѣ.

— Ахъ, это одно лишь воображеніе! — воскликнулъ Леви. — Это только такъ кажется до тѣхъ поръ, пока не привыкнешь вращаться въ томъ и въ другомъ обществѣ. Когда не принимаешь всего близко къ сердцу и иногда пропускаешь кое-что мимо ушей, то даже пріятно поперемѣнно вращаться въ двухъ противоположныхъ стихіяхъ. То ты являешься рыбой, то птицей, смотря по настроенію.

— Вы, должно быть, обладаете счастливымъ характеромъ, — замѣтилъ Якобъ.

— Да, конечно. Заходите ко мнѣ, мы позабавимся вмѣстѣ.

— И вы ко мнѣ заходите. Вотъ я живу какъ разъ здѣсь.

— По рукамъ! Завтра же я явлюсь къ вамъ, чтобы выкурить у васъ утреннюю трубку, прежде чѣмъ отправляться въ госпиталь. А теперь, спокойной ночи! Спасибо за пріятную компанію.

— Спокойной ночи. И вамъ спасибо!

* * *

Нѣсколько дней спустя, раннимъ утромъ, въ комнату Якоба стремительно ворвался одинъ изъ его двоюродныхъ братьевъ, не постучавъ даже предварительно. Онъ не далъ себѣ времени поздороваться и крикнулъ въ величайшемъ возбужденіи:

— Иди къ моему отцу! Раввинъ присылалъ за нимъ и за тобой!

— Зачѣмъ мнѣ идти къ раввину? — спросилъ Якобъ. — У меня нѣтъ никакого дѣла къ нему.

— Чего ты важничаешь? — возмутился двоюродный братъ. — У тебя нѣтъ дѣла къ раввину? Но, должно быть, у него есть дѣло къ тебѣ. Онъ хочетъ тебя видѣть.

Въ глубинѣ души Якобъ былъ очень польщенъ этимъ приглашеніемъ. Оно доказывало, насколько сильное впечатлѣніе произвело на евреевъ то, что молодой еврей изъ провинціи такъ блестяще выдержалъ экзамены въ университетъ. Однако, изъ юношескаго самолюбія, а отчасти, чтобы поддразнить двоюроднаго брата, онъ сказалъ съ равнодушнымъ видомъ:

— Хорошо, я приду.

— А вечеромъ ты долженъ идти къ купцу Бернбауму. Къ намъ присылали посыльнаго съ приглашеніемъ, такъ какъ твоего адреса не знали.

— Я долженъ? — спросилъ Якобъ.

— И напустилъ же ты на себя важность съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался студентомъ! Подумаешь, есть съ чего важничать! Хо-

тѣлъ бы я видѣть того, кто не принимаетъ съ благодарностью и умиленіемъ приглашенія богатаго Бернбаума! Но не ходи, не ходи, мнѣ-то что!

Съ этими словами онъ убѣжалъ.

Придя къ дядѣ Маркусу, Якобъ засталъ тетку за глаженьемъ пышнаго жабо. Когда жабо было готово, она надѣла его на Якоба и воткнула въ кружева брилліантовую булавку Маркуса. Она проводила племянника до самыхъ дверей, счищая послѣднія пылинки съ его платья.

Маркусъ шествовалъ впереди съ величавымъ видомъ и гордымъ выраженіемъ на лицѣ. «Воображаю, какіе глаза сдѣлаютъ остальные евреи въ пятницу, когда узнаютъ, что меня приглашалъ къ себѣ раввинъ» — думалъ онъ.

Якобъ шелъ молча и раздумывалъ надъ тѣмъ, что скажетъ ему раввинъ. По мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ дому раввина, имъ все больше и больше овладѣвалъ благоговѣйный страхъ. Несмотря на голосъ разсудка, говорившій ему, что онъ правъ, совѣсть мучила его, и онъ подготовлялся къ допросу и приговору за то, что не исполняетъ обрядовъ.

Подойдя къ очень старому дому, они поднялись по скрипучей лѣстницѣ и очутились въ прихожей, гдѣ ихъ встрѣтилъ кнельгаббенъ *. Онъ провелъ ихъ въ комнату, тамъ они увидали раввина, углубленнаго въ чтеніе хумиша **.

Пришлось долго ждать, прежде чѣмъ раввинъ поднялъ голову, и во время благоговѣйнаго молчанія Якобъ немного справился съ своимъ волненіемъ и могъ уже спокойно разсматривать раввина.

На его блѣдномъ лицѣ съ сѣдой бородой, на всей внѣшности этого старца, на обстановкѣ, окружавшей его, несмотря на ея скромность и даже убожество, лежалъ отпечатокъ мира и покоя. Якоба неудержимо потянуло къ этому покою, какъ тянетъ къ одинокому огоньку на берегу во время бури на морѣ. Онъ видѣлъ, что сюда никогда не доходили сомнѣнія, здѣсь царилъ вѣчный покой. Одинокій, въ обществѣ лишь Бога, отдѣленный обрядами отъ всего христіанскаго міра, этотъ старецъ жилъ въ духовномъ Ханаанѣ.

«Ахъ, если бы можно было быть такимъ же евреемъ, какъ онъ!» — подумалъ Якобъ со вздохомъ.

Наконецъ, кнельгаббенъ осмѣлился приблизиться къ раввину и прошепталъ ему на ухо, что приглашенные пришли. Старикъ набожно склонился надъ книгой, прежде чѣмъ отвернуться отъ нея, и сказалъ гостямъ ласково:

— Борухъ хабо! (Добро пожаловать!).

Когда они приблизились къ нему, онъ возложилъ на нихъ руки, благословилъ и затѣмъ попросилъ сѣсть. Послѣ этого онъ

---

* Слуга раввина. Ученый и благочестивый человѣкъ, всѣми чтимый.

** Книги Моисеевы.

устремилъ на Якоба испытующій взоръ и долго не отводилъ отъ него глазъ. Повидимому, онъ затруднялся начать съ нимъ какой-нибудь разговоръ. Онъ и самъ не отдавалъ себѣ отчета въ своемъ желаніи посмотрѣть на этого молодого еврея, котораго отличили христіане. А теперь, когда онъ смотрѣлъ на юношу, у него вдругъ явилось смутное сознаніе того, что этотъ отпрыскъ его племени полонъ чуждаго духа, который онъ не могъ ни понять, ни оцѣнить. Дядя сидѣлъ, какъ на иголкахъ, кнельгаббенъ стоялъ у дверей въ почтительномъ молчаніи. Наконецъ, раввинъ всталъ, взялъ большое, красное яблоко и далъ его Якобу со словами:

—. Не забывай налагать на себя свои тефилимъ.

Послѣ этого онъ снова повернулся къ хумишу. Аудіенція была окончена.

Все это произошло такъ тихо, все было такъ необычайно, что Якобу показалось, будто это сонъ или сказка. Когда раввинъ остановилъ на немъ взглядъ своихъ ясныхъ, добрыхъ глазъ, Якобъ почувствовалъ, будто тотъ заглядываетъ въ самую глубь его сердца. Но пока старикъ смотрѣлъ, выраженіе его глазъ становилось все болѣе непонятнымъ, и Якобу начало казаться, что онъ отдаляется отъ раввина, и разстояніе между ними все растетъ и растетъ. А когда дверь въ комнату затворилась, и кнельгаббенъ, провожавшій гостей до прихожей, сказалъ имъ послѣднее: «Зейдъ маушель» * и затѣмъ ушелъ, то у Якоба явилось такое чувство, точно у него съ еврействомъ было свиданіе и, послѣ тщетныхъ усилій понять другъ друга, они разошлись въ разныя стороны, не добившись ничего.

Дядя вывелъ его изъ глубокой задумчивости, замѣтивъ съ плохо скрытой досадой:

— Ну, и странная у тебя манера разговаривать съ раввиномъ!

— Но вѣдь я не проговорилъ ни единаго слова, дядя!

— Въ томъ-то и несчастье! — воскликнулъ дядя. — Ну, на что это похоже? Сидѣть и смотрѣть на раввина во всѣ глаза и не произнести ни слова!

— Что же по-твоему я долженъ былъ ему сказать? Научи!

При этихъ словахъ Маркусъ разсердился, онъ остановился и подбоченился:

— Такъ я долженъ учить тебя, какъ слѣдуетъ разговаривать съ раввиномъ?! — сказалъ онъ возмущенно. — Развѣ для того твой отецъ далъ тебѣ образованіе? Для того тратилъ на тебя деньги?

— Разумѣется, отецъ не для того далъ мнѣ образованіе, — отвѣтилъ Якобъ, продолжая идти впередъ.

— Якобъ, Якобъ! — крикнулъ дядя, нагоняя его. — Ты позволяешь себѣ насмѣхаться надо мной! Тебѣ нѣтъ дѣла ни до рав-

* Прощайте.

вина, ни до дяди, а, можетъ быть, и ни до отца. Ты превратился въ гоя! Кончится тѣмъ, что ты крестишься... А впрочемъ, чего я волнуюсь? Какое мнѣ дѣло до этого? Ты мнѣ не сынъ... спаси Богу!

— Послушай, дядя! — сказалъ Якобъ. — Я вовсе не хочу ссориться съ тобой. Я жилъ у тебя въ домѣ, и ты былъ ласковъ со мной, а потому я не обращаю особаго вниманія на твои обидныя слова. Но будь же справедливъ и скажи: о чемъ могъ я заговорить съ раввиномъ? Развѣ мнѣ не слѣдовало ждать, пока онъ самъ не заговоритъ со мной?

— Ахъ, это не важно! — отвѣтилъ дядя. — Все дѣло въ томъ, что ты сталъ гоемъ! Я это давно замѣтилъ, но я не хотѣлъ говорить объ этомъ. Мнѣ-то какое дѣло? Ты бармицво, и у меня нѣтъ никакой власти надъ тобой. Но совѣтую тебѣ ради твоего собственнаго благополучія: вернись, пока еще не поздно! Горе тому, кто покидаетъ Бога Израиля, — вѣрь мнѣ!... Ссориться... Зачѣмъ намъ ссориться? Ты сынъ моего брата, двери моего дома открыты для тебя, какъ и всегда. Хочешь зайти къ намъ сейчасъ?

— Нѣтъ, спасибо, дядя. Боюсь, что и тетя будетъ бранить меня, когда услышитъ о моемъ посѣщеніи раввина. Вотъ возьми твою булавку. Спасибо за одолженіе.

— Бѣдная булавка! — замѣтилъ дядя, глядя на булавку. — Когда ее вкадывали въ жабо, никто не думалъ, что наше посѣщеніе раввина кончится такъ печально!

— Полно, дядя, булавкѣ-то ужъ не на что жаловаться. Вѣдь она была дѣйствительно только для того, чтобы на нее смотрѣли, а не для того, чтобы съ ней разговаривали.

— Насмѣшникъ! — сказалъ дядя, невольно улыбаясь, и вошелъ въ домъ.

II.

Однажды Леви пришелъ къ Якобу съ такимъ видомъ, будто съ его души свалилось тяжелое бремя, и теперь онъ можетъ свободно вздохнуть.

— Здравствуйте! — крикнулъ онъ. — Дайте мнѣ трубку! Меня на восемь дней освободили отъ госпиталя, чтобы я могъ посвятить это время изученію анатоміи. Но сегодня я хочу передохнуть. Вотъ потому я и зашелъ къ вамъ. Сперва мы поболтаемъ немного, а потомъ выйдемъ вмѣстѣ. Согласны? Но что у васъ за лицо? Я уже много разъ видѣлъ васъ кислымъ, но никогда еще до такой степени фундаментально-меланхолически-кислымъ. У васъ, должно быть, желудокъ не въ порядкѣ, или желчный пузырь не функціонируетъ какъ слѣдуетъ. Возможно, что и печень въ дурномъ состояніи. Покажите вашъ языкъ.

— Берите трубку, Леви, но бросьте ваши шутки. Сегодня я не расположенъ къ шуткамъ.

— У васъ какая-нибудь непріятность? Случилось что-нибудь? — спросилъ Леви серьезно.

— Вамъ я могу сказать это, Леви. Вы поймете меня. Да, да, я хочу высказаться наконецъ! Меня это слишкомъ угнетаетъ.

— Боже, что случилось? Ужъ не любовныя ли у васъ страданія?

— Да, я страдаю отъ любви, — отвѣтилъ Якобъ съ горечью. — Но хуже всего то, что въ этой любви столько ненависти. О, да, мои страданія смѣло можно назвать любовными страданіями! Мой умъ, моя душа, мои симпатіи на сторонѣ христіанъ. И право, мнѣ кажется, что я былъ бы способенъ двинуться во главѣ войска и бомбардировать Копенгагенъ, чтобы только овладѣть ихъ любовью.

— Такого случая еще не было въ моей практикѣ, — замѣтилъ Леви.

— Не насмѣхайтесь надо мной, если я даже и дѣлаюсь смѣшнымъ въ вашихъ глазахъ. Я слишкомъ взволнованъ, чтобы взвѣшивать свои слова.

— Но скажите, ради Бога, что вамъ сдѣлали? И кто оскорбилъ васъ такъ смертельно?

— Это давняя рана, мнѣ кажется, что она нанесена мнѣ при рожденіи. Издѣвательства надъ евреями, отъ которыхъ я раньше страдалъ, теперь снова выступили на сцену. Студенты продолжаютъ то, что начали школьники. Сегодня студенты выдумали бросать другъ въ друга шариками изъ бумаги, и хотя я не принималъ участія въ этой игрѣ, на меня посыпался градъ шариковъ. Сперва я подумалъ, что это нечаянно, но потомъ я услыхалъ, какъ то одинъ, то другой говорили вполголоса: «Запусти въ жида!» Я сдѣлалъ видъ, будто ничего не слышу и терпѣливо переносилъ все. Но, наконецъ, кто-то швырнулъ въ меня кускомъ дерева и попалъ мнѣ въ спину. Я схватилъ кусокъ и изо всѣхъ силъ бросилъ имъ въ кучу студентовъ. Онъ попалъ кому-то въ голову, и тотъ ушелъ. Это отбило у меня всякую охоту посѣщать корпорацію. Христіане преграждаютъ мнѣ доступъ даже въ университетъ, потому что я еврей. Въ чемъ я провинился, чѣмъ заслужилъ подобныя издѣвательства? Вѣдь они же взрослые. Неужели у нихъ нѣтъ настолько ума, чтобы признать, что наука — наша общая мать, что мы братья? . . .

— Да, но и братья тоже проламываютъ другъ другу головы.

— Ахъ, перестаньте, Леви! — воскликнулъ Якобъ. — Если вы не раздѣляете моихъ чувствъ, такъ и скажите, и я замолчу.

— Откровенно говоря, я никакъ не могу понять, какимъ образомъ вы изъ-за какихъ-то озорныхъ мальчишекъ рѣшаетесь выключить себя изъ корпораціи. Было бы гораздо разумнѣе продолжать ходить туда и смотрѣть имъ спокойно въ глаза.

— Ахъ, Леви, какъ вы не понимаете, что это имѣетъ для меня

гораздо болѣе глубокое значеніе. Ужъ не думаете ли вы, что горестное чувство является результатомъ исторіи съ кускомъ дерева, которымъ мнѣ запустили въ спину? Разумѣется, это пустяки, но этотъ случай напомнилъ мнѣ о несчастьѣ, тяготѣющемъ надо мной и надъ вами, Леви. Несчастье это выражается однимъ словомъ: еврей! Почему не сдѣлались вы, по примѣру вашего отца, шехтеромъ? * Почему я не сталъ за прилавкомъ моего отца? Почему нашъ духъ оторвался отъ дома, гдѣ насъ окружала любовь, и искалъ родственнаго сближенія съ духомъ христіанъ, которые съ презрѣніемъ отталкиваютъ насъ? Развѣ христіане забываютъ когда-нибудь въ человѣкѣ еврея? Развѣ понятіе «еврей» не является въ ихъ глазахъ синонимомъ чего-то специфическаго? Право, можно подумать, что это слово выжжено у насъ на лбу, разъ намъ при всякомъ удобномъ случаѣ напоминаютъ объ этомъ!

— Вы правы. Но я уже привыкъ къ этому. Меня это больше ничуть не затрагиваетъ.

Якобъ молчалъ, измученный и взволнованный.

— Послушайте, Бендиксенъ! — воскликнулъ, наконецъ, Леви, и легкое дрожаніе мускуловъ его лица выдавали глубокое волненіе, охватившее его. — Я прекрасно понимаю, что между вами и мной большая разница. Я бѣденъ. Благодаря заботѣ о насущномъ хлѣбѣ и о будущемъ, я преодолѣлъ обидчивость, которой также была полна моя душа, хотя и не въ такой степени, какъ у васъ. Къ тому же у меня веселый, покладистый характеръ. А вы, вы вспыльчивы, мечтательны, а кромѣ того, заботы о насущномъ хлѣбѣ не затмеваютъ въ васъ другихъ огорченій. Вы должны принять рѣшеніе, серьезное и твердое рѣшеніе, вы не можете, какъ я, вращаться въ двухъ сферахъ одновременно. Вы должны выбрать или одно, или другое. Сдѣлайтесь евреемъ, слейтесь съ евреями, изучайте еврейскую теологію и сдѣлайтесь раввиномъ.

— Это невозможно! — воскликнулъ Якобъ горячо. — Вѣдь я отрицаю большую часть еврейскихъ обрядовъ. Такъ неужели же я построю всю свою будущность на лицемѣріи и лжи? Да и помимо этого я не могу слиться съ евреями. Для счастливой совмѣстной жизни необходимо равенство въ образованіи. Вѣдь не посовѣтуете же вы мнѣ жить въ маленькомъ захолустномъ городкѣ въ обществѣ портныхъ и сапожниковъ, хотя бы очень сердечныхъ и добродушныхъ? Кровью я люблю евреевъ, но душа моя не уживается среди нихъ. У меня душа христіанская, и она съ безотчетной интенсивностью стремится къ себѣ подобнымъ.

— Въ такомъ случаѣ сдѣлайтесь христіаниномъ! Креститесь!

---

* Рѣзникъ, закалывающій по ритуалу животныхъ, предназначенныхъ для пищи. Рѣзникъ долженъ быть благочестивымъ человѣкомъ.

— Леви! Вы, конечно, говорите это несерьезно. Креститься! Отречься отъ своего прошлаго, своего дѣтства, всего своего существованія... Креститься! Подло бѣжать изъ строя во время битвы! Ибо никогда не сознавалъ я такъ ясно, какъ въ настоящее мгновеніе, что происходитъ борьба, гораздо болѣе серьезная, чѣмъ борьба изъ-за моей скромной особы. Разъ мы, идущіе въ силу нашего образованія впереди еврейскаго народа, покинемъ его, то у него останутся одни только подонки, и христіане окончательно одолѣютъ его, и ихъ преслѣдованія будутъ имѣть оправданіе. Нѣтъ, я хочу бороться съ христіанами, я хочу добиться того, чтобы они признали во мнѣ человѣка, несмотря на то, что я еврей! Пусть я паду въ этой борьбѣ — я посвящаю себя ей!...

— Бендиксенъ, Бендиксенъ! — воскликнулъ Леви, — въ вашемъ настроеніи есть что-то ужасное!

— О, вотъ сейчасъ я такъ больно чувствую, какъ я ненавижу ихъ! Дайте мнѣ облегчить мою душу и высказаться откровенно: я считалъ величайшей честью, снисхожденіемъ, когда кто-нибудь изъ нихъ переходилъ рядомъ со мной черезъ улицу! Развѣ есть достаточно сильная, достаточно жгучая ненависть, чтобы искупить это униженіе!

— А я слышалъ, что студенты-христіане укоряютъ васъ въ томъ, что вы горды и неприступны, что вы замыкаетесь въ самого себя! — воскликнулъ Леви.

— Да, потому что въ своемъ униженіи я боялся приближаться къ нимъ! Потому что я ожидалъ отъ нихъ перваго шага съ такимъ же страхомъ и съ такой же тоской, съ какими рабъ ждетъ ласковаго взгляда отъ своего господина... Я обиженный и униженный, и имъ надлежитъ сдѣлать первый шагъ.

— Такъ неужели же вы думаете, что каждый христіанинъ всегда и вѣчно помнитъ объ угнетенномъ положеніи евреевъ, какъ вы?

Якобъ молчалъ.

— Будьте же справедливы, — заговорилъ опять Леви. — Я предложилъ вамъ два выхода. Теперь я вижу, что есть еще и третій. Берите примѣръ съ меня, бросьте вашу мнительность и вращайтесь въ обществѣ христіанъ. Почему не хотите вы сходиться съ людьми, которые открыто выражаютъ вамъ свою симпатію? Возьмемъ для примѣра хоть Вильгельма Фангеля. Онъ всегда говоритъ о васъ съ величайшимъ доброжелательствомъ, онъ прямотаки влюбленъ въ васъ. Почему не идете вы ему навстрѣчу? Вы говорите, что хотите бороться за евреевъ. Но какъ вы будете бороться? Развѣ есть какое-нибудь другое, болѣе дѣйствительное оружіе, нежели самообладаніе? Самое вѣрное средство заключается въ сближеніи васъ съ христіанами и христіанъ съ вами. Мы, еврейскіе студенты, должны стоять во главѣ этой борьбы — это правда. Мы пойдемъ впередъ въ среду христіанъ и выучимъ

ихъ любить въ евреяхъ то, что въ нихъ есть хорошаго... Ну, идемте же... Берите вашу шляпу и пойдемте въ хирургическое отдѣленіе. Тамъ мы застанемъ Фангеля и другихъ. Я буду вашимъ врачомъ и даже вашимъ аптекаремъ и сестрой милосердія. Я не только пропишу вамъ лѣкарство, но и самъ приготовлю его. Идемте же!

Якобъ колебался.

— Бендиксенъ! — сказалъ Леви. — Теперь мой чередъ заговорить съ вами серьезно. Я растворяю передъ вами дверь къ людямъ. Можетъ быть, мы съ вами никогда уже больше не столкнемся въ такомъ настроеніи, какъ это случилось сегодня. Быть можетъ, я никогда уже больше не почувствую такого сильнаго желанія помочь вамъ, какъ въ это мгновеніе... Воспользуйтесь этимъ случаемъ, иначе дверь захлопнется.

Якобъ молча взялъ шляпу и вышелъ съ Леви.

III.

Среди студентовъ копенгагенскаго университета медики отличаются особенно веселымъ нравомъ и тѣмъ, что они не считаются съ предразсудками. Въ человѣкѣ они видятъ лишь болѣе или менѣе добраго человѣка, а иногда, пожалуй, болѣе или менѣе хорошій трупъ. Разъ еврейскій тифъ излѣчивается тѣми же медикаментами, что и христіанскій, разъ еврейскую ногу отпилить не труднѣе, нежели христіанскую, разъ даже мускулы и нервы расположены у еврея точно такъ же, какъ и у христіанина, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія дѣлать какую-нибудь разницу между христіаниномъ и евреемъ. Характеръ занятій медиковъ таковъ, что они ближе сходятся другъ съ другомъ, чѣмъ студенты другихъ факультетовъ. Вслѣдствіе того, что имъ постоянно приходится сталкиваться съ жизнью и смертью, съ страданіемъ и выздоровленіемъ, они болѣе жизнерадостны и беззаботны, болѣе общительны, чѣмъ другіе.

Якобъ очень скоро сжился съ этими веселыми людьми. Частыя встрѣчи съ товарищами въ родильномъ домѣ, въ госпиталѣ, гдѣ научные диспуты смѣнялись веселой шуткой, способствовали тому, что онъ наконецъ принялъ участіе въ той студенческой жизни, которая всегда представлялась ему чѣмъ-то восхитительнымъ. Сознаніе, что онъ товарищъ среди товарищей, дѣйствовало на него особенно благотворно.

Такъ онъ провелъ свой первый годъ въ университетѣ. Когда онъ сдалъ вторые экзамены, вышло совершенно естественно, что своей спеціальностью онъ избралъ медицину. По мѣрѣ того, какъ душа его выздоравливала и въ него вселялась бодрость, въ немъ исчезала болѣзненная обидчивость, и онъ началъ уже вѣрить, что на немъ не тяготѣетъ никакого особеннаго проклятія, или, по

крайней мѣрѣ, то проклятіе, которое висѣло надъ нимъ въ дѣтствѣ, теперь пронеслось, какъ непогода.

* * *

Якобу минуло уже двадцать лѣтъ. О немъ было говорено такъ много, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ читательницъ захотятъ узнать, какая у него была наружность. Что же, у него была наружность еврея, который кое-чему научился. А это означаетъ, что образованіе облагородило тѣ еврейскія черты на его лицѣ, которыя на многихъ производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Ибо наука проходитъ, словно очистительный огонь, черезъ душу, а душа упорно работаетъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ своего жилища хоть сколько-нибудь подходящимъ для себя, пока она, такъ сказать, не сдѣлаетъ изъ лица своей вывѣски.

Итакъ, Якобу двадцать лѣтъ, и такимъ образомъ, повѣствованіе однимъ скачкомъ перепрыгнуло черезъ два года его жизни. Но что изъ этого? Нѣтъ такого человѣка, жизнь котораго состояла бы изъ безпрерывнаго ряда событій, заслуживающихъ упоминанія. Да и не лишнее время отъ времени давать герою нѣкоторый покой.

Впрочемъ, приведемъ отдѣльный эпизодъ изъ этого времени, который поможетъ намъ ориентироваться въ пропущенныхъ годахъ подобно тому, какъ одно письмо отъ далекаго друга даетъ намъ ориентироваться въ его странствіяхъ.

* * *

— Какой сегодня, послѣ дождя, хорошій свѣжій воздухъ! — сказалъ одинъ студентъ, стоя рано утромъ у окна въ клиникѣ въ ожиданіи прихода профессора.

— У меня даже явилось желаніе отправиться сегодня въ лѣсъ, — сказалъ другой, глядя на голубое небо.

— Господа, устроимте пикникъ! — крикнулъ первый.

— Я не могу, мнѣ надо заниматься съ ученикомъ, котораго я репетирую . . .

— А я — съ руководителемъ . . .

— Я приглашенъ на обѣдъ . . .

Оказалось, что почти у каждаго была какая-нибудь причина, не позволявшая принять участіе въ прогулкѣ.

— Это настоящій бунтъ! — крикнулъ Леви. — А я-то думалъ, что госпиталь проявитъ гораздо болѣе здраваго смысла. Одинъ идетъ къ ученику, другой къ руководителю, третій, Богъ знаетъ, куда . . . Все это серьезныя причины именно для того, чтобы вы поѣхали въ лѣсъ, а вы приводите ихъ, чтобы отказаться отъ прогулки. Нѣтъ, пожалуйста, не нарушайте обычаевъ госпиталя и не портите создавшагося настроенія!

HOWARD COLLEGE LIBRARY

— Ну, разъ вопросъ поставленъ на такую серьезную почву, то слѣдуетъ довести его до благополучнаго конца! — воскликнулъ Фангель. — Для поддержанія чести госпиталя необходимо отправить за городъ хотъ одинъ возъ со студентами. Первымъ дѣломъ, пусть вызовутся добровольцы, какъ для штурма. Остальныхъ выберемъ жеребьевкой. Пусть добровольцы выступятъ впередъ!

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, выступили впередъ.

— Вотъ это похвально! — продолжалъ Фангель. — А теперь надо послать депутацію въ родовспомогательное заведеніе и въ общее отдѣленіе.

— Но куда дѣвался Бендиксенъ? — спросилъ кто-то. — Онъ долженъ поѣхать съ нами во что бы то ни стало. Онъ то же самое, что термометръ или предохранительный клапанъ. Когда мы веселы, онъ дѣлается серьезнымъ, когда мы серьезны, онъ становится необузданно-веселымъ. Онъ представляетъ собою нѣчто вродѣ автоматическаго регулятора въ паровомъ котлѣ Уатта: когда воды въ котлѣ слишкомъ мало, онъ прибавляетъ, а когда ее слишкомъ много, онъ убавляетъ.

— А, вотъ онъ, термометръ, предохранительный клапанъ, автоматическій регуляторъ! — крикнулъ Фангель, показывая на дверь, которую въ это мгновеніе отворилъ Бендиксенъ.

— Бендиксенъ, ѣдешь съ нами въ лѣсъ?

— Разумѣется. А кто-нибудь еще ѣдетъ?

— Всѣ!

— Великолѣпно. Въ которомъ часу?

— Въ четыре часа мы всѣ здѣсь соберемся и затѣмъ выйдемъ вмѣстѣ и наймемъ экипажи.

Въ эту минуту появился профессоръ, и занятія начались.

* * *

Въ загородномъ ресторанѣ Кламненбергѣ поднялась настоящая суматоха, когда тамъ появилась ватага веселыхъ молодыхъ людей, которые съ шумомъ, хохотомъ, веселыми окриками стали наперерывъ предъявлять прислугѣ самыя разнообразныя требованія. Послѣ долгихъ переговоровъ и совѣщаній каждый заказалъ себѣ, наконецъ, блюдо по своему вкусу, и послѣ этого всѣ разошлись небольшими группами по лѣсу, чтобы прогуляться въ ожиданіи обѣда.

Кёнигъ и Якобъ подошли случайно къ окну столовой, и Якобъ сталъ разсматривать незабудки, росшія въ горшкахъ на окнѣ.

— Можно мнѣ взять одинъ цвѣточекъ? — спросилъ онъ служанку, стоявшую у окна.

— Пожалуйста! — отвѣтила хорошенькая дѣвушка ласково.

— Что тутъ такое? — спросилъ Кёнигъ, подходя ближе. — А, незабудки! Іомфру, не дадите ли мнѣ одинъ цвѣточекъ на память о васъ?

— Съ удовольствіемъ! — отвѣтила дѣвушка съ веселой улыбкой, и она сорвала нѣсколько цвѣтковъ и протянула ихъ Кёнигу.

Якобъ съ быстротой молніи сдѣлалъ одно наблюденіе, и его сердце больно сжалось отъ чувства досады и униженія.

«Я попросилъ цвѣтокъ не ради него самого, — говорилъ онъ себѣ мысленно,—а потому, что эта хорошенькая дѣвушка своимъ присутствіемъ придавала незабудкамъ особую прелесть. Но я сказалъ: можно мнѣ взять ихъ? А онъ, счастливый человѣкъ, рожденный христіаниномъ, онъ весь пропитанъ, самъ того не замѣчая, какъ и всѣ христіане, ароматомъ романтики, онъ сейчасъ же нашелъ должное выраженіе: «Не дадите ли вы мнѣ ихъ?»—сказалъ онъ. О, какъ счастливы христіане!»

Они пошли дальше. Кёнигъ сунулъ цвѣты въ петличку и черезъ полчаса потерялъ ихъ. Якобъ спряталъ свои цвѣты въ записную книжку. Когда онъ присоединился къ остальнымъ товарищамъ, онъ вдругъ почувствовалъ, что на душѣ у него какъ-то нерадостно и неспокойно, точно она безсильно стремится къ чему-то недостижимому, его охватила горькая покорность своей судьбѣ, и онъ смотрѣлъ на товарищей такъ, точно они созданы изъ лучшаго матеріала, чѣмъ онъ.

Черезъ нѣсколько времени въ саду, откуда открывался очаровательный видъ на синее море и темные лѣса, былъ накрытъ длинный столъ. Солнце стояло низко на небѣ, по деревьямъ проносился нѣжный вѣтерокъ, по заливу тамъ и сямъ скользили рыбачьи лодки съ красными парусами. На столѣ, накрытомъ бѣлой скатертью, дымились блюда, вино искрилось въ стаканахъ, всѣ лица сіяли молодой жизнерадостностью. Якобъ обвелъ глазами эту картину, и красота и прелесть мгновенія заставили его сердце забиться радостно и быстро. Богатая, здоровая жизнь переливалась въ его жилахъ, и въ то же время тихая сосущая тоска все глубже вливалась въ его сердце. Онъ схватилъ свой стаканъ и крикнулъ:

— Первый стаканъ я приношу въ жертву подземнымъ богамъ, горю, несчастью и смерти, приносящей слезы и воздыханія! Боги подстерегаютъ со злорадствомъ, насъ смертныхъ, когда у насъ гостятъ лучезарные духи дня. Они хорошо знаютъ, что наступитъ ночь и мракъ, и что тогда настанетъ ихъ чередъ. Я презираю васъ, темныя силы, ибо свѣтъ въ моей душѣ не погаснетъ! Но если я могу купить вашу дружбу стаканомъ вина, то пусть будетъ такъ... вотъ, глотайте это!

И съ этими словами онъ выплеснулъ вино изъ своего стакана на землю. Всѣ, сидѣвшіе за столомъ, съ радостными возгласами послѣдовали его примѣру.

Фангель вновь наполнилъ свой стаканъ и сказалъ:

— Я не Бендиксенъ, я не могу начать свою рѣчь на ходуляхъ и кончить ее въ туфляхъ. А потому я ограничусь только тѣмъ,

что заявлю, что второй мой стаканъ, чортъ меня возьми, я приношу въ жертву самому себѣ! Пока подземные боги высасываютъ свою долю изъ земли, я выпиваю свой стаканъ, какъ это подобаетъ смертному человѣку, выпиваю его до дна! За ваше здоровье!

— И я! И я! — подхватили всѣ, опоражнивая стаканы.

— Споемте что-нибудь! — крикнулъ кто-то. — Пусть каждый поочередно запоетъ какую-нибудь извѣстную пѣсню, а остальные будутъ подпѣвать.

Это предложеніе было принято единогласно. Раздавалась одна пѣсня за другой, пѣсни прерывались смѣхомъ и шутками, и звонкіе, молодые голоса разносились далеко кругомъ въ тихомъ вечернемъ воздухѣ. Когда дошла очередь до Якоба, онъ задумался. Но потомъ онъ вдругъ поднялъ голову и запѣлъ одну изъ пѣсенъ Вильгельма Мюллера, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ «Deutsche Griechenlieder». Пѣсни эти теперь давно уже забыты, какъ забыта и страстная борьба за свободу, вызвавшая ихъ. Якобъ пропѣлъ пѣсню своимъ красивымъ голосомъ, и когда онъ замолкъ, наступила полная тишина, никто не произносилъ ни слова, всѣхъ охватило серьезное настроеніе.

— Посмотрите, — сказалъ Якобъ, нарушая, наконецъ, молчаніе, — вонъ солнце уже заходитъ! Странно подумать, что эти же багровые лучи, скрашивающіе наше веселье, быть можетъ, освѣщаютъ могилы грековъ и заглядываютъ въ темницы нѣмецкихъ студентовъ, которые хотѣли быть свободными. Такъ вспомнимте же ихъ, прежде чѣмъ мы забудемся въ угарѣ веселья!

— Условіе не было соблюдено! — крикнулъ одинъ студентъ. — Слѣдовало пропѣть такую пѣсню, которой мы могли бы подпѣвать.

— Я тутъ не виноватъ, — отвѣтилъ Якобъ. — Почему вы не подпѣвали? . . . Какъ это странно, — продолжалъ онъ, — я, сынъ поднезольнаго народа, долженъ вамъ напоминать о свободѣ! Хотя . . . если смотрѣть на это должнымъ образомъ, то это въ порядкѣ вещей, потому что евреи гораздо ближе соприкасаются со свободой, чѣмъ вы.

— Что за вздоръ! Постарайся хоть доказать это, Бендиксенъ, — крикнулъ одинъ голосъ.

— Вотъ видите ли, когда народъ въ Германіи или въ Даніи хочетъ получить свободу, онъ начинаетъ выбивать стекла въ домахъ евреевъ. Какъ только въ воздухѣ запахнетъ свободой, у евреевъ начинается ломота въ костяхъ, какъ у ревматиковъ передъ перемѣной погоды. А потому я долженъ говорить съ вами о свободѣ ex officio. То маленькое обстоятельство, что я полюбилъ свободу, вмѣсто того, чтобы бояться ея — не имѣетъ особаго значенія.

— За это доказательство я осушу свой бокалъ! — воскли-

нулъ Грёндаль. — А за грековъ и Миссолунги я готовъ выпить со всѣми вами.

— Да здравствуютъ греки и свобода! — крикнулъ Фангель. — Правда, я знакомъ съ этой дивной страной только по розгамъ, которыя выпадали на мою долю въ школѣ за Гомера. Но, можетъ быть, потому-то я и питаю такую необъяснимую любовь къ этой странѣ. Да здравствуетъ отецъ Гомеръ! Pontos Oinoeis! Не правъ ли онъ? Посмотрите, развѣ море въ это мгновеніе не напоминаетъ собою великолѣпнѣйшее бордо? О, что за блаженство поплавать въ этомъ дивномъ винѣ!

— Я протестую противъ употребленія вина для наружнаго употребленія, — сказалъ Грёндаль. — Но разъ мы пили за эллинскую свободу, не мѣшало бы выпить также и за датскую свободу. Вѣдь она для насъ не менѣе дорога.

— Да, да! — подхватилъ Якобъ, который успѣлъ разгорячиться и не могъ уже себя больше сдерживать. — Съ радостью поднимаю свой стаканъ. Въ сущности, я все-таки люблю Данію больше другихъ странъ.

— Ну, и сказалъ тоже! — воскликнулъ съ негодованіемъ Грёндаль. — Мнѣ казалось бы, что Данія настолько же твоя отчизна, насколько и моя. Развѣ ты не родился и не выросъ въ Фіоніи? Или ты отрекаешься отъ этого?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ Якобъ. — Но Данія не можетъ быть моей отчизной въ такой же степени, какъ вашей, потому что я, тоже ея сынъ, не пользуюсь всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуетесь вы. Неужели же вы думаете, что еврей, который сознательно относится къ правамъ человѣка и знаетъ цѣну этихъ правъ, можетъ спокойно смотрѣть на то неравенство, которое упорно поддерживаетъ правительство между нимъ и гражданиномъ-христіаниномъ? Евреямъ ставятъ въ укоръ, что у нихъ нѣтъ родины. Такъ почему же имъ не хотятъ дать родины?

— Ну, разница въ правахъ очень незначительная, — возразилъ одинъ изъ студентовъ. — Лишь въ очень немногихъ случаяхъ христіанамъ отдаютъ предпочтеніе передъ евреями.

— Свободу нельзя дѣлить на кусочки. Какъ только отъ нея урѣзываютъ что-нибудь, она превращается въ неволю.

— А я даже не знаю такихъ случаевъ, когда евреи терпѣли бы несправедливость, — замѣтилъ Кёнигъ. — Развѣ ты получалъ на экзаменахъ низкіе балы, потому что ты еврей?

— Ты говоришь, нѣтъ такихъ случаевъ? Я уже молчу объ общественномъ мнѣніи, хотя оно, быть можетъ, играетъ самую важную роль и гораздо сильнѣе законовъ и предписаній. Но развѣ еврей можетъ быть чиновникомъ? Можетъ ли онъ быть хоть сторожемъ? Можетъ онъ быть офицеромъ въ арміи? Если случится, что въ милиціи онъ дослуживается до чина капитана, то ему приходится выйти въ отставку. Я не хотѣлъ говорить объ обществен-

номъ мнѣніи, но мнѣ приходится все-таки привести нѣсколько характерныхъ чертъ. Такъ, напримѣръ, существуютъ цѣлые цехи, которые отказываются принимать къ себѣ евреевъ. Возьмемъ хотя бы торговцевъ желѣзомъ, которые не принимаютъ даже въ ученики еврейскихъ мальчиковъ. Когда драматическій писатель не знаетъ, что еще придумать, чтобы потѣшить публику, онъ обязательно вводитъ въ свою пьесу еврея, и какой-нибудь скоморохъ изъ актерской братіи играетъ эту роль. Въ сущности, національныхъ чертъ въ такихъ роляхъ никогда нельзя найти, даже выговоръ неправильный. Но чернь хохочетъ, — а чернь на такихъ представленіяхъ является преобладающимъ элементомъ.

— Ты преувеличиваешь, Бендиксенъ! — вокликнулъ Фангель. — Я былъ какъ-то въ театрѣ и ужасно хохоталъ надъ такимъ евреемъ. Но про меня ужъ никоимъ образомъ нельзя сказать, что я презираю евреевъ.

— Уже достаточно жестоко одно только то, — замѣтилъ Якобъ холодно, — что приходится отъ кого-нибудь выслушивать: я не презираю евреевъ.

— Да чего ты хочешь, Бендиксенъ? — крикнулъ Фангель. — Хочешь, чтобы мы прокричали «ура» въ честь евреевъ?.. Да здравствуютъ евреи! Ура!

— Ура! — подхватили всѣ дружно.

— Я хочу, — крикнулъ Якобъ, не обращая вниманія на тостъ, — я хочу, чтобы вы мнѣ сказали, почему я — вотъ вы видите меня, я стою передъ вами — не достоинъ свободы, всякаго довѣрія, всякой должности въ такой же точно степени, какъ и вы? Я хочу, — прибавилъ онъ тономъ наполовину горькимъ, наполовину шутливымъ, — чтобы вы объяснили мнѣ, почему я не могу быть сторожемъ, какъ любой изъ васъ?

— Такъ будь же сторожемъ! Бендиксенъ будетъ сторожемъ! — раздались радостные крики. — Да здравствуетъ сторожъ Бендиксенъ!

Якобъ почувствовалъ вдругъ усталость послѣ нервнаго подъема, и ему стало немного стыдно, что онъ далъ волю своимъ чувствамъ. Какъ разъ въ это мгновеніе Грёндель, уходившій въ кухню, чтобы приготовить жженку «по своему собственному рецепту», торжественно привелъ служанку, державшую миску съ горящимъ напиткомъ.

Его появленіе вызвало всеобщій восторгъ, и жженку привѣтствовали звономъ стакановъ и барабаннымъ боемъ по столу. При крикахъ «ура» льющимся огнемъ были наполнены стаканы.

Ничего не можетъ быть хуже, какъ быть пьянымъ среди трезвыхъ или трезвымъ среди пьяныхъ. Якобъ не былъ расположенъ напиваться и хотѣлъ уже покинуть веселую компанію, но вдругъ онъ схватилъ полный стаканъ и выпилъ его залпомъ, потомъ еще

одинъ и еще одинъ. Нѣсколько минутъ спустя онъ почувствовалъ, что нагналъ остальныхъ...

Кучеръ ѣхалъ очень осторожно поздней ночью по направленію въ городъ, везя цѣлый возъ студентовъ, которымъ въ концѣ концовъ удалось благополучно нагрузиться въ экипажъ. Мягкое равномѣрное покачиваніе коляски и ароматный свѣжій воздухъ вскорѣ усыпили ихъ и они погрузились въ сладкую дремоту. Когда экипажъ въѣхалъ въ городскія ворота, кучеръ дотронулся до плеча сидѣвшаго возлѣ него Грёнделя и спросилъ, куда ему ѣхать. Грёндель, жившій въ родовспомогательномъ заведеніи, отвѣтилъ: — Въ родильный домъ!

— Этотъ пьяница воображаетъ себѣ, что онъ беременный, — проворналъ кучеръ. Онъ толкнулъ въ плечо другого и повторилъ свой вопросъ.

— Въ госпиталь! — простоналъ ему въ отвѣтъ второй.

— Этотъ все-таки хоть что-нибудь да соображаетъ. Но напились они всѣ до чертиковъ... а все-таки изъ-за такой болѣзни въ госпиталь ложиться не стоитъ! — продолжалъ ворчать кучеръ, и онъ принялся расталкивать третьяго. Тотъ вышелъ изъ себя отъ безцеремоннаго прикосновенія тяжелой руки кучера и крикнулъ:

— Проваливай въ преисподнюю!

— Не могу же я разъѣзжать съ ними по улицамъ, пока у нихъ не пройдетъ хмѣль! Вѣдь это можетъ продолжаться до завтрашняго вечера, — сказалъ кучеръ озабоченно и остановилъ лошадей. — Дѣла! Нѣтъ, когда люди собираются напиваться, они должны предварительно давать свои адреса кучеру.

Между тѣмъ Грёндель, почувствовавъ, что коляска остановилась, очнулся отъ своего сладкаго сна и спросонокъ подумалъ, что пріѣхалъ къ себѣ въ родовспомогательное заведеніе. Едва ворочая языкомъ, онъ проговорилъ:

— Позовите старшую акушерку и скажите, что это я!

— Часъ отъ часу не легче! — возмутился опять кучеръ. — Ему мало простой акушерки — подавай старшую! И здорово же онъ нализался!... Эй, люди добрые, говорите же, наконецъ, куда васъ везти? — крикнулъ онъ, потерявъ терпѣніе.

— Въ госпиталь! Въ госпиталь! — раздалось изъ коляски.

— Ну, разъ вамъ туда такъ хочется, то вы туда и попадете, чортъ васъ возьми! — сказалъ кучеръ съ раздраженіемъ, и онъ погналъ лошадей и все время постегивалъ ихъ, пока онѣ, наконецъ, не остановились передъ гостепріимно раскрывшимися рѣшетчатыми воротами госпиталя.

IV.

Однажды зимою подъ вечеръ Якобъ сидѣлъ у Кёнига. Они вмѣстѣ занимались ботаникой. Кёнигъ составилъ прекрасный гербарій и очень любилъ, когда его товарищи пользовались имъ и от-

HARVARD COLLEGE LIBRARY

давали должное его труду. Они были въ самомъ разгарѣ оживленнаго диспута по поводу одного рѣдкаго растенія, которое Кёнигъ никакъ не могъ найти для своего гербарія, когда къ нему пришелъ посланный отъ одной женщины, жившей по сосѣдству, съ просьбой немедленно придти оказать помощь ея мужу, сломавшему себѣ ногу при паденіи на улицѣ.

— Ну, и хороши копенгагенскія улицы, — сказалъ Кёнигъ переодѣваясь. — Зимой во время гололедицы онѣ, по крайней мѣрѣ, даютъ практику молодому медику... Надѣюсь, Бендиксенъ, ты подождешь моего возвращенія? Я недолго задержусь.

Такъ какъ послѣ ухода дверь въ гостиную осталась слегка пріотворенной, то Якобу волей-неволей пришлось услыхать слѣдующій разговоръ матери Кёнига съ его сестрами:

Мать: — Не смотри же каждую минуту въ окно, Луиза! Такъ твое платье никогда не будетъ готово. Въ концѣ-концовъ придется дошивать его ночью передъ самымъ балюмъ.

Луиза: — Ахъ, балъ, балъ! Поскорѣе бы наступилъ этотъ день! — И она вскочила съ мѣста и стала кружиться по комнатѣ.

Хенріетта (старшая дочь): — Но откуда мы достанемъ кавалеровъ? Не надо забывать, что приглашено уже восемнадцать дамъ. А когда дамъ слишкомъ много, кавалеры начинаютъ ужасно много воображать о себѣ.

Луиза: — Ну, что касается насъ, то мы натанцуемся вдоволь въ качествѣ хозяекъ.

Мать: — Какъ это мило съ твоей стороны проявлять такую заботливость о гостяхъ! Нельзя сказать, чтобы ты была очень гостепріимна, милая моя! Но мнѣ кажется, что кавалеровъ будетъ достаточно на всѣхъ. Во-первыхъ, двое вашихъ братьевъ, затѣмъ два лейтенанта, Грёндель, Бендиксенъ...

Луиза: — Какъ, и еврей также будетъ?

Мать: — Такъ я думала, разъ вы боитесь, что у васъ будетъ мало кавалеровъ. Но я ничего не имѣю противъ того, чтобы его вычеркнуть изъ списка.

Якобъ не слушалъ дольше. Слова молодой дѣвушки больно укололи его сердце. Онъ чувствовалъ къ ней съ нѣкоторыхъ поръ искреннюю симпатію, ея бойкость и жизнерадостность заинтересовали его, и она съ своей стороны проявляла къ нему особое вниманіе, часто ласково и даже сердечно разговаривала съ нимъ. А теперь она пренебрегла имъ потому, что онъ еврей! Онъ не былъ еще достаточно закаленъ, чтобы спокойно принять ударъ съ этой стороны.

Немного спустя Кёнигъ возвратился домой. Думая, что Бендиксенъ сидитъ въ гостиной съ матерью и сестрами, онъ отворилъ туда дверь и спросилъ:

— Куда же дѣвался Бендиксенъ? Развѣ его здѣсь нѣтъ?

— Бендиксенъ? Его здѣсь вовсе не было.

— Во всякомъ случаѣ, онъ былъ здѣсь, когда я ушелъ. Я попросилъ его подождать меня.

— Боже мой! — воскликнула Луиза, вспыхнувъ до корней волосъ. — Такъ, можетъ быть, онъ слышалъ, что я сказала! Мнѣ даже показалось, что кто-то недавно вышелъ изъ передней. Но, можетъ быть, я ошиблась?

— Что же ты сказала? И какъ могли вы разговаривать такъ неосторожно, когда дверь въ мою комнату была не плотно заперта и вы знали, что тамъ сидитъ чужой.

— Мы слышали, что ты ушелъ и думали, что тамъ никого не осталось больше.

— Но что ты сказала, Луиза? Почему ты испугалась, что онъ могъ услыхать тебя?

— Вотъ видишь ли, мать сказала, что Бендиксенъ также будетъ на балу. А я спросила: Какъ, и еврей также? Тогда мать отвѣтила, что она ничего не имѣетъ противъ того, чтобы вычеркнуть его изъ списка приглашенныхъ.

— Да, этого для Бендиксена было вполнѣ достаточно! Но скажи на милость, какъ можетъ дѣвушка, претендующая на то, чтобы ее считали образованной, настолько забыться, хотя бы въ мысляхъ! — воскликнулъ Кёнигъ возмущенно. — Бендиксенъ мой другъ, и этого должно быть достаточно для моей сестры — все остальное несущественно. Ты должна извиниться передъ нимъ, а если ты не сдѣлаешь этого, то я извинюсь за тебя въ твоемъ присутствіи.

— Людвигъ! — воскликнула Луиза серьезно и съ достоинствомъ. — Ты этого не сдѣлаешь, не будешь такъ унижать меня! И я надѣюсь, что ты хоть немного извинишь меня, если я скажу тебѣ, что съ моей стороны это было маленькимъ кокетствомъ... Генріетта постоянно дразнитъ меня имъ, и мнѣ захотѣлось проявить по отношенію къ нему полное равнодушіе, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Быть можетъ, это признаніе достаточно искупаетъ мое невольное преступленіе, и ты постараешься самъ какъ-нибудь сгладить все.

— Конечно, ты стараешься обѣлить себя и все сваливаешь на меня, — проворчалъ Кёнигъ. — Но теперь я уже требую, чтобы Бендиксенъ былъ приглашенъ на балъ.

Сказавъ это, онъ отправился къ Бендиксену.

Между тѣмъ Якобъ успѣлъ немного успокоиться и въ немъ осталось только чувство горечи и стыда. Онъ думалъ такъ: «Вѣдь я не имѣлъ права слышать эти слова. Если бы знали о моемъ присутствіи, то они не были бы произнесены... Но почему же, почему эта дѣвушка не можетъ думать обо мнѣ, какъ о человѣкѣ, и не забываетъ, что я еврей! Почему она думаетъ обо мнѣ, какъ о *евреѣ* Бендиксенѣ? А впрочемъ, въ концѣ-концовъ, я все-таки еврей Бендиксенъ... Но какія отношенія установятся у меня

HARVARD COLLEGE LIBRARY

теперь съ этой семьей? ... Ахъ, почему эта глупая дѣвочка не заперла дверь, прежде чѣмъ начать свою болтовню!»

Онъ въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и мысленно приводилъ подобные же доводы, чтобы успокоиться окончательно. Вдругъ въ дверь раздался стукъ, и въ комнату вошелъ Кёнигъ. Оба были настолько смущены, что не замѣтили другъ въ другѣ смущенія. Машинально пожали они другъ другу руки. У Якоба хватило присутствія духа заставить себя произнести нѣсколько словъ:

— Извини, что я сбѣжалъ отъ тебя, — сказалъ онъ совершенно спокойно. — Дѣло въ томъ, что мнѣ необходимо было отослать одно спѣшное письмо, про которое я забылъ.

Бѣдный Кёнигъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости, услыша эти слова. Неожиданно для него самого у него вырвалось: — Слава Богу! ... — но онъ сейчасъ же остановился, боясь выдать себя. Однако, Якобъ не удивился его возгласу, онъ тоже подумалъ: «Слава Богу!» — и обрадовался, что не выдалъ себя.

Съ облегченными сердцами друзья усѣлись и завели обычную бесѣду. Никогда еще Якобъ не былъ такъ предупредителенъ со своимъ товарищемъ и никогда съ такой готовностью не набивалъ ему трубки. Да и Кёнигъ никогда не былъ съ нимъ такъ ласковъ и сердеченъ. Они долго и оживленно бесѣдовали, переходя съ одного предмета на другой, точно они боялись какъ-нибудь задѣть то, что занимало ихъ обоихъ. Наконецъ Кёнигъ нашелъ удобный моментъ и передалъ Якобу приглашеніе на балъ. А когда Якобъ съ благодарностью принялъ это приглашеніе, то оба почувствовали, наконецъ, увѣренность въ томъ, что дружба между ними осталась неприкосновенной.

— Вѣдь ты танцуешь? — спросилъ Кёнигъ.

— Да, въ школѣ я учился танцовать. Но на настоящемъ балу я еще никогда не былъ.

— Пустяки, — отвѣтилъ Кёнигъ. — Балъ — это и есть танцы и больше ничего.

Съ этими словами онъ распрощался и ушелъ.

* * *

Якобу казалось, что онъ видитъ сонъ, или что все это сказка. Раздавались ласкающіе и въ то же время ликующіе звуки музыки, мимо него проносились прекрасныя женщины, все было залито яркимъ свѣтомъ, все вокругъ него было красиво, радостно и свѣтло, и самъ онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ прелестную молодую дѣвушку.

Это была сестра Фангеля, Тора. Она только что возвратилась изъ Гольштиніи, и онъ въ первый разъ увидалъ ее здѣсь, когда Вильгельмъ представилъ его своей сестрѣ. Она стояла въ обществѣ другихъ дамъ, а потому они не обмѣнялись ни однимъ

словомъ. Якобъ низко склонился передъ ней, а она слегка кивнула головой — вотъ и все. Но въ то мгновеніе, когда она бросила на Якоба мимолетный взглядъ, ему показалось, что ея глаза обладаютъ страннымъ свойствомъ: она какъ будто не смотрѣла на него, и все-таки она видѣла его. Этотъ странный взглядъ заставилъ его задуматься и далъ пищу его воображенію. Но теперь, когда онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ и она, дѣтски-радостная, то обводила залъ счастливымъ взоромъ, то смотрѣла на него, какъ бы ожидая, что онъ заговоритъ, онъ не могъ больше подмѣтить и тѣни того внимательнаго, загадочнаго взора. Она была такъ хороша, на всемъ ея существѣ лежалъ отпечатокъ такой неизъяснимой прелести, что онъ боялся дотрагиваться до нея, и отъ охватившаго его восторженнаго чувства, не находилъ словъ для разговора.

Наконецъ, онъ овладѣлъ собой и сказалъ:

— Наконецъ-то я вижу ту самую фрёкенъ Тору, о которой мнѣ такъ часто приходилось слышать.

— Да, да — отвѣтила она весело, — наконецъ-то вы увидали знаменитый трондъемскій соборъ и такъ далѣе.

— И если меня спросятъ: «Солгала ли молва?» — я отвѣчу смѣло и не задумываясь: нѣтъ, — продолжалъ Якобъ.

«Оказывается, онъ вовсе не такъ глупъ», — подумала Тора. «Ему только трудно рѣшиться открыть ротъ».

— Тора, — заговорилъ опять Якобъ, — это очень красивое имя. Съ ранняго дѣтства меня научили любить его.

— Мой двоюродный братъ въ Германіи тоже нашелъ въ этомъ имени что-то особенное. Онъ говоритъ, что это женскій родъ отъ слова Торъ.

— Да, такъ это по-датски. У бога Тора была жена Сифъ съ золотистыми волосами и кроткимъ взглядомъ.

На Тору подѣйствовали не столько его слова, сколько тонъ, которымъ они были произнесены. Она внимательно посмотрѣла на него украдкой, точно хотѣла убѣдиться въ томъ, что не ошиблась. Но Якобу стало досадно на самого себя — то, что онъ испытывалъ, было гораздо прекраснѣе и глубже его словъ.

Когда другой кавалеръ увлекъ Тору въ танцѣ и заговорилъ съ ней, она невольно обернулась, какъ бы ища кого-то, и встрѣтилась взглядомъ со взоромъ Бендиксена, стоявшаго въ другомъ концѣ зала. Тора вспыхнула и опустила глаза.

— Я хочу доставить себѣ удовольствіе и представить другъ другу своихъ друзей, — сказалъ Кёнигъ, подводя къ Якобу молодого офицера. — Лейтенантъ Энбергъ, кандидатъ Бендиксенъ.

— Мнѣ кажется, что мы съ господиномъ Бендиксеномъ старые знакомые. Вѣдь мы встрѣчались въ Фіоніи, — сказалъ лейтенантъ. — Но, пожалуй, вы уже забыли меня?

Однако, Якобъ уже вспомнилъ его: передъ нимъ стоялъ его

первый врагъ. Это былъ тотъ самый мальчикъ, котораго онъ когда-то избилъ на берегу въ родномъ городѣ, доведенный до изступленія издѣвательствами христіанскихъ дѣтей. Какая неожиданная и странная встрѣча, и тутъ на балу! Ему показалось, будто въ ясный лѣтній день темная туча заслонила солнце и напомнила людямъ о мракѣ и ночи.

Лейтенантъ былъ очень красивъ, элегантенъ и обходителенъ.

Съ этого мгновенія Якоба охватило чувство страха, точно ему угрожало что-то недоброе. У него явилось страстное безотчетное желаніе вступить въ борьбу съ неизвѣстнымъ врагомъ. Эти чувства смѣнила новая волна восторга и блаженства, когда онъ опять очутился возлѣ Торы.

Они стояли у окна, нѣсколько въ сторонѣ отъ танцующихъ. Онъ сказалъ:

— Какое неизъяснимое блаженство можетъ испытывать человѣкъ! У меня такое чувство, будто я въ этомъ залѣ ухватился руками за самое счастье, и мнѣ стало жутко отъ его непосредственной близости. Мнѣ кажется, что организмъ человѣка слишкомъ слабъ для того, чтобы переносить такую непосредственную близость счастья.

— Вы, должно быть, очень любите танцовать, — сказала Тора.

— Танцовать? Нѣтъ, на балахъ не танцуютъ!

— Какъ? Вы не танцуете? — воскликнула она со смѣхомъ. — Развѣ вы не танцовали только что со мной?

— Да, съ вами я танцую!

Тора почувствовала, что слова эти не были обычнымъ бальнымъ комплиментомъ, для этого голосъ Якоба звучилъ слишкомъ искренно и задушевно.

Послѣ нѣкотораго молчанія Якобъ продолжалъ:

— Въ старыхъ сказкахъ говорится, что когда изъ земли вырываютъ кладъ, то должно царить молчаніе. Но когда хотятъ овладѣть счастьемъ жизни, то слѣдуетъ говорить... Ахъ, если бы найти только это волшебное слово!

— Ну, насколько я замѣтила, вамъ не трудно будетъ найти его! — сказала она легкимъ и непринужденнымъ тономъ.

— О, — произнесъ онъ блѣднѣя, — если бы только я могъ найти слово, которое имѣло бы силу проломить стѣну предразсудковъ! Если бы возможно было найти то волшебное слово, которое предаетъ забвенію многое... въ музыкѣ, мнѣ кажется, я близокъ къ этому слову... Наша очередь, фрёкенъ!

Послѣ полуночи онъ стоялъ въ кругу своихъ друзей. Всѣ чокались шампанскимъ, изъ залы доносились заглушенные звуки музыки. Въ ту минуту, когда Якобъ поднесъ къ губамъ бокалъ, вино вдругъ окрасилось струей крови. Испуганные товарищи бросились къ нему на помощь, думая, что въ горлѣ у него лоп-

нулъ сосудъ. Однако, кровь вскорѣ остановилась, но фракъ Якоба оказался запачканнымъ кровью, и ему пришлось уйти домой. Онъ былъ въ отчаяніи, что не могъ больше побыть въ ея близости, попрощаться съ ней и что онъ не получилъ законченнаго впечатлѣнія отъ бала, не видѣлъ, какъ улыбающіеся глаза становятся все туманнѣе, щеки блѣднѣе, а свѣжіе туалеты дамъ все больше увядаютъ при сонномъ свѣтѣ догорающихъ свѣчей.

V.

Когда Якобъ проснулся на слѣдующее утро, то первымъ его ощущеніемъ было недовольство собой и чувство стыда, словно онъ такъ или иначе сдѣлалъ себя смѣшнымъ въ глазахъ другихъ. Съ мучительнымъ чувствомъ сталъ онъ припоминать все, что онъ говорилъ, что дѣлалъ, какъ велъ себя въ томъ или другомъ случаѣ, и несмотря на то, что онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя, этотъ экзаменъ только усугубилъ въ немъ недовольство собой.

Онъ говорилъ себѣ: «Я былъ въ состояніи опьянѣнія! Я былъ невмѣняемъ!... Что подумала обо мнѣ эта молодая дѣвушка?... Ахъ, да она, быть можетъ, и не узнаетъ меня, когда мы съ нею снова увидимся... пожалуй, и я не узнаю ее — вѣдь она была въ бальномъ туалетѣ!»

Несмотря на все это, онъ все-таки рѣшилъ не откладывать дѣла — конечно, очень важнаго и спѣшнаго — къ Вильгельму Фангелю, и немедленно отправился къ нему въ домъ. У Торы на лицѣ появилось радостное и довольное выраженіе, когда она увидала его, и въ то же мгновеніе Якобъ сразу успокоился и тревожное настроеніе смѣнило радостное чувство, почти блаженство. Мать Торы, очень довольная тѣмъ, что ея дочь такъ много танцовала наканунѣ, сказала Якобу:

— Сегодня вы должны извинить насъ... вѣдь вы знаете, что дѣлается въ домѣ, когда дочери чуть ли не утромъ возвращаются съ бала. Но вы доставите намъ большое удовольствіе, если придете къ намъ завтра вечеромъ.

Якобъ отправился домой, счастливый и довольный. Но дома на него опять нашло сомнѣніе: «Ужъ не разсказали ли ей о томъ, какъ я велъ себя вчера вечеромъ, и не въ насмѣшку ли она пригласила меня къ себѣ такъ скоро?»

Однако, онъ пошелъ въ домъ Фангеля въ назначенный вечеръ и потомъ возобновлялъ свои посѣщенія такъ часто, какъ только это было возможно. Мало-по-малу его все глубже захватывало чувство любви. Каждое слово Торы пріобрѣтало для него все больше и больше значенія, каждо измѣненіе выраженія ея лица вселяло въ него страхъ или радость.

Для Якоба настало время, когда вся его прошлая жизнь ка-

залась ему мертвой и безцѣльной. Онъ началъ жить новой жизнью, всецѣло связанной съ этой дѣвушкой.

Домъ Фангеля посѣщали также и другіе молодые люди и случалось иногда, что Якобу казалось, будто онъ отъ всего сердца ненавидитъ Тору. И тогда чувство, заполнявшее все его существо и неудержимо привлекавшее его къ ней, представлялось ему темной, враждебной силой. И онъ бился и страдалъ въ узахъ, которыя самъ наложилъ на себя, и возмущался, словно эти узы наложили на него другіе.

Какъ ни мучительно было его состояніе, онъ не искалъ облегченія въ обществѣ своихъ друзей, а, напротивъ, отдалялся отъ нихъ, чтобы въ одиночествѣ отдаваться своимъ чувствамъ...

* * *

...Тигра пустыни продалъ имъ проѣзжій купецъ. Они кормили его хлѣбомъ и поили молокомъ вмѣсто крови. Они гладили и ласкали его нѣжными руками, тогда какъ острые шипы ранили его братьевъ. Когда буря пробуждала въ немъ воспоминанія о дѣвственномъ лѣсѣ, у него являлось желаніе бѣжать... но онъ не могъ... ибо онъ привыкъ къ ихъ молоку, хлѣбу и къ ихъ бархатистымъ и нѣжнымъ рукамъ...

* * *

...Пинехасъ, сынъ первосвященника Елеазара, сынъ Аарона, брата Моисея, взялъ мечъ и пронзилъ имъ еврея, полюбившаго языческую дѣвушку, пронзилъ его и ее однимъ мечомъ...

* * *

...Чѣмъ объяснить, что одна только улыбка на губахъ женщины приводитъ въ смятеніе мое сердце? Вѣдь губы — это лишь тѣло и кровь, а улыбка сокращеніе мышцъ. Напрасно я говорю себѣ все это... когда я вижу эту улыбку, разумъ мой меркнетъ, я пьянѣю отъ блаженства...

* * *

...Онъ ходитъ въ красномъ мундирѣ и эполетахъ, на боку у него сабля, на шляпѣ развѣваются перья, а я... я еврей!

* * *

...Геморо гласитъ, что надо учиться ѣздить верхомъ, фехтовать и плавать. Я выучился всему этому. Я — рыцарь, переодѣтый евреемъ... все несчастье въ томъ, что я никакъ не могу отдѣлаться отъ внѣшней оболочки.

* * *

...Его я чуть не убилъ въ дѣтствѣ во время честнаго боя.

Теперь онъ причиняетъ мнѣ то зло, за которое я тогда хотѣлъ убить его.

* * *

...Было ли это случайностью, что она вышла въ дверь рядомъ со мной? Что она взяла мою руку, прежде чѣмъ я осмѣлился предложить ее? Знала ли она, что *онъ* слѣдуетъ за нами?... О, эта неизвѣстность слишкомъ мучительна! Не играй со мной комедіи, христіанская дѣвушка! Ядовитый зубъ еще не выдернутъ!

* * *

...Было бы лучше, если бы она умерла въ Гольштиніи!.. Ахъ, нѣтъ, тогда я не увидалъ бы ея!

* * *

Однажды Якобъ былъ удивленъ неожиданнымъ посѣщеніемъ Леви. Впрочемъ, удивило его не столько посѣщеніе, — Леви за это время нѣсколько разъ заходилъ къ нему, но каждый разъ очень быстро уходилъ, благодаря мрачному и молчаливому настроенію Якоба. Нѣтъ, на этотъ разъ Леви произвелъ на него впечатлѣніе своимъ рѣшительнымъ видомъ, говорившимъ о томъ, что онъ не собирается скоро уходить. Онъ взялъ трубку, усѣлся поудобнѣе и сталъ выпускать цѣлыя тучи дыма, изрѣдка бросая замѣчанія, на которыя Якобъ коротко отвѣчалъ.

Наконецъ Леви сказалъ:

— Я прекрасно вижу, что пришелъ не во-время. Но у меня есть уважительная причина для этого. Въ моей практикѣ произошелъ странный случай, и я не рѣшаюсь дѣйствовать единолично. И вотъ я оказалъ вамъ честь и пришелъ посовѣтоваться съ вами.

— Что это за болѣзнь? — спросилъ Якобъ.

— Дѣло, видите ли, вотъ въ чемъ: одинъ изъ моихъ паціентовъ страдалъ запоромъ. Я прописалъ ему обыкновенное лѣкарство въ обыкновенныхъ дозахъ. А этотъ несчастный проглотилъ цѣлую бутылку заразъ и теперь онъ мучается ужаснѣйшимъ разстройствомъ.

— И насчетъ этого случая вы и пришли посовѣтоваться со мной? — воскликнулъ Якобъ со смѣхомъ. — По этому поводу я долженъ высказать свое просвѣщенное мнѣніе?

— Да, ибо «ты тотъ человѣкъ, — царь!» какъ сказалъ пророкъ Натанъ царю Давиду. Вы — тотъ паціентъ!

— Я! Вы съ ума сошли, Леви?

— Да, вы. Я прописалъ вамъ черезъ день по чайной ложкѣ христіанъ. А вы выпили заразъ цѣлую бутылку!

— Что за отвратительное сравненіе! — воскликнулъ возмущенный Якобъ. — Какъ хватаетъ у васъ духу... — слова за-

мерли у него на языкѣ, онъ не могъ произнести имя любимой дѣвушки съ этимъ сравненіемъ. — Какое право вы имѣете...

— Тише, тише, Бендиксенъ! Я подготовился къ тому, что вы вспылите — всѣ влюбленные горячатся. Но не забывайте, что съ вами говоритъ другъ, и говоритъ онъ съ вами не въ своихъ интересахъ, а въ вашихъ. Если вы настолько потеряли благоразуміе, что не хотите больше терпѣть моего участія къ вамъ, то скажите слово — и я уйду.

У Якоба не хватило духу произнести такое слово. Леви продолжалъ:

— Я привелъ непріятное сравненіе, но это не бѣда. Пожалуй, скорѣе даже полезно, чтобы грубая матеріальная дѣйствительность была противопоставлена идеальнымъ картинамъ и мечтаніямъ. Будьте же благоразумны, опомнитесь и перестаньте сходить съ ума по хорошенькому личику. Всему свѣту извѣстно, что вы каждый день бываете у Фангель и дѣлаете себя смѣшнымъ.

Якобъ былъ уничтоженъ, ему стало стыдно и онъ едва могъ произнести:

— Это *она* сказала, что я дѣлаю себя смѣшнымъ?

У Леви не хватило духу цѣною неправды добиться своей цѣли. Онъ отвѣтилъ добродушно:

— Этого я не говорилъ. Я только сказалъ, что мнѣ кажется, будто это такъ.

Благодаря этимъ словамъ Леви потерялъ выигранную почву. Онъ не принялъ во вниманіе, что для влюбленнаго не существуетъ другого судьи, кромѣ любимаго человѣка, а ко всѣму остальному свѣту онъ совершенно равнодушенъ. Якобъ вздохнулъ съ облегченіемъ, словно готовясь вступить съ Леви въ борьбу. Онъ спросилъ:

— Что имѣете вы противъ молодой дѣвушки?

— Противъ молодой дѣвушки? Ничего! Она очень хороша... для христанина.

— А что, если бы она любила меня, не взирая на то, что я еврей?

— Это невозможно! Во всякомъ случаѣ, она не можетъ желать выйти за васъ замужъ.

— Прошу васъ, Леви, не оскорбляйте дѣвушки, о которой мы говоримъ, предположеніемъ, что она любитъ меня и не желаетъ выйти за меня замужъ.

— Да она не можетъ! Дочь брамина не можетъ выйти за парія. Или, вѣрнѣе, она можетъ, но онъ не можетъ жениться на ней. Сами подумайте, что это за супружество, когда жена думаетъ, что принадлежитъ къ болѣе высокой кастѣ, чѣмъ ея мужъ.

— Любовь сгладитъ эту разницу.

— Да, если бы вы жили въ пустынѣ! Если бы не было кругомъ родныхъ друзей и знакомыхъ дочери брамина, которые

считаютъ, что унижаютъ себя, протягивая парію руку. Не забывайте, мой другъ, что когда женишься, то женишься не на одной только любимой дѣвушкѣ, а также и на ея родственникахъ, и во всякомъ случаѣ, на ея семьѣ. А что касается молодой дѣвушки... допустимъ, что, какъ любовница, она забудетъ, что вы еврей, но какъ жена, у которой нѣсколько охладѣла первая страстная любовь, она, можетъ быть, и вспомнитъ... Нѣтъ, вы подумайте только, что она въ гнѣвѣ напомнитъ вамъ объ этомъ.

По тѣлу Якоба прошла дрожь, но онъ молчалъ.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ послѣ долгаго размышленія, — образованная дѣвушка никогда не сдѣлаетъ этого. Нѣтъ, никогда!

— Ну, а вы забываете законы? Кто будетъ васъ вѣнчать? Христіанскій священникъ. Въ какой религіи будутъ воспитываться ваши дѣти? Въ христіанской. Съ самаго нѣжнаго возраста они будутъ проникаться антипатіей къ евреямъ и научатся презирать своего отца. Вы представьте себѣ только, что вы держите на рукахъ вашего собственнаго ребенка и экзаменуете его по школьнымъ предметамъ и вдругъ ребенокъ прерываетъ васъ и спрашиваетъ: «Отецъ, вѣдь Христа распяли евреи? Противные евреи! Если только мнѣ удастся поймать гдѣ-нибудь еврея, я убью его!»

— Леви, то, что вы говорите, ужасно!

— Скажите, Бендиксенъ, — продолжалъ Леви, — чувствовали ли вы когда-нибудь, что надъ нами тяготѣетъ проклятіе, или вы теперь вдругъ забыли объ этомъ?... Но что съ вами? У васъ такой видъ, точно вы увидали что-то ужасное. Не пугайтесь же такъ, быть можетъ, я выражаюсь слишкомъ рѣзко.

— — Но вы, Леви, вы сами? Вы никогда не думали о женитьбѣ? — спросилъ Якобъ, но видно было, что мысли его были гдѣ-то далеко.

— Что обо мнѣ говорить! Когда у меня будетъ хорошая практика, то и невѣста найдется въ какой-нибудь еврейской семьѣ. Я буду получать хорошій заработокъ, буду вести дѣятельную жизнь — чего же еще?

— Какой вы счастливый, Леви! — сказалъ Якобъ задумчиво. Онъ съ минуту сидѣлъ, глядя передъ собой, потомъ вдругъ воскликнулъ въ какомъ-то пророческомъ экстазѣ: — Я знаю! Это несчастье! Произнесено тайное проклятіе! Но я дѣлаю ему вызовъ! Пусть чаша наполнена смертельнымъ ядомъ — я осушу ее до дна!

— Не пойти ли намъ сыграть партію въ билліардъ? — спросилъ Леви.

Эта перемѣна въ направленіи мыслей была такъ рѣзка, что Якобъ былъ ошеломленъ и сразу повернулся.

— Вы смотрите на меня съ удивленіемъ, — сказалъ Леви. — Но я просто хотѣлъ только сказать, что если вы и сошли съ ума, то пусть это сумасшествіе будетъ одностороннимъ. Вамъ не слѣ-

дуетъ чуждаться людей и окончательно погибать изъ-за любви. Ну, что касается меня, то я умываю руки... Что же, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія, видя, что Якобъ стоитъ передъ окномъ и смотритъ на улицу: — приняли вы рѣшеніе?

— Да, — отвѣтилъ Якобъ съ глубокимъ вздохомъ.

Выходя съ другомъ, онъ крѣпко сжалъ руки, точно хотѣлъ удержать рѣшеніе, которое ускользало отъ него.

VI.

Отрывки изъ писемъ Торы къ подругѣ въ Гольштиніи.

Дорогая Вильгельмина!

...Я уже раньше писала тебѣ о товарищѣ брата, Якобѣ Бендиксенѣ. Сегодня сестра стала дразнить меня имъ и сказала, что онъ влюбленъ въ меня. Она, конечно, пошутила, но все-таки мнѣ стало какъ-то больно отъ ея словъ. Увѣряю тебя, что мнѣ и въ голову не приходило, что онъ можетъ влюбиться въ меня. О всѣхъ другихъ я это думала, но только не о немъ. Мнѣ всегда казалось, что онъ уже выбралъ себѣ въ невѣсты прелестную дѣвушку изъ своего племени. Вотъ потому на меня и подѣйствовали такъ слова сестры, вѣдь я... я сама хотѣла бы быть той дѣвушкой, на которой остановился его выборъ...

* * *

...Онъ любитъ меня! Онъ любитъ меня! Теперь утро, а я просидѣла всю ночь передъ зажженной свѣчей, обхвативъ колѣни руками. И, знаешь, всю ночь я только думала о томъ, что онъ мнѣ сказалъ: «Тора, я всегда любилъ тебя. Моя покойная мать пѣла о тебѣ!» И каждый разъ, когда я повторяла про себя эти слова, я улыбалась, и у меня дѣлалось такъ хорошо на душѣ. «Я всегда любилъ тебя. Моя покойная мать пѣла о тебѣ!» Въ этихъ словахъ есть что-то глубокое и сильное, а его голосъ... Нѣтъ, никогда еще сердце мое не наполнялось такимъ блаженнымъ чувствомъ, и только изъ-за этихъ словъ! У меня закружилась голова, и я опомнилась только у него въ объятіяхъ. Какъ онъ былъ счастливъ! Губы его дрожали, и онъ былъ очень блѣденъ. Но въ глазахъ его было выраженіе такой гордости, точно онъ завоевалъ весь міръ... Право, и я стала гордиться собой...

* * *

17 февр. 1830 г.

Дорогая Вильгельмина!

Сегодня я напишу тебѣ, наконецъ, толковое письмо. Я начала нѣсколько писемъ, но ихъ я тебѣ не пошлю.

Я обручена! Онъ студентъ, его зовутъ Бендиксенъ, онъ красивъ и очень любезенъ и милъ. Какую блаженную жизнь мы вели за послѣднее время! Недавно умерла дальняя родственница мамы,

и мы соблюдаемъ трауръ и живемъ тихо и нигдѣ не бываемъ. Это такъ пріятно во всѣхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, мой женихъ терпѣть не можетъ, когда его поздравляютъ. Мы даже потѣшались надъ нимъ изъ-за этого. Онъ говоритъ, что боится зависти боговъ, а потому и не любитъ, когда его поздравляютъ. И при этомъ онъ такъ смотритъ на меня, точно и вправду боится, что завистливые боги отнимутъ меня у него. Онъ такой милый и добрый! Мать и отецъ также очень любятъ его, а братъ его хорошій другъ. Ты понимаешь теперь, что я счастливѣйшая дѣвушка на свѣтѣ. Но за отца я немного боялась, такъ какъ у него есть свои предразсудки. Я боялась, что онъ будетъ имѣть что-нибудь противъ Бендиксена... О, никогда не забуду я того дня, когда онъ пошелъ говорить съ отцомъ! Я стояла въ комнатѣ передъ кабинетомъ и дрожала съ ногъ до головы. Мнѣ казалось, что я на Страшномъ Судѣ. И вдругъ дверь растворилась, и я услыхала голосъ отца, выходившаго изъ кабинета вмѣстѣ съ Бендиксеномъ: «Вы хорошій человѣкъ — и этого достаточно.... А вотъ и она! Ну, такъ берите же ее съ Богомъ!» Съ этими словами отецъ обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ: «Я зайду только къ матери, извините, что я ухожу!» О, до чего онъ добръ, мой милый, старый папочка! Да, дорогая Вильгельмина, я счастлива! Дай Богъ, и тебѣ быть такой же счастливой! Бѣдняжечка моя, этого отъ души желаетъ тебѣ

Твоя подруга Тора Фангель».

* * *

Дивная, золотая весенняя пора любви! Она полна блаженства, которому никто не сочувствуетъ, кромѣ тѣхъ, кто сами ее переживаютъ. Она тиха и беззвучна, какъ взоры, которыми обмѣниваются влюбленные. Ея языкъ — языкъ масоновъ, который представляется непонятнымъ и безсмысленнымъ для непосвященнаго. Это настоящая весна безъ желаній и требованій, когда душа беззаботно плаваетъ въ морѣ блаженства.

Но рай этотъ продолжается недолго. Иногда только до тѣхъ поръ, пока глаза мужчины не откроются, и онъ не увидитъ, что у его возлюбленной прекрасное тѣло, которое возбуждаетъ желаніе. И вотъ пробуждаются страсти съ ихъ тоской, надеждами, желаніями и борьбой... и пыль съ крылышекъ Психеи стирается... Или же случается, что ангелъ жизни изгоняетъ мужчину изъ рая, какъ праотца, чтобы онъ въ потѣ лица добывалъ свой хлѣбъ. Но Амуру непосильно такое бремя, онъ блѣднѣетъ и теряетъ свои крылья...

Былъ рѣзкій зимній вечеръ, хотя по календарю должна была бы быть весна. Казалось, будто зима, предчувствуя скорое пораженіе, рѣшила напрячь послѣднія силы. Поднялась настоящая метель съ рѣзкимъ восточнымъ вѣтромъ, который грозилъ по-

гасить фонари. Тутъ и тамъ срывались съ петель ставни и хлопали о стѣны. Якобъ былъ почти одинъ на улицѣ. Углубленный въ свои мысли, онъ не обращалъ вниманія на непогоду и быстро шелъ по направленію къ дому своихъ новыхъ родственниковъ. Въ этотъ вечеръ въ семьѣ Фангель былъ первый большой пріемъ послѣ окончанія траура.

Якобъ свернулъ за уголъ и былъ уже недалеко отъ дома, когда его обогнали два господина. Они шли, склонивъ головы, и въ то мгновеніе, когда одинъ изъ нихъ немного ушелъ впередъ и поровнялся съ Якобомъ, другой, нагонявшій его, крикнулъ, продолжая, повидимому, начатый разговоръ: «Что за досада!... Да еще такая прелестная дѣвушка!..» Только это и слышалъ Якобъ, такъ какъ проходившій быстро ушелъ впередъ, и дальнѣйшія слова замерли въ пространствѣ.

Якобу показалось, будто его пронзило огненной стрѣлой. Эти слова могли не имѣть никакого отношенія къ нему, но онъ услыхалъ ихъ въ такое мгновеніе, когда они представились ему голосомъ злого рока, угнетавшаго его мысли.

До тѣхъ поръ, пока у него была только одна мысль, одна цѣль — любовь Торы, путь его шелъ въ гору, скрывавшую передъ нимъ даль. Но теперь, когда цѣль была достигнута и онъ стоялъ на вершинѣ своихъ желаній, передъ его глазами раскрылся видъ на совершенно новые предметы. Теперь, держа Тору въ своихъ объятіяхъ, онъ думалъ о томъ, какъ на это смотрятъ другіе.

И вотъ, идя по улицѣ въ этотъ бурный вечеръ, онъ получилъ отвѣтъ, который не рѣшался высказать даже самому себѣ. Прелестную молодую дѣвушку жалѣли, потому что она выходитъ замужъ за еврея...

Когда онъ вошелъ въ ярко освѣщенный залъ, гдѣ вся семья была уже въ сборѣ — дамы въ элегантныхъ туалетахъ, въ первый разъ смѣнившихъ траурныя платья — ему показалось, что этотъ домъ сталъ для него совсѣмъ чужимъ, и его охватилъ смутный страхъ передъ чѣмъ-то неизвѣстнымъ. Тора въ своемъ свѣтломъ шелковомъ платьѣ была очень изящна и аристократична, и Бендиксену показалось, что отъ ея поклона, которымъ она привѣтствовала его, повѣяло холодной снисходительностью блестящей свѣтской дѣвушки. Быть можетъ, поклонъ Торы былъ дѣйствительно менѣе непринужденный, чѣмъ обыкновенно, но это могло происходить отъ того, что она боялась измять свое нарядное платье.

Этотъ вечеръ отецъ Торы, противъ обыкновенія, проводилъ съ семьей, и хотя Якобъ питалъ къ этому человѣку искреннее уваженіе и почти сыновнюю почтительность, онъ все-таки чувствовалъ себя нѣсколько неловко въ его присутствіи. Радостное настроеніе остальныхъ членовъ семьи онъ въ это мгновеніе не могъ разглядѣть, и всѣ они также казались чужими.

Черезъ нѣсколько времени къ воротамъ подъѣхала карета, и

немного спустя въ залъ вошли двѣ молодыя дѣвушки — подруги Торы.

Съ перваго же взгляда на младшую изъ этихъ дѣвушекъ, Якобъ проникся къ ней безотчетной антипатіей. Вся ея наружность, ея розовое личико съ вздернутымъ носомъ, насмѣшливые глаза — все производило на него отталкивающее впечатлѣніе, а кромѣ того, какое-то совершенно безотчетное внутреннее убѣжденіе говорило ему, что она антисемитка. И Якобу стало страшно, что эта подруга окажетъ фатальное вліяніе на Тору.

Фрёкенъ Софи сейчасъ же начала болтать съ Торой. Она отвела свою подругу въ сторону, бросила на Якоба внимательный взглядъ и проговорила вполголоса: — Твой женихъ очень красивъ! Что за прекрасные черные глаза у него! — Тора тоже посмотрѣла на Якоба и опустила глаза. Якобъ замѣтилъ, что молодая дѣвушка говоритъ о немъ, онъ увидалъ, что Тора покраснѣла, и это вызвало въ немъ мучительный страхъ, ему захотѣлось знать, что именно сказала фрёкенъ Софи, и что вызвало краску на щекахъ Торы. Онъ рѣшилъ, что подруга такъ или иначе подчеркнула, что онъ еврей.

Завязался общій разговоръ, но Якобъ не принималъ въ немъ участія, мысли его были далеко, и онъ едва былъ въ состояніи отвѣчать на вопросы.

Семья Фангель замѣтила перемѣну, происшедшую въ этотъ вечеръ въ Бендиксенѣ. Обыкновенно, когда онъ бывалъ у нихъ въ тѣсномъ семейномъ кругу, онъ былъ веселъ и непринужденъ: а теперь онъ сидѣлъ мрачный и разсѣянный, обводя всѣхъ какимъ-то непріязненнымъ взоромъ.

Вскорѣ пришелъ лейтенантъ Энгбергъ. Онъ сейчасъ же вступилъ въ веселую болтовню съ молодыми дѣвушками, разсказывалъ имъ анекдоты и вообще смѣшилъ ихъ. Повидимому, онъ пользовался большимъ успѣхомъ, его болтовня то и дѣло прерывалась взрывами смѣха. Якобъ продолжалъ сидѣть одинъ, точно не имѣлъ никакого отношенія къ этому обществу. Раза два онъ сдѣлалъ попытку попасть въ тонъ разговора, но изъ этого ничего не вышло.

Тора видѣла, что онъ не въ духѣ, но не могла понять причины. Она предположила, что онъ ревнуетъ, и рѣшила отучить его отъ этой дурной привычки. Поэтому она съ удвоеннымъ интересомъ стала слушать болтовню лейтенанта и сама оживленно болтала съ нимъ.

Собралось довольно много гостей, но чѣмъ больше ихъ собиралось, тѣмъ настроеніе Якоба становилось мрачнѣе. И при всей своей доброй волѣ ему не удалось побороть себя, и онъ, оставался все такимъ же мрачнымъ и разсѣяннымъ и производилъ на всѣхъ отталкивающее впечатлѣніе.

Ночью, когда гости разъѣхались и все въ домѣ успокоилось,

отецъ Торы долго ходилъ взадъ и впередъ по спальнѣ. Наконецъ, онъ остановился передъ женой и сказалъ:

— Ты обратила вниманіе на поведеніе Бендиксена?

— Да, мнѣ показалось, что онъ былъ чѣмъ-то недоволенъ, — отвѣтила фру Фангель, разстегивая платье.

— Онъ весь вечеръ раздражалъ меня! Ну, можно ли такъ вести себя по отношенію къ дамамъ! Я очень люблю его, это достойнѣйшій молодой человѣкъ, и, конечно, мнѣ послѣднему пришло бы въ голову ставить ему въ укоръ, что онъ еврей. Но мнѣ кажется, его сегодняшнее поведеніе можно объяснить только тѣмъ, что онъ еврей. Въ евреяхъ нѣтъ джентльменства. Но разъ онъ обрученъ съ христіанской дѣвушкой, то онъ долженъ хоть немного взять себя въ руки.

Жена отвѣтила:

— Мнѣ кажется, что его раздражало, что онъ былъ не одинъ съ нами. Но ты правъ, — очень хорошо, что онъ къ намъ такъ привязанъ, но не можемъ же мы изъ-за него запирать двери нашего дома. Пусть онъ не думаетъ, что можетъ распоряжаться въ нашемъ домѣ!

— Да, но не могу же я взяться за его воспитаніе, — сказалъ мужъ послѣ нѣкотораго молчанія. Вообще, эта задача очень щекотливая. И съ Торой надо говорить объ этомъ очень осторожно.

Нѣкоторое время супруги еще продолжали разговоръ на эту тему и, въ концѣ концовъ, рѣшили вообще дѣйствовать очень осторожно, не торопиться и подождать подходящаго случая.

VII.

Однако, подходящій случай не представился въ ближайшіе дни, а потомъ объ этомъ было забыто. Было ли это случайностью или преднамѣренно со стороны Якоба — семья Фангель не задавала себѣ этого вопроса, но въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ приходилъ въ домъ своей невѣсты только тогда, когда тамъ не было постороннихъ. И онъ держалъ себя по-старому и былъ со всѣми ласковъ и внимателенъ, хотя на лицѣ у него было выраженіе, говорившее о душевныхъ страданіяхъ.

Въ субботу вечеромъ Тора спросила его:

— Ты придешь къ намъ завтра передъ обѣдомъ?

Якобъ поблѣднѣлъ. Воскресенье былъ пріемный день фру Фангель и ея дочерей. Какъ онъ ни старался казаться спокойнымъ, но на лицѣ его появилось такое болѣзненное выраженіе, что Тора испугалась.

— Ты боленъ! — воскликнула она.

— Нѣтъ, нѣтъ, — отвѣтилъ Якобъ, проводя рукой по лбу, — у меня просто легкое головокруженіе, но это сейчасъ пройдетъ.

— Ахъ, нѣтъ, ты боленъ! — сказала Тора съ нѣжной заботливостью. — Я замѣтила, что у тебя уже нѣсколько дней болѣзненный видъ. Останься завтра дома. Я постараюсь уговорить маму, и мы нанесемъ тебѣ вмѣстѣ съ ней маленькій визитъ.

Тора не замѣтила, что при этихъ словахъ на лицѣ Якоба совершенно исчезло болѣзненное выраженіе. Она приняла его молчаніе за подтвержденіе своего предположенія и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока не отправила его домой.

На другой день Якобъ былъ совершенно здоровъ. А потому, когда Тора въ слѣдующую субботу снова попросила его въ воскресенье придти къ нимъ, то онъ согласился.

Противъ ожиданія онъ засталъ ее одну.

Ее поразило выраженіе почти дѣтской радости, съ которой онъ то осматривался по сторонамъ въ пустыхъ комнатахъ, то смотрѣлъ на нее, словно они встрѣтились послѣ долгой разлуки. Что-то въ немъ трогало ее до глубины души, но она не отдавала себѣ отчета въ томъ, что именно.

Она сидѣла рядомъ съ нимъ, нѣжно перебирала его волосы и заглядывала въ его глаза, смотрѣвшіе на нее съ беззавѣтной любовью. И, хотя она хорошо сознавала, что любитъ его, но когда она видѣла выраженіе его глазъ, слышала его душевный голосъ, ей все-таки казалось, что она любитъ его не достаточно, не достаточно благодарна ему за его безграничную любовь. Она больше слушала его и лишь изрѣдка произносила нѣсколько словъ, но онъ говорилъ много, тихимъ, глубокимъ голосомъ, въ которомъ слышалось сдерживаемое страстное чувство. Онъ какъ будто боялся дать волю этому чувству, но слова были такія ясныя и опредѣленныя, такія сильныя и красочныя, что выдавали его южное происхожденіе.

Она прижалась къ нему еще тѣснѣе и глубоко заглянула въ его каріе глаза, и вдругъ Якобу показалось, что въ ея глазахъ снова появилось то двойное выраженіе, которое онъ замѣтилъ въ нихъ, когда она въ первый разъ посмотрѣла на него на балу. И опять отъ этого взгляда къ сердцу его горячей волной прилила кровь.

Онъ молчалъ и только крѣпче прижалъ ее къ себѣ.

Мать и сестра вернулись домой и прервали ихъ тихую бесѣду. Якобъ вышелъ въ переднюю навстрѣчу своей будущей свекрови и предупредительно помогъ ей и ея дочери снять верхнее платье.

— Куда это вы ходили такъ рано, да еще въ такомъ парадѣ? — спросилъ онъ шутливо.

— Мы были въ церкви и слушали проповѣдь Мюнстера, — отвѣтила фру Фангель. — Тора, не дашь ли ты мнѣ чашку кофе? Сегодня ужасно холодно.

Немного спустя Якобъ ушелъ, но онъ долженъ былъ обѣщать придти вечеромъ, пораньше.

Когда онъ ушелъ, фру Фангель сказала, съ раздраженіемъ ставя чашку на столъ:

— Что за невозможный человѣкъ! Право, кажется, онъ собирается запретить намъ ходить въ церковь! Вѣдь не можетъ же весь нашъ домъ ради него перейти въ еврейство!... Что за лицо онъ сдѣлалъ, когда я сказала, что мы были въ церкви! Господи, Боже Ты мой, почему бы ему не быть такимъ же набожнымъ, какъ и мы?

Эти слова такъ обидѣли Тору, что она расплакалась.

— Не плачь же, моя дѣвочка! — сказала мать. — Дѣло обстоитъ не такъ уже плохо. Мы говорили съ отцомъ о твоемъ женихѣ и пришли къ тому заключенію, что тебѣ ничего не будетъ стоить измѣнить его къ лучшему. Если ты будешь вести себя благоразумно, то ты добьешься того, что онъ научится держать себя болѣе по-джентльменски, какъ говоритъ отецъ, и перестанетъ капризничать. Невѣста можетъ многаго добиться отъ своего жениха. Ну, а въ томъ, что онъ тебя достаточно любитъ — сомнѣваться нечего. Ты можешь обернуть его вокругъ пальца.

Тора перестала плакать, она внимательно слушала мать.

Вечеромъ были гости, и Якобъ опять держалъ себя какъ-то странно. Онъ не былъ невѣжливъ или нелюбезенъ, да и мрачности въ немъ не было, трудно было бы поставить ему въ вину что-нибудь опредѣленное. Даже люди, не видавшіе его въ болѣе свѣтлыя мгновенія, едва ли замѣтили бы что-нибудь особенное въ его манерѣ держать себя. Онъ былъ очень тихъ, мало разговаривалъ, и на лицѣ его была написана тревога и даже страхъ. Но членовъ семьи Фангель все это шокировало, потому что имъ хотѣлось, чтобы ихъ будущій родственникъ былъ веселъ и оживленъ, и чтобы люди говорили о немъ: «Какой милый и любезный женихъ у фрёкенъ Торы!»

Якоба и въ этотъ вечеръ обуревали тѣ же чувства, что и раньше, когда въ домѣ въ первый разъ собрались гости. Но только теперь прибавилось нѣчто новое, что отнюдь не способствовало его успокоенію. Когда онъ вошелъ въ переднюю, къ нему навстрѣчу вышла Тора. Она ласково провела рукой по его щекѣ и сказала: — Надѣюсь, ты сегодня будешь милымъ и веселымъ, не правда ли?

Почему сказала она ему это? Ужъ не говорили ли о немъ въ этомъ домѣ? Не обсуждали ли его поведеніе? Быть можетъ, онъ былъ причиной какихъ-нибудь недоразумѣній... упрековъ?

Позже вечеромъ, заговоривъ съ фру Фангель, Якобъ почувствовалъ въ ея тонѣ такой холодъ, какого раньше никогда не замѣчалъ. А когда онъ обратился съ какимъ-то замѣчаніемъ къ отцу Торы, то тотъ отвѣтилъ ему очень вѣжливо, но слишкомъ

вѣжливо — и только. Якобъ отвернулся, губы его дрожали, а на глазахъ выступили слезы. Послѣ этого онъ окончательно замкнулся въ себя, и его мрачная молчаливость обратила на себя даже вниманіе гостей.

Теперь и Тора убѣдилась въ томъ, что ея женихъ дѣйствительно ведетъ себя очень странно. Послѣ его ухода она начала серьезно обдумывать, какъ ей держать себя, чтобы измѣнить поведеніе Якоба.

VIII.

На слѣдующее утро Якобъ сидѣлъ у себя дома и приготовлялъ кофе съ той глубокой серьезностью, съ которой люди часто исполняютъ привычную работу, совершенно не думая о ней и дѣйствуя чисто механически.

«Какъ все хорошо, — подумалъ Якобъ, наливая въ кофейникъ воду, — что Леви уѣхалъ. Мнѣ дѣлается даже немного страшно, когда я подумаю, что онъ долженъ скоро вернуться... хотя онъ единственный человѣкъ, съ которымъ я могу разговаривать.

Якобъ погрузился въ тяжелыя думы и очнулся только, когда услыхалъ, что въ дверь постучали. Вслѣдъ за этимъ дверь медленно растворилась.

Это былъ Леви.

— Леви! — воскликнулъ удивленный Якобъ, идя къ нему навстрѣчу. — Здравствуйте! Какъ это странно, я только что думалъ о васъ!

— Тише! — сказалъ Леви, стоя у дверей и придавая своему лицу торжественное выраженіе. — Тише! Не нарушайте моего торжественнаго настроенія. Я вхожу къ новообрученному человѣку. Я вошелъ — вотъ это самое замѣчательное. Вы дома, счастливый человѣкъ! Вы не пренебрегаете пищей, пристанищемъ и чистотой, несмотря на то, что живете въ любви и любовью... Поздравляю васъ!

— Спасибо, спасибо, Леви! Да войдите же какъ слѣдуетъ. Садитесь!

— Согласенъ! Ну, говоря серьезно, какъ вы поживаете? А впрочемъ, стоитъ ли объ этомъ спрашивать? Конечно, вы въ лихорадкѣ, въ лихорадкѣ восторга...

Якобъ употребилъ надъ собой усиліе, чтобы придать лицу и глазамъ выраженіе блаженства и этимъ утвердительно отвѣтить на вопросъ друга. Съ той же дѣланной веселостью онъ усадилъ Леви на диванъ, протянулъ ему трубку и сказалъ:

— Позвольте налить вамъ чашку кофе! Надо же васъ хоть чѣмъ-нибудь вознаградить за ваше поздравленіе, да еще преподнесенное въ такой очаровательной формѣ!

Леви внимательно смотрѣлъ на Якоба, пока тотъ наливалъ ему кофе, а потомъ принялся спокойно набивать себѣ трубку, поудобнѣе усѣвшись на диванѣ. Отхлебнувъ изъ чашки и убѣдившись въ томъ, что кофе хорошъ, Леви сказалъ:

— Я выпью ваше кофе, Бендиксенъ, но вы должны согласиться, что это не угощеніе для друзей, которые приходятъ поздравить васъ по такому высокоторжественному случаю. Я ожидалъ, что на столѣ появится цѣлая батарея бутылокъ шампанскаго, двадцать семь бутылокъ, чтобы произвести двадцать семь узаконенныхъ выстрѣла. Или вы уже палили?

— Нѣтъ еще, — отвѣтилъ Якобъ съ улыбкой.

— Ну, на что это похоже? — возмутился Леви. — Когда ты повѣшь на седьмомъ небѣ и плаваешь въ блаженствѣ, когда по землѣ ходишь лишь изъ снисхожденія, то какъ можно сидѣть у себя въ комнатѣ и заниматься такимъ прозаическимъ дѣломъ, какъ приготовленіе кофе? И какъ это возможно настолько сохранять самообладаніе, чтобы не дать кофе перекипѣть, а самому въ это время углубиться мысленно въ созерцаніи глазъ своей возлюбленной? И какъ возможно не забыть намазать на хлѣбъ масла, когда мысленно переходишь изъ однихъ объятій въ другія въ кругу семьи своей нареченной? Когда вспоминаешь ласки тетушекъ, кузинъ, друзей и знакомыхъ невѣсты, когда знаешь, что всѣ они тобой восхищаются и чувствуешь себя гордымъ, счастливымъ, какъ король? .. Однако, Бендиксенъ, у васъ, я вижу, далеко не такой видъ, какой бываетъ у человѣка, плавающаго въ блаженствѣ, глаза у васъ не сіяютъ, улыбка ваша изсякаетъ, какъ ручеекъ въ знойный день.

Слушая яркое и пространное описаніе состоянія влюбленности, Якобъ дѣйствительно забылся и далъ исчезнуть съ своего лица всякому выраженію. Онъ сидѣлъ печальный и озабоченный.

— Вотъ вы и выдали себя, — продолжалъ Леви. — Въ другой разъ не притворяйтесь. Неужели вы думаете, что я такъ мало васъ знаю, чтобы не замѣтить, что у васъ вовсе не такъ хорошо и радостно на душѣ, какъ вы это хотѣли показать? Но въ чемъ же дѣло? — спросилъ онъ съ участіемъ. — Семья невѣсты нехорошо къ вамъ относится? Надъ вами издѣваются, какъ надъ евреемъ?

— Нѣтъ, съ моей стороны было бы величайшей неблагодарностью, если бы я пожаловался хоть на что-нибудь или выразилъ бы малѣйшее недовольство, — отвѣтилъ Якобъ. — Ахъ, въ концѣ концовъ оказывается, что не они, а я самъ порчу себѣ все и дѣлаю себя несчастнымъ!

— Такъ я и думалъ, — замѣтилъ Леви какъ бы про себя.

— Я самъ мучаю себя, — продолжалъ Якобъ. — И я не могу овладѣть собой. О, вы не можете себѣ представить, что за адъ я иногда переживаю! Дошло до того, что я боюсь ходить въ домъ

моей невѣсты, когда у нихъ гости. Мнѣ даже кажется, что съ моей стороны неделикатно по отношенію къ семьѣ Фангель появляться у нихъ при гостяхъ и какъ бы демонстрировать, что ихъ будущій зять еврей. А когда мнѣ все-таки приходится бывать у нихъ, то меня охватываетъ каждый разъ смертельная тревога, когда я вижу, что двое изъ гостей тихо разговариваютъ другъ съ другомъ, когда они обмѣниваются взглядами, улыбаются... Я стараюсь слѣдить за всѣми, прислушиваюсь къ разговорамъ, меня охватываетъ смертельная тревога... А между тѣмъ весьма возможно, что эти взгляды и улыбки самаго невиннаго свойства! Но не все ли равно, разъ я зараженъ этимъ страхомъ. Когда меня тамъ нѣтъ, меня неудержимо тянетъ туда, мнѣ кажется, что мое присутствіе заставляетъ людей удерживаться отъ замѣчаній, что я долженъ слѣдить за ними и оберегать себя. Ко всему этому надо еще прибавить, что когда меня тамъ нѣтъ, то этотъ шелопай, лейтенантъ Энбергъ, ухаживаетъ за моей невѣстой!

— Неужели же вы, къ довершенію несчастья, еще и ревнуете?

— Нѣтъ... Но онъ ухаживалъ за моей невѣстой раньше. А теперь, когда она выбрала меня, казалось бы, что онъ догадается проявить настолько порядочности, чтобы исчезнуть. Вѣдь все-таки надо обладать извѣстной долей нахальства, чтобы продолжать ходить въ домъ, словно ничего не случилось. Право, можно подумать, будто онъ надѣется, что настанетъ еще его время.

— Но развѣ онъ не сродни этой семьѣ?

— Да, но родство очень отдаленное. Во всякомъ случаѣ при существующихъ обстоятельствахъ это не имѣетъ значенія.

— Ну, въ сущности, все это не такъ важно, если только вы въ хорошихъ отношеніяхъ съ членами семьи. А вѣдь вы сами сказали, что они обращаются съ вами въ высшей степени деликатно.

— Но вы никогда не замѣчали, что есть деликатность, которая оскорбляетъ? Въ ихъ деликатномъ молчаніи есть что-то мучительное для меня. Пусть бы они ужъ лучше говорили при мнѣ о евреяхъ и насмѣхались надъ ними! Это было бы для меня благодѣяніемъ, это доказывало бы мнѣ, что они забыли, что я еврей. Недавно разговоръ зашелъ о нѣкоемъ Якобсенѣ. Я читалъ на всѣхъ лицахъ вопросъ, не еврей ли это, но тутъ сидѣлъ я, это стѣсняло ихъ, и они молчали. Значитъ, они никогда ни на минуту не забываютъ о томъ, что я еврей. Для меня было бы величайшимъ счастьемъ слиться съ ними, исчезнуть, какъ индивидъ, и сдѣлаться частью ихъ семьи. Но каждое мгновеніе мнѣ такъ или иначе напоминаютъ о томъ, что я еврей, и я больно сознаю, что чужой среди нихъ. Между нами стоитъ какая-то скрытая роковая сила.

Леви сидѣлъ, склонивъ голову, и долго молчалъ послѣ того, какъ Якобъ кончилъ говорить. Наконецъ онъ сказалъ:

— Все, въ чемъ вы сейчасъ признались мнѣ, я могъ предсказать вамъ заранѣе до мельчайшихъ подробностей. Дѣло въ томъ, что мы евреи, и хуже всего въ этомъ то, что сами мы слишкомъ хорошо сознаемъ и помнимъ это. Вотъ потому-то я и пятался... но теперь это все равно... Я вашъ врачъ и продолжаю оставаться имъ, хотя вы и не послушались моихъ предписаній. Но вѣдь если бы у васъ былъ пацієнтъ, который пренебрегъ бы вашими совѣтами, простудился и заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ, вы не бросили бы его, хотя онъ и былъ бы самъ виноватъ въ своей болѣзни?.. Хотите послѣдовать одному совѣту?

Якобъ бросился на диванъ, закрылъ глаза руками и ничего не отвѣтилъ.

Леви прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ снова заговорилъ:

— Вы могли бы спросить, зачѣмъ я прихожу къ вамъ и вызываю васъ на откровенности. Пожалуй, я и самъ могъ задать себѣ этотъ вопросъ, потому что, ей-Богу, я не знаю этого. Вотъ тутъ между ребрами что-то застряло и просится наружу, и если бы я не былъ заклятымъ врагомъ матеріалистовъ, увѣряющихъ, что чувство имѣетъ свою резиденцію въ сердцѣ, я, пожалуй, подумалъ бы, что питаю къ вамъ нѣкоторую долю нѣжности. Но этого нѣтъ, потому что иначе я бѣгалъ бы теперь по комнатѣ, ломалъ бы въ отчаяніи руки и кричалъ бы: «Какого чорта вздумали вы обручиться! Зачѣмъ полѣзли вы туда! Ахъ, если бы у васъ хватило благоразумія удержаться отъ этого!» Но я этого не дѣлаю. Я вовсе вамъ не другъ. Я просто вашъ домашній врачъ, а вы больны. Вы лежите на диванѣ, а я ставлю діагнозъ и перебираю въ своемъ ученомъ мозгу всѣ случаи такой же болѣзни. Дайте мнѣ сигару... а, вотъ онѣ здѣсь... когда сигара будетъ докурена, то и мы покончимъ съ нашимъ совѣщаніемъ... Слушайте же... Есть нѣсколько случаевъ, когда еврей можетъ быть счастливъ съ христіанской дѣвушкой. Можетъ быть счастливо супружество, если, напримѣръ, еврей съ окраины города обручится съ христіанской дѣвушкой, которая по образованію стоитъ приблизительно на уровнѣ служанки. Время обрученія эта пара проводитъ обыкновенно такимъ образомъ, что, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю устраиваетъ маленькое побоище. По большей части подобныя побоища происходятъ по воскресеньямъ. А кончается оно тѣмъ, что возлюбленный вылетаетъ изъ каморки на чердакъ на лѣстницу и спускается по ней подъ крики своей невѣсты: «пошелъ къ чорту, паршивый жидъ!» Въ понедѣльникъ, разумѣется происходитъ трогательное примиреніе. Послѣ того, какъ такая парочка благополучно поженится, вышеописанныя сцены повторяются, но только съ той разницей, что они могутъ случиться въ любой моментъ, независимо отъ того, будни это или праздникъ. Зато и счастливыя минуты примиренія бываютъ чаще. И все это

не мѣшаетъ супругамъ быть счастливыми, потому что если у нихъ и сильные кулаки, то и нервы тоже крѣпкіе.

Бываютъ еще и такіе случаи женитьбы еврея на христіанской дѣвушкѣ, когда онъ женится на ней изъ-за денегъ или какихъ-либо другихъ матеріальныхъ выгодъ, — это такъ просто и понятно... Но, признаюсь, когда на васъ нашло навожденіе и вы влюбились, я испугался. У меня въ моей практикѣ не было такой рубрики, подъ которую вы подходили бы. Я боялся, что вы попадете въ такіе тиски, что вамъ не выбраться изъ нихъ. Но теперь я вижу, что предо мною очень рѣдкій случай: — порядочный и красивый еврей — поднимайте голову выше! — попадаетъ въ христіанскую семью, которая самымъ искреннимъ образомъ старается проявлять возможную терпимость, да еще выказываетъ величайшее вниманіе, чтобы сгладить маленькія шероховатости въ отношеніяхъ. Я нахожу, что въ данномъ случаѣ могло бы быть полное романтическое счастье, если бы только самъ еврей со своимъ болѣзненнымъ самолюбіемъ и мнительностью не поступилъ подобно дикообразу, который поднимаетъ свои иглы независимо отъ того, приближается ли къ нему другъ или недругъ. Бендиксенъ! Сравните ваше положеніе жениха съ положеніемъ другихъ женіховъ и благодарите Господа Бога за счастье, выпавшее на вашу долю! Будьте благоразумны, будьте пріятны! Не брезгуйте Божьими дарами! Когда другіе забываютъ, что вы еврей, или хотя бы даже только дѣлаютъ видъ, что забыли, то забывайте и вы объ этомъ или дѣлайте видъ, что забыли. И вѣдь ваша невѣста любитъ васъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Такъ почему же не поговорите вы съ ней? Почему не преодолѣете себя и не коснетесь наконецъ тѣхъ болѣзненныхъ переживаній, которыя отравляютъ вамъ ваше счастье? Сдѣлайте же вашу невѣсту своимъ другомъ, которому довѣряешь все! Ну, вотъ оно, это цѣлительное средство! Поговорите съ вашей невѣстой, несчастный вы человѣкъ! У васъ будетъ тогда союзникъ въ самой семьѣ, единственный, который, въ сущности, вамъ и нуженъ! Ну, я кончилъ! Dixi, а тѣмъ временемъ мой кофе простылъ.

Еще задолго до того, какъ Леви кончилъ говорить, лицо Якоба прояснилось, а теперь онъ вскочилъ и радостно воскликнулъ:

— Вы правы, Леви! Вы совершенно правы! Я былъ слѣпъ, глухъ... я былъ... почему не выругаете вы меня какъ слѣдуетъ? Я этого заслужилъ!.. О, я ожилъ! Я точно возродился... Леви, вы спасли меня! Я былъ малодушенъ и близорукъ! Вы мой благодѣтель! Какъ мнѣ отблагодарить васъ когда-нибудь за это!

— Ну, разъ дѣло дошло до вознагражденія... Сдѣлайте меня вашимъ домашнимъ врачемъ, когда вы женитесь. Вотъ у меня и готова маленькая практика. А впрочемъ, вы сами врачъ, а потому мнѣ придется пользовать васъ даромъ. Въ такомъ случаѣ, вы можете угостить меня хоть шампанскимъ, когда я приду поздравлять васъ послѣ свадьбы, а не кофе, какъ вы это дѣлаете теперь.

Какъ только Леви ушелъ, Якобъ тотчасъ же отправился къ своей невѣстѣ. По дорогѣ онъ говорилъ себѣ: «Я честно покаюсь ей въ своемъ малодушіи, пусть она заглянетъ во всѣ уголки моей души. Она поможетъ мнѣ и, какъ ангелъ-хранитель, будетъ оберегать меня отъ злыхъ мыслей».

На сердцѣ у него было такъ легко, глаза его смотрѣли такъ ясно и спокойно, когда онъ входилъ въ домъ своей невѣсты.

IX.

У Фангель были гости. Моментъ былъ неблагопріятный для какихъ бы то ни было объясненій. Но настроеніе у Якоба было такое приподнятое, въ немъ было столько твердой рѣшимости, что онъ не остановился бы ни передъ какими препятствіями.

Собравшееся въ гостиной общество весело и громко разговаривало, когда Якобъ вошелъ туда. Въ этотъ день въ первый разъ въ домъ пришла одна француженка. Съ ней вмѣстѣ пришла и семья, которая ввела ее въ домъ Фангель. Присутствовалъ тутъ также и лейтенантъ Энгбергъ и еще двое молодыхъ людей.

Когда вошелъ Якобъ, Тора вспомнила, что рѣшила сердиться на него, однако, лицо у Якоба было сверхъ обыкновенія такое радостное и отъ него вѣяло такимъ благодушіемъ и сердечностью, что она забыла все и встрѣтила его самой милой улыбкой. Она не безъ гордости представила его пріѣзжей француженкѣ, какъ своего жениха. Та, въ свою очередь, рѣшила оказать ему въ качествѣ такового особое вниманіе и тотчасъ вовлекла его въ общій разговоръ. Бесѣда вертѣлась, главнымъ образомъ, вокругъ впечатлѣній, вынесенныхъ француженкой изъ ея кратковременнаго пребыванія въ Копенгагенѣ.

Говорили по-французски, и вскорѣ Якобъ открылъ, что лейтенантъ Энгбергъ владѣетъ этимъ языкомъ гораздо лучше его. Мысленно онъ далъ себѣ слово, что этимъ преимуществомъ лейтенантъ будетъ пользоваться недолго. Однако, въ данный моментъ это рѣшеніе Якоба не могло помочь ему. Сознаніе превосходства лейтенанта было для Якоба очень мучительно, кромѣ того къ этому чувству зависти примѣшивалась еще и ревность. Такъ какъ Тора тоже хорошо говорила по-французски, то и бесѣда ея съ Энгбергомъ была гораздо оживленнѣе, чѣмъ съ Якобомъ.

Съ тревогой и раздраженіемъ Якобъ вспомнилъ, зачѣмъ онъ пришелъ сегодня къ своей невѣстѣ, и общество, помѣшавшее осуществленію его намѣренія, начинало его тяготить. Однако, ему некогда было задумываться надъ этимъ, онъ поневолѣ долженъ былъ продолжать общую бесѣду. Онъ говорилъ очень быстро и много, какъ бы желая этимъ загладить свой неправильный языкъ. Онъ даже смѣялся, когда всѣ другіе смѣялись, хотя, быть можетъ, ему больше хотѣлось плакать.

Былъ поданъ кофе съ печеньемъ.

— Вотъ, рекомендую вамъ попробовать этотъ тортъ, — сказала Тора среди веселаго разговора француженкѣ, протягивая ей подносъ. — Это настоящее датское печенье. Во Франціи вы, навѣрное, никогда ничего подобнаго не пробовали... Это намъ прислала тетя изъ деревни... Кстати, Бендиксенъ, тетя пріѣдетъ, можетъ быть, на этихъ дняхъ къ намъ. Я такъ рада, что ты, наконецъ, познакомишься съ моей милой тетей Матильдой.

Не вдумываясь въ то, что ему сообщила Тора, Якобъ отвѣтилъ разсѣянно:

— Это меня очень радуетъ, въ особенности, если твоя тетя такая же хорошая, какъ этотъ тортъ. Я съѣмъ еще кусочекъ въ честь ея прибытія.

Якобъ сказалъ по-французски «pièce» вмѣсто «morceau», а, какъ извѣстно, первое означаетъ цѣлое. Француженка расхохоталась и сказала:

— Или вы дѣйствительно собираетесь очень полюбить ее, или же вы очень голодны.

Тутъ и Тора и лейтенантъ также расхохотались. Якобу показалось даже, что лейтенантъ заставлялъ себя смѣяться, но зато видно было, что Тора смѣялась отъ души. Ему было бы легче, если бы было наоборотъ. Якобъ обидѣлся, увидя, что надъ нимъ насмѣхаются, ему казалось, что въ этомъ домѣ онъ долженъ былъ бы быть гарантированъ отъ насмѣшекъ. Этого было достаточно для того, чтобы съ его лица исчезли всякіе слѣды веселья и чтобы оно снова мрачнымъ и недовольнымъ.

Перемѣна въ выраженіи его лица была такъ рѣзка, что француженка и Тора сразу замолчали, но зато лейтенантъ, увидя измѣнившіяся лица, снова расхохотался во весь голосъ.

Якобъ повернулся къ нему и сказалъ голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣва:

— Господинъ лейтенантъ!...

Лейтенантъ поблѣднѣлъ и пересталъ смѣяться.

Но во внезапно наступившей тишинѣ, въ которой какъ бы еще звучало восклицаніе Якоба, онъ почувствовалъ, что самъ выдалъ себя. Онъ тщетно пытался снова завести общую бесѣду, но это ему не удавалось. Въ теченіе нѣсколькихъ секундъ онъ испытывалъ настоящія муки. Онъ чувствовалъ, что глаза всѣхъ устремлены на него.

Въ эту минуту раздался шумъ колесъ подъѣхавшаго къ дому экипажа, и это сняло съ общества оцѣпенѣніе. Всѣ бросились къ окнамъ, чтобы посмотрѣть, кто пріѣхалъ. Въ глубинѣ души Якобъ благословлялъ новоприбывшаго.

— Мать, — крикнула Тора, — тетя пріѣхала!

— Это и вправду тетя! — подхватила ея сестра и, хлопая въ ладоши отъ восторга, она бросилась встрѣчать тетку.

Гости распрощались, Якобъ, все еще неоправившійся отъ своего смущенія, тоже охотно ушелъ бы, если бы только это было возможно.

Послѣ того, какъ тетка перецѣловала сестру и племянницу и справилась о здоровьѣ отсутствующаго зятя, ей представили Якоба, какъ жениха Торы.

— Поздравляю, — сказала тетка очень холодно и вѣжливо, отвѣчая на почтительный поклонъ Бендиксена.

— Но какимъ образомъ ты пріѣхала такъ неожиданно, дорогая Матильда? — спросила фру Фангель.

— Этимъ я обязана одному счастливому событію, — отвѣтила тетка. — Вѣдь ты знаешь, что послѣ смерти сестры, моему мужу было очень тяжело жить въ усадьбѣ священника, несмотря на то, что приходъ въ той деревнѣ очень хорошій. И вотъ онъ сталъ хлопотать о томъ, чтобы получить назначеніе въ городѣ. Третьяго дня его извѣстили о томъ, что его просьба уважена. Какъ только я узнала объ этомъ, у меня пропала послѣдняя охота быть женой деревенскаго священника еще хоть на одно мгновеніе, и я отправилась сюда. Теперь я буду жить у васъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣдетъ мужъ. Господи, какъ я стосковалась по Копенгагену!

— Ахъ, какъ это хорошо! — крикнула сестра Торы. — Теперь дядя будетъ нашимъ приходскимъ священникомъ! И, знаешь, Тора, дядя обвѣнчаетъ тебя!

— Тору? — спросила тетка, бросая на Тору удивленный взглядъ. — Развѣ ее будетъ вѣнчать христіанскій священникъ?

Это замѣчаніе было такъ неожиданно и такъ безцеремонно, что Якобъ не повѣрилъ сперва своимъ ушамъ. Но потомъ онъ рѣшилъ, что тетка сказала это по глупости.

Вопросы и отвѣты такъ и сыпались со всѣхъ сторонъ. Не успѣла тетка отвѣтить на послѣдній вопросъ, какъ фру Фангель задала ей новый:

— Когда пріѣдетъ твой мужъ? Онъ, вѣроятно, сейчасъ же вступитъ въ исполненіе своихъ обязанностей?

— Да, онъ только распродастъ съ аукціона нашъ хламъ. Здѣсь у насъ будетъ все новое съ пола до потолка.

— Тетя, не хочешь ли ты пойти переодѣться? — спросила сестра Торы.

Тора молча подошла къ окну, Якобъ стоялъ почти безъ мыслей и безъ чувствъ у другого окна и водилъ пальцемъ по стеклу.

— Спасибо, милая моя, — отвѣтила тетка. — Но дай мнѣ сперва выпить чашку кофе... А, лейтенантъ! — воскликнула она, увидя Энгберга, который не ушелъ съ другими гостями и теперь подошелъ къ ней. — Ахъ, вы нехорошій! — прибавила она вполголоса. — Какъ это вы допустили, чтобы мою племянницу взяли у васъ изъ-подъ носа?

Якобъ услыхалъ эти слова, теперь уже не было никакихъ сомнѣній: тетка говорила это преднамѣренно. Ему показалось, что она демонъ, явившійся сюда съ исключительной цѣлью мучить его.

Наконецъ-то она ушла, чтобы переодѣться. Якобъ горѣлъ отъ нетерпѣнія приблизиться къ Торѣ и извиниться передъ ней за свое поведеніе, чтобы во время заключить съ ней союзъ противъ ужасной тетки. Но Тора также вышла изъ комнаты съ недовольнымъ выраженіемъ на лицѣ и пошла съ другими въ спальню, предназначенную для тетки.

Якобъ провелъ нѣсколько минутъ въ мучительномъ страхѣ за каждое слово, которое могло быть произнесено тамъ.

Повидимому, выраженіе его лица выдало его мучительное душевное состояніе, потому что Тора, снова появившаяся въ гостиной, подошла къ нему и нѣжно пожала его руку, посмотрѣвъ на него влажными отъ слезъ глазами. Въ то же мгновеніе всѣ муки Якоба исчезли... но только на мгновеніе, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ спросилъ себя: «Надолго ли она сохранитъ уваженіе и любовь къ еврею, котораго преслѣдуютъ подъ ея же собственной крышей?»

За обѣдомъ Якоба посадили рядомъ съ теткой, какъ бы для того, чтобы ихъ ближе познакомить. Но она озадачила его первыми же своими словами:

— А, очень рада, что вы все-таки обѣдаете съ нами!

Немного спустя она любезно обратилась къ нему и стала разспрашивать его о томъ, гдѣ онъ родился, какіе сдалъ экзамены и тому подобное. Послѣ того, какъ онъ отвѣтилъ на эти вопросы, она спросила:

— Но какъ относится ваша семья къ тому, что вы женитесь на христіанкѣ?

Якобъ сохранилъ еще настолько самообладаніе, чтобы дать уклончивый отвѣтъ. Но чувствовалъ онъ себя такъ, будто его вздернули на дыбу. Онъ готовъ былъ отдать годъ своей жизни, чтобы только остановить этотъ языкъ, чтобы не позволить ему произносить ядовитыя слова, которыя всасывали всѣ присутствующіе. Онъ чувствовалъ, что въ немъ кипитъ безсильная злоба, что онъ проникается ненавистью ко всѣмъ, кто вслушивается въ слова, и въ особенности къ той, которая произносила ихъ.

Между тѣмъ, тетка совершенно просто и равнодушно перевела разговоръ на другое и увлеклась бесѣдой съ другими, какъ будто и не подозрѣвая, что она причинила кому-нибудь страданіе или вызвала у кого-нибудь чувство ненависти.

Немного спустя возвратился домой Вильгельмъ. Увидя тетку, у которой онъ провелъ столько веселыхъ лѣтнихъ каникулъ, онъ бросился ей на шею. Послѣ этого онъ, по обыкновенію, протянулъ Якобу руку. Но тотъ не былъ въ состояніи пожать руку,

которая только что ласково пожимала руку тетки, и отвѣтилъ Вильгельму холоднымъ кивкомъ головы.

Якобъ чувствовалъ, что всѣ смотрятъ на него, что всѣ считаютъ его нарушителемъ семейной радости, и въ глубинѣ души онъ даже немного злорадствовалъ при мысли о томъ, что хоть чѣмъ-нибудь отомстилъ за причиненныя ему страданія.

Онъ шелъ домой въ состояніи какого-то отупѣнія. Минутами ему казалось, что все это былъ сонъ. Но въ слѣдующее же мгновеніе передъ нимъ вставала дѣйствительность, жестокая и неумолимая. Когда онъ растворилъ дверь въ свою комнату, онъ улыбнулся, вспомнивъ, съ какимъ радостнымъ и свѣтлымъ чувствомъ затворилъ ее утромъ.

X.

Дня два спустя Якобъ получилъ по почтѣ письмо, и когда онъ увидалъ на конвертѣ почеркъ отца, его охватило радостное чувство.

Онъ прочелъ:

«Мейнъ бенъ іохидъ![1]

Я получилъ твое письмо, изъ котораго узналъ, что за наши великіе грѣхи ты обручился съ дочерью орейля[2]. Обдумалъ ли ты, какъ слѣдуетъ, свой поступокъ? Выслушай серьезныя слова твоего отца. Ты происходишь отъ кошре іехудимъ[3]. Наши предки всегда роднились только съ евреями, они никогда не покидали Бога своихъ отцовъ. А ты, что ты намѣреваешься сдѣлать? Что сказала бы твоя мать, олехо хашолаумъ[4], которая блаженствуетъ въ раю и молится за насъ, что сказала бы она, какъ она пережила бы это, если бы узнала, что ты собираешься вступить въ родство съ дѣтьми дьявола. Ты не амхорецъ![5] Ты бы могъ выбрать себѣ невѣсту среди богатѣйшихъ дѣвушекъ изъ твоихъ единовѣрцевъ. Неужели ты думаешь, что можешь быть счастливъ съ христіанкой? Неужели ты думаешь, что она забудетъ когда-нибудь, что ты баръ исроэль?[6] А твое потомство, скажи мнѣ, что будетъ съ нимъ? Развѣ ты будешь въ состояніи воспитать ихъ по нашему закону? Мой сынъ, мой сынъ, ты слѣпъ, ты идешь къ погибели, ты хочешь, чтобы отецъ твой рвалъ на себѣ волосы и проклялъ свое рожденіе! Подобно поэту я назову свой домъ: Иковаудъ[7]. Но зачѣмъ я говорю

---

[1] Мой единственный сынъ.

[2] Не еврей.

[3] Чистые, незапятнанные евреи.

[4] Царство ей небесное.

[5] Глупецъ.

[6] Сынъ Израиля.

[7] Честь исчезла.

о себѣ? Голова моя побѣлѣла и склоняется къ могилѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ умерла твоя мать, я остался одинокимъ, а теперь ты уходишь къ гоямъ, чтобы никогда уже больше не вернуться ко мнѣ. Но во всемъ виноватъ я одинъ, я самъ послалъ тебя на соблазнъ. А между тѣмъ, у твоей колыбели я просилъ Бога взять все счастье, выпавшее на мою голову, и даровать его тебѣ. Я даю тебѣ только мой совѣтъ. Твой дядя и твоя тетка, а также всѣ наши родственники, живущіе здѣсь, такъ сердятся на тебя, что не хотятъ даже слышать о тебѣ. Они говорятъ, что ты крестишься. Но я все-таки твой отецъ. Да проститъ мнѣ Господь, что у меня не хватаетъ силъ произнести надъ тобою клюю [1]. Я простираю къ тебѣ руку, мой сынъ! Склони голову и прими въ послѣдній разъ мое благословеніе: Еворехехо адоной веишмерехехо, юейръ адоной поновъ эйлехо вихунеко, исо адоной поновъ эйлехо войосеймъ лехо шолаумъ [2].

Канъ диврей Овихо іедидехо» [3].

Не успѣлъ Якобъ прочесть это письмо, какъ въ дверь раздался стукъ; въ комнату вошелъ старый еврей и попросилъ милостыню. Онъ не могъ выбрать болѣе подходящей минуты. Письмо отца растрогало Якоба, и евреи, и все, что касалось евреевъ, стало ему вдвое дороже. Когда онъ увидалъ этого нищаго, сердце его сжалось отъ состраданія, словно это былъ его близкій родственникъ, и онъ далъ ему щедрую милостыню. Еврей подумалъ, что Якобъ сдѣлалъ это по разсѣянности, и поспѣшилъ уйти со словами: — Готтъ золль ейхъ беншенъ! [4]

Эти слова и акцентъ, съ которымъ они были произнесены, прозвучали въ ушахъ Якоба, какъ колокольный звонъ въ рождественское утро въ ушахъ христіанъ. Въ его душу вкралось невыразимо тоскливое чувство, онъ позавидовалъ этому бѣдному еврею, который ушелъ къ евреямъ. Жилы на его вискахъ надулись отъ охватившаго его волненія... домой, домой, въ объятія отца!... а Тора?

Какъ птица, привязанная бечевкой, быстро поднимается въ воздухъ, но потомъ останавливаетъ свой полетъ и все кружится на одномъ и томъ же мѣстѣ, такъ и чувства Якоба замерли, когда онъ вспомнилъ это имя, и приняли другое направленіе.

Тора... онъ вспомнилъ все, что было связано съ этимъ именемъ, и любовь, таившаяся въ его сердцѣ, проснулась съ двойной силой. Образъ любимой дѣвушки сталъ передъ нимъ во всемъ

---

[1] Проклятіе.

[2] Да благословитъ и услышитъ тебя Господь, да сіяетъ Его ликъ надъ тобою и да будетъ Онъ милостивъ къ тебѣ и да воззритъ Онъ на тебя и даруетъ тебѣ покой.

[3] Такъ говоритъ твой любящій отецъ.

[4] Да благословитъ васъ Богъ.

своемъ очарованіи и наполнилъ его сердце блаженствомъ. Но это длилось лишь одно мгновеніе, такъ какъ мрачныя мысли снова покрыли черной дымкой это видѣніе.

— Что мнѣ дѣлать! — воскликнулъ онъ въ отчаяніи... — Пусть будетъ то, чему суждено быть!

* * *

Въ это самое время вся семья Фангель сидѣла за ужиномъ. Господинъ Фангель ушелъ въ клубъ, Вильгельмъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и нѣсколько разъ подходилъ къ двери, какъ бы собираясь уходить, но оставался, заинтересованный разговоромъ.

— Въ сущности, это очень воспитанный человѣкъ, — сказала тетя Матильда, когда фру Фангель выразила свое удивленіе по поводу отсутствія Бендиксена. — Я представляла его себѣ съ физіономіей старьевщика-еврея и въ глубинѣ души твердо рѣшила, что онъ въ этомъ домѣ не успѣетъ состариться. Ему уже немного попало отъ меня, но я, пожалуй, даже раскаиваюсь въ этомъ. Знаешь, Тора, у тебя вкусъ недурной... лишь бы возможно было его отучить отъ еврейства.

Тора молчала, но на кончикѣ языка у нея вертѣлись слова: «Думай лучше о самой себѣ, милая тетя».

Фру Фангель замѣтила:

— Я всегда очень любила его, въ немъ есть что-то солидное и порядочное. Единственно, что мнѣ въ немъ не нравится, такъ это его угрюмость за послѣднее время. Пока онъ не былъ обрученъ, онъ всегда былъ такой веселый и ласковый. Онъ смотрѣлъ иногда на меня своими большими, черными глазами съ такимъ трогательнымъ выраженіемъ, точно просилъ, чтобы я не отнимала отъ него Торы. Право, казалось, что онъ готовъ броситься за меня въ огонь и въ воду. А какъ только онъ обручился, такъ все это исчезло.

— Можетъ быть, его семья противъ его женитьбы? — спросила тетка.

— Навряд ли. Онъ никогда не говорилъ о своихъ родныхъ.

— А я думаю, что это все-таки такъ! — воскликнула тетка, которая претендовала на большой жизненный опытъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, это невѣрно, — возразила фру Фангель. — У него свое состояніе, и если бъ его родные имѣли надъ нимъ какую-нибудь власть, то они не позволили бы ему жениться. Изъ близкихъ родственниковъ у него живъ только старый отецъ, который живетъ гдѣ-то далеко отсюда.

— Ты могъ бы спросить, что съ нимъ, — сказала сестра Торы Вильгельму. — Вы съ нимъ всегда были такими хорошими друзьями.

Вильгельмъ отвѣтилъ:

— Я не вмѣшиваюсь въ дѣла моей сестры. Кромѣ того, вы сами видѣли, какъ холодно онъ со мной обошелся въ послѣдній разъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, я выскажусь откровенно, — замѣтила фру Фангель.—Мнѣ кажется... право, это даже смѣшно... ты помнишь, Милле, когда мы вернулись однажды изъ церкви, а онъ встрѣтилъ насъ въ передней... право, мнѣ кажется, что для него невыносимо, что мы христіане.

Тетка расхохоталась и воскликнула:

— Неужели ты думаешь, что онъ хочетъ превратить насъ всѣхъ въ евреевъ?

— Нѣтъ, конечно, этого нѣтъ... Но мнѣ кажется... право, не знаю, какъ это выразить... но я не знаю, чѣмъ объяснить его странное лицо...

— Нечего сказать, хорошо доказательство! — сказалъ Вильгельмъ, останавливаясь передъ матерью и глядя на нее съ ироническою улыбкой.

Послѣ нѣкотораго молчанія тетка проговорила успокоительно:

— Ничего, все обойдется. Я возьмусь за это! Во-первыхъ, я добьюсь того, чтобы ему самому стало противно быть евреемъ. Если онъ искренно любитъ Тору, то онъ полюбитъ также и ея вѣру. Ну, а въ тотъ день, когда намъ удастся крестить его, я отъ всей души благословлю твой бракъ съ твоимъ красивымъ женихомъ, — прибавила она, подходя къ Торѣ и цѣлуя ее.

Какъ ни было непріятно Торѣ вмѣшательство тетки въ ея дѣла, она была все-таки тронута доказательствомъ любви этой обожаемой всѣми тети Матильды. Она не осмѣлилась возражать ей и рѣшила, что лучше предоставить все естественному теченію.

XI.

Чѣмъ больше тетя Матильда думала объ обращеніи Якоба въ христіанскую вѣру, тѣмъ большимъ интересомъ она проникалась къ этой задачѣ. Она представляла уже себѣ, какъ будетъ праздновать побѣду, обогативъ христіанскую общину новымъ членомъ. Для этого надо вести дѣло спокойно и обдуманно, чтобы тѣмъ вѣрнѣе достичь желанной цѣли. Всѣ нити должны были находиться въ ея рукахъ, она рѣшила взвѣшивать каждое слово, которое скажетъ Якобу, и устроить такъ, чтобы все вело къ намѣченному плану. Занятая мыслью объ Якобѣ, она сердечно привязалась къ нему, онъ сталъ ей даже дорогъ, какъ воплощеніе ея будущаго торжества.

Своимъ адъютантомъ и повѣреннымъ она избрала въ этомъ дѣлѣ Вильгельма, передъ которымъ и развивала свой планъ обращенія Бендиксена. Предполагалось начать съ того, чтобы самымъ дружескимъ образомъ попенять Якобу за то, что онъ еврей,

а потомъ указать ему на преимущества христіанской религіи. Если же онъ вздумаетъ противорѣчить, она сумѣетъ найти достаточно убѣдительные доводы, чтобы довести свое дѣло до блестящей побѣды. Кстати, нѣтъ ли у Вильгельма теологическихъ книгъ, изъ которыхъ она могла бы почернуть необходимыя доказательства для предстоящихъ диспутовъ.

— У насъ нѣтъ дѣтей, — закончила она. — Если мнѣ удастся крестить этого молодого еврея, то мы усыновимъ его. Меня отнюдь нельзя считать нетерпимой. Меня вовсе не коробитъ, когда я вижу еврея. И крестить Бендиксена я хочу вовсе не ради спасенія его души, а только по той простой причинѣ, что разъ онъ собирается жениться на христіанкѣ, то и ему слѣдуетъ быть христіаниномъ.

— Все это хорошо, тетя, — отвѣтилъ Вильгельмъ, — но я думаю, что вашъ методъ не оправдаетъ себя. Насколько я знаю Бендиксена, онъ не повѣритъ, что вы говорите съ нимъ о еврействѣ и христіанствѣ только изъ дружескихъ чувствъ. Если вообще есть надежда на его обращеніе, то это могло бы случиться развѣ только при условіи, что къ нему будутъ относиться, какъ къ христіанину. Необходимо обращаться съ нимъ ласково и сердечно и, какъ знать, можетъ быть, онъ станетъ христіаниномъ незамѣтно для самого себя.

— Нечего сказать, хорошій способъ! — воскликнула тетка. — Ты предлагаешь оставить его евреемъ до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не превратится въ христіанина! Восхитительно!

— Ну, что касается меня, — замѣтилъ Вильгельмъ, — то я не желаю вмѣшиваться въ это. За послѣднее время Бендиксенъ немного дуется на меня за что-то. Но это не бѣда, скоро у него это пройдетъ. А ваши женскія дѣла меня не касаются.

Предсказаніе Вильгельма болѣе или менѣе сбылось: планъ тетки не удался. Бендиксенъ старательно избѣгалъ ея, онъ заходилъ только за Торой, чтобы идти вмѣстѣ съ ней на прогулку или въ театръ, и не засиживался подолгу въ домѣ. Тетя Матильда была нѣсколько дней въ дурномъ настроеніи духа. Наконецъ, она не вытерпѣла и однажды сказала племянницѣ:

— Знаешь, Тора, я думаю было бы лучше, если бы твой женихъ назначалъ тебѣ свиданія на улицѣ. Тогда онъ могъ бы, по крайней мѣрѣ, совсѣмъ избавить себя отъ труда заходить къ намъ въ домъ.

— Да, — подхватила фру Фангель, — повидимому, онъ дѣйствительно ненавидитъ насъ всѣхъ.

Тора намекнула объ этомъ разговорѣ Якобу, и онъ на слѣдующій же день предложилъ фру Фангель прогуляться вмѣстѣ съ ними. Потомъ онъ зашелъ за ней, чтобы проводить ее въ театръ, и отвелъ ее и Тору домой. Когда онъ бывалъ наединѣ

съ Торой и ея матерью, ему легко было быть и любезнымъ и внимательнымъ, и вскорѣ между нимъ и фру Фангель установились былыя дружескія отношенія.

Однако, тетка не унималась и постоянно возобновляла свои ядовитыя замѣчанія по адресу Якоба. Но тутъ уже фру Фангель брала его подъ свою защиту.

— Никогда не видала я еще такой пары обрученныхъ, — сказала какъ-то тетя Матильда. — Право, можно подумать, что они обручены тайно, и объ этомъ должна знать только мать невѣсты. Никогда не придетъ онъ къ намъ въ домъ, когда у насъ гости, а съ нами онъ совсѣмъ не хочетъ разговаривать.

— Но вѣдь ему некогда, онъ готовится къ экзаменамъ, — сказала фру Фангель примиряющимъ тономъ. — Хорошо было бы, если бы всѣ молодые люди были такъ прилежны, какъ онъ.

Однажды на имя Вильгельма и Милле пришло приглашеніе отъ государственнаго совѣтника, дочери котораго были школьными подругами Милле. Государственный совѣтникъ устраивалъ обыкновенно большой вечеръ въ весенній сезонъ, и прежде Тору всегда приглашали на этотъ вечеръ вмѣстѣ съ сестрой и братомъ. На этотъ разъ въ приглашеніи о ней не упоминалось.

Фру Фангель внимательно прочла пригласительную карточку и сказала:

— Какъ странно, что не пригласили Тору.

— Если бы пригласили ее, то пришлось бы пригласить и ея жениха, — замѣтила тетя Матильда. — Ну, а его приглашать не хотѣли, что вполнѣ понятно.

— Я этого не понимаю, — возразила фру Фангель.

— Во-первыхъ, онъ все-таки еврей... Кстати, я вспомнила: его ввели въ этотъ домъ?

— Нѣтъ, — отвѣтила фру Фангель. — Онъ всегда держитъ себя такъ замкнуто, чуждается всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Въ этомъ ужъ онъ самъ виноватъ.

— Да и вы также! — воскликнула тетя. — Если бы онъ былъ лейтенантомъ или камеръ-юнкеромъ, то вы проявили бы больше старанія представить его всему свѣту.

— Можетъ быть, это и такъ, — проговорила тихо фру Фангель.

Приглашеніе государственнаго совѣтника возбудило въ семьѣ большія разногласія. Фру Фангель объявила, что Милле не должна идти на вечеръ, а Вильгельмъ сказалъ, что тогда и онъ не пойдетъ.

— Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь, — рѣшила фру Фангель. — Милле не должна идти туда, куда не приглашаютъ ея сестру.

Всѣ замолчали. Вильгельмъ барабанилъ пальцами по окну. Дамы съ недовольными лицами усѣлись за рукодѣлья.

Пришелъ Якобъ. Онъ поздоровался съ хозяйкой дома, какъ всегда, очень ласково, но она отвѣтила холодно на его привѣтствіе. Вильгельмъ взялъ шляпу и ушелъ. Милле приложила платокъ къ глазамъ и удалилась въ свою комнату. Когда Якобъ остался съ Торой наединѣ, онъ спросилъ ее, что случилось?

— Пустяки, — отвѣтила она. — Не стоило бы даже говорить объ этомъ. Вильгельмъ и Милле получили приглашеніе отъ государственнаго совѣтника, а такъ какъ я туда не приглашена, то матъ рѣшила, что и они не пойдутъ. Изъ-за этого Милле и плачетъ.

Эти слова объяснили Якобу все. Однако, чувства униженія и огорченія, вызванныя ими, значительно смягчились благодарностью по отношенію къ Торѣ за то, что она такъ просто и деликатно разсказала ему о семейномъ недоразумѣніи. Онъ обнялъ ее, и въ это мгновеніе у него пронеслось въ головѣ, не признаться ли ей въ своей слабости, спросить ее, можетъ ли она примириться съ этимъ, достаточно ли она сильна, чтобы никогда не увидать въ немъ еврея. Онъ не успѣлъ еще придти ни къ какому рѣшенію, когда Тора сказала:

— Не принимай этого такъ близко къ сердцу! Я совершенно равнодушна къ тому, пойду я къ государственному совѣтнику, или нѣтъ. Лишь бы ты былъ со мной!

Послѣ этихъ словъ у него не хватило духу говорить о своихъ сомнѣніяхъ.

Уходя отъ невѣсты, онъ съ облегченіемъ говорилъ самому себѣ: «Пусть всѣ будутъ противъ меня, она все-таки любитъ меня и вѣрна мнѣ».

XII.

Фру Фангель разсказала мужу о приглашеніи государственнаго совѣтника. Онъ только улыбнулся на это и промолчалъ.

Но съ этихъ поръ фру Фангель часто погружалась въ глубокія думы, а однажды Тора застала ее въ слезахъ. Дочь со страхомъ подошла къ ней и спросила, о чемъ она плачетъ. Но мать только обняла ее, поцѣловала и сказала:

— Ты этому все равно не можешь помочь, мое дитя!

Якоба она принимала, какъ гостя, съ которымъ обращаются вѣжливо и любезно, но видно было, что даже и это стоило ей извѣстнаго насилія надъ собою. Милле была болѣе безцеремонна, она выходила изъ комнаты, какъ только въ нее входилъ Якобъ, и даже съ шумомъ затворяла за собою дверь. Тетка принимала его съ саркастическими замѣчаніями и намеками, а когда Якобъ умоляюще смотрѣлъ на фру Фангель, какъ бы прося у нея поддержки, которую она ему прежде оказывала, та только опускала глаза и опѣшила подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ уйти изъ комнаты.

Такимъ образомъ онъ оставался съ глазу на глазъ съ опаснымъ врагомъ, да еще безоружный. Ибо отвѣчать ей онъ не смѣлъ, боясь взрыва, который при существующемъ въ семьѣ настроеніи неминуемо повелъ бы къ разрыву съ невѣстой.

Прежде такой веселый домъ сталъ мрачнымъ и молчаливымъ, но ни на кого не производилъ онъ такого гнетущаго впечатлѣнія, какъ на Якоба. Когда онъ въ ясный весенній день съ яркимъ солнцемъ и голубымъ небомъ чувствовалъ въ груди приливъ жизнерадостности, когда онъ веселый легкимъ и быстрымъ шагомъ направлялся къ невѣстѣ, то стоило ему только издали завидѣть ея домъ, какъ ему казалось, что солнце померкло, и онъ входилъ на крыльцо нерѣшительно и въ глазахъ его появлялось боязливое выраженіе.

Пугала и угнетала его не столько предстоящая неласковая встрѣча — къ этому онъ успѣлъ уже привыкнуть — сколько мысль, какъ все это дѣйствуетъ на Тору. Онъ инстинктивно понималъ, что любовь это цвѣтокъ, который нуждается въ солнечномъ свѣтѣ. Цвѣтокъ этотъ можетъ перенести бурю, и послѣ бури онъ поднимается обновленный и такой же прекрасный, но если ему все время приходится расти въ тѣни, безъ солнца и росы, то онъ никнетъ головой и чахнетъ.

При такомъ положеніи вещей для всѣхъ было большимъ облегченіемъ, когда господинъ Фангель объявилъ, что скоро они переѣзжаютъ на дачу. Фру Фангель попробовала было все-таки возразить, что еще рано переѣзжать на дачу, что никто еще не переѣхалъ, но господинъ Фангель настоялъ на своемъ, и вскорѣ они покинули городъ.

Эта перемѣна дала хоть тотъ хорошій результатъ, что Якобъ сталъ рѣже встрѣчаться съ семьей невѣсты. Онъ съ тревогой и горечью думалъ о томъ, что Тора теперь окончательно подпала подъ вліяніе тетки. Въ самый разгаръ занятій имъ вдругъ овладѣвало такое тревожное чувство, что онъ въ страхѣ бросалъ книги и спѣшилъ къ Торѣ, словно надъ ея головой висѣла неминуемая бѣда. А тамъ непріязненная атмосфера снова гнала его обратно въ городъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Переводъ со шведскаго

М. П. Благовѣщенской.

О РАДОСТИ.

А. А. Доринской.

1. Тріолетъ.

О звѣздной радости, о смѣхѣ богомольномъ
Нельзя забыть и въ этотъ страшный годъ...
Веселый богъ тобою всей поетъ
О звѣздной радости, о смѣхѣ богомольномъ,
И тихій свѣтъ онъ, радуясь, даетъ
Всему и всѣмъ — твоимъ огнемъ невольнымъ..,
О звѣздной радости, о смѣхѣ богомольномъ
Нельзя забыть и въ этотъ страшный годъ!

2. Рондель.

И въ утрѣ глазъ твоихъ поетъ
Земная радость — вѣтеръ съ дюны...
Тобой слагаетъ Солнце руны
И золотое пламя вьетъ...
И твой капризный дѣтскій ротъ
И кисти рукъ поющихъ — юны...
И въ утрѣ глазъ твоихъ поетъ
Земная радость — вѣтеръ съ дюны...
Но иногда иныя струны
Она въ глазахъ твоихъ найдетъ —
Блеснетъ изъ перстня камень лунный,
И острой страсти крѣпкій медъ
Уже въ глазахъ твоихъ поетъ!..

Натанъ Венгровъ.

УСЛОЖНЕНІЕ ЖИЗНИ — УПРОЩЕНІЕ МЫСЛИ.

Мобилизація нашего тыла нигдѣ не была проведена съ такимъ успѣхомъ, съ такой быстротой и отчетливостью, съ такой, я бы сказалъ, кавалерійской лихостью, какъ въ области общественнаго мнѣнія. Представители самыхъ разнообразныхъ слоевъ, самыхъ разнообразныхъ теченій нашего общества рѣшительно сплотились вокругъ немногихъ краткихъ и выразительныхъ формулъ, безпощадно уничтожая въ накопленномъ за прежніе годы умственномъ багажѣ своемъ все то, что казалось неподходящимъ къ требованіямъ момента, или просто излишнимъ, чрезмѣрно отягощающимъ мозгъ ненужными для дѣла деталями и тонкостями.

По идеѣ своей, эта реквизиція умственныхъ избытковъ была, пожалуй, не лишена извѣстной цѣлесообразности: „довлѣетъ дневи злоба его“, — особенно *такая* злоба и *такому* дневи. Несомнѣнно, однако, что осуществлялась она безъ достаточной осмотрительности. Аскетическое самоограниченіе мысли привело въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти къ полному ея самоупраздненію. Простые и яркіе лозунги — такіе горячіе, такіе живые вначалѣ — мало-по-малу примелькались, обтесались другъ объ друга, какъ голыши на морскомъ берегу, перестали задѣвать за живое, оторвались отъ дѣйствительности. Между теоріей и практикой, между сознаніемъ и бытіемъ разверзлась зіяющая пропасть.

Въ самомъ дѣлѣ, наше общественное бытіе, такъ называемая организація нашего тыла, являетъ собой крайне сложное сплетеніе въ высшей степени разнохарактерныхъ интересовъ, стремленій, задачъ. Лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія эти интересы, настойчиво утверждающіе себя въ своей самодовлѣющей особности, совпадаютъ съ интересами общенаціональными. Насколько сложны и своеобразны возникающія въ этой области коллизіи, показываетъ хотя бы современная постановка нашего транспортнаго дѣла. Здѣсь совершенно неожиданно возникла передъ нами высоко самобытная національная проблема: какую форму слѣдуетъ придать институту „толкачей“ и „смазчиковъ“, для того чтобы связанныя съ ихъ дѣятельностью затраты и выгоды распредѣлялись между кліентами желѣзныхъ дорогъ съ возможной справедливостью, съ наибольшимъ при-

ближеніемъ къ традиціонному четырехвостному идеалу всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго права?

Ничего, подобнаго этимъ запутаннымъ и загадочнымъ явленіямъ нашего общественнаго бытія, не отражается на чистой и ясной поверхности нашего общественнаго сознанія. Вы не усмотрите здѣсь ни малѣйшаго намека на „идеологію толкачей и смазчиковъ", не найдете никакихъ признаковъ власти своекорыстныхъ интересовъ. Передъ вами безоблачное сверкающее небо идеала: однѣ только всенародныя задачи, одни только общенаціональные принципы! Да и тѣ, — въ какомъ возвышенномъ, въ какомъ облагороженномъ видѣ: полное отсутствіе національнаго эгоизма, горячая защита правъ мелкихъ народностей, самоотверженное служеніе общечеловѣческой правдѣ и справедливости!

Но какъ ни отраденъ этотъ высокій, орлиный полетъ нашего національнаго самосознанія, — полная оторванность послѣдняго отъ почвы, отъ реальной жизни съ ея сложнѣйшимъ клубкомъ безнадежно запутывающихся противорѣчій, не можетъ не порождать глубокой тревоги, не можетъ не вызывать жуткой раздвоенности, той роковой надтреснутости патріотическаго чувства, которую уже полвѣка тому назадъ такъ ярко выразилъ въ своихъ извѣстныхъ стихахъ Конрадъ Лиліеншвагеръ:

Все сердце веселитъ, все душу умиляетъ,
На выспренній настраиваетъ ладъ!
Царь колоколъ... лежитъ, царь-пушка... не стрѣляетъ,
И сорокъ сороковъ безъ умолку гудятъ.

Почему же и въ наши дни величавое гудѣніе сорока сороковъ мобилизованной прессы такъ безслѣдно истаиваетъ въ воздухѣ? Почему такъ практически безрезультатенъ этотъ священный благовѣстъ вдохновенныхъ, въ унисонъ бьющихся сердецъ? — Вотъ тотъ вопросъ, который выдвигается на первый планъ передъ всякимъ наблюдателемъ современной русской дѣйствительности.

Въ журнальной статьѣ нѣтъ, конечно, возможности затронуть всѣ стороны этой сложнѣйшей проблемы. Мои намѣренія гораздо скромнѣе. Я совершенно оставляю въ сторонѣ условія и обстоятельства, литературѣ постороннія, отъ литературы независящія. Я постараюсь лишь показать, что даже независимо отъ всякихъ внѣшнихъ условій лозунги, провозглашенные современной публицистикой, не могутъ быть достаточно дѣйственными, ибо, при всей своей возвышенности, они явно не стоятъ на уровнѣ требованій момента.

Но предварительно еще одна необходимая оговорка. Самую задачу момента, какъ она намѣчается нашей прессой, я не вижу основаній подвергать какому-либо критическому разсмотрѣнію или тѣмъ болѣе — пересмотру. „Бороться до конца, до полной побѣды надъ врагомъ", — вотъ тотъ базисъ, на которомъ объединились всѣ общественныя программы, нашедшія себѣ отчетливое выраженіе

въ русской литературѣ. Нѣкоторое сомнѣніе въ этомъ смыслѣ внушали одно время крайніе правые, „германофильство" которыхъ стало излюбленной темой либеральныхъ журналистовъ. Однако, и апріорныя соображенія, и недавнія, совершенно недвусмысленныя, выступленія подлежащихъ сферъ заставляютъ думать, что германофильство правыхъ было сильно преувеличено, и едва ли не является одною изъ тѣхъ легендъ, которыя въ наши дни такъ легко создаются патріотически встревоженнымъ воображеніемъ. Съ другой стороны, публицисты — и преимущественно публицисты демократическаго лагеря — часто упоминаютъ о лѣвыхъ противникахъ вышеприведенной формулы. Но такъ какъ это послѣднее теченіе въ общедоступной литературѣ не могло выразиться съ достаточной ясностью, я не считаю возможнымъ включать его въ свой анализъ.

* * *

Итакъ, всѣ наши направленія, имѣвшія возможность сколько-нибудь членораздѣльно высказаться въ печати, видятъ задачу момента въ „борьбѣ до конца". Принимая это, какъ безспорно установленный фактъ, я и ставлю вопросъ: соотвѣтствуетъ ли сложности вытекающихъ отсюда проблемъ идейный инвентарь нашего мобилизованнаго общественнаго мнѣнія? Наиболѣе существенная и устойчивая часть этого инвентаря сводится къ очень немногимъ тезисамъ. Господство въ международныхъ отношеніяхъ „простыхъ законовъ права и справедливости"; „самоопредѣленія національностей", какъ форма осуществленія этого права и этой справедливости; наконецъ „экономическая самостоятельность Россіи" (или, что то же, освобожденіе отъ „германскаго засилія", отъ опасности превратиться въ „германскую колонію" и т. п.), какъ примѣненіе общаго принципа къ нашему отечеству, — таковы главные лозунги, отстаиваемые всѣми направленіями, объединенными идейной мобилизаціей. Мы присоединимъ сюда еще формулу: „черезъ патріотизмъ къ международности", которая выдвигается не всѣмъ идейнымъ блокомъ, а лишь однимъ его лѣвымъ крыломъ.

Начнемъ съ „простыхъ законовъ права и справедливости", — съ этой, такъ сказать, декларацiи правъ человѣка и гражданина въ примѣненiи къ національностямъ. Національность, какъ и индивидуумъ, провозглашается здѣсь самоцѣлью и, въ качествѣ таковой, надѣляется неотъемлемымъ правомъ на самоопредѣленіе. Что можетъ быть возвышеннѣе и симпатичнѣе такого принципа, взятаго въ его чистомъ и отвлеченномъ видѣ! Но стоитъ намъ съ высотъ абстракцiи спуститься къ сложной конкретной дѣйствительности, — и тотчасъ же обнаружится, что простота, даже самая святая, — руководитель не всегда надежный. Въ самомъ дѣлѣ, въ современномъ культурномъ обществѣ всякій человѣкъ есть въ то же время и гражданинъ, т. е. носитель извѣстныхъ правъ на самоопредѣленіе.

Не то въ международномъ общеніи, охватывающемъ не только европейскія культурныя націи, но и азіатскія, африканскія племена и народности, для которыхъ никакія декларації правъ пока не писаны. А между тѣмъ, именно въ Африкѣ и Азіи завязался узелъ міровыхъ проблемъ, разрѣшаемыхъ въ настоящее время на полѣ брани. Очевидно, мы рѣшительно ничего не поймемъ въ этихъ проблемахъ, если попробуемъ разсматривать ихъ въ свѣтѣ правъ на самоопредѣленіе марокканцевъ и тунисцевъ, персовъ или арабовъ. Всѣ эти народности еще далеко не доросли до того уровня, который въ глазахъ европейцевъ даетъ право на самоопредѣленіе. Экономическая, культурная и политическая опека надъ ними со стороны европейскихъ народовъ является исторической необходимостью, и какъ разъ изъ-за распредѣленія между европейскими державами сферъ опеки — или, какъ ихъ обыкновенно называютъ, „сферъ вліянія“ — возгорѣлся современный міровой пожаръ.

Это, разумѣется, еще не значитъ, что въ данномъ случаѣ точка зрѣнія „права и справедливости“ абсолютно непріемлема. Право и справедливость вовсе не такія неподатливыя, окаменѣвшія понятія, какъ это многимъ кажется. Наоборотъ, они отличаются чрезвычайной эластичностью и гибкостью, почти виртуозной приспособляемостью къ требованіямъ усложненной жизни. Можно говорить, напримѣръ, объ историческомъ, пріобрѣтенномъ правѣ на сферу опеки; можно поставить вопросъ о нравственномъ правѣ на опеку, исходя изъ болѣе или менѣе сложныхъ моральныхъ критеріевъ; мыслимы и иные подходы къ проблемѣ. Но что совершенно не возможно, такъ это примѣненіе къ современнымъ международнымъ отношеніямъ понятій права и справедливости въ той ихъ классической простотѣ, которая, къ сожалѣнію, пользуется наибольшей популярностью въ нашемъ обществѣ.

И это далеко не чисто теоретическій вопросъ. Онъ имѣетъ самое непосредственное отношеніе къ текущей практикѣ. П. Б. Струве недавно выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что наконецъ-то наше прогрессивное общество стало на точку зрѣнія имперіализма, которую онъ такъ упорно и такъ безуспѣшно пропагандировалъ еще задолго до войны. Но радость почтеннаго публициста далеко не полна: въ той же замѣткѣ онъ подчеркиваетъ, что отношеніе прогрессивныхъ группъ и партій къ войнѣ нуждается въ серьезной критикѣ. И въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе вліятельные руководители нашего мобилизованнаго общественнаго мнѣнія, вмѣстѣ съ П. Б. Струве, признаютъ, что только утоленіе нашей вѣковой тяги къ проливамъ, упроченіе нашего вліянія на ближнемъ Востокѣ можетъ вознаградить насъ за тѣ великія жертвы, безъ которыхъ немыслимо доведеніе борьбы до конца. Но они ничего, или почти ничего, не дѣлаютъ для того, чтобы привить широкой обывательской массѣ надлежащее пониманіе нашихъ имперіалистическихъ за-

дачъ, пробудить энтузіазмъ къ нимъ, готовность служить имъ со всѣмъ тѣмъ самоотверженіемъ, котораго онѣ требуютъ.

Но, возразятъ намъ, перевоспитать русскаго обывателя въ духѣ имперіализма — задача сложная и трудная. Русскій обыватель не привыкъ интересоваться внѣшней политикой, все его вниманіе до сихъ поръ поглощалось внутренними дѣлами, и едва ли цѣлесообразно въ такое острое время фиксировать мысль обывателя на новыхъ для него и мало доступныхъ ему проблемахъ. Все, что требуется отъ обывателя въ настоящее время, — это твердость въ бѣдствіяхъ, готовность безропотно нести тягости войны и, по мѣрѣ силъ и надобности, содѣйствовать организаціи тыла. Большаго не можетъ пожелать даже самый взыскательный имперіалистъ. Но въ настоящій моментъ значительная часть нашей территоріи занята врагами. Предполагается, что при такихъ условіяхъ простой инстинктъ національнаго самосохраненія пробудитъ въ обывателѣ готовность напрячь всѣ силы для изгнанія нѣмцевъ изъ нашихъ предѣловъ. Такимъ образомъ, воздѣйствуя на этотъ простой и естественный инстинктъ и откладывая пока всѣ болѣе сложные вопросы, наша печать, по мнѣнію имперіалистовъ, наилучшимъ образомъ исполняетъ свой патріотическій долгъ. Вѣдь для того, чтобы прогнать нѣмцевъ за рубежъ, надо одержать надъ ними рѣшительную побѣду; а разъ рѣшительная побѣда будетъ одержана, осуществятся и наши широкія положительныя задачи, совершенно независимо отъ того, дорастетъ или не дорастетъ обыватель до ихъ пониманія. Организація тыла, организація обывательскаго духа имѣетъ существенное значеніе лишь въ процессѣ борьбы за побѣду, — въ этомъ процессѣ, важность котораго вполнѣ доступна традиціонному обывательскому сознанію, несмотря на нѣкоторую наивность его инстинктивнаго, узко-оборонительнаго патріотизма. Что же касается использованія плодовъ побѣды, оно уже не требуетъ отъ обывателя какихъ-либо особыхъ усилій, не нуждается въ его сознательномъ содѣйствіи.

Такимъ образомъ, самоограниченіе нашей патріотически мобилизованной мысли въ данномъ случаѣ является, повидимому, вполнѣ цѣлесообразнымъ, наилучше отвѣчающимъ требованіямъ момента. Но это только повидимому. Я укажу лишь одинъ примѣръ, наглядно иллюстрирующій необходимость теперь же позаботиться о расширеніи кругозора обывателя.

Всякому, читающему газеты, извѣстно, что современная война приняла характеръ войны на истощеніе. Столь же хорошо извѣстно читателямъ русскихъ газетъ, что нѣмцы гораздо ближе къ внутреннему истощенію, чѣмъ союзники, что на этой почвѣ въ Германіи быстро растетъ оппозиція, требующая мира безъ аннексій и контрибуцій. По свѣдѣніямъ, исходящимъ отъ самихъ германцевъ, движеніе это охватило почти половину нѣмецкой соціалъ-демократіи. А по личнымъ наблюденіямъ корреспондента „Рѣчи“, г. Ликіардопуло,

ему втайнѣ сочувствуетъ все германское общество, за исключеніемъ крайнихъ правыхъ:

„Конечно, ни о какихъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ никто, кромѣ самыхъ ярыхъ „юнкеровъ", и не думаетъ. — Status quo ante bellum! Эту латинскую фразу каждый нѣмецъ знаетъ наизусть и цитируетъ ее первымъ долгомъ, когда рѣчь заходитъ о мирѣ. Пусть все будетъ такъ, какъ было до войны!". (Рѣчь, № 17.)

Какъ извѣстно, въ патріотической прессѣ странъ согласія фраза „Пусть все будетъ такъ, какъ до войны!" не встрѣчаетъ сочувственнаго отклика: ей противопоставляютъ гордый девизъ: до полнаго пораженія противника мы не хотимъ думать о мирѣ. У насъ въ Россіи девизъ этотъ горячо отстаивается всѣми представителями мобилизованной печати, не исключая даже и марксистскаго ея крыла, которое считаетъ себя враждебнымъ имперіализму и усиленно подчеркиваетъ свою чисто оборонительную позицію. Такъ, напримѣръ, Владимиръ Вольскій, одинъ изъ участниковъ „марксистскаго" сборника „Самозащита", полагаетъ, что будетъ очень печально, если призывъ къ status quo встрѣтитъ откликъ въ странахъ согласія, ибо тогда эти страны „будутъ имѣть для своего противника притягательную силу магнита, а это будетъ отдалять международный миръ. Для приближенія же мира и для спасенія страны необходимо, чтобы она обладала не притягательной, а отталкивающей силой. Пропагандѣ этой идеи, организаціи такой силы должны быть отданы наши способности, наша энергія, наши связи съ рабочимъ классомъ" *.

Позиція В. Вольскаго, какъ мы видимъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ духу времени, вполнѣ гармонируетъ съ настроеніемъ нашихъ виднѣйшихъ патріотическихъ газетъ и, вообще, всѣхъ вліятельныхъ представителей общественнаго мнѣнія. Но я боюсь, что мотивировка этой позиціи, стремленіе во что бы то ни стало обосновать ее посредствомъ явно недостаточнаго понятія „самозащиты" можетъ окончательно сбить съ толку массового читателя, который и безъ того не склоненъ идти дальше наивно-защитной идеологіи.

Разумѣется, русскій обыватель вовсе не хочетъ стать „притягательной силой" для германскаго милитаризма. Но позвольте, недоумѣваетъ онъ, требованіе мира безъ аннексій и контрибуцій выставляютъ въ Германіи не милитаристы, а мирные рабочіе и буржуа, уставшіе отъ тягостей войны. И наши военные авторитеты, и наши профессора-экономисты, и собственные корреспонденты нашихъ газетъ единогласно утверждаютъ, что Германія держится только необычайной дисциплиной своего населенія, что, если бы не эта дисциплина, внутреннее экономическое истощеніе давно заставило бы ее капитулировать. И вотъ мы, дѣйствительно, видимъ, что нѣмецкая дисциплина даетъ трещины, что населеніе ропщетъ и требуетъ отъ германскаго правительства отказа отъ завоевательныхъ плановъ. Но (какъ опять-таки единогласно свидѣтельствуютъ всѣ

* Самозащита, стр. 88.

наши авторитеты, и гражданскіе и военные) нѣмцы настойчивы и упорны; они не нарушаютъ внутренняго единенія, не поставятъ свое правительство въ невозможность продолжать войну, разъ прекращеніе ея будетъ означать безусловную сдачу на волю побѣдителя. Такимъ образомъ, умозаключаетъ обыватель, чѣмъ сильнѣе резонансъ, который встрѣтитъ формула „status quo", тѣмъ болѣе твердую почву подъ ногами почувствуетъ германская оппозиція, тѣмъ энергичнѣе пойдетъ внутреннее разложеніе германскаго милитаризма, тѣмъ скорѣе германское правительство, несмотря на внѣшне благопріятное стратегическое положеніе, вынуждено будетъ просить мира на справедливыхъ условіяхъ. — Это характерное для обывателя недоумѣніе можно въ корнѣ разрушить, только ставъ на широкую принципіальную почву, а отнюдь не тѣми наивными тактическими изворотами мысли, при помощи которыхъ пытаются выйти изъ затрудненія В. Вольскій и прочіе націоналисты защитнаго цвѣта. Обывателю надо разъяснить, что его понятія о справедливости безнадежно устарѣли, что status quo, ничуть не вознаграждая насъ за великія жертвы войны, отнюдь не можетъ разсматриваться нами, какъ нѣчто „справедливое". Однимъ словомъ, обыватель только тогда будетъ на высотѣ положенія, создаваемаго лозунгомъ „борьба до конца", когда онъ усвоитъ себѣ положительныя, или, какъ называетъ ихъ П. Б. Струве, „имперіалистическія" задачи нашей международной политики, а не однѣ только отрицательныя и оборонительныя.

* * *

Если „право и справедливость", „самоопредѣленіе національностей" и тому подобные архаизмы очень плохо уясняютъ ту сферу международныхъ отношеній, гдѣ мы стремимся быть опекающей стороной, то еще безпомощнѣе эти прекрасныя, но падшія созданія юридической мысли тамъ, гдѣ намъ суждено играть противоположную роль, т. е. въ области нашихъ сношеній съ болѣе развитыми капиталистическими странами.

Относящійся сюда тезисъ мобилизованнаго общественнаго мнѣнія гласитъ: успѣхъ нѣмцевъ превратилъ бы насъ въ германскую колонію; мы должны бороться до конца, чтобы освободиться отъ нѣмецкаго засилія и отстоять свое право на національное самоопредѣленіе, т. е. прежде всего, обезпечить себѣ экономическую самостоятельность, которая является основой хозяйственнаго, политическаго, культурнаго и всякаго иного процвѣтанія страны. Желаніе, опять-таки, вполнѣ понятное и какъ нельзя болѣе законное. Что же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть хуже, какъ стать колоніей! Едва ли, однако, допустимо ограничиваться подобнаго рода аористическими благопожеланіями въ столь важномъ, сложномъ и отвѣтственномъ вопросѣ. Поставивъ проблему о германскомъ засиліи, надлежало, очевидно, разсмотрѣть со всевозможной обстоятельностью

не только политическія, но и чисто экономическія предпосылки германскаго засилія. Между тѣмъ въ этой области сдѣлано очень мало. Чаще всего германскій капиталъ рисуется воображенію нашихъ публицистовъ и ученыхъ въ видѣ грознаго экономическаго тайфуна, въ видѣ слѣпой безотчетной силы, которая стремится все разрушить на своемъ пути, все стереть съ лица земли: и русскую промышленность, и русское земледѣліе, т. е. тотъ самый русскій „рынокъ", для завоеванія котораго, по увѣренію тѣхъ же публицистовъ и ученыхъ, нѣмцы начали эту ужасную войну. Въ такомъ загадочно-мрачномъ ореолѣ какого-то апокалипсическаго звѣря экономики, германскій капиталъ выступаетъ, напримѣръ, въ трудахъ нашего извѣстнаго экономиста П. Маслова.

Но оставимъ въ сторонѣ нѣмцевъ! Насъ интересуетъ другой вопросъ: будетъ ли результатомъ освобожденія отъ германскаго ига наше „національное самоопредѣленіе" въ хозяйственной области? и возможно ли оно, вообще, на теперешней ступени развитія международнаго капитализма?

Въ лагерѣ нашихъ враговъ война привела, какъ мы знаемъ, къ тѣсному экономическому сближенію. По иниціативѣ Германіи, всѣ центрально европейскія державы объединяются въ настоящее время въ прочный „таможенный союзъ" (Zollverein). Есть всѣ основанія думать, что еще до окончанія войны хозяйственная самостоятельность Австріи, Венгріи и Турціи отойдетъ въ область преданій; мѣсто „народныхъ хозяйствъ" въ центральной Европѣ займетъ единое международное хозяйство, руководимое и контролируемое прекрасно организованнымъ германскимъ капиталомъ.

Это, разумѣется, чрезвычайно повыситъ экономическую, а слѣдовательно и всякую иную мощь Германіи. И само собой понятно, что антигерманская коалиція не можетъ равнодушно отнестись къ такому усиленію Германіи. Она вынуждена принять контръ-мѣры, противопоставить централизующемуся хозяйству средней Европы ан логичное хозяйственное образованіе въ странахъ согласія. И дѣйствительно, въ концѣ февраля текущаго года въ Парижѣ созывается конференція парламентаріевъ всѣхъ союзныхъ странъ „съ цѣлью объединенія ихъ экономической дѣятельности въ предстоящей торговой борьбѣ съ средне-европейскимъ экономическимъ союзомъ". Какъ видно изъ статьи проф. А. Васнецова въ № 14 „Рѣчи", программа этого объединенія задумана весьма широко: она предусматриваетъ и таможенное соглашеніе, и установленіе минимальныхъ желѣзно-дорожныхъ тарифовъ и морскихъ фрахтовъ и цѣлый рядъ другихъ мѣръ, уничтожающихъ тѣ перегородки, которыя раздѣляли до сихъ поръ „самоопредѣляющіяся" хозяйства союзныхъ странъ.

Помимо борьбы съ центральной Европой, необходимость экономическаго сплоченія союзниковъ диктуется тѣми взаимными финансовыми обязательствами, которыми связала ихъ война. Пред-

ставитель англійскихъ парламентаріевъ — иниціаторовъ конференціи — пишетъ:

„Война возлагаетъ на наше братство финансовую тягость, которую можно перенести, только стоя плечомъ къ плечу; тогда мы сможемъ честно выполнить нашъ долгъ. Великая Россія особенно заинтересована въ приливѣ чужихъ капиталовъ; но обмѣнъ услугъ долженъ быть основанъ на взаимной выгодѣ; не должно быть мѣста жадности, своекорыстію и эксплоатаціи одного народа другимъ" *.

Въ томъ же направленіи нѣсколько вѣскихъ словъ сказалъ англійскій посланникъ, сэръ Бьюкененъ, въ своей новогодней рѣчи, съ такимъ сочувствіемъ встрѣченной нашей печатью:

„И я обращаюсь къ вамъ, господа, какъ къ хорошо знающимъ Россію, съ просьбой воздѣйствовать на нашихъ друзей на родинѣ и указать имъ на крайнюю необходимость производства подготовительной работы для занятія того мѣста, которое Германія занимала здѣсь въ торговлѣ до сихъ поръ. Русская имперія являетъ собой огромный рынокъ для сбыта всѣхъ видовъ англійскихъ товаровъ; но для того, чтобы вытѣснить оттуда германцевъ, наши коммерсанты и промышленники должны самымъ радикальнымъ образомъ измѣнить свои методы. Они должны изучить мѣстныя потребности и мѣстные вкусы и должны отказаться отъ устарѣлаго взгляда, что то, что нравится англичанину, должно быть достаточно хорошо и для иностранца.

Они должны отправлять въ Россію какъ можно больше британскихъ агентовъ и комивояжеровъ, и если отдѣльныя фирмы не въ состояніи нести сопряженныхъ съ этимъ расходовъ, то фирмы, имѣющія отношенія къ торговлѣ союзниковъ, должны объединиться и имѣть общаго представителя. Онѣ также должны приготовиться къ предоставленію болѣе широкаго кредита. Я не желалъ бы ни одной минуты дать поводъ думать, что я хочу сказать, чтобы Великобританія эксплоатировала въ коммерческомъ отношеніи Россію такъ, какъ это дѣлала Германія въ прошломъ, но желаю сказать, что англо-русскія коммерческія отношенія должны быть координированы въ смыслѣ, выгодномъ для обѣихъ странъ" **.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что успѣшное для насъ и нашихъ союзниковъ окончаніе войны отнюдь не увеличитъ экономическаго самоопредѣленія европейскихъ странъ. Финансовыя обязательства, связавшія насъ съ союзниками, не исчезнутъ, — наоборотъ, только по окончаніи войны и обнаружится во всей полнотѣ ихъ связующая сила. Не исчезнетъ также необходимость бороться съ центральной Европой, экономически и полити-

---

* „Рѣчь" № 14.

** „Рѣчь".

чески организованной подъ главенствомъ Германіи. П. Б. Струве высказалъ, правда, надежду, что пораженіе Германіи разрушитъ центрально-европейское единство. Какъ ни отрадна эта надежда, къ ней все же приходится отнестись скептически, пока она ничѣмъ не аргументирована. Гораздо вѣроятнѣе, наоборотъ, что та торговая изоляція Германіи и ея союзниковъ, которую надѣются осуществить послѣ побѣды руководящія страны согласія, еще тѣснѣе сплотитъ экономически центральную Европу; вѣдь эта политика изоляціи, эта наполеоновская „континентальная система" въ примѣненіи къ германской коалиціи, есть, въ сущности, мирная форма той самой военной блокады, которая и привела къ средне-европейскому объединенію. Мы полагаемъ поэтому, что гораздо проницательнѣе оцѣниваютъ перспективы тѣ французскіе и англійскіе парламентаріи*, которые уже теперь считаютъ необходимымъ готовиться къ „торговой борьбѣ съ средне-европейскимъ экономическимъ союзомъ" посредствомъ столь же тѣснаго союза странъ согласія.

Итакъ, не только послѣ побѣды, но уже теперь, въ процессѣ борьбы за побѣду, мы должны вступить и мы фактически вступаемъ въ гораздо болѣе тѣсное, въ гораздо болѣе энергичное экономическое общеніе съ странами высоко развитаго капитализма, чѣмъ это имѣло мѣсто до войны. Правда, на этотъ разъ мы объединяемся не съ „жадной и своекорыстной" Германіей, а съ „прекрасной" Франціей и „благородной" Англіей, — что, конечно, существенно мѣняетъ дѣло. Какъ мы только что видѣли, представители Англіи, готовясь занять мѣсто, освободившееся отъ нѣмцевъ, не допускаютъ, однако, и мысли о томъ, чтобы въ предстоящемъ „обмѣнѣ услугъ" могло проявиться какое-либо своекорыстіе, какая-либо „коммерческая эксплоатація" Россіи, что-либо, напоминающее „германское засиліе".

Существуетъ, однако, одно обстоятельство, которое обыкновенно игнорируется мобилизованной мыслью нашихъ ученыхъ, несмотря на то, что оно довольно существенно, — настолько существенно, что даже въ наше исключительное время его слѣдовало бы хоть отчасти принимать во вниманіе при обсужденіи перспективъ хозяйственнаго развитія.

Дѣло въ томъ, что въ экономической жизни наблюдаются нѣкоторые законы или, выражаясь мягче, нѣкоторыя постоянныя соотношенія, которыя, съ одной стороны, вводятъ въ опредѣленныя рамки самую злую и разрушительную волю, но, съ другой стороны,

---

* Статья эта была уже написана, когда въ газетахъ появилось сообщеніе, что вслѣдъ за неофиціальной конференціей парламентаріевъ будетъ созвана конференція официальныхъ представителей державъ согласія, съ цѣлью возможно скорѣе провести въ жизнь экономическій союзъ.

являются трудно преодолимыми преградами для воли самой доброй и благожелательной. Одно изъ такихъ постоянныхъ соотношеній заключается въ томъ, что при экономическомъ союзѣ страны отсталой и страны капиталистически развитой не можетъ получиться полнаго равенства въ обмѣнѣ услугъ и, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, союзъ неизбѣжно выливается въ форму экономической зависимости первой страны отъ второй. Такъ, напримѣръ, бѣдная и отсталая страна не можетъ, очевидно, снабжать капиталомъ богатую и развитую. Пока она остается бѣдной и отсталой, возможенъ только обратный процессъ.

П. Масловъ справедливо считаетъ ввозъ союзныхъ и дружественныхъ капиталовъ наилучшей формой иностраннаго содѣйствія развитію отечественной промышленности, но онъ забываетъ упомянуть, что оплодотвореніе заграничнымъ капиталомъ мыслимо въ двухъ видахъ, далеко не безразличныхъ для оплодотворяемой промышленности.

Во-первыхъ, союзный капиталъ можетъ оказывать намъ услуги въ качествѣ ссуднаго капитала; при этомъ, иностранные капиталисты ограничиваются финансированіемъ нашей промышленности, оставаясь у себя дома, — и у себя дома издерживаютъ получаемые отъ насъ проценты. Такой видъ содѣйствія регулярно извлекаетъ часть прибавочной стоимости, произведенной въ нашей промышленности, и реализуетъ ее не у насъ, а за границей; часть (и по мѣрѣ укрѣпленія экономическаго союза въ этой его формѣ, *все растущая* часть) нашей національной прибыли неизмѣнно затрачивается не на развитіе отечественной, а на развитіе заграничной промышленности. Такимъ образомъ, какъ бы успѣшно ни развивалась національная индустрія за счетъ ссужаемаго изъ-за границы капитала, по *темпу* своего развитія финансируемая страна неизбѣжно будетъ отставать отъ финансирующей. Если наше хозяйственное сближеніе съ болѣе передовыми странами согласія выльется преимущественно въ форму финансированія, то, очевидно, различіе въ экономическомъ уровнѣ между нами и нашими союзниками будетъ все болѣе и болѣе возрастать; даже при *абсолютно* удачномъ использованіи союзной помощи, мы будемъ *относительно* все сильнѣе и сильнѣе отставать и, въ концѣ-концовъ, дѣйствительно попадемъ въ положеніе, близкое къ положенію колоніи.

Вѣдь надо еще принять во вниманіе, что борьба съ центральной Европой будетъ продолжаться не только на мирно-экономическомъ, но и на военно-политическомъ поприщѣ. Наши затраты на государственную оборону ни въ коемъ случаѣ не смогутъ ограничиться тѣми размѣрами, которые отвѣчаютъ физическимъ хозяйственнымъ рессурсамъ страны. Noblesse oblige! Мы во что бы то ни стало должны будемъ поставить организацію обороны на ту высоту, которой потребуетъ наша великодержавная роль въ союзѣ народовъ, полукольцомъ охватывающихъ среднеевро-

пейскую коалицію. Это, разумѣется, еще болѣе увеличитъ наши финансовыя обязательства передъ дружественными и нейтральными странами, и при недостаточно быстромъ темпѣ хозяйственнаго развитія легко можетъ повести къ затрудненіямъ, едва ли преодолимымъ.

Второй возможный путь содѣйствія иностраннаго капитала раскрываетъ передъ нами перспективы, болѣе благопріятныя. Это — ввозъ индустріальнаго капитала, основаніе иностранныхъ промышленныхъ предпріятій въ самой Россіи. Здѣсь, при извѣстныхъ условіяхъ, капиталъ развитой страны можетъ дѣйствительно эмигрировать въ отсталую, окончательно покинуть родную почву, безъ остатка раствориться въ промышленности своего новаго отечества. При интенсивной эмиграціи и полной натурализаціи промышленнаго капитала, развитіе въ опекаемой странѣ можетъ пойти быстрѣе, чѣмъ въ опекающей, — и тогда разница экономическихъ уровней мало-по-малу сгладится, опекаемая страна изъ „колоніи“ превратится по прошествіи извѣстнаго времени въ равноправнаго члена союза, основаннаго на „обмѣнѣ услугъ“.

Но если второй путь значительно выгоднѣе перваго съ точки зрѣнія отечественной промышленности, то какъ разъ обратно обстоитъ дѣло съ точки зрѣнія отечественныхъ промышленниковъ. Промышленники охотно примутъ отъ чужеземцевъ широкую финансовую поддержку, но гораздо менѣе улыбается имъ перспектива широкой иммиграціи въ нашу страну заграничнаго промышленнаго капитала. Вѣдь изъ-за дипломатической формулы „борьба съ нѣмецкимъ засиліемъ“ уже теперь все отчетливѣе и отчетливѣе выглядываетъ борьба съ иноземнымъ засиліемъ вообще, при чемъ это послѣднее конкретно рисуется всегда въ образѣ иностранныхъ фирмъ, развертывающихъ свою промышленную дѣятельность въ сердцѣ Россіи.

И надо сказать, что въ этой области воля промышленниковъ — особенно организованная, коллективная воля — далеко не безсильна. Для того, чтобы промышленный капиталъ могъ приливать въ страну и натурализоваться тамъ въ крупномъ масштабѣ, необходимы, кромѣ извѣстныхъ экономическихъ условій, у насъ уже имѣющихся, опредѣленныя юридическія предпосылки, въ значительной мѣрѣ у насъ отсутствующія. Какъ извѣстно, эмиграція промышленнаго капитала чрезвычайно стѣснялась у насъ несовершеннымъ законодательствомъ объ акціонерныхъ компаніяхъ и вообще всестороннею отсталостью гражданскаго и политическаго уклада нашей жизни. Обычно, наша гражданская и политическая отсталость ставится цѣликомъ въ вину „бюрократіи“, которой по штату, установленному демократической мыслью, полагается воплощать „пережитки феодализма“. И хотя совершенно очевидно, что въ области нашей національной экономической политики, бюрократія всегда была и по сію пору остается вѣрной выразительницей и горячей защитницей интересовъ отечественныхъ промышленниковъ, — но, что подѣлаешь? — дорога намъ

истина, но святость традицій дороже: символъ вѣры мобилизованнаго общества видитъ въ нашихъ промышленникахъ всесторонне прогрессивную силу, объективно непримиримую съ бюрократическимъ началомъ, — недаромъ же промышленники являются опорой „прогрессивнаго блока".

Установлено, что русскій буржуа, совершенно независимо отъ своихъ реальныхъ интересовъ, самимъ ходомъ исторіи вынужденъ довести европеизацію Россіи „до логическаго конца". Правда, далеко еще не выяснилось, что же такое этотъ „логическій конецъ": французскій строй? англійскій? или, быть можетъ, прусскій, которому, по компетентному свидѣтельству сэра Бьюкенена*, вынуждена теперь подражать Англія? Тѣмъ не менѣе, человѣкъ, усомнившійся въ логическомъ концѣ, не можетъ, какъ извѣстно, разсчитывать на снисхожденіе: заподозрѣнный въ склонности смѣшивать въ „одну реакціонную массу" различные командующіе классы, онъ безпощадно отлучается отъ порядочнаго общества, какъ скрытый сторонникъ лжеученій анархизма. Во избѣжаніе этой печальной участи, спѣшу добавить, что я высоко цѣню заслуги тѣхъ представителей нашего общества, которые призываютъ демократію отрѣшиться отъ „самоубійственной тактики самоустраненія", принять самое энергичное участіе въ мобилизаціи общественныхъ силъ, использовать всѣ возможности, отзываться на всѣ приглашенія и помогать общему дѣлу по собственному почину, не дожидаясь приглашеній. Все это въ извѣстныхъ отношеніяхъ, съ извѣстныхъ точекъ зрѣнія, можетъ быть, полезно, нужно и важно. Я разсматриваю вопросъ лишь съ одной опредѣленной точки зрѣнія: съ точки зрѣнія перспективъ нашего хозяйственнаго развитія въ томъ тѣсномъ экономическомъ и политическомъ союзѣ съ болѣе развитыми странами, который въ настоящій моментъ организуется. И я утверждаю только, что въ этой области политика нашей восторжествовавшей буржуазіи не могла бы существенно отличаться отъ той политики, которую до сихъ поръ вела наша бюрократія въ полномъ единеніи съ буржуазіей.

Слѣдовательно, сравнительно безразлично, кто будетъ закладывать основы нашего хозяйственнаго объединенія съ дружественными странами: тѣ, которые теперь офиціально представляютъ наше общество въ международныхъ сношеніяхъ, или тѣ, которые полуофиціально организуютъ его подъ фирмой „прогрессивнаго блока". Въ обоихъ случаяхъ интересующія насъ основы будутъ

---

* „Намъ придется принять мѣры для разрѣшенія сложныхъ соціальныхъ задачъ, которыя возникнутъ, когда наши арміи будутъ распущены. Если мы хотимъ успѣшно разрѣшить эти вопросы, то намъ придется позаимствовать изъ германскаго арсенала то оружіе, которымъ она пользовалась для этой же цѣли въ настоящей войнѣ, а именно: организацію и правильное администрированіе".

Изъ новогодней рѣчи сэра Бьюкенена.

заложены въ формахъ наиболѣе благопріятныхъ для процвѣтанія отечественныхъ фирмъ и наименѣе благопріятныхъ для быстраго развитія производительныхъ силъ нашего отечества. Съ другой стороны, не менѣе очевидно, что даже самое энергичное участіе демократіи въ теперешней мобилизаціи общества — и по приглашенію цензовой буржуазіи, и безъ онаго — можетъ измѣнить нѣкоторыя детали мобилизаціоннаго плана, но никоимъ образомъ не въ состояніи внести принципіальную перемѣну въ программу тѣхъ группъ, которыя стоятъ во главѣ общественной мобилизаціи. Этой цѣли можно достигнуть не путемъ просачиванія, хотя бы самаго настойчиваго, а лишь посредствомъ коренныхъ реформъ, предполагающихъ замѣну организаторовъ нашей общественности иными элементами.

Располагаетъ ли наша демократія силами, достаточными для осуществленія такихъ коренныхъ реформъ — вопросъ особый, далеко выходящій за предѣлы тѣхъ чисто литературныхъ темъ, которыя являются предметомъ настоящей статьи. Но всецѣло въ плоскости литературнаго обсужденія лежитъ другой вопросъ: цѣлесообразны ли коренныя реформы въ настоящее время, не слѣдуетъ ли отложить ихъ даже при наличности силъ, достаточныхъ для ихъ осуществленія? — Участники сборника „Самозащита“ не даютъ отвѣта на этотъ вопросъ. Но ихъ ближайшіе единомышленники неоднократно и въ самой торжественной формѣ заявляли, что теперь не время думать о какихъ-либо существенныхъ перемѣнахъ, что неумѣстны даже частичныя мѣропріятія, направленныя къ улучшенію положенія демократіи, — разъ они хоть на самый короткій срокъ нарушаютъ планомѣрное функціонированіе существующихъ общественныхъ организацій.

Такое рѣшеніе вопроса можетъ, конечно, опираться на очень разнообразныя и весьма вѣскія соображенія. Вѣдь не безъ основанія же наша бюрократія именно въ этомъ стилѣ парируетъ реформаторскія домогательства „прогресивнаго блока“. Прискорбно лишь то, что марксистскіе дѣятели, выдвигающіе почтенный лозунгъ воздержанія и самообладанія, пытаются оправдать его какъ разъ съ той самой точки зрѣнія, которая, какъ я только что показалъ, явнымъ образомъ приводитъ къ діаметрально противоположному выводу, — а именно, съ точки зрѣнія перспективъ нашего превращенія въ колонію. Это обидное, глубоко роняющее теоретическій престижъ русскаго марксизма, недоразумѣніе произошло исключительно вслѣдствіе того, что вмѣсто самостоятельнаго анализа наши теоретики покорно приняли трафареты мобилизованной общественной мысли, и дальше такихъ неопредѣленныхъ, но приводящихъ въ трепетъ формулъ, какъ „нѣмецкое засиліе“, „нѣмецкая колонія“, не пошли.

* * *

Не болѣе сильной оказалась мобилизованная марксистская мысль и въ анализѣ кризиса, постигшаго международное движеніе

европейской рабочей демократіи. Какъ бы мы ни относились къ текущей войнѣ, несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, одно: война явилась великимъ историческимъ экзаменомъ для европейской демократіи, для созданныхъ ею организацій и учрежденій, для вдохновляющихъ ее идей, настроеній, задачъ. Только дѣйствительно жизнеспособное, прочное, пустившее глубокіе корни, могло выдержать это суровое испытаніе, — все поверхностное и наносное, а также всѣ еще не окрѣпшіе ростки новой жизни обречены были на гибель. „Такъ тяжкій млатъ, дробя стекло, куетъ булатъ". И нельзя отрицать, что стекла обнаружилось въ европейскомъ рабочемъ движеніи поразительно много, — гораздо больше, чѣмъ ожидали самые скептическіе противники современнаго соціализма. Недаромъ тотчасъ же послѣ начала войны въ буржуазныхъ кругахъ всѣхъ странъ и народовъ пронесся вздохъ облегченія: интернаціоналъ оказался мифомъ! Интернаціоналъ разлетѣлся вдребезги отъ первыхъ же ударовъ критическаго молота войны; онъ не только не могъ предотвратить катастрофы — этого отъ него, конечно, никто и не ожидалъ — онъ не могъ даже сдѣлать ни малѣйшей попытки въ этомъ направленіи, онъ просто пересталъ существовать, какъ единая международная организація.

Крупнѣйшіе авторитеты нашего и союзнаго намъ марксизма утверждаютъ, что вина за развалъ интернаціонала падаетъ всецѣло на нѣмецкую соціалъ-демократію. Это, конечно, совершенно справедливо. Нѣмцы, безспорно, виноваты. Кто же можетъ быть виноватъ, кромѣ нѣмцевъ? Но почтенные авторитеты забываютъ, что вмѣненіе извѣстнаго историческаго событія въ вину кому бы то ни было отнюдь еще не есть его объясненіе. И менѣе всего такая моральная оцѣнка факта въ состояніи удовлетворить познавательную требовательность марксиста. Вѣдь съ марксистской точки зрѣнія соціально-психическія явленія — даже такія гнусныя, какъ нѣмецкая измѣна завѣтамъ интернаціонала — не могутъ разсматриваться, какъ нѣчто самостоятельное, ни на что другое не сводимое, но должны отражать извѣстные соціальные интересы. До сихъ поръ предполагалось, что международное объединеніе отвѣчаетъ самымъ насущнымъ интересамъ рабочихъ всѣхъ странъ, не исключая и Германіи; предполагалось далѣе, что на почвѣ этого объединенія складывается новая психологія, горячая преданность всеевропейскому отечеству демократіи, чувство общаго единства, если и не исключающее патріотизма отдѣльныхъ отечествъ, то, во всякомъ случаѣ, могущее съ нимъ поспорить по глубинѣ, искренности и стойкости. И вотъ этого-то чувства не оказалось и слѣда, и при томъ не только у нѣмцевъ, но и у французовъ, но и у англичанъ.

Въ своемъ преобладающемъ большинствѣ представители рабочей демократіи всѣхъ европейскихъ національностей съ величайшей

легкостью сбросили съ себя интернаціональный мундиръ, всецѣло отдались дѣлу обороны своихъ отечествъ и въ настоящее время горячо протестуютъ противъ всякихъ попытокъ возстановленія международной солидарности.

Очевидно, такимъ образомъ, что въ традиціонной марксистской оцѣнкѣ интернаціонала была какая-то существенная ошибка и, быть можетъ, даже не одна. Быть можетъ, интересы рабочихъ вовсе не требуютъ ихъ международнаго объединенія? Или формы этого объединенія были, почему-нибудь, крайне неудачны, — не развивали, а заглушали соотвѣтствующее международнымъ интересамъ сознаніе? Или самая теорія, выводящая сознаніе изъ бытія, неправильна, и такія высокія духовныя цѣнности, какъ патріотизмъ, стоятъ превыше всякихъ интересовъ? — Я не собираюсь здѣсь изслѣдовать, въ какомъ именно направленіи слѣдуетъ искать ошибку. Но, что искать ее слѣдуетъ, что такой крупный фактъ, какъ крушеніе интернаціонала, требуетъ серьезной критической работы мысли, что отъ него нельзя отмахнуться ссылкой на нѣмецкое коварство, — это не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Между тѣмъ почти всѣ марксисты, выступающіе въ русской печати, въ своей критикѣ современнаго интернаціонала дальше справедливыхъ, но ничего не объясняющихъ жалобъ на нѣмецкую измѣну не идутъ. Для оправданія же своей собственной линіи поведенія они прибѣгаютъ исключительно къ аргументаціи текстами, т. е. въ литературныхъ трудахъ или въ частной перепискѣ одного изъ основоположниковъ марксизма отыскиваютъ фразу, изъ коей явствуетъ, что тотъ или другой непререкаемый авторитетъ въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка одобрялъ позицію, похожую на занятую ими въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія. Не говоря уже о томъ, что самый пріемъ такого доказательства „отъ писанія“ приличествуетъ болѣе скромнымъ теологамъ, чѣмъ гордымъ обладателямъ научнаго историко-матеріалистическаго метода, — и съ чисто формальной стороны подобнаго рода умозаключенія по аналогіи совершенно недопустимы: что было вполнѣ естественно и понятно полвѣка тому назадъ, когда планомѣрное рабочее движеніе еще только зарождалось, то представляется въ высокой степени загадочнымъ и тревожнымъ въ наше время, когда организаціи рабочей демократіи возросли во многіе десятки разъ.

Въ нашей посюсторонней литературѣ мнѣ извѣстна лишь одна попытка подойти къ вопросу нѣсколько серьезнѣе. Принадлежитъ она А. Н. Потресову. Уже годъ тому назадъ, въ № 1 „Нашего Дѣла“, онъ совершенно правильно констатировалъ, что никакой международной организаціи европейская демократія, въ сущности, до сихъ поръ не имѣла. Были лишь національныя организаціи, связанныя посредствомъ общаго „бюро“ съ функціями „почти исключительно декларативно-информаціоннаго характера“; существовало лишь „національное сознаніе, регулируемое международ-

ными правилами", но не возникло еще „по существу глубоко несходнаго съ нимъ", „принципіально иного", „международнаго сознанія, считающагося съ національными особенностями". Годъ тому назадъ А. Н. Потресовъ въ „застойности" послѣднихъ десятилѣтій искалъ причину возникновенія этихъ „межеумочныхъ", „ублюдочныхъ" формъ, потерпѣвшихъ заслуженный крахъ при первомъ же серьезномъ испытаніи; онъ находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что наступающій „конфликтный" періодъ исторіи „принудитъ демократію отказаться отъ національнаго индивидуализма" и приведетъ къ подлинной международности".

Такъ писалъ А. Н. Потресовъ въ январѣ 1915 г. А въ январѣ 1916 года, въ сборникѣ „Самозащита", онъ уже съ „принципіально инымъ" чувствомъ, „глубоко несходнымъ" съ его прошлогодними настроеніями, подходитъ къ вопросу о старыхъ формахъ международности. Годъ раздумья совершенно примирилъ его съ этими „ублюдочными" и „межеумочными" формами; его вдохновляетъ теперь не международная, а національно-государственная гражданственность. „Международность", замѣчаетъ онъ въ тонѣ глубокой резиньяціи, это еще не эмбріонъ, „это даже еще не развитіе, это — пока что — предисловіе къ развитію".

Въ Европѣ все обстоитъ благополучно: „предисловіе" мало-по-малу доползетъ до „введенія", „введеніе" до „нѣкоторыхъ предварительныхъ замѣчаній" и такъ далѣе, въ разумной постепенности, вплоть до проникновенія массъ „не безвольной, какъ было до сихъ поръ, а надѣленной творческой волею международностью", — „черезъ патріотизмъ къ международности"!

Это безмятежно-ясное пріятіе дѣйствительности такъ соблазнительно, оно съ такой граціозной легкостью обходитъ проклятые вопросы современности, что трудно не поддаться его обаянію. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему ломать голову надъ тѣми противорѣчіями демократическаго движенія, которыя такъ отчетливо вскрыла война? Не проще ли брать жизнь, какъ она есть, отдаваясь всѣмъ чувствомъ, всѣмъ помышленіемъ своимъ наличнымъ формамъ гражданственности и спокойно ожидая, пока исторія подготовитъ новыя, болѣе широкія формы? Смущаетъ меня только одно: въ то время какъ патріотическіе барды „самозащиты" только теперь начинаютъ чувствовать по-настоящему сладость національно-государственной гражданственности, исторія — въ лицѣ командующихъ классовъ — рѣшительно разрываетъ ея рамки. Имперіализмъ есть вполнѣ созрѣвшая „творческая воля" буржуазіи къ международности. И воля эта уже осуществляется въ видѣ двухъ международныхъ хозяйственно-политическихъ организацій: центрально-европейской и окраинно-европейской. Идейные выразители интересовъ демократіи доросли до національной гражданственности, до патріотизма „защитнаго цвѣта" и другихъ лозунговъ, вдохновлявшихъ буржуазію

середины прошлаго вѣка, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда буржуазія переросла эти лозунги.

Что же, быть можетъ, такъ и должно быть? Быть можетъ, та „идея рабочаго сословія", которая, по мысли Лассаля, такъ высоко возноситъ рабочихъ капиталистическаго общества надъ слугами феодальной эпохи, только иллюзія благороднаго мечтателя? Быть можетъ, та великая соціально-организующая миссія, которая, по мысли Маркса, является историческимъ призваніемъ пролетаріата, — тотъ переходъ „изъ царства необходимости въ царство свободы", который до сихъ поръ вдохновлялъ лучшихъ представителей движенія, — только „соціальный мифъ"? Быть можетъ, современному пролетаріату, какъ и слугамъ всѣхъ предыдущихъ эпохъ, на роду написано донашивать платье съ барскаго плеча, культивируя въ своихъ каморкахъ тѣ умственныя и жизненныя моды, которыя давно уже брошены въ гостинныхъ?

Не въ этомъ ли и состоитъ на дѣлѣ вся историческая миссія теперешней демократіи?

Вопросъ этотъ — отнюдь не реторическій. Глубокое противорѣчіе между идеологіей европейскаго рабочаго движенія и его дѣйствительными формами давно уже выдвигало его впередъ. Война придала этому, уже застарѣлому, противорѣчію поистинѣ кричащую остроту, — и при томъ не только въ сферѣ международной, но также — и, пожалуй, въ еще большей степени — въ сферѣ „національно-государственной гражданственности". Въ самомъ дѣлѣ, согласно общепризнанной теоріи, буржуазія въ состояніи лишь подготовить матеріальныя предпосылки для обобществленія производства; она развиваетъ производительныя силы общества до той высоты, при которой ихъ индивидуально-капиталистическое использованіе становится невозможнымъ. Тутъ-то и выступаетъ рабочая демократія со своей исторической миссіей: она преодолѣваетъ анархію производства, планомѣрно регулируетъ хозяйство въ интересахъ всѣхъ членовъ общества и, тѣмъ самымъ, полагаетъ начало новому періоду исторіи.

Какъ извѣстно, до сихъ поръ рабочая демократія даже самыхъ передовыхъ странъ была очень далека отъ практическаго выполненія этой задачи: она энергично боролась за повышеніе своего уровня жизни въ предѣлахъ тѣхъ общественныхъ формъ, которыя творились буржуазіей, но не смѣла еще и помышлять о самостоятельномъ, творческомъ вмѣшательствѣ въ ходъ исторіи. Объяснялось это недозрѣлостью „матеріальныхъ предпосылокъ": производительныя силы еще не развились настолько, чтобы сдѣлать возможнымъ обобществленіе производства, — въ ожиданіи этого момента, демократіи не остается ничего другого, какъ заниматься накопленіемъ силъ въ борьбѣ за лучшія условія существованія въ предѣлахъ существующаго строя. Правда, строй этотъ давно уже пересталъ быть частно-капиталистическимъ. Начало планомѣрнаго регулиро-

ванія систематически проводилось самими капиталистами въ обрабатывающей промышленности: синдикаты и тресты осуществили его въ отдѣльныхъ отрасляхъ производства, финансовый капиталъ — въ національно-государственномъ масштабѣ. Оставалось только сельское хозяйство, все еще распыленное между многими самостоятельными предпринимателями, и, по мнѣнію большинства экономистовъ, вовсе не обнаруживающее тенденціи къ сосредоточенію. Указаніе на трудность осуществить планомѣрное регулированіе въ современномъ земледѣліи было единственнымъ аргументомъ, придававшимъ традиціонной ссылкѣ на „недозрѣлость" производительныхъ силъ нѣкоторую убѣдительность.

Но вотъ грянула война. Германія — страна наиболѣе развитого капитализма — очутилась благодаря блокадѣ въ особенно тяжелыхъ экономическихъ условіяхъ. Планомѣрное регулированіе въ теченіе войны всего національнаго производства, и въ первую голову именно производства земледѣльческихъ продуктовъ, стало государственной необходимостью. И оказалось, что буржуазное государство великолѣпно справилось съ этой задачей: какъ извѣстно, въ прошломъ году распашка и обработка полей, посѣвъ, сборъ и распредѣленіе урожая были произведены въ Германіи подъ строжайшимъ контролемъ государства, по заранѣе выработанному плану, который въ общемъ и цѣломъ удалось осуществить вполнѣ удовлетворительно. Само собой разумѣется, это обобществленіе было проведено отнюдь не въ интересахъ нѣмецкаго рабочаго класса: выгоды землевладѣльцевъ заботливо ограждались, были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы аграріи получили не только обычную прибыль, но и военную сверхприбыль. Но очевидно, что съ чисто технической стороны эта заботливая охрана частно-владѣльческихъ интересовъ не упрощала, но до крайности затрудняла регулированіе производства; война явилась другимъ, также чрезвычайно усложняющимъ задачу моментомъ.

Послѣ этого военнаго опыта германской буржуазіи говорить о томъ, что Германія объективно, по состоянію своихъ производительныхъ силъ, не дозрѣла до обобществленія, значитъ смѣяться надъ собесѣдникомъ. Германская буржуазія сумѣла реализовать обобществленіе въ формахъ, несравненно болѣе сложныхъ и трудныхъ, чѣмъ тѣ, съ которыми пришлось бы имѣть дѣло германскому пролетаріату, если бы онъ взялся за выполненіе своего историческаго призванія. Но и это еще не все. Даже изъ тѣхъ немногихъ свѣдѣній, которыя доходятъ до насъ, видно, что германская буржуазія не могла бы достигнуть цѣли, если бы она не имѣла въ своемъ распоряженіи великолѣпныхъ организацій рабочаго класса, созданныхъ и воспитанныхъ германской соціалъ-демократіей. Итакъ, на нашихъ глазахъ германскій пролетаріатъ подъ руководствомъ своей буржуазіи и въ ея интересахъ выполняетъ ту задачу, которую онъ уже полвѣка тому назадъ провозгласилъ своей исторической миссіей и о само-

стоятельномъ осуществленіи которой, за свой рискъ и въ своихъ интересахъ, онъ до сихъ поръ не рѣшается даже мечтать.

Можно ли требовать отъ старушки-исторіи еще болѣе наглядныхъ предметныхъ уроковъ? Нужно быть слѣпорожденнымъ, чтобы не замѣтить той ужасной язвы, которую вскрыла на тѣлѣ европейской демократіи современная война. Исцѣленіе отъ этой язвы возможно лишь при помощи безпощадной самокритики. Одно изъ двухъ: или практика демократическаго движенія должна подняться до уровня его героической идеологіи; или героическая идеологія должна исчезнуть, уступивъ мѣсто гораздо болѣе скромному самосознанію. Механическое сочетаніе этихъ разнородныхъ и разнокачественныхъ началъ, мирно уживавшихся бокъ-о-бокъ, но никогда и ни въ чемъ не соприкасавшихся, уже давно создавало крайне тягостную атмосферу, — а теперь, когда война окончательно разоблачила его, оно производитъ прямо таки комическое впечатлѣніе вороны въ павлиньихъ перьяхъ. Оппортунистическая ворона, конечно, птица почтенная и, какъ все живущее, имѣетъ право на мѣстечко подъ солнцемъ, на обезпеченное и достойное существованіе. Но при чемъ тутъ павлиньи перья какого-то, якобы, высшаго „міросозерцанія“, презрительное третированіе „буржуазной культуры“, сантиментальные вздохи по „царству свободы“! Избравъ оппортунистическую практику, все это надо оставить, — ибо, принося сравнительно умѣренное духовное удовольствіе, разглагольствованія подобнаго рода могутъ причинить довольно существенный матеріальный вредъ. Если до сихъ поръ буржуазія относилась къ организаціямъ демократіи враждебно, то теперь она очень нуждается въ ихъ лояльномъ содѣйствіи для осуществленія ея грандіозныхъ плановъ экономическаго строительства и въ національно-государственной, и въ международной области. Недаромъ же нѣмецкіе оппортунисты утверждаютъ, что годъ гражданскаго мира съ буржуазіей болѣе усилилъ ихъ вліяніе, чѣмъ десятилѣтія классовой борьбы.

Участники сборника „Самозащита“ причислятъ меня, конечно, къ лику „пошехонцевъ, спасающихъ Европу“.

Пошехонье, само собою разумѣется, не спасетъ Европы, но необходимость той глубокой самокритики, о которой я только что говорилъ, сознается, къ счастью, не только въ Пошехоньѣ, но и въ Берлинѣ, но и въ другихъ подлинно-европейскихъ центрахъ. Къ чему приведетъ эта критика, по какому пути пойдетъ европейская демократія въ нарождающуюся эпоху исторіи, — гадать не будемъ. Моя задача заключалась лишь въ томъ, чтобы обнаружить недостаточность упрощенныхъ лозунговъ мобилизованнаго общественнаго мнѣнія при разрѣшеніи тѣхъ сложнѣйшихъ проблемъ, которыя ставитъ передъ нами современный міровой кризисъ. И, резюмируя все выше сказанное, я не могу не отмѣтить, что либеральное крыло идейнаго блока, несмотря на всю скудость его

позиціи, находится все же въ условіяхъ, несравненно болѣе благопріятныхъ, чѣмъ крыло марксистское.

Буржуазія заслуживаетъ упрека лишь въ томъ, что она, умышленно упрощая свои лозунги, поддѣлывается подъ психологію обывательской массы, вмѣсто того, чтобы поднимать эту послѣднюю до себя, до пониманія своихъ дѣйствительныхъ, имперіалистическихъ задачъ. Проповѣдуя съ этою цѣлью принципы права и справедливости въ ихъ классически упрощенномъ видѣ, либералы еще не отрекаются отъ себя, отъ своихъ основъ, а только впадаютъ въ нѣсколько наивный атавизмъ.

Положеніе марксистовъ гораздо тяжелѣе. Съ марксистской точки зрѣнія, „простыхъ законовъ права“ не существуетъ не только въ международныхъ, но и въ межчеловѣческихъ отношеніяхъ. По марксистской теоріи, всякое право есть сложный продуктъ соціальной борьбы, выраженіе соціальнаго господства, осуществляемаго властью, выдѣленной изъ общества и стоящей надъ нимъ. Такимъ образомъ, о правѣ въ международныхъ отношеніяхъ нельзя говорить уже по одному тому, что здѣсь нѣтъ власти, стоящей надъ отдѣльными національно-государственными индивидуумами.

Но, скажутъ мнѣ, фраза о „простыхъ законахъ“ — и какъ разъ въ примѣненіи къ международнымъ отношеніямъ — принадлежитъ самому Марксу, она взята изъ классическаго марксистскаго документа, изъ знаменитаго „Манифеста“. Если бы она даже и принадлежала Марксу, это все же ничуть не подрывало бы того несомнѣннаго факта, что она стоитъ въ кричащемъ противорѣчіи съ общимъ духомъ марксова ученія; марксизмъ не религіозная секта, признающая боговдохновеннымъ каждое слово учителя; даже и самъ Марксъ могъ обмолвиться неловкой фразой. Но хуже всего то, что фраза эта вовсе не принадлежитъ Марксу. По его собственному признанію, онъ вынужденъ былъ вставить нѣсколько словъ о правдѣ и справедливости въ видѣ уступки прудонистамъ, участвовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ партіи, отъ имени которой выпускался „Манифестъ“.

Что же сказать о виднѣйшихъ теоретикахъ марксизма, которые въ поискахъ теоретическаго обоснованія своей позиціи, смогли найти во всѣхъ произведеніяхъ Маркса только одинъ единственный подходящій текстъ, да и тотъ завѣдомо не принадлежащій Марксу!

Не о такихъ ли людяхъ сказано въ писаніи: „и препояшетъ тебя другой, и поведетъ, куда не хочешь“. И не правъ ли былъ Ромэнъ Ролланъ, сказавъ по поводу смерти нѣмецкаго марксиста, добровольца германской арміи, Франка: „ces hommes qui n'ont pas le courage de mourir pour leur foi, ont celui de mourir pour la foi des autres“.

В. Базаровъ.

НАРОДЪ И МУЗЫКА.

Неискусство.

— Оживленной человѣкъ шевелится, а искусство все на одномъ мѣстѣ...

— Ты про что, про какое „искусство“?

— Да вотъ — статуй, ременныя уши...

— Почему же „ременныя“?

— Ну, хучь, чугунныя — все одно, статуй!

Помолчавъ, мой собесѣдникъ въ объясненіе добавилъ:

— Это у насъ по деревнѣ ругаются такъ: „статуй, ременныя уши“...

Случайно завязавшаяся у памятника первопечатнику бесѣда обѣщала стать столь значительной, что была перенесена въ чайную на Лубянкѣ... разстались мы уже позднимъ вечеромъ.

Мои выводы: слово „искусство“ не содержитъ въ себѣ для мужика ни крохи чарующаго смысла, вложеннаго въ него нашимъ искусственнымъ городскимъ языкомъ: никакія восторженныя „прилагательныя“ къ нему неприложимы, какъ само оно не приложимо ни къ чему для крестьянина цѣнному, — искреннее, глубокое чувство, убѣжденное и убѣдительное слово, простая, задушевная пѣсня — всему этому „искусство“ противополагается, какъ „оживленному“ человѣку — „статуй, ременныя уши“.

Быть можетъ, дѣло просто въ смѣшеніи, по безграмотности, понятій искусства и искусственнаго? Если хотите, да, въ смѣшеніи, но совсѣмъ не по безграмотности. Скорѣе безграмотны мы сами въ сопоставленіи понятій „искусство“ и „народъ“, въ опредѣленіи деревенскихъ пѣсенъ, наигрышей, плясокъ и пр., какъ народнаго искусства: такового нѣтъ и быть не можетъ, какъ нѣтъ и не можетъ быть „народнаго спорта“, поскольку говоримъ не о дѣтскихъ играхъ и забавахъ... Ужели „атлетика“ — каторжный трудъ бурлака? Ужели „произведеніе искусства“ — неизмѣнно ему сопутствующая, въ потѣ лица рожденная „Дубинушка“?

— Чай, она живая — пѣсня-то!.. — съ обидою въ голосѣ отвѣтилъ мой собесѣдникъ на вопросъ: искусство ли — пѣсня?

Такъ: пѣсня народная не искусство, ибо она живая.

Городъ, преизобилующій всяческими почтенными искусствами, давно забылъ о неискусствѣ: давно отзвучалъ послѣдній отзвукъ живой пѣсни (и пѣсни ли только?) въ „плѣну каменномъ“... а что, если это здоровое деревенское неискусство — единое на потребу?

Не въ прокъ.

Чужое добро — всегда, отцовское богатство — въ иныхъ случаяхъ — такъ гласитъ народная мудрость.

Кто мы? Нерадивые ли наслѣдники, хищники ли попросту — трудно рѣшить: только втуне для насъ по сей день сокровища духа народнаго, обиліе плодовъ его творчества. Непосильная мнѣ задача — повѣдать читателю въ цѣломъ печальную и долгую повѣсть о томъ, какъ на пути въ очаги культуры живое, стихійное нѣкогда, народное творчество стало „художественнымъ“ — искусствомъ: даже въ предѣлахъ музыкальныхъ цѣлую книгу можно написать о „колыбельной“; о пути ея изъ крестьянской избы, отъ люльки на скрипучемъ оцѣпѣ — до „эстрады“ съ превращеніемъ попутно въ „аріетту — berceuse“, распѣваемую „лирическимъ теноромъ“ передъ тысячеголовымъ младенцемъ почтеннаго возраста и о снѣ (въ концертномъ-то залѣ!) отнюдь, конечно, не мечтающемъ...

Распались звенья великой жизненной цѣпи: „волшебная и безцѣльная игра звуковъ“ — вотъ современный „идеалъ“ музыкальнаго творчества; всякую попытку внести въ него жизненный смыслъ клеймятъ „варварствомъ“. Есть опредѣленная „статья музыкально-критическаго кодекса“, объявляющая даже поиски какого-либо „внѣ музыкальнаго“ смысла какой-либо „сонаты“ — тягчайшимъ преступленіемъ, этимъ, будто бы, искажается „авторское“ заданіе. „Кодексъ“ весьма послѣдователенъ: подъ рубрикою „тягчайшихъ“ значится еще одно преступленіе — непосредственность творчества: выступить не съ готовыми „сочиненіями“, не съ прошлымъ своей души, но съ ея „сегодня“ не рѣшится ни одна „звѣзда первой величины“... такъ и не узнать намъ, могъ или не могъ импровизировать Скрябинъ, можетъ ли — Рахманиновъ, Прокофьевъ? О „Гофманахъ“, не имѣющихъ за душою ничего своего, всю жизнь питающихся чужими вдохновеніями, поневолѣ, повторяющихъ чужіе зады — уже совсѣмъ не говоримъ: тѣ лишь посредники, „интерпретаторы“. Вотъ творцы непонятны: ужели боятся критики? Или сама критика мудра по-лисьи, объявляя преступнымъ то, чего попросту „зубъ нейметъ“, находя для себя и другихъ утѣшеніе въ сочетаніи незрѣлости съ оскоминой? На то, по крайности, похоже: вѣдь въ ряду „тягчайшихъ“ — оба коренныхъ неотъемлемыхъ, другъ друга обусловливающихъ свойства народнаго пѣсеннаго творчества: его глубокая — до синтеза — жизненность и непосредственность...

За послѣднія десятилѣтія наблюдается знаменательное: отъ

ученыхъ изслѣдователей народное творчество переходитъ къ широкимъ художественнымъ кругамъ, коими заимствуется и усваивается безъ разбору и толку все — не токмо „содержаніе", но и самый языкъ, при чемъ способы заимствованія подчасъ воистину беззаконные и не караются лишь по причинѣ безымянности источниковъ. Почему же не прилипаетъ къ намъ въ столь близкомъ общеніи зараза той, „двуединой преступности", почему ускользаетъ отъ насъ самое существо неисскусства, почему не идетъ намъ въ прокъ обильное питаніе его соками? Отвѣтъ напрашивается самъ собою: потому, что мы не усваиваемъ, но присваиваемъ, не пріумножаемъ, но расточаемъ попусту и „наслѣдственныя", и „благопріобрѣтенныя" сокровища. Вотъ бы гдѣ у мѣста карающая „статья музыкально-критическаго кодекса"...

Но ея не имѣется.

О „проблемѣ системы".

Самый больной вопросъ художественной современности, который, несмотря на усердное толкованіе его вкривь и вкось, донынѣ пребываетъ въ недоумѣнномъ видѣ и зачаточномъ состояніи. Ищутъ способовъ сліянія раздѣльно-живущихъ искусствъ — воедино и не находятъ: недостижимыми образцами стоятъ передъ неудовлетвореннымъ взоромъ — народный обрядъ, древнее богослуженіе; даже безтолковая сутолока жизни кажется иной разъ нѣкіимъ стройнымъ совершеннымъ „произведеніемъ" рядомъ съ „достиженіями синтетическаго искусства"...

Не пересадить ли языкъ въ ушную раковину, а улитку въ глазъ во имя „синтеза"? Быть можетъ, „оперированному" такимъ образомъ музыканту удастся создать первую на землѣ „геніальную оперу"? Таковъ въ сущности своей современный подходъ къ роковой „проблемѣ". Вспомнимъ, однако, весьма простое: ни ухо, ни глазъ, ни носъ, — ни порознь, ни въ совокупности не представляютъ еще собою человѣка, онъ при ихъ помощи лишь общается съ внѣшнимъ міромъ, ощущенія же его претворяются въ представленія о жизни внѣ самихъ органовъ чувствъ: не ухо слышитъ, но человѣкъ. Такъ же точно выходитъ за предѣлы раздѣльныхъ искусствъ, перерастаетъ ихъ — желанный плодъ ихъ сліянія: не „искусствомъ" будетъ онъ, но именно неискусствомъ. Нужно что-то живое, одухотворенное. Великое нужно, чтобы искусства растворились въ этомъ Великомъ, утратили свое нынѣ почти никчемное „художественное" бытіе; и, какъ сложный растворъ, составленный изъ несродныхъ-химически тѣлъ распадается при испареніи на раздѣльно-кристаллизующіеся осадки, такъ распалось на составныя части и единое неискусство, когда испарилась живая вода, его организовавшая.

Духъ мертвъ: нужно ли удивляться тому, что, „имѣя уши", трупъ не слышитъ?

Въ деревнѣ еще не изсякъ извѣчный источникъ „живой воды“: общинный духъ, проникающій бытовую и трудовую жизнь крестьянина, пережитки деревенскихъ вѣрованій, воплощенные въ полуязыческіе-полухристіанскіе обряды — вотъ тѣ „растворители“, коимъ обязаны мы сохранившимися тамъ доселѣ на зависть намъ образцами „недосягаемаго“: собиратели пѣсенъ единогласно свидѣтельствуютъ, что запись словъ безъ пѣнія никогда не удается — „запамятовалъ“ мужикъ слова и все тутъ; а запѣлъ — „сами пришли“...

Думается, и бурлакъ на отдыхѣ не помнитъ свою „дубинушку“: запоетъ зря — кости по памяти затрещатъ, — какой ужъ тутъ отдыхъ! Все у дѣла: коли причитанья — такъ и слезы, коли плясъ — такъ и смѣхъ, коли весна, такъ и „веснянки“...

Трудно быть прорицателемъ: на какихъ путяхъ и скоро ли обрѣтемъ мы утраченное, несомнѣнно лишь, что одинокій починъ, хотя бы и одареннѣйшей творчески личности безсиленъ возродить то начало, ту сущность, животворное дыханіе коей воскреситъ „мертвеца“. Доколѣ сама жизнь не придетъ намъ на помощь, — надъ уровнемъ забавы, „времяпрепровожденія“, нашимъ художественнымъ зрѣлищамъ не подняться, ибо въ плоти своей искусства несліянны.

Самобытность.

Однимъ изъ наиболѣе ходкихъ опредѣленій русской народной пѣсни, съ которымъ носятся у насъ, словно съ писаной торбой, является заманчивое и увлекательное словечко — самобытный... Легко сказать! но тотъ, кто захотѣлъ бы въ необъятномъ пространствѣ Россіи указать точку наибольшого сгущенія этого „качества“ русской пѣсни, оказался бы въ весьма затруднительномъ положеніи: можно безъ труда представить себѣ, сколь тщетно боролся бы онъ съ искушеніемъ... ткнуть перстомъ въ свой собственный уѣздъ.

На всей землѣ не найти другого народа, въ который столь-же насильственно внѣдрялись бы заморскія блага и цѣнности. Трижды за тысячелѣтіе перекочевывалъ нашъ стольный градъ, и съ каждой стоянки его уносили мы съ собою лишь „пріятное воспоминаніе“ о нѣкоей существенной долѣ былой истинной самобытности: въ Кіевѣ схоронили мы самобытныхъ боговъ, Москва — въ итогѣ упорной борьбы съ удѣлами — подрѣзала корни не менѣе самобытному вѣчу, Петербургу обязаны мы упраздненіемъ... не токмо самобытной внѣшности, но и многаго иного. Словомъ — на каждую изъ столицъ по одной внушительной „прививкѣ“, по одному киту самобытности въ современномъ намъ толкованіи „основъ“, сирѣчь: православія, самодержавія и народности. Какъ и слѣдуетъ поэтому ожидать, удаляясь къ окраинамъ, мы все чаще сталкиваемся съ пережитками древлей, исконней само-

бытности: въ пѣсняхъ и обрядахъ далекаго Сѣвера живутъ до сего дня нѣкогда утопленные въ Днѣпрѣ языческіе боги, закрѣпощенный Москвою югъ — все еще бредитъ волею и „казацкимъ устройствомъ"; нужно ли говорить о незначительной площади круга, дѣйствительно н а с к в о з ь пропитаннаго духомъ петровскихъ „реформъ"? Сложность и вычурность „діаграммы" возрастаетъ тѣмъ пуще, что приходится еще учесть и вліянія коренныхъ и пришлыхъ инородцевъ: гдѣ-нибудь на дальнемъ Дону рядомъ съ „Дончакомъ" (казацкій Добрыня) и „Муровцемъ", вдругъ, ни къ селу бы ни къ городу, всплываетъ въ пѣснѣ „Индрикъ звѣрь", либо... Александрушка „Миркидонскій", да еще въ такой „самобытной" обстановкѣ, что только руками разведешь. Вотъ подлинная запись:

„Ай согрѣшила нонича дѣвка красная
Передъ Господомъ —
„Породила-бы себѣ дѣвка красная
Дитя малава,
„Што тово-то бы дитя Александрушку
Миркидонскава
„Сы тово-то бы стыда дѣвка красная
Съ граду вонъ пошла"...

Ходила она „по чистомъ полю" ровно три года и носила Александрушку за плечьми. На четвертый годъ „наѣхалъ" на нее добрый молодецъ и сталъ разспрашивать „которова она роду-племеня"?

Вотъ ея отвѣтъ:

„Какъ я роду-то была, дѣвка красная
Крестіянскава
„Какъ и батюшка былъ й-у дѣвицы мене
„Володимиръ-князь,
„Какъ и матушка была й-у дѣвицы мене
Княжеская дочь"...

Итакъ? Незаконнымъ внукомъ Красному Солнышку Македонскій приходится?...

„Злы татаровья", гроза женъ и матерей давно минувшихъ вѣковъ, донынѣ на устахъ баюкающей дитя казачки... и это опять-таки тѣмъ болѣе непонятно, что мирныя татарскія слободки густо разсѣяны тутъ-же между казачьими хуторами...

Кольми паче эта уйма безконечно-разнообразныхъ вліяній сказывается на ладовомъ складѣ пѣсни, на ея звуковомъ обличьѣ! Конечно, всѣ эти вліянія своеобразно претворены въ славянской крови, но, строго говоря, итогъ ихъ иной в ъ к а ж д о м ъ у ѣ з д ѣ... и вотъ этою-то у ѣ з д н о ю с а м о б ы т н о с т ь ю мы и кичимся, какъ „національною". Для самой пѣсни такой выводъ нисколько не уничижителенъ — и слава Богу, что такъ съ нею

обстоитъ дѣло, а не иначе; что же до „національныхъ композиторовъ“ (съ новоявленнымъ Оленинымъ вкупѣ) — тѣмъ хуже для нихъ, если они сумѣли увлечься пустопорожнею „идеею“ призрачнаго „націонализма“: грядущее „слѣдствіе“, несомнѣнно, вскроетъ и „уѣздные“ лики ихъ „національныхъ мелодій“, и какая-нибудь „цѣльная, самобытная русская опера“ окажется подъ перомъ должнымъ образомъ вооруженнаго изслѣдователя пестрѣе африканскаго попугая...

Дѣятели.

Сколь легко затвердить ставшее общимъ мѣстомъ опредѣленіе „національной культуры“, какъ „продукта климатическихъ, ‚гео,— этно, — и прочихъ условій жизни“ даннаго народа, столь трудно, повидимому, сознательно приложить это опредѣленіе къ частнымъ явленіямъ, и сдѣлать изъ него правильные и всесторонніе выводы: въ предыдущемъ — ясный тому примѣръ... Куда существеннѣе, однако, тѣ роковыя недоразумѣнія, которыя рождаются на той же почвѣ при‘ неучетѣ *классовыхъ* особенностей культурнаго развитія. Сколько нынче говорятъ и пишутъ объ „искусствѣ для всѣхъ“, сколько дѣятелей (отъ В. В. Андреева до Сѣровой включительно) занято своеобразнымъ „хожденіемъ въ народъ“, кто съ балалайкой, кто съ Глинкой — не въ сортѣ товара дѣло, а въ полномъ непониманіи „дѣятелями“ того, *что* ими „дѣется“. Совсѣмъ не задумываются они надъ тѣмъ, сколь жалокъ даже высококультурный горожанинъ въ роли учителя музыки въ деревнѣ, гдѣ еще не разучились мыслить и выражать свои думы и чувства „по-своему“, обходясь безъ *цитатъ* изъ Канта, Гете, Бетховена, гдѣ еще умѣютъ „играть пѣсни“ не „по нотамъ“, а „душевно“, ибо неиссякъ еще въ этихъ людяхъ, какъ въ насъ, живой источникъ творческой фантазіи, не народилось еще „профессіональное искусство“ избранныхъ, оставляющее неизбраннымъ лишь *пассивную роль* слушателя и зрителя... Извѣстный изслѣдователь русскихъ народныхъ пѣсенъ Ю. Мельгуновъ такъ иллюстрируетъ эту мысль:

„Соберутся пять-шесть мужиковъ, одинъ затянетъ пѣсню, другіе подпоютъ, и выходитъ удивительно складно,— пригласите вы нѣсколько патентованныхъ професоровъ музыки, умудренныхъ въ контрапунктическихъ тонкостяхъ, попросите ихъ затянуть русскую пѣсню и послушайте, что у нихъ выйдетъ: ни одинъ профессоръ не въ состояніи подпѣть крестьянскому хору, чтобы не попортить его“...

А вотъ другое, не менѣе убѣдительное свидѣтельство собирателя казачьихъ пѣсенъ на Дону А. Листопадова:

„Нѣкоторая привычка пѣсенниковъ къ нотному пѣнію въ полкахъ отразилась на чистотѣ напѣвовъ тѣхъ старинныхъ пѣсенъ изъ записанныхъ нами ранѣе, которыя они пѣли по нашей просьбѣ, — введеніемъ чуждыхъ ихъ звукорядамъ интерваловъ. То же самое должно сказать о пѣсенникахъ, участвующихъ любителями въ церковныхъ хорахъ... въ

станицахъ Есауловской одинъ изъ пѣсенниковъ, поющій басомъ въ хорѣ, положительно уродовалъ пѣсни своими церковными каденціями съ терціей въ заключительномъ аккордѣ, такъ что мы вынуждены были вскорѣ удалить его, несмотря на то, что это былъ пѣсенникъ далеко незаурядный: остальные четыре товарища его и тѣ замѣчали ему, что онъ „по-новому" поетъ и „только пѣсню ломаетъ"... Отъ себя я еще прибавлю, вспомните, какъ поетъ „хоромъ" наша городская культурная молодежь, и не только студенчество, но и семинаристы, у которыхъ музыкальность культивирована многими поколѣніями путемъ „естественнаго отбора"— стыдно слушать! — а съ нотами въ рукахъ тѣ же бездарные, повидимому, пѣсенники становятся образцовыми хористами. Подобное же превращеніе талантливыхъ пѣсенниковъ въ геніальныхъ даже хористовъ (а это все, чего мы могли бы достичь въ смыслѣ музыкальной культуры въ деревнѣ) — отнюдь не желательно, ибо ни одинъ композиторъ не достигъ еще того идеала хоровой музыки, гдѣ каждый реальный голосъ, каждая „партія" была бы законченнымъ мелосомъ, и „генеліальному" хористу... не къ чему пока свой геній приложить.

Въ „Дневникѣ" Л. Толстого (20/XII, 96 г., п. 17) читаемъ: „Кромѣ того, что даровитѣйшіе люди изъ народа подкупами переманивались въ лагерь паразитовъ, причиной уничтоженія народной поэзіи и музыки были: сначала закрѣпощеніе народа, а потомъ, самое главное — книгопечатаніе" (курсивъ мой, А. А.). Сопоставляю съ этимъ мысли Ибсена („Богатырскія пѣсни и ихъ значеніе для искусства"): „Повидимому, устная передача — единственная форма, въ которой пѣсенное творчество можетъ свободно развиваться и обновляться..." „въ печати богатырскія пѣсни выходятъ какими-то старыми и поблекшими, даже старомодными, если угодно; въ устахъ же народа богатырская пѣсня не имѣетъ возраста"... „Но все-таки можно лишь радоваться тому, что пѣсни эти записаны... время народнаго поэтическаго творчества отошло, а когда лѣту конецъ, тогда и засушенная коллекція растеній лучше, чѣмъ ничего"... „разъ нѣтъ насущной потребности въ продолженіи творчества... отдѣльныя произведенія... уподобляются уже срѣзаннымъ цвѣтамъ, поставленнымъ въ стаканѣ съ водою: они, повидимому, могутъ еще продержаться свѣжими нѣкоторое время, но жизненная нить въ нихъ уже перерѣзана, способность размноженія у нихъ отнята. Пѣсенное творчество было плодомъ избытка поэтическихъ силъ народа, впредь же оно можетъ быть для народа лишь предметомъ знанія".

Статья Ибсена, относящаяся къ 1857 году, повидимому, осталась неизвѣстною Л. Н., между тѣмъ, Ибсенъ здѣсь какъ какъ бы развиваетъ именно эту, отмѣченную мною въ „Дневникѣ", мысль.

Въ цитируемыхъ мною отрывкахъ много спорнаго, но основное положеніе безусловно вѣрно: въ примѣненіи къ моей темѣ оно по-

лучаетъ такую форму: когда въ народъ проникнутъ **печатныя** ноты, смерть русской народной пѣсни тѣмъ самымъ будетъ предрѣшена... что же сказать о „дѣятеляхъ", идущихъ навстрѣчу этому мрачному событію съ легкимъ сердцемъ и радужными надеждами? Ужели по-христіански простить имъ—„не вѣдаютъ бо, что творятъ"?

„Частушка".

Вы долгихъ не пойте пѣсенъ —
Довольно коротенькихъ,
Старыхъ бабъ вы не любите —
Довольно молоденькихъ...

Всмотритесь, вслушайтесь: здѣсь все характерно — и форма, и содержаніе; выводы сдѣлаемъ сейчасъ богатѣйшіе. Во-первыхъ, это несомнѣнная уже **санкція** народомъ своей новой пѣсни: свершилось, — состарѣлась („вѣчно-юная") „долгая" красавица, на смѣну ей пришла „коротенькая — молоденькая". Какъ создалась она? Подъ неизмѣнно убогій аккомпаниментъ балалайки и гармоники — это ясно, какъ день. За это говоритъ и ея собственное музыкальное убожество, ея безнадежный ритмическій и гармоническій шаблонъ. Методически она все же еще борется съ навязанной ей „культурой": хорошій пѣвецъ еще умудряется вопреки готовымъ „аккордовымъ" басамъ гармоники и „темперованнымъ" ладамъ балалайки вести старинную „подголосочную" мелодическую линію, увертливую, замысловатую, непостижимую для культурнаго музыканта и неукладывающуюся ни въ какую „систему нотописанія", но все же это уже предсмертная борьба: **ритмъ** — эта подлинная **душа** пѣсни, уже побѣжденъ,— частенькая уже неизмѣнно „дѣлится на 4", какъ выразился недавно о музыкѣ Скрябина одинъ московскій критикъ.

И это разительно: всесильный шаблонъ, это роковое клеймо всякой культуры, уловилъ въ свои сѣти даже Скрябина, а теперь вотъ и „частенькая" пошла по той же торной тропкѣ. Состарѣвшаяся „долгая" до послѣдняго умѣла отстоять себя: тамъ, гдѣ она еще сохранилась, она до нашихъ дней обладаетъ свойствами, приближающими ее къ „первоначальнымъ" числамъ: разложить ее на „простыхъ множителей" (провести внутри ея **симметрическія** тактовыя черты) до сихъ поръ никому не удавалось; и система тоновъ, на которой она мелодически и гармонически развивалась, не умѣщалась въ фортепіанную клавіатуру (Скрябинъ, увы! — умѣстился...); приходилось создавать новую, да и не „клавіатуру", а кое-что посложнѣе; а теперь на нашихъ глазахъ народу прививается система тоновъ, уже цѣликомъ **изжитая** въ музыкальномъ „искусствѣ", гдѣ передовыя группы вступили уже въ безпощадную борьбу съ ложью „темперацiи" и „мажоро-минорнымъ" шаблономъ: съ какою надеждою взоры всѣхъ, искренне

любящихъ музыку, устремлены сейчасъ на деревню, какъ жадно молодая научная теорія музыки ищетъ опоры, повѣрки своихъ выводовъ въ интуитивныхъ достиженіяхъ крестьянина — въ наши дни почти единственнаго обладателя неисковерканнаго музыкальнаго слуха, единственнаго носителя завѣтовъ старика-Баяна — и все это грозитъ рухнуть. Какое характерное явленіе: учиться у народа идутъ ученые, а учить его... мягко выражаясь... „автодидакты“...

Музыкальную цѣнность частушки приходится, такимъ образомъ, цѣликомъ отринуть. Эта новая форма пѣсни сохраняетъ лишь (въ лучшихъ своихъ образцахъ) цѣнность литературную: яркая, пересыпанная драгоцѣнными афоризмами и мѣткими образами рѣчь крестьянина находитъ въ ея лаконичной, афористической структурѣ форму для своего неискусственнаго выраженія. Правда, и въ этой грани ея та же роковая „квадратность“, та же „дѣлимость на 4“. Такъ ли это плохо въ литературѣ, какъ въ музыкальной формѣ, — судить не берусь.

Орфеизмъ и вакхизмъ.

Среди современныхъ музыкантовъ-творцовъ обращаетъ на себя вниманіе цѣльностью своего художественнаго credo — В. Ребиковъ, писатель, справившій уже свой 25-лѣтній юбилей, но пока еще мало извѣстный широкой публикѣ. Мнѣ хочется, не вдаваясь въ критику, просто послѣдовательно развернуть передъ читателемъ его міровоззрѣніе, въ которомъ демократическое начало проведено въ высокой мѣрѣ послѣдовательно и глубоко оригинально. Я его противопоставляю всѣмъ тѣмъ ложно-демократическимъ дѣятелямъ, о которыхъ рѣчь была выше.

Убѣжденный „толстовецъ“ въ музыкѣ, написавшій на всемъ своемъ творчествѣ девизъ: „Музыка — языкъ чувствъ“, онъ проводитъ его въ жизнь неуклонно, иной разъ чудовищно-упрямо, вопреки самой стихіи звука, ея законамъ, ея логическимъ принципамъ...

Попытаюсь говорить его собственными словами, насколько это позволитъ мнѣ память.

„Однажды я спросилъ мужика: „любишь ли ты музыку?“ — „Нѣтъ, баринъ, — я не пьющій...“ былъ отвѣтъ, — вотъ гдѣ разгадка всего. Музыка играетъ въ жизни человѣчества колоссальную роль: въ моменты религіознаго экстаза — и хмѣльного угара; въ братоубійственной сѣчѣ — и за мирнымъ трудомъ; въ часы безысходной тоски — и безумнаго веселья человѣкъ равно обращается къ звукамъ, ищетъ въ нихъ откровенія, забвенія, мужества, утѣшенія, радости, слезъ... и находитъ — всегда находитъ, все находитъ. Не значитъ ли это, что въ средства музыкальнаго выраженія заложены самыя противоположныя возможности?

Съ другой стороны, — можно ли *тѣми же* средствами поддержать и мистическій экстазъ и пьяный оргіазмъ? Не примѣнить ли дуалистическую гипотезу — души и тѣла — къ музыкѣ? Не признать ли за музыкальными звуками внутреннюю, духовную красоту, независимую отъ внѣшней, физической? Не раздѣлить ли средства музыкальнаго выраженія на двѣ группы: возбуждающія человѣка чувственно, органически, и вызывающія дѣятельность высшихъ, сверхчувственныхъ эмоцій человѣческой души?

Обращаясь къ эзотерическому преданію, мы находимъ въ религіозныхъ культахъ древней Греціи удивительный символъ, отвѣчающій намъ образно на поставленные вопросы.

Вакхъ-Діонисъ: ему поклонялись жрецы боговъ солнечнаго цикла въ уединенныхъ храмахъ, вѣнчавшихъ собою скалистыя вершины горъ суровой Ѳракіи. Одѣтые въ бѣлыя льняныя ткани, въ вѣнкахъ изъ миртъ и кипариса, въ яркихъ лучахъ восходящаго солнца, подъ звуки священныхъ гимновъ отдавались они мистическому поклоненію „небесному Вакху-Діонису, символу Божественнаго Духа, сердце котораго, вырванное Минервой у растерзавшихъ его Титановъ и вознесенное на небо, превратилось въ пылающее Солнце". Это — орфическія мистеріи Діониса, культъ, созданный великимъ посвященнымъ Греціи — Орфеемъ, творцомъ священныхъ мелодій, укрощавшимъ звуками своей семиструнной лиры дикихъ звѣрей, воздвигавшимъ музыкою своею величественные храмы — „ибо камни при ея звукахъ сами приходили въ движеніе".

Кровожадныя, сладострастныя жрицы Луны, „тройной Гекаты", *вакханки* поклонялись тому же... Вакху-Діонису, но въ ихъ мрачныхъ, кровавыхъ оргіяхъ, происходившихъ подъ покровомъ ночи въ лѣсныхъ чащахъ при свѣтѣ факеловъ, подъ сладострастные звуки вакхическихъ плясокъ, Вакхъ являлся въ образѣ двуполаго подземнаго чудища съ головою быка — ему приносились человѣческія жертвы...

Трудно представить себѣ болѣе контрастные культы, связанные съ именемъ одного и того же божества, — и музыка, игравшая въ ритуалѣ обоихъ культовъ первостепенную роль, не столь же ли была контрастна?"

Изъ этого сопоставленія орфическихъ мистерій и вакхическихъ оргій взялъ Ребиковъ свою образную терминологію: музыкальный *Орфеизмъ* и музыкальный *Вакхизмъ,* пѣсни *духа* и пѣсни *крови.*

Плавно льющаяся „красивая" мелодія, „пульсирующій" ритмъ, „фугированный контрапунктъ", какъ результатъ ритмической „имитаціи" музыкальной фразы другимъ голосомъ или инструментомъ — „все это *отъ вакханокъ*" — говоритъ Ребиковъ: цѣль, достигаемая всѣми этими средствами — внѣшняя красота, физіологически возбуждающая человѣка, — это неотъемлемые элементы „пѣсни крови" — это служеніе барабанной перепонкѣ, мускульному чувству,

половой сферѣ человѣка, чему угодно, только не его духу — все это отъ вакханокъ...

„А что *отъ Орфея?* — спрашиваетъ онъ дальше... и оставляетъ вопросъ открытымъ, ибо „тайна внутренней, духовной силы звуковъ еще не выяснена — этимъ не занимались... Съ тѣхъ поръ какъ европейская музыка ушла отъ народныхъ истоковъ и лона церкви — она неуклонно идетъ и развивается въ сторону вакхической красоты; вся „теорія музыки" оставляетъ вопросъ Ребикова, „что отъ Орфея" — также открытымъ, надъ орфическимъ началомъ не задумывался еще ни одинъ „теоретикъ", нужно идти по этой новой стезѣ, довѣряясь лишь интуиціи, искать отвѣта въ своемъ талантѣ.

И Ребиковъ нашелъ этотъ отвѣтъ, порвавъ съ принципомъ *обязательной* красоты музыки во имя правды музыкальнаго выраженія, сбросивъ съ себя многовѣковый гнетъ музыкальной формы, онъ фиксируетъ въ звукахъ мимолетныя настроенія, движенія души, жизненныя картинки иной разъ съ недосягаемою правдивостью и такою простотою, что глубокій синтезъ его искусства легко принять за умышленную небрежность, эскизность творчества...

И потому искусство Ребикова дѣйствительно глубоко демократично. Объясняя пышный расцвѣтъ вакхической музыки экономическими и соціальными факторами, указывая исторически, что весь нашъ классицизмъ выросъ на меценатствѣ (Гендель, Глюкъ, Гайднъ, Моцартъ — вынуждены были почти всю жизнь забавлять сильныхъ міра сего и писать по заказу)... „чего изволите" создало цѣлую эпоху музыкальнаго творчества...

Но „теперь не до забавъ": надо служить не барабанной перепонкѣ, а духу человѣка, чтобы онъ сталъ многограненъ, и засверкалъ бы всѣми цвѣтами спектра чувствъ и настроеній, и не былъ бы простымъ алмазомъ, годнымъ лишь для рѣзки стеколъ. Музыка — не забава въ звуковыя бирюльки и не постройка изъ звуковыхъ кирпичей. Четырехъ-этажныя зданія съ надписями: „звучащее", „скоро", „умѣренно" etc, конечно, очень интересны, такъ же какъ, напримѣръ, „ледяной домъ": все сверкаетъ, все блещетъ... конфетка позолочена, — но въ этомъ ли задача, это ли для *духа творческаго* талантливаго человѣка? Не сверканіе топазовъ звуковыхъ и брилліантовъ теперь нужно, а будить *живую душу* живыхъ людей; не забавлять „почтеннѣйшую публику", а давать ей духовную пищу...

Этимъ все сказано: отсюда и *обязательная программность* музыки Ребикова, и спущенный занавѣсъ, и полутемный залъ — вся будто бы „странность" обстановки его „вечеровъ настроеній". — Я не хочу забавлять васъ, почтеннѣйшая публика, — говоритъ всѣмъ этимъ Ребиковъ, — ни своимъ видомъ, ни своею музыкой, ни торжественною обстановкой „концерта" — сидите и слушайте, а не разсматривайте меня и другъ друга; я же не вижу васъ, не слышу

вашихъ апплодисментовъ, не знаю, зѣваете вы тамъ, спите, или внимательны; много васъ или залъ пустъ — и я остаюсь свободнымъ, я не спрошу у васъ „чего изволите", ибо не знаю, что вамъ нравится, что не нравится; играю то, что хочу играть, — пишу то, что хочу писать...

„Обязательная программность", полное отрицаніе звуковъ ради звуковъ, и красоты во имя правды, жизненности, до конца проведенный принципъ реализма, и реализма „орфическаго", волнующаго *духъ*, но *не кровь* — это тотъ предѣлъ искусства, за которымъ оно станетъ уже *неискусствомъ*, и будетъ принято даже „непьющимъ" мужикомъ: съ одной стороны, оно упраздняетъ роковой для „непосвященнаго" вопросъ: „соната, чего ты хочешь отъ меня?" — ибо отказывается отъ искусственныхъ формъ, съ другой стороны — имѣетъ содержаніемъ своимъ „пробужденіе лирою добрыхъ чувствъ" и тѣмъ должно стать надолго „любезнымъ народу"...

Какъ жаль, что художникъ съ такимъ міровоззрѣніемъ — не первоклассный геній: онъ могъ бы творить чудеса!

Итоги.

„Противъ теченія" — безспорно героическій девизъ. Тѣмъ не менѣе, слѣдовать ему, не учтя заранѣе своихъ силъ, значитъ обречь себя на возможность безплодной гибели. Художникъ, либо теоретикъ искусства, избравшій себѣ путеводной звѣздой идеалъ, противорѣчащій общему устремленію жизненнаго потока, тѣмъ самымъ отказался-бы отъ радости приближенія къ идеалу, непрестанно уносимый могучими волнами все вдаль и вдаль... безнадежное зрѣлище!

Пріобщеніе Россіи къ капиталистическимъ формамъ народнаго хозяйства рѣшило судьбу русской деревни: она пойдетъ по общекультурному пути, съ его неизбѣжною тенденціей къ обособленію профессіональныхъ группъ, разложенію общиннаго быта, паденію религіозныхъ вѣрованій. И тотъ, кто вздумалъ бы строить зданіе будущаго на этомъ разлагающемся фундаментѣ, рано или поздно былъ бы раздавленъ своими же „кирпичами" — и подѣломъ. Если я отстаиваю неприкосновенность формъ народнаго творчества отъ „нашествія культурныхъ варваровъ", то лишь потому, что глубоко вѣрю въ жизненность ихъ, вѣрю въ то, что способность къ непосредственному творчеству присуща намъ и понынѣ, что она не утрачена нами въ культурномъ развитіи навѣки, но лишь подавлена всесильнымъ шаблономъ, этимъ неизбѣжнымъ зломъ, всякою культурою порождаемымъ. Такъ-же не вѣрю я (и въ данномъ случаѣ не только не вѣрю, но и знаю), что огрубѣніе музыкальнаго слуха, вызванное постояннымъ общеніемъ съ приблизительными звукоотношеніями при двухсотлѣтнемъ гос-

подствѣ въ музыкѣ „равномѣрной темперации“ — **непреодолимо**, что нельзя путемъ раціональнаго **воспитанія** вернуть слуховому аппарату былую чуткость, и тѣмъ расширить, обогатить художественныя возможности творчества и воспріятія.

И потому я говорю: **великое счастье**, что неудовлетворенность „шаблонами“ наступила въ **насъ** раньше, чѣмъ успѣлъ изсякнуть въ **народѣ** послѣдній запасъ жизнетворческой энергіи, не поглощенной нашимъ „шаблономъ“. Признавъ снова за благо нѣкогда отринутыя нами формы художественнаго творчества, мы находимъ ихъ въ народѣ нашемъ **еще живыми**, и на образцахъ народнаго творчества мы можемъ вновь научиться владѣть ими. Случись иначе — а это можетъ случиться при неразумномъ массовомъ **насильственномъ „окультуреніи“** деревни — путь къ обрѣтенію забытыхъ даровъ былъ бы безмѣрно тяжелъ. Лишь музыкантъ-творецъ можетъ по достоинству оцѣнить эту тягость: прозвучала передъ нимъ неслыханной красоты и непонятнаго склада мелодія, приковала къ себѣ фантазію, а отраженія въ его творческой жизни не находитъ — не даетъ приступить къ себѣ близко, внѣдриться въ себя, ибо является плодомъ какихъ-то чуждыхъ привычному звуковому мышленію началъ... Преодолѣніе „ультрахроматическихъ сферъ“ современными музыкальными творцами являетъ тому разительный примѣръ. Звуковой „импрессіонизмъ“, отсутствіе логики въ послѣдованіяхъ звуковъ и гармоній, подыскиваніе „звуковыхъ пятенъ“, кое-какъ отвѣчающихъ искомому „настроенію“, — пятенъ, несвязанныхъ воедино и рѣжущихъ утонченный слухъ внутреннею дисгармоніей — вотъ роковые плоды „исканій“ въ потемкахъ. И этотъ „затяжной кризисъ“ угрожалъ бы продлиться на цѣлое столѣтіе, если бы не живое еще донынѣ **неискусство** крестьянина. Прилежное изученіе его формъ, рядомъ съ теоретическими изысканіями во всеоружіи современнаго научнаго знанія, совмѣщеніе народной **интуиціи** и культурной **эрудиціи** позволяетъ надѣяться на скорый переломъ, за которымъ послѣдуетъ быстрое выздоровленіе „больного“, — или, если хотите, даже „воскресеніе мертвеца“. Такого отношенія къ народному творчеству, основаннаго на глубокомъ пониманіи его исторической роли въ данный моментъ, я не вижу у современныхъ „просвѣтителей“ деревни, — не вижу и у большинства музыкантовъ-творцовъ. Послѣдніе, снимая „сливки“ съ него, подносятъ намъ въ качествѣ фабриката изъ своей неумѣло оборудованной лабораторіи прогорклое масло, смѣшанное съ маргариномъ и иными суррогатами; первые пытаются разболтать этотъ негодный продуктъ въ снятомъ уже „молокѣ“, думая такимъ нелѣпымъ способомъ возмѣстить утраченныя ими составныя части. Вотъ почему и намъ „не въ прокъ“, и народу во вредъ современная форма взаимообщенія: классовыя перегородки слишкомъ крѣпки и неодолимы, мы слишкомъ далеко разошлись по разнымъ путямъ, чтобы **непосредственный об-**

мѣнъ „художествами“ былъ возможенъ и плодотворенъ. Пора взглянуть серьезно на неотложныя задачи, отъ своевременнаго и правильнаго разрѣшенія которыхъ зависятъ судьбы и нашего искусства и народнаго неискусства. Дошедшая уже до насъ изъ деревни „вакхическая“ частушка — угрожающій симптомъ: нѣкій слой „молока“ уже скисся, очевидно, подъ вліяніемъ маргариновой закваски... — тѣмъ хуже для обѣихъ сторонъ.

И „орфическое“ начало, несомѣнно присущее музыкѣ русскаго народа, вырождается не по причинѣ утраты имъ нѣкоей призрачной самобытности... вѣдь на пути общекультурнаго прогресса такая „утрата“ неизбѣжна... А его надо бы поберечь.

Арсеній Авраамовъ.

РУССКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА О ПРОИСХОЖДЕНІИ ВОЙНЫ.

Съ первыхъ же недѣль войны началась теоретическая работа надъ выясненіемъ причинъ и цѣлей невиданнаго въ исторіи международнаго столкновенія. Градомъ посыпались статьи, сборники, монографіи, стремившіяся — каждая на свой ладъ — освѣтить вопросы: для чего мы воюемъ, каково происхожденіе войны, кто ея виновники, и каковы будутъ ея послѣдствія. Въ этой работѣ приняла довольно дѣятельное участіе и наша русская публицистика. И само собой разумѣется, что сколько-нибудь интересные результаты дала здѣсь работа нашей передовой, прогрессивной, если угодно — „лѣвой“ журналистики и „лѣвыхъ“ общественныхъ группъ, руками и умами которыхъ какъ-никакъ творится досель русская культура. Во всякомъ случаѣ, въ этой работѣ — не въ примѣръ полной безплодности „правыхъ“ — есть, что отмѣтить, надъ чѣмъ поразмыслить и въ чемъ... усомниться.

Мы взглянемъ на то, что дала до сихъ поръ наша серьезная публицистика для выясненія причинъ и историческаго происхожденія войны*. При этомъ мы сразу и рѣшительно отбросили всю словесную „юридическую надстройку“, всѣ формальные поводы и предлоги, вродѣ убійства австрійскаго наслѣдника, весь ходъ дипломатическихъ сношеній, обмѣнъ нотами и телеграммами, закулисныя и демонстративныя заявленія, всѣ слова, сказанныя для изъясненія и для сокрытія мыслей, съ прямымъ или косвеннымъ, съ явнымъ, тайнымъ или темнымъ смысломъ, достовѣрныя или сомнительныя, всѣмъ уже извѣстныя и еще никому, кромѣ вершителей судебъ, невѣдомыя. Все это могло бы послужить точнымъ описаніемъ условій возникновенія войны; въ лучшемъ случаѣ это могло бы указать перваго „зачинщика“ катастрофы, того „героя“, который „бросилъ спичку въ пороховой погребъ“. Но вѣдь ясно, что все это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія при серьезномъ углубленіи въ историческій смыслъ событій. Не отъ копеечной же

---

* Цѣли воюющей Россіи въ пониманіи нашихъ „лѣвыхъ“ („оппозиціонныхъ“) круговъ я разсматривалъ въ брошюрѣ: „Наши лѣвыя группы и война“, Петроградъ. 1916 г.

свѣчки, въ самомъ дѣлѣ, сгорѣла Москва. И не мудрено, что сейчасъ, черезъ полтора года, этотъ споръ гоголевскихъ героевъ о пріоритетѣ уже мало кого интересуетъ и рѣшительно никого не удовлетворяетъ.

Мало того, — прошло время и такихъ, напр., объясненій по Иловайскому, какое можно заимствовать изъ статьи г. Слонимскаго, напечатанной въ юбилейной книгѣ „Вѣстника Европы": „официальная Германія, опираясь на непомѣрное развитіе своихъ вооруженныхъ силъ, рѣшила подчинить себѣ Европу и занять господствующее положеніе среди государствъ и націй культурнаго міра. Германскій милитаризмъ, доведенный до крайняго напряженія, прорвался наружу въ страшной катастрофѣ — въ столкновеніи милліонныхъ армій, снабженныхъ самыми усовершенствованными разрушительными орудіями... Такая постановка вопроса, — справедливо заключаетъ г. Слонимскій, — не удовлетворяетъ стремящихся отыскать болѣе глубокія причины изучаемыхъ явленій". Правда, съ другой стороны, г. Слонимскаго не удовлетворяютъ и ссылки на общій ходъ историческаго развитія, сдѣлавшій неизбѣжной все-европейскую войну... Нельзя, — говоритъ онъ,—„не принять во вниманіе, что въ одной только Германіи проповѣдуется принципіальная необходимость войны... Ни въ какой другой странѣ не раздѣляется эта прусско-германская точка зрѣнія, и нѣтъ ни малѣйшаго основанія навязывать ее другимъ народамъ и государствамъ, въ видѣ общаго правила, вытекающаго будто бы изъ законовъ исторіи. Нельзя же предполагать, что эти законы извѣстны только высокопоставленнымъ германскимъ честолюбцамъ и солидарнымъ съ ними льстивымъ публицистамъ, оставаясь недоступными пониманію такихъ просвѣщенныхъ націй, какъ французы и англичане"... Въ результатѣ, г. Слонимскій приписываетъ возникновеніе войны тому „своеобразному сочетанію германскаго индустріализма съ прусскимъ милитаризмомъ, какое представляетъ собою современная Германія *.

Однако, и такое объясненіе, въ свою очередь, не удовлетворяетъ „стремящихся отыскать болѣе глубокія причины". Такіе публицисты и ученые склонны аппелировать именно къ тѣмъ самымъ „законамъ исторіи", которые такъ некстати мѣшаютъ г. Слонимскому искать желѣзнаго виноватаго **. Война, — пишетъ Э. Д. Гриммъ, — „создана не легкомысліемъ или коварствомъ кабинетовъ, а всѣмъ ходомъ европейскаго развитія послѣднихъ десятилѣтій, всѣмъ складомъ экономической жизни Европы и характеромъ международной политики всѣхъ европейскихъ государствъ"; нѣмецкая же міровая политика „является лишь неизбѣжнымъ отраженіемъ общеевропейской экономической политики".

---

* См. „Вѣстникъ Европы", № 12 за 1915 г., „Споры о причинахъ войны", стр. 345.

** См. тамъ же, стр. 340.

Говоритъ это, въ сущности, единомышленникъ г. Слонимскаго; притомъ міровую катастрофу г. Гриммъ склоненъ толковать какъ „стихійно-неизбѣжную“ вооруженную борьбу между германскимъ и славянскимъ міромъ; по какимъ „законамъ исторіи“ должна была возникнуть эта „борьба міровъ“ — намъ неизвѣстно; да и простой перечень народовъ, участвующихъ въ борьбѣ съ той и съ другой стороны, легко разсѣетъ туманъ этого „расоваго“ толкованія конфликта. — Но если мы оставимъ въ сторонѣ единомышленниковъ г. Слонимскаго — представителей россійскаго націоналъ-либерализма съ ихъ „стихійно-неизбѣжными“ славянофильскими „эмоціями“, если мы захотимъ отыскать истинные корни и пружины мірового столкновенія, — то намъ, конечно, не обойтись безъ дѣйствительныхъ „законовъ исторіи“ и безъ изслѣдованія „объективнаго хода вещей“. Вполнѣ правъ г. Слонимскій, что при такихъ условіяхъ „всѣ наши нападки на реальныхъ виновниковъ войны теряютъ всякій разумный смыслъ“. И понятно, что его это совсѣмъ не устраиваетъ: „виновный“ — это сукъ, на которомъ сидятъ всѣ его единомышленники при обоснованіи своихъ „военныхъ“ позицій. Но насъ не должно смущать отсутствіе реальнаго объекта „патріотической“ ненависти: политическая агитація не входитъ въ нашу задачу. Мы попытаемся sine ira et studio разсмотрѣть тѣ объективныя условія, изъ которыхъ возникла война. А вмѣстѣ съ тѣмъ мы постараемся оцѣнить тѣ выводы, къ какимъ пришли наиболѣе серьезные наши изслѣдователи по вопросу о происхожденіи переживаемой катастрофы.

* * *

... „Въ вопросѣ о томъ, чѣмъ вызвана нынѣшняя война, не можетъ быть и рѣчи о существенномъ значеніи факторовъ субъективныхъ и случайныхъ. Она является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ закономѣрнаго развитія мірового хозяйства и неизбѣжнымъ результатомъ экономическихъ противорѣчій и національныхъ антагонизмовъ, заключающихся въ современномъ міровомъ хозяйствѣ. Вотъ почему основныя и главныя причины — экономическія причины“. Такъ пишетъ г. В. А. Мукосѣевъ, авторъ одной изъ наиболѣе обстоятельныхъ русскихъ работъ о причинахъ войны. Приведенная формулировка, конечно, еще не скрываетъ въ себѣ никакого объясненія: для этого она слишкомъ обща и формальна. А вмѣстѣ съ тѣмъ она, какъ видимъ, крайне „фаталистична“; она не указываетъ не только на существованіе какихъ-либо субъективныхъ виновниковъ войны, но и на бо́льшую или меньшую заинтересованность, на болѣе активную или болѣе пассивную роль, назначенную волею судебъ отдѣльнымъ странамъ, въ развитіи „національныхъ антагонизмовъ“ и въ возникновеніи войны.

Чтобы поставить вопросъ на практическую почву, надо разсмотрѣть, во-первыхъ, какія же именно стороны, черты, свойства

современныхъ экономическихъ отношеній послужили источникомъ политическаго столкновенія; а во-вторыхъ, какія именно націи-государства могли считать для себя войну наименьшимъ зломъ и раціональнымъ средствомъ при достиженіи желательныхъ нормъ экономическихъ взаимоотношеній. Въ чемъ сущность національныхъ экономическихъ антагонизмовъ и для кого именно было выгодно купить извѣстныя національно-экономическія блага цѣной невиданной въ исторіи войны? Такъ слѣдуетъ понимать вопросъ о происхожденіи и о виновникахъ катастрофы. При этомъ надо замѣтить, что война есть, безспорно, чрезвычайное, крайнее средство; это, безспорно, наивысшая цѣна, какую только можетъ уплатить нація-государство за желательныя блага; слѣдовательно, среди воюющихъ государствъ неизбѣжно имѣются такія, для которыхъ методъ войны является не только раціональнымъ, но единственнымъ способомъ обезпечить для нихъ необходимыя нормы бытія...

Сущность современныхъ экономическихъ антагонизмовъ между націями-государствами, въ двухъ словахъ и въ грубыхъ чертахъ, сводится къ слѣдующему. Капитализмъ, возникшій на почвѣ „переворота въ средствахъ производства", на почвѣ революціи въ области техники, по существу своему никогда не замыкался въ національно-государственныхъ рамкахъ. Правда, нельзя сказать, чтобы капитализмъ всегда нуждался въ иноземныхъ „сферахъ вліянія", какъ въ необходимомъ условіи своего существованія и развитія. Но онъ всегда стремился расширить свой рынокъ, не взирая на государственныя перегородки, и всегда добивался этого политическими средствами — въ частности, вооруженной рукой. Уже сто лѣтъ тому назадъ въ этихъ цѣляхъ проливалъ рѣки крови вѣрный слуга молодой французской буржуазіи, Наполеонъ. Въ тѣхъ же цѣляхъ, подъ давленіемъ нашего зачаточнаго полу-дворянскаго капитализма, предпринимала наша государственная власть свои турецкіе и персидскіе походы въ николаевскую эпоху. Успѣхъ этихъ войнъ сулилъ огромныя выгоды и пышное процвѣтаніе капиталистической индустріи.

Но прошелъ рядъ десятилѣтій, и для европейскаго капитализма наступилъ иной періодъ. Міровой рынокъ, захватъ все новыхъ и новыхъ „сферъ вліянія" сталъ для капитализма передовыхъ странъ уже не вопросомъ выгодъ и сказочныхъ барышей, а вопросомъ жизни, вопросомъ дальнѣйшаго „здороваго" существованія. — Нынѣ мы, какъ извѣстно, живемъ въ новой фазѣ капитализма, — въ эпоху чрезвычайнаго развитія капиталистическихъ монопольныхъ организацій, картелей, синдикатовъ, за которыми стоятъ банковые концерты, превращающіе свой денежный капиталъ въ промышленный. Для современной высшей стадіи капитализма характерны именно трестированная промышленность и питающій ее финансовый капиталъ, ея фактическій собственникъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этой высшей стадіи капиталистическаго разви-

тія, ни одна передовая страна уже безусловно не можетъ поглотить тѣхъ огромныхъ массъ капитала, которыя накоплены въ ней. Безъ внѣшнихъ рынковъ, денежныхъ и товарныхъ, весь хозяйственный механизмъ странъ передового капитализма немедленно пришелъ бы въ негодность: вся жизнь такой націи-государства — или немедленно пришла бы въ крайній упадокъ на почвѣ своего рода остраго малокровія, или была бы, среди „великихъ потрясеній", преобразована на совершенно новыхъ основаніяхъ, характерныхъ не для капитализма, а для иного общественнаго строя. Внѣшній рынокъ — совершенно необходимая атмосфера современнаго капитализма. А потому политика, свойственная самой природѣ финансоваго капитала, есть и м п е р і а л и з м ъ... „Политика финансоваго капитала, — пишетъ его знаменитый изслѣдователь Руд. Гильфердингъ, — преслѣдуетъ троякаго рода цѣли: во-первыхъ, созданіе возможно болѣе обширной хозяйственной территоріи, которая, во-вторыхъ, должна быть ограждена отъ иностранной конкуренціи таможенными стѣнами и такимъ образомъ должна превратиться, въ-третьихъ, въ область эксплоатаціи для національныхъ монополистическихъ союзовъ". Расширеніе хозяйственной территоріи, т. е. пріобрѣтеніе новыхъ земель и колоній, даетъ національному капитализму сырье, товарные рынки и новыя сферы его приложенія; включеніе этихъ земель въ таможенный союзъ вытѣсняетъ иностранную конкуренцію и создаетъ ту же „благопріятную обстановку", какую послушная государственная власть уже создала на родинѣ.

Понятно, что чѣмъ дальше, тѣмъ большее значеніе для передовыхъ странъ имѣетъ экспортъ к а п и т а л а; по мѣрѣ накопленія капитала вообще, по мѣрѣ превращенія его въ финансовый капиталъ, промышленный экспортъ начинаетъ играть относительно меньшую роль въ міровомъ обмѣнѣ; сферы вліянія все въ большей степени пріобрѣтаются для ссуднаго капитала и для приложенія капитала въ мѣстахъ экспорта. Это есть специфическій методъ финансоваго капитала: имъ наиболѣе легко и прочно захватываются новыя области и подчиняются монопольному господству національныхъ финансовыхъ группъ.

Однако, все это совершенно не значитъ, что промышленный экспортъ утрачиваетъ свое огромное самостоятельное значеніе, что борьба за т о в а р н ы е рынки уже не имѣетъ рѣшающаго значенія для внѣшней политики государствъ. Ниже мы будемъ имѣть случай иллюстрировать обратное. При этомъ необходимо отмѣтить, что въ борьбѣ за внѣшніе товарные рынки, за колоніи и „сферы вліянія" — совершенно особую роль играетъ м е т а л л у р г и ч е с к а я синдицированная промышленность. Несомнѣнно, что многія колоніи передовыхъ странъ не имѣютъ никакого значенія, какъ рынки сбыта, для многихъ отраслей промышленности. И совершенно правильны нерѣдкія указанія, что колоніальная политика этихъ

странъ „не оправдывается“ — съ точки зрѣнія большинства промышленныхъ отраслей и всего національнаго хозяйства. Указанія эти относятся къ государству, какъ таковому, и къ націи въ ея цѣломъ; но они не относятся къ стальнымъ и чугуннымъ королямъ, неотдѣлимымъ отъ финансоваго капитала. Для нихъ проникновеніе въ отсталыя страны-государства, какъ и захватъ пустынныхъ земель, населенныхъ дикими, не „потребляющими“ племенами, — всегда будетъ выгодно и необходимо. И оно всегда будетъ стоить любыхъ жертвъ и любыхъ затратъ: ибо эти жертвы и затраты какъ разъ и суть ихъ доходы и выгоды. Для нихъ источникомъ жизни является всякая колоніальная политика, и при томъ не столько результатъ ея (всегда сомнительный), сколько ея самый процессъ: отъ колоніальныхъ расходовъ, отъ неудачъ, отъ авантюръ и войнъ — раззоряются народы и государства, теряютъ различныя другія отрасли промышленности и „короли“; но металлургическая индустрія всѣмъ этимъ попреимуществу питается и живетъ. Финансовый капиталъ проникаетъ въ отсталую страну въ видѣ ссудъ подъ огромные проценты; эти ссуды, помимо процентовъ, должны послужить отсталой странѣ рессурсами для колоссальныхъ заказовъ у ссудившей страны — заказовъ на продукты ея металлургіи: рельсы, паровозы, суда, броненосцы, пушки. Но тотъ же финансовый капиталъ и самостоятельно организуетъ постройку тысячеверстныхъ дорогъ черезъ африканскія пустыни, черезъ Сирію, Персію и т. п.; ни для другихъ отраслей его отечественной индустріи, ни для всего народнаго хозяйства, ни для мѣстныхъ потребителей, ни для кого вообще эти дороги часто не нужны и ничего не сулятъ, кромѣ колоссальныхъ расходовъ. Но онѣ питаютъ національныя группы желѣзно-дорожныхъ и банковыхъ королей, — этого довольно, чтобы онѣ строились. Онѣ сулятъ, однако, не только колоссальныя затраты, а и международныя столкновенія: ибо свои „короли“, съ тѣми же интересами и съ той же властью, имѣются и въ другихъ странахъ передового капитализма. Соперники и столкновенія? Но тѣмъ лучше. Вѣдь къ международнымъ вооруженнымъ конфликтамъ надо готовиться. Для защиты страны и націи надо вооружаться какъ можно лучше и не жалѣть никакихъ средствъ. И та же металлургическая индустрія, тѣ же „короли“ поглощаютъ львиную долю всего колоссальнаго военно-морского бюджета передовыхъ странъ. Т. е. здѣсь же лежитъ источникъ не только современнаго имперіализма, но и современнаго милитаризма.

Итакъ, „экономическія противорѣчія и національные антагонизмы“ суть антагонизмы интересовъ національныхъ группъ, связанныхъ съ финансовыми и, въ частности, съ металлургическимъ капиталомъ. Но вѣдь имперіализмъ, колоніальная политика и ростъ вооруженій — все это дѣла и функціи государства. Все это вѣдаютъ не какія-либо частныя группы, а государственная власть и ея органы? Совершенно вѣрно. Но дѣло въ томъ, что сама современная госу-

дарственная власть есть функція національнаго финансоваго капитала. Руководители концертовъ и трестовъ суть въ полномъ смыслѣ этого слова господствующія группы, обладающія всей полнотой государственной власти въ передовыхъ странахъ Зап. Европы. — И если государство нѣкогда исполняло тѣ или иныя общенаціональныя задачи; если оно не такъ давно обслуживало интересы болѣе или менѣе обширныхъ общественныхъ классовъ, — то нынѣ современное государство наиболѣе передовыхъ европейскихъ странъ уже есть аппаратъ финансово-синдикатской національной олигархіи...

Однако, все это лишь бѣглыя предварительныя замѣчанія. Непреодолимое стремленіе современнаго капитала въ чужія и все новыя земли, а также и конкуренція національныхъ капиталистическихъ группъ еще совершенно недостаточны сами по себѣ для вооруженнаго конфликта между передовыми странами Европы; возникновенія всеевропейской войны все вышеизложенное еще совершенно не объясняетъ. Отъ конкуренціи національныхъ капиталовъ до вооруженнаго столкновенія государствъ еще очень далеко. Для конфликта имперіализмовъ необходимо, чтобы свободное „хозяйственное расширеніе“ было уже невозможно; чтобы запасъ новыхъ, вакантныхъ земель и рынковъ экспорта былъ уже исчерпанъ; чтобы дальнѣйшее развитіе національныхъ имперіализмовъ могло уже происходить только за счетъ себѣ подобныхъ. — Такъ ли это въ дѣйствительности?

До 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія стремленіе молодого европейскаго капитализма къ колоніальнымъ захватамъ и „подчиненіямъ“ отсталыхъ странъ проявлялось довольно слабо. Очень медленно колонизовались африканскія побережья и дальневосточные острова. Сравнительно вяло и робко наступалъ капитализмъ Европы на Ближній Востокъ, на Японію, Китай и другія внѣевропейскія области. Еще было достаточно простора для размежеванія и „свободной торговли“ съ экзотическими странами. — Съ 80-хъ годовъ въ колоніальной политикѣ произошелъ крутой переломъ. Началась захватная горячка, и въ нѣсколько лѣтъ между странами „старой культуры“ были подѣлены огромныя территоріи, цѣлыя страны и континенты. Къ этому времени завоевательная политика въ предѣлахъ самой Европы уже стала почти невозможной. А между тѣмъ потребность въ „расширеніи хозяйственной территоріи“ стала давать себя знать съ небывалой до того остротой. И немудрено, что въ началѣ XX столѣтія мы видимъ уже весь міръ захваченнымъ и размежеваннымъ. „Свободныхъ“ земель и странъ нынѣ уже нѣтъ. И расширеніе хозяйственной территоріи теперь дѣйствительно возможно только за счетъ другого государства. — О распредѣленіи колоній между европейскими странами даютъ понятіе слѣдующія цифры:

	Территорія (въ англ. миляхъ) метрополіи:	колоніи:	Во сколько разъ колоніи обширнѣе метрополіи:
Англія	121.633	11.307.415	94,2
Бельгія	11.343	909.654	80,2
Голландія	12.648	736.400	58,2
Франція	207.054	4.986.543	24,2
Португалія	35.490	820.952	23,3
Испанія	110.550	591.230	5,3
Германія	208.780	1.028.820	4,9

Когда Германія вступила на путь колоніальной политики, львиная доля колоніальнаго фонда была уже подѣлена между болѣе старыми націями-государствами. И мы видимъ, что изъ всѣхъ не только первоклассныхъ, но и вообще изъ „колоніальныхъ" странъ она является наиболѣе обдѣленной заморскими землями. Другія передовыя націи успѣли составить „имперіи", территорія которыхъ въ десятки разъ превышаетъ площадь самой родины захватывающаго капитала. Только за періодъ съ 1885 по 1900 г. Англія пріобрѣла земельную площадь въ 4 милл. кв. километровъ съ населеніемъ въ 60 милл. душъ — т. е. пространство, въ 20 разъ превышающее всю Францію съ ея 39 милліоннымъ населеніемъ. — Какъ бы то ни было, нынѣ весь земной шаръ уже „цивилизованъ" и состоитъ изъ „сферъ вліянія" той или иной первоклассной европейской державы. Національнымъ „финансовымъ капиталамъ" дальше расширяться и двигаться некуда — кромѣ какъ другъ на друга. При такихъ условіяхъ „экономическія противорѣчія и національные антагонизмы" неизбѣжно должны были вызвать вооруженный конфликтъ: національнымъ группамъ капиталистовъ не оставалось ничего иного, какъ политическими средствами, вооруженной силой, расширять или защищать свою монополію или свободу конкуренціи на своей или на чужой территоріи. Сдержать или направить въ иныя русла эти стремленія національнаго капитала могли только иныя соціальныя силы внутри каждой страны. Этихъ силъ не хватило, и катастрофа разразилась.

Однако, и это все еще не объясненіе. Пойдемъ еще дальше въ конкретизаціи вопроса. Взглянемъ на отдѣльные національные интересы. — Для какихъ именно національно-капиталистическихъ группъ война являлась раціональнымъ и „послѣднимъ" средствомъ? И стремились ли эти группы „расширить" или „защитить"? И шло ли для нихъ дѣло о монополіи или о равноправіи? И касалось ли это движеніе собственныхъ „сферъ вліянія" или вытѣсненія изъ чужихъ? — Все это уяснить необходимо, если мы хотимъ имѣть правильное и отчетливое представленіе о происхожденіи войны. Теоретически на всѣ эти вопросы мыслимы самыя разнообразныя комбинаціи отвѣтовъ. — Какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности?

* * *

Міровая катастрофа началась тогда, когда германское правительство объявило войну Россіи... Но мы знаемъ, что этотъ фор-

мальный актъ не имѣетъ существеннаго значенія и можетъ быть совершенно не характернымъ ни для генезиса (происхожденія), ни для сущности мірового конфликта. Въ самомъ дѣлѣ, Германія объявила войну Россіи; но своимъ главнымъ врагомъ она съ самаго начала считала Англію, съ которой война началась значительно позже. Вся Германія, воюя на русскомъ и французскомъ фронтахъ, единодушно видѣла въ Англіи первоисточникъ катастрофы, и уличныя толпы нашихъ враговъ распѣвали „патріотическій гимнъ" „Gott strafe England" (Боже, покарай Англію). Конечно, свидѣтельство германскаго общественнаго мнѣнія для насъ еще не убѣдительно: его можно и должно „отвести" въ той части, гдѣ отвѣтственность за войну имъ возлагается на другое государство: но почему отвѣтственность, вопреки внѣшнему ходу событій, взваливается на Англію, а не на Россію? Въ этомъ утвержденіи не можетъ быть особой корысти, и оно теоретически должно быть для насъ довольно интереснымъ, а практически — довольно убѣдительнымъ.

Оно вполнѣ соотвѣтствуетъ и всѣмъ нашимъ предыдущимъ разсужденіямъ; общеевропейская катастрофа возникла отъ столкновенія интересовъ національныхъ группъ, принадлежащихъ къ первокласснымъ странамъ высокаго капитализма. Каковы бы ни были противорѣчія интересовъ всѣхъ воюющихъ націй, каковы бы ни были, въ частности, наши экономическіе антагонизмы съ Германіей, какія бы выгоды ни сулила ей побѣда надъ Россіей, — все же, согласно предыдущему, узелъ и центръ конфликта мы должны искать не въ столкновеніи высоко развитой Германіи съ молодой и отсталой Россіей: мы должны искать его въ столкновеніи конкурирующихъ національныхъ „королей" передового запада — германскаго „міра" съ англо-саксонскимъ въ лицѣ Великобританіи и съ романскимъ — въ лицѣ Франціи.

Такое толкованіе сущности конфликта довольно популярно въ нашей серьезной литературѣ. Интересы другихъ національныхъ группъ и, въ частности, Россіи обыкновенно оцѣниваются, какъ факторы второстепенные и производные. Изъ экономическаго подъема Германіи, — пишетъ г. Мукосѣевъ, — „неизбѣжно вытекалъ конфликтъ интересовъ между Германіей, съ одной стороны, и Англіей и Франціей, съ другой"; конфликтъ этотъ „не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ и, какъ извѣстно, за послѣдніе годы неоднократно ставилъ Европу на край войны"; при этомъ онъ еще „осложнялся тяжкимъ соперничествомъ на Балканахъ между Австріей, союзникомъ и орудіемъ Германіи, и Россіей, которая опиралась на финансовые рынки Франціи и Англіи"*... „Центръ тяжести нынѣшней міровой войны, — утверждаетъ другой видный экономистъ, г. Финъ-Енотаевскій, — слѣдуетъ искать именно въ антагонизмѣ интересовъ Англіи и Германіи. Этотъ антагонизмъ обострилъ до крайности и отношенія Австро-Венгріи къ Сербіи и

* См. сб. „Вопросы міровой войны", П. 1915., стр. 227, курс. мой.

Россіи, что и привело къ войнѣ. Столкновеніе же интересовъ Англіи и Германіи имѣетъ основу въ развитіи современнаго высокаго капитализма"... Вообще, быть можетъ, Н. Череванинъ былъ недалекъ отъ истины даже въ томъ своемъ утвержденіи, что „стало уже извѣстнымъ шаблономъ разсматривать настоящую войну, главнымъ образомъ, сквозь призму столкновенія интересовъ Германіи и Англіи"... Правда, въ послѣдніе годы К. Каутскій (да и многіе другіе) доказывалъ смягченіе экономическихъ противорѣчій между этими двумя странами высокаго капитализма; онъ исходилъ при этомъ изъ „совершившагося факта" окончательнаго дѣлежа міра, изъ окончательнаго юридическаго закрѣпленія сферъ вліянія въ Африкѣ и на востокѣ: но, какъ видимъ, за форму ликвидаціи конфликта онъ выдавалъ именно его необходимую предпосылку; и едва ли вся его аргументація не была создана въ пасифистскихъ видахъ, именно въ противовѣсъ все усиливавшимся крикамъ о неизбѣжности и близости англо-германской войны. Изъ русскихъ экономистовъ П. П. Масловъ какъ будто склоненъ перенести центръ тяжести мірового конфликта въ русско-германскія отношенія; его мнѣнія на этотъ счетъ мы дальше приведемъ. Но во всякомъ случаѣ большинство видитъ источникъ катастрофы въ столкновеніи „высокихъ капитализмовъ" великихъ западныхъ странъ.

Какая же именно сторона была заинтересована въ разрѣшеніи экономическихъ противорѣчій методомъ войны? И какихъ именно конкретныхъ цѣлей стремится достигнуть оружіемъ виновная сторона?

Въ Германіи, какъ мы знаемъ, заинтересованной въ войнѣ стороной всѣ считаютъ Англію. Но и въ нашей публицистикѣ какъ будто не существуетъ двухъ мнѣній на этотъ счетъ; нападающей стороной является Германія... „Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ настоящей войнѣ, несомнѣнно, является Германія, — пишетъ Н. Череванинъ. — Ея воля сыграла рѣшающую роль въ возникновеніи этой войны". „Аггрессивна была за послѣднее десятилѣтіе именно политика Германіи, — подтверждаетъ г. Финъ-Енотаевскій. — Все развивавшееся обостреніе интересовъ Германіи и Англіи побудило послѣднюю къ заключенію ряда соглашеній: съ Франціей, Россіей, Испаніей и Португаліей. Однако, эти соглашенія не заключали военныхъ статей и имѣли защитительный характеръ... Для Франціи соглашеніе съ Англіей, какъ и союзъ съ Россіей, было лишь средствомъ защиты отъ Германіи... Вообще французская внѣшняя политика, по существу своему, была миролюбива... Политика Россіи не была за послѣдніе годы аггресивна по отношенію къ Германіи ни въ Персіи, ни въ Китаѣ, ни даже въ Турціи"*... В. А. Мукосѣевъ оцѣниваетъ въ томъ же смыслѣ роль Германіи, „придерживавшейся принциповъ наиболѣе активной и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе аггрессивной торговой политики".

* См. „Соврем. Міръ" № 10 за 1914 г. „Причины міровой войны".

Но чего же именно добивался національный капиталъ Германіи огнемъ и мечемъ? — Естественно, что въ этомъ вопросѣ мысль экономистовъ шла по линіи наименьшаго сопротивленія: экономическій подъемъ Германіи требовалъ расширенія хозяйственной территоріи; между тѣмъ Германія обдѣлена колоніями и принуждена довольствоваться жалкими объѣдками сосѣдей — странъ болѣе старой культуры; слѣдовательно, Германія стремится силой оружія отнять хоть часть необъятныхъ колоній Англіи и Франціи. „Разбить въ Европѣ, чтобы взять въ Африкѣ". „Чрезвычайный экономическій ростъ Германіи, — пишетъ г. Мукосѣевъ, — фатально поставилъ передъ нею полную опасности и въ то же время полную жизненности проблему колоніальнаго расширенія. И мы видимъ, что необходимость имперіализма въ цѣляхъ дальнѣйшаго развитія германскаго народнаго хозяйства сознавалась представителями различныхъ слоевъ германскаго народа, начиная отъ императора и кончая соціалистами. Однако, въ силу сложившихся условій мірового хозяйства, разрѣшеніе этой проблемы колоніальнаго расширенія Германіи должно было неизбѣжно вызвать великую войну"... „Теперь уже не секретъ, — замѣчаетъ съ своей стороны г. Финъ-Енотаевскій, — что виды на французскія колоніи явились большимъ стимуломъ къ объявленію Германіей войны Франціи".

Дѣйствительно, первыя политическія столкновенія между великими западными государствами происходили изъ-за африканскихъ областей. Согласно мадридскому договору, въ Марокко было объявлено равноправіе интересовъ европейскихъ національностей. Однако, въ 1904 г. Франція, по соглашенію съ Англіей, объявила надъ Марокко свой протекторатъ; на алжезирасской конференціи дѣло кончилось компромиссомъ. Въ 1909 г. произошелъ новый конфликтъ между тѣми же странами на той же почвѣ, а въ 1911 г. — снова. Но совершенно ясно, что конфликтъ „высокихъ капитализмовъ" не исчерпывался ихъ борьбой за африканскія колоніи.

Для Германіи было необходимо „расширить хозяйственную территорію". Въ какомъ направленіи, въ какихъ концахъ міра — это безразлично. Желательно — во всѣхъ направленіяхъ и во всѣхъ концахъ. „Что французская Африка являлась первымъ этапомъ на пути осуществленія Германіей намѣченной ею программы міровой политики — это, по словамъ г. Фина-Енотаевскаго, — было ясно французамъ и англичанамъ. Пріобрѣтеніе въ сѣверной Африкѣ гаваней, имѣющихъ крупное стратегическое значеніе въ Средиземномъ морѣ, было важно Германіи для успѣшной колоніальной политики въ передней Азіи и для ея плановъ на Дальнемъ Востокѣ. Но это было сильнѣйшей угрозой интересамъ Англіи, и потому она усиленно поддерживала Францію въ конфликтѣ съ Германіей". Здѣсь рѣчь идетъ уже не объ Африкѣ, а о знаменитомъ нѣмецкомъ Drang nach Osten (движеніе на востокъ).

Этотъ Drang имѣетъ два развѣтвленія. Одно изъ нихъ, черезъ Балканы, Малую Азію и Месопотамію, — къ необъятнымъ дальневосточнымъ и индійскому рынкамъ. „Достаточно взглянуть на карту Балканскаго полуострова, — пишетъ Г. В. Плехановъ, — чтобы понять, откуда нынѣшняя война... За Австро-Венгріей стояла Германія, добивающаяся экономическаго господства въ Турціи, а особенно въ Малой Азіи. Сербія загораживаетъ ей дорогу къ этой ея цѣли. Германскимъ имперіалистамъ нужно было (посредственно или непосредственно) наложить руку на ту часть желѣзнаго пути Берлинъ-Багдадъ, который проходитъ черезъ Сербію"... *

Совершенно ясно, насколько германскій Drang nach Osten по направленію Берлинъ-Багдадъ противорѣчитъ интересамъ англійскаго капитала. Допустить Германію къ свободному южному океану, открыть ей ближнюю монопольную дорогу въ Китай, рѣшиться на рискованную пробу индійской лояльности передъ лицомъ заигрывающаго съ исламомъ германизма — этого не могла допустить „владычица морей". Но не въ меньшей степени германскіе восточные планы нарушали исконные интересы и права Франціи. Чтобы уяснить себѣ, чѣмъ грозили французскому имперіализму перспективы, связанныя съ Багдадской дорогой, достаточно будетъ сопоставить два слѣдующіе документа. Въ брошюрѣ „La Syrie Française" (Французская Сирія) графъ Крессати такъ излагаетъ французскую „точку зрѣнія" на эту часть азіатской Турціи: „отъ Карла Великаго до нашихъ дней Франція всегда разсматривала Сирію, какъ свое моральное достояніе, и охраняла сирійскій народъ своимъ материнскимъ покровительствомъ... Сирія имѣетъ громадное значеніе для Франціи... Кромѣ правъ дипломатическихъ, религіозныхъ и политическихъ, Франція имѣетъ на Сирію еще другія права, вытекающія изъ ея преобладающаго вліянія въ области экономической, промышленной и моральной. Франція имѣетъ тамъ 709 километровъ рельсоваго пути, ей принадлежитъ трамвай между Бейрутомъ и Мальмезомъ. Она имѣетъ концессію на Райакъ-Лидія... Франціей построена дорога Бейрутъ-Дамаскъ, она имѣетъ въ Сиріи шелковыя фабрики, химическіе заводы и владѣетъ значительными земельными участками... Словомъ, съ точки зрѣнія промышленной и финансовой она занимаетъ въ Сиріи первое мѣсто"... **

А вотъ проекты Германіи. Еще въ 1899 году Deutsche Bank выступилъ съ грандіознымъ планомъ монополизаціи всѣхъ набережныхъ Оттоманской имперіи и захвата желѣзныхъ дорогъ. Deutsche Zeitung въ октябрѣ 1899 г. такъ изъясняла историческій смыслъ этого проекта: „послѣ того, какъ всѣ набережныя будутъ скуплены нѣмцами, мы введемъ тарифъ, который положитъ конецъ всякой не-германской конкуренціи. Мы соединимъ всѣ желѣзныя дороги и набережныя

* См. „О войнѣ", стр. 63. Петр. 1915.

** Цит. по ст. А. Лозовскаго, см. „Лѣтопись", дек. 1915 г.

въ одинъ нѣмецкій трестъ подъ контролемъ Deutsche Bank. Желѣзныя дороги будутъ перевозить только нѣмецкіе товары. Такимъ образомъ, Турція превратится въ нѣмецкую колонію" *. Комментаріи излишни...

Но не только на Дальнемъ Востокѣ, въ Индіи и въ азіатской Турціи нарушались англо-французскіе интересы при устремленіи германскаго капитала къ Персидскому заливу. Вѣдь путь туда лежитъ черезъ Балканы, гдѣ помѣщено не меньше 4 милліардовъ одного только французскаго капитала. А кромѣ того здѣсь Германія, а еще больше союзница ея Австрія, сталкивалась съ новымъ конкурентомъ — съ Россіей. „Конфликтъ между Австріей и Россіей, — по мнѣнію г. Мукосѣева, — такъ же не могъ быть разрѣшенъ мирнымъ путемъ, какъ и конфликтъ франко-англійской коалиціи съ Германіей. Стремленіе Австріи занять Салоники и утвердиться на торговыхъ путяхъ Россіи къ Средиземному морю столь же было для Россіи экономически невыгодно, какъ для Франціи и Англіи было экономически опаснымъ стремленіе Германіи утвердиться въ Африкѣ и захватить торговые пути изъ Средиземнаго моря на востокъ". Дѣйствительные интересы нашей родины, ея роль и мѣсто въ настоящей войнѣ мы спеціально разсмотримъ въ дальнѣйшемъ. Но во всякомъ случаѣ безспорно, что „хозяйственное расширеніе" Германіи и имперіализмъ Австріи столкнулись на Балканахъ не только со странами высокаго капитализма, но и съ молодымъ капитализмомъ могущественной восточной державы.

Таковы условія и таковы послѣдствія германскаго Drang nach Osten по юго-восточному направленію. Но нужда въ „расширеніи хозяйственной территоріи" заставляетъ германскій имперіализмъ не въ меньшей степени устремляться и прямо на востокъ, на россійскіе рынки. Здѣсь Германія имѣетъ дѣло съ Россіей уже не какъ съ субъектомъ, а какъ съ объектомъ имперіализма. Но, во-первыхъ, на этой почвѣ она сталкивается съ тѣми же Англіей и Франціей: эти страны кровно заинтересованы въ томъ, чтобы необъятная Россія была объектомъ приложенія ихъ собственнаго, а не германскаго капитала, мѣстомъ ихъ собственнаго, а не германскаго промышленнаго экспорта. А во-вторыхъ, молодой капитализмъ Россіи вовсе не хочетъ быть объектомъ и, естественно, противопоставляетъ наступательнымъ планамъ Германіи всю свою наличную силу. „Въ отношеніяхъ къ Россіи, вызвавшихъ войну, — пишетъ П. П. Масловъ, — Германіей руководило стремленіе измѣнить таможенную политику въ свою пользу, превратить Россію въ колонію путемъ измѣненія таможенныхъ пошлинъ, уничтоженія въ ней промышленности и т. д."... Собственно, „далѣе" идти уже некуда и

---

* Цит. по книгѣ М. Павловича „Великіе жел.-дор. и морскіе пути будущаго". П. 1913, стр. 38.

не нужно: если цѣли Германіи таковы, то этого уже достаточно для объясненія ея войны съ Россіей. Таковы условія и результаты германскаго Drang nach Osten по восточному направленію; о нихъ мы поговоримъ подробно, когда будемъ спеціально обсуждать интересы Россіи.

Вообще же мнѣніе, господствующее въ нашей наиболѣе серьезной литературѣ относительно „виновной стороны" и ея „движущихъ силъ", можно было бы резюмировать словами того же П. П. Маслова: „Изъ приведеннаго анализа экономическихъ причинъ войны ясно, что вызванная господствующими классами Германіи, ея аггрессивной политикой, она не вызывалась народными интересами... Въ Германіи, которой принадлежитъ иниціатива войны, населеніе было, повидимому, введено въ заблужденіе германскимъ правительствомъ... Стремленіе Германіи къ политической гегемоніи диктовалось стремленіемъ уничтожить сохранявшуюся до сихъ поръ торговую гегемонію Англіи, съ ея свободой торговли, замѣнить эту гегемонію своей, опирающейся въ торговыхъ договорахъ и въ опредѣленіи государственныхъ границъ на остріе меча"... Но „германскіе правящіе круги, посѣявши вѣтеръ, пожали бурю: стремясь „открыть двери" для своихъ товаровъ, они вызвали войну, которая не только охватила земной шаръ, но и приняла характеръ самозащиты различныхъ народностей"...* Или, согласно формулировкѣ П. Н. Милюкова, — „объясненіе (войны) въ двухъ словахъ состоитъ въ томъ, что Германія явилась послѣдней въ семью великихъ европейскихъ державъ и во что бы то ни стало хотѣла измѣнить въ свою пользу отношенія, сложившіяся до нея. На языкѣ германскихъ націоналистовъ это значило — заявить претензію на „мѣсто подъ солнцемъ". Такъ какъ всѣ лучшія мѣста были заняты, то этотъ лозунгъ равнялся приглашенію по адресу сосѣдей — потѣсниться, чтобы дать мѣсто пришельцу"**.

Въ результатѣ, передъ нами довольно законченное логически и довольно убѣдительное фактически объясненіе происхожденія войны. Нельзя сказать, что оно, — въ томъ видѣ, въ какомъ оно изложено на предыдущихъ страницахъ, — было дано цѣликомъ кѣмъ-либо изъ нашихъ изслѣдователей: одни изъ нихъ переносили центръ тяжести своей аргументаціи въ одно, другіе — въ другое; одни устремляли вниманіе и подчеркивали тѣ явленія, о которыхъ забывали или которыя затушевывали другія. Но если бы мы сдѣлали экстрактъ изъ всего наиболѣе цѣннаго, сказаннаго у насъ о причинахъ войны, то мы получили бы, на мой взглядъ, именно вышеизложенное объясненіе. Формула его, въ двухъ словахъ, можетъ быть выражена такъ. Экономическій ростъ великихъ передовыхъ странъ, вступившихъ въ стадію финансоваго капитала и монополь-

---

* См. брош. „Экономическія причины войны", М. 1915 г.

** См. „Ежегодникъ Рѣчи" на 1915 г. „Происхожденіе войны", стр. 2.

ныхъ промышленныхъ организацій, требовалъ чрезвычайнаго расширенія хозяйственной территоріи для приложенія національнаго капитала и промышленнаго экспорта; въ противоположность первоклассным странамъ болѣе старой культуры, Англіи и Франціи, — болѣе молодой, но не менѣе сильный германскій капиталъ уже не имѣлъ въ своемъ распоряженіи достаточно свободныхъ территорій въ странахъ первобытной культуры и незанятыхъ „сферъ вліянія" въ отсталыхъ государствахъ, служащихъ объектомъ имперіализма для передовыхъ странъ; германскій „національный" капиталъ могъ расширять поле своего господства только за счетъ областей, уже закрѣпленныхъ за собой капиталомъ другихъ націй; при такихъ условіяхъ германскому капиталу было необходимо „открыть" для себя чужія области или же отнять ихъ у другихъ націй — политическимъ принужденіемъ, т. е. военной силой; поэтому, германская государственная власть, послушная національному капиталу, въ союзѣ съ Австро-Венгріей, имѣющей свои мѣстные и локализированные имперіалистскіе интересы, объявила войну странамъ тройственнаго согласія.

* * *

Таково, я бы сказалъ, „послѣднее слово" о причинахъ войны, которое можно формулировать на основаніи полуторагодовой работы нашей передовой и наиболѣе серьезной публицистики... Конечно, такого рода объясненіе (оставляя въ сторонѣ самую его формулировку) надо признать высоко квалифицированнымъ. У него никакъ нельзя отнять стремленія „смотрѣть въ корень". Но и нельзя сказать, что оно дѣйствительно обнажило передъ нами корни явленія, что въ немъ все ясно и безспорно. Думается, что какъ разъ посреди объясненія зіяетъ огромный и крайне важный пробѣлъ, который необходимо заполнить, чтобы объясненіе это не потерпѣло самаго серьезнаго ущерба. Пробѣлъ этотъ, примѣнительно къ Германіи, какъ главному дѣйствующему лицу и иниціатору, зіяетъ какъ разъ между экономическими предпосылками и военно-политическими выводами.

Въ самомъ дѣлѣ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что германскій капиталъ, на его современной соціальной основѣ, не можетъ существовать безъ расширенія поля своего господства; несомнѣнно и то, что добиваться этого господства онъ можетъ только за счетъ странъ согласія. Но этого еще не достаточно для вывода, что данное „положеніе обязываетъ" его къ военно-политическому отвоеванію условій для своего роста и процвѣтанія. Для такого вывода необходимо установить, что безъ нѣкоего новаго политическаго status'a, который Германія стремится установить въ результатѣ войны, ея національный капиталъ не въ состояніи безболѣзненно жить и развиваться. Спора быть не можетъ: финансовому капиталу и трестированной промышленности Германіи чрез-

вычайно выгоденъ этотъ новый status, и она къ нему стремится всѣми силами, всѣми раціональными средствами. Но было ли для нея раціонально примѣненіе крайняго средства, т. е. могло ли для нея достиженіе новаго желаннаго status'a окупить современную войну — этого еще не видно изъ предыдущаго. Это было бы несомнѣнно въ томъ случаѣ, если бы современный, до-военный status обрекалъ германское капиталистическое развитіе на регрессъ или на состояніе застоя. Такъ ли это?

Намъ необходимо взглянуть, каково же дѣйствительное экономическое движеніе Германіи въ ряду другихъ странъ. Очень многое намъ могутъ дать уже простыя свѣдѣнія о производствѣ главнѣйшихъ продуктовъ. Ибо самый фактъ капиталистическаго производства достаточно говоритъ о его возможностяхъ, о наличности для него выгоднаго сбыта, о достиженіи капиталомъ его цѣлей, о степени пригодности и удовлетворительности для него существующаго — политическаго, экономическаго, территоріальнаго status'a.

Добыто угля (милл. тонъ):

	въ 1886 г.	въ 1911 г.	Увеличеніе въ %
Англія	160,0	276,2	72,6
Франція	19,9	39,3	97,5
Соед. Штаты	103,1	450,2	336,6
Германія	73,7	234,5	218,1

Произведено чугуна (въ тыс. тонн.):

	въ 1887 г.	въ 1911 г.	
Англія	7.681	10.033	30,6
Франція	1.568	4.411	281,5
Соед. Штаты	6.520	29.028	368,5
Германія	4.024	15.574	387,0

Произведено стали (тыс. тонн.):

	въ 1886 г.	въ 1910 г.	
Англія	2.403	6.107	154,1
Франція	428	3.390	692,9
Соед. Штаты	2.604	26.512	910,3
Германія	954	13.699	1.335,0

Число веретенъ (тыс.) въ хлоп.-бум. производствѣ.

	въ 1890 г.	въ 1914 г.	
Англія	44.505	55.972	25,8
Франція	4.915	7.400	50,6
Соед. Штаты	15.497	31.520	103,4
Германія	5.000	11.405	128,1

Если мы примемъ во вниманіе, что за тотъ же періодъ населеніе Германіи увеличилось на одну треть, то прогрессъ въ области производства мы должны будемъ признать чрезвычайнымъ; „ни одна страна въ мірѣ, — замѣчаетъ и г. Мукосѣевъ, — не давала картины такого изумительнаго экономическаго прогресса, какой показала Германія". — Приведенныя цифры, которыя можно

было бы увеличить аналогичными свѣдѣніями о прогрессѣ другихъ отраслей, въ сущности, уже рѣшаютъ для насъ главную часть вопроса. Германскій капитализмъ развивается блестяще и процвѣтаетъ, какъ никакой другой. Существующія внѣшнія условія ему въ этомъ не мѣшаютъ; установленіе новаго status'a хотя и несомнѣнно выгодно для него и крайне желательно, но не является для него жизненной необходимостью. — Однако, пойдемъ немного дальше.

За счетъ чего развивается германскій промышленный капитализмъ? Кто потребляетъ его продукты? — Конечно, бо́льшая часть ихъ остается на огромномъ внутреннемъ рынкѣ Германіи; но вотъ данныя объ ея внѣшней торговлѣ (милліоны марокъ):

	1887 г.	1912 г.	Увеличеніе въ %
Привозъ	3.109	11.572	272,1
Вывозъ	2.938	8.957	205,8

Мы видимъ и здѣсь колоссальный ростъ. Однѣхъ машинъ Германія вывезла на 605 милл. марокъ (Англія въ тотъ же годъ приблизительно на 150 милл. м.). Въ общемъ же обороты германской внѣшней торговли нынѣ уступаютъ только великобританскимъ; а въ частности вывозъ сравнительно молодого германскаго капитализма — теперь уже равенъ англійскому. — Но куда же вывозитъ Германія? Можетъ быть, въ тѣ колоніи, которыя остались на ея долю и которыя, какъ ни какъ, впятеро превышаютъ площадь самой метрополіи? — Увы! собственныя колоніи Германіи поглощаютъ только 2,9% всего германскаго экспорта. Въ сказочномъ ростѣ ея капитализма эти колоніи играютъ совершенно незамѣтную роль. Германскій капиталъ развивается за счетъ чужихъ рынковъ. — Вотъ куда вывозитъ Германія:

	1893 г.	1913 г.	Увеличеніе въ %
Всего (милл. марокъ)	3.245	10.096	254,8
въ томъ числѣ			
въ Европу	2.508	7.677	206,0
„ Африку.	35	211	502,8
„ Азію.	117	548	353,0
„ Америку.	565	1.546	173,6
„ Австралію.	18	104	477,7

За 20 лѣтъ (1893—1913) больше всего возросъ германскій экспортъ въ Африку и Австралію; т. е., при тѣхъ политическихъ разграниченіяхъ, которыя были установлены до войны, Германія стремительно захватываетъ въ чужихъ заморскихъ областяхъ нужныя ей экономическія позиціи. Въ Австралійскій союзъ, въ Алжиръ и Марокко, въ Канаду, въ Британскую Индію и въ Азіатскую Турцію — Германія вывозитъ во много разъ больше, чѣмъ въ свои жалкія Самоа, Новую Гвинею, Камерунъ и даже Кіао-Чао. Мало того: въ чужія колоніи нѣмцы вывозятъ несравненно больше, чѣмъ вывозятъ туда сами ихъ метрополіи. Такъ, тоннажъ германскаго флота, который употреблялся для торговыхъ сношеній съ Сіа-

момъ, равнялся 376 тыс. тоннъ, тогда какъ французская торговля велась всего 25 кораблями всего въ 9 тыс. тоннъ... Ясно, что не для этого захватывали и закрѣпляли за собой заморскія области французы и англичане; не для этого несли они несмѣтные колоніальные расходы и вели кровавыя войны на дальнемъ востокѣ и черномъ материкѣ. Ясно, что германскія экономическія завоеванія въ колоніальныхъ странахъ суть не что иное, какъ лишеніе англо-французскаго капитала его насущнаго хлѣба и воздуха. — Вотъ какъ описываетъ типичное положеніе дѣлъ въ колоніяхъ интересный корреспондентъ „Рус. Вѣдомостей", г. Жаботинскій.

„Хорошей иллюстраціей завоеванія новыхъ рынковъ нѣмецкой торговлей можетъ служить сѣверо-западное побережье Африки. Еще очень недавно, не дальше 20—30 лѣтъ тому назадъ, о нѣмцахъ не было и слышно на берегахъ Гвинейскаго залива. Эти глухіе берега видѣли лишь корабли англичанъ, французовъ и португальцевъ, державшихъ въ своихъ рукахъ всю торговлю края. А теперь на всемъ берегу нѣтъ уже ни одного уголка, нѣтъ ни одного глухого мѣста, гдѣ бы не процвѣтали на счетъ прежнихъ владѣльцевъ нѣмецкія торговыя фирмы. Неудержимо быстро все переходитъ въ ихъ руки. Болѣе дешевое и удобное нѣмецкое пароходство стягиваетъ къ себѣ товары и пассажировъ. Приспособленные ко вкусамъ туземцевъ нѣмецкіе товары вытѣснили вездѣ французскіе и англійскіе, и даже склады, принадлежащіе французамъ и англичанамъ, вынуждены торговать ими. Ловкіе, изворотливые нѣмецкіе агенты, удивительно точно схватывающіе особенности рынка, разсѣялись по всей странѣ, и безчисленныя нѣмецкія факторіи, какъ тѣни, сопровождаютъ повсюду факторіи фирмъ другихъ національностей. Нѣмецкое, англійское, французское ли владѣніе, — безразлично. Отъ нѣмцевъ буквально некуда дѣваться" *.

Но такъ обстоитъ дѣло не только въ колоніяхъ и не только на всѣхъ внѣшнихъ рынкахъ передового европейскаго капитала. — Изъ послѣдней приведенной таблички мы видѣли, что въ колоніальныя страны направляется меньше четверти всего огромнаго германскаго экспорта. Больше трехъ четвертей вывозимыхъ изъ Германіи товаровъ потребляется европейскими странами. При этомъ главной потребительницей германскихъ товаровъ оказывается старая Англія: такъ, изъ 7 милліардовъ всего германскаго экспорта 1907 г. Англія поглотила свыше милліарда. Затѣмъ, какъ германскій рынокъ, наибольшую роль играетъ Австро-Венгрія (717 милл. м.); а далѣе приблизительно одинаковыя количества германскихъ товаровъ (на 440—450 милл. м.) потребляютъ Франція, Бельгія, Нидерланды, Швейцарія и Россія.

Понятно, что такое положеніе германскаго капитала въ самой Европѣ еще болѣе тягостно для національнаго капитала ея сосѣдей. Нѣмецкій финансистъ, промышленникъ и купецъ не только захватили чужое добро на сторонѣ, но ворвались и „во внутренніе покои" и хозяйничаютъ тамъ, какъ у себя дома. Германія не только „наступаетъ", но уже проникла въ самые отдаленные и въ самые интимные углы міра. Ея „засилье" уже давно есть притча во

* См. „Изъ африканскихъ впечатлѣній", дек. 1914 г.

явленіяхъ не только у насъ, но и у недавнихъ гегемоновъ Европы. И уже никто нынѣ не можетъ скрывать отъ самихъ себя, что этой прежней гегемоніи больше не существуетъ... Еще въ 50 годахъ въ Англіи была образована парламентская комиссія для изученія нѣмецкаго засилья; она пришла къ заключенію, что „конкуренція Германіи дѣлается все болѣе и болѣе настойчивой; во всѣхъ углахъ міра чувствуются настойчивость и упорство нѣмцевъ; они одолѣваютъ насъ благодаря лучшему знанію рынка, готовности сообразоваться со вкусами каждаго, благодаря рѣшимости проникать всюду и, всюду проникая, упрочиваться". А затѣмъ, черезъ 10 лѣтъ вышла знаменитая книга Вилльямса „Made in Germany", которая начиналась знаменательными словами: „Промышленное первенство Великобританіи долгое время было всѣми признанной истиной; но теперь оно обращается въ миѳъ, столь же соотвѣтствующій дѣйствительности, какъ возможность для китайскаго императора сдѣлать перепись своимъ подданнымъ" *. Въ настоящее время объ этомъ уже нельзя спорить: „Англіи, — по словамъ г. Туганъ-Барановскаго, — не удалось удержать прежней гегемоніи; она лишилась — и навсегда — своего положенія на міровомъ рынкѣ".

Совершенно ясно, что понятія „утраты гегемоніи" и „германскаго засилья" ни въ какомъ случаѣ нельзя относить къ союзнымъ

---

* Приведемъ изъ той же книги Вилльямса очень картинное описаніе нѣмецкаго засилья въ нѣдрахъ старѣйшей капиталистической страны. „Осматриваясь вокругъ себя, вы найдете, что матерія нѣкоторыхъ частей вашей одежды, вѣроятно, соткана въ Германіи. Еще болѣе вѣроятно, что нѣкоторыя части туалета вашей жены привезены изъ Германіи, и уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что великолѣпныя накидки и жакеты, въ которыхъ щеголяютъ по праздникамъ ваши горничныя, сдѣланы въ Германіи и проданы нѣмцами; этимъ и объясняется ихъ доступная для горничныхъ цѣна. Женихъ вашей гувернантки — приказчикъ изъ Сити, но онъ также нѣмецкаго происхожденія. Игрушки, куклы, книжки съ картинками, которыя портятъ ваши дѣти въ дѣтской — сдѣланы въ Германіи. Больше того, бумага, на которой напечатана ваша любимая патріотическая газета, должна назвать своей родиной ту же страну. Осмотрите свой домъ, сверху донизу, и роковая марка „Made in Germany" попадется на каждомъ шагу, начиная отъ фортепіано въ вашей гостиной и кончая кофейникомъ вашей кухарки. Спуститесь, далѣе, въ подвалы вашего дома, и вы найдете, что и вытяжныя трубы сдѣланы въ Германіи. Вы поднимаете съ пола бумажную обертку отъ пакета книгъ, — и она сдѣлана въ Германіи. Вы бросаете ее въ огонь и, нагибаясь, замѣчаете, что кочерга, которой вы мѣшаете въ каминѣ, выкована въ Германіи. Разгибаясь, вы разбиваете бездѣлушку на каминѣ и, собирая осколки, вы замѣчаете на оборотной сторонѣ ихъ надпись: „Manufactured in Germany". Вы набрасываете ваши мрачныя мысли по этому поводу карандашемъ, сдѣланнымъ въ Германіи... Разсерженные всѣмъ видѣннымъ, вы идете спать, и ваши глаза падаютъ на висящій на стѣнѣ текстъ Св. Писанія, украшенный рисункомъ деревенской церкви, но и онъ напечатанъ въ Германіи. Вы скажете, что эта картина мною преувеличена. Посмотрите таблицу приводимыхъ мною цифръ, взятыхъ изъ офиціальныхъ таможенныхъ отчетовъ; въ нихъ, во всякомъ случаѣ, воображеніе и преувеличеніе не играютъ никакой роли". (Цит. по указанной работѣ В. А. Мукосѣева, стр. 247).

націямъ въ цѣломъ. Напротивъ, потребительскія массы и при томъ не только демократія, но и, напр., потребители машинъ, именно потому обращаются не къ національному, а къ германскому продукту, что они „ищутъ, гдѣ лучше". Иноземное засилье совершенно не противорѣчитъ непосредственнымъ интересамъ самыхъ широкихъ слоевъ населенія, которое, наоборотъ, упорно борется съ монополіей національнаго капитала и, въ частности, съ протекціонизмомъ. Совершенно безразлична для нихъ и „міровая экономическая гегемонія". Но что націи въ цѣломъ „здорово", то національному капиталу „смерть". Активнымъ же лицомъ внутренней и внѣшней національной политики является именно онъ, а не нація въ цѣломъ.

Рѣшительно вытѣсняемыя на поприщѣ промышленнаго экспорта Англія и Франція эволюціонировали въ сторону экспорта капитала и ссудныхъ международныхъ операцій. Но эта форма приспособленія къ обстоятельствамъ ровно ничего не измѣняетъ по существу. Вѣдь Германія также экспортируетъ огромныя массы капитала. Старая Англія въ 1911 году имѣла за границей, включая сюда и свои колоніи, приблизительно 32 милліарда фун. ст.; сравнительно молодая Германія, съ ея незначительными колоніями, вложила за границу, хотя и гораздо меньше, но все же 35 милліардовъ марокъ*. Общій же смыслъ этой эволюціи англо-французскаго капитализма таковъ: Германія практикуетъ именно ту форму экспорта (капитала или товара), какая для нея наиболѣе выгодна; страны же „банкиры" — ту, какая для нихъ единственно возможна.

Итакъ, согласно формулировкѣ В. А. Мукосѣева, „конецъ XIX и начало XX вѣка ознаменовались рѣшительнымъ установленіемъ въ Европѣ германской экономической гегемоніи; она безраздѣльно воцарилась на европейскомъ рынкѣ и, шагъ за шагомъ, подчиняла себѣ новыя области"... Т. е., намъ говорятъ, что германская гегемонія, достиженіе которой обыкновенно выставляется цѣлью военнаго нападенія на Европу, была совершившимся фактомъ уже на рубежѣ XX столѣтія. Германскій капиталъ достигъ ея при старомъ, до-военномъ международно-политическомъ status'ѣ, который — стало быть — открывалъ ему совершенно достаточныя возможности.

* * *

Вотъ тутъ-то и вспоминается скептицизмъ г. Слонимскаго по отношенію къ вышеизложенному экономическому объясненію войны. „Стоитъ только ближе присмотрѣться, — пишетъ г. Слонимскій, — къ аргументаціи сторонниковъ такого „глубокаго" пониманія событій, чтобы убѣдиться въ ея логической несостоятельности"... „Говорятъ, — продолжаетъ онъ, — что наступательная воинствен-

* Цифры — по S. Schilder, Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft, s. 364.

ственность (Германіи) вызвана потребностью колоніальнаго расширенія; но зачѣмъ было бы нѣмцамъ проливать потоки крови ради пріобрѣтенія новыхъ колоній въ собственность, когда они отлично устраивали свои дѣла въ чужихъ колоніальныхъ владѣніяхъ безъ всякихъ жертвъ и усилій?.. Германія, несомнѣнно, одержала верхъ надъ Англіей и Франціей; она послѣдовательно и безпрепятственно побѣждала ихъ на міровомъ рынкѣ... Теорія „колоніальнаго расширенія", очевидно, не объясняетъ и не оправдываетъ войны со стороны Германіи"... И г. Слонимскій, вполнѣ естественно, ищетъ объясненія катастрофы в н ѣ области экономики.

Очень интересно отмѣтить, что совершенно такъ же смотритъ на дѣло и отвѣтственный публицистъ и министеріабельный лидеръ нашего либерализма, г. Милюковъ. Вотъ что пишетъ онъ въ „Ежегодникѣ" своего центральнаго органа, „Рѣчи": „Несмотря на поднятую въ Англіи и Франціи тревогу, германцы до послѣдняго времени очень спокойно и безпрепятственно занимались мирнымъ завоеваніемъ иностранныхъ рынковъ. Безъ всякихъ войнъ и территоріальныхъ пріобрѣтеній они прекрасно умѣли устраиваться „жильцами въ чужомъ домѣ"... Словомъ, по раздраженному замѣчанію французскаго писателя Дюбуа („La crise maritime"), „подобно кукушкѣ, клали свои яйца въ чужія гнѣзда". Во всѣхъ европейскихъ столицахъ германскіе промышленники и коммивояжеры составляли огромныя колоніи, являлись, благодаря живому труду и хорошей технической подготовкѣ, опасными конкурентами, вытѣснявшими національный трудъ, вызывали этимъ взрывы недовольства, но и только. „Мирное проникновеніе" не только на колоніальные, но и на европейскіе рынки, шло такъ удачно, что само по себѣ не могло вызвать никакой необходимости въ поддержкѣ вооруженной силой"...

Г. Слонимскій въ своихъ разсужденіяхъ готовъ идти и дальше... Выше нами былъ поставленъ вопросъ: если въ настоящей войнѣ проявлялся конфликтъ имперіализмовъ передовыхъ странъ, то какія же именно нормы преслѣдуются иниціаторомъ войны — захватъ ч у ж о г о или защита с в о е г о, свобода конкуренціи или монополія? Г. Слонимскій полагаетъ, что status quo ante bellum былъ вполнѣ благопріятенъ для нѣмецкаго и тягостенъ для французскаго и англійскаго капитала. И если дѣло дѣйствительно въ столкновеніи экономическихъ интересовъ національныхъ капиталистическихъ группъ, то смыслъ вооруженной борьбы состоитъ именно *въ защитѣ своего монопольнаго положенія* въ своихъ владѣніяхъ противъ сокрушительнаго натиска Германіи. „Необычайные успѣхи германской производительности, — разсуждаетъ г. Слонимскій, — могли возбудить недовольство англичанъ и французовъ, могли вызвать въ Англіи и Франціи желаніе насильственной защиты ихъ національныхъ интересовъ; поэтому, если изъ-за экономическаго соперничества могла возникнуть война, то только со стороны потерпѣвшихъ странъ въ видахъ самозащиты, а никакъ не со стороны торжествующей

Германіи, процвѣтаніе которой возростало именно въ годы мира"... Очевидно, что въ войнѣ при такихъ условіяхъ Германія могла бы преслѣдовать именно *status quo*, при которомъ она благоденствовала и процвѣтала; національная же защита представителей „потерпѣвшаго" капитала требовала именно измѣненія гибельнаго для него status quo.

Само собой разумѣется, что всю эту схему рѣшительно отвергаютъ цитированные виднѣйшіе представители русскаго либерализма: ибо извѣстно, что на дѣлѣ „Франція и Англія не готовились къ войнѣ и все болѣе проникались духомъ миролюбія, слѣдуя только по необходимости въ слабой степени за Германіею въ дѣлѣ вооруженій".

Но какія же въ самомъ дѣлѣ мыслимы средства „національной самозащиты" капитала противъ германской гегемоніи и всемірнаго нѣмецкаго нашествія? Прежде всего, теоретически мыслима борьба тѣми же средствами, которыми побѣждаетъ Германія; о средствахъ этихъ была рѣчь въ цитированныхъ словахъ англійской парламентской комиссіи, а также гг. Милюкова и Жаботинскаго. Т. е. мыслима борьба путемъ радикальнаго улучшенія всего технико-экономическаго торгово-промышленнаго аппарата союзныхъ странъ. И дѣйствительно, „нѣмецкое засилье" уже давно породило и въ Англіи и во Франціи чрезвычайно сильное движеніе въ пользу раціонализаціи промышленности и торговли. Тщательно изучаются причины германскихъ экономическихъ побѣдъ; ведется интенсивная агитація, мобилизуется вся національная наука и техника на службу національной промышленности; устраиваются съѣзды и выставки, создается огромная литература. Все это, несомнѣнно, должно дать самые благіе результаты. Но едва ли можетъ быть рѣчь о томъ, чтобы все это могло достигнуть основной цѣли — вернуть національному капиталу экономическую гегемонію и свободу отъ германскаго засилья. Ибо все движеніе совершается вокругъ лозунга —учиться у нѣмцевъ торгово-промышленной техникѣ и экономическимъ побѣдамъ: дальше этого чисто экономическое движеніе по существу своему идти не можетъ. А между тѣмъ въ Германіи идетъ параллельная работа, и сравнительные результаты ея вѣдь уже были испытаны. Быть можетъ, со временемъ Германія будетъ побѣждена въ чисто экономической борьбѣ болѣе молодыми странами; но едва ли колесо исторіи обратится вспять.

Мыслимы и иныя средства, уже выходящія за предѣлы чистой экономики. Таковъ — бойкотъ. Но стоитъ ли говорить о немъ, какъ о реальной возможности? Средство, многократно испытанное и совершенно безнадежное. Не побѣдить національной идеѣ экономическихъ расчетовъ обывателя. Не осилить патріотическимъ призывамъ тяги потребительскихъ массъ къ жизненнымъ удобствамъ и дешевизнѣ. Бойкотъ есть не больше, какъ свидѣтельство собственнаго безсилія. — Существуетъ и болѣе дѣйствительное сред-

ство — также внѣ-экономическаго характера; можно даже считать его прямо политическимъ средствомъ. Это таможенное объединеніе колоніальныхъ владѣній съ метрополіями... До сихъ поръ Англія была, какъ извѣстно, цитаделью свободной торговли и не ограждала пошлинами даже Британскихъ острововъ; но переходъ ея къ протекціонизму есть вопросъ времени и при томъ ближайшаго будущаго. Начатое Чемберленомъ теченіе въ пользу замѣны свободной торговли „справедливой торговлей“ ко времени войны уже достигло огромной силы. И, конечно, передъ лицомъ германской опасности не устоять „добрымъ традиціямъ“... Надо замѣтить, однако, что переходъ къ протекціонизму и созданіе единаго хозяйственнаго организма — дѣло крайне трудное. Въ самой метрополіи приходится сталкиваться съ рѣзкимъ противорѣчіемъ интересовъ внутри самихъ капиталистическихъ группъ и съ рѣшительной оппозиціей протекціонизму со стороны всей демократіи. Что же касается колоній, то и для нихъ таможенное объединеніе есть прямой и немалый ущербъ. Многія изъ нихъ не прочь создать свою собственную таможенную стѣну — для охраны своей собственной промышленности ото всякой европейской конкуренціи и въ томъ числѣ отъ англійской (нѣкоторыя изъ нихъ уже и осуществили это); но попытки насильственной замѣны всѣхъ болѣе привычныхъ, болѣе дешевыхъ, болѣе подходящихъ продуктовъ непремѣнно англійскими — не могутъ не встрѣтить противодѣйствія со стороны колоній. Вопросъ, однако, въ томъ, помогло ли бы дѣлу таможенное объединеніе, если бы оно было осуществлено, несмотря на всѣ препятствія?

Сомнѣній тутъ быть не можетъ. При данныхъ условіяхъ таможенное объединеніе есть палліативъ, совершенно не достигающій цѣли. Германія — въ частности, благодаря ряду искусственныхъ пріемовъ своей экспортной политики — съ успѣхомъ преодолѣваетъ исключительный протекціонизмъ Россіи; о другихъ протекціонистскихъ странахъ не приходится и говорить. Въ данномъ случаѣ таможенныя загородки, хотя и приносятъ нѣкоторую пользу, но въ общемъ оказываются безсильными. Сама „фритредерская“ Англія уже приняла, начиная съ 1898 года, рядъ „переходныхъ мѣръ“ по установленію „болѣе тѣсной связи съ колоніями“: для Канады, южной Африки, Новой Зеландіи и Австралійскаго союза были установлены льготные тарифы съ метрополіей. Франція же еще въ 1892 году оградила свои колоніи таможенной стѣной отъ всѣхъ другихъ странъ. А результаты — налицо. Эта мѣра не помогаетъ. Германія преодолѣваетъ всѣ такого рода преграды. Никакого подобія монополіи, необходимой національному капиталу, при помощи таможенныхъ пошлинъ Англія и Франція въ своихъ владѣніяхъ создать не могли.

Надо признать, что дѣйствительныхъ средствъ борьбы, дѣйствительныхъ путей къ возврату гегемоніи — вообще не существуетъ. Приходится просто примириться съ тѣмъ положеніемъ въ

міровомъ хозяйствѣ, въ которое поставило старѣйшія капиталистическія страны міровое экономическое развитіе... Но это легко сказать. Каково это сдѣлать тѣмъ, кто въ этомъ непосредственно и кровно заинтересованъ! О настроеніи ихъ интересно пишетъ г. Жаботинскій въ своихъ „африканскихъ впечатлѣніяхъ".

„...Разъѣзжая по этимъ далекимъ краямъ, на каждомъ шагу видишь, что Германія, какъ новый Карѳагенъ, отнимала вездѣ и всюду всякую возможность жизни у остальныхъ народовъ. Задолго до настоящей войны борьба на жизнь и смерть уже велась на пространствѣ всего міра между болѣе старыми европейскими государствами и молодой, расцвѣтающей Германской имперіей. Только въ мирное время эта война за торговое преобладаніе была не по силамъ ни Франціи, ни Англіи. Арсеналъ средствъ, возможныхъ въ мирное время, не могъ сломить роста нѣмецкой торговли, и медленно и неуклонно она вытѣсняла торговлю другихъ странъ со всѣхъ рынковъ.

Во время знаменитаго агадирскаго инцидента мнѣ пришлось сидѣть на маленькой факторіи, затерявшейся въ дельтѣ Нигера. Отрѣзанные отъ всего міра, мы жили здѣсь въ крошечной хибаркѣ вдвоемъ съ агентомъ-англичаниномъ. Вдругъ, совершенно неожиданно, смута вторглась къ намъ. Съ пачкой газетъ, взволнованный, счастливый, пріѣхалъ агентъ, завѣдывавшій районом. Онъ былъ неузнаваемъ. Съ восторгомъ, съ упоеніемъ онъ говорилъ про предстоящую войну съ Германіей, про неминуемый конецъ владычества нѣмцевъ надъ міромъ. Въ его глазахъ рисовались увлекательныя картины изгнанія нѣмецкой торговли отовсюду, куда она успѣла проникнуть и гдѣ она, благодаря своей удивительной приспособляемости, быстро завоевала преобладающее положеніе. Затаенная ненависть къ счастливому конкуренту, скрываемая въ обычное время, проснулась въ это время въ замкнутой душѣ этихъ игроковъ на жизнь и смерть и превратилась въ какой-то кличъ уничтоженія и истребленія врага..."

Чего же, однако, можно достигнуть войной? Какой новый status способенъ парализировать германскій натискъ и вернуть гегемонію англо-французскому капиталу? — Въ полномъ соотвѣтствіи съ только что описанными настроеніями, въ нашей печати приводились мнѣнія нѣкоторыхъ изъ союзныхъ писателей о необходимыхъ условіяхъ будущаго сожительства государствъ. — Война сама по себѣ есть могучій факторъ психическаго воспитанія, и въ этомъ отношеніи на нее возлагаются немалыя надежды: „завтра, — писалъ годъ назадъ французскій „Sémaphore", — французскій купецъ будетъ вездѣ прекрасно принятъ, а нѣмецкій встрѣтитъ закрытыя двери и враждебныя лица... Наши промышленники поступили бы очень умно, если бы.. приготовились возможно скорѣе и окончательнѣе занять экономически тѣ территоріи, которыя, благодаря престижу нашего оружія и ненависти всего міра противъ Германіи, идутъ навстрѣчу нашему завоеванію... Было бы хорошо, если бы наши коммерсанты... приготовились обслуживать новую кліентуру, которая готова ихъ принять съ дружеской улыбкой на устахъ"... Для упроченія „связи съ колоніями", о которомъ говорилось выше, война также сдѣлала не мало: „для политической связи съ ними, — говорилъ въ парламентѣ г. Эд. Грей, — одинъ годъ войны самъ по себѣ сдѣлаетъ то, чего не сдѣлали бы 100 лѣтъ мира". — Но

конечно, психологическія предпосылки, создаваемыя самымъ процессомъ войны, это — дѣло второстепенное. Гораздо важнѣе матеріальные результаты.

Прежде всего, предполагается, что Германія будетъ истощена войной гораздо болѣе союзныхъ государствъ. Условія же будущаго мира окончательно довершатъ ея истощеніе. Во французской литературѣ неоднократно упоминалась цифра контрибуціи въ 100—110 и болѣе милліардовъ, которые лягутъ на нѣсколько поколѣній. Помимо денежнаго вознагражденія, высказывались мнѣнія насчетъ изъятія изъ рукъ германскаго капитала его огромнаго флота, а также насчетъ лишенія германцевъ части ея огромныхъ естественныхъ богатствъ въ родѣ вестфальскихъ угольныхъ копей. Далѣе, въ свое время возникъ цѣлый рядъ проектовъ политическаго расчлененія Германіи — на двѣ части или на много мелкихъ государствъ-провинцій, политически автономныхъ и экономически раздѣленныхъ; „мы отрицаемъ за Германіей право на единство, — писалъ одинъ французскій авторъ, —побѣдоносная Франція не позволитъ, чтобы рядомъ съ ней существовало перенаселенное и компактное государство!“ Другой авторъ предусматривалъ даже и конституціи для новыхъ карликовыхъ государствъ, а также и мѣры, предупреждающія ихъ попытки снова слиться въ могучій политико-экономическій организмъ.

Осуществится это или нѣтъ, — но во всякомъ случаѣ полная побѣда откроетъ возможность къ вмѣшательству и распоряженію внутренними дѣлами Германіи. Для обезпеченія контрибуціи будетъ возможенъ финансовый контроль, урегулированіе тарифовъ, соотвѣтствующія ставки промысловаго и другихъ налоговъ. Наконецъ, въ литературѣ уже давно разрабатывается планъ европейской таможенной системы, долженствующій поставить Германію въ то изолированное положеніе, котораго въ свое время войнами же добивался для Англіи Наполеонъ... Во всякомъ случаѣ, для національнаго англо-французскаго капитала побѣдоносная война открываетъ самыя широкія возможности. Возстановленіе его гегемоніи въ результатѣ полной побѣды можно считать вѣроятнымъ. При иныхъ же условіяхъ оно было бы невозможно...

Въ общемъ, положеніе, какъ видимъ, не такое сложное, чтобы въ немъ было затруднительно разобраться. Однако, нельзя не признать, что наша публицистика все же сумѣла заблудиться въ трехъ соснахъ, несмотря на всю затраченную ею энергію. Подходила она къ вопросу и съ одного конца и съ другого, но концовъ съ концами не свела. Это потому что, разбираясь въ историческихъ явленіяхъ, необходимо имѣть не только энергію: необходимо еще отбросить всякаго рода эмоціи, необходимо „не плакать и не смѣяться, а понимать“.

Ник. Сухановъ.

КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА И „ОСОБЫЙ“ ПУТЬ НАШЕГО РАЗВИТІЯ.

(КЪ 55-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ.)

Эпохи „Великихъ Реформъ“ въ современномъ обществѣ являются моментами правовой фиксаціи завоеваній угнетенныхъ классовъ. „Великими реформами“ завершаются длительные періоды соціальной борьбы, которая происходитъ на сложной почвѣ разрушенія процессомъ экономическаго развитія основъ политической силы эксплоатирующихъ классовъ и одновременнаго созиданія матеріальныхъ условій для поднятія по соціальной лѣстницѣ классовъ эксплоатируемыхъ. При реформахъ опредѣленіе правовыхъ условій дальнѣйшаго „сожительства“ общественныхъ классовъ, а слѣдовательно и условій дальнѣйшаго развитія соціальной борьбы, совершается самимъ господствующимъ до реформы классомъ. Обратное имѣетъ мѣсто при революціяхъ, когда новый классъ — побѣдитель — провозглашаетъ новую конституцію.

Реформированному обществу исторія не ставитъ никакихъ принципіально иныхъ задачъ, сравнительно съ задачами, стоявшими передъ нимъ до реформы. Господствующее положеніе сохраняется за классомъ, проведшимъ реформу, до тѣхъ поръ, пока ходъ развитія общественной экономики не разрушитъ окончательно основу этого господства.

Эпохамъ реформъ предшествуетъ повышеніе остроты классовой борьбы. Обостреніе же классовыхъ противорѣчій сопровождается обычно смѣшеніемъ у идеологовъ борющихся классовъ „ближайшихъ“ и „конечныхъ“ цѣлей борьбы, почему современники реформъ рѣдко правильно оцѣниваютъ совершившіяся преобразованія.

Оцѣнка событій особенно трудна для современниковъ въ „ходѣ“ самихъ „реформъ“... Исходъ же „реформъ“, т. е. санкціонированіе новыхъ отношеній закономъ и защита ихъ государственной властью — точно показываетъ границы совершившихся измѣненій и дѣлаетъ отношенія болѣе простыми...

I.

Пятьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ „Крестьянской реформой“ у насъ началась „Эпоха великихъ реформъ“. Всѣ преобразованія

этой „эпохи“ государственная власть произвела при самой дѣятельной поддержкѣ помѣстнаго дворянства. Въ „Крестьянской реформѣ“, легшей въ основу совершенныхъ преобразованій, условія освобожденія крестьянъ были формулированы помѣщиками въ дворянскихъ комитетахъ на мѣстахъ. Законопроектъ объ освобожденіи былъ выработанъ помѣщиками и бюрократіей въ редакціонныхъ комиссіяхъ... Въ Главномъ Комитетѣ, противъ именъ многихъ его членовъ, стояло: „помѣщикъ многихъ губерній“. Словомъ, во всѣхъ инстанціяхъ, которыя проходилъ законопроектъ объ уничтоженіи крѣпостного права, была представлена только одна изъ заинтересованныхъ сторонъ — дворянство. Дворянство одно опредѣляло, что именно изъ отношеній крѣпостного строя болѣе не соотвѣтствовало интересамъ и потребностямъ „землевладѣльческаго класса“ и въ какихъ формахъ должна была проявляться въ реформированной Россіи преобладающая роль дворянства.

Правительство и дворянство, приступая къ реформамъ, признали безспорными слѣдующія исходныя положенія:

Во взаимныхъ отношеніяхъ сословій никакой перемѣны не должно быть произведено, и господствующая роль дворянства въ государствѣ должна остаться незыблемой. Освобождаемое крестьянство должно занять мѣсто низшихъ „податныхъ“ состояній. Вся земля, на которой сидѣли крестьяне, представляетъ „собственность помѣщиковъ“. За всѣ „жертвы“, которыя при реформѣ понесетъ дворянство, оно должно быть вознаграждено...

Признаніе всей земли, безъ всякихъ оговорокъ, „собственностью помѣщиковъ“ уже предрѣшало экспропріацію крестьянства.

Однако, провести крестьянскую реформу простымъ отказомъ помѣщиковъ отъ ставшаго для нихъ невыгоднымъ крѣпостного труда, несмотря на всю простоту этого рѣшенія, было невозможно. Заявить крестьянамъ, что они „лично свободны“ и, какъ свободные люди, могутъ по желанію или покупать, или арендовать земли у помѣщиковъ, значило бы просто согнать крестьянъ съ той земли, которую „крѣпостные, вопреки всѣмъ подтвержденіямъ закона, считали своею“. (Слова Корфа въ послѣднемъ Секретномъ Комитетѣ.) Такую форму „освобожденія“ себя отъ земли крѣпостные крестьяне, по признанію самого дворянства, ни въ какомъ случаѣ не допустили бы.

Но на такую мѣру, которая казалась заманчивой помѣщикамъ черноземныхъ губерній, ни въ какомъ случаѣ не могли согласиться и помѣщики нечерноземныхъ губерній, и не въ силу своей „красноты“, — о которой такъ много говорилось и во время реформы и послѣ нея, — а потому, что безземельное освобожденіе грозило помѣщикамъ этого района полнымъ разореніемъ...

Сложность вопроса объ условіяхъ освобожденія крестьянъ, въ виду различія интересовъ помѣщиковъ сѣверныхъ и южныхъ губерній, была отмѣчена уже въ одной изъ записокъ, представленныхъ въ

послѣдній Секретный Комитетъ м-стромъ внутреннихъ дѣлъ. Это различіе интересовъ помѣщиковъ разныхъ районовъ, какъ было выяснено въ запискѣ м-стра, вытекало изъ различія способовъ эксплоатаціи крѣпостныхъ. Доходъ помѣщиковъ сѣверныхъ нечерноземныхъ губерній состоялъ „въ оброкѣ съ личныхъ силъ крестьянъ", и „главнымъ капиталомъ" у этихъ помѣщиковъ были крестьяне. Доходъ помѣщиковъ черноземныхъ губерній состоялъ въ доходѣ съ земли, обрабатываемой барщинными крестьянами, и „главнымъ капиталомъ" у этихъ помѣщиковъ была земля. Освободить крестьянъ въ нечерноземныхъ губерніяхъ безъ земли — значило оставить помѣщиковъ безъ рабочихъ рукъ на неплодородной землѣ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ въ своей „запискѣ" предложилъ способъ примиренія противорѣчивыхъ интересовъ помѣщиковъ сѣвера и юга, который и былъ впослѣдствіи принятъ въ главныхъ чертахъ Ред. Комиссіями и Гос. Совѣтомъ.

Министръ предлагалъ разрѣшить освобожденнымъ крестьянамъ выкупать землю у своихъ помѣщиковъ по назначенной закономъ цѣнѣ, при чемъ въ цѣнѣ за землю помѣщики должны были получить и цѣну крѣпостныхъ „душъ".

При этомъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ „души" были дороги, т. е. на оброчномъ сѣверѣ, слѣдовало дать надѣлъ „въ увеличенномъ размѣрѣ". Наоборотъ, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ „земли были дороги" (черноземныя, барщинныя губерніи), „записка" предлагала уменьшить количество земли, даваемой на выкупъ, „до послѣдней крайности" ...

Въ дворянскихъ комитетахъ, гдѣ вырабатывались проекты условій освобожденія крѣпостныхъ для каждой губерніи, и по вопросу о надѣлахъ, и по вопросу о выкупѣ рѣзко обнаружились указанныя мин. вн. дѣлъ различія интересовъ помѣщиковъ сѣверныхъ и южныхъ губерній. Сѣверное дворянство въ реформѣ оказалось „радикальнѣе" южнаго. Комитеты нечерноземныхъ губерній назначили, сравнительно съ комитетами черноземныхъ губерній, „большій надѣлъ", стояли за обязательный, хотя и по высокимъ цѣнамъ, выкупъ; наоборотъ, черноземное дворянство въ своихъ проектахъ предлагало установить обязательный выкупъ лишь однѣхъ усадебъ; пашню же оно давало крестьянамъ только во временное пользованіе, предоставляя крестьянамъ входить по вопросу о покупкѣ пашни въ добровольныя соглашенія съ ихъ помѣщиками.

Однако, дворянство нечерноземныхъ и черноземныхъ губерній сошлось въ томъ, что нельзя обязывать закономъ помѣщика давать крестьянамъ на выкупъ надѣлы, вполнѣ достаточные для ихъ существованія, такъ какъ, при достаточномъ надѣлѣ, некому будетъ обрабатывать помѣщичью землю.

На опасность оставить имѣнія безъ рабочихъ рукъ одинаково указывали и въ сѣверныхъ, и въ южныхъ дворянскихъ комитетахъ;

съ этимъ считались и въ Главномъ Комитетѣ, и въ Ред. Комиссіяхъ, и въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ Комитетахъ и въ Ред. Ком. неоднократно говорилось о томъ, что уменьшеніе надѣловъ далеко „не вредно" мужику, и что для государства полезнѣе „не слишкомъ увеличивать надѣлъ" (Черниговскій и Псковскій депутаты въ Ред. Ком.). Дворянство въ Воронежскомъ Комитетѣ увѣряло даже, что „для улучшенія быта крестьянъ, сверхъ учрежденія между ними правилъ вѣры и нравственности, достаточно одной свободы труда"...

Удовлетворяющія обѣ группы дворянскихъ интересовъ нормы надѣловъ и выкупа были найдены Ред. Ком. въ сложныхъ комбинаціяхъ „высшаго" и „низшаго" надѣловъ, въ правѣ помѣщиковъ производить отрѣзки отъ надѣловъ, которыми крестьяне пользовались до реформы, и, наконецъ, въ остроумной системѣ различныхъ оцѣнокъ каждой десятины выкупаемаго надѣла. Государственный Совѣтъ впослѣдствіи, принявъ въ общемъ схему Ред. Ком., уменьшилъ нѣсколько принятыя этими Комиссіями нормы надѣловъ и увеличилъ для нѣкоторыхъ мѣстностей размѣръ выкупа.

Надѣленіе крестьянъ землей въ „Положеніи 1861 г." было произведено на слѣдующихъ основаніяхъ. Исходя изъ существовавшихъ въ крѣпостной деревнѣ надѣловъ, Ред. Ком. выработали нормы „высшихъ" и „низшихъ" надѣловъ. Эти нормы были различны для разныхъ районовъ Россіи, при чемъ для нечерноземныхъ губерній надѣлы были выше, чѣмъ для черноземныхъ. При надѣленіи крестьянъ требовалось согласіе обѣихъ сторонъ на ту или иную норму надѣла.

Исходнымъ пунктомъ при рѣшеніи вопроса о количествѣ выкупаемой земли въ каждомъ имѣніи являлся „существующій" у крестьянъ въ данный моментъ надѣлъ. Если „существующій" надѣлъ былъ выше назначеннаго „высшаго" надѣла въ данномъ районѣ, то помѣщикъ имѣлъ право уменьшить его до „высшаго", сдѣлавъ отрѣзку земли въ свою пользу. Если фактическій надѣлъ у крестьянъ въ данномъ имѣніи былъ ниже высшей нормы, но за продажей надѣла крестьянамъ у помѣщика оставалось бы менѣе $^1/_2$—$^1/_3$ удобной земли его имѣнія, то помѣщикъ имѣлъ также право уменьшить „существующій" надѣлъ, произведя отрѣзку земли, наблюдая только за тѣмъ, чтобы у крестьянъ не осталось менѣе „низшаго" надѣла для даннаго района.

Дворовымъ крестьянамъ законъ 1861 г. вовсе не далъ права на надѣлъ, а тѣ изъ крестьянъ (имѣвшихъ право на надѣлъ), которые соглашались взять отъ помѣщика землю въ количествѣ, равномъ $^1/_4$ высшаго надѣла, получали этотъ надѣлъ безъ выкупа, „даромъ" — (дарственный надѣлъ). Послѣдними двумя категоріями (дворовые и дарственные крестьяне) создавался нужный для промышленности пролетаріатъ. Но и крестьяне, получившіе не только „низшій", но и высшій надѣлъ („полный"), во многихъ мѣстахъ

обрекались на малоземелье, въ виду недостаточности нормъ даже „высшаго" надѣла...

Выкупъ земли крестьяне получили право производить при финансовомъ посредничествѣ государственнаго казначейства, которое уплачивало помѣщикамъ $^4/_5$ выкупной ссуды при заключеніи выкупной сдѣлки, а само должно было получать выданную ссуду съ крестьянъ въ разсрочку въ теченіе 49 лѣтъ. Непокрываемую правительствомъ $^1/_5$ часть выкупной суммы крестьяне вносили помѣщику изъ собственныхъ средствъ. Оплата надѣла была построена на „градаціи" цѣнъ. Система „градаціи" была всецѣло изобрѣтеніемъ „либеральныхъ" помѣщиковъ нечерноземныхъ губ. Цѣны на землю были установлены на основаніи среднихъ „оброковъ" крѣпостного времени, при капитализаціи оброка изъ 6%*.

Предъ реформой оброки достигали высокаго уровня, и выкупныя цѣны на землю были назначены по тому времени очень высокія. Въ виду высокихъ выкупныхъ цѣнъ помѣщики нечерноземныхъ губерній имѣли полное основаніе думать, что крестьяне не всегда будутъ охотно соглашаться брать высшіе надѣлы. Поэтому въ дворянскихъ комитетахъ нечерноземныхъ губерній было рѣшено раскладывать общую цѣну надѣла такъ, чтобы на первую десятину надѣла падала половина цѣны надѣла, на вторую десятину $^1/_4$ цѣны, а остальныя десятины оплачивались бы поровну. При такой системѣ крестьянинъ, взявшій при четырехъ-десятинномъ надѣлѣ всего 2 десятины, т. е. половину надѣла, долженъ былъ уплатить за нихъ $^3/_4$ стоимости всего надѣла...

Это и была знаменитая система „градаціи", принятая, какъ говорилъ въ Ред. Ком. кн. Черкасскій, „для пользы помѣщика". „Шесть комитетовъ предложили ее. Ярославскіе, костромскіе, тверскіе и т. д. помѣщики считали бы себя разоренными, если бы градація не была принята" (слова Черкасскаго въ Ред. Ком. Н. Семеновъ „Освобожденіе крестьянъ при Ал. II". Т. III/2, стр. 493).

Система градаціи, крайне невыгодная для крестьянъ, часто побуждавшая ихъ брать „дарственные" надѣлы, была впервые предложена въ тверскомъ дворянскомъ комитетѣ, считавшемся въ эпоху реформъ особенно „краснымъ".

Проекты выкупа тверского дворянства, съ ихъ системой градаціи, показываютъ, что радикализмъ дворянъ нечерноземныхъ губерній вытекалъ вовсе не изъ стремленія этихъ дворянъ защищать интересы крестьянъ. Поскольку этотъ радикализмъ выразился въ такихъ мѣрахъ, какъ требованіе обязательнаго выкупа надѣловъ, предоставленіе нѣкоторой самостоятельности крестьянству въ области самоуправленія, — онъ всецѣло былъ продиктованъ условіями эксплоатаціи крѣпостныхъ въ оброчныхъ губерніяхъ. И въ послѣд-

---

* О надѣлѣ и выкупѣ см. подробно нашу работу въ Запискахъ И. Р. Тех. О-ва за 1911 г. №№ 3—5. *„19 февр., 1861 г." — 19 февр. 1911 г.*

немъ счетѣ „краснота“ помѣщиковъ нечерноземныхъ губерній отражала только „красноту“ малоплодородныхъ супесковъ и суглинковъ этихъ губерній.

За тѣ „потери“ въ правахъ, которыя дворянство понесло въ крестьянской реформѣ, оно получило компенсацію въ Земской, Судебной и другихъ реформахъ этой эпохи. Уже въ періодъ выработки законопроекта объ освобожденіи крестьянъ, Ред. Ком. признали достойной вниманія мысль о томъ, что дворянству должно было быть предоставлено особенное участіе по выбору въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Это, по мнѣнію Ред. Ком., „было бы разумнымъ вознагражденіемъ за тѣ права, отъ которыхъ отказывается помѣстное сословіе“. (Скребицкій. „Крестьянское Дѣло“, т. 1, стр. 647.)

Передача мѣстныхъ учрежденій (административныхъ и земскихъ) въ руки дворянства признавалась необходимой и съ государственной точки зрѣнія.

„Въ дворянствѣ, — писалъ славянофилъ Кошелевъ, — заключается элементъ порядка и преуспѣванія. Мы всегда должны принимать преимущественное участіе въ управленіи. Мы всѣ за самодержавіе, ибо признаемъ его необходимость для Россіи“. * (Матеріалы для біографіи Черкасскаго, т. 1/2, стр. 141.)

II.

Могла ли Крестьянская Реформа создать основу для развитія въ Россіи „народнаго производства“? Могла ли Россія, опираясь на созданныя крестьянской реформой отношенія, „пойти“ не по капиталистическому пути развитія, по которому шла исторія Запада, а по пути „особенному“?

Для отвѣта на эти, теперь уже „устарѣлые“, а еще не такъ давно „боевые“ вопросы необходимо выяснить, чему содѣйствовала крестьянская реформа — росту или упадку экономическихъ процессовъ, разлагавшихъ крѣпостное хозяйство и приведшихъ къ реформѣ? Другими словами, надо опредѣлить, содѣйствовали ли отношенія, созданныя реформой, росту товарнаго хозяйства или, наоборотъ, реформа укрѣпляла въ Россіи натуральное хозяйство...

До реформы хозяйство крѣпостныхъ разныхъ разрядовъ находилось не въ одинаковомъ отношеніи къ рынку. Барщинный крестьянинъ до реформы вырабатывалъ себѣ средства существованія на отведенномъ ему помѣщикомъ надѣлѣ; на „барскомъ полѣ“ крестьянинъ работалъ на барина. О судьбѣ продукта своего труда на „барскомъ полѣ“ („прибавочнаго продукта“), крестьянину не нужно было заботиться, такъ какъ объ этомъ заботился самъ помѣщикъ.

---

* Кошелевъ подъ „управленіемъ“ понималъ и „Земскую Думу“, за учрежденіе которой онъ агитировалъ...

Послѣ реформы бывшій барщинникъ уже самъ долженъ былъ реализовать свой „прибавочный продуктъ“, для того, чтобы въ видѣ „выкупного платежа“ передать его государству. Въ силу этого отношеніе къ рынку бывшихъ барщинныхъ крестьянъ послѣ реформы сдѣлалось болѣе тѣснымъ.

Оброчный крестьянинъ до реформы имѣлъ отношеніе къ рынку болѣе сложное, чѣмъ барщинный крестьянинъ; онъ добывалъ себѣ средства существованія и средства для уплаты оброка земледѣліемъ, промыслами и продажей своей рабочей силы. Поскольку оброчный крестьянинъ продавалъ хлѣбъ, онъ сносился съ хлѣбнымъ рынкомъ; поскольку онъ былъ кустаремъ, онъ имѣлъ дѣло чаще всего съ рынкомъ товаровъ обрабатывающей промышленности; поскольку онъ выступалъ въ качествѣ наемнаго рабочаго — онъ имѣлъ дѣло съ рабочимъ рынкомъ.

Послѣ реформы отношенія оброчнаго крестьянина къ этимъ рынкамъ, во всякомъ случаѣ, не могли ослабѣть, такъ какъ оброкъ былъ переведенъ въ выкупной платежъ за землю. Тамъ же, гдѣ выкупной платежъ оказался выше оброка, платимаго до реформы, отношенія къ рынку сдѣлались у бывшаго оброчника болѣе прочными, чѣмъ раньше.

Крестьяне, которые получили дарственные надѣлы, хотя и не платили выкупа, имѣли отношеніе къ рынку, поскольку они брали землю въ денежную аренду, или шли „по малоземелью“ на заработки.

До реформы милліонный кадръ дворовыхъ крестьянъ являлся, въ значительной степени, простымъ потребителемъ продуктовъ крѣпостного хозяйства въ натуральномъ видѣ и этимъ поддерживалъ натуральное хозяйство въ странѣ. Освобожденные реформой отъ земли дворовые крестьяне составили огромную массу пролетаріевъ, принужденныхъ продавать свой трудъ и поддерживать денежное хозяйство.

Созданный реформой пролетаріатъ въ видѣ бывшихъ дворовыхъ и разныхъ категорій крестьянъ, получившихъ карликовые надѣлы, (не говоря уже о существовавшихъ и до реформы пролетаріяхъ изъ другихъ сословій), далъ возможность „сбереженіямъ,“ которыя накопила дореформенная „буржуазія“, превратиться въ капиталъ.

Въ силу этого, построенная и до реформы почти цѣликомъ на капиталистическихъ началахъ обрабатывающая промышленность, а также желѣзно-дорожное строительство, горное дѣло, получили въ условіяхъ, созданныхъ реформой, огромный толчекъ въ своемъ развитіи.

Такимъ образомъ крестьянская реформа не только не остановила роста товарнаго хозяйства въ Россіи, но, наоборотъ, усилила процессъ вовлеченія крестьянскаго хозяйства въ мѣновыя отношенія.

Но рынокъ дѣйствуетъ на деревню во всѣхъ странахъ одинаково: онъ усиливаетъ разслоеніе крестьянства, ускоряетъ процессъ выбрасыванія изъ деревни наемныхъ рабочихъ въ города, и неуклонно раз-

рушаетъ основы примитивнаго земледѣлія и построеннаго на немъ быта...

Крестьянская реформа произвела огромныя измѣненія и въ государственномъ хозяйствѣ. Государство послѣ освобожденія крестьянъ лишилось безплатныхъ „полиціймейстеровъ“ въ лицѣ помѣщиковъ, а въ то же время, въ лицѣ освобожденныхъ крестьянъ, оно пріобрѣло до 20 милліоновъ новыхъ „подданныхъ“, бывшихъ до реформы „подданными“ помѣщиковъ. Вызванное Крестьянской Реформой преобразованіе администраціи, суда, военнаго дѣла, мѣстнаго управленія, увеличило потребности государства въ громадной степени, сравнительно съ тѣмъ, что было до реформы. Кромѣ того, государство взяло на себя крупный по тому времени выкупной долгъ.

Налоговая политика, возлагавшая на крестьянскія массы обязанности главныхъ плательщиковъ, также увеличивала связь крестьянъ съ рынкомъ и ускоряла процессы разложенія деревни. Но съ ростомъ товарно-капиталистическихъ отношеній внутри страны росла связь Россіи съ международнымъ рынкомъ. Эта связь съ міровымъ хозяйствомъ должна была диктовать государственной власти экономическую политику, все болѣе укрѣпляющую въ Россіи товарно-капиталистическія отношенія.

III.

Возможность для Россіи идти въ своей исторіи „особымъ“ отъ Запада путемъ развитія немногочисленными въ крѣпостнической Россіи идеологами крестьянства доказывалась тѣмъ, что Россія сохранила у себя поземельную общину, которую Западъ уже потерялъ въ процессѣ своего историческаго развитія. Установившіяся на Западѣ, послѣ исчезновенія общины, отношенія собственности обрекали его на развитіе путемъ постоянныхъ гражданскихъ междоусобій, путемъ все растущихъ кровавыхъ потрясеній. Революція 1848 г., пронесшаяся по государствамъ З. Европы, вскрыла соціальную болѣзнь, ее поразившую. Европа, по словамъ Герцена, „остановилась по колѣни въ крови передъ неразрѣшимымъ сфинксомъ поземельной собственности и пролетаріата: капитала и работника“.

Европа пришла къ коммунизму. Но что же такое этотъ коммунизмъ, на который „на своей больничной койкѣ Европа, какъ бы исповѣдуясь или завѣщая послѣднюю тайну, скорбно и поздно пріобрѣтенную, указываетъ, какъ на единый путь спасенія“? Вѣдь въ этомъ „коммунизмѣ“ заключены именно тѣ элементы, „которые сильно и глубоко лежатъ въ народномъ характерѣ и при томъ не одной Петровской Россіи, а и всей русской Россіи“. (Герценъ по поводу книги барона Корфа.) Россія должна прислушаться къ этому голосу Европы, „ей еще разъ достаются даромъ истины и результаты, до которыхъ западные народы дорабатывались тяжелымъ путемъ крови, длинной борьбой“... Слѣдуетъ ли ей пройти всѣми фазами западной

жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнами, до того же выхода, до той же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа (Герценъ, „Русскіе нѣмцы“).

Въ Европѣ рабочіе еще требуютъ „права на работу“, а у насъ существуетъ „право на землю“. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣритъ десятинами и для него его право на землю — естественное послѣдствіе рожденія и работы („Русскіе нѣмцы“). Для своей будущей исторіи Россія должна взять три начала нашего быта:

1) право каждаго на землю;

2) общинное владѣніе ею и

3) мірское управленіе: „на этихъ началахъ и только на нихъ можетъ развиться будущая Русь“ („Русскіе нѣмцы“).

За четыре года до крестьянской Реформы Герценъ выражалъ увѣренность, что у насъ развитіе „пойдетъ инымъ путемъ“...

Взглядъ на поземельную общину, какъ на основу, на которой можетъ развиваться Россія, защищалъ и другой, болѣе лѣвый идеологъ демократіи, Чернышевскій.

Славянофильскіе писатели сближались съ демократами въ признаніи огромной важности общины для русской исторіи. Но въ то время, какъ демократы цѣнили въ общинѣ заложенныя въ ней прогрессивныя начала, славянофилы обращали свое вниманіе на лежащія въ ней начала консервативныя.

„Въ Западной Европѣ личность и личная собственность развиты до крайности, а потому тамъ соціалисты и коммунисты опасны. Западъ въ своихъ передовыхъ людяхъ подходитъ къ тому, что у насъ существуетъ на дѣлѣ“, — писалъ славянофилъ Кошелевъ.

Славянофилы считали нужнымъ рѣшительно отмежеваться отъ демократовъ и въ вопросѣ объ общинѣ. „Г. Чернышевскій, — писалъ Кошелевъ, — защищаетъ мірское пользованіе или владѣніе землей, въ этомъ мы съ нимъ вполнѣ согласны; но г. Чернышевскій смотритъ на нынѣшнюю нашу общину, какъ на ступень къ другой, гдѣ явится общинный трудъ со всѣми принадлежностями; туда мы за г. Чернышевскимъ слѣдовать не расположены“... (Кошелевъ, „Русская Бесѣда“.)

Что же представляли собою община и мірской строй не какъ программные пункты, а какъ жизненныя отношенія помѣщиковъ и ихъ крѣпостныхъ? Могли ли эти институты „прошлой“ Россіи стать фундаментомъ Россіи „будущей“?

Поземельная община и мірской строй ко времени крестьянской реформы перестали уже играть ту роль, которую они играли въ эпоху прочности натуральнаго крѣпостного хозяйства, когда помѣщики въ крупныхъ вотчинахъ, какъ общее правило, практиковали „мірское“ управленіе крестьянами и передавали „міру“ распоряженіе всей отводимой крѣпостнымъ землей. Въ такихъ вотчинахъ крестьянскій „міръ“ (т. е. связанные круговой отвѣтственностью предъ

помѣщикомъ крѣпостные), подъ управленіемъ вотчинной конторы, обязанъ былъ слѣдить за строгимъ выполненіемъ основного правила крѣпостной экономіи: чтобы земля не пустовала безъ мужика, а мужикъ не сидѣлъ безъ работы.

Мужикъ и земля — это было помѣщичье „добро", и вотчинныя конторы при посредствѣ мірскихъ выборныхъ должны были наблюдать, чтобы барское „добро" не пропадало и приносило ихъ господину доходъ.

Дохода помѣщикъ получалъ больше въ томъ случаѣ, когда къ каждой десятинѣ помѣщичьей земли приставлено было нужное количество рабочихъ, когда земля была „уравнена по работникамъ". Помѣщикъ и крѣпостная администрація въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. еще строго наблюдали за тѣмъ, чтобы среди крестьянъ поддерживалось земельное „равненіе". Въ инструкціяхъ управителямъ своихъ вотчинъ помѣщики приказывали имъ производить „удобовозможное земельное равненіе" между крѣпостными и въ случаяхъ возникновенія земельнаго неравенства — заставлять крестьянъ передѣлять землю.

Земельными передѣлами крѣпостная экономія осуществляла не крестьянское „право на землю", а помѣщичье право на крестьянскую работу. Крѣпостной тяглецъ получалъ отъ помѣщика на свою долю землю не потому, что онъ имѣлъ на нее „право", а потому, что на немъ лежала обязанность работать на своего господина.

Отвѣчавшій круговой порукой крестьянскій „міръ" и, въ особенности, стоявшіе всегда во главѣ „міра" богатые крестьяне, были заинтересованы въ томъ, чтобы въ деревнѣ не создавалось земельнаго неравенства и чтобы изъ-за малоземелья слабые дворы не накопляли недоимокъ, за которыя надо было работать и платить „исправнымъ домохозяевамъ". Уравнивая земельные надѣлы, „міръ" равнялъ свои обязанности предъ помѣщикомъ „по силамъ" каждаго двора. Тамъ, гдѣ помѣщикъ возлагалъ на „міръ" обязанность слѣдить за правильнымъ поступленіемъ доходовъ, онъ иногда давалъ „міру" и власть принуждать крестьянъ исполнять приказы „міра" и вотчинной конторы. Арестъ, тѣлесное наказаніе, принудительныя работы и т. п. являлись главными средствами воздѣйствія на недоимщиковъ.

Мірской строй и передѣльную общину, оказавшіеся въ рукахъ помѣщиковъ такими важными органами управленія крѣпостными и использованія ихъ рабочихъ силъ, государственная власть, во второй половинѣ XVIII столѣтія, начинаетъ переносить въ среду крестьянъ, сидѣвшихъ на земляхъ казны.

Аграрная политика конца XVIII и первой половины XIX столѣтія состояла въ насильственномъ насажденіи среди государственныхъ крестьянъ передѣльной общины. Это насажденіе общины часто вызывало въ деревнѣ острые конфликты.

Въ первой половинѣ XIX столѣтія отношеніе помѣщиковъ къ передѣльной общинѣ значительно измѣнилось подъ вліяніемъ общихъ перемѣнъ, происшедшихъ къ этому времени въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Характеръ этихъ измѣненій былъ различенъ въ нечерноземныхъ и въ черноземныхъ губерніяхъ Россіи. Съ ростомъ городовъ и съ возникновеніемъ въ нечерноземной полосѣ очаговъ обрабатывающей промышленности у крѣпостныхъ крестьянъ, сидѣвшихъ здѣсь по преимуществу на оброкѣ, земледѣліе, по своему значенію въ крестьянскомъ бюджетѣ, начало постепенно отступать на задній планъ. Поэтому и помѣщики, поддерживая чрезъ свои конторы „мірскую" отвѣтственность за своевременное поступленіе оброка, переставали интересоваться тѣмъ, насколько „міръ" поддерживаетъ у крестьянъ земельное „равненіе"... Земельные передѣлы, о которыхъ такъ строго пеклись раньше „управители" крѣпостныхъ вотчинъ, во многихъ вотчинахъ перестали производиться. Но и въ тѣхъ вотчинахъ, гдѣ оброкъ помѣщика шелъ въ большей части отъ земли, помѣщики измѣняли свое отношеніе къ „равненію" земли по работникамъ. Система земельныхъ передѣловъ по мѣрѣ того, какъ земля становилась дороже, начала считаться „вредной" съ точки зрѣнія доходности, такъ какъ она создавала временность пользованія, исключающую возможность тщательнаго ухода за землей, удобренія ея и т. д.

Въ крупныхъ барщинныхъ имѣніяхъ на „міръ" возлагалась обязанность слѣдить за исправнымъ доставленіемъ помѣщику конныхъ и пѣшихъ рабочихъ рукъ и заботиться о томъ, чтобы каждое тягло доставляло помѣщику положенные „сборы" (холстъ, шерсть и т. д.). Но тягло „справлялось" съ земли, и вотчинныя конторы съ помощью „міра" наблюдали за тѣмъ, чтобы земля была „уравнена" съ числомъ рабочихъ. При возникновеніи неравенства въ землѣ или при появленіи новыхъ тяглъ, въ крупныхъ барщинахъ обычно производились земельные передѣлы.

Въ XIX столѣтіи въ барщинномъ хозяйствѣ также произошли многообразныя перемѣны, сильно измѣнившія отношеніе помѣщиковъ къ „уравнительному" пользованію у своихъ крѣпостныхъ*. Во многихъ барщинныхъ вотчинахъ помѣщики начали увеличивать барскую и сокращать крестьянскую запашку, доводя мѣстами крестьянское поле до ничтожныхъ размѣровъ. Иногда крестьянская запашка вовсе уничтожалась, и всѣ крестьяне превращались въ мѣсячныхъ рабочихъ. Мѣстами, помѣщики уничтожали и барское, и крестьянское поля. Землю же своего помѣстья они эксплоатировали сдачей въ аренду своимъ крѣпостнымъ, раздавая участки по силамъ дворовъ, безъ всякой круговой поруки.

---

* Въ малоземельныхъ имѣніяхъ о земельныхъ передѣлахъ и раньше не могло быть рѣчи

При такихъ перемѣнахъ въ барщинномъ хозяйствѣ, когда крестьянская запашка сокращалась или вовсе уничтожалась, передѣльная община теряла для помѣщика всякій смыслъ. Крѣпостныхъ, почти лишенныхъ земли, помѣщикъ еще держалъ связанными круговой порукой въ „міры“ для поддержанія „порядка“, но эти „міры“ крайне рѣдко являлись союзами, отвѣчающими передъ помѣщиками „всѣ за каждаго“ имущественно.

Такимъ образомъ, наканунѣ крестьянской реформы мірской строй и община, какъ органы крѣпостного хозяйства еще существовали, но мірской строй игралъ уже больше административную роль, а поземельная община тамъ, гдѣ помѣщики ее не уничтожили, была далека отъ того, чтобы обезпечивать крестьянамъ даже крѣпостное „право“ на землю“.

Публицистика 50-хъ годовъ XIX столѣтія отразила эту перемѣну роли общины и „міра“ въ крѣпостномъ хозяйствѣ. Не только публицисты-либералы, но и публицисты-славянофилы доказывали, что передѣльная община „вредна“ для сельскаго хозяйства, что земельные передѣлы являются актомъ „несправедливости“ по отношенію къ „трудолюбивымъ“ крестьянамъ, у которыхъ отбирается при передѣлѣ ихъ удобренная и хорошо обработанная земля; что община есть „примитивная“ форма землепользованія, и что она умретъ, какъ только землей станутъ „дорожить“. Объ этомъ неоднократно говорилось въ журналахъ и въ статьяхъ знаменитаго славянофильскаго тріумвирата — Самарина, Черкасскаго и Кошелева. Еще въ концѣ 40-хъ годовъ Черкасскій писалъ: „О вредѣ общиннаго землевладѣнія нечего распространяться, вредъ сей слишкомъ очевиденъ“.

Среди представителей правительства также все болѣе начинало распространяться убѣжденіе въ хозяйственномъ вредѣ общины. Самъ графъ Киселевъ, въ качествѣ министра гос. имуществъ такъ много сдѣлавшій для принудительнаго введенія передѣльной общины въ среду государственныхъ крестьянъ, въ 57 г. писалъ, что „общинное землевладѣніе имѣетъ для преуспѣванія хлѣбопашества явные недостатки“...

Казалось, дворянство при такихъ условіяхъ не станетъ настаивать на томъ, чтобы у освобожденныхъ крестьянъ осталась принудительная община. Но возникалъ вопросъ: какими средствами въ случаѣ уничтоженія принудительной общины заставить крестьянъ выполнять свои обязательства предъ казной и помѣщикомъ (поскольку обязательства передъ помѣщикомъ еще будутъ оставлены)? Или, какъ это удачно формулировалъ Ростовцевъ въ Ред. Ком.: „какъ соединить права свободнаго человѣка съ требованіями отъ него обязательнаго труда“? — На этотъ вопросъ огромное большинство помѣщиковъ отвѣчало, что у освобожденныхъ крестьянъ не можетъ не остаться тотъ же строй жизни, что и у крѣпостныхъ крестьянъ освобожденные крестьяне должны быть связаны круговой порукой въ „міры“, распоряжающіеся землей. „Безъ „міра“ помѣщикъ не

собралъ бы своихъ доходовъ ни оброкомъ, ни трудомъ, а правительство своихъ податей и повинностей", — говорилъ Ростовцевъ.

„Не очевидно ли, — писалъ по этому поводу Самаринъ, — что доходъ, поступающій отъ всѣхъ за круговою порукою, такъ сказать, застрахованный обществомъ, гораздо вѣрнѣе и надежнѣе дохода, зависящаго отъ доброй воли и состоятельности отдѣльно взятыхъ лицъ"; „въ то же время мірская опека будетъ дешевле, дѣйствительнѣе и разборчивѣе всякой другой".

Это осужденіе общины рядомъ съ требованіемъ оставить ее отмѣчено было современной печатью. „Въ литературѣ того времени большинство оказалось противниками общиннаго владѣнія въ теоріи, но ни одинъ голосъ не рѣшился выступить съ предложеніемъ о необходимости принудительныхъ мѣръ противъ существующей у насъ поземельной общины", — писалъ Кошелевъ послѣ реформы.

Что касается правительства, то помимо фискальныхъ мотивовъ оно стояло за принудительную общину потому, что не видѣло иного способа управлять освобожденными крестьянами, кромѣ какъ посредствомъ „міра", находящагося подъ надзоромъ властей. Еще въ то время, когда правительство насаждало поземельную общину, среди казенныхъ крестьянъ уже твердо была усвоена мысль о важности „міра" и „общины", въ смыслѣ административномъ. „Общинный порядокъ существуетъ въ Россіи съ давнихъ временъ, имъ утверждается административная сила правительства надъ милліонами людей", — говорилъ Киселевъ.

Построить бытъ освобождаемыхъ крестьянъ на общинно-мірскомъ основаніи признавалось тѣмъ болѣе правильнымъ, что на немъ былъ построенъ бытъ государственныхъ крестьянъ, правами которыхъ предполагалось надѣлить освобождаемыхъ крѣпостныхъ.

Но организуя жизнь отпускаемыхъ „на волю" крестьянъ на принудительной общинѣ, дворянство, несмотря на постоянно повторяемыя утвержденія объ „исконности" общины, о соотвѣтствіи ея „народному духу", мало вѣрило въ любовь къ ней самихъ крестьянъ. Это недовѣріе очень рельефно проявилось при обсужденіи вопроса о томъ, при какихъ условіяхъ крестьянамъ можно дать право перейти отъ общины къ наслѣдственно-подворному землевладѣнію.

Ред. Ком. въ своемъ проектѣ для перехода отъ общины къ подворному землевладѣнію требовали согласія $^2/_3$ сельскаго схода. Но для тѣхъ общинъ, которыя еще не перешли на выкупъ, а находились въ положеніи „временно обязанныхъ", Ред. Ком. требовали, чтобы, помимо согласія $^2/_3$ крестьянъ, еще было бы дано и согласіе помѣщика, которому раньше принадлежали крестьяне данной общины.

При голосованіи этого предложенія членъ Ред. Ком. Соловьевъ просилъ „выбросить" согласіе помѣщика. Противъ этого другой членъ Ред. Ком., славянофилъ Самаринъ, рѣшительно запротестовалъ: „Я уже на это никакъ не согласенъ, — отвѣтилъ онъ. — Я не

желаю окончательно подрывать общинное землевладѣніе". И „согласіе помѣщика" въ проектѣ Ред. Ком. было оставлено.

Славянофилъ Кошелевъ увидѣлъ въ разрѣшеніи крестьянамъ переходить къ подворью опасность для общиннаго землевладѣнія, въ особенности потому, что къ переходу къ подворью крестьянъ могло побуждать внесенное въ проектъ Ред. Ком. освобожденіе ихъ при такомъ переходѣ отъ круговой поруки по выкупнымъ платежамъ и оброку за землю. „Еще новый подкупъ въ пользу личнаго владѣнія", — писалъ Кошелевъ. „Къ счастью здѣсь поставлено „согласіе помѣщика"; онъ, вѣроятно, его не дастъ". Кошелевъ съ горечью укорялъ Ред. Ком. въ ослабленіи общины, въ склонности къ „нерусской теоріи" о возможно „большемъ освобожденіи личности отъ общественной связи". Въ примѣръ членамъ Ред. Ком., измѣняющимъ общинѣ, Кошелевъ ставилъ защиту русской общины иностранными банкирами: „иностранные банкиры Гомбергъ и Френкель, — писалъ онъ, — кажется, ставили въ видѣ условія займа сохраненіе общиннаго владѣнія въ крестьянскихъ обществахъ. Видно, ихъ чутье, — ядовито прибавлялъ Кошелевъ, — вѣрнѣе свѣдѣній многихъ изъ нашихъ опытныхъ хозяевъ". (Скребицкій. „Крестьянское дѣло".)

Большинство дворянскихъ комитетовъ при обсужденіи проекта реформы высказалось за сохраненіе принудительной общины за круговую поруку и мірское управленіе, какъ за институты, вполнѣ доказавшіе свою фискальную и административную пригодность въ крѣпостное время. При этомъ въ нѣкоторыхъ проектахъ оговаривалось, что частная собственность на землю болѣе выгодна въ „хозяйственномъ отношеніи".

Мотивы, приведенные въ нѣкоторыхъ дворянскихъ проектахъ въ пользу оставленія общины, показывали, что дворянство было заинтересовано въ общинѣ только на то время, пока крестьяне не ликвидируютъ своихъ обязательствъ, связанныхъ съ надѣльной землей; (проекты харьковск., рязанск., владим. дворянъ).

Однако, въ дворянскихъ комитетахъ, въ особенности среди помѣщиковъ черноземныхъ губерній, давно упразднившихъ въ своихъ вотчинахъ общину и круговую поруку, нашлись и рѣшительные противники поземельной общины. Въ одномъ изъ проектовъ по Курской губ. дворяне утверждали, что „хозяйственной общины и мірского распоряженія землей въ Курской губерніи не существуетъ". Воронежскій комитетъ говорилъ, что тамъ, гдѣ „вводится общинное землевладѣніе, появляются тунеядцы и міроѣды". Въ числѣ противниковъ общиннаго землевладѣнія оказалось и дворянство малороссійскихъ губерній, писавшее въ Ред. Ком., что „въ крѣпостное время общинный бытъ и круговая порука были неизвѣстны малороссіянамъ, и нѣтъ основанія, чтобы по упраздненіи крѣпостного права эти несродныя имъ явленія могли развиться".

Депутаты отъ дворянъ — противниковъ общины въ Ред. Ком. — поставили свои возраженія на политическую почву. Они говорили,

что Ред. Ком. въ своемъ проектѣ общинно-мірской организаціи создали „не реальную схему", схему, „не принимающую въ расчетъ ни историческаго быта, ни мѣстныхъ условій", что проектируемый Ред. Ком. общинно-мірской строй вноситъ „въ русскую жизнь крайній демократическій принципъ, который несовмѣстимъ съ сильною правительственною властью и отъ котораго могутъ пострадать общественный порядокъ и спокойствіе въ государствѣ". „Сельскія общины явятся постоянной коалиціей работниковъ", которая будетъ ставить „землевладѣльца въ зависимость отъ прихоти наемниковъ".

Въ своемъ отвѣтѣ на эти возраженія Ред. Ком. выражали прежде всего глубокое изумленіе по поводу обвиненія въ „нереальности" ихъ проекта, предъявленнаго депутатами между прочимъ Великороссійскихъ губерній, „гдѣ 3 милліона душъ оброчныхъ крестьянъ, пользуется полнѣйшимъ осуществленіемъ самаго свободнаго устройства, управляясь сами собою, безъ посторонняго вмѣшательства и съ примѣрною исправностью отправляя всѣ лежащіе на нихъ платежи и повинности". По мнѣнію Ред. Ком., община не только не благопріятствуетъ развитію демократическаго разрушительнаго начала, но, наоборотъ, она „укрѣпляетъ самый надежный, въ Европѣ, къ сожалѣнію, исчезающій, оплотъ противъ него". Также неправильно утвержденіе депутатовъ, будто общины являются „коалиціями" крестьянъ противъ дворянъ и правительства. Ничего подобнаго общины дать не могутъ, ибо коалиціи работниковъ противъ капиталистовъ и властей со всѣми ихъ послѣдствіями развиваются только тамъ, гдѣ давно уже нѣтъ слѣдовъ поземельной общины — во Франціи, въ Ирландіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи". „Тамъ распущенныя личности, не связанныя никакимъ общимъ поземельнымъ интересомъ, предоставленныя самимъ себѣ, сознали свою единичную слабость и сложились въ искусственные союзы, враждебные правительству, собственности и общему порядку".

Община, привязывая населеніе къ землѣ, всегда давала прочную опору общественному порядку. „Въ земледѣльческомъ сословіи, тамъ, гдѣ оно сохранило крѣпкую общинную организацію, антисоціальныя стремленія никогда не находили отголоска. Это сословіе въ критическія минуты всегда служило правительствамъ самою надежною опорою для охраненія общаго порядка и спокойствія", — писали Ред. Комиссіи.

Вынужденное оставить общинно-мірской строй, какъ самый простой способъ обезпечить интересы фиска и сохранить порядокъ въ государствѣ, дворянство и въ комитетахъ, и въ Ред. Ком. не переставало помнить о явномъ „вредѣ" земельныхъ передѣловъ для крестьянскаго хозяйства. Не довѣряя „міру" и въ этомъ отношеніи, дворянство считало опаснымъ передать этотъ вопросъ его усмотрѣнію и въ однихъ проектахъ запрещало вовсе земельные передѣлы,

въ другихъ — допускало передѣлы только въ случаяхъ „крайней необходимости". Ред. Ком. въ свой первоначальный проектъ Положенія ввели требованіе, чтобы земельные передѣлы допускались только при согласіи большинства въ $^{9}/_{10}$ голосовъ схода*, т. е. въ сущности запретили передѣлы. Внося эту статью въ свой проектъ Ред. Ком. ссылались „на несомнѣнное отвращеніе всей литературы къ системѣ земельныхъ передѣловъ и на явное нерасположеніе къ ней губернскихъ комитетовъ, изъ числа которыхъ только очень немногіе высказались въ ея пользу"... Доказывая вредъ земельныхъ передѣловъ, Ред. Ком. ссылались не только на помѣщичью практику, но и на мнѣніе „лучшихъ" крестьянъ.

„Къ постепенному искорененію этого обычая не только постоянно клонились заботы помѣщиковъ, но стремились лучшіе и трудолюбивѣйшіе изъ крестьянъ, усматривавшіе въ каждомъ передѣлѣ неминуемые и ничѣмъ невознаградимые для себя убытки"... По этимъ соображеніямъ Ред. Ком. не сочли возможнымъ предоставить вопросъ о передѣлахъ произволу „численно превосходной толпы"...

Круговая порука, принудительная община, мірская опека надъ крестьянами — все это были главные устои крѣпостного быта. Приявъ эти устои, Ред. Ком. сочли необходимымъ внести въ свой проектъ Положенія и такіе аксессуары крѣпостного режима, какъ тѣлесное наказаніе, ограниченія правъ недоимщиковъ и т. д.

Все это логически вытекало изъ того, что проектъ „Положенія" разсматривалъ бывшаго крѣпостного не какъ „новаго гражданина", а какъ неоплатнаго и при томъ нерадиваго должника. И вся система крестьянскаго права, изложенная въ „Положеніи 1861 г.", была прежде всего собраніемъ правилъ, опредѣляющихъ размѣръ крестьянскихъ обязательствъ, и изложеніемъ способовъ принужденія мужика къ выполненію этихъ обязательствъ.

Потому-то всѣ вопросы, которые такъ или иначе затрагивали права крестьянъ, творцы „Положенія 1861 г." освѣщали прежде всего съ точки зрѣнія „хозяйственной"...

Можно ли крестьянину дать право безъ согласія „міра" получать паспортъ? Нельзя, „міръ" долженъ сначала опредѣлить, не недоимщикъ ли крестьянинъ, просящій паспортъ. „Чтобы круговая отвѣтственность, установленная общими для податныхъ сословій законами, не потеряла своей силы, необходимо также предоставить сельскому обществу означенное право, прямо истекающее изъ нея", — писали по этому поводу Ред. Ком.

Можно ли взрослымъ членамъ двора безъ согласія „міра" дать право образовать новый дворъ путемъ семейнаго раздѣла? Нѣтъ, „міръ" долженъ рѣшить, будетъ ли новый дворъ, достаточно сильнымъ плательщикомъ.

---

* „Въ Положеніи 1861 г." это большинство было уменьшено до $^{2}/_{3}$ голосовъ.

Нужно ли оставить новымъ свободнымъ обывателямъ тѣлесное наказаніе или нужно его отмѣнить? Необходимо оставить, такъ какъ это наиболѣе „дешевое“ для мужика наказаніе. Тѣлесное наказаніе не отрываетъ мужика отъ работы, какъ это имѣетъ мѣсто при арестѣ.

Тѣлесное наказаніе не наказываетъ вмѣстѣ съ виновнымъ его семью, какъ это бываетъ при штрафахъ. „У нашихъ крестьянъ денегъ совсѣмъ нѣтъ. Практика доказала, что они сами замѣняютъ денежное наказаніе тѣлеснымъ“, — говорилъ въ Ред. Ком. Милютинъ. — „Къ сожалѣнію въ крестьянскомъ быту тѣлесное наказаніе есть единственное, которое падаетъ на виновнаго. Штрафъ денежный падаетъ на весь домъ, значитъ, на всю семью, жену и дѣтей виновнаго“, — говорилъ въ Ред. Ком. Самаринъ.

„Я не имѣю въ этомъ отношеніи (въ вопросѣ о тѣлесномъ наказаніи) никакой pruderie, — писалъ въ 1858 г. славянофилъ И. С. Аксаковъ кн. Черкасскому, — и знаю, что крестьянинъ предпочитаетъ тѣлесное наказаніе всякому насильственному задержанію, contrainte par corps.“

Если такъ „объективно“ разсуждали передовые дѣятели крестьянской реформы о мужикѣ и его „corps“, то сужденія рядового дворянства были еще болѣе пропитаны крѣпостническимъ практицизмомъ *.

19 февраля 1861 г. было опубликовано новое крестьянское Положеніе, и Россія начала свою пореформенную исторію.

Пожеланіе Герцена составить крестьянамъ „міръ“ и „общину“ было исполнено, но въ такомъ видѣ какъ это нужно было дворянству...

IV.

Крѣпостная деревня на объявленіе условій своего освобожденія отвѣтила повсемѣстнымъ движеніемъ, принявшимъ во многихъ районахъ Россіи чрезвычайно грозныя формы. Крестьянство выступило противъ помѣщиковъ со сплоченностью, поразившей даже тѣхъ, кто былъ свидѣтелемъ все обострявшихся конфликтовъ въ крѣпостной деревнѣ въ послѣднее передъ освобожденіемъ десятилѣтіе.

„Уставныхъ грамотъ крестьяне рѣшительно подписывать не хотятъ... Это новая кабала, которую выдумали бары, для того, чтобы сказать царю: вѣдь сами крестьяне хотятъ ходить на барщину или же на оброкъ...“ — писалъ Кошелевъ 1861 г. изъ Рязанской губ... „Общее настроеніе крестьянъ, ожиданіе новаго положенія, недовольство настоящимъ и пассивная оппозиція — мы все вы-

---

* Мы здѣсь не пишемъ біографіи дѣятелей реформы и потому не даемъ всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которые могли бы изобразить въ должномъ масштабѣ этихъ представителей дворянства.

несемъ, всему покоримся и ничего не примемъ, ничѣмъ не заявимъ своего согласія", — такъ характеризовалъ Самаринъ настроеніе крестьянъ въ Самарской губ., гдѣ онъ былъ членомъ губерн. присутствія.

Въ Новгородской губ. крестьяне, по словамъ мирового посредника, ждали надѣленія ихъ „Царскимъ нарѣзомъ, — когда пройдетъ царская цѣпь". Никто изъ нашихъ крестьянъ не признаетъ уставныхъ грамотъ говоря, „что это господская выдумка" (Записки Носовича по Новгор. губ.).

Мировой посредникъ Саратовской губ. писалъ: „народъ ожидалъ другой воли, царскаго надѣла, который одни опредѣлили въ восемь, другіе въ двѣнадцать десятинъ на душу, распространялся слухъ, что земля отъ помѣщиковъ отбирается, и послѣдніе ее получатъ по числу душъ своего семейства, а остальное нарѣжется крестьянамъ. Не слѣдуетъ подписывать уставныя грамоты, надо ждать новой воли и царскаго надѣла, кто же подпишетъ — идетъ навсегда въ кабалу"... (Записки мирового посредн. Сарат. губ.)

Дворянство почувствовало себя въ плѣну у крестьянской массы. Первоначальное недовольство многихъ помѣщиковъ „Положеніемъ 1861 г.", потребовавшимъ отъ нихъ „огромныхъ жертвъ", быстро начало исчезать. „Нельзя не признать, что и положеніе наше, помѣщиковъ, на первое время весьма незавидное. Я ежечасно убѣждаюсь, что въ образованныхъ помѣщикахъ начинаютъ разсѣиваться многія предубѣжданія противъ нашихъ работъ"... „Помѣщики за наше „Положеніе" частенько хватаются уже, какъ за якорь спасенія" — писалъ кн. В. А. Черкасскій чрезъ два мѣсяца послѣ объявленія манифеста...

Земледѣльческія работы лѣтомъ и осенью 1861 г. крестьяне производили крайне неохотно. — „Крестьяне всячески стараются отбить у насъ охоту заниматься хозяйствомъ, на оброкъ не идутъ, барщину отправляютъ какъ можно хуже. Воровство и самоволіе развились въ страшныхъ размѣрахъ". „Сколько хлѣба погнило и потравлено въ нынѣшнемъ году", — писалъ Кошелевъ.

Холодное отношеніе въ общемъ встрѣтило „Положеніе 1861 г." и въ литературѣ. Это возмутило назначеннаго послѣ Ланского м-ра в. дѣлъ Валуева, и онъ, отмѣтивъ, что „литература наша поетъ все минорнымъ тономъ", заявилъ „что не оставитъ министерства, пока не заставитъ ее пѣть тономъ мажорнымъ". (Изъ письма И. С. Аксакова въ 1861 г.)

Оппозиція крестьянства заставила задуматься надъ своей работой главныхъ авторовъ „Положенія 1861 г.", кн. Черкасскаго, Самарина, Милютина и Соловьева. Въ составленіи „Положенія" 1861 г. особенно велика была роль Ю. Ѳ. Самарина и кн. В. А. Черкасскаго.

Мотивировка главнѣйшихъ статей и отдѣловъ „Положенія 1861 г." ярко отразила тѣ взгляды, которые кн. Черкасскій и Са-

маринъ развивали въ общей литературѣ. И эти два дѣятели имѣли полное право называть „Положеніе 1861 г." „нашимъ трудомъ", „нашей работой"...

Вполнѣ естественно, что кн. Черкасскій и Самаринъ особенно живо почувствовали потребность посмотрѣть на свою работу послѣ того, какъ она начала примѣняться „къ живому помѣщико-крестьянскому организму".

Результаты пересмотра „Положенія" у кн. Черкасскаго и Самарина были совершенно одинаковы: оба независимо одинъ отъ другого пришли къ выводу, что они шли „по вѣрному пути". „Въ досугахъ двухмѣсячнаго моего уединенія, я многократно и строго вопрошалъ и свою совѣсть и самую дѣйствительность, выступившую безъ прикрасъ и обольщеній. Изъ допроса этого я вынесъ твердое убѣжденіе, что наше дѣло правое, что наша совѣсть чиста и что коренныхъ ошибокъ мы не сдѣлали... Положа руку на сердце, я по чистой совѣсти повторилъ бы безстрашно вновь уже пройденный путь и не отступилъ бы ни въ чемъ существенномъ отъ принятой нами системы", — писалъ кн. Черкасскій своимъ друзьямъ Самарину, Милютину, Кошелеву и Соловьеву въ маѣ 1861 г. — „Такъ же, какъ Черкасскій, — писалъ Самаринъ, — я на досугѣ провѣрилъ его (Положеніе) и вдоль, и поперекъ и пришелъ совершенно къ тому же окончательному заключенію, къ какому и онъ"...

Однако, полное бурныхъ конфликтовъ въ деревнѣ лѣто 1861 г. заставило кн. Черкасскаго еще разъ вернуться къ „Положенію" и еще разъ пересмотрѣть его содержаніе.

На этотъ разъ кн. Черкасскій пришелъ къ знаменательному выводу. Онъ призналъ, что „Положеніе" въ извѣстной степени повинно въ создавшихся отношеніяхъ между помѣщиками и крестьянами и что въ него необходимо внести два существенныхъ дополненія: надо, во первыхъ, возстановить тѣлесное наказаніе въ барщинныхъ имѣніяхъ и, во-вторыхъ, что самое важное — раздробить общину.

Доводы, приведенные Черкасскимъ въ пользу необходимости „раздробленія общины", поражаютъ своимъ сходствомъ съ доводами въ защиту разрушенія общины, раздавшимися среди дворянства спустя 45 лѣтъ послѣ реформы, во время крестьянскаго движенія 1905—1906 гг.

Въ 1861 году крестьяне „міромъ" отказывались вступать въ выкупныя сдѣлки съ помѣщиками, ожидая улучшенія условій освобожденія. Отдѣльные дворы, которые желали идти на выкупъ, не имѣли на то права, такъ какъ „Положеніе 1861 г." разрѣшало выходить на выкупъ только цѣлыми общинами.

Кн. Черкасскій въ письмахъ къ своимъ друзьямъ доказывалъ необходимость измѣнить относящуюся сюда часть „Положенія" въ томъ смыслѣ, чтобы дать отдѣльнымъ крестьянамъ (по крайней

мѣрѣ тѣмъ, которые могли обойтись безъ казенной ссуды) право выходить изъ общины и выкупать свои надѣлы за свой страхъ безъ „міра“ и безъ круговой поруки.

Такой мѣрой Черкасскій считалъ возможнымъ разорвать создавшійся кругъ: „отдѣльными выходами изъ общины, — писалъ онъ, — сплошная масса будетъ разбита на куски...“

Правомъ выхода воспользуются, конечно, прежде всего наиболѣе „достаточные“ крестьяне... весь „капиталъ“ и „интеллигенція“ деревни: въ результатѣ, въ селеніяхъ „постепенно учредится (и весьма въ скоромъ времени) классъ умныхъ, вліятельныхъ и сильныхъ собственниковъ, которые послужатъ лучшей преградой противъ захватовъ общины, нынѣ направляемыхъ противъ одного помѣщика“. „Люди эти будутъ лучшіе союзники послѣдняго и лучшій и вѣрнѣйшій элементъ порядка въ селѣ“. „Съ ихъ помощью вовсе не страшны столь пугающіе васъ захваты крестьянъ и выкуриваніе помѣщиковъ обществомъ“, — писалъ Черкасскій Самарину и Кошелеву.

У своихъ друзей Черкасскій не встрѣтилъ сочувствія.

„Вы, любезный князь, — отвѣчалъ Кошелевъ, — сами видите, что крестьянство такъ сложилось, что необходимо дѣйствовать на него обходами, т. е. необходимо разбить общину. Le remède est pire, que le mal“.

„На такое снадобье я не согласенъ, если бы мы были и при послѣднемъ издыханіи, но, слава Богу, мы отъ того далеки, мы еще не въ отчаянномъ положеніи“.

„Вы предлагаете двѣ мѣры — первую усиленіе дисциплинарныхъ мѣръ, т. е. тѣлесныхъ наказаній. Съ этимъ я вполнѣ согласенъ, что касается до второй мѣры, то эту мѣру я считаю безбожною и объ ней ничего и говорить не хочу“, — такъ кончалъ свое письмо Кошелевъ.

Самаринъ не согласился ни съ одной изъ мѣръ, предложенныхъ Черкасскимъ.

По поводу общины онъ дружески журилъ Черкасскаго за его нетерпѣливое желаніе ускорить ходъ вещей и помочь разложенію общины и напоминалъ ему о пролетаріатѣ, который вырастаетъ на мѣстѣ разрушенной общины: „Хочется и ему (Черкасскому) забѣжать впередъ, предрѣшить историческій процессъ первостепенной важности, ускорить разложеніе поземельной общины и толкнуть ее на другой путь, забывая, что этотъ путь замыкается тупикомъ, въ которомъ гнѣздится коммунизмъ“, — писалъ Самаринъ.

Крестьянское движеніе уже къ концу 1861 г. пошло на убыль.

Хотя по свѣдѣніямъ министерства внутреннихъ дѣлъ, крестьяне и общинной, и подворной Россіи мѣстами еще въ 1862 г. продолжали ждать „чернаго передѣла“, но сопротивленіе крестьянъ введенію уставныхъ грамотъ къ 1862 году значительно ослабѣло.

Въ 1862 году дворянство почувствовало подъ собой твердую

почву: сплошная оппозиція крестьянъ была разбита и въ „обходныхъ движеніяхъ" противъ нихъ не было никакой нужды. Кн. Черкасскій болѣе не настаивалъ на своихъ предложеніяхъ: съ принятіемъ „Положенія" дѣло налаживалось, и мировые посредники (къ числу которыхъ принадлежалъ и Черкасскій), думали теперь не объ уставныхъ грамотахъ, а о пріученіи крестьянъ къ свободному наемному труду...

„Теперь я лично напираю болѣе всего на строгій надзоръ за вольно-наемнымъ трудомъ въ своемъ участкѣ, держу работниковъ крайне строго, расточаю на нихъ несравненно болѣе розогъ, чѣмъ на всѣхъ обязанныхъ крестьянъ, и стараюсь въ этомъ смыслѣ тяготѣть и на губернское присутствіе, и на всѣхъ нашихъ мировыхъ посредниковъ", — писалъ Черкасскій Кошелеву.

Кошелевъ отвѣчалъ на это сочувственнымъ письмомъ: „Весьма съ вами согласенъ, что теперь посредники должны обратить особенное вниманіе на устройство вольнаго труда. Скверна барщина, но онъ еще хуже. Работники своевольничаютъ, и мы должны покориться ихъ прихотямъ, иначе всею гурьбою они отъ насъ уходятъ. Они работаютъ не лучше барщинскихъ, а между тѣмъ обходятся дороже. Это обойдется, но ужасно то, что мы не имѣемъ никакого обезпеченія на счетъ работъ. Въ самое нужное время они откланиваются, и на нихъ нѣтъ суда. На это обстоятельство посредники должны обратить преимущественное вниманіе".

Мировые посредники и губернскія присутствія выслушивали такіе совѣты помѣщиковъ, принимали ихъ къ руководству и „расточали розги"...

* * *

Въ 1864 году составленіе уставныхъ грамотъ было закончено и крестьяне окончательно приняли „Положеніе 1861 г."... „Крестьянскій вопросъ" вступилъ въ свою пореформенную фазу...

И. Чернышевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ..

(1866 г.)

I.

Первое покушеніе на жизнь Александра II озадачило всѣхъ простыхъ людей до столбняка. Вмѣстѣ съ народною молвою средніе обыватели Питера быстро установили, что это дѣло помѣщиковъ — за то, что у нихъ отняли ихъ собственность — тогда съ душою и тѣломъ, — крѣпостныхъ; вотъ они и рѣшились извести царя. Интеллигенція, конечно, думала иначе.

Студенчество 60-хъ годовъ клокотало подавленнымъ вулканомъ и его прорывало въ разныхъ мѣстахъ опасными неожиданностями. Внутри образованныхъ кружковъ молодая жизнь кипѣла идеями Чернышевскаго. Ссылка его пролетѣла ураганомъ изъ края въ край черезъ университеты. Бурлило тайно все мыслящее; затаенно жило непримиримыми идеями будущаго и вѣрило свято въ 3-й сонъ Вѣры Павловны («Что дѣлать?»)

Конечно, въ этомъ движеніи не было ничего новаго: освободительное движеніе только приспособлялось къ новой средѣ, а въ существѣ дѣла — тлѣли въ нашемъ образованномъ обществѣ все тѣ же конституціонные идеалы.

Даже у насъ, въ Академіи Художествъ, глухо, по-своему, волновались смѣлыя головы, пробившіяся въ столицу изъ дальнихъ краевъ и подогрѣтыя здѣсь свѣжими событіями 1861 года.

Въ 60-хъ гг. ученичество Академіи Художеств было болѣе, чѣмъ ремесленнаго закала: бѣдное, лохматое и малообразованное; особенно провинціальные акценты, съ разнообразіемъ потертыхъ инородческихъ костюмовъ, дѣлали всю эту ватагу своею — домашнею. Больше всего выдѣлялись малороссіяне: съ особенной развязностью они громко и пѣвуче не умѣли молчать.

Въ классѣ гипсовыхъ фигуръ я сидѣлъ плечомъ къ плечу съ хохломъ Н. И. Мурашко; онъ меня очень интересовалъ. Во всей его фигурѣ, съ хохлацкой граціей лѣнтяя, въ манерѣ говорить загадочными обрывками фразъ и въ костюмѣ, съ большею кокетливостью санкюлота, была даже картинность. Онъ, видимо, щего-

лялъ, замѣчая свое неотразимое впечатлѣніе на простаковъ и особенно на барышенъ. Частенько громко произносилъ онъ имена и изреченія изъ прочитанныхъ имъ интересныхъ книгъ и біографій, и любилъ, и имѣлъ способность быстро завладѣвать товарищами и не стѣснялся пускать имъ пыль въ глаза.

Мы скоро сошлись ближе: онъ особенно нравился мнѣ тѣмъ, что много читалъ и имѣлъ превосходную память. Онъ не безъ рисовки казался загадочнымъ и намекалъ не разъ на опасности, по которымъ онъ скачетъ до поры до времени. Лѣтомъ онъ въ родныхъ мѣстахъ Украйны, записывалъ «*з народніх уст*». Онъ прекрасно владѣлъ малорусскимъ языкомъ. Своими разсказиками-анекдотами, часто сказочнаго характера, онъ потѣшалъ насъ до слезъ. Въ знакомыхъ домахъ, особенно у Праховыхъ, отъ него не отставали, пока онъ не прочтетъ чего-нибудь изъ своихъ мелкихъ, закомканныхъ листковъ. Хохотали безконечно, особенно Іосифъ Васильевичъ Полубинскій и сестра его Авдотья Васильевна, мать Праховыхъ — необыкновенно почетная *матрона,* мать дѣтей, выдающихся своею ученостью на весь университетъ временъ ректорства Изм. Ив. Срезневскаго.

По обличью ученики, соотвѣтственно своимъ интересамъ, рѣзко дѣлились на кружки: «по старому уставу», особенно вольнослушатели, были очень беззаботны насчетъ литературы и — по уставу 59 года, прогрессисты, соприкасавшіеся со студенчествомъ. Эти отличались особенною заботливостью о литературѣ. Учились на лекціяхъ, читали и особенно быстро поглощали всѣ фейерверки текущей злободневной тогда журналистики, не только русской, но были знакомы даже и съ «Фонаремъ» Рошфора.

У каждаго «развитого» (о, какой онъ развитой! — говорилось о такихъ и этимъ говорилось все) — были излюбленныя три лица, карточки съ нихъ стояли на самомъ почетномъ мѣстѣ письменнаго стола; лица эти большею частью были: *Чернышевскій, Лассаль* и *Прудонъ.*

Ненавистныя лица—тоже три,—вырѣзанныя изъ фотографическихъ карточекъ, болтались на висѣлицахъ, на особо устроенномъ эшафотикѣ, гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ стѣны, посреди комнаты.

Лица эти были: Катковъ, М. Н. Муравьевъ и Наполеонъ III.

Изъ литературы два героя, какъ образчики для подражанія, преобладали въ студенчествѣ: *Рахметовъ* и *Базаровъ.* Книгой «Что дѣлать?» зачитывались не только по затрепаннымъ экземплярамъ, но и по спискамъ, которые сохранялись вмѣстѣ съ писанной запрещенной литературой и недозволенными карточками «политическихъ».

Хохловъ я очень полюбилъ за ихъ ласковость и звучныя пѣсни, которыя они прекрасно и стройно пѣли на нашихъ вечерахъ послѣ академическаго вечерняго класса. По очереди мы собирались рисовать у кого-нибудь изъ товарищей. Хозяинъ комнаты, нашъ

же товарищъ, хлопоталъ о самоварѣ и сидѣлъ *на натурѣ*, для всей компаніи.

Симпатизируя всегда малороссіянамъ, скоро и я добылъ себѣ «*кирею з видлогою*» и ходилъ въ ней, часто краснѣя отъ вниманія петербургской публики. У меня былъ урокъ по Шпалерной улицѣ, и путь мой лежалъ по Дворцовой набережной до самаго Литейнаго моста, тогда еще разводного, деревяннаго, на баркахъ. Здѣсь аристократическая знать, катающаяся на набережной, не разъ наводила на меня лорнеты, отъ нихъ я сгоралъ отъ жалости къ себѣ. Но однажды я даже сподобился встрѣтиться лицомъ къ лицу съ императоромъ Александромъ II.

Возвращаясь съ урока, я понуро-усталый одолѣвалъ свою длинную дорогу. Вдругъ... подымаю голову, сторонюсь къ гранитной стѣнкѣ набережной — глазамъ не вѣрю: прямо передо мною величественно, по-царски, высоко поднявъ голову, шелъ, не торопясь, царь. Я такъ растерялся и заглядѣлся на него, — что даже забылъ снять барашковую кучму; и только очутившись позади его, я снялъ шапку. Разумѣется, государь не только не замѣтилъ моей «киреи з видлогою» подъ кучмой, но даже и моей растерянности въ кучмѣ.

II.

Довольно тонко и ѣдко Мурашко часто иронизировалъ по-хохлацки, надъ всѣмъ и всѣми; онъ презиралъ всѣ установившіеся правила и обычаи. Однажды, это было послѣ, мы напросились съ нимъ въ мастерскую Семирадскаго, уже бывшаго конкурентомъ. Мурашко такъ иронизировалъ и какъ-то ползалъ передъ дверью мастерской, что Семирадскій сказалъ остро и рѣшительно, что онъ проситъ Мурашку оставить здѣсь въ коридорѣ, за дверью, свою иронію, иначе онъ его не пуститъ въ студію. Иногда онъ приходилъ ко мнѣ въ 11 час. вечера; послѣ двухъ словъ ложился прямо на полъ, и пока я хлопоталъ устроить его на диванчикѣ, онъ уже спалъ глубокимъ сномъ праведника и такъ всю ночь. Онъ вставалъ рано и потому спалъ летаргически, а къ вечеру всегда клевалъ носомъ.

Странно, при всей дерзости своего откинутаго лба и большихъ *буркалъ* тяжелаго взгляда, онъ былъ необыкновенно подверженъ органическому страху высоты.

Когда мы втроемъ (третій былъ П. И. Шестовъ) взобрались на вершину Исаакіевскаго собора, то Мурашко, на корточкахъ, уцѣпившись за подножіе желѣзныхъ перилъ, не могъ отползти одной пяди отъ люка, изъ котораго по площадкѣ можно было кругомъ обозрѣвать дали всего Питера.

Однажды въ классѣ, подъ скрипъ карандашей, онъ мнѣ таинственно буркнулъ: ты знаешь — сегодня що булъ?

И разсказалъ мнѣ о покушеніи на Александра II въ Лѣт-

немъ саду. Эта вѣсть уже вихремъ облетѣла не только Питеръ, но и всю Россію по телеграфу... Я слыхалъ все и сокрушался до трусости. Въ послѣдній мѣсяцъ я часто нарочито выгадывалъ время, чтобы опять встрѣтить государя на набережной. Однажды, остановившись въ небольшой кучкѣ людей, я видѣлъ его у воротъ Лѣтняго сада. Царскія сани стояли въ ожиданіи. Государь съ дочерью Маріей Александровною приближался къ санямъ; здѣсь, прежде чѣмъ сѣсть въ сани, государь завязалъ башлыкъ великой княжнѣ. Такъ было тогда просто: царственныя особы, ничего не остерегаясь, гуляли безъ всякой охраны, ѣздили въ открытыхъ саняхъ и самъ государь гулялъ запросто въ Лѣтнемъ саду, при публикѣ, безъ запрета кому бы то ни было.

Послѣ потрясшаго всѣхъ происшествія я сталъ думать о своей киреѣ съ видлогою. Дѣло въ томъ, что вездѣ бѣгало недоумѣніе — кто могъ покуситься на Освободителя? Думали на поляковъ, на помѣщиковъ (еще не улегся дымъ пожаровъ 62 года), и никакъ у простого обывателя не укладывалось въ головѣ, чтобы покусился учащійся студентъ.

Кирея моя могла быть сочтена за демонстративный польскій костюмъ, и я спѣшилъ промѣнять ее на обыкновенное пальто.

Избавитель Осипъ Ивановичъ Комисаровъ-Костромской быстро становился героемъ дня, но у насъ онъ не имѣлъ успѣха: злые языки говорили, что въ толпѣ, тогда у Лѣтняго сада, этотъ шапошникъ былъ выпивши и его самого страшно избили, принявши за покусителя. А потомъ болтали, что въ разгарѣ его славы жена его въ магазинахъ требовала отъ торговцевъ большихъ уступокъ на товарахъ ей, какъ «женѣ спасителя»...

Административный вихрь зловѣще носился надъ учащейся молодежью, быстро слѣдовали аресты за арестами, сколько было сожжено запрещенной литературы печатной и писаной! И быстро *рѣшена* была смертная казнь Каракозова, стрѣлявшаго въ государя.

III.

Еще темненько было въ роковое утро, на зарѣ, а мы съ Н. И. Мурашко уже стояли въ безконечной толпѣ на Большомъ проспектѣ Васильевскаго Острова. Вся дорога къ Галерной Гавани, шпалерами, густо, по обѣ стороны улицы, была полна народомъ, а посрединѣ дороги быстро бѣжали непрерывныя толпы — все на Смоленское Поле *.

---

* Хотя официальный историкъ „Жизни и Царствованія Императора Александра II" С. С. Татищевъ утверждаетъ въ своей монографіи, что казнь надъ Каракозовымъ была совершена „на гласисѣ Петропавловской крѣпости" (т. II, стр. 7), но я, какъ очевидецъ, свидѣтельствую, что мѣстомъ казни Каракозова было Смоленское Поле.

Понемногу продвигались и мы по тротуару къ мѣсту казни...

Вотъ и поле, видна и висѣлица, вдали чернымъ глаголемъ стоявшая надъ деревяннымъ эшафотомъ — простыми подмостками. Оглядѣвъ поле, сплошь заполнявшееся черными, колыхавшимися безпокойно человѣчками, мы остановились на большихъ кучахъ земли, селитры или угля, насыпанныхъ правильными четырехугольниками величиною съ большіе продолговатые сараи. Рѣшили и мы взобраться на одинъ изъ этихъ брустверовъ, выбирая мѣсто, откуда можно было бы видѣть и преступника поближе, когда его будутъ провозить мимо насъ.

Толпа все росла, и мы, смекнувъ, что насъ оттираютъ, догадались перемѣнить мѣсто; лучше стоять гдѣ-нибудь на тротуарѣ — тамъ ближе проѣдетъ позорная колесница, а здѣсь, на нашей крышѣ, лица не разсмотрѣть хорошенько, все же далеко, и висѣлица далеко. Уже совсѣмъ былъ бѣлый день, когда вдали заколыхалась, безъ рессоръ, черная телѣга со скамеечкой, на которой сидѣлъ Каракозовъ. Только на ширину телѣги дорога охранялась полиціей, и на этомъ пространствѣ ясно было видно, какъ качался изъ стороны въ сторону на толчкахъ преступникъ на мостовой бугыжника, прикрѣпленный къ досчатой стѣнкѣ-лавочкѣ, онъ казался манекеномъ безъ движенія. Спиной къ лошади онъ сидѣлъ, не мѣняя ничего въ своей омертвѣлой посадкѣ... Вотъ онъ приближается, вотъ проѣзжаетъ мимо насъ. Все шагомъ — и близко мимо насъ. Можно было хорошо разсмотрѣть лицо и все положеніе тѣла. Закаменѣвъ, онъ держался, повернувъ голову влѣво. Въ цвѣтѣ его лица была характерная особенность одиночнаго заключенія — долго не видавшее воздуха и свѣта, оно было желтоблѣдное, съ сѣроватымъ оттѣнкомъ; волосы его — свѣтлаго блондина, — склонные отъ природы курчавиться, были съ сѣро-пепельнымъ налетомъ, давно не мытые и свалянные кое-какъ подъ фуражкой арестантскаго покроя, слегка нахлобученной напередъ. Длинный, впередъ выдающійся носъ похожъ былъ на носъ мертвеца, и глаза, устремленные въ одномъ направленіи — огромные сѣрые глаза, безъ всякаго блеска, казались также уже по ту сторону жизни: въ нихъ нельзя было замѣтить ни одной живой мысли, ни живого чувства; только крѣпко сжатыя тонкія губы говорили объ остаткѣ застывшей энергіи рѣшившагося и претерпѣвшаго до конца свою участь. Впечатлѣніе въ общемъ отъ него было особо страшное. Конечно, онъ несъ на себѣ, ко всему этому облику, рѣшенный надъ нимъ смертный приговоръ, который (это было у всѣхъ на лицахъ) — свершится сейчасъ.

Сбѣжавшаяся сюда толпа со всего Питера, даже съ самыхъ отдаленныхъ предмѣстій, вся объединилась въ одномъ безпокойномъ метаніи на мѣстѣ; все колыхалось, толкалось и шумѣло глухо задавленнымъ отрывистымъ киданіемъ какихъ-то безсмысленныхъ словъ, выраженія лицъ были почти у всѣхъ растерянныя, запуган-

ныя и безсмысленныя. Мы скоро очутились въ такой надвигавшейся на насъ душной тѣснотѣ, видимъ, что и черезъ головы ничего нельзя будетъ наблюдать: обезумѣвшая чернь толкалась, наступала на ноги безъ всякихъ извиненій, какъ будто нарочно со злости и жестоко шарпала по нашимъ бокамъ, пробираясь все впередъ. Въ самозащитѣ, глядя за колесницей, мы тоже — и уже невольно, — по теченію этой живой лавы, продвигались впередъ и, какъ о спасительномъ мѣстѣ, подумали о какой-нибудь ближайшей насыпи, къ которой, авось, прибьетъ насъ густымъ теченіемъ. Толпа насъ пугала... И мы обрадовались, когда влѣзли, наконецъ, на верхъ насыпи; надо было только протолкаться, чтобы впереди не заслоняли отъ насъ зрѣлища люди высокаго роста.

Скоро толпа смолкла. Всѣ взоры приковались къ эшафоту. Колесница къ нему подъѣхала. Всѣ наблюдали, какъ жандармы подъ руки помогали жертвѣ слѣзть съ телѣги и всходить на эшафотъ.

На эшафотѣ и съ нашего мѣста намъ никто не мѣшалъ видѣть, какъ сняли съ него черный армякъ съ длиннымъ подоломъ, и онъ, шатаясь, стоялъ уже въ сѣромъ пиджакѣ и сѣрыхъ брюкахъ. Довольно долго что-то читали начальственныя фигуры, со средины подмостковъ — ничего не было слышно. Обратились къ преступнику, и жандармы, и еще какіе-то служителя, снявъ съ него черную арестантскую фуражку, стали подталкивать его на средину эшафота. Казалось, онъ не умѣлъ ходить или былъ въ столбнякѣ, должно быть у него были связаны руки. Но вотъ онъ освобожденный — *истово, по-русски, не торопясь поклонился на всѣ четыре стороны всему народу.* Этотъ поклонъ сразу перевернулъ все это многоголовое поле, оно стало роднымъ и близкимъ этому чуждому странному существу, на котораго сбѣжалась смотрѣть толпа, какъ на чудо. Можетъ быть, только въ эту минуту и самъ преступникъ живо почувствовалъ значеніе момента — прощаніе навсегда съ міромъ и вселенскую связь съ нимъ.

— И насъ прости, Христа ради! — прохлюпалъ кто-то глухо, почти про себя. — Матушка, Царица Небесная! — протянула нараспѣвъ баба.

— Конечно, Богъ будетъ судить, — сказалъ мой сосѣдъ, торговецъ по обличью, съ дрожью слезъ въ голосѣ. — О-о-хъ! Батюшки!.. — провыла баба; толпа стала глухо гудѣть и послышались даже какіе-то выкрики кликушъ... Но въ это время громко барабаны забили дробь. На преступника опять долго не могли надѣть сплошного башлыка небѣленой холстины, отъ остроконечной макушки до — немного ниже колѣнъ. Въ этомъ чехлѣ Каракозовъ уже не держался на ногахъ. Жандармы и служителя, почти на своихъ рукахъ, подводили его по узкому помосту вверхъ къ табурету, надъ которымъ висѣла петля на блокѣ отъ чернаго глаголя висѣлицы. На табуретѣ стоялъ уже подвижной палачъ: потя-

нулся за петлей и спустилъ веревку подъ острый подбородокъ жертвы. Стоявшій у столба другой исполнитель быстро затянулъ петлю на шеѣ, и въ этотъ же моментъ, спрыгнувши съ табурета, палачъ ловко выбилъ подставку изъ-подъ ногъ Каракозова. Каракозовъ плавно уже подымался, качаясь на веревкѣ, голова его, перетянутая у шеи, казалась не то кукольной фигуркой, не то черкесомъ въ башлыкѣ. Скоро онъ началъ конвульсивно сгибать ноги; онѣ были въ сѣрыхъ брюкахъ. Я отвернулся на толпу и очень былъ удивленъ, что всѣ люди были въ зеленомъ туманѣ... У меня закружилась голова, я схватился за Мурашку и чуть не отскочилъ отъ его лица — оно было поразительно страшно своимъ выраженіемъ страданія; вдругъ онъ мнѣ показался вторымъ Каракозовымъ: — Боже! Его глаза, только носъ былъ короче.

Но тутъ некогда было наблюдать или предаваться плачевнымъ подступамъ... Съ горы, съ боковъ, толпа почти кувыркомъ съ насыпи посыпалась на землю; мальчишки даже съ гикомъ подымали удушливую пыль. А внизу многоголовымъ моремъ уже гудѣла и бурлила обратно на дорогу освобожденная толпа. Кошмаръ проснулся... Куда идти! Куда дѣваться!... Стоило большихъ усилій, чтобы не разрыдаться...

IV.

Въ одно прекрасное сентябрьское утро солнце свѣтило такъ ярко и было такъ необычно тепло, что я даже растворилъ окно. На сердцѣ стало веселѣе. Впечатлѣніе отъ видѣнной казни стало мало-по-малу сглаживаться; прошло, кажется, уже болѣе недѣли. Было часовъ восемь, не болѣе. Вдругъ растворилась, какъ всегда у насъ безъ предварительнаго стука, сразу на-отмашь, вся дверь, и явился Мурашко. Онъ жилъ въ домѣ Кочубея у Краснаго моста; слѣдовательно, раненько всталъ: мы всегда ходили пѣшкомъ — и въ Лѣсной и на Лахту.

— Ну що, якъ ты оце? Я, братъ, все ще ни якъ не можу собрать своихъ помороковъ... Пидемъ гулять на Гаваньске поле. Бери альбомчика, або-що; може помалюемо, або порисуемо що-небудь.

Не теряя времени, мы вышли. Присутствіе Мурашки опять вызвало всѣ впечатлѣнія казни, и мы, идя по Большому проспекту Васильевскаго Острова, начали вспоминать всѣ подробности казни и слухи объ арестахъ — вездѣ арестовывалась молодежь.

Опять было готово зеленѣть въ глазахъ, и мы вспомнили, какъ ничего не могли ѣсть въ кухмистерской, несмотря на то, что чуть не съ пяти часовъ утра, не пивши, не ѣвши, выскочили тогда на Большой проспектъ. Особенно заботливо, до нѣжности, насъ утѣшалъ за это время нашъ молодой другъ, нашъ милый учитель А. В. Праховъ. Еще будучи тогда студентомъ-филологомъ, онъ

прочелъ намъ очень убѣдительную лекцію о томъ, что смертная казнь — преступная мѣра, остатокъ безправнаго варварства. Если общество организовалось для защиты своихъ членовъ отъ всякихъ несправедливостей и опасностей, если оно имѣетъ назначеніе исправлять ихъ преступность, тогда — гдѣ же логика? Членъ совершилъ самое возмутительное преступленіе: онъ посягнулъ на жизнь человѣка (уже не будемъ говорить, какого), словомъ, совершилъ самое ужаснѣйшее противочеловѣческое преступленіе; и вотъ общество, вмѣсто того, чтобы довести этого несчастнаго члена до раскаянія въ своей преступности, помочь ему одуматься, исправиться одиночествомъ, чтобы всю жизнь онъ сокрушался о своемъ непростительномъ грѣхѣ, это самое общество, вмѣсто такого полезнаго дѣла, совершаетъ *само то же самое непростительное преступленіе.* При этомъ, имѣя власть и силы, оно — уже холодно, со всею помпою, на показъ всѣмъ опекаемымъ гражданамъ, — лишаетъ заблудшагося брата жизни. Развѣ можно помириться съ мыслію, что въ этомъ его высшее назначеніе, и ясно, если оно убиваетъ беззащитнаго, нуждающагося въ исправленіи, да уже и раскаявшагося своего члена, то для кого же оно существуетъ? Значитъ, по логикѣ, и само оно достойно уничтоженія, такъ какъ оно, совершая самое страшное преступленіе, пріучаетъ къ посягательству на человѣческую личность весь народъ, все общество. Само нарушаетъ самый главный принципъ жизни и общежитія.

Въ воспоминаніяхъ объ этихъ ясныхъ доводахъ лекціи нашего милаго Адріана Викторовича, котораго мы всѣ обожали, мы дошли до Смоленскаго поля. Вотъ тѣ же квадратныя насыпи, вотъ на этой мы стояли; какъ испортили тогда ровные края ея, такъ и стоитъ она. Эшафотъ снесли, едва можно догадаться, гдѣ были вкопаны столбы и гдѣ стояла висѣлица. Мы подошли къ мѣсту и окидывали отсюда все пространство, всѣ четыреугольники насыпей. Какая разница! Какъ люди украшаютъ жизнь: «на міру и смерть красна». Теперь было все пусто и скучно; а тогда даже ужасъ ожиданія смерти человѣка — все же давалъ мѣсту какое-то не страшное торжество. До чего это все было покрыто черной толпой, какъ она кишѣла муравейникомъ и быстро расползалась, когда было совершено убійство всенародно...

Мы взяли правѣе, мимо Гавани, чтобы выйти къ морю. Пришлось часто перепрыгивать черезъ водяныя ямки и канавки между возвышеній, покрытыхъ мохомъ. Наконецъ, пришли къ довольно широкому ручью, пришлось скинуть ботинки, чтобы перейти черезъ. Мы добрели до поля Голодай.

— Знаешь,—сказалъ Мурашко,—ось тутъ десь могила Каракозова, та мабудь ниякой могилы и нема, а такъ ровнисеньке місто.

Дѣйствительно, вправо мы замѣтили нѣсколько выбитое мѣстечко, и кое-гдѣ слѣды зарытыхъ ямъ, совсѣмъ еще свѣжіе.

— Эге, ось, ось, бачъ. Тутъ же хоронятъ самоубійцъ — удавленниковъ.

Одно мѣсто отличалось особенной свѣжестью закопанной могилы, и мы, не сговорившись, рѣшили, что здѣсь зарытъ Каракозовъ... Постояли въ раздумьи и уже хотѣли идти дальше. Вдругъ видимъ, въ намъ бѣжитъ вполыхахъ толстая, красная рожа съ короткими усами впередъ, въ родѣ Муравьева. Мы замѣтили только теперь, что вдали стоитъ сторожка-хибарка, изъ нея-то безъ шапки, въ одной рубашкѣ, спѣшила къ намъ толстая морда...

— Стойте! — закричала она, — вы что за люди? Зачѣмъ вы сюда пришли?

— А что? Мы просто гуляемъ, — отвѣчали мы.

— Вотъ нашли гулянье! Вы знаете, что это за мѣсто? Вы на чьей могилѣ стояли? Ну-ка?

— Ни, не знаемъ; а чья се могила? — сказалъ невозмутимо Мурашко.

— А, не знаете! Вотъ я вамъ покажу, чья могила; идите со мною въ участокъ; тамъ вамъ скажутъ, чья это могила.

Онъ указалъ намъ по направленію къ хибаркѣ; зашелъ туда, надѣлъ мундиръ полицейскаго, кэпи того же вѣдомства и повелительно указалъ идти передъ нимъ въ Васильевскую часть. И въ части, держа насъ впереди себя, сейчасъ же что-то пошептать сидящему за столомъ съ краснымъ воротникомъ и ясными пуговицами чиновнику. До насъ долетѣло только: «на самомъ мѣстѣ», «на самомъ мѣстѣ». Тотъ пошелъ въ другую камеру, и скоро оттуда быстро зашагалъ на насъ — большого роста, съ длинными усами участковый, съ погонами, поджараго склада. Еще издали его оловянные глаза пожирали насъ.

— Вы что за люди?

— Ученики Академіи Художествъ, — отвѣчали мы хоромъ вмѣстѣ.

— Зачѣмъ вы были на Голодаевомъ полѣ? — грозно допрашивалъ онъ.

— Да мы съ альбомчиками ходимъ по окрестностямъ Питера, въ разныхъ мѣстахъ, рисуемъ что понравится.

— Удивительно: болото!... Что тамъ рисовать?

— И въ болотѣ можетъ быть своя прелесть, — говорю я.

Онъ круто повернулся.

— Наведите справки, — сказалъ онъ чиновнику.

Тотъ послѣ опроса и записи велѣлъ вести насъ дальше куда-то. Форменный городовой, вооруженный и съ книгой, повелъ насъ въ другой участокъ. Здѣсь, въ камерѣ, въ большомъ зеркалѣ, я увидѣлъ себя и страшно удивился: лицо мое было желто и имѣло безнадежно-убитое выраженіе.

Насъ подвели къ столу, за которымъ сидѣлъ чиновникъ, маленькій, съ рыжими усами, въ очкахъ. Онъ прищурился

съ улыбочкой и тихимъ голоскомъ, не предвидящимъ возраженій, внушительно прогипнотизировалъ: «могилу Каракозова захотѣлось посмотрѣть»... и что-то сталъ записывать.

— Илля, такъ чого жъ оце такій, — ажъ страшно дивиться на тебе; хиба жъ мы що? Та ты оправсь, — шепнулъ мнѣ Мурашко.

Послѣ всѣхъ записей, городовой съ книгой повелъ насъ къ Академію Художествъ; по случаю праздничнаго дня занятій не было, и насъ для удостовѣренія привели къ постоянному надзирателю, Павлу Алексѣевичу Черкасову. Тотъ сейчасъ же принялъ нашу сторону; разспросилъ насъ, что-то отписалъ въ участокъ и объявилъ намъ, что мы свободны.

Мы облегченно вздохнули и пошли ко мнѣ. И только переваливъ въ комнату, почувствовали страшную усталость и голодъ. Мурашко сейчасъ же растянулся на полу, а я на свою кровать, и заказали самоваръ, калачей и сливокъ. Но пока его готовили и принесли все къ столу, мы лежали, какъ убитые, и молчали.

— Ого, Илля, ото дурни, а подивись, що у мене въ кишени! — Онъ вынулъ изъ кармана толстую кипу фотографическихъ карточекъ. Тутъ были все политическіе преступники: и Костюшко, и много польскихъ повстанцевъ, и Чернышевскій, и наши другіе сосланные и казненные освобожденцы.

— Ну, я вже тоби признаюсь: оце я задумалъ въ крѣпость попасть: якъ бы мене стали обыскивать, то посадыли бъ... ей-бо.. Та мини тебе жаль стало. Боже, якій ты жалкій зробивсь, бидняга Илля. Ахъ, Илля, Илля... Ну, давай чай пить.

Послѣ мы разсуждали на божественную тему недавно прочитаннаго намъ реферата Адріаномъ Викторовичемъ Праховымъ. Вѣдь какой это былъ романтикъ, полный безкорыстія и серьезныхъ вопросовъ юноша!... Мы его обожали и удивлялись его чистотѣ и скромности...

— Ну, и Адріанъ же оцей!... — говорилъ растроганный Мурашко. — Полюбе його яка-небудь дивчинка... — кончалъ онъ со вздохомъ, полнымъ любви...

Адріанъ Викторовичъ перевелъ для насъ съ нѣмецкаго огромную статью Мунте, который изучалъ много лѣтъ въ Индіи буддизмъ и всю эпоху Сакія-Муни. Особенно насъ поразило, что легенды о рождествѣ и дѣтствѣ Будды были такъ близки къ христіанскимъ сказаніямъ: Благовѣщеніе, поклоненіе волхвовъ и пр. Разница только въ обстановкѣ дѣтства: у Будды была царственная роскошь и пресыщеніе жизнію; а у Христа — обстановка рабочаго-плотника.

V.

Въ то время въ народѣ, во всѣхъ слояхъ, на разные лады, постоянно разговаривали объ этомъ событіи; но всѣ сходились на

томъ, что убійство царя — дѣло дворянъ. Они мстили ему за то, что онъ отнялъ у нихъ крѣпостныхъ.

Въ 1866 г. я ѣхалъ изъ Питера въ Чугуевъ. Желѣзная дорога возила уже до самаго Харькова. А изъ Харькова до Чугуева, — я зналъ, — можно проѣхать дешево: стоитъ выйти на Конную площадь и тамъ спросить, нѣтъ ли кого чугуевцевъ?

Нашелся только одинъ мальчикъ, лѣтъ 16, и тотъ былъ не изъ Чугуева, а изъ Большой Бабки; но онъ взялся довезти меня до Чугуева. (Большая Бабка не далеко оттуда.)

На дорогѣ, подъ Роганью, на насъ обрушилась такая гроза съ проливнымъ дождемъ, что въ степи единственное укрытіе оказалось — забраться подъ телѣгу.

Въ этомъ тѣсномъ помѣщеніи мы сблизились настолько носъ къ носу, что это вызывало насъ невольно на близкія отношенія и на откровенную бесѣду. Когда раскаты грома надъ самой нашей головой утихли, и ядреныя капли дождя перестали барабанить и пробивать насквозь, во всѣ щели, наше узкое убѣжище, до того низкое, что мы почти лежали, согнувшись, мальчикъ неторопливою деревенскою повадкою спросилъ меня:

— А ты откуда самъ?

— Изъ Питера, — отвѣчалъ я.

Онъ взглянулъ на меня пошире, смѣрилъ всего, примолкъ.

— А ты царя тамъ видѣлъ?

— Видѣлъ, — отвѣчалъ я, — на набережной разъ встрѣтилъ.

— А ты слыхалъ, что въ него стрѣляли?—спросилъ онъ тихо.

— А какъ же, — отвѣтилъ я, — это всѣмъ извѣстно и въ газетахъ писали...

Онъ заскучалъ слегка при словѣ о газетахъ и продолжалъ:

— А вотъ я тебѣ разскажу про жандара, царскаго тѣлохранителя. Это не то что помѣщики стрѣляли въ отместку за крѣпостныхъ свохъ, батраковъ. А это вотъ какъ было: царскій тѣлохранитель, стало быть, жандаръ, караулилъ, когда царь спитъ, — никого къ нему, значитъ, не пускать. Вотъ стоитъ разъ надъ нимъ и думаетъ: а семъ-ка я убью царя. Подходитъ ближе. Царь крѣпко спитъ. Жандаръ навелъ пистолетъ, потянулъ курокъ — щелкъ: осѣчка. Онъ взвелъ опять курокъ, опять потянулъ и въ другой: осѣчка. Онъ въ третій разъ: вотъ, и въ третій разъ осѣчка... Тогда жандаръ толкъ-толкъ царя за плечо. — «Проснись,—говоритъ,—царь. Вотъ видишь—показываетъ ему пистолетъ:—прикажи меня казнить: я, говоритъ, хотѣлъ тебя убить... Да осѣчка вышла. Богъ не велѣлъ». Дакъ что жъ ты думаешь?

Мальчикъ какъ-то выросъ, поднялся, насколько позволяла телѣга, повелъ кругомъ торжествующимъ взглядомъ и промолвилъ со слезами во взорѣ:

— Вѣдь царь-то его простилъ...

И. Е. Рѣпинъ.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО.

ИСПОВѢДЬ ОДНОГО СОВРЕМЕННИКА.

Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта!..
Пушкинъ.

Эхъ! Тройка, птица-тройка!
Русь, куда-жъ несешься ты?..
Гоголь.

Убирайтесь вы всѣ къ чорту!
Спать хочу!..
Розановъ.

I.

Въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ („Уединенное“) В. В. Розановъ нѣсколько строчекъ посвятилъ правдѣ. „Правда, — писалъ онъ, — выше солнца, выше неба, выше Бога: ибо если и Богъ начинался бы не съ правды, — онъ не богъ, и небо — трясина, и солнце — мѣдная посуда“.

Слова глубоко вѣрныя, но... но замѣчательно при этомъ вотъ что: написавъ „панегерикъ“ правдѣ, Василій Васильевичъ Розановъ, быть можетъ, „однодневно“ съ этимъ панегирикомъ, солгалъ, покривилъ душой. И не однажды, а разъ, и другой, и третій. Т. е. не то, чтобы солгалъ, какъ это дѣлается обыкновенно, случайно, безъ задней мысли, а съ умысломъ скрылъ правду, объявивъ неправду. И когда его упрекнули въ глаза, и, конечно, просили объясненій (ибо вѣдь случай-то былъ изъ ряда вонъ выходящій), В. В. Розановъ отвѣтилъ вотъ какъ:

— Если я лгалъ, — сказалъ онъ, — то просто въ то время не хотѣлъ говорить правды — ну — „не хочу и не хочу“.

— Это дурно.

— Не очень и даже совсѣмъ не дурно. „Не хочу говорить правды“. Что вы за дураки, что не умѣете отличать правды отъ лжи? Почему я для васъ долженъ трудиться?

Т. е., написавъ апологію правды, г. Розановъ вмѣстѣ съ нею написалъ, какъ будто, апологію лжи. И просто непонятно, какъ это могло случиться: „правда выше Бога“, и „не хочу говорить правды“. Явленіе загадочное и въ русской литературѣ встрѣчающееся впервые (такъ откровенно, цинично). Такое противоестественное соединеніе въ одной душѣ двухъ полярностей можетъ

вызвать мысль, будто мы имѣемъ дѣло съ одной изъ тѣхъ „карамазовскихъ“ натуръ, которыя, по словамъ Достоевскаго, способны вмѣщать всевозможныя противоположности и разомъ созерцать обѣ бездны, „бездну надъ нами, бездну высшихъ идеаловъ, и бездну подъ нами, бездну самаго низшаго и зловоннаго паденія“. Это весьма любопытно и заслуживаетъ вниманія.

У В. В. Розанова чередованіе „высшихъ идеаловъ“ съ безднами „низшаго паденія“ происходитъ непрерывно. Онъ вотъ, по его собственнымъ словамъ, „однодневно“ (т. е. въ одинъ день) писалъ, напримѣръ, „черныя“ статьи съ „эсъ-эрными“. Чудовищно! Но онъ увѣряетъ при этомъ, что въ обѣихъ былъ убѣжденъ. Съ наивнымъ (или наивничающимъ) цинизмомъ онъ признается, что писалъ во всѣхъ направленіяхъ, и при этомъ искренно; но въ другомъ мѣстѣ съ тѣмъ же цинизмомъ объясняетъ, что писалъ потому, что „деньги даютъ“. Въ третьемъ мѣстѣ онъ, наконецъ, заявляетъ, что ему въ широкой степени „наплевать“, какія писать статьи, „направо“ или „налѣво“.

„Все это ерунда и не имѣетъ никакого значенія“!..

„Это безнравственно!“ — завопитъ иной моралистъ. — „О нѣтъ! — отвѣтитъ Розановъ. — Я не враждебенъ нравственности, а просто не приходитъ на умъ“.

— Но вѣдь это развратъ! Гибель! Это безчестно!

— Что-жъ дѣлать! Таковъ, Фелица, я развратенъ.

И съ невозмутимостью неуязвимой, не стыдясь, среди бѣла дня, онъ азартно, захлебываясь, защищаетъ одну мысль, одно какое-нибудь положеніе, какую-нибудь программу, что-бы завтра, (а, можетъ быть, и сегодня), и также съ захлебываніемъ, съ азартомъ защищать программу другую, враждебную первой, въ корнѣ первой противорѣчащую, — и вся его литературная дѣятельность послѣднихъ лѣтъ есть исторія поразительной и безпримѣрной игры святыми понятіями и святыми увлеченіями, и нѣтъ такой святости, которую, превознеся на высоту недоступную, онъ съ карамазовскимъ какимъ-то сладострастіемъ не повлекъ бы затѣмъ по землѣ, топча ногами. Въ одной изъ своихъ послѣднихъ книгъ онъ плакалъ о судьбѣ русскаго народа и былъ увѣренъ, что слезы его раздѣлятъ другіе — и развѣ можно было слезамъ его не повѣрить? Но спустя нѣкоторое время онъ показалъ, что слезы эти были пустяками, бабьей слезливостью, ибо какая же цѣна этимъ слезамъ, если, по его же словамъ, онъ „безспорно презираетъ русскихъ“, „до отвращенія“ и опять изумленіе охватываетъ читателя: да какъ это можно! Какія теплыя, какія горячія строки посвятилъ онъ въ той же книгѣ демократіи, ея побѣдѣ, самоотверженному героизму революціонеровъ! Кадеты были для него предѣломъ государственной мудрости — „отцы настоящаго, реальнаго, осуществленнаго русскаго конституціонализма“

и съ какимъ наслажденіемъ и піэтетомъ рисовалъ онъ въ книгѣ портреты Милюкова, Родичева, Петражицкаго! Трудовики (даже къ Аладьину относился Розановъ съ любовной лаской) имѣли, по его словамъ, колоссальныя заслуги передъ родиной: помилуйте, они были движущей силой, „паромъ революціи"; въ другомъ мѣстѣ онъ признавался чистосердечно, что, несмотря на весь свой консерватизмъ, любилъ даже революцію (т. е. читать о ней — торопливо прибавилъ онъ при этомъ), а въ великолѣпной статьѣ „Ослабнувшій фетишъ" съ убѣдительностью показывалъ, какъ обезсилѣлъ, завялъ и поникъ старый фетишъ абсолютизма — и съ какой радостью привѣтствовалъ онъ ослабленіе этого фетиша!

„Нѣтъ болѣе абсолютизма, да здравствуетъ свобода!" — это одушевленно прокричалъ въ то время Розановъ. въ революціи видѣлъ онъ показателя живой мощи русской націи. въ осуществленіи свободы видѣлъ залогъ нашего спасенія, и даже укорялъ, однажды, какого-то ученаго мизантропа: „не вѣрить этому, ей-ей, антихристово дѣло!"

Если вѣрить г. Н. Ашешову, въ то время Розановъ думалъ даже примкнуть къ соціалъ-демократіи.

Но спустя нѣкоторое время, быть можетъ, тѣмъ же самымъ перомъ, г. Розановъ обозвалъ нашу революцію лакеемъ, а русское общество обругалъ свинымъ обществомъ, подчеркнувъ, что оно имѣло именно не лицо, а морду, а „отцовъ русскаго конституціонализма" назвалъ потнымъ отродьемъ и писалъ про нихъ: „Пороть на съѣзжей профессоришекъ. Въ солдаты профессоровъ!" — и славословилъ Аракчеева, который, по его словамъ, одинъ былъ болѣе либераленъ, что всѣ ничтожества изъ 20 томовъ „Былого".

Русская революція, столь лучезарная недавно, оказалась попросту „русскимъ хвастовствомъ, прикинувшейся добродѣтелью, и русской лѣнью, собравшейся перевернуть міръ"; у соціалъ-демократовъ, къ которымъ онъ хотѣлъ „пристать", была одна тоска: „къ кому бы угвоздиться на содержаніе!", а революціонеры вообще, тѣ самые полусвятые безсребренники, сквозь всѣ казематы и высылки сохранившіе высокій идеализмъ, — они, оказывается, занимались вовсе не спасеньемъ Россіи, а „вонзали ножъ въ грудь своей матери", продавали ее нѣмцамъ, и австрійцамъ, и англичанамъ, и еще кому-то, и „не надо давать амнистіи эмигрантамъ" — это изступленно завопилъ онъ на страницахъ благочестиваго „Богословскаго Вѣстника", — и все это свое отступничество, все это свое блудословіе, эту дьявольскую игру „чѣмъ люди живы", онъ заканчиваетъ своимъ „сегодняшнимъ" символомъ вѣры:

— Вѣрю въ Царя Самодержавнаго... До этого ни шагу впередъ.

II.

Однажды, разсуждая о Гапонѣ, Розановъ съ удивительной проникновенностью обронилъ по его адресу нѣсколько мѣткихъ словъ: „Есть люди объ одномъ цвѣтѣ, черные, бѣлые, — сказалъ онъ. — Но есть еще несчастно-рожденные люди, пёгіе, которые совершенно искренно не могутъ одному чему-нибудь служить, и совершенно искренно служатъ двумъ господамъ; т. е. измѣна то одному, то другому и въ концѣ-концовъ всему и всѣмъ составляетъ самый стержень, истину ихъ души“.

Это про себя сказалъ Розановъ. Онъ самъ — одинъ изъ этихъ „несчастно-рожденныхъ“, пёгій писатель, для котораго измѣна то одному, то другому, составляетъ истину души. Достойна вниманія при этомъ не самая пёгость Розанова, а та его особенность, что онъ панегиристъ пёгости, что онъ идеологъ пёгости и вдохновенный ея проповѣдникъ — и голосъ его не остается гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Розанову внимаютъ, онъ имѣетъ аудиторію. Вѣдь открылъ же ему свои страницы „Богословскій Вѣстникъ“ для изувѣрской статьи — „Не давать амнистіи эмигрантамъ!“; вѣдь оплачиваетъ же щедрой рукой его строки „Новое Время“, вѣдь читаются же (и перечитываются), эти послѣднія пёгія его книжки и если въ однихъ онѣ вызываютъ недоумѣвающее (и негодующее) отвращеніе, то въ другихъ — совсѣмъ наоборотъ, — восхищеніе, преклоненіе, почтеніе. Вѣдь написала же ему нѣкая „сидящая въ колодцѣ“: „Каждую вашу строчку читаю съ жадностью и ищу въ ней „розановщины“. Читаю „Уединенное“ и „Опавшіе листья“ съ жадностью день и ночь“; вѣдь написалось же (правда, у г. Бурнакина), что „послѣ Толстого Розановъ единственный, имѣющій право на вниманіе Европы“. Развѣ восторги эти не придаютъ послѣднимъ писаніямъ г. Розанова нѣкоторой значительности?

Но если бы даже не было этого почтительно-восторженнаго преклоненія, мы хотимъ быть справедливыми. Г. Розановъ и въ самомъ дѣлѣ писатель съ выдающимся литературнымъ талантомъ, съ большимъ пытливымъ умомъ, смѣлымъ и рѣшительнымъ. Вѣдь, кромѣ „Уединеннаго“, „Опавшихъ листьевъ“ и другихъ книгъ послѣднихъ лѣтъ (о которыхъ мы и будемъ говорить) имъ опубликованъ рядъ работъ по вопросамъ философіи и религіи, религіозной политики, просвѣщенія и семьи.

Въ плоскости его міровоззрѣнія мысли, высказанныя Розановымъ въ работахъ, ярки, обоснованы съ талантомъ, и это является лишнимъ поводомъ къ тому, чтобы мы серьезнѣй отнеслись къ его „пёгости“. Вѣдь, если г. Розановъ въ самомъ дѣлѣ „выдающійся“ мыслитель, какъ утверждаютъ многіе, то чѣмъ является его „пёгость“, его этическое „безобразіе“? И можно ли все это оторвать отъ его „геніаль-

ности"? Можно ли вообще разорвать человѣческую душу на части и сказать: здѣсь вотъ кончается мыслитель, здѣсь же начинается „пѣгій" публицистъ? Быть можетъ, и въ „пѣгости" своей онъ столь же „геніаленъ", сколь, скажемъ, въ критикѣ христіанства? Быть можетъ, и здѣсь онъ „вскрываетъ", „выявляетъ", „улавливаетъ" нѣчто, что въ душахъ простыхъ смертныхъ бродитъ еще въ видѣ безформенныхъ облаковъ?

„Уединенное", „Опавшіе листья", собственно, не книги — такъ онѣ интимны, рукописны, касаются самаго „стыднаго", скрываемаго простымъ смертнымъ, того, что не выносится на улицу. Но вотъ нашелся смѣльчакъ и распахнулъ душу свою для встрѣчнаго-поперечнаго, сдернулъ всякія тамъ занавѣски, обнажился до самыхъ тайныхъ и завѣтныхъ мѣстъ — и весь передъ нами, голый, неприкрытый, съ язвами и пороками, какъ мать родила. „Уединенное", „Опавшіе листья" не публицистика, не философія. Это признанія, confessions, — „исповѣдь", и если бы мы не знали ея подлиннаго автора, то заподозрили бы въ немъ сатирика язвительнаго и безпощаднаго, который создалъ мастерское художественное произведеніе, какой-нибудь „дневникъ одного нашего современника", или какія-нибудь новыя „записки подпольнаго человѣка" * — и въ произведеніи этомъ представилъ намъ бездну пошлости и порочности, угнѣздившихся въ душѣ его героя. Но книги Розанова — не романъ. Тѣмъ лучше. Отнесемся къ нимъ, какъ къ человѣческому документу, какъ къ признаніямъ не литературнаго героя, а живого человѣка, который держитъ квартиру гдѣ-нибудь на Коломенской, торгуется съ извозчиками, читаетъ газету, ходитъ въ кинематографъ и заботливо оберегаетъ себя отъ простуды.

III.

> ...У насъ нѣтъ чего-то...
> ...У насъ нѣтъ ни ближайшихъ, ни отдаленныхъ цѣлей, и въ нашей душѣ хоть шаромъ покати. Политики у насъ нѣтъ, въ революцію мы не вѣримъ Бога нѣтъ...
>
> *А. Чеховъ. Письмо къ Суворину.*

Во второй книгѣ „Опавшихъ листьевъ" Розановъ, размышляя о своемъ литературномъ амплуа, замѣчаетъ, между прочимъ: „я ввелъ въ литературу самое мелочное, невидимыя движенія души, паутинки быта". Именно паутинки, сѣрое, невидимое, отъ чего досадливо отмахиваешься, когда безпокоящимъ прикосновеніемъ осѣдаетъ это невидимое на рукахъ, лицѣ, и вообще на чемъ-нибудь живомъ. Первое, инстинктивное, что вспыхиваетъ при

* Между прочимъ: сходство Розановскихъ „записокъ" съ „записками изъ подполья" — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чрезвычайное, чуть ли не до текстуальности. Параллель между этими произведеніями вскрыла бы нѣкоторыя любопытныя черты духовной природы В. В. Розанова.

такомъ ощущеніи — порывъ: сорвать, стереть, освободиться! И вотъ одна изъ розановскихъ „странностей“: такого порыва въ немъ не рождается. Даже, наоборотъ: онъ ощутитъ паутинку, липкую, связывающую, оплетающую, и провозгласитъ ей: осанна! ибо паутинка для него — благословенна; онъ радостно замретъ, созерцая ее, съ одной думой, съ однимъ безпокойствомъ; только бы не двинуться, не шелохнуться, чтобы не повредить, не порвать этой благословенной паутинки.

„Опавшіе листья“ и „Уединенное“ — такое паутинное плетеніе мелочей, въ которомъ лишь изрѣдка трепещетъ крупная мысль, какъ изнемогающее насѣкомое со сверкающими крыльями. Мелочи, мелочи, мелочи — ползутъ отовсюду, изо всѣхъ щелей розановской души, наползаютъ другъ на друга, громоздятся, сталкиваются, засыпаютъ своей трухой искры ума, и когда перечитываешь эти книги, то минутами ощущаешь ихъ, какъ нѣкое единоборство глубиннаго и мелкаго, чего-то крылящаго, пытающагося взлетѣть, — и ползающаго, червячнаго, пресмыкающагося. И всякій разъ побѣждаетъ послѣднее: это для Розанова фатально, этого онъ никакъ избѣжать не можетъ.

„Окурочки-то все-таки вытряхиваю. Не всегда, но если съ ½ папиросы не докурено. Даже и меньше. Надо утилизировать“. Эти окурочки звучатъ у него, какъ программа, какъ нѣкое исповѣданіе. Міровая исторія? Богъ? Человѣчество? — „Наплевать“! Окурочки, — вотъ что важно и близко. Кто докажетъ, что человѣчество выше окурочковъ? или міровая исторія? или революція? или (даже) Богъ? Окурочки выше! Нѣтъ ничего выше окурочковъ...

И его книжки — какой-то гимнъ, славословіе мелочамъ быта, вещицамъ, остаточкамъ, тряпочкамъ, пустячкамъ. Это какой-то садъ Плюшкина, гдѣ сваленъ въ кучу всякій хламъ, къ которому хозяинъ относится съ величайшимъ вниманіемъ, съ материнской какой-то заботливостью, и если бы (предположимъ) этотъ хламъ отъ него отнять, отвезти, что ли, на свалку, или выкинуть куда-нибудь, сжечь — онъ раздеретъ на себѣ одежды, всплеснетъ руками, въ отчаяніи падетъ на колѣни — и ему, вѣроятно, будетъ казаться, что погибъ міръ, конечно, „его“ міръ, которымъ онъ жилъ и безъ котораго прожить не сумѣетъ. Богъ ушелъ изъ жизни. Богъ мелочей, паутинокъ быта.

Однажды онъ высказалъ это очень опредѣленно. „У меня есть какой-то фетишизмъ мелочей“, — сказалъ онъ. — „Мелочи суть мои „боги“, и спустя нѣкоторое время эти же самыя слова повторилъ въ другой своей книгѣ, прибавивъ къ нимъ: „и я вѣчно играюсь съ ними. А когда ихъ нѣтъ: пустыня. И я ея боюсь“.

Фетишизмъ мелочей — такова призма, сквозь которую смотритъ на міръ Розановъ. Каждая мелочей для него такъ же бо-

жественна, какъ, скажемъ, жажда славы для Наполеона. Эта Розанову не нужна.

Онъ совсѣмъ не Наполеонъ, этотъ удивительный русскій писатель, и ничего въ немъ нѣтъ наполеоновскаго. Правда, онъ глубоко, непоколебимо убѣжденъ, что могъ бы наполнить весь міръ „багровыми клубами дыма“... Но „не хочетъ, потому что сгорѣло бы все“, ...потому что „вышелъ бы большой шумъ, большое безпокойство“, а это ему совсѣмъ не по душѣ. „Пусть моя могилка будетъ тиха и въ сторонкѣ“.

И когда Розанову великодушные критики навязывали какое-то наполеонство, какой-то демонизмъ, Розановъ сердился и смѣялся надъ великодушными своими критиками. Чего имъ надо, — ворчалъ онъ. Демонизмъ Розанова! Всѣ статьи начинаются демонизмомъ Розанова! Откуда? Почему? На какомъ основаніи? Я — самый обыкновенный человѣкъ. „Позвольте, полный титулъ: коллежскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Розановъ, пишущій сочиненія!“ А со всѣхъ сторонъ лѣзутъ къ нему съ демонизмомъ! Человѣкъ каждой строкой своей хочетъ убѣдить весь свѣтъ, что онъ маленькій, слабенькій, щупленькій старичекъ, „русскій обыватель, уважающій начальство“, „человѣкъ мирный отъ природы“, который „каждаго полицейскаго почитаетъ своимъ начальствомъ, а въ конкѣ даже кондуктора конки“, а ему подсовываютъ какой-то демонизмъ. Демонизмъ — вѣдь это нѣчто титаническое, сверхъ-порочное, огненное, — а какой же онъ демонъ, если всѣ его пороки, по его собственнымъ словамъ (и это глубокая правда) — мокрые. „Огненнаго ни однаго!“ Нѣтъ, совсѣмъ не демонъ В. В. Розановъ! Ужъ коли толковать, то не о демоническомъ, а о бѣсовскомъ, и не о какомъ-то Великомъ, — а наоборотъ, о Мелкомъ бѣсѣ — „коллежскомъ совѣтникѣ“, — который, „сидя надъ моремъ, на высокой горѣ, съ бумажкой въ рукахъ, высчитывалъ процентныя бумаги“, для котораго его „кухонная (прих.-расх.) книжка“ стоитъ „писемъ Тургенева къ Віардо“, по мнѣнію котораго, „грибная лавка въ чистый понедѣльникъ равняется лучшей страницѣ Ключевскаго“, у котораго не „пороки“ и даже не „влеченье къ нимъ“, а всего только „чесотка пороковъ, — грязнотца, въ которой копошится вошь: огонь и пылъ пороковъ — я его никогда не зналъ. Вѣдь весь я тихій, смиренно-мудрый“. Ему очень не много нужно. Это, пожалуй, самый невзыскательный изъ невзыскательныхъ русскихъ людей. Недавно, вотъ, бушевала революція. Строили баррикады, возставали люди и умирали. Кровь лилась. Плакали маленькіе мальчики. Горько рыдали женщины и ломали пальцы въ отчаяніи. Сколько боли! Какая жестокая жизнь! А Розановъ?

„Папироска послѣ купанья. Малина съ молокомъ, малосольный огурецъ въ концѣ іюня, да чтобъ съ боку прилипла ниточка укропа (не надо снимать) — вотъ мое 17 октября. Въ этомъ

смыслѣ я — октябристъ". И когда настоящіе люди вопреки всяческимъ преградамъ продолжали все таки о чемъ то хлопотать, шумѣть, волноваться, — этотъ „коллежскій совѣтникъ", любитель нумизматики и малосольныхъ огурцовъ, обратился къ нимъ съ совѣтомъ:

„Господа, бросьте браунинги, и займитесь библіографіей!"

IV.

Но вотъ что при этомъ достойно вниманія. Розановъ любитъ малосольные огурцы и не любитъ политики. Браунингамъ предпочитаетъ библіографію, т. е. какъ будто что-то отвергаетъ, что-то выбираетъ, къ чему-то относится активно. Но это невѣрно. Въ томъ-то и дѣло — и это самое твердое въ Розановѣ, — онъ къ огурцамъ, и къ библіографіи, и къ своей любимой нумизматикѣ глубоко равнодушенъ. И если вмѣсто политики склоняется къ огурцамъ, то просто потому, что они проще, доступнѣй, спокойнѣй политики, тѣмъ-то ему именно и мила нумизматика, что она „удивительно успокаиваетъ нервы" — и въ самомъ дѣлѣ, какое же безпокойство отъ нумизматики! Равнодушіе — истинная стихія Розанова; въ равнодушіи (какъ ни странно звучитъ это словосочетаніе) — пафосъ его души, единственная ея правда, неоспоримая, непоколебимая. Отъ равнодушія, отъ безразличія, отъ „наплевать" — вся психологія Розанова: и его перелетничество, и зигзаги, и безубѣжденность, и безогненность его пороковъ, и мелочность, и все прочее. Розановъ, по его собственнымъ словамъ, всегда шелъ въ открытую дверь, ему всегда было „все равно", которая дверь отворялась; никогда въ жизни онъ „не дѣлалъ выбора", и никогда въ этомъ смыслѣ „не колебался". Былъ онъ въ мірѣ всегда „наблюдателемъ, а не участникомъ", жилъ онъ „въ своемъ углу", и ни до кого ему не было дѣла, ничего ему никогда не хотѣлось, и, странная вещь, — это нехотѣніе было его истинною страстью; объ его „не хочется", увѣряетъ онъ, разбивался всякій наскокъ и вообще ему „хочется очень рѣдко". „Отъ этого я такъ мало замѣшанъ, соучаствую міру, точно откатился куда-то въ сторону и закатился въ канавку. И изъ нея смотрю только съ любопытствомъ, но не съ „хочу". И при этомъ такое томленіе, и усталость, и тяга къ покою, къ неподвижности, — и чувствуется эта тяга на каждой страницѣ, въ каждой строкѣ его писаній. Ему противна и непонятна торопливость, даже грѣховной кажется она ему, по крайней мѣрѣ, какъ-то замѣтилъ онъ, что люди, которые никуда не торопятся — это и есть „Божьи люди", такъ же какъ и люди, которые „не задаются никакими цѣлями", — и всѣ эти признанія его покрываются тяжкими вздохами: „Боже, какъ давно я самъ рѣшительно ничего не хочу

кромѣ какъ сидѣть дома, обувъ туфли и надѣвъ халатъ", и „полежать бы" и „оставьте все, какъ есть, не тяните ни туда, ни сюда". Въ этихъ вздохахъ — весь Розановъ, вся его бездѣйственная душа, вялая, омертвѣлая, и такъ велика ея косность, что истина (даже истина! — а вѣдь онъ такъ страстно, какъ будто, искалъ ее!) не нужна ему, — ибо она связана съ безпокойствомъ. „Я не хочу истины, — говоритъ онъ. — Я хочу покоя" — т. е. въ конечномъ счетѣ — не хочетъ ничего! И дальше Розановъ, со своей неподражаемой искренностью (не отъ равнодушія ли?) признается, что не чувствуетъ въ себѣ никакого интереса къ реализаціи себя, никакой внѣшней энергіи, „воли къ бытію". „Я самый нереализующійся человѣкъ", — говоритъ онъ, да и какая можетъ быть воля къ бытію — къ реализаціи себя, — когда онъ, по его словамъ, ничего не видитъ вокругъ, кромѣ пустоты, безмолвія и небытія, что онъ едва вѣритъ, едва допускаетъ, что ему современничаютъ другіе люди. И оттого, что вокругъ нѣтъ никого, и оттого, что ему все равно, на все наплевать, онъ можетъ славословить кого угодно и что угодно, крестъ — и висѣлицу, Бога — и дьявола, низкое — и высокое, идеалъ Мадонны — и идеалъ содомскій, и, съ беззаботностью вознеся что-нибудь на пьедесталъ, — свергнуть и поволочить по грязи, браня и заплевывая вчерашняго своего кумира. Если говорить, откуда явилась азефовщина, которая тоже вѣдь явленіе нашего быта, — то здѣсь — ея прямые истоки, здѣсь ея родина — и кого же обозвать духовнымъ отцомъ Азефа, какъ не этого равнодушнаго къ добру и злу человѣка, у котораго одни лишь въ жизни остались „окурочки".

Г. Мокіевскій, который написалъ недавно въ „Русскихъ Запискахъ" ядовитую статью о Розановѣ, увидѣлъ въ немъ только „обнаженнаго нововременца"; для него совершенно ясно, что Розановъ всего-навсего обыкновенный и безпринципный флюгеръ, подобный всякимъ прочимъ отечественнымъ и заграничнымъ. Это похоже на правду, — но, увы! — это не правда, — ибо для Розанова, и мы хотимъ подчеркнуть это, его игра убѣжденіями, его хожденіе по всѣмъ церквамъ, — чуть ли не символъ вѣры, который онъ несетъ міру; онъ убѣжденъ, что никому не слѣдуетъ имѣть убѣжденій, какъ ни покажется это страннымъ или противоестественнымъ. И что любопытнѣе всего: Розановъ какъ-то вдругъ заговорилъ приподнятымъ тономъ, отъ лица какого-то „мы", отъ какихъ-то „насъ" — „людей нижняго яруса", „которые во власти не участвуютъ и не хотятъ участвовать", — и вотъ, отъ лица этого „мы" онъ говоритъ, что „мы должны оставить все, какъ есть". „Намъ все равно, т. е. успокоимся и будемъ дѣлать свои дѣла".

Позвольте — какія дѣла? И кто эти господа, которымъ „все равно" и которые „должны оставить все, какъ есть"?

Это можетъ быть дерзко, но, увѣряю васъ, вовсе не рискованно, если скажу, что Розановъ дѣйствительно — глашатай, идеологъ, выступающій отъ имени кого-то, и все то, что говоритъ онъ, вызываетъ сочувственные отклики въ нѣкоторыхъ душахъ, и душъ этихъ не одна, не двѣ, ихъ, можетъ быть, много, ихъ, можетъ быть, къ несчастью, очень много, быть можетъ, больше, чѣмъ мы предполагаемъ, чѣмъ это намъ было бы желательно. Это, конечно, обыкновенные смертные, средніе, серединные, сѣрые русскіе люди, обыватели, вся обывательская Русь, которую мы забываемъ, — безъ которой частенько производимъ наши расчеты, увы! — оказывающіеся нерѣдко расчетами безъ хозяина.

Въ книгахъ Розанова запечатлѣлась душа обывателя до самыхъ послѣднихъ ея глубинъ, всѣ сокровеннѣйшіе тайники ея оказались отверстыми для нашего взора, и нужны были смѣлость и безстрашіе выдающагося человѣка, чтобы не побояться, чтобы не постѣсняться вынести на свѣтъ Божій всю постыдную ея скверну, ея боли и страхи, ея дряблость и бѣдность, ея пресмыкательство передъ силой, ея привязанность къ „малосольнымъ огурцамъ“, ко всякой мелочи и мелюзгѣ, ко всему преходящему, мѣстному, маленькому, „своему“, — взамѣнъ непроходящаго, большого, „всечеловѣческаго“.

Никогда еще съ такой яркостью не была выражена эта язва нашей исторіи. Воистину — Розановъ геній обывательщины, вобравшій въ себя всю тоску ея, всю пошлость ея, все безсиліе ея, — и онъ не просто отразилъ это на своихъ страницахъ, онъ возвелъ обывательщину въ принципъ, провозгласилъ это свое „все равно“ — какъ нѣкое откровеніе, — онъ даже цѣлую программу объявилъ: разбить всѣ яйца и сдѣлать яичницу, чтобы все перемѣшалось, и, однажды, этотъ новоявленный Заратустра съ уличной тумбы обратился вдругъ къ толпѣ съ такой рѣчью:

— Народы, хотите ли, я выскажу громовую истину, какой вамъ не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ?

— Ну? Ну? Хх...

— Это, — что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе!.. Хо-хо-хо... Ха-ха!

— Да, да! Никто этого не говорилъ: я первый: Просто — сидѣть дома и хотя бы ковырять въ носу и смотрѣть на закатъ солнца.

— Ха-ха-ха...

— Ей-ей: Это — общее религіи... Всѣ религіи пройдутъ, а это останется. Просто — сидѣть на стулѣ и смотрѣть въ даль.

Онъ, въ сущности, только тѣмъ и занятъ, что восхваляетъ эту свою „частную“ жизнь, только то и дѣлаетъ, что строчитъ

ея апологію, — и какъ ядовито черпитъ и клеймитъ всякаго, въ комъ подозрѣваетъ иныя чувства, — недаромъ страстной, свирѣпой ненавистью ненавидитъ смертельнаго врага своего, Салтыкова-Щедрина, — и изрыгаетъ на него такую ужасную хулу, что просто столбенѣешь, читая ее, такъ она невѣроятна, разпузданно-дерзновенна.

Онъ какъ-то упрекнулъ Льва Толстого въ пошлости, въ пошлой жизни, и тѣмъ самымъ высказалъ къ „пошлому“ свое отрицательное отношеніе, но самъ только и дѣлаетъ, что насаждаетъ пошлость страшнѣйшую, — и, вѣдь, говоря откровенно, — его послѣднія книги — пошлѣйшія книги не только въ русской, но пожалуй и во всей міровой литературѣ, а самъ этотъ „коллежскій совѣтникъ Василій Васильевичъ Розановъ, пишущій сочиненія“, возведшій эту пошлость въ принципъ, барахтающійся въ ней, словно въ лазурныхъ волнахъ какого-то Средиземнаго моря, кто онъ, какъ не „Великій Пошлякъ“ Русской Литературы, къ которой, разумѣется, принадлежитъ со всѣми своими мокрыми пороками и грязнотцами. Ибо Розанова ни изъ русской исторіи, ни изъ русской литературы не вычеркнешь.

И Розановъ прекрасно сознаетъ, что „розановщина“ — явленіе хотя и личное, индивидуальное, но вмѣстѣ съ тѣмъ массовое, „всѣхное“.

„Я началъ, но движеніе это пойдетъ“, — увѣренно заявляетъ онъ.

Что-жъ: доля правды есть въ этой его увѣренности. „Розановщина“ выходитъ за предѣлы души одного только В. В. Розанова.

V.

Мережковскій, Д. С., какъ извѣстно, не поклонникъ Европы. Мерещится ему въ ея ликѣ что-то пугающее, отталкивающее, и будущее Европы для него темно. Но вотъ, побывавъ въ этой Европѣ, онъ возвратился домой, во-свояси, въ родную Россію. И повѣдалъ намъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыми подарило его родное лицо. Получилось вотъ что.

„Аполитизмъ“, „невозмутимость“, „неуязвимость“, „непроницаемость“ для всѣхъ вопросовъ общественныхъ. Никому ни до чего дѣла нѣтъ, хоть колъ на головѣ теши! Ну ее къ чорту, политику! („Было и будетъ“.)

Вотъ она, Россія-матушка! Но въ чемъ же бѣда ея? Почему, въ самомъ дѣлѣ, она такъ „аполитична“ и при первомъ подходящемъ случаѣ „чертыхается?“ И откуда вообще въ ней это? Не можетъ вѣдь того быть, чтобы все это у нея было въ крови, душевное, нутряное, чтобы въ этомъ — „ну васъ къ чорту“ была ея душа? „Ужасный звукъ гармоники, сумасшедшій смѣхъ и плачъ вмѣстѣ, — вся Россія“ — говоритъ Мережковскій и страницей дальше, что уже совсѣмъ неожиданно, заявляетъ:

„Мы погибаемъ отъ безстыдства“ и еще: „Русская терпимость — домъ терпимости“.

Какія страшныя слова! Безстыдство, терпимость, но вѣдь это „розановщина“, вѣдь это то самое, о чемъ мы только что говорили! Т. е. какъ? Розановщина — Россія? Та Россія, которая такой мучительной любовью держитъ въ плѣну наши сердца и умы? Какъ же это могло случиться? Да полноте, правда ли это? Но послушаемъ еще г. Мережковскаго.

Онъ съ горечью разсказываетъ въ своемъ дневникѣ о томъ, какъ религіозно-философское общество назначило однажды бесѣду о свободѣ совѣсти, слушатели же собирались вяло, нехотя. А вотъ на докладъ о теософіи — валомъ валили, легко, жадно, радостно, какъ будто этого и ждали. Вопросъ о свободѣ совѣсти, разсуждаетъ г. Мережковскій, слишкомъ дѣйственный, къ чему-то обязывающій. А теософія хороша именно тѣмъ, что она ни къ чему не обязываетъ — анестезируетъ, убаюкиваетъ въ отвлеченности. Теософскія рѣчи слушаются, какъ пѣніе Шаляпина. А этого-то намъ и нужно. Все, что угодно, только бы не мѣнять ничего въ жизни, ни за что не отвѣчать. И, главное, не пробуждаться отъ смертнаго сна, въ которомъ не чувствуешь боли. Туть же онъ обзываетъ русскихъ людей сонными мухами, ищущими смерти, которую имъ обѣщаетъ теософія.

Тяжелыя, горькія слова. Ихъ нельзя читать безъ испуга и боли, и тѣмъ боль острѣй, чѣмъ больше чувствуешь въ нихъ правду, жестокую, обидную и... страшную. Но надо имѣть мужество взглянуть правдѣ въ глаза, извѣдать всю глубину ея, всю угрозу ея, понять, что она не случайность, навѣянная жестокостью одной какой-нибудь эпохи, а тяжкое наслѣдіе всего нашего прошлаго, всей нашей многострадальной и неудачной исторіи. Объ этой правдѣ, не умолкая, говоритъ наша художественная литература — единственно великое, что мы сумѣли создать; о ней на каждомъ шагу твердитъ нашъ неладный бытъ, „замирающій“ темпъ нашей жизни, распыленность нашего общества, вѣчныя наши неустройства, весь ликъ „Старой Россіи“, возлюбившей покой и неподвижность. И такъ властительна вѣковая истома, такъ сладко дремное оцѣпенѣніе, что нужна какая-нибудь катастрофа, какое-нибудь великое несчастье, „громъ съ яснаго неба“, чтобы растолкать, расшевелить, пробудить ее къ жизни. Тогда только русскій человѣкъ встряхивается, и, не пришедши въ себя, съ видомъ еще очумѣлымъ, хватаетъ, что подъ руки попадется, рубитъ, ломитъ, крошитъ, — покуда не столкнется съ твердымъ препятствіемъ. Здѣсь — точка. Опускаются руки, клонится голова — такъ непреодолима преграда! — и новый сонъ до новой катастрофы.

Это съ удивительной яркостью сказалось въ Розановѣ.

Мирно, вмѣстѣ со всей необъятной Россіей, дремалъ онъ, погруженный въ созерцаніе своихъ мыслей о Богѣ, полѣ, семьѣ. Но „громъ грянулъ“. На плечи Россіи свалилось несчастье. Встрепенулась Русь: какъ, что, гдѣ, почему? Розановъ былъ однимъ изъ тѣхъ, которые, проснувшись, сумѣли оцѣнить все значеніе происшедшаго. И при этомъ произошло любопытнѣйшее явленіе.

Реакціонеръ, славянофилъ, идеологъ и апологетъ Старой Россіи, въ годы, послѣдовавшіе за японской войной, онъ сдѣлался западникомъ отъявленнымъ, убѣжденнымъ.

Словно прозрѣвъ подъ ударами испытаній, онъ какъ будто понялъ, что Россія погибнетъ, если не совершитъ надъ собой какого-то усилія, не вырветъ чего-то изъ своей души, не перестанетъ быть рабой, покорной и терпѣливой. Розанову были тогда видны всѣ корни. Неумѣніе дѣйствовать. Неохота дѣйствовать. „Для всего этого надо имѣть привычку, — говорилъ онъ, — надо имѣть обычай дѣйствовать“ — „а у насъ такихъ обычаевъ не водилось. У насъ не было дѣятельности, дѣйственности, настоящей исторіи“. По его словамъ, у насъ была переписка чиновниковъ, — а исторіи у насъ не было. Мы разлагались безъ шума, безъ событій. Шума не было. Но гніеніе? Оно вездѣ было — и черезъ нѣсколько страницъ онъ опять спрашивалъ: „можно ли сказать, что русскіе имѣли свою исторію? Сомнѣваемся. Была „исторія русскаго терпѣнія“, а не исторія Россіи, какъ нравственнаго лица.... Сколько терпѣнія! Боже, сколько терпѣлъ русскій народъ, безгласно, глухо, съ зажатымъ ртомъ, перехваченнымъ горломъ... Сколько маленькихъ деспотовъ, азіатскихъ хановъ надъ бѣднымъ, рабскимъ населеніемъ Россіи!“ И онъ зналъ, въ чемъ здѣсь было дѣло. Если бы не наша поразительная нравственная вялость, — вздыхалъ онъ, — не безразличіе къ дурнымъ запахамъ души, къ дурному запаху дѣлъ и жизни, какое воспиталось въ нашемъ народѣ рабствомъ, пригнетенностью, подневольностью. Въ нашемъ прошломъ Розановъ видѣлъ одно только терпѣніе; наши святые представлялись ему образцами терпѣливости; онъ искалъ и не находилъ силы русской души, размаха таланта, сверканія генія. „Этого не было, — говоритъ онъ, — или было случайно. Поэтъ это выразилъ въ стихѣ, поразившемъ Россію: Онъ сказалъ о народѣ, что онъ

Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно навѣки почилъ...

Какъ ужасно это прочитать, — восклицалъ Розановъ, — не говоря ужъ согласиться. Согласиться съ двустишіемъ — это невозможно, ибо согласиться съ нимъ и не умереть сейчасъ же самому отъ тоски и печали невозможно для русскаго“ Россія, по его словамъ, вовсе и не жила, а только и дѣ-

лала, что тонула и тонула, но не въ прекрасной рѣкѣ, а въ зловонномъ болотѣ!

И этотъ восточникъ, славянофилъ и обскурантъ, другъ всѣхъ реакціонеровъ, почитатель Побѣдоносцева громогласно отказывался отъ своего „восточнаго наслѣдства“, отвращалъ свой ликъ отъ востока и возглашалъ съ яростнымъ паѳосомъ неофита: „Ура! Съ Запада свѣтъ!“ Ему не нужна больше старая, „святая Русь“, — ибо въ системѣ ея были только „терпѣніе, смиреніе и покорность“: мы нуждаемся въ энтузіазмѣ, въ смѣлости, въ молодости, въ бурности, — вотъ какія у него явились тогда идеи! Ему вдругъ стали необходимы героическія дѣла, безъ которыхъ пропадетъ Россія, а самая любовь его къ „матери“ пріобрѣла какую-то мужественность; это была уже не преданность раба, благоговѣйно цѣлующаго руку господина своего, сюсюкающая привязанность къ дому своему, къ грязи и вони своей, — она была любовью гражданина, строгаго, нетерпѣливаго, ревниваго. „Что наша жизнь? — вопрошалъ онъ: — Служба, картишки, картишки и служба; еще ухаживаніе за женой ближняго. Что же еще? Еще? — Сонъ послѣ обѣда. Мало, душно! — рюмка водки за обѣдомъ... Смирновской, мягкой, какой нигдѣ въ Европѣ не выдѣлывается... Да, водка у насъ лучшая въ Европѣ. И сонъ такой сладкій, какъ нигдѣ въ Европѣ. И сладкіе сны“.

И нарисовавъ такую картину — самъ содрогается: — „Позорное существованіе“ — и покидаетъ свой станъ, бѣжитъ къ „лѣвымъ“, хватаетъ за платье, за руки, заглядываетъ въ глаза (какъ перепугался, бѣдный!), спрашиваетъ, ловитъ, „не у нихъ ли правда“, не они ли владѣютъ „секретомъ“ спасенія Россіи. И тогда онъ вѣрилъ, что и впрямь „они“, что если вообще можно Россію спасти, вытащить изъ болота, то это сдѣлаютъ не правые, не люди „востока“, не русскіе азіаты, — а именно лѣвые, всѣ эти эсъ-эры, трудовики, кадеты, у которыхъ есть все, — и таланты, и знанія, и, главное, вѣра въ свое дѣло, тотъ энтузіазмъ, котораго нѣтъ у него, ни у всей „святой Руси“. Для него тогда было такъ ясно, что и „центровики“ и правые — „не имѣютъ за душой ничего идеальнаго, и смотрятъ не впередъ, а назадъ“, — т. е. на то-же вонючее болото, въ которомъ задыхалась Россія; „въ нихъ нѣтъ энтузіазма и силы“; никто изъ нихъ „не умретъ за своихъ Горацієвъ и за свои Пантеоны“. А „новые люди во множествѣ готовы умереть, да и умирали въ катакомбахъ Шлиссельбурга“.

И потому, что вокругъ все жило, двигалось, кипѣло, бурлило, было полно „взаимнымъ радостнымъ удивленіемъ“, въ которомъ растаялъ, растопился былой „эгоизмъ сердецъ“ — онъ вѣрилъ, что „теперь смерти не будетъ“.

Таковъ „революціонный романъ“ В. В. Розанова. Я вѣрю

въ его правдивость. Розановъ — какъ и всѣ. Онъ — всѣ, вотъ тѣ рядовые люди, которые дулись въ картишки въ то время, какъ Россія тонула въ болотѣ. Розановъ — только самый талантливый изъ нихъ, самый чуткій, глубже всѣхъ ихъ все переживший, опредѣленнѣе всѣхъ ихъ все сказавшій, безстрашнѣе всѣхъ ихъ себя обнаживший. Онъ первый изъ послѣднихъ — былъ ихъ сердцемъ, ихъ мозгомъ, и то, что было у нихъ (и тогда и послѣ) на умѣ, у него было на кончикѣ пера; потому-то его книги и драгоцѣнны, что въ нихъ открывается душа всѣхъ этихъ безчисленныхъ, милліонныхъ, словно икрою покрывшихъ Россію „коллежскихъ совѣтниковъ", отъ которыхъ стонетъ Россія, которыми она вѣчно тяжела, мертвенна, бездѣятельна, терпѣлива. Когда она, сдвинутая толчкомъ, зашевелилась, Розановъ былъ тутъ какъ тутъ, выразитель ея души, ея чаяній, симпатій и антипатій. Когда же „непреодолимость препятствій" произвела „всеобщее успокоеніе нервовъ", успокоился и Розановъ; какъ этого слѣдовало ожидать, онъ проклялъ свои вчерашнія увлеченія и вмѣстѣ со всей „переутомившейся" Русью твердо заявилъ: „баста"!

Побѣдила „Старая Русь". „Стопъ. Ни съ мѣста! Не тяните, ни туда, ни сюда!" Тогда-то В. В. Розановъ вспомнилъ, что ему ни до чего дѣла нѣтъ, что ему „все равно", на все „наплевать"; тутъ-то онъ, вѣроятно, и обругалъ революцію „лакеемъ", а русское общество „свинымъ обществомъ" и хотѣлъ было погрузиться въ библіографію, но... но оказалось, что „все равно" и „наплевать" ему даромъ не прошло, что за этотъ „холодъ души" его ждало наказаніе жестокое, безпощадное.

VI.

Въ книгѣ своей „Литературные изгнанники" Розановъ (въ примѣчаніи) разсказываетъ, какъ онъ, однажды, шелъ за гробомъ Пергамента. Смотрѣлъ, слушалъ и шагалъ вмѣстѣ съ другими, безсознательно, машинально. Другіе станутъ на поворотѣ — онъ вмѣстѣ съ ними остановится. Но когда подошли къ кладбищу, его точно осѣнило: „Да я съ ума сошелъ? за кѣмъ я иду? Какое мнѣ дѣло до Пергамента и всей идущей толпы, Милюковыхъ, Родичевыхъ, съ которыми я ничего общаго на имѣю?" — и онъ повернулся и пошелъ равнодушно назадъ, не зная, для чего, собственно, прошелъ пѣшкомъ весь городъ. Но такъ же, — добавляетъ онъ, — какъ это за „Пергаментомъ"... „проходило и другое все: любовь, дружба, религія, двѣ женитьбы, участіе въ прессѣ, въ лагеряхъ въ партіяхъ"... Даже любовь, даже дружба, даже женитьба, даже религія... Боже мой, да какъ можно было жить съ этимъ, возможное ли это дѣло, вѣдь есть въ этой пустотѣ души что-то противоестественное, грѣховное, преступное, именно преступное, ибо тутъ нарушены какіе-то законы чело-

вѣческой природы, человѣческаго естества, чего-то основного, чего нарушать нельзя, невозможно. Или, въ самомъ дѣлѣ, правъ былъ Корнѣй Чуковскій, когда отыскалъ у Розанова „колыбельку“, около которой онъ никогда не устанетъ, никогда не закостенѣетъ, никогда не скажетъ „наплевать“? Но тогда понятно: Розановъ попросту промѣнялъ весь міръ на „колыбельку,“ для него „колыбелька“ все, и ничего другого Розанову не надо.

Это было бы, конечно, для Розанова спасеніемъ, даже оправданіемъ, — и тогда онъ могъ бы ликовать, тогда онъ нашелъ бы въ жизни нѣкоторую точку, около которой могъ чувствовать себя твердо и устойчиво; не было бы тогда того внутренняго беспокойства, неувѣренности, тайнаго испуга, безотчетнаго страха передъ природой, передъ Богомъ, передъ людьми (обыватель всего боится), который живетъ въ его душѣ, который не замѣтенъ подъ маской равнодушія, но проявляется очень часто, всегда, лишь только нарушена правильность въ порядкѣ, въ благолѣпіи окружающаго. Но никакой „колыбельки“ у Розанова нѣтъ, никакія „чресла“ его не спасутъ, и спасти не могли, просто потому, что мертвая душа, — откуда она могла взять жизненную силу хотя бы для этой „колыбельки“? „Душа озябла“ — вдругъ жалуется Розановъ. „Страшно, когда наступаетъ озноб души“. И много разъ возвращаясь къ своей душѣ, онъ повторяетъ, что „болитъ душа“, „томится душа“, и опять: „страшно, когда наступаетъ озноб души“; „душа зябнетъ“, и вновь о какой-то, очевидно, немалой боли, о томъ, что она „сосетъ его съ дѣтства“, что боль въ немъ — главное, и, наконецъ: „все погибло, все погибло. Погибла жизнь. Погибъ самый смыслъ ея“. При этомъ онъ увѣряетъ (или себя увѣрить хочетъ) будто все страданіе его жизни именно оттого, что „не позвалъ во время Карпинскаго“. О! явись во-время, — „Карпинскій“ навѣрное, спасъ, вылѣчилъ, избавилъ бы отъ страданій человѣка, котораго онъ любитъ, о любви къ которому много и часто говоритъ.

Но сколько бы Розановъ ни твердилъ объ этой причинѣ, причина, болѣе глубокая, выпираетъ чуть ли не изъ каждой его страницы — и причемъ тутъ Карпинскій, или Бехтеревъ, когда мы слышимъ такое: „все мнѣ чуждо какой-то странной, на роду написанной отчужденностью. Что бы я ни дѣлалъ, кого бы ни видѣлъ, не могу ни съ чѣмъ слиться“. Этого одного порока было бы достаточно, чтобы напередъ предсказать узоры розановскаго жизненнаго пути. Отчужденность, неспособность слиться съ міромъ, атрофія чувства связанности, сліянности съ человѣчествомъ, это такой грѣхъ, такое преступленіе, которое не могло остаться безнаказаннымъ. „Страшное одиночество за всю жизнь... Страшная тяжесть одиночества“... вотъ неизлѣчимая болѣзнь Розанова, его „порокъ сердца“, и какъ бы онъ ни старался, какъ бы ни пытался при-

вязаться къ чему-нибудь, или кому-нибудь на землѣ, къ семьѣ ли, къ церкви, или нумизматикѣ, рано или поздно захочется быть глухимъ и слѣпымъ, ничего не видѣть, не слышать, не знать...

„Чужестранцы“ на своей землѣ, какъ сказалъ Розановъ (Ключевскій сказалъ: гости) — русскіе обыватели вообще всегда одиноки, отъ всего чѣмъ-то отъединены, отчуждены, нѣтъ у нихъ „своего“, „настоящаго“, гдѣ бы они чувствовали себя полными господами, „хозяевами“, оттого-то они такъ неувѣренны, робки — и даже „кондукторовъ конки“ почитаютъ своимъ начальствомъ. И кому же не пугаться смерти, какъ именно обывателю, котораго жизнь привязываетъ къ себѣ, быть можетъ, потому, что тепло, потому, что не дуетъ, — а лишь только подуетъ — для него опять страхъ, опять безпокойство. „Смерть страшна, смерть страшна, смерть страшна“, — твердитъ Розановъ. „Я говорилъ о бракѣ, бракѣ, бракѣ, а ко мнѣ шла смерть, смерть, смерть“ и это наряду съ твердой, какъ будто, увѣренностью, что „Богъ съ нимъ“ и чуть ли не въ немъ самомъ, В. В. Розановѣ.

Живетъ въ Розановѣ чувство какой-то вины передъ жизнью, не оформившееся, быть можетъ, скрываемое, затушевываемое сознаніе: „не то, не то, не такъ надо было“. „Вотъ и прошла жизнь, — говоритъ онъ. Каковъ же итогъ жизни? Ужасно мало смысла; ничего особеннаго, какъ-то ненужно“, — и все это потому, проговаривается онъ, что „жизнь требуетъ твердаго глаза, и твердой руки. Жизнь — не слезы, не вздохи, а борьба; и страшная борьба“, а онъ поступалъ какъ разъ наоборотъ. — Онъ какъ-то обмолвился однажды о себѣ, и эту обмолвку вмѣстѣ съ нимъ могла бы повторить вся многомилліонная россійская обывательщина: „Въ концѣ концовъ я трусъ, ибо умѣлъ быть смѣлымъ только въ мечтахъ, а жизнь прожилъ позорнымъ осломъ, не умѣвшимъ ни бѣжать, ни лягаться“.

Никому ненужный („ни въ чемъ я такъ не увѣренъ, какъ въ томъ, что я не нуженъ“), равнодушный и холодный, россійскій обыватель хочетъ, конечно, забыть землю „великимъ забвеніемъ“, и создаетъ пессимистическую философію жизни, отъ которой вѣетъ могилой: „Родила червяшка червяшку. Червяшка поползала. Потомъ умерла. Вся наша жизнь“. И Розановъ, конечно, измѣнилъ бы себѣ, пересталъ бы быть русскимъ обывателемъ, если бы не вспомнилъ о спасительномъ, универсальномъ костылѣ, на который опираются всѣ немощные и убогіе.

Когда-то (это было давно) Розановъ огненными словами говорилъ о религіи, уводящей съ земли, и о религіи, землю благословляющей, о забытыхъ прелестяхъ земного, о насыщенной, плодоносящей красотѣ міра. Какъ сильно и смѣло было противопоставленіе его тогдашняго язычества христіанству, какія, наконецъ, значительныя слова сказалъ онъ о русской церкви. Те-

перь все это позабыто. Хроменькій, усталый, несчастненькій, болящій, онъ не хочетъ „язычества“, до язычества ли ему теперь? („могу ли я вернуться къ язычеству? Если бы совсѣмъ выздоровѣть, и навсегда здоровымъ? — могъ бы“) — и онъ вспомнилъ о церкви, онъ бросился къ ней, теперь для него церковь — одно въ мірѣ „теплое, послѣднее теплое на землѣ“, та самая церковь, надъ которой смѣялся онъ такимъ ядовитымъ смѣхомъ. „Иду въ церковь. Иду! иду!“ и вновь охватываетъ его благолѣпіе храма, свѣчечки, иконы, и „какъ хорошо у православныхъ, что цѣлуютъ руки у поповъ“.

Такъ, закончивъ кругъ своихъ превращеній отъ язычества къ „попикамъ, кушающимъ севрюжину“, онъ могъ бы, пожалуй, успокоиться и прошептать: „нынѣ отпущаеши раба твоего“ — если бы не это вѣчно-розановское, вѣчно-обывательское, которое вѣдь не умерло въ его душѣ, а продолжаетъ звенѣть попрежнему погребальнымъ звономъ:

„Все равно“, „наплевать“, „къ чорту!“

Вяч. Полонскій.

По Россіи.

Алчущіе и жаждущіе.

Продовольственный кризисъ и кризисъ общественности. Пьяный вопросъ.

Провинція всегда и во всемъ запаздываетъ — въ людахъ, въ общественныхъ настроеніяхъ, въ литературныхъ вкусахъ. Запоздала она и по части того многообразнаго, охватывающаго всѣ стороны жизни кризиса, который сейчасъ властно приковываетъ къ себѣ мысль россійскаго обывателя. Хлѣбный, мясной, транспортный кризисы уже становились злобой дня въ столицахъ, — а провинція все еще мирно дремала на ложѣ недавняго благополучія, а пошехонскіе жители все еще лелѣяли сладкую надежду; „авось пронесетъ“. Кто позаботится о томъ, чтобы горькая чаша, вкушаемая москвичемъ и петроградцемъ, прошла мимо рязанскихъ захолустій и самарскихъ медвѣжьихъ угловъ — объ этомъ провинціалъ не думалъ, уповая на дальность разстояній, непролазность дорогъ, отсутствіе прямой связи съ центрами, — словомъ, на всѣ тѣ причины, которыя споконъ вѣковъ гарантировали Пошехонью спокойствіе духа, праздничную кулебяку и ничѣмъ не тревожимый сонъ.

Лѣтній сезонъ не принесъ съ собой ничего, выходящаго изъ нормы: какъ всегда, мужественно боролся пошехонецъ съ назойливыми мухами, почитывалъ военныя телеграммы, въ мѣру критиковалъ и смиренно надѣялся на все превозмогающую россійсскую доблесть. Въ сентябрѣ, однако, обнаружились уже нѣкоторые подозрительные симптомы. Лабазные торговцы заворошились и стали проявлять несвойственную имъ широту экономическихъ замысловъ. Извозчики явно выражали презрѣніе къ мелкимъ суммамъ. Желѣзнодорожные агенты, начиная отъ кондукторовъ и кончая начальниками станцій, стали чрезвычайно загадочны и на самые простые вопросы: „Когда придетъ поѣздъ?“, „Можно ли отправить грузъ?“ — начали отвѣчать условными предложеніями, сбивчивыми по существу и невразумительными по формѣ. Пошехонецъ забезпокоился.

Потомъ наступилъ тревожный октябрь и прямо ужъ возмутительный, ни съ чѣмъ несообразный ноябрь. Лабазники уподоби-

лись одесскимъ биржевикамъ и каждый день ошеломляли покупателя все новыми и новыми надбавочками. Мука, рожь, овесъ — все прыгало въ гору, забиралось на головокружительныя высоты — и затѣмъ вдругъ на нѣсколько дней, а то и на недѣлю исчезало изъ обихода. Извозчики, дровяники, поденщики, сапожники, прачки, поспѣшили за духомъ времени. Желѣзныя дороги превратились въ китайскую головоломку. Мясо спряталось. Масло появлялось на базарѣ лишь въ исключительные моменты, да и то по осаднымъ цѣнамъ. Кулебяка — этотъ символъ благоутробнаго житія, эта священнѣйшая традиція Пошехонья, — доживала послѣдніе дни и уходила въ область преданій. И вмѣстѣ съ нею уходила въ прошлое драгоцѣннѣйшая надежда пошехонскаго обывателя, поддерживавшая его въ самыя трудныя минуты жизни, — надежда, что разруха и опасности столичнаго общежитія не посмѣютъ потревожить благоденствіе Купеческихъ улицъ и Ямскихъ слободъ.

Декабрь и святки были воистину драматическими моментами для пошехонца. Вообразите себѣ праздничный столъ — скудный, опустошенный, съ тухловатой ветчиной („полтора рублика платили!"), жесткой колбасой (дрянь — а полтора цѣлковыхъ за фунтикъ"!) и жалкимъ подобіемъ сладкаго пирога, однимъ видомъ своимъ напоминающаго о бренности и преходящести всего земного. Обыватель грустно глядитъ на эти остатки былого величія и мысленно повторяетъ монологъ чеховскаго Гаева, слегка, конечно, приспособивъ его къ обстоятельствамъ: „Почтенная, уважаемая кулебяка! Переданная отъ дѣдовъ и прадѣ довъ, ты была утѣхой моей юности и опорой старости. Кончались и начинались царствованія, въ водоворотѣ событій возникали и и гибли государства, гремѣли и проносились политическія и соціалистическія грозы, рвалась впередъ и прыгала назадъ великая Русь, — а ты ежепразднично украшала мою трапезу, неизмѣнная, какъ законъ природы. И, глядя на твой румяный ликъ, я твердо вѣровалъ, что устои бытія незыблемы и что нѣтъ силы, которая своротила бы мое гнѣздо изъ предназначеннаго ему отъ вѣка дупла. А теперь — исчезаешь ты, и на твоемъ мѣстѣ воцаряется неизвѣстность, и вьется надъ моей трапезой, надъ моимъ домомъ жуткій, грозный вопросительный знакъ".

Затѣмъ пошехонецъ задумывается о завтрашнемъ днѣ. Тутъ уже перспективы настолько сложны, отношенія настолько запутаны, что и въ слова то ихъ облечь не удается. Пошехонецъ негодующе сплевываетъ на сторону, и этимъ заканчиваются его рождественскія и новогоднія размышленія.

Таково, мнѣ кажется, приблизительное настроеніе россійской провинціи. О продовольственныхъ недоразумѣніяхъ, захле-

бываясь, тараторятъ всѣ бабы и дамы. Исчезновеніе кулебяки — это воистину трагическій жестъ исторіи, символизирующій какой-то огромный надломъ въ жизни Пошехонья, сулящій непредвидѣнныя задачи, трудно устранимыя осложненія. И внезапность, съ какой преподнесла его исторія, только усугубляетъ производимый имъ эффектъ. Кринка молока по 8 копѣекъ, мука по цѣлковому за пудъ, маслице и крупица въ изобиліи — все это было только вчера. А сегодня — путаница. А завтра, быть можетъ, — пищевой режимъ отшельниковъ съ замѣной акридъ тараканами и дивьяго меда — родимымъ квасомъ. Немудрено, что обывателю лѣзетъ въ голову мысль о нѣмецкой интригѣ, какъ о единственномъ объясненіи происходящаго, и лабазные Титы Титычи, желѣзнодорожники и даже везущій не по таксѣ извозчикъ срастаются въ обликъ единой всюду протянувшей свои щупальцы потсдамской гидры.

Продовольственная путаница не ограничилась городами. Заползла она и въ деревню и сразу же взвинтила цѣны до небывалой высоты. Такъ, напр., въ Нижегородской губ. наблюдается слѣдующая картина:

„Въ с. Спасскомъ, Васильсурскаго у., масло вмѣсто 50 к. дошло до 80 к. за фунтъ. Главное зло въ поднятіи цѣнъ обыватель видитъ въ лицѣ скупщиковъ, которые съ самаго ранняго утра разставляютъ свои повозки противъ торговцевъ молочными продуктами и диктуютъ цѣны. За недѣлю до Рождества мясо было 18 к. за фунтъ, въ предрождественскій базаръ цѣны поднялись до 30—32 к. *(„Ниж. Л.“ 24 янв.)*

Егорьевскій уѣздъ, Рязанской губ., подобно селу Спасскому, принадлежитъ къ числу идиллическихъ мѣстъ, гдѣ вообще ничего никогда не случается. А въ неблагополучнымъ декабрѣ и январѣ тамъ случилось вотъ что:

Села, деревни и уѣзды наводнены скупщиками. Спросъ предъявляется, главнымъ образомъ, на яйца, масло и другіе молочные продукты. Въ виду слабаго развитія скотоводства, егорьевская деревня обычно не продавала на сторону молочныхъ продуктовъ. Теперь крестьяне, прельщенные высокими цѣнами, продаютъ послѣдніе запасы, заготовленные для собственнаго потребленія. Цѣна на сливочное масло въ деревнѣ достигла уже 1 р.—1 р. 10 коп. за фунтъ. *(„Р. Сл.“ 27 янв.)*

Такія же вѣсти приходятъ и изъ всѣхъ остальныхъ весей Россійской имперіи, — вплоть до такихъ совсѣмъ ужъ неиспорченныхъ культурой территорій, какъ Пермская губ. И городъ, и деревня заражены одной и той же продовольственной лихорадкой, грозящей уже не только утратой былыхъ гастрономическихъ вольностей и привилегій, а и просто-на-просто голодомъ. Одновременно съ этимъ столь же энергичное наступленіе на обывателя ведется и по мануфактурной линіи.

Повышаютъ цѣны предприниматели; торговцы накидываютъ еще; а у этихъ торговцевъ, въ свою очередь, товаръ скупается спекулянтами, чтобы пустить его въ оборотъ съ новой и очень существенной надбавкой. Особенной широты этотъ послѣдній видъ спекуляціи достигъ, повидимому, въ южныхъ губерніяхъ.

„На дняхъ въ Николаевъ прибыла группа лицъ, которая начала скупать находящійся въ мѣстныхъ мануфактурныхъ и одежныхъ магазинахъ товаръ, платя бѣшеныя цѣны. Изъ освѣдомленнаго источника намъ сообщаютъ, что скупка мануфактурныхъ товаровъ во многихъ городахъ, въ томъ числѣ и Николаевѣ, имѣетъ чисто спекулятивный характеръ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что въ странѣ сократилось производство мануфактуры, спекулянты рѣшили скупить огромное количество магазиновъ и затѣмъ взвинтить цѣны по своему усмотрѣнію". *(„Ник. Газ.", 23 янв.)*

Итакъ, нѣтъ ни одного предмета домашняго обихода, который бы не взмылъ ввысь. При этомъ повышеніе идетъ такими скачками, что учесть его невозможно: статистическія таблицы пришлось бы мѣнять каждые три дня.

Гдѣ же приходится искать причину этой всероссійской путаницы?

Первое объясненіе, которое приходитъ въ голову обывателю, — это злая воля спекулянтовъ. При этомъ одни полагаютъ, что главными виновниками являются желѣзнодорожники, другіе сваливаютъ всю отвѣтственность на промышленниковъ, третьи (какъ, напр., московскіе администраторы) усматриваютъ корень зла въ лицахъ іудейскаго вѣроисповѣданія, посѣщающихъ московскую биржу, и борются съ ними посредствомъ массовыхъ облавъ.

Но вѣдь если подъ злой волей разумѣть стремленіе къ наживѣ, то въ ней никогда и нигдѣ не было недостатка. Коммерція, по существу своему, есть погоня за барышомъ, желаніе поживиться на счетъ покупателя, и въ этомъ смыслѣ есть сплошная и откровенная злая воля. Но въ однихъ случаяхъ она сдерживается въ извѣстныхъ границахъ общими условіями торговаго оборота, въ другихъ же случаяхъ эти условія таковы, что всякіе границы и предѣлы эксплоатаціи снимаются, и коммерція превращается въ явное, ничѣмъ не сдерживаемое ростовщичество. И если не придерживаться того взгляда, что россійскому коммерсанту можно и должно привить добродѣтель безкорыстія сугубыми штрафами и длительной каталажкой, то общую причину продовольственной разрухи придется искать не въ слабости начальственныхъ репрессій и не въ испорченности спекулянтской души, а именно въ этихъ общихъ условіяхъ, раскрывшихъ широкій просторъ коммерческимъ дерзаніямъ.

Среди этихъ общихъ условій исключительная обстановка военнаго времени по отношенію къ нѣкоторымъ продуктамъ несомнѣнно

сыграла рѣшающую роль. Когда намъ говорятъ, напр., что война вызвала по всей имперіи усиленіе потребленія мяса на 58%, что въ Саратовской губерніи въ текущемъ году предполагается реквизировать 120 тыс. головъ скота (докладъ г. Бреславцева на сар. губ. земскомъ собраніи) и что подобныя же реквизаціи предвидятся въ Самарской губ. и нѣкоторыхъ другихъ, то причина мясного кризиса становится ясной. Кризисъ и спекулятивное взвинчиваніе цѣнъ объясняются просто тѣмъ, что даннаго продукта оказывается недостаточно и его можно продавать „по вольнымъ цѣнамъ". То же самое можно сказать въ цѣломъ рядѣ мѣстъ и относительно овса: усиленное потребленіе его военнымъ вѣдомствомъ, скупка, реквизиція создали недостатокъ продукта и сдѣлали спекуляцію неизбѣжной, а борьбу съ нею затруднительной.

Но есть, однако, рядъ продуктовъ — мука, молоко, масло — на потребленіи которыхъ война почти не отразилась, — а между тѣмъ спекуляція затронула ихъ въ не меньшей мѣрѣ, чѣмъ мясо. Вотъ, напр., интересныя данныя, сообщенныя гласнымъ Е. Калугинымъ въ докладѣ пермскому губернскому собранію.

Параллельно съ сокращеніемъ притока предметовъ продовольствія по желѣзнымъ дорогамъ въ мѣстной экономической жизни наблюдается быстрое ненормальное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ въ нашихъ земледѣльческихъ уѣздахъ, что не поддается никакимъ логическимъ объясненіямъ, такъ какъ урожай 1915 года не ниже урожая 1914 г., а во многихъ мѣстахъ лучше, и вывоза значительныхъ партій хлѣба изъ губерніи не было. Между тѣмъ ноябрьскія цѣны на рожь, ржаную муку и овесъ въ сравненіи съ ноябрьскими цѣнами 1914 г. поднялись на 30, 40 и даже 50%". Во время послѣдовавшихъ преній по докладу г. Калугина выяснилось, что излишекъ собраннаго въ губерніи за 1915 г. хлѣба по сравненію съ 1914 г. выражается цифрой въ 20 милл. пудовъ. *(„Перм. Вѣд.", 12 янв.)*

По мнѣнію избранной губ. собраніемъ комиссіи причину быстраго роста цѣнъ на хлѣбъ слѣдуетъ искать въ чрезмѣрномъ повышеніи цѣнъ на мануфактурные и колоніальные товары. Собраніе высказалось поэтому не только за нормировку продуктовъ первой необходимости, но и за таксацію главнѣйшихъ издѣлій обрабатывающей промышленности. („Перм. Вѣд.", 14 янв.). Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ не было налицо никакихъ специфическихъ условій военнаго времени, а между тѣмъ картина получилась та же. Повышеніе цѣнъ по мануфактурной линіи немедленно отозвалось и на цѣнахъ, запрашиваемыхъ за хлѣбъ крестьяниномъ-продавцомъ. Различныя отрасли народнаго хозяйства оказались такъ тѣсно и неразрывно сплетенными, что разруха и спекуляція въ одной повлекла за собой тѣ же явленія и въ другой. Военное время нарушило установившіяся отношенія товарообмѣна и товарораспредѣленія, желѣзныя

дороги внесли въ этотъ хаосъ свою посильную лепту, и получилась всероссійская неразбериха, на почвѣ которой неизбѣжно должны были расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ спекуляція, взяточничество и всякіе иные коммерческіе пороки. Положеніе вещей было бы, вѣроятно, иное, если бы вопросы товарнаго распредѣленія рѣшались не случайными дѣльцами, блюдущими свой собственный карманъ, и не вѣдомственными инстанціями, а общественными организаціями, идейно и технически вполнѣ подготовленными для этой задачи. Организацій этихъ не оказалось, и спекулянтъ сталъ господиномъ положенія. И онъ будетъ вполнѣ правъ, если на обличительныя тирады огорченнаго дороговизной пошехонца онъ отвѣтитъ приблизительно слѣдующее:

„Каюсь, господинъ хорошій, процентъ свой я соблюдаю. Въ этомъ грѣшенъ. Но вѣдь не зря живетъ пословица: „не обманешь, не продашь". Вы же сами повторяли при каждомъ удобномъ случаѣ: „моя хата съ краю". Вы же сами удивлялись нѣкогда моимъ коммерческимъ способностямъ и завидовали моему дому, моимъ лошадямъ, моему капиталу. Такъ почему же теперь я, именно я долженъ проявить евангельскія качества и во имя любви къ ближнему отказаться отъ 20 или 30% прибыли, которая сама лѣзетъ въ руки? Извините, этому не обученъ. А если бы я даже это и сдѣлалъ, вы бы первые записали меня въ дураки и предали на поношеніе. И еще вотъ что примите въ расчетъ. Собственной организаціей вы по разнымъ причинамъ не обзавелись. Значитъ, вашимъ пропитаніемъ, одеждой и отопленіемъ могутъ вѣдать либо я, либо поставленный надъ вами городничій Сквозникъ-Дмухановскій. Такъ вотъ, если вы отдадите меня на съѣденіе клопамъ уѣздной каталажки, и благоустройство вашей жизни перейдетъ всецѣло къ Сквозникъ Дмухановскому, — сможете ли вы поручиться за длительность вашего существованія? И не вспомните ли со слезой благодарности меня, который, правда, любилъ пожить и попользоваться, но зато жить давалъ и другимъ?"

На такіе доводы обывателю и въ особенности провинціальному обывателю отвѣтить нечего. Ибо современный продовольственный кризисъ — это прежде всего кризисъ экономической организаціи, обслуживающей нужды страны, кризисъ тѣхъ административныхъ, общественныхъ и частно-предпринимательскихъ органовъ, которые вѣдаютъ распредѣленіемъ продуктовъ. Если страна, имѣющая продукты, оказывается неспособной цѣлесообразно распредѣлять ихъ, — это значитъ, что она не можетъ приспособиться къ новымъ условіямъ, не обладаетъ достаточной гибкостью, словомъ, слаба и несовершенна въ своей организаціи. А организація — это

общественность въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Земства, кооперативы, профессіовальные союзы, кредитныя общества, клубы, даже кружки самообразованія — все это соціальныя ячейки, въ обычное время выполняющія специфическія задачи, но въ исключительный моментъ могущія сослужить огромную службу въ сферѣ обще-національныхъ вопросовъ и нуждъ.

Страна, въ которой эти ячейки развиты и привыкли къ широкой и ничѣмъ нестѣсняемой дѣятельности, окажется несравненно гибче, чѣмъ страна, въ которой онѣ слабы и немногочисленны. Именно къ этимъ глубоко вросшимъ въ бытъ соціальнымъ объединеніямъ и обращается правовое государство въ ту минуту, когда его собственный административный аппаратъ оказывается несоотвѣтствующимъ осложнившемуся положенію. Только въ общественности — гарантія отъ путаницы и противоядіе отъ неразберихи. Поэтому и вопросъ о провинціальной путаницѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ вопросомъ о провинціальной общественности. Провинція оказалась рыхлой, ничѣмъ не спаянной, ничѣмъ внутренно не объединенной какъ разъ въ тотъ роковой моментъ, когда обстоятельства потребовали отъ нея максимума стойкости, наивысшаго напряженія соціальной энергіи. Нужно было внезапно заполнить ту огромную пустоту, которая обозначилась подъ Ніагарой начальственныхъ циркуляровъ. Заполнить ее могла только общественность, а общественности-то какъ разъ и не было. А между тѣмъ циркулярная Ніагара, нисколько не ослабивъ своей жизненности, все больше и больше утрачивала свои организующія свойства. Естественно, наступила путаница, и, въ результатѣ, рухнула пошехонская кулебяка, а затѣмъ стали исчезать и всѣ составляющіе ее элементы.

Почему въ провинціи не сложилось общественныхъ ячеекъ, которымъ въ нужный моментъ можно было бы передать продовольственное и всякое иное снабженіе, — отвѣтить не трудно. Слѣдуетъ припомнить, что хроника провинціальной жизни представляла собою сплошной мартирологъ. Писать провинціальное обозрѣніе, значитъ сообщать о томъ, какъ закрываются общественные клубы и просвѣтительныя общества, какъ ликвидируются профессіональные союзы, какъ высылаются лица неудобнаго для администраціи образа мыслей, какъ угасаютъ подъ тяжестью штрафовъ мѣстныя газеты. Пошехонскія организаціи были или мотыльками-поденками, утромъ рождавшимися, а къ вечеру умиравшими, или худосочными паралитиками безъ притока крови и безъ возможности роста.

И если изъ Кіева пишутъ:

Городской голова Дьяковъ уѣхалъ въ отпускъ. Изъ достовѣрныхъ источниковъ сообщаютъ, что на свой постъ онъ болѣе не вернется. Уходъ

вызывается треніями между городскимъ управленіемъ и администраціей. Въ видахъ осуществленія надзора за нѣкоторыми отраслями городского хозяйства будутъ назначены высшіе чины губернской администраціи и въ помощь къ нимъ военные чиновники (*„Р. В.“, 24 янв.*)

Если изъ Харькова извѣщаютъ:

Харьковскій губернаторъ не разрѣшилъ военно-промышленному комитету устроить выборы отъ рабочихъ въ комитетъ за неимѣніемъ мѣста для предвыборнаго собранія. (*„Р. В.“, 23 янв.*)

Если изъ Новороссійска телеграфируютъ:

Новороссійскъ, 27, I. По постановленію совѣта Намѣстника, воспрещено дальнѣйшее проживаніе въ предѣлахъ Кавказскаго края, въ районѣ театра военныхъ дѣйствій и въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, видному мѣстному общественному дѣятелю, гласному думы И. Н. Спиридонову, какъ личности, „вредной для государственнаго порядка“. (*„Рус. Сл.“, 28 янв.*)

Если изъ Раненбурга (Ряз. губ.) освѣдомляютъ:

Крестьяне села Зимарова избрали своимъ представителемъ на волостныхъ сходахъ, между прочимъ, популярнаго односельца, члена 2-й Государственной Думы Е. И. Сорокина.

Мѣстный земскій начальникъ, ссылаясь на „неблагонадежность“ бывшаго депутата, представилъ приговоръ въ уѣздный съѣздъ для отмѣны. Уѣздный съѣздъ приговоръ отмѣнилъ и лишилъ Е. И. Сорокина права участія на волостныхъ сходахъ. (*„Рус. Сл.“, 27 янв.*)

Если изъ Красноярска сообщаютъ:

Красноярскъ, 25, I. Сегодня ночью, въ городѣ чинами жандармскаго управленія произведены массовые обыски и аресты. Арестованы редакторъ „Сибирской Мысли“ Дегтяревъ и сотрудникъ этой же газеты, секретарь журнала „Вѣстникъ Городского Самоуправленія“ Николаевъ, предсѣдатель союза торговыхъ служащихъ Овечкинъ и другія лица. (*„Р. Словян.“, 27 янв.*)

Если изъ Харькова дополняютъ:

22-го января. Вчера и сегодня чинами жандармской полиціи въ городѣ былъ произведенъ рядъ обысковъ и арестовъ. Арестамъ подверглись, главнымъ образомъ, учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Среди другихъ лицъ арестовано нѣсколько членовъ кружка по изученію политической экономіи при харьковскомъ университетѣ. (*„Рус. Вѣд.“, 24 янв.*)

— то мы не удивляемся и не волнуемся, ибо не можемъ припомнить времени, когда въ Пошехоньѣ было иначе. Всегда было такъ — съ начала времени. На всероссійскомъ экзаменѣ у пошехонца не оказалось въ рукахъ ничего, кромѣ поминальнаго списка.

Но, помилуйте, скажетъ читатель. Зачѣмъ же сгущать краски? Хоть кое-что да имѣлось же въ наличности. Во-первыхъ, повсюду въ неэвакуированныхъ мѣстностяхъ осталось на своихъ постахъ начальство. Во-вторыхъ, было земство, хотя и цензовое, и городское управленіе, хотя и по положенію 92 года. И наконецъ, въ третьихъ, имѣлись кооперативы, хотя и стѣсненные нѣсколько въ своей дѣятельности, но все же кооперативы. Почему же всѣ эти

учрежденія оказались не въ силахъ справиться съ продовольственнымъ и транспортнымъ кризисомъ?

По мѣрѣ своего разумѣнія постараюсь отвѣтить по пунктамъ.

Что касается губернскаго начальства, то въ его виды и предположенія, а тѣмъ паче въ его способы мышленія я, подобно большинству россійскихъ обывателей, не посвященъ, а потому на сей счетъ могу строить лишь гипотезы.

А потому возьмемъ лучше факты.

Харьковскій губернаторъ, г. Масальскій, твердо вѣровалъ въ совершенно неоспоримый моральный принципъ, что ближнему слѣдуетъ помогать не изъ низменныхъ разсчетовъ, а изъ человѣколюбія. Въ виду этого онъ издалъ обязательное постановленіе, коимъ розничнымъ торговцамъ предписывалось сахаръ, стоившій у оптовиковъ 18 к. за фунтъ, продавать по $17^1/_2$ к. за фунтъ (т.-е., — принимая въ расчетъ расходы по перевозкѣ, содержанію лавки и т. д. — безъ прибыли), а мыло, стоившее у оптовиковъ 20 к. за фунтъ, продавать въ розницу по 20 к. за фунтъ — т. е. тоже безъ прибыли. Торговцы заупрямились. Тогда г. Масальскій лично отправился на базаръ и наложилъ штрафовъ на 6 тыс. р. Но испорченная человѣческая природа заявила себя на слѣдующій же день, и въ городской думѣ поднялся слѣдующій вопросъ: „Что дѣлать съ цѣнами, установленными г. Масальскимъ? Вѣдь эти цѣны фактически уничтожили предметы продовольствія, и сейчасъ на базарѣ уже нѣтъ многихъ изъ таксированныхъ продуктовъ“ („Южн. Край“, 18 и 20 января).

Саратовскій губернаторъ, г. Тверской, исходилъ изъ другой, тоже совершенно вѣрной общей мысли, что всякая естественность хороша, а всякая искусственность вредна. Поэтому онъ издалъ слѣдующее обязательное постановленіе: „Воспрещается *искусственное* повышеніе цѣнъ на топливо, а равно на доставку его со складовъ обывателямъ и учрежденіямъ. Виновные въ нарушеніи сказаннаго постановленія подвергаются штрафу въ 3 тыс. р.“ („Сар. Лист.“, 16 янв.). Въ результатѣ, всѣ обыватели, начиная съ ломовика и кончая правителемъ канцеляріи, стали ломать себѣ голову надъ философскимъ вопросомъ: „что такое естественное и что такое искусственное?“ и, несмотря на угрозу трехтысячнымъ штрафомъ, не смогли разрѣшить его и по сіе время. Наконецъ, цѣлый рядъ другихъ губернскихъ администраторовъ основывался на томъ общемъ, опять-таки правильномъ принципѣ, что „запрещаемое не должно быть совершаемо“. Они издали таксы и опочили отъ дѣлъ своихъ. Продукты же сначала исчезли, а потомъ появились, но въ нетаксированномъ видѣ.

Въ общемъ, никакого устроенія нигдѣ не вышло. Тогда администрація призвала на помощь первую линію резерва, верхній слой общественности — земства и городскія думы. Но и тѣ и другія оказались съ изъянцемъ. Правда, у нихъ имѣлось налаженное хозяйство, обширный штатъ служащихъ, техническій навыкъ въ обычныхъ земскихъ и городскихъ дѣлахъ, но не было самаго главнаго — широкихъ и прочныхъ связей съ населеніемъ. Цензовое земство и домовладѣльческая дума такъ же далеки отъ обывательской массы, какъ и вѣдомственныя инстанціи. Ихъ призывами не только не вдохновляются, — имъ просто мало вѣрятъ, а потому вокругъ нихъ и не организуются. Въ нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ истекшей сессіи гласные долго и убѣдительно говорили объ оторванности современнаго земства отъ населенія и о необходимости его реформировать. Ставропольское земство вынуждено даже было ходатайствовать о смягченіи участи обидѣвшихъ его крестьянъ:

Губернское собраніе постановило телеграфно ходатайствовать черезъ намѣстника о помилованіи 47-ми крестьянъ села Александріи, приговоренныхъ военнымъ судомъ: четверо — къ смертной казни, 31 — къ каторгѣ и 22 — къ тюрьмѣ за сопротивленіе въ 1914 году властямъ на почвѣ недовольства введеніемъ земства. *(„Р. Вѣд.", 24 янв.).*

Попробуйте-ка убѣдить людей, которые еще вчера встрѣчали васъ дрекольями, что вы исчислили таксу по совѣсти и для ихъ же собственной пользы! Не лучше обстоитъ по части довѣрія и съ городскими думами: Въ Вологдѣ

... распалась городская продовольственная комиссія. Ушли предсѣдатель и его товарищъ. Вчера поступило въ управу заявленіе представителей рабочихъ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ о выходѣ ихъ изъ состава комиссіи. Свой уходъ изъ комиссіи рабочіе мотивируютъ тѣмъ, что работы городского самоуправленія въ продовольственномъ вопросѣ непродуктивны. Рабочіе указываютъ, что купеческая дума, разбавленная буржуазной интеллигенціей, вообще не можетъ бороться съ дороговизной.

(„Рус. Сл.", 27 янв.).

Въ миѳической Одессѣ случился совсѣмъ ужъ странный анекдотъ: для усиленія городскихъ рессурсовъ городская дума въ разгаръ мясного кризиса рѣшила ввести налогъ на мясо и повысить на $^1/_2$ коп. трамвайные билеты — т.-е. обложить какъ разъ низы населенія. Одесскій обыватель и безъ того уже раздраженъ. Но какое мнѣніе составилъ онъ объ общеполезныхъ намѣреніяхъ и продовольственныхъ планахъ своего муниципалитета, когда изъ разоблаченій предсѣдателя мѣстнаго отдѣла союзниковъ г. Родзевича онъ узналъ, что

городской голова Б. А. Пеликанъ получаетъ безъ вѣдома города большія суммы на разъѣзды. Такъ, въ 1913 году, по статьѣ командировокъ ему

было выдано 20.000 руб., въ 1914 — 35.000, въ 1915 — 60.000 руб. Въ прошломъ году подъ рубрикой „разные мелкіе расходы управы" показано — 334 000 руб. *(„Р. Сл.").*

Печальной чередой проходитъ рядъ другихъ уѣздныхъ и губернскихъ думъ, дѣятельность которыхъ можно охарактеризовать слѣдующимъ воплемъ ярославскаго обывателя:

„Когда въ городѣ оказался недостатокъ предметовъ первой необходимости и гг. торговцы взмыли цѣны до послѣдней возможности, городская дума оказалась безсильной чѣмъ-либо помочь обывателямъ. Торгашеская вакханалія разошлась во всю. Мясники чуть не черезъ день увеличивали таксу на мясо А если дума не утверждала таксы, то мясники прятали мясо и, издѣваясь надъ обывателемъ, предлагали купить какія-то обглоданныя кости. Та же самая исторія повторилась и съ дровами. . Словомъ, въ Ярославлѣ гласные завернулись въ свои халаты и никакой отъ нихъ помощи нѣтъ. Одно уныніе и зеленая тоска". *(„Голосъ", 24 янв.).*

Не всѣ, конечно, думы оказались столь безсильными. Нѣкоторымъ изъ нихъ (Рязанской, Тамбовской и др.) удалось облегчить, а иногда и устранить продовольственный кризисъ. Но основной недостатокъ, присущій имъ всѣмъ, даетъ себя одинаково остро чувствовать всюду и всегда. Это — недостатокъ ихъ цензовой природы. Отъединенныя отъ массъ, — какъ могутъ онѣ сплотить вокругъ себя обывательскую толщу, использовать ея организаторскія силы, внушить ей послушаніе и довѣріе? А между тѣмъ стоящія передъ земствами и думами задачи теперь гораздо сложнѣе тѣхъ, которыя стояли всего два мѣсяца назадъ. Тогда главнымъ способомъ борьбы съ дороговизной считалось таксированіе, а теперь это уже изжитая, отвергнутая идея: вмѣсто таксированія на очередь выдвигаются такія задачи, какъ муниципальная закупка дровъ, земская и городская закупка предметовъ продовольствія, наконецъ, введеніе продовольственныхъ карточекъ, — словомъ, оборудованіе совершенно новаго по типу общественнаго хозяйства и налаживаніе новаго общественнаго распредѣленія.

Чѣмъ яснѣе вырисовывалась передъ земствами и городами вся огромность и сложность предстоящей работы, тѣмъ ярче стала у нихъ проглядывать тенденція войти въ самыя тѣсныя сношенія съ кооперативами. Подобно тому какъ губернская администрація вынуждена была обратиться къ резерву первой линіи, такъ точно и резервъ первой линіи вынужденъ былъ въ концѣ концовъ опереться на резервъ второй линіи — и на этотъ разъ послѣдней.

Прежде всего, на кооперативы возлагается продовольственная помощь населенію:

„Пермское губ. собраніе постановляетъ изъ просимаго у казны пособія въ 1 мил. руб. выдать ссуды по 100 тыс. руб. уральскому потребительскому

союзу, екатеринбургскому кредитному и союзу потреб. об—ва сѣверо-восточнаго района, шадринскому кооперативному объединенію 50 тыс. руб. и верхотурскимъ кооперативамъ 50 тыс. руб. — всѣмъ имъ на усиленіе оборотныхъ средствъ по заготовкѣ и продажѣ населенію продуктовъ первой необходимости". *(„Рус. Вѣд." 16 янв.)*

Аналогичныя постановленія — въ видѣ ли прямого пособія, кооперативамъ, въ видѣ ли тѣснаго общенія съ ними, — выносятся въ рядѣ земскихъ собраній и городскихъ думъ.

Ставится вопросъ о томъ, какъ быть съ весенней вспашкой и обсѣмененіемъ полей — и здѣсь послѣдняя инстанція — кооперативы.

Подымается разговоръ о расширеніи внѣшкольнаго образованія (поднятый, кстати сказать, почти во всѣхъ состоявшихся въ январѣ земскихъ собраніяхъ за исключеніемъ симферопольскаго, которое мудро сдало его въ комиссію) и о постройкѣ народныхъ домовъ — и здѣсь кооперативъ выступаетъ, какъ естественный и неизбѣжный пособникъ.

„Самарское губ. собраніе ассигновало 42 тыс. руб. для пособія всѣмъ учрежденіямъ, строящимъ народные дома, при чемъ постановило просить о пособіи отъ казны въ половинномъ размѣрѣ. По проекту губернской управы предполагается устроить 54 районныхъ дома, стоимостью въ 810 тыс. руб., 213—мѣстныхъ, стоимостью въ 2.130.000 руб., и народныхъ домовъ третьяго разряда (мѣстныхъ)—410, стоимостью въ 2.050.000. Если предположить, что на долю губернскаго земства придется только одна треть всѣхъ строительныхъ затратъ, получаемъ — 1.663 тыс. руб. Ежегодно такой обр. (исполненіе проекта разсчитано на 10 лѣтъ) на долю губернскаго земства придется 166 тыс. руб. Въ виду непосильности такого расхода для губернскаго земства необходимо привлечь къ дѣлу частныя общества (кооперативы, просв. общества и т. д.), оказывая имъ пособія". *(„Волжскій День", 19 янв.).*

Кооперативъ всюду и вездѣ. Это — послѣдняя линія общественности, за которой начинается царство людской пыли и пошехонскаго безгласія. Оправдаетъ ли кооперативъ возлагаемыя на него надежды? Это выяснитъ, конечно, только будущее. Но уже и теперь можно съ увѣренностью сказать, что кооперативъ, одновременно продающій, покупающій, строящій школы и народные дома, обсѣменяющій поля, опахивающій нивы и питающій всѣхъ и вся — такой кооперативъ на Руси еще не родился. И, дойдя до послѣдней грани общественныхъ начинаній, мы должны закончить тѣмъ же, чѣмъ начали. Ужасъ положенія заключается въ томъ, что наша соціальная структура отстала отъ требованій момента. Пошехонье не взростило ее, — а вырастить ее несравненно труднѣе и дольше, чѣмъ даже артишоки въ осажденномъ Парижѣ. И совершенно былъ правъ гласный харьковскаго губернскаго земскаго собранія, г. Добровольскій, когда онъ сказалъ:

„Страна не вынесетъ тяжести войны, если мы не сумѣемъ укрѣпить и наполнить творческой и упорной энергіей наши вялыя и слабыя трудовыя

силы. Для развитія ихъ нуженъ хозяйственный и культурный подъемъ знаніе, свобода, поддержка и поощреніе творческаго почина. Для рѣшенія экономическихъ послѣдствій войны будутъ безполезны обычныя средства и силы... Вся необъятная работа по экономическому подъему страны должна быть дѣломъ мѣстныхъ, общественныхъ и народныхъ силъ. Во главѣ этихъ силъ должно стать земство. Но для этой работы необходимы особыя условія. Прежде всего необходима земская реформа, такъ какъ приближеніе земства къ населенію — обязательный залогъ успѣха. Далѣе, неотложна и безотлагательна необходимость пересмотра финансоваго положенія земства. Наконецъ, сама природа стоящей передъ земствомъ задачи требуетъ полнаго простора и свободнаго проявленія творческой энергіи. Административная опека должна быть снята". *(„Южн. Край" 15 янв.)*

Но г. Добровольскій былъ бы еще болѣе правъ, если бы вмѣсто „земства" онъ сказалъ бы коллективность, общественность, соціальное бытіе Россіи. Ибо исторія поставила передъ нами вопросъ не только о земствѣ, но и вообще о нашемъ соціальномъ бытіи, о томъ, суждено ли намъ умереть, какъ Пошехонью, или возродиться, какъ организованной націи.

Наряду съ продовольственными кризисами въ провинціи происходятъ и другія весьма любопытныя явленія, хотя привлекающія къ себѣ сравнительно мало вниманія. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Россія, говорятъ, была трезвой. Но мысль нечѣмъ было занять, и пошехонца повлекло къ старому развлеченію. А такъ какъ обычными путями водки нельзя было достать, то пришлось обратиться къ химіи. Очищаютъ политуру, перегоняютъ денатуратъ, травятся, слѣпнутъ и все-таки — напиваются. Въ центральныхъ губерніяхъ, въ Поволожьѣ, въ черноземной глуши — всюду, вопреки запретамъ и карамъ, идетъ борьба съ трезвостью. Наиболѣе успѣшно борьба эта ведется, повидимому, въ Николаевскомъ уѣздѣ (Сарат. губ.).

„Очутившись во власти суррогатовъ, деревня снова загуляла и снова оглашается пьяными, дикими криками, площадными пѣснями и украшается уличными безобразными сценами „по пьяному дѣлу". Развитіе злоупотребленія суррогатами объясняется тѣмъ, что въ деревнѣ при отсутствіи библіотекъ, читаленъ и разумныхъ развлеченій некуда себя дѣть, нечѣмъ заполнить досугъ. Отъ скуки населеніе бросается къ суррогатамъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ Николаевскаго уѣзда вопросъ о борьбы съ суррогатами обсуждается на сельскихъ сходахъ". *(„Сарат. Лист.", 14 янв.).*

Иногда, въ цѣляхъ удобства, обыватель самъ превращается въ химическую реторту и выгоняетъ алкоголь въ собственномъ чревѣ. О такомъ новомъ способѣ борьбы съ трезвостью сообщаетъ корреспондентъ „Майкопскаго Эха" :

„На ст. Царицынъ произошелъ слѣдующій случай. На вокзалѣ появился пьяный субъектъ, обратившій на себя общее вниманіе. На вопросы служащихъ и посторонникъ, гдѣ онъ напился, субъектъ отвѣтилъ:

— А вотъ у меня все здѣсь... И сытъ, и пьянъ, и носъ въ табакѣ!

При этихъ словахъ пьяный незнакомецъ распахнулъ пальто, вынулъ изъ одного кармана начатую четверку дрожжей, откусилъ и проглотилъ кусокъ ихъ, изъ другого кармана взялъ бутылку лимонада и запилъ. Черезъ нѣсколько мгновеній дрожжи въ соединеніи съ лимонадомъ возымѣли дѣйствіе и субъектъ, еле шевеля языкомъ, удалился съ вокзала".

(„Майкоп. Эхо", 23 янв.)

А когда немногимъ избраннымъ счастливцамъ удается добраться до натуральнаго алкоголя, — дѣло нерѣдко заканчивается трагедіей въ родѣ слѣдующей:

„Крестьянскій начальникъ Канскаго уѣз. Ващенко и его жена умерли въ дорогѣ. Предполагали что они замерзли, но выяснилось другое. Г. Ващенко очень тучный, 9 пудовъ вѣсомъ, его жена — очень маленькая. Оба были пьяны до безчувствія. Г-ну Ващенко сдѣлалось дурно, онъ захлебнулся собственной рвотой, задохся, и его трупъ навалился на г-жу Ващенко, которая не могла освободиться и была задавлена". *(„Сиб. Ж.")*

Наряду съ пьянствомъ корреспонденты сообщаютъ и о другихъ видахъ развлеченій — о повальномъ увлеченіи деревни азартными играми, о воскрешеніи пѣтушиныхъ боевъ со ставками на побѣдителей и т. д. Словомъ, пошехонцы возвращаются къ своему исконному быту и быстро теряетъ тотъ спокойный, вдумчивый новый обликъ, который, было, придала имъ міровая трагедія. При нормальныхъ условіяхъ это было бы только грустно. Теперь это страшно. Ибо пьянство, азартныя игры и т. под. свидѣтельствуютъ не только о шальныхъ деньгахъ, но и о гнетущей душевной пустотѣ, которую нечѣмъ заполнить, о тоскѣ и унынiи, которыя необходимо чѣмъ-нибудь заглушить. Въ такомъ настроеніи не творятъ великихъ дѣлъ, не осуществляютъ тѣхъ огромныхъ задачъ національнаго переустройства, поднятія производительности труда, финансовой и экономической ломки, которыя, по общему признанію, стоятъ на очереди дня. А вѣдь внѣ этихъ соціально-политическихъ дерзаній нѣтъ выхода. Ибо для всякаго ясно, что расширить запашку, сократившуюся по нѣкоторымъ губерніямъ на 20—25 %, привлечь рабочія силы хотя бы изъ Китая или Кореи (какъ о томъ постановило самарское губ. земское собраніе), завести новые промыслы — рѣшительно невозможно въ порядкѣ начальственнаго усмотрѣнія. Не только безсиленъ здѣсь Сквозникъ-Дмухановскій, но и современныя формы русской общественности очень узки и несовершенны. И если само Пошехонье машетъ на себя рукой и жаждетъ лишь забвенія, — кто же вытащитъ его изъ трясины?

Народныя настроенія, конечно, измѣнчивы, и учитывать ихъ на основаніи указанныхъ симптомовъ довольно рискованно. Но сами симптомы— грустны, и надъ ними слѣдуетъ серьезно призадуматься.

Стан. Вольскій.

ПИСЬМО ИЗЪ ССЫЛКИ.

Чѣмъ живетъ политическій ссыльный, оторванный отъ дѣйственной, живой жизни, въ глухихъ углахъ Сибири, — вопросъ, исчерпывающее освѣщеніе котораго было бы небезынтересно.

Но, какъ и другія стороны жизни въ ссылкѣ, къ сожалѣнію, при настоящихъ условіяхъ, этотъ вопросъ не можетъ быть не только освѣщенъ, но и достаточно полно изложенъ на страницахъ періодической печати. Полное, всестороннее описаніе политической ссылки, ея повседневной, мелочной, подчасъ, жизни, ея тревогъ и мечтаній, непрекращающейся борьбы за охраненіе собственнаго достоинства, — все это дѣло будущаго.

Но и сейчасъ, кое-что, иллюстрирующее жизнь въ ссылкѣ, можетъ быть использовано.

Въ настоящей замѣткѣ мы попытаемся представить культурное состояніе современной политической ссылки, въ одномъ уголкѣ Сибири, именно, въ Нарымскомъ краѣ.

Прежде всего, нѣсколько цифръ объ образовательномъ цензѣ политическихъ ссыльныхъ.

По даннымъ анкеты, произведенной въ началѣ 1915 года политическими ссыльными Нарымскаго края, изъ общаго числа въ 186 человѣкъ опрошено было:

Учившихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ 12 челов. или 7,1%; со среднимъ образованіемъ 22 человѣка или 11,6%, получившихъ начальное образованіе въ школахъ земскихъ, городскихъ, церковно-приходскихъ и приготовительныхъ — 111 челов. или 59,5%; не учившихся въ школахъ, а знакомившихся съ грамотой внѣ школы 33 челов. или 17,7% и, наконецъ, учившихся въ профессіональныхъ школахъ и преимущественно въ фабрично-заводскихъ, т. е. опять таки въ начальныхъ училищахъ — 8 чел. или 4,2%.

Такимъ образомъ, лицъ начальнаго элементарнаго образованія было 152 челов. или 81,4%.

Уже это одно достаточно характеризуетъ соціальный составъ современной политической ссылки.

Трудно приходится политическому дѣятелю изъ рабочей среды безъ систематическаго образованія, и онъ всѣми силами старается пополнить свой умственный багажъ, путемъ ли посѣщенія вечернихъ классовъ для взрослыхъ, или домашними занятіями у болѣе свѣдущихъ товарищей.

И вотъ здѣсь-то приходитъ на помощь пролетарскому общественному дѣятелю, какъ это ни дико, — тюрьма и ссылка.

Не одинъ рабочій помянетъ добромъ тюрьму и ссылку, гдѣ ужасы неволи скрашивались оживленными товарищескими бесѣдами, кропотливыми занятіями въ цѣляхъ самообразованія и выработки опредѣленнаго міровоззрѣнія.

Очень и очень многіе изъ рабочихъ, попавъ совершенно случайно въ тюрьму сѣрыми и малоинтересующимися обывателями, выходили изъ тюрьмы довольно интеллигентными людьми, совершенно сознательными въ политическомъ отношеніи гражданами, ищущими примѣненія своей иниціативы и энергіи на общественномъ поприщѣ.

Нелишнимъ будетъ привести здѣсь данныя той же анкеты, характеризующія, въ какихъ областяхъ ссыльнымъ, и преимущественно изъ квалифицированныхъ рабочихъ, приходилось примѣнять свои силы въ поискахъ заработка.

Изъ общаго числа квалифицированныхъ рабочихъ въ 104 челов. вынуждены были перемѣнить свою профессію свыше 50%, при чемъ имъ приходилось работать въ качествѣ журналистовъ, статистиковъ, конторщиковъ, актеровъ, корректоровъ, репортеровъ, чертежниковъ, учителей въ ремесленной школѣ.

Умственные интересы и умственный уровень нарымскихъ ссыльныхъ характеризуется до извѣстной степени слѣдующими данными анкеты.

Читавшихъ до ссылки было 182 чел. (97,3%), при чемъ читали:

газеты	137	челов.
журналы	115	„
беллетристику	97	„
научн. книги	82	„

Занимались до ссылки:

элементарн. предметами	58	челов.
обществ.-политич. вопросами	100	„
научными предметами	48	„
иностран. языками	65	„

Читаютъ, находясь въ ссылкѣ, всѣ безъ исключенія, и приблизительно въ тѣхъ же цифрахъ, что и до ссылки, такъ, напр., читаютъ:

газеты	169	челов.
журналы	144	„
беллетристику	74	„
научн. книги	85	„

Увеличеніе первыхъ двухъ категорій происходитъ за счетъ беллетристики, которая почти совершенно отсутствуетъ у ссыльныхъ по причинѣ ея дороговизны.

Въ отношеніи занятій въ ссылкѣ картина нѣсколько мѣняется; согласно даннымъ той же анкеты, замѣчается значительное пониженіе числа занимающихся.

Но тутъ имѣется слѣдующее обстоятельство, объясняющее намъ это пониженіе.

Дѣло въ томъ, что упомянутая анкета производилась какъ разъ въ то время, когда подавляющее большинство обслѣдованныхъ только что прибыло въ ссылку, а, слѣдовательно еще и не успѣло приспособиться къ новымъ условіямъ жизни. Намъ извѣстно, что въ болѣе или менѣе „нормальной“ обстановкѣ жизни въ ссылкѣ всякія занятія и групповыя и единоличныя ведутся весьма интенсивно и продуктивно.

По даннымъ анкеты, мы имѣемъ занимающихся 59,7%, изъ коихъ занимались:

Элементарн. предметами	69 чел.	(37 %),
обществ.-полит. вопросами	72 „	(39 %),
научными предметами	24 „	(12 %),
иностран. языками	33 „	(17,7%),

Наряду съ вопросами, выясняющими количество читающихъ и занимающихся, при обслѣдованіи былъ поставленъ вопросъ о томъ, кто чѣмъ наиболѣе интересуется въ своихъ занятіяхъ и почему именно.

Здѣсь получились такія цифры:

интересуются —

обществ.-полит. вопросами вообще . . .	165 чел.	(88,7%),
стествознаніемъ	10 „	(5%),
беллетристикой	12 „	(6%),
вопросами, связанными съ войной	30 „	(15%),
исторіей	17 „	(9%),
вопрос. рабоч. движенія	30 „	(15%),
спеціальн. страхованіемъ рабочихъ. . . .	10 „	(5%),
аграрн. вопросомъ	5 „	(2,5%),
философіей	3 „	(1,5%).
языковѣдѣніемъ	2 „	(1%)

Большинство изъ числа отвѣтившихъ указывало, какъ на цѣль своихъ занятій, стремленіе выработать собственное міровоззрѣніе и затѣмъ примѣнить пріобрѣтенныя знанія въ общественной дѣятельности.

Теперь посмотримъ, что̀ читаетъ ссылка.

Оговоримся, что данныя, иллюстрирующія намъ эту сторону вопроса, весьма ограничены по той причинѣ, что въ области чтенія книгъ среди ссыльныхъ не ведется систематическихъ записей въ силу полицейскихъ условій.

Неоднократно были случаи разрушенія всевозможныхъ культурно-экономическихъ организацій среди ссыльныхъ; очень часто конфисковались у нихъ собственныя легальныя книги, якобы принадлежащія къ нелегальной товарищеской библіотекѣ. При такихъ обстоятельствахъ совершенно немыслимо вести какія-либо записи о внутренней жизни политическихъ ссыльныхъ. Однако, и имѣющійся у насъ подъ руками матеріалъ представляетъ все же нѣкоторый интересъ.

Надо отмѣтить прежде всего, что ссылка весьма и весьма бѣдна книгами. Открывшаяся же только съ нынѣшней осени нарымская городская библіотека также чрезвычайно скудна. Новыхъ книгъ абсолютно не выписывается, книгъ, необходимыхъ для тѣхъ или иныхъ занятій, никогда почти не подберешь; приходится довольствоваться книгами, случайно оставшимися послѣ товарищей, окончившихъ ссылку, — часто разрозненными или истрепанными до невозможности.

Все использовывается, ничѣмъ не пренебрегаютъ, и все же ощущается страшный недостатокъ въ книгахъ и учебникахъ.

Изъ имѣющихся у насъ цифръ видно, что на 225 книгъ исключительно по общественно-политическимъ вопросамъ числилось 274 читателя въ различныхъ колоніяхъ, прилежащихъ къ Нарыму. Полагая по одной книгѣ на одного дѣйствительнаго читателя, не считая кандидатовъ, мы видимъ, что для пятидесяти человѣкъ книгъ не находилось, и имъ приходилось заполнять свой досугъ чтеніемъ газетъ и журналовъ. Наиболѣе спрашивались слѣдующія книги:

Бебель — Женщина и соціализмъ	6 разъ.
Его же — Общество будущаго	5 разъ.
Веббъ — Тредъюніоны	7 разъ.
Гольдштейнъ — Тресты и синдикаты въ Россіи	7 разъ.
Дмитріевъ — Профессіональное движеніе въ Россіи	7 разъ.
Николаевъ — Кооперація	11 разъ.
Брошюры по программнымъ соціалистич. вопросамъ	29 разъ.
Финъ-Енотаевскій — Современное хозяйство Россіи	4 раза.
Черновъ — Соціализація земли	4 раза.
Энгельсъ — Разныя статьи	5 разъ.
Остальныя книги по	2—3 раза каждая.

Повторяемъ, книгъ очень мало, а вслѣдствіе стѣснительныхъ

полицейскихъ условій, обмѣнъ наличными книгами между колоніями политическихъ ссыльныхъ очень затруднителенъ, отчего весьма часто приходится сидѣть совершенно безъ какого бы то ни было чтенія.

Изъ числа получавшихся въ 1915 году безплатно газетъ наиболѣе читались въ Нарымѣ слѣдующія:

„Сибирская жизнь“ (мѣстная краевая газета, выходящая въ Томскѣ) . . . . . 54,5% общаго числа читателей въ 74 человѣка.

„День“ 44,8%;
„Русскія Вѣдомости“ 36,4%;
„Рѣчь“ 33,3%;
„Сѣверный Голосъ“ 32,7%;
„Харьковское Утро“ 10%;
„Курьеръ Варшав.“ (польск.) 12%;
„Новое Время“ 11,7%;
„Кіевскій Дзенникъ“ (польск.) 8%;
„Вятская Рѣчь“ 8%;
„Алтайское Дѣло“ 6%;
„Одесскій Листокъ“ 8%;
„Унзеръ Лебенъ“ (еврейск.) 4%;
„Русское Слово“ 6%;

Журналы читаются такъ:

„Современный Міръ“ . . . . . 47,1% того же общаго числа читателей въ 74 чел.;

„Русскія Записки“ 41,1%;
„Вѣстникъ Европы“ 28,4%;
„Русская Мысль“ 27,3%;
„Голосъ Минувшаго“ 26,9%;
„Сѣверныя Записки“ 24,2%;
„Бюллетен. жизни и литерат.“ 22,7%;
„Ежемѣсячн. Журн.“ 21,9%;
„Наше Дѣло“ 19,1%;
„Солнце Россіи“ 14,7%;
„Вѣстникъ Кооперац.“ 13%;
„Разсвѣтъ“ 12,6%;
„Жизнь для Всѣхъ“ 11,9%;
„Синій Журналъ“ 11,9%;
„Объединеніе“ 10,1%;
„Природа“ 10%;

Приведенныя цифры не относятся къ читателямъ изъ другихъ колоній, такъ какъ многія колоніи получаютъ нѣкоторыя изъ названныхъ изданій совершенно самостоятельно.

Помимо указанныхъ газетъ и журналовъ получаются и многіе другіе (болѣе 40 названій), но число читателей ихъ не поднимается выше 10% общаго числа читающихъ газеты и журналы, почему они и не указаны здѣсь.

Какъ мы видимъ, въ отношеніи періодическихъ изданій политическіе ссыльные Нарымскаго края сравнительно обезпечены, хотя и здѣсь запросы удовлетворяются лишь благодаря строго ограниченной краткости сроковъ пользованія журналами и газетами.

Изъ обращенія журналы выходятъ въ разные сроки, обычно отъ 2-хъ недѣль до 5 мѣсяцевъ („Совр. Міръ“ и „Русск. Зап.“), совершенно же прекращается спросъ на журналы по прошествіи 2—12 мѣсяцевъ со времени ихъ выхода („Соврем. Міръ“ и „Русск. Зап.“).

Заканчивая нашу замѣтку, мы не можемъ не подчеркнуть еще и еще разъ затрагивающую всю ссылку нужду — **книгъ, книгъ, побольше книгъ** для выброшенныхъ за бортъ корабля нашей общественности!

Путникъ.

Нарымъ, ноябрь 1915 г.

ВЪ ТЫЛУ.

Изъ записокъ очевидца.

О юго-западной полосѣ Россіи въ повременной и спеціальной печати принято говорить, какъ о благодатнѣйшемъ изъ краевъ, какъ объ одной изъ житницъ страны. Спору нѣтъ, край этотъ щедро надѣленъ сытымъ черноземомъ, густыми хвойными и лиственными лѣсами, покрытъ свекловичными и картофельными плантаціями, устланъ поемными лугами съ буйной травой. Здѣсь сосредоточено большинство сахаро-рафинадныхъ и винокуренныхъ заводовъ. Но, съ другой стороны, юго-западная полоса представляетъ собой самую безотрадную картину россійскаго захолустья. Скученные города, мѣстечки и села съ малымъ количествомъ внутреннихъ и подъѣздныхъ путей, съ грязными гужевыми дорогами и корчмами. Отсталое, запуганное и смѣшанное населеніе, лишенное элементарныхъ условій культурной жизни.

И вотъ этому-то захолустью суждено было подпасть подъ первые отраженные удары боевъ, вѣрнѣй — занять полосу между войной и глубокимъ тыломъ. Болѣе или менѣе полное, всестороннее освѣщеніе жизни этого края — работа не близкаго будущаго. Цѣль „запи-

сокъ" — дать лишь нѣсколько отдѣльныхъ эпизодовъ того огромнаго движенія, какое вызвало въ названномъ краѣ война.

Думы и надежды.

Извѣстно, что простые деревенскіе люди, большей частью, думаютъ вслухъ. Соберутся дальніе, незнакомые мужички въ прокуренной махоркой корчмѣ, зададутъ конямъ корму, взгромоздятъ здоровенный „бляшаный" самоваръ на длинный столъ, распояшутъ чресла свои, и потекутъ до поздней ночи, до зари задушевныя откровенныя думы.

— А я, паны добродзѣи, такъ думаю, що за панщину мужику було безпечній, — мечтательно говоритъ плѣшивый старичекъ съ моргающими слезящимися глазами.

— Отъ и брешете. Такъ ще наша стара попадья думала, да прогадала. Таперя вѣкъ на дроту, а кони на пару. — Отъ яку думку треба думать. — Это говоритъ плечистый, остриженный въ скобку, мужикъ. — Я сызмалолѣтства за кучера въ городу служилъ, — подумавъ, поясняетъ онъ. — Я эту арихметику знаю...

Всего себя, всю свою душу, всѣ свои сокровенныя мысли вывернутъ они въ затяжныхъ бесѣдахъ. И будутъ рады. И будутъ благодарны другъ другу. На разсвѣтѣ, разбредаясь каждый въ свою сторону, начнутъ просить.

— Дядько, будете на нашей сторонѣ, безпремѣнно до меня заѣзжайте. Скажете; Охрымъ Гила... Тутъ мала дитина знае меня и мои ряби кони.

Новыя событія перевернули народную душу вверхъ дномъ. Полтора года военной страды влили въ эти думы новое содержаніе, сообщили ночнымъ бесѣдамъ новый глубокій смыслъ. Шатаясь съ первыхъ дней войны вдоль и поперекъ Кіевской, Полтавской, Волынской и нѣкоторой части Подольской губерній, ночуя въ селахъ, въ лѣсныхъ конторахъ и сторожкахъ, съ обозами въ полѣ около костровъ, толкаясь по мѣстечковымъ и сельскимъ ярмаркамъ и на волостныхъ сходахъ — я нигдѣ больше не слыхалъ старыхъ разсказовъ о снохачахъ, о выпасѣ, о разбойникахъ, о ненайденныхъ кладахъ, которые были опущены на дно родныхъ рѣчекъ еще во времена Гонты.

Война вызвала новыя чувства и переживанія въ корявыхъ, забитыхъ и натруженныхъ людяхъ. Здѣсь съ самаго начала какъ бы поняли всю неотвратимость войны, разсуждали съ сокрушеніемъ.

— Бѣда. Тутъ иначе не скажешь. Але шо будешь робить?!.. Треба-жъ спутать погану коняку, штобъ она не хвыцалась.

* * *

Въ глубинѣ угрюмаго Полѣсья, среди могучихъ сосновыхъ лѣсовъ, затерялась бѣдная деревенька Лисовка.

Верстахъ въ семи-восьми отъ нея, перерѣзая лѣсной кряжъ, проходитъ шоссейный трактъ. Днемъ и ночью въ погоду-непогоду, здѣсь грохочутъ военные обозы, текутъ, проносятся мутные потоки плѣнныхъ австрійцевъ, уныло скрипятъ вереницы запоздалыхъ бѣженцевъ.

Не сразу привыкла Лисовка къ чуждымъ судорожнымъ шумамъ, которые вскипѣвшій шоссейный трактъ отбрасываетъ въ лѣсную глубину. Сперва дремучіе лищане то и дѣло бѣгали по выбитымъ лѣснымъ тропамъ къ тракту; растерянные, они часами простаивали по обочинамъ шоссе, обращаясь къ проѣзжимъ лѣснымъ суковатыми словами:

— А шо тамъ, люды добры, чутно по світи?

Отвѣчали селянамъ неохотно, отрывочно и всегда разно.

Проходилъ изъ города рыбный обозъ, возчики наскоро раскурили здѣсь люльки и сказали:

— Такъ што Турка бунтуе. Все суда требуе съ Россеей. А какой съ имъ судъ, ежели онъ нехристь... Вотъ, значитця, и вся штука!

Гоняли хитрые волынцы на ярмарку телячьи и бараньи табуны, изъ таинственныхъ словъ волынцевъ получилось совсѣмъ иное:

— Не иначе, якъ полячки со штундой мятежъ задумалы... Отдай, говорятъ, назадъ нашу землю...

Спустя дня два остановился подъ вечеръ возлѣ шоссейной лавочки обратный городской извозчикъ лошадь кормить.

Лищане кинулись къ новому человѣку:

— Растолкуй, братокъ, што къ чему. Мы — темные: намъ изъ лѣсу не видно.

Бородатый извозчикъ не спѣша отвязалъ кованную дугу, осторожно вывелъ лошадь изъ оглобель, расшнуровалъ хомутъ и, обладивъ все вокругъ дрожекъ, повернулся къ мужикамъ.

— Слыхать то что въ городу? Извѣстно, что говорятъ, то и слышно. А говорятъ, будто намъ война объявлена, дяденьки... Такое дѣло!

И хоть это было сказано со смѣшкомъ, хоть говорилъ эти значительныя слова чужой рыжій кацапъ, одѣтый въ длинный синій зипунъ, — лищане сразу повѣрили.

Скоро все само отъ себя открылось.

Въ уѣздѣ была объявлена мобилизація запаса.

Въ четвергъ, передъ разсвѣтомъ, изъ Лисовки вышли двадцать

семь корявыхъ строевыхъ мужиковъ. Шли они лѣсомъ позади своихъ возовъ, въ мѣстечко Грабовку, до волости. Не поспѣвая за мужиками, торопятся охрипшія бабы и дѣвчата. Тишина въ лѣсу, сонно, сумрачно. Бабы то говорятъ о чемъ-то сердито и быстро-быстро, то совсѣмъ затихаютъ.

А мужики идутъ вразбродъ, говорятъ о хозяйствѣ.

Добрались лищане до Грабовки часамъ къ десяти утра — и сразу попали во всклокоченное людское море.

Со всѣхъ сторонъ, точно туманъ въ вечернемъ полѣ, стягиваются толпы народу къ бѣлому подъ зеленой желѣзной крышей волостному дому. Лавки частью притворены, частью унылы. За однимъ лоткомъ на скамейкѣ сидитъ босая дѣвочка и плачетъ. Базарная площадь пуста. То и дѣло гоняетъ туда и обратно насвоей буланой парѣ дородный старшина Прокоповъ. Подвязанный къ дышлу большой звонъ одиноко тренькаетъ, отдаваясь по всему мѣстечку.

Къ вечеру начались проводы. Высокій сѣдой благочинный о. Никодимъ только что отслужилъ на площади около памятника Александру II торжественный молебенъ. Вотъ еще трепыхаетъ кропило надъ замершей толпой. Она сплошь залила базаръ, разлилась по заднимъ улицамъ, вломилась въ прилегающіе переулки и огороды. Вотъ расфранченный въ бѣломъ китель, бѣломъ воротничкѣ и бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ грабовскій приставъ картинно взмахиваетъ въ воздухѣ фуражкой. Онъ стоитъ въ новыхъ рессорныхъ дрожкахъ, вытянувшись, и оттуда обращается съ напутственной рѣчью къ воинамъ. Шумъ спалъ. Въ публикѣ слышны одинокія придушенныя всхлипыванія. Надвигается тяжелая багровая туча, отъ которой замѣтно темнѣетъ. Одна за другой трогаютъ подводы, нагруженныя призывными въ два ряда, спиной къ спинѣ. На головномъ возу лучшій лисовскій пѣвецъ Степа Хрычъ затягиваетъ пѣсню.

— Маты сына выражала, ще прыказывала... Эхъ, да ще прыказывала...

Но взялъ Степа слишкомъ высоко и, задушевно вздрогнувъ, голосъ оборвался...

Огромная толпа медленно, задумчиво таетъ, потоками расходясь во всѣ стороны.

... Черезъ нѣсколько минутъ сорвался вѣтеръ, поднялась и закружилась пыль, и разразился ливень съ громомъ и молніей.

* * *

Верстахъ въ сорока отъ Полтавы я нагналъ обозъ, груженый солью. Движеніе грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ уже было чрез-

вычайно затруднено къ этому времени. И какъ-то само собой возобновилось здѣсь былое чумачество. Конечно, безъ круторогихъ воловъ, безъ расшитыхъ золотомъ свитокъ... Просто повсюду встрѣчались валки подводъ со всякой кладью, привезенной на лошадяхъ „изъ самой" Одессы, Николаева и Астрахани...

Стояла глубокая осень. Дорога разбитая, грязь, слякоть. Мужики плелись за среднимъ возомъ, на которомъ развалился парень съ промокшимъ газетнымъ листомъ. Разговорились...

Трудно стало жить. Но кто-же можетъ сказать, какъ было бы лучше. Такъ или сякъ. Главное дѣло — овесъ дорогой и народу богато стало... Нема гдѣ дѣться. Вотъ вы раскиньте умомъ — и сами скажете, что безъ войны тоже погано.

— Какой же, думаете, конецъ будетъ? — Мужики отвѣтили не сразу и уклончиво.

— Та вже вамъ виднійше за насъ! — Потомъ прибавили:

— А ну, Господь Богъ не безъ милости...

Остался я на ночь въ ближайшемъ селѣ. Въ хату собралось много народу. Пришелъ староста съ бляхой на груди, видно, „для порядку", но скоро самъ увлекся разговоромъ и кричалъ громче всѣхъ.

— Послѣ войны, говоритъ, людямъ легче станетъ...

Вѣра въ то, что война принесетъ людямъ нѣчто новое, крѣпко держалась въ простомъ народѣ и даже не въ одномъ только народѣ.

Въ уѣздномъ городкѣ Б., Кіевской губерніи, растроганный полиціймейстеръ кричалъ на всю соборную площадь.

— Отнынѣ нѣтъ для меня ни іудеевъ, ни эллиновъ. Братцы! Даю вамъ свое честное слово, что послѣ войны всѣ получатъ равноправіе... Ура-а! Кричите „ура".

Что-то забродило въ душѣ проснувшагося обывателя. По многимъ мѣстечкамъ юго-западнаго края попечители синагоги то и дѣло появлялись на площади, одѣтые въ молитвенныя ризы, со свитками „Торы" на рукахъ, съ канторомъ и пѣвчими. Туда же торжественно приходилъ священникъ съ хоругвями, съ церковнымъ хоромъ, приходилъ мѣстный ксендзъ съ органистомъ. Кругомъ толпился народъ, слушалъ гимны, слушалъ горячія рѣчи, кричалъ ура и расходился по домамъ съ какимъ-то новымъ чувствомъ въ груди.

Въ ожиданіи.

Два раза въ недѣлю очкастый лисовскій лавочникъ Родіонъ выѣзжаетъ въ сосѣднюю Грабовку за солдатскими письмами и свѣжими газетами — громада выписала въ складчину. На обратномъ пути лавочникъ пускаетъ свою гладкую гнѣдую кобылу шагомъ и принимается за сортировку полученной корреспонденціи.

Нѣкоторыя письма Родіонъ, по обыкновенію, сейчасъ же опускаетъ въ глубокій карманъ жилетки.

— Заплатятъ долгъ, отдамъ письма и прочитаю. Не заплатятъ — пущу на оберточную, — говоритъ онъ угрюмо, обращаясь къ гнѣдой кобылѣ.

Остальныя письма Родіонъ предварительно перечитываетъ слово въ слово затѣмъ, чтобы въ лавкѣ чтеніе шло гладко, на голосъ. Нравится лищанамъ трогательное соборное чтеніе писемъ и газетъ. Они поздно и тѣсно сидятъ въ лавкѣ, помѣстившись на боченкахъ, на ящикахъ и мѣшкахъ. За прилавкомъ, передъ керосиновой лампочкой сидитъ очкастый Родіонъ. Положивъ на столъ руки и сивую бороду, онъ читаетъ глубокимъ протодьяконскимъ басомъ, поминутно отрывая напряженное лицо отъ газетнаго листа.

Слушаютъ лищане молча, иногда выражаютъ свои темныя мысли короткими восклицаніями.

— А такъ! Дѣло звѣсное!..

Иногда подгоняютъ уставшаго чтеца.

— А ты, Родіонъ, не ставай! До крышки читай.

— Да вже я всю прочитавъ!

— А намъ мало. Катай, голуба, съ началу.

По угламъ и около двери жмутся бабы и дѣвчата. Среди тишины слышно, какъ онѣ шуршатъ передниками около глазъ и сдержанно вздыхаютъ:

— Господи, Господи!..

Почти каждый день изъ Лисовки кто-нибудь отправляется на шоссейный трактъ.

— Пойду, говоритъ, послухаю. Тамъ знаютъ!

Чаще другихъ на шоссе выходятъ двѣ лисовскія бабы-московки. Одна изжеванная, брюхатая, растрепанная Дарья, плотникова жена, таскаетъ на трактъ ржаные пироги съ горохомъ, кораваи хлѣба и изъ выручки она кормитъ своихъ шестерыхъ малыхъ сиротъ. Другая — потемнѣвшая, бездѣтная Марыня, жена пѣвуна Степы. Она круглая сирота, въ Лисовкѣ чужая. Ее Степа привезъ изъ города, гдѣ отбывалъ воинскую службу, въ черномъ сакѣ, мѣховой шапочкѣ и калошахъ. Придя на шоссе, Марыня усаживается на деревянной скамейкѣ около бакалейной лавки и засыхаетъ тамъ на нѣсколько часовъ.

Случается, что гдѣ-нибудь невдалекѣ отъ шоссе располагаются табором бѣженцы. Марыня идетъ къ табору, сидитъ тамъ до вечера, помогая бѣженкамъ укачивать неспокойныхъ дѣтей, развязывать и увязывать узлы.

Однажды, когда отъ Степы Хрыча больше въ Лисовку писемъ не приходили, обѣ солдатки пробирались съ тракта домой.

Прошла Марыня молча съ полдороги въ ногу со спѣшившей Дарьей и вдругъ истерически расплакалась. Расплакалась и Дарья, причитывая:

— Ой, горенько мое тяжкое-э-э... И куды жъ ты, сиротынушка, подинешься-а-а...

Скоро Марыня утихла и, когда сквозь порѣдѣвшія сосны глянули лисовскія хаты съ желтыми освѣщенными окошками, она остановилась и сказала:

— Боюсь я у свою хату идти... Пойду лучше назадъ, до бѣженцевъ...

Повернула въ лѣсной сумракъ и больше въ Лисовкѣ не показывалась.

Кромѣ бабъ, изъ Лисовки частенько бродитъ на шоссейный трактъ слѣпой отъ рожденья, Васыль Кнышъ. Это литой, чугунный, кудрявый парень, лѣтъ двадцати шести.

Побираться Васылю не надо, онъ старшій сынъ въ богатой лисовской семьѣ. Но его одолѣваетъ неукротимая страсть къ шатанью и военнымъ разговорамъ. Нерѣдко въ полдень по деревнѣ бѣгаетъ жена слѣпого, глупая, добрая Тодоська, останавливая встрѣчныхъ всегда однимъ и тѣмъ же вопросомъ:

— Дядько, а не бачилы вы часомъ мово Васыля? Зновь дурень бѣжавъ изъ хаты!..

Подъ вечеръ слѣпой Васыль благополучно возвращается съ шоссе въ деревню. Новостей у него полная голова. Его чугунное лицо съ открытыми, выпученными сѣрыми сливами, вмѣсто глазъ, бызсмысленно сіяетъ. Выбравшись изъ лѣсу, слѣпой хитро сворачиваетъ въ глухой переулочекъ и оттуда задами да огородами крадется отъ жены въ лавочку къ Родіону. Сейчасъ тамъ всѣ мужики въ сборѣ. Вотъ ужъ онъ, Васыль, разскажетъ имъ почище всякой газеты...

Вечеромъ на снѣжномъ выгонѣ, около густо набитой родіоновой лавочки, толчется съ полдеревни мужиковъ и бабъ. На сложенныхъ мѣшкахъ, среди напряженной тишины, сидитъ слѣпой Васыль. Его широкое чугунное лицо багрово распалилось; онъ безпрестанно мигаетъ большими вѣками и длинно, съ мельчайшими подробностями, разсказываетъ, какъ сегодня хоронили на тракту двухъ плѣнныхъ австрійцевъ.

— Надъ самымъ шуша, коло березокъ поховалы обоихъ въ одной ямѣ. Отъ ужъ, хрестъ святый, коли онъ вретъ... Тилько-шо

бидорагъ гарненько засыпалы, ажъ чудно такъ заспивала тумабиля.. Всѣ кинулися на шуша — пролетила бісова мать... Тутъ всѣ давай мирковаты, шо то нѣмцы... Дуже чудно тумабиля спивала...

Вотъ какъ-то заночевалъ въ Грабовкѣ умный, видалый, саженный мужикъ, Петро Березнякъ, и пріѣхалъ оттуда, полный жуткихъ разсказовъ. Онъ сидитъ въ лавкѣ у Родіона, скребетъ затылокъ, густо плюетъ себѣ подъ ноги, разсказывая широкимъ надреснутымъ басомъ.

— Такъ што будто уже замиренія вышла. Собралыся инералы да ухвицеры наши съ ихними и давай промежъ себя пить да ѣсть... Потомъ разговорилися. — Чей солдатъ дюще? — Звѣсно, наши инералы да ухвицеры давай своихъ похвалять, а нѣмцы — своихъ. Дальше — больше. Вышла свара. Сейчасъ промежъ себя ришаютъ:

— Нехай ище трошки побьются... Нехай до послѣдняго солдата.

Очкастый Родіонъ сидитъ на своемъ мѣстѣ за стойкой, поглаживаетъ свою сивую бороду и молчитъ. Народу навалило много. Всѣ ждутъ вмѣшательства лавочника.

Вдругъ Родіонъ подымается со стула, стучитъ кулакомъ объ стойку, рѣшительно восклицая:

— Брехня! По газетамъ не выходыть. Газета наперва знае. Брехня все!..

* * *

Однако, были въ настороженномъ, чуткомъ „ожиданьи" и тяжелыя минуты. На Волыни, въ маленькомъ мѣстечкѣ Ку-вѣ, въ субботу гуляла передъ своимъ крыльцомъ мать съ дочкой лѣтъ шести. Мимо проѣзжали со станціи бабы и, когда возъ поровнялся съ женщиной, одна изъ бабъ запустила черепкомъ въ дѣвочку, крикнувъ:

— Вонъ у Гавстрію, холера... У Гавстрію...

По дорогѣ изъ Староконстантинова въ Проскуровъ, въ дни, когда бѣженская волна гнала въ эти мѣста сотни безпріютныхъ людей, я просидѣлъ въ одной корчмѣ нѣсколько дней подрядъ. Это плодороднѣйшій „кусокъ" Подоліи, на десятки верстъ кругомъ волнистыя нивы. Отсюда всегда былъ большой экспортъ зернового хлѣба за границу. Теперь эту полосу трясла лихорадка. По мостовой безпрерывно проносились помѣщичьи экипажи, навьюченные чемоданами въ чехлахъ, корзинами и ящиками, тянулись груженные доверху фургоны. И тутъ была такая же сгущенная атмосфера, какъ и на Волыни.

Перебывало за эти дни въ корчмѣ человѣкъ около пятисотъ,

больше — окрестные жители, мужики, мелкіе торговцы, ремесленники. Описывать ту сумятицу и безтолковщину, что стояла въ головѣ и высказывалась вслухъ этими людьми, сейчасъ не представляется возможнымъ.

Посреди ночи неизвѣстно отчего поднялась тревога. Мы долго стояли полуголые около мостовой, мимо насъ проплывали въ темнотѣ подводы, бѣгали женщины и дѣти, но никто не могъ объяснить, что случилось. Передъ разсвѣтомъ мужики привели въ корчму закоченѣвшаго отъ холода дьячка. Онъ былъ въ одномъ исподнемъ бѣльѣ съ рѣдномъ на плечахъ. На наши вопросы бѣдный старичекъ отвѣчалъ несуразное:

— Отъ лютой матушки бѣжалъ, дѣти мои. Вижу всѣ бѣгутъ, и я бѣжалъ: И еще дальше убѣгу... На край свѣта убѣгу...

* * *

Лисовскій панъ, графъ Іона Пржславскій, назначилъ своимъ бабамъ — московкамъ мѣсячный паекъ, „одинаріе“: пудъ ржаной муки, полпуда пшеничной и фуру хворосту на семью. Каждое первое около старыхъ дубовыхъ воротъ, вдающихся въ каменную ограду двора, собираются робкія, застыженныя бабы. Соскучившись, сюда прибѣгаютъ въ отрепьяхъ, безъ сапогъ, заросшія, неостриженныя солдатскія дѣти. Матери набрасываются на нихъ съ яростью:

— Вонъ до хаты, байстрюки... Хворобы нема на васъ.

Потомъ нѣкоторыя изъ ожидающихъ, плача, уходятъ, неся передъ собой маленькихъ дѣтей. Болѣе упрямыя, однако, остаются. Дома, въ курной избѣ, цѣлый день стоитъ сумеречный полусвѣтъ. Отъ двери съ самаго утра не уходитъ голодный теленокъ, все ноетъ:

— Ым-м-м-э-э-э... ым-м-мэ-э-э...

Такъ съ дѣтьми, кутаясь свои въ ветошки, продрогшія бабы стоятъ подъ графскими воротами долго-долго. Подъ вечеръ вдругъ открываются тяжелыя ворота, въ нихъ появляется сердитый сторожъ Филимонъ въ валенкахъ и бараньемъ тулупѣ, ворча:

— Буде вамъ тупаться тутъ. Правляющій казалы ажъ на ту недiлю прiйти.

Заря трезвости.

На маленькой станціи К—ка (по узкоколейкѣ) поѣздъ стоитъ лишнихъ 35 минутъ. Лѣтній буфетикъ, устроенный подъ дощатымъ навѣсомъ, давно уже опустошенъ пассажирами. Одни торчатъ передъ запертой дверью начальника, ворча:

— Безобразіе! Не умѣете возить, то такъ и заявляйте при кассѣ!

Другіе расположились, гдѣ попало, читаютъ газеты, пишутъ открытыя письма карандашомъ. На тумбочкѣ сидитъ окруженный молодежью толстый господинъ. На немъ черная пара, изящнѣйшая обувь, котелокъ. Толстякъ презабавно изображаетъ, какъ нервная дама ѣдетъ на океанскомъ пароходѣ во время бури.

Публика хохочетъ.

Сдѣлавъ свое дѣло, толстякъ незамѣтно подымается съ тумбочки, за нимъ съ дѣланной беззаботностью уходитъ нѣсколько человѣкъ, скрываясь за поворотомъ въ уборную. И тутъ начинаются настоящіе торги. Веселый человѣкъ обворожителенъ.

— Друзья мои, повѣрьте, что со всѣхъ беру не меньше десяти за полбутылку, а съ васъ — по восемь. Что, для васъ дорого? Такъ и быть: для добраго друга — вола изъ плуга. Возьмите по шести рублей. Коньякъ рѣдкостный, всѣ три звѣздочки!..

Спустя нѣкоторое время, когда поѣздъ идетъ полнымъ ходомъ, господинъ въ черной парѣ и котелкѣ проводитъ своихъ новыхъ друзей въ „кондукторскую“ и вытаскиваетъ изъ-подъ лавки тяжелый, набитый бутылками, чемоданъ...

Въ селѣ Р—кахъ, Кіев. губ., богатый мужикъ, Кирилло Довгочхунъ, отдавалъ замужъ „за стражника“ свою среднюю дочку. Собрался сваты въ просторную хату Довгочхуна и жаловались скорбно.

— Плохія времена набѣжали... Винная лавка „скасована“, туда землемѣръ переѣхалъ — кудлатый такой. Говорятъ, самъ курчатъ высиживаетъ. Вмѣсто мужиковъ, въ кабакахъ теперь бабы гуляютъ. У нихъ деньги завелись, чай пьютъ. Свѣтопреставленіе!

Сидѣли сваты поздно и, уходя, сказали:

— Не пойдемъ мы на свадьбу безъ водки. Нема намъ ніякаго резону.

Долго рыскалъ Довгочхунъ по окрестнымъ селамъ и мѣстечкамъ и таки досталъ тридцать фунтовъ сухого спирта.

— Война, — говорилъ онъ мнѣ, — дѣло сурьезное... Я про войну ничего не говорю. Но безъ чарки мужику все равно, што конякѣ безъ хвоста. Всяка думка кусае мужика. А чѣмъ онъ ее прогонитъ, якъ у него хвостъ подрѣзанъ... Отъ про што я кажу!.

Эти тоскливыя жалобы слышалъ я неоднократно и все-таки должно признать, что простые селяне менѣе изобрѣтательны насчетъ добычи выпивки, чѣмъ городскіе мастеровые и высшіе имущіе классы. Въ средѣ же болѣе или менѣе развитыхъ крестьянъ идетъ борьба за трезвость. По базарнымъ днямъ въ Кіевской, Волынской и Полтавской губерніяхъ умные мужики не перестаютъ толковать на эту тему.

— Якъ бы нашъ мужикъ водки не уживавъ, то онъ кого хошь поборыть!

Всѣ соглашаются съ этимъ.

— Дѣло звѣсное. Водка, можно сказать, вона и Апонію пропыла...

Конечно, тоска по „выпивкѣ“ не совсѣмъ умерла еще въ простомъ народѣ. Забулдыжные парни нерѣдко появляются на базарѣ съ пѣснями. Идутъ гурьбой, закинувъ головы, пошатываясь, точно смертельно пьяные. Пріѣхавшіе на базаръ мужики толпой бѣгутъ за ними вслѣдъ, посмѣиваются:

— Ай-да хлопци-рыболовци!.. И гдѣ вы такой горькой браги напилися?.. Хо-хо-хо!...

Появился въ Лисовкѣ нежданно-негаданно, давно забытый своей семьей и деревней, колченогій Остапка. Лѣтъ шесть-семь назадъ Остапка неизвѣстно отчего бросилъ свою семью, хату и надѣлъ, запилъ, пошелъ, было, бродяжить, но скоро вернулся въ Грабовку, обосновался среди босяковъ въ харчевнѣ — вертепѣ, прозванномъ „Норой“.

Однажды, передъ вечеромъ сидѣли лищане на камняхъ, разбросанныхъ около лавочки; кругомъ пахло пылью, вянущимъ бурьяномъ и осенней щемящей пустотой.

Прошло черезъ дорогу съ толоки рѣденькое смѣшанное стадо и, вмѣсто своего сынка, третій годъ ходившаго громадскимъ подпаскомъ, показался съ палкой подъ мышкой длинный колченогій Остапъ. Онъ подошелъ къ мужикамъ, поздоровался и опустился на камень. Позже принялся разсказывать, какъ, очнувшись въ „Норѣ“ отъ пьяной жизни, онъ раздумался, рѣшилъ, что нѣтъ уже для него никакого ходу и попросился въ солдаты по доброй охотѣ.

Осматривали Остапку доктора, самъ генералъ изъ-за стола поднялся, чтобы посмотрѣть, но вдругъ грабовскій старшина Прокоповъ все дѣло испортилъ.

— Господа Присутствія! — сказалъ онъ. — Я знаю этого доброохотника. Изъ него солдатъ, какъ изъ сучьяго хвоста сито!

Теперь изо дня въ день, изъ недѣли въ недѣлю Остапка, не покладая рукъ, возится около забора, воротъ, погреба. Проходя мимо, мужики спрашиваютъ съ усмѣшкой:

— А не скушно Остапу коло гною копаться?

Остапка съ достоинствомъ, въ тонъ отвѣчаетъ.

— Ни-ча-во... Дѣло привышное.

Какъ-то засталъ Остапку лавочникъ Родіонъ надъ колодцемъ съ якоремъ — ведро искалъ. Разговорился, изъ охоты самъ по-

пробовалъ поковырять въ водѣ тычкой — ничего не вышло. Уходя, лукаво спросилъ:

— А какъ, хозяинъ, насчетъ горькой — нудыть?

Колченогій сокрушенно замоталъ головой.

— Да, задача. У два мѣсяца одинъ разочекъ куштовавъ. Ну, ш-ш-ш!.. Не въ Лисовкѣ дѣло, въ Скибовцахъ. Завиденія така. Пивоваръ изъ города пріѣхалъ. Ш-ш-ш!.. Одинъ разочекъ!..

Кромѣ Остапа, въ той же Лисовкѣ изъятіе питей сильно ушибло березоваго дида, по прозвищу Квочка. Живетъ дидъ одиноко у самаго края деревни, въ слѣпой хаткѣ, безъ оконъ, плететъ берестовые лапти, вяжетъ кошелки и вѣники изъ березовыхъ прутьевъ. Еще недавно Квочка регулярно, по воскресеньямъ и пятницамъ, возвращался съ Грабовскаго базара пьяный, дурной. Идетъ вдоль деревни ладный такой выструганный, пристукиваетъ лаптемъ и деретъ охальную пѣсню, всегда одну:

Сы-дыть Сыдоръ вытокъ на копыці... О-о-о!..
Тай латае молодицу... О-о-о!..

Теперь Квочка поблекъ, почти забросилъ работу, пристрастился къ банному пару на верхней полкѣ, а серебро и золото рублей на двадцать зашилъ въ подштанники.

Лукавый лавочникъ Родіонъ часто заманиваетъ Квочку къ себѣ въ лавку и при людяхъ строго спрашиваетъ:

— Куда серебро и золото подѣвалъ?

Испуганный дѣдъ хмуро отвѣчаетъ:

— На, подывысь, якъ твоя ласка.

И начинаетъ разстегивать штаны. Въ лавкѣ подымается хохотъ.

— А нащо тебѣ гроши? — допрашиваетъ Родіонъ.

— Нащо гроши?! — передразниваетъ угрюмо Квочка, — нехай будуть. Може хоча передъ смертью напьюсь!

Бѣженскія слезы.

Описываемый край, во-первыхъ, по независящимъ обстоятельствамъ, во-вторыхъ, по сравнительной своей близости къ театру военныхъ дѣйствій, не могъ служить мѣстомъ, въ которомъ бѣженцы могли бы осѣсть на продолжительное время. Отсюда понятно, что никакія, сколько-нибудь прочныя, взаимоотношенія между бѣженцами и кореннымъ населеніемъ юго-западнаго края не успѣли создаться. Бѣженцы только проходили по этимъ мѣстамъ, взволновавъ до дна души мѣстныхъ жителей своимъ шествіемъ. Бѣженство вызвало въ населеніи этого края организованную массовую работу, которая выражалась въ первой подачѣ медицинской

помощи, въ пріисканіи временныхъ жилищъ, въ выдачѣ пищи, одежды, обуви и многомъ, многомъ другомъ...

На N-скомъ вокзалѣ, у „комитетской" перегородки сидитъ молодая бѣженка-полька съ грудным ребенкомъ на рукахъ. Сама въ отрепьяхъ. Тамъ, среди узловъ на полу, свернулась старуха мать. Эта семья, когда къ ней подходятъ сестры-доброволки съ хлѣбомъ, сахаромъ и чаемъ, глубоко зарывается въ свои узлы.

— Ни, паненки. Мы не можемъ взять... Мы еще вчера были богаты!

И слезы бѣгутъ изъ глазъ... бѣгутъ по щекамъ... Но сегодня молодая мать не выдержала напряженія.

— Ребеночекъ, видно, уже простудился. Все кашляетъ. А хустечки нема. Головка голая, мягкая! — объясняетъ она.

И опять слезы, безконечныя материнскія слезы.

Есть здѣсь и другія семьи, которыя въ покинутыхъ родимыхъ селахъ тоже терпѣли нужду, тяжко работали съ утра до ночи. Эти попроще. Эти меньше плачутъ, рѣшительнѣй просятъ.

— Хоть яку-нибудь сорочку... Пошукайте!

Тутъ же растегиваютъ „сукенки", показывая сестрамъ вшивую драницу на черномъ, изъѣденномъ ужасномъ тѣлѣ.

— Хоть яку-нибудь сорочку дайте, бо вже воши задыхаютъ!

Которую недѣлю живутъ они здѣсь вповалку на полу, на вонючей соломѣ. А новые идутъ и идутъ неизсякаемой волной. И всѣ просятъ обуви, штановъ, блузку, платочекъ, кофту. Сами цѣлуютъ руки, посылаютъ дѣтей цѣловать, доводя „сестеръ" и „братьевъ" до изнеможенія.

— Повѣрьте, матушки, дѣточки. Больше нѣтъ ничего. Что было, мы отдали прежнимъ!

Но бабы, старики и дѣти не хотятъ уйти съ пустыми руками. Стоятъ около столовъ, ноютъ:

— Хоть шо-небудь дайте!

И „сестры" опять лѣзутъ подъ столъ, шарятъ на полкахъ, подбираютъ послѣднюю ветошку и суютъ ее въ протянутыя руки.

Такихъ сценъ на вокзалахъ юго-западнаго края наблюдалъ я не мало. И всюду одинъ и тотъ же вопль, одна и та же жалоба:

— Не хватаетъ!

Нѣсколько иная картина наблюдалась по селамъ и мѣстечкамъ. Отношеніе къ бѣженцамъ не всюду было одинаково.

Второй и третій день проходятъ черезъ большое торговое село Завяловку, Кіевскаго уѣзда, бѣженцы. Они, въ большинствѣ, босые, вывалялись въ грязи. Падаетъ дождь. Холодно. Кое-кто дро-

крестьянъ стоитъ у своихъ воротъ, накинувъ на плечи свитку, и усомъ не шевельнетъ.

— Богъ дастъ!.. Тутъ не таки сидятъ! — слышатся короткіе насмѣшливые отвѣты. Такъ и не дали ни корочки. А бѣженцы были русины, родные братья, землеробы.

Д. Волковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ОТКЛИКИ.

Своеобразное, странное положеніе создалось въ настоящій моментъ въ сферѣ внутренней политической жизни. Налицо всѣ признаки неустойчивости, подвижности, напряженности борющихся силъ, и въ то же время ничего новаго, какъ будто, не происходитъ, — жизнь дѣлаетъ „шагъ на мѣстѣ".

Нельзя сказать, чтобъ перемѣнъ совсѣмъ не было.

За сравнительно короткій промежутокъ времени перемѣнился чуть не весь составъ совѣта министровъ, а послѣдніе дни принесли намъ и завершеніе этихъ перемѣнъ — смѣну главы правительства: упорно не уступавшаго своего мѣста И. Л. Горемыкина замѣнилъ Б. В. Штюрмеръ.

Въ нѣдрахъ другого фактора нашей политической жизни — законодательныхъ учрежденій — послѣдніе дни также внесли перемѣну: возобновляется, наконецъ, искусственно прерванная сессія Госуд. Думы. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ проявить себя на практикѣ такъ называемый „прогрессивный блокъ", который полгода тому назадъ объединилъ большинство Гос. Думы и значительную часть Гос. Совѣта на почвѣ тактически-программнаго соглашенія, но до сихъ поръ ничѣмъ еще не обнаружилъ своего существованія.

Когда эти строки дойдутъ до читателя, будутъ уже происходить засѣданія обѣихъ нашихъ законодательныхъ палатъ, и „обновленное" правительство впервые за все время существованія третьеіюньской Думы встрѣтится лицомъ къ лицу съ значительнымъ парламентскимъ большинствомъ, выступающимъ подъ знакомъ „оппозиціи".

Другіе факторы оставимъ пока въ сторонѣ: они не выступаютъ на открытой аренѣ общероссійской политической жизни. Въ ихъ нѣдрахъ совершаются молекулярные процессы, которые — при всей ихъ фундаментальной важности — скажутся лишь впослѣдствіи.

Но и указанные факты вскрываютъ явную неустойчивость положенія, обнаруживаютъ наличность ряда перемѣнъ.

И все-таки трудно отдѣлаться отъ убѣжденія, что „plus ça change, plus ça reste la même chose", что во всей этой новизнѣ старина слышится...

Особенно бросается въ глаза эта черта въ области новаго и новѣйшаго правительственнаго курса. Новый премьеръ свои первые шаги направляетъ по той же колеѣ, что и новый министръ внутреннихъ дѣлъ, на выступленіяхъ котораго пришлось остановиться въ предыдущемъ очеркѣ.

А. Н. Хвостовъ охарактеризовалъ стремленіе къ скорѣйшему созыву Госуд. Думы, какъ капризъ. Б. В. Штюрмеръ, говоря о законодательныхъ палатахъ, также счелъ нужнымъ предостеречь ихъ отъ „мелкой подозрительности“ и „сведенія мелкихъ будничныхъ счетовъ“, не позволяющихъ правительству „найти общій языкъ съ законодательными учрежденіями“ [1]. А „Голосъ Руси“, привѣтствуя новаго премьера, увѣряетъ, что въ „прогрессивно-программныхъ стремленіяхъ“ нѣтъ ничего, кромѣ „яда карьерныхъ и партійныхъ вожделѣній“ [2].

А. Н. Хвостовъ выразилъ готовность стать на сторону общественныхъ силъ лишь при томъ условіи, если ихъ политическое проявленіе пойдетъ параллельно курсу правительственной политики. Б. В. Штюрмеръ также напоминаетъ представителямъ общественныхъ силъ, что „меньше всего надо думать о своихъ правахъ и какъ можно больше надо заботиться объ исполненіи своихъ обязанностей“ [3].

Традиціоннымъ припѣвомъ всѣхъ этихъ выступленій у Б. В. Штюрмера, какъ и у А. Н. Хвостова, являются унизительныя для общественныхъ силъ увѣренія въ благожелательности и довѣріи къ нимъ со стороны представителей исполнительной власти, а также категорическія заявленія Б. В. Штюрмера, что „теперь, конечно, не время для разрѣшенія многогранныхъ и сложныхъ проблемъ мирнаго уклада государственной жизни Россіи“ [4].

Даже въ области пріемовъ — своеобразной діалектической легкости — новый премьеръ не уступаетъ новому министру внутреннихъ дѣлъ. Какъ министръ А. Н. Хвостовъ подчеркивалъ свою приверженность къ народному представительству, такъ и Б. В. Штюрмеръ заявляетъ, что „близокъ къ тѣмъ теченіямъ, которыми жила и живетъ старая русская земская семья“ и добавляетъ: „Не мнѣ быть противникомъ общественной дѣятельности“ [5].

И тому же Б. В. Штюрмеру — видному представителю правыхъ круговъ — принадлежитъ утвержденіе, что Дума не дала населенію ни неприкосновенности личности, свободы совѣсти и пе-

---

[1] „Русскія Вѣд.“, 20. I. 1916 г.
[2] „Рѣчь“, 23. I. 1916 г.
[3] „Р. В.“ 20. I. 1916.
[4] „Рѣчь“, 20. I, изложеніе бесѣды съ Б. В. Штюрмеромъ въ 1909 г., когда онъ готовился стать премьеромъ.
[5] „Русскія Вѣд.“, 20. I. 1916 г.

чати, ни отмѣны исключительныхъ положеній, „а между тѣмъ, еслибъ такъ называемымъ правымъ было поручено развить манифестъ 17 октября, то я вполнѣ увѣренъ, что именно съ этого они бы и начали“ [1].

Нынѣ Б. В. Штюрмеръ имѣетъ возможность „развить манифестъ 17 октября“; отсюда должна бы вытекать увѣренность, что онъ „именно съ этого и начнетъ“. Но, увы, на практикѣ все сводится къ шагу на мѣстѣ, — на старомъ, до октябрьскомъ мѣстѣ, совершенно не соотвѣтствующемъ новой обстановкѣ.

Это несоотвѣтствіе — давнишній основной фактъ нашей жизни, получившій только болѣе яркое освѣщеніе, благодаря тому серьезному экзамену, какимъ является для нашей политической системы міровая война. Справиться съ этимъ кричащимъ несоотвѣтствіемъ господствующій курсъ и пытается помощью „шага на мѣстѣ“, дающаго возможность протянуть время, которое, по непоколебимому убѣжденію „людей опыта“, все примиряетъ, сглаживаетъ всѣ шероховатости.

Плачевное положеніе на фронтѣ стало лѣтомъ извѣстно широкимъ кругамъ населенія и произвело сильное впечатлѣніе; сдѣлался необходимымъ созывъ Гос. Думы. Ну, что же, ее созвали и дѣйствовали по нѣмецкой поговоркѣ: „вымой мнѣ шубу, но такъ, чтобъ не замочить ея“. Когда впечатлѣніе притупилось и положеніе на фронтѣ перестало ухудшаться — Думу распустили, не желая и разговаривать съ образовавшимся въ ней „прогрессивнымъ“ блокомъ, разсчитывая на то же все примиряющее время. Но вотъ Дума снова понадобилась.

Какъ же встрѣтится кабинетъ Горемыкина — автора сентябрьскаго роспуска — съ большинствомъ Думы? Ну, что же, авторъ стараго курса замѣняется другимъ дѣятелемъ того же лагеря. А дальше что? Дальше надежды на ту же силу времени.

Потерявшій терпѣніе — даже онъ! — депутатъ В. Маклаковъ негодуетъ: „Когда, не отвергая помощи общества, ведутъ съ нимъ борьбу; когда, не отказываясь отъ созыва Думы, ее безконечно отсрочиваютъ; когда, не упраздняя Думы на время войны, хотятъ искусственно ограничить ея компетенцію, — мы получаемъ политику, для которой нѣтъ оправданія, ибо въ ней нѣтъ и смысла“.[2]

Нѣтъ для нея оправданія, нѣтъ смысла, но есть прецедентъ и есть названіе. Лѣтъ двадцать съ лишнимъ назадъ, когда въ Австріи культурно-политическій подъемъ массъ лишь начинался, еще господствовала старая куріальная система выборовъ въ рейхсратъ, этотъ „слава Богу, не парламентъ“ влачилъ жалкое существованіе.

---

[1] „Рѣчь“, 20. I, изложеніе бесѣды съ Б. В. Штюрмеромъ въ 1909 г., когда онъ готовился стать премьеромъ.

[2] „Р. В.“, 16. I. 1916.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находилась и вся господствовавшая тогда политика, получившая очень вульгарное, но мѣткое названіе: „Fortwursteln“.[1] Это, по-русски непереводимое, слово можно передать такъ: тянуть черезъ пень колоду, авось какъ-нибудь сойдетъ.

Если искать выраженія для краткой характеристики курса нашей политики, то надо обратиться именно къ Австріи, съ которой мы теперь ведемъ войну, но политическая эволюція которой больше, чѣмъ какой-либо другой западно-европейской страны, представляетъ аналогію съ политическими судьбами нашего отечества. Конечно, только аналогію, но не тожество. Наша теперешняя политика могла бы быть охарактеризована, какъ „Fortwursteln“, осложненное безпокойствомъ. Да, безпокойною можетъ быть не только „ласковость взгляда“, но и политика черезъ пень — колоду, политика уклоненія отъ платежа по векселю исторіи.

Если уклоненіе стимулируется неискоренимымъ соціальнымъ инстинктомъ, то безпокойство диктуется твердостью голоса и настойчивостью кредитора, съ одной стороны, зоркостью и чутьемъ должника — съ другой.

Что касается настойчивости кредитора, то уже приходилось отмѣтить то „бытовое“ явленіе нашей жизни, что голосъ этого кредитора раздается явственнѣе и становится болѣе доступнымъ слуху тѣхъ, кого это касается, главнымъ образомъ, въ связи съ внѣшними дѣлами, вообще, и съ крупными внѣшними неудачами — въ особенности. Неудивительно поэтому, что въ настоящій моментъ весьма трудно заткнуть уши такъ, чтобъ голосъ кредитора совсѣмъ не былъ слышенъ.

Но и чутье должника не могло не обостриться въ данный моментъ, — тѣмъ болѣе, что оно и вообще свойственно инстинкту данной соціальной среды, о которой давно сказано, что ея представители — не краснобаи.

Вѣдь вотъ и сейчасъ, съ возобновленіемъ сессіи Гос. Думы, открывается новая страница старой исторіи „антагонизма между властью и обществомъ“. И тутъ сразу видно чутье одной изъ борющихся сторонъ: здѣсь вниманіе серьезно направлено на настроенія въ низахъ. Тутъ проявляется несравненно больше политическаго реализма, чѣмъ у другой изъ борющихся сторонъ, взоры которой обращены исключительно къ власти.

Еще за двѣ недѣли до изданія указа о возобновленіи сессіи Думы, министръ внутреннихъ дѣлъ въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Русскаго Слова“ дѣлится своими впечатлѣніями отъ своей поѣздки по внутренней Россіи. И тутъ А. Н. Хвостовъ даетъ выраженіе своей радости по поводу наблюденнаго имъ въ деревнѣ

[1] Буквально: „проколбасить“.

отсутствія „отвлеченныхъ“ настроеній. Крестьяне „ждутъ, что снова возвратятся сыновья и пойдетъ лучшая жизнь, обновленная, но пойдетъ по тому же руслу. Никакого озлобленія къ помѣщикамъ и никакой борьбы нѣтъ... Видны добродушныя хорошія отношенія между различными классами населенія. Позавидуешь, что этого нѣтъ въ Петроградѣ, Москвѣ и другихъ центрахъ Россіи“.[1]

Этотъ лейтмотивъ — противопоставленіе города и деревни въ отношеніи „отвлеченныхъ“ настроеній — является, очевидно, основнымъ. По крайней мѣрѣ, черезъ недѣлю послѣ бесѣды А. Н. Хвостова „Колоколъ“ въ „замѣткѣ, обращающей на себя общее вниманіе въ думскихъ кругахъ“,[2] кладетъ этотъ лейтмотивъ въ основу „оцѣнки переживаемаго момента, дѣлаемой въ высокоосвѣдомленныхъ бюрократическихъ кругахъ“. „Вопросъ такъ называемой большой политики, о которой мы слышимъ въ настоящее время, мало интересуетъ народныя массы. Это обстоятельство опредѣляетъ характеръ работъ административныхъ и общественныхъ органовъ... Нѣкоторая истеричность характера нашей интеллигенціи, особенно въ крупныхъ центрахъ, отразилась на настроеніи городскихъ слоевъ. Здѣсь замѣчается нервность, безконечные споры о правахъ и реформахъ“...

Конечно, ошибаться кое въ чемъ могутъ даже министры внутреннихъ дѣлъ. Ошибся, очевидно, и А. Н. Хвостовъ со своей поѣздкой въ Москву, „цѣлью которой было выяснить настроеніе московскихъ рабочихъ круговъ и вопросъ, насколько можно было ожидать выступленій 9-го января... Мнѣ хотѣлось пробыть этотъ день въ Москвѣ, чтобы въ случаѣ какихъ-либо выступленій рабочихъ, самому знать, на чемъ основывается движеніе, насколько причастенъ Берлинъ, и въ случаѣ чего руководить самому дѣломъ... Свои глаза лучше всякихъ очковъ“.[3] И оказалось, что напрасно А. Н. Хвостовъ уѣхалъ на 9 января изъ Петрограда.

Но, оставляя въ сторонѣ такія, всегда неизбѣжныя, ошибки практическаго свойства, не касаясь также неизбѣжныхъ въ такихъ случаяхъ диверсій въ сторону „причастности Берлина“, нельзя не отмѣтить у представителей власти наличности чутья, большой доли реализма. Онъ подсказываетъ имъ, куда направить свой безпокойный взоръ. Онъ же даетъ имъ въ извѣстной мѣрѣ правильную оріентировку насчетъ соотношенія открыто дѣйствующихъ силъ, насчетъ ихъ относительнаго удѣльнаго вѣса и, позволяя имъ пока что „Fortwursteln“, въ то же время заставляетъ ихъ зорко присматриваться къ положенію вещей — особенно

[1] Цитировано по веч. „Бирж. Вѣд.“, 10. I.
[2] См. „Русскія Вѣд.“, 20. I.
[3] Цитировано по веч. „Бирж. Вѣд.“, 10. I.

въ средѣ „нервныхъ городскихъ слоевъ“ — и принимать свои мѣры, не брезгуя даже пунктами относительно малаго значенія.

Такимъ образомъ политика „Fortwursteln“ „съ безпокойствомъ“ даетъ возможность продолжать „шагъ на мѣстѣ“.

На долго ли? Долго ли можетъ продолжаться эта система уклоненія отъ удовлетворенія кредитора, эта манера отмахиваться отъ него словесной діалектикой?

Чтобы правильно поставить этотъ вопросъ, необходимо вспомнить объ отмѣченномъ уже нами „бытовомъ“ явленіи нашей политической жизни — о доступности общему сознанію языка внѣшнихъ неудачъ. Секретъ этой доступности въ томъ именно и заключается, что такія неудачи, точно мощнымъ прожекторомъ, бросаютъ снопъ яркаго свѣта на коренные недостатки нашего общественнаго механизма, которые въ обычное время можно было бы еще долго успѣшно затушевывать.

Уже первый годъ войны выдвинулъ рядъ огромныхъ, фундаментальныхъ проблемъ. Пусть они — преимущественно соціально-экономическаго свойства; но именно такого свойства проблемы, вѣдь, и вообще составляютъ сердцевину политическихъ задачъ и вопросовъ.

Въ первое полугодіе войны, никто почти въ Россіи не допускалъ, чтобъ нашей странѣ грозили продовольственныя затрудненія. Наоборотъ, въ аграрномъ характерѣ страны, живущей вывозомъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, видѣли даже ея преимущество и гарантію того, что она меньше всѣхъ остальныхъ пострадаетъ отъ нарушенія мірового обмѣна.

Въ перспективѣ было, казалось, не дороговизна, а удешевленіе предметовъ продовольствія.

Дѣйствительность скоро принесла большое разочарованіе. Выросла не только дороговизна продуктовъ; нависла угроза недостатка продуктовъ. Проглядѣли, оказывается, вопросъ, о соотношеніи между размѣрами производства и потребленія сельскохозяйственныхъ продуктовъ массами населенія.

Особенно рѣзко и неожиданно вскрылась глубокая язва въ мясномъ вопросѣ. Обнаружилось, что вызванное „обстоятельствами военнаго времени“ нѣкоторое усиленіе потребленія мяса не только устраняетъ возможность нормальнаго приращенія запасовъ скота въ странѣ, но прямо уничтожаетъ основной фондъ нашего скотоводства: въ этой области мы уже живемъ не за счетъ процентовъ съ капитала, а поѣдаемъ и самый капиталъ.

Неожиданно возникла грозная опасность не только для скотоводческаго хозяйства, но и для размѣра посѣвной площади при сокращеніи рабочаго скота и удобренія.

Еще не засохли тѣ чернила, которыми правительственный офиціозъ „Колоколъ“ начерталъ свою сакраментальную формулу: „Народу нѣтъ дѣла до состава кабинета министровъ, — ему ну-

женъ хлѣбъ и щи съ мясомъ". И вдругъ какой поворотъ — уже особое совѣщаніе министра земледѣлія Л. Н. Наумова по продовольственному дѣлу пришло къ выводу, что населеніе должно „совсѣмъ даже отказаться отъ мяса, перейдя на вегетаріанскую пищу". Особое совѣщаніе было вынуждено даже вспомнить объ „авторитетныхъ ученыхъ и врачахъ", которые очень рекомендуютъ вегетаріанскую пищу „съ точки зрѣнія научной гигіены" [1].

И такая грозная опасность „создалась вовсе не благодаря какой-либо спекуляціи или даже разстройству желѣзно-дорожнаго транспорта, а, главнымъ образомъ, изъ-за небывалаго расхода мяса, превышающаго на 4 милліона головъ приростъ скота и вызваннаго — съ одной стороны — небывалыми потребностями арміи, а съ другой — возросшимъ спросомъ со стороны самого населенія, у котораго, въ связи съ прекращеніемъ пьянства и высокими цѣнами на хлѣбъ и трудъ, образовались свободныя средства для улучшенія своего пищевого довольствія" [2].

Этотъ „неожиданно" обнаружившійся фактъ „говоритъ больше, чѣмъ цѣлые томы". Онъ показываетъ наличность страшнаго недоѣданія народныхъ массъ въ мирное время. Стоило только нѣсколькимъ милліонамъ крестьянъ и рабочихъ перейти съ крестьянскаго пайка на солдатскій, а другимъ нѣсколькимъ милліонамъ немного улучшить свое питаніе, — и уже мы рискуемъ въ какихъ-нибудь 10 лѣтъ, при томъ же соотношеніи производства и потребленія мяса, съѣсть безъ остатка весь свой скотъ и вызвать роковую катастрофу въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ [3]. И это въ аграрной странѣ, торговый балансъ которой покоится на вывозѣ продуктовъ сельскаго хозяйства!

Базисомъ этого вывоза, оказывается, было систематическое недоѣданіе массы населенія. Какой же можетъ быть ростъ интенсивности и производительности труда при явно недостаточномъ питаніи трудящихся массъ? Теперь ясно, какой дорогой цѣной крестьянство добывало тѣ „излишки", которые составляли предметъ нашего экспорта. Конечно, ясно было это и раньше для не закрывающихъ глазъ на дѣйствительное положеніе вещей.

А между тѣмъ, сколько аргументовъ, въ связи съ отношеніемъ къ міровой войнѣ, строилось нашими публицистами и экономистами именно на требованіи усиленія вывоза этихъ „излишковъ"! Уже не говоря о лагерѣ сторонниковъ имперіализма, который въ Россіи можетъ базироваться не на экспортѣ капиталовъ или даже фабрикатовъ, а больше на экспортѣ сельскохозяйственныхъ

[1] „День", 22. I. 1916.

[2] Тамъ же.

[3] На засѣданіи подъ предсѣдательствомъ А. Н. Наумова, товарищъ мин. землед., Г. В. Глинка прямо заявилъ, что, если не принять крайнихъ мѣръ, то „наше сельское хозяйство будетъ на краю гибели". („День" 24. I. 1916 г.).

продуктовъ, — тѣ же аргументы съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, проповѣдывали и сторонники демократическаго лагеря, который сознательно и энергично хочетъ отмежеваться отъ имперіалистическихъ вожделѣній націоналъ-либерализма.

Такова одна изъ основныхъ язвъ нашей жизни, на которыя снопъ яркаго свѣта брошенъ прожекторомъ войны. И пусть не говорятъ, что эта язва не имѣетъ отношенія къ политическому курсу, къ политикѣ „Fortwursteln", къ возможности дальнѣйшаго ея продолженія. Очень даже имѣетъ. Совершенно очевидно, вѣдь, что этой язвой затрагиваются вопросы нашей налоговой системы, нашей экономической, финансовой, торговой и всякой вообще государственной политики.

Мы уже не говоримъ о дѣйствіи такихъ неожиданно вскрывшихся больныхъ вопросовъ на сознаніе.

Конечно, и до войны, независимо отъ ея мощнаго прожектора, выступали многіе недостатки механизма. Но подъ вліяніемъ военныхъ событій стали они доходить до сознанія не только тѣхъ слоевъ, которыхъ касаются нынѣшнія продовольственныя затрудненія, но даже ихъ антипода — привилегированнаго сословія. Изъ этой области послѣдніе полгода принесли намъ рядъ любопытныхъ явленій. Ихъ большое симптоматическое значеніе выходитъ за предѣлы нашей непосредственной темы.

Мы здѣсь только бѣгло напомнимъ кругъ относящихся сюда фактовъ и остановимся на ихъ общемъ смыслѣ.

Исходнымъ пунктомъ политическихъ выступленій дворянскихъ круговъ послужило извѣстное письмо (отъ 23 августа прошлаго года) предсѣдателя совѣта объединенныхъ дворянскихъ обществъ, А. П. Струкова, въ связи съ оживленіемъ оппозиціи лѣтомъ прошлаго года.

Какъ извѣстно, многочисленныя губернскія земства солидаризовались съ извѣстной резолюціей московскаго съѣзда общеземскаго союза. Затѣмъ, какъ это уже подчеркнулъ членъ Госуд. Совѣта, гр. Д. А. Олсуфьевъ, „къ программѣ парламентскаго блока примкнули всѣ губернскія земства Россіи, въ составъ которыхъ въ значительномъ большинствѣ входитъ дворянство" [1].

Это уже своего рода знаменіе времени; однако, земства все таки состоятъ не изъ однихъ только дворянскихъ элементовъ. Но вотъ въ печать начинаютъ проникать свѣдѣнія о нѣкоторомъ сдвигѣ доподлинныхъ представительныхъ организацій дворянства.

Во всеподданнѣйшей телеграммѣ отъ 22 сентября московское дворянство заявляетъ о „необходимости коренныхъ реформъ" (правда, только по окончаніи войны), — въ противовѣсъ письму Струкова, требовавшему охраненія „незыблемости основъ существующаго порядка" [2].

[1] „Русскія Вѣд.", 15. XI. 1915 г.
[2] „Рѣчь", 5. XII. 1915 г.

Несогласіе съ письмомъ Струкова выражаютъ губернскія дворянскія собранія — Петроградское, Новгородское и Орловское. Въ нижегородское губ. дворянское собраніе подается заявленіе за подписью 10 дворянъ, гдѣ выражается протестъ противъ письма Струкова, какъ „неотвѣчающаго переживаемому родиной историческому моменту“ и ведущаго къ „роковымъ послѣдствіямъ“, и, наконецъ, заявляется, что „не должно идти по пути, намѣченному реакціонной мыслью незначительнаго кружка лицъ“ [1].

Цѣлый рядъ губ. дворянскихъ собраній постановляетъ выйти изъ состава организаціи объединенныхъ дворянскихъ обществъ. Таковы дворянскія собранія Смоленское, Костромское, Полтавское, Уфимское. При этомъ Костромское дворянство мотивируетъ свой выходъ тѣмъ, что письмо Струкова идетъ „противъ всенародныхъ желаній“ [2].

Симбирское дворянство, также протестовавшее противъ письма г. Струкова, въ то же время постановило принять обратно четырехъ членовъ первой Гос. Думы, исключенныхъ изъ дворянской среды за подписаніе выборгскаго воззванія [3].

Языкъ всѣхъ этихъ фактовъ довольно выразителенъ. Мы не думаемъ чтобы ихъ можно было истолковывать, какъ симптомъ возникновенія политическаго движенія въ общенаціональномъ масштабѣ, въ стилѣ событій, разыгравшихся 11 лѣтъ тому назадъ.

Исторія вообще не повторяется. Да и соціальная дифференціація и процессъ классового самоопредѣленія сильно подвинулись впередъ за истекшій періодъ. Но одно не подлежитъ сомнѣнію: война, въ тѣхъ формахъ, какія она приняла за послѣдній годъ, имѣетъ шансы сдвинуть русскую общественно-политическую жизнь съ мертвой точки, поскольку идетъ рѣчь о настроеніяхъ въ средѣ имущихъ классовъ. А учитывая то обстоятельство, что въ городскихъ низахъ и до войны не было повода говорить о мертвой точкѣ, можно намѣтить уже перспективу обще-политическаго сдвига.

Конечно, сами по себѣ имущіе слои, элементами которыхъ опредѣляется и соціальный составъ „прогрессивнаго блока“, не представляютъ собою самостоятельнаго и активнаго фактора политики во время міровой войны. Да и какъ не самостоятельный, этотъ факторъ въ полной мѣрѣ своего удѣльнаго вѣса можетъ проявиться, главнымъ образомъ, послѣ войны, въ атмосферѣ дѣйствія и другихъ факторовъ.

Но, при всемъ томъ, сдвигъ намѣчается довольно опредѣленно. И не только потому, что „прожекторъ“ многое ярко

---

[1] „Русскія Вѣд.“, 20. XII. 1915 г.
[2] „Русскія Вѣд.“, 15. XI. 1915 г.
[3] „Рѣчь“, № 21, I, 1916.

освѣщаетъ, но и потому, что выясняющаяся неустойчивость положенія вызываетъ у имущихъ слоевъ заинтересованность въ нѣкоторыхъ измѣненіяхъ, въ сдвигѣ.

Многое будетъ зависѣть отъ дальнѣйшаго хода военныхъ событій. Вѣдь и вообще будущему историку политической жизни Россіи за періодъ войны придется рисовать картину, параллельно разсматривая событія въ тылу и на фронтѣ. Этотъ параллелизмъ, эта связь двухъ областей не только признается въ „высокоосвѣдомленныхъ бюрократическихъ кругахъ“, — ея значеніе здѣсь даже склонны утрировать. „Двѣ-три побѣды, и сразу пессимисты обратятся въ бодрыхъ гражданъ“ — полагаютъ въ этихъ кругахъ, какъ сообщаетъ цитированная выше замѣтка „Колокола“ [1].

Во всякомъ случаѣ сейчасъ, когда созывается Дума, послѣ всего пережитаго, послѣ выяснившихся, по выраженію депутата В. Маклакова, „грѣховъ нашей власти, которыхъ уже не скроешь“ [2], политическое положеніе нельзя иначе назвать, какъ конфликтнымъ. И какъ бы курсъ господствующей политики, мѣняя лицъ, ни старался оставить нетронутой систему, но полнаго тождества съ прежнимъ положеніемъ уже быть не можетъ.

Политика „Fortwursteln“ все болѣе и болѣе теряетъ свою традиціонную беззаботность, все сильнѣе и сильнѣе осложняется элементомъ безпокойства.

А. Ерманскій.

ТЕАТРЪ „ИЗЪ НАРОДА“.

Письмо изъ Москвы.

Работы по организаціи перваго всероссійскаго Съѣзда дѣятелей народнаго театра шли въ атмосферѣ сомнѣній въ его цѣлесообразности. Былъ моментъ, когда онъ рисковалъ отсрочиться до „лучшихъ дней“. Выразителемъ такой сугубой осторожности явился Петроградскій Совѣтъ театральнаго общества, при которомъ былъ учрежденъ весною прошлаго года Комитетъ по организаціи съѣзда. Осенью Совѣтъ рѣшилъ отложить Съѣздъ, считая несвоевременнымъ затѣвать новое дѣло въ пору, „когда идетъ глухая борьба между правительствомъ и обществомъ“, когда властно звучитъ лозунгъ „все для войны“, когда земскія и муниципальныя учрежденія заняты тыловой организаціей побѣды. Но Совѣту возразили, — что именно война и связанная съ нею попытка насадить внѣшними мѣрами трезвость дѣлаютъ Съѣздъ необходимымъ, что вполнѣ своевременно озаботиться не только матеріаль-

[1] „Русскія Вѣд.“, 20, I, 1916.
[2] „Русскія Вѣд.“, 16. I. 1916 г.

ными, но и моральными нуждами тыла, что дѣло народнаго театра отнюдь не ново и имѣетъ свою длинную исторію и начато не въ центрѣ, а возникло на мѣстахъ, и при томъ не въ земской или муниципальной средѣ, а въ самой гущѣ жизни — въ народныхъ кружкахъ, разсѣянныхъ по всей Россіи. Въ концѣ концовъ Совѣтъ отмѣнилъ свое рѣшеніе: Съѣздъ былъ созванъ на Рождество въ Москвѣ.

Я бы не сталъ разсказывать этого эпизода, если бы не считалъ его очень характернымъ показателемъ отношенія, весьма распространеннаго среди такъ называемаго „общества", къ дѣлу народнаго театра. Ни внутренняя политическая борьба, ни тыловая организація побѣды, ни воспріятіе лозунга „все для войны" — отнюдь не мѣшаютъ членамъ этого „общества" переполнять театры. Что театры, обслуживающіе буржуазію, переполнены — это въ порядкѣ вещей и не противорѣчитъ гражданскому ригоризму тѣхъ, которые считаютъ возможнымъ обождать съ организаціей народнаго театра. Легко замѣтить, насколько подобная точка зрѣнія не вяжется съ искреннимъ демократизмомъ. Одинъ мотивъ „новизны" того или иного культурнаго дѣла способенъ отсрочить безгранично все то, что нужно „народу", и что безразлично „обществу".

А случаи доказательства такого безразличія были, и при томъ яркіе. Желая установить организаціонную связь съ обществами и учрежденіями, которыя нужны народному театру и который имъ нуженъ, комитетъ Съѣзда просилъ войти въ свой составъ представителей московскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ и московскаго отдѣленія техническаго общества. Первый насъ очень удивилъ своимъ отказомъ, мотивированнымъ тѣмъ, что вопросы народнаго театра не входятъ въ его компетенцію, а второе просто промолчало. Послѣ этихъ двухъ поучительныхъ фактовъ насъ уже не удивило, что по стопамъ московской адвокатуры пошло и московское общество грамотности, что московская публика оказала весьма скромное вниманіе диспуту „Великая война и народный театръ", что московская общая пресса отдала Съѣздъ въ исключительное вѣдѣніе хроникеровъ и не удостоила его, сколько я знаю, ни одной статьей[1]. Въ порядкѣ вещей было и фактическое равнодушіе къ Съѣзду театральныхъ круговъ. Правда, театральная пресса больше занималась Съѣздомъ, чѣмъ общая, но въ ней всего ярче звучалъ мотивъ упрека, что вотъ, молъ, собрался съѣздъ по народному театру, а актеры и режиссеры въ немъ наперечетъ. И упрекъ этотъ былъ обращенъ не къ этимъ послѣднимъ дѣятелямъ, а къ организаторамъ съѣзда, назначившимъ для съѣзда такое страдное для театра время.

[1] Провинціальная пресса также мало отозвалась о Съѣздѣ, хотя о немъ были оповѣщены всѣ ея органы, вошедшіе въ соотвѣтствующія справочныя изданія.

Самую крупную группу Съѣзда (свыше 20%) составляли дѣятели мѣстныхъ народныхъ театральныхъ организацій — музыкальныхъ и драматическихъ кружковъ, частью связанныхъ съ кооперативами, частью независимыхъ отъ нихъ.

Вторую группу составили дѣятели театра въ центрахъ — члены московской секціи содѣйствія устройству народныхъ театровъ, режиссеры, актеры и т. п.

Приблизительно такъ же, какъ вторая группа, было представлено народное учительство и дѣятели литературы и печати.

Сравнительно съ перечисленными группами гораздо меньшій интересъ проявленъ къ съѣзду земскими и городскими самоуправленіями, членами просвѣтительныхъ организацій, музыкальными и художественными (въ узкомъ смыслѣ слова) дѣятелями. Каждая изъ этихъ группъ дала менѣе 10% общаго числа членовъ Съѣзда.

Въ общемъ, Съѣздъ показалъ, что народный театръ въ настоящее время строится самыми разнообразными общественными силами и группами.

Хотя на Съѣздѣ не было представлено ни одного доклада по вопросу о томъ, что такое народный театръ, дѣятели котораго какъ разъ и съѣхались въ Москву, но одной изъ заслугъ Съѣзда является безспорно проходящее красной нитью чрезъ всѣ его постановленія разграниченіе двухъ типовъ народнаго театра — театра для народа и театра изъ народа.

Первый — обычный театръ, ставшій доступнымъ для народной публики внѣшне — благодаря топографической близости къ населенію и дешевизнѣ платы за входъ — и внутренне — благодаря соотвѣтствію своего репертуара запросамъ и развитію населенія. Второй театръ — созданіе самой демократіи, принимающей постоянное, правильное и разностороннее участіе въ руководствѣ имъ и дающей изъ своей среды необходимыя художественныя силы; въ идеалѣ въ такомъ театрѣ все должно быть народнымъ — и драматурги, и исполнители, и художники. Разумѣется, никто изъ сторонниковъ такого театра не высказывался въ томъ смыслѣ, что между обычнымъ и народнымъ театромъ нѣтъ ничего общаго. Міровая литература богата произведеніями, имѣющими вѣчное художественное значеніе для всякаго театра; народный театръ не можетъ и не долженъ остаться въ сторонѣ отъ такихъ цѣнностей, но наряду съ этимъ необходимо вызвать къ жизни литературныя силы, гибнущія за отсутствіемъ благопріятныхъ условій, но, конечно, существующія у демократіи *.

То же нужно сказать и объ исполнителяхъ и художникахъ; желанными будутъ въ народномъ театрѣ тѣ и другіе, разъ они

---

[1] Особенно выпукло эта мысль выражена въ наказѣ представителямъ Суриковскаго литературно-музыкальнаго кружка.

талантливы, хотя бы они принадлежали къ инымъ общественнымъ группамъ, но между ними и дѣятелями народнаго театра должно быть взаимодѣйствіе, которое Е. Д. Кускова такъ опредѣлила по отношенію къ исполнителямъ (но это опредѣленіе можно распространить и на художниковъ): „профессіональные артисты должны передать исполнителямъ изъ народа свой артистическій опытъ, артисты изъ народа должны влить въ профессіоналовъ пониманіе народной души и свѣжесть народнаго творчества. Въ дальнѣйшемъ связь корпораціи профессіональныхъ артистовъ съ самодѣятельностью народныхъ массъ послужитъ переходомъ „къ общенародному художественному творчеству. При всей силѣ, съ которой на Съѣздѣ провозглашался лозунгъ такого театра изъ народа, никто не понималъ его какъ театръ, по выраженію Н. И. Тимковскаго, „специфически-народный". Это выразилъ Съѣздъ, принявъ съ нѣкоторыми редакціонными поправками формулу рабочей группы:

„Народный театръ, имѣя самостоятельное художественное значеніе, является въ то же время средствомъ воспитанія народа на основахъ широкой общественности, идейности, самодѣятельности и національнаго самоопредѣленія".

Народный театръ создается, такимъ образомъ, народомъ, который долженъ имѣть возможность жить общественной жизнью, проявлять свои художественныя дарованія и развивать свои національныя особенности. Только тогда мы дождемся театра, въ которомъ ярко отразятся богатства души и различныхъ демократическихъ классовъ и многочисленныхъ народностей Россіи. Въ старый театръ вольются свѣжіе соки, которые должны обновить и дать ему новыя подлинно народныя черты.

Очень горячія пренія возбудили на съѣздѣ резолюціи относительно выбора репертуара. Репертуарная секція смотрѣла на свою задачу такъ: — нужно дать конкретныя указанія о желательномъ репертуарѣ народнаго театра, удовлетворяющія какъ принципіальнымъ заданіямъ и практическимъ условіямъ театральнаго дѣла, такъ и особенностямъ народной аудиторіи. Особенно казалось ей важнымъ сдѣлать такую работу для народныхъ театровъ, не руководимыхъ народной театральной организаціей. При этомъ секція указывала, что въ театрахъ „изъ народа" выборъ пьесъ долженъ совершаться самимъ театромъ, а въ театрахъ „для народа" — необходимо установить постоянное и правильное общеніе руководителей театра съ зрителями и смотрѣть на проводимый репертуаръ, какъ на опытный.

Предложенія же секціи по существу репертуара сводились вотъ къ чему.

1. Главнымъ критеріемъ, опредѣляющимъ пригодность пьесы для народной сцены, должно служить ея художественное достоинство.

2. Желательно въ качествѣ общаго правила ставить пьесы содержательныя и разнообразныя, съ яркими и простыми переживаніями, съ бодрымъ и здоровымъ направленіемъ.

3. Видное мѣсто въ репертуарѣ народнаго театра должны занимать драмы соціальнаго и героическаго характера.

4. Репертуаръ народнаго театра не долженъ противорѣчить духу человѣчности и нравственнымъ требованіямъ.

5. Въ частности, изъ него исключаются всякія пьесы, служащія исключительно для грубой забавы.

6. Подлежатъ такому исключенію и пьесы, которыя своей особой идейной и психологической сложностью завѣдомо недоступны пониманію данной аудиторіи и могутъ быть ею превратно истолкованы.

7. Пьесы, не вполнѣ художественныя, допустимы въ тѣхъ случаяхъ, когда недостатокъ художественности искупается особой значительностью содержанія при непремѣнномъ условіи ихъ удовлетворительности въ литературномъ и сценическомъ отношеніяхъ.

8. Могутъ быть допущены въ репертуаръ народнаго театра легкія комическія произведенія, не противорѣчащія литературнымъ, сценическимъ и нравственнымъ требованіямъ.

Рабочая группа, усмотрѣвъ въ этомъ проектѣ резолюціи стремленіе къ излишней опекѣ надъ народомъ, предлагала замѣнить первые шесть пунктовъ однимъ: „Въ репертуарѣ народнаго театра должно войти все достояніе міровой литературы. Подборъ же репертуара передать въ руки мѣстныхъ демократическихъ учрежденій". Противъ пунктовъ 7 и 8 группа не возражала при условіи пропуска слова „нравственнымъ (требованіямъ)" Мотивы — относительность художественныхъ и нравственныхъ критеріевъ.

Рѣшеніе Съѣзда получилось половинчатое. Были отклонены пункты 2, 3 и 6. Седьмой отпалъ, ибо въ первый пунктъ вставили наряду съ художественными достоинствами въ качествѣ главныхъ критеріевъ — идейную содержательность. Пункты 1, 4, 5 и 8 были приняты.

Были приняты и остальные пункты секціи, говорящіе о порядкѣ выбора пьесъ въ театрахъ „изъ народа" и театрахъ „для народа", при чемъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ признано необходимымъ учрежденіе художественныхъ совѣтовъ съ участіемъ представителей отъ мѣстныхъ просвѣтительныхъ и демократическихъ организацій.

Главное вниманіе режиссерской секціи сосредоточилось на вопросѣ о подготовкѣ руководителей, или инструкторовъ народнаго театра, осуществляемаго силами любителей изъ народа. Это и понятно, такъ какъ съѣздъ мыслилъ народный театръ именно какъ народный любительскій театръ.

Горячимъ защитникомъ профессіональнаго театра „для народа“ явился Б. Н. Сыромятниковъ, доказывавшій, что проблема народнаго театра, въ сущности, сводится, къ распространенію на широкіе круги населенія благъ современной театральной культуры и что театръ съ исполнителями изъ народа и вообще съ любителями не можетъ достичь той художественной высоты, которая доступна театру профессіональному. Но сочувствія точка зрѣнія Б. Н. Сыромятникова на Съѣздѣ не встрѣтила.

Не было на съѣздѣ большихъ споровъ, кажется, лишь по одному вопросу — по правовому. Очевидно, всѣмъ было ясно положеніе дѣла народнаго театра въ этомъ отношеніи. Правильнѣе, впрочемъ, говорить не о правовомъ вопросѣ, а о правовыхъ вопросахъ, которые разбились на три главныхъ группы.

Одна — наиболѣе тѣсно связанная съ общими задачами Съѣзда и охватывающая театральную цензуру, порядокъ устройства спектаклей и условія существованія обществъ и учрежденій, работающихъ въ области народнаго театра. Съѣздъ высказался принципіально въ томъ смыслѣ, что „русскій театръ и театры отдѣльныхъ народностей Россіи должны быть организованы на началахъ полной художественной свободы; поэтому они должны быть ограждены отъ всякаго произвола администраціи и нормированы въ законодательномъ порядкѣ для обезпеченія ихъ свободнаго развитія“.

Выводъ изъ этого основного положенія, — требованіе отмѣны предварительной драматической цензуры, какъ общей для всѣхъ театровъ, такъ и спеціальной — для народныхъ и признаніе необходимости явочнаго порядка устройства спектаклей. Далѣе по отношенію къ частнымъ обществамъ, работающимъ въ дѣлѣ народнаго театра, признано необходимымъ обезпеченіе ихъ свободнаго возникновенія, существованія и объединенія. По отношенію къ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ — ихъ демократизація, децентрализація и обезпеченіе ихъ самостоятельности.

Очень своеобразную часть работъ Съѣзда составили вопросы театровъ отдѣльныхъ народностей Россіи; для обсужденія этихъ вопросовъ была образована особая секція, но фактически ея засѣданія происходили въ секціи общихъ вопросовъ, такъ какъ главныя нужды инородческихъ театровъ оказались правовыми.

Если не ошибаюсь, впервые на всероссійскомъ Съѣздѣ была представлена картина вопіющаго правового положенія такого большого культурнаго дѣла, какимъ является театръ, у ряда отдѣльныхъ народностей. Предъ Съѣздомъ прошелъ рядъ докладчиковъ, обрисовавшихъ прозябаніе или униженіе національнаго искусства, подъ давленіемъ тяжкихъ юридическихъ условій. Въ этомъ сходились въ той или иной мѣрѣ всѣ докладчики: — по еврейскому театру С. А. Ан-скій, по украинскому — Л. П. Старицкая-Черни-

ковская, по латышскому — К. К. Фрейнбергъ, по литовскому — Н. К. Мичулисъ, по армянскому — А. Г. Харазянъ, по татарскому — М. Г. Исхаковъ. Къ сожалѣнію, по случайной причинѣ, не былъ заслушанъ докладъ о польскомъ театрѣ Т. Р. Мицонскаго.

Ознакомленіе русскаго общества съ положеніемъ театра у семи народностей (польскій докладъ Съѣзда также будетъ напечатанъ) является безспорной заслугой въ трудахъ Съѣзда. Почти безъ преній Съѣздъ опредѣлилъ свое отношеніе къ національнымъ театрамъ такъ:

По отношенію къ отдѣльнымъ народностямъ Россіи Съѣздъ находитъ необходимымъ:

а) отмѣну запрещеній и ограниченій, направленныхъ противъ свободнаго употребленія родного языка отдѣльныхъ народностей Россіи въ дѣлѣ народнаго театра и въ другихъ проявленіяхъ культурной жизни, связанныхъ съ театральными начинаніями.

б) Отмѣну соціальныхъ огражденій по отношенію къ театрамъ и драматическому и музыкальному репертуару театровъ отдѣльныхъ народностей.

в) Разрѣшеніе повсемѣстнаго въ Россіи права жительства евреевъ-артистовъ и обучающихся въ драматическихъ и музыкальныхъ школахъ.

г) Снятіе послѣдовавшаго въ началѣ войны запрещенія театральныхъ представленій на еврейскомъ языкѣ.

Очень характерно отношеніе Съѣзда къ докладчикамъ по національнымъ театрамъ: безъ всякой слащавости и приподнятости, масса членовъ посмотрѣла на дѣло просто и трезво и опредѣленно высказалась за одинаковость условій существованія театровъ русскаго и инородческихъ. Это было отношеніе не старшаго къ младшему, не сильнаго къ слабому, а равнаго къ равному.

Рабочая группа внесла въ комитетъ еще одну резолюцію, въ которой она находила необходимымъ условіемъ развитія народнаго театра обезпеченіе свободы слова и печати, собраній и союзовъ и неприкосновенности личности. Хотя большинство этихъ гражданскихъ свободъ разумѣются сами собой въ резолюціи объ условіяхъ, въ которые необходимо поставить общественныя организаціи, работающія въ дѣлѣ народнаго театра, тѣмъ не менѣе комитетъ внесъ на общее собраніе и эту резолюцію, которой группа согласилась придать нѣсколько иную редакцію:

„Нормальная организація и существованіе народнаго театра возможны лишь при осуществленіи всѣхъ свободъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября 1905 года“.

Резолюція была принята Съѣздомъ безъ преній подъ продолжительные аплодисменты.

Выработку законопроекта о правовомъ положеніи народнаго театра поручено составить комитету, который до передачи въ Государственную Думу долженъ внести его въ предстоящій съѣздъ дѣятелей народныхъ университетовъ.

* * *

Работа по организаціоннымъ вопросамъ открылась серіей кооперативныхъ докладовъ.

Наиболѣе интересенъ былъ докладъ Л. М. Армандъ, которая разносторонне обосновывала связь театра и кооперації. Кооперативное движеніе воспитываетъ въ массахъ активность и создаетъ общность переживаній; проникнутое началами братства, оно сближается съ религіознымъ движеніемъ; стягивая къ себѣ живыя силы деревни, становится центромъ зарожденія и развитія любительскаго народнаго театра, который, какъ и всякій театръ, есть искусство активности и дѣйствія.

Другая докладчица, Е. Д. Кускова, исходя изъ мысли, что народный театръ долженъ строиться народными массами, въ этомъ видѣла его связь съ кооперативами — ячейками народной самодѣятельности, заинтересованными въ духовномъ подъемѣ своихъ членовъ и окружающей среды; съ другой стороны, для развитія народнаго театра можетъ имѣть большое значеніе и матеріальная помощь кооперативовъ и присущій имъ демократизмъ организаціи.

Своеобразно подошелъ къ вопросу А. А. Евдокимовъ, который смотритъ на обновленіе современнаго театра, какъ на вопросъ частный. Вся культура нашего времени нуждается въ обновленіи, и театръ въ томъ числѣ. Вся культура въ будущемъ должна стать всенародной, теперь же она создается меньшинствомъ народа, имущимъ, властнымъ и образованнымъ. Конечно, въ концѣ концовъ, запросы зрителей создаютъ такой или иной театръ; чтобы онъ измѣнился должны измѣниться и зрители. Въ современномъ политическомъ строѣ театръ еще больше извращается, благодаря цѣлямъ наживы, которымъ онъ служитъ. Кооперація же, создавая „новаго" человѣка, новый экономическій принципъ, способна пересоздать и современный театръ во всенародный.

Разумѣется, не все въ докладѣ кооператоровъ было пріемлемо для массы членовъ съѣзда. Многое было тѣсно связано съ чисто и узко кооперативнымъ міросозерцаніемъ. Лица, не раздѣляющія такового, не могли, конечно, подписаться подъ такими мнѣніями докладчиковъ, какъ, напримѣръ, вѣра ихъ въ способность кооперації создать новаго человѣка, въ корнѣ обновить современную культуру и т. д.

Указывали кооператорамъ, что многія особенности, прини-

санныя ими кооперации свойства, присущи вообще демократическимъ движеніямъ и коллективамъ. Начало активности, солидарности, братства свойственны и профессіональному и политическому движенію демократіи.

Возникъ вопросъ о другихъ демократическихъ учрежденіяхъ, о которыхъ напомнила рабочая группа. Вообще она не возражала противъ организаціонныхъ положеній кооператоровъ но расширяла ихъ. Кооператоры говорили о кооперативахъ, группа добавляла другія демократическія организаціи — въ частности рабочія, профессіональныя. Тамъ шла рѣчь преимущественно о деревнѣ, здѣсь на первый планъ выступалъ городъ.

Все это выразилось въ слѣдующихъ руководящихъ постановленіяхъ Съѣзда:

„Трудовыя, профессіональныя и кооперативныя организаціи, связывая къ себѣ живыя демократическія силы города и деревни, являются въ нихъ естественными центрами, около которыхъ зарождается и развивается народный любительскій театръ;

Для осуществленія народнаго любительскаго театра служатъ культурно-просвѣтительныя комиссіи и музыкально-драматическіе кружки при названныхъ организаціяхъ.

Выборные органы этихъ кружковъ и комиссій вѣдаютъ репертуаръ и всю административную, хозяйственную, техническую и художественную стороны народнаго театра;

Трудовыя, профессіональныя и кооперативныя организаціи, объединенныя въ союзы, представляютъ изъ себя естественную организаціонную опору для объединенія различныхъ народныхъ театральныхъ кружковъ и обществъ".

Но ограничиться только этими постановленіями — значило бы закрывать глаза на живую дѣйствительность.

Самый составъ Съѣзда доказывалъ, что народный любительскій театръ осуществляется зачастую безъ связи съ кооперативными и профессіональными организаціями. Поэтому Съѣздъ не могъ не высказаться и за самостоятельныя народныя театральныя организаціи.

Съ другой стороны, народная интеллигенціи пока малочисленна, не такъ еще богата культурными силами, и народъ нуждается въ интеллигенціи иныхъ слоевъ. Поэтому Съѣздъ призналъ необходимымъ участіе во всѣхъ перечисленныхъ организаціяхъ мѣстной—сельской и городской — интеллигенціи.

Заключительнымъ словомъ Съѣзда въ организаціонныхъ вопросахъ было признаніе необходимости учредить Всероссійскій союзъ дѣятелей народнаго театра. Трудно сказать заранѣе, что практически получится изъ этого союза: очень ужъ обширны его задачи, пестръ его составъ, великъ районъ дѣятельности. Во всякомъ случаѣ его мощь и жизненность будутъ зависѣть отъ самодѣятельности мѣстныхъ ячеекъ. Союзъ возрастетъ лишь въ

силу постепеннаго умноженія ихъ числа и естественнаго ихъ объединенія. Только укрѣпляясь и расширяясь **снизу**, онъ сможетъ стать здоровымъ и прочнымъ учрежденіемъ. Но въ основу устава положены началы правильныя: право участія въ союзѣ не только учрежденій, но и лицъ, и автономія мѣстныхъ отдѣленій. Первое цѣлесообразно, потому что нельзя ограничиться однимъ представительствомъ организацій, но будутъ нужны и отдѣльные спеціалисты и дѣятели народнаго театра, второе — вполнѣ отвѣчаетъ многоплеменности населенія Россіи и обширности ея территоріи.

Остается сказать объ экономической сторонѣ народнаго театра.

По предложенію рабочей группы, какъ экономическій идеалъ, провозглашенъ принципъ безплатности народнаго театра, переходомъ къ которой является удешевленіе и уравненіе платы за входъ на спектакли, доступной всѣмъ и исключающей дѣленіе мѣстъ на аристократическія „кресла“ и демократическія „скамьи“.

Финансовымъ источникомъ являются государственныя средства, отпускаемыя въ законодательномъ порядкѣ въ распоряженіе органовъ мѣстнаго самоуправленія, спеціальные земскіе и муниципальные фонды по народному театру и отчисленіе изъ прибылей кооперативовъ.

Статья моя разрослась, и я ничего не сказалъ о работахъ съѣзда по дѣтскому театру и по музыкальному просвѣщенію народа. Ограничусь указаніемъ что и здѣсь красной нитью проходитъ принципъ народной и дѣтской самодѣятельности, и перейду къ итогамъ.

Первыя впечатлѣнія отъ Съѣзда были смутны и не давали внутренняго удовлетворенія. Но чѣмъ дальше отъ него отходишь, тѣмъ яснѣе выдѣляется произведенная имъ работа — трудная и протекавшая въ условіяхъ, сильнѣе ее усложнявшихъ. Главное изъ нихъ — крайне пестрый составъ Съѣзда, при которомъ были такъ основательны опасенія, что получается нѣчто вродѣ „лебедя, рака и щуки“. Но, къ счастью, Съѣздъ нашелъ нѣкоторую равнодѣйствующую. Эта средняя линія свелась къ общему духу и основнымъ принципамъ дѣйственнаго и широкаго демократизма, проникающаго созданный Съѣздомъ планъ дѣятельности въ области народнаго театра — съ одной стороны — и къ учету его конкретныхъ условій и практическихъ нуждъ — съ другой. Второй моментъ, конечно, мѣшалъ идеальной стройности и выдержанности плана, но зато придавалъ ему жизненность и обезпечивалъ его осуществимость. Особенно представляется цѣннымъ провозглашеніе Съѣздомъ принципа народной самодѣятельности въ искусствѣ, обращающаго вопросъ его демократизаціи изъ проблемы распредѣленія художественныхъ цѣнностей въ проблему ихъ производства, и — затѣмъ — организаціонныя директивы, данныя Съѣздомъ и тѣсно сплачивающія художественное строительство

съ гущей народной коллективной жизни — съ организаціями, созидающими ея новыя условія и сплетенными съ насущными будничными интересами демократіи. Это — надежная организаціонная опора для движенія народа къ свѣтлымъ зорямъ своего, а потому во многомъ иного, искусства. И стремленіе избрать именно такіе путеводные огни является лучшимъ отвѣтомъ на то сравнительное равнодушіе, съ которымъ пока относятся широкіе круги „общественныхъ" верховъ къ народному театру.

В. Тихоновичъ.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКІЕ ПЛАНЫ.

Какъ общая, такъ и спеціальная печать удѣляетъ сейчасъ много вниманія вопросу о планѣ необходимыхъ финансово-экономическихъ реформъ. Вопросъ выдвинутъ на первый планъ, поставленъ въ центръ общественнаго вниманія. И немудрено: дѣло идетъ, поистинѣ, о судьбѣ всего нашего государственнаго и народнаго хозяйства.

„Въ самомъ дѣлѣ, — говоритъ г. Баркъ, — едва ли подлежитъ сомнѣнію, что какъ бы относительно благопріятно ни сложилось для насъ положеніе вещей въ этой области, на какія бы ограниченія — а они, очевидно, будутъ въ той или иной мѣрѣ неизбѣжны, — ни пошло государство въ ближайшіе послѣ войны годы въ отношеніи удовлетворенія менѣе насущныхъ своихъ потребностей, — все же размѣръ предстоящихъ намъ послѣ войны расходовъ потребуетъ наивысшаго усиленія, въ предѣлахъ возможнаго, нашихъ доходныхъ поступленій, а, слѣдовательно, и крайняго напряженія платежныхъ силъ населенія, поскольку это достижимо безъ нарушенія жизненныхъ интересовъ населенія!. Нужды государственныя не ждутъ, и до наступленія того благопріятнаго времени, когда народный доходъ снова обнаружитъ признаки прироста, по необходимости придется значительно усилить податное бремя, требуя отъ всѣхъ слоевъ населенія, быть можетъ, гораздо большей, нежели до сихъ поръ, доли поежегоднаго дохода на нужды государства".

Насколько основательны мотивы г. Барка въ пользу финансовой реформы, видно изъ слѣдующихъ соображеній члена совѣта министра финансовъ, проф. П. Мигулина:

„Наше финансовое положеніе сейчасъ не блестяще. Оно и не можетъ быть блестящимъ, когда безпримѣрная по своей жестокости, разрушительности и размѣрамъ война вотъ уже седьмой мѣсяцъ ведется на нашей территоріи, — когда непріятелемъ захвачены богатѣйшія наши промышленныя области, пространствомъ свыше 300 тыс. кв. верстъ[1], съ населеніемъ до 25 м. человѣкъ, — когда прилежащія къ этимъ захваченнымъ областямъ территоріи находятся въ состояніи экономическаго паралича, подъ угрозою и ихъ захвата и разоренія. Около 8.000 верстъ рельсовыхъ путей захвачено непріятелемъ, разрушено или подъ угрозой захвата или разрушенія. Погибло множество фабрикъ и заво-

[1] „По пространству болѣе 60 % всей германской имперіи". См. № 3, „Нов. Эк.", за 1916 г., стр. 3.

довъ, разрушенныхъ, эвакуированныхъ (помимо отошедшихъ къ непріятелю). Разорено населеніе добрыхъ двухъ десятковъ губерній. Бѣженцы, когда-то богатый классъ населенія, теперь лишь „голодающіе", на иждивеніи государства. Да и внутри страны, въ областяхъ, непосредственно не затронутыхъ войною, положеніе далеко не изъ легкихъ. Наживаются лишь тѣ, кто непосредственно работаетъ на армію. Положеніе другихъ слоевъ населенія очень печально. Рабочія руки ушли на войну, производство естественно сокращается. Транспортъ нарушенъ. Сбытъ продуктовъ поэтому затрудненъ до крайности. Дороговизна всѣхъ товаровъ въ потребительныхъ пунктахъ — чрезвычайная, обезцѣненіе тѣхъ же товаровъ (особенно сельско-хозяйственныхъ) на мѣстахъ производства также очень велико. При такихъ условіяхъ никоимъ образомъ нельзя ожидать поступленія госуд. доходовъ въ предѣлахъ нормальнаго времени..."[1], „собрать 2½ милліарда рублей, т.-е. ту цифру, въ которой поступали обыкновенные доходы у насъ въ 1909 г.— задача очень трудная, почти неосуществимая, даже если бы удалось оттѣснить непріятеля изъ нашихъ предѣловъ: мы получимъ обратно совершенно разоренный край..." [2], превышающій „всю территорію Англіи, Шотландіи и Ирландіи съ промышленнымъ и зажиточнымъ населеніемъ больше населенія Испаніи или Турціи. Здѣсь было сосредоточено до 40% всей нашей промышленности и до 12% всей нашей рельсовой сѣти" [3].

Эти указанія проф. Мигулина относятся, однако, лишь ко вліянію войны на обыкновенный бюджетъ 1916 г., который, какъ мы знаемъ, долженъ окончиться дефицитомъ, исчисленнымъ бюджетной комиссіей (тоже съ преуменьшеніемъ)[4] въ 377,1 м. р.

„Міровая война!" — восклицаетъ въ новогодней статьѣ проф. Мигулинъ. — „Это объясняетъ все и извиняетъ многое. Но у насъ вѣдь разсматривается только бюджетъ мирнаго, нормальнаго времени. Мы какъ бы хотимъ выяснить обществу наше финансовое положеніе, независимо отъ происходящихъ военныхъ событій. И вотъ въ этомъ свѣтѣ дефицитъ въ 400 м. р., куда не входятъ еще платежи по многимъ военнымъ займамъ, тяжесть которыхъ уже почувствуется въ 1916 г., представляется, конечно, устрашающимъ. Невольно рождается вопросъ: нельзя ли это устранить?.. Для устраненія дефицита министръ финансовъ разработалъ планъ преобразованія налоговъ. По этому плану, не считая доходовъ, вошедшихъ уже въ смѣту 1916 г., предположено получить еще около 300 м. р., т. е. приблизительно (?!) именно ту сумму, въ которой исчисленъ дефицитъ 1916 г. Правильны или нѣтъ расчеты министра — другой вопросъ, но, во всякомъ случаѣ, съ дефицитомъ въ 300—400 м. р. правительство берется справиться. Спрашивается, однако: а что же дальше? Опредѣлилъ ли министръ финансовъ, чѣмъ государство будетъ платить по своимъ военнымъ займамъ? Вѣдь для успѣшности этихъ займовъ такое опредѣленіе настоятельно необходимо. Никто не сомнѣвается, что государство будетъ платить по своимъ займамъ, но гдѣ оно возьметъ средства? Въ планѣ преобразованія налоговой системы министръ финансовъ этого не указываетъ. Налоговые источники имъ, повидимому, исчерпаны полностью, отношеніе къ монополіямъ нерѣшительное. Сопровождающія министерскій „планъ" записки о чайной торговлѣ, о спичечномъ дѣлѣ въ Россіи и о сахарной промышленности показываютъ довольно откровенно,

[1] См. № 43 „Нов. Экономиста" за 1915 г.
[2] См. № 38 „Нов. Эк.".
[3] См. № 1 „Нов. Эк." за 1916 г.
[4] См. ст. проф. М. Н. Соболева, въ № 133 „Фин. Газеты".

что отъ монополій многаго получить нельзя. Но, если такъ, если налоги исчерпаны, а монополіи или неосуществимы или безнадежны, то къ какому же выводу мы приходимъ?!!“ [1].

Въ цифрахъ, наши финансовыя перспективы рисуются такъ нашему офиціальному финансисту [2]. Во-1-хъ, надо замѣнить минусъ отъ винной монополіи въ 700 м. р. ежегодно. Во-2-хъ, „оплата займовъ, вызываемыхъ войной и ея ликвидаціей, должна потребовать въ ближайшемъ будущемъ ежегоднаго расхода не менѣе 1.200 м. р. Наконецъ, наименьшій размѣръ обезпеченія лицъ, пострадавшихъ на войнѣ и ихъ семействъ, составитъ ежегодно до 300—500 м. р. Итого, требуется изыскать новыхъ источниковъ госуд. доходовъ отъ 2.200 до 2.400 м. р.“ [3]. Министръ же финансовъ въ своемъ „планѣ“ предполагаетъ получить пока 860 м. р., изъ которыхъ 460 м. р. зачислены въ роспись 1916 г. Слѣдовательно, надо отыскать еще 1.340 м. р. новаго ежегоднаго дохода.

Какъ ни убѣдительны расчеты проф. Мигулина по существу дѣла, какъ ни авторитетны они въ виду его знаній и высокаго офиціальнаго положенія, все же они преуменьшаютъ величину предстоящихъ расходовъ. Это легко замѣтить изъ опубликованной уже части доклада бюджетной комиссіи Г. Думы [4]. Послѣдняя внесла на платежи по государственнымъ займамъ въ 1916 г. около 635 мил. рублей и подсчитала, что въ 1917 г. „этотъ кредитъ окажется выше занесеннаго въ роспись на 1916 г. на сумму около 1.113 мил. руб.“ Кромѣ того, — продолжаетъ бюджетная комиссія, — понадобятся еще „около 300 м. р. въ годъ также на обязательные расходы по оплатѣ пенсій и пособій и по содержанію инвалидовъ; затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ придется затрачивать средства на возобновленіе боевыхъ запасовъ, на возстановленіе нарушеннаго матеріальнаго желѣзнодорожнаго и прочаго имущества, выдавать вознагражденіе частнымъ лицамъ за утраченное ими имущество, оказывать денежную помощь городамъ и земствамъ, а также жителямъ въ разоренныхъ непріятелемъ мѣстностяхъ для возстановленія ихъ жилищъ и хозяйствъ, на что въ теченіе ряда лѣтъ потребуется въ совокупности едва ли менѣе, чѣмъ по 650 мил. руб. ежегодно. Въ общемъ, насчитывается новыхъ расходовъ противъ 1916 г. на 2.063 м. р.“ Но и это не все.

Вслѣдствіе войны оказались наиболѣе сжатыми за 2 послѣднихъ года кредиты на культурно-просвѣтительныя надобности. Бюджетная комиссія произвела необходимый подсчетъ, въ результатѣ котораго оказалось, что, если бы мы пожелали привести эти „назначенія къ прежнему уровню и возмѣстить

---

[1] См. № 1 Нов. Эк. за 1916 г.

[2] См. № 48 „Нов. Эк.“ за 1915 г.

[3] Проф М. И. Фридманъ оцѣнивалъ этотъ дефицитъ въ № 28 „Пром. и Торговли“ нѣсколько ниже, а именно отъ $1^1/_2$ до 2 милліардовъ.

[4] См. № 3 „Нов. Экономиста“ за 1916 г.

единовременно недоданное, слѣдовало бы отпустить въ 1917 г. болѣе чѣмъ въ 1916 году около 1.690,4 мил. руб." Съ этой послѣдней цифрой бюджетъ всѣхъ расходовъ 1917 г. долженъ будетъ увеличиться на 3.753,4. Слѣдовательно, тогда нужно уже будетъ найти источники для новаго дохода минимумъ въ 3 съ лишнимъ милліарда рублей, это всѣми пишущими и говорящими признается при данныхъ условіяхъ невозможнымъ. Отсюда — признаніе неизбѣжности въ ближайшіе годы дефицитовъ и при томъ очень крупныхъ, что и видно изъ предыдущихъ цифръ[1]. „Мы должны, — говорилъ недавно проф. В. Н. Твердохлѣбовъ, — примириться съ мыслью, что никакими финансовыми мѣропріятіями не удастся справиться съ колоссальными дефицитами предстоящихъ лѣтъ, вслѣдствіе чего центръ тяжести долженъ быть перенесенъ на разработку экономическаго плана[2].

Къ выработкѣ послѣдняго министерство финансовъ только что приступило, такъ что оцѣнка его пока невозможна. Экономическій планъ привѣтствуется всѣми, но cum granu salis. Такъ, помощникъ редактора офиціальныхъ изданій министерства финансовъ, проф. М. И. Боголѣповъ, говорилъ при обсужденіи одного доклада А. И. Шингарева:

„Наше отечество находится наканунѣ того положенія, когда требуются колоссальныя средства для покрытія неотложныхъ расходовъ. Между тѣмъ, экономическій планъ разсчитанъ на десятилѣтія и требуетъ затраты крупныхъ средствъ; послѣднія не представляется возможнымъ изыскать въ виду дефицитности цѣлаго ряда ближайшихъ лѣтъ. Поэтому намъ и необходимъ опредѣленный, хорошо продуманный финансовый планъ, и бюджетъ каждаго года долженъ служить выполненіемъ какой-либо части этого плана"[3].

Однако, какъ писалъ въ то же время по поводу налоговой записки г. П. Л. Барка проф. М. Курчинскій, „такого вполнѣ разработаннаго плана передъ нами не имѣется: предполагается, какъ это кѣмъ-то было замѣчено, не финансовый, въ болѣе широкомъ смыслѣ, а налоговый планъ, да и этотъ носитъ на себѣ характеръ несомнѣнной спѣшности и нѣкоторой случайности[4]. Итакъ, одни предпочитаютъ финансовый планъ въ виду отсутствія средствъ для экономическаго и медленныхъ результатовъ дѣйствія послѣдняго; другіе — экономическій планъ въ виду того, что финансовый не можетъ дать средствъ, достаточныхъ даже для покрытія дефицитовъ.

Пессимисты на страницахъ „Промышленности и Торговли" отмѣчаютъ, кромѣ приведенныхъ выше со словъ проф. Мигулина и другихъ, и рядъ другихъ доводовъ въ пользу того, что надо что-нибудь дѣлать[5].

---

[1] См. перед. ст. въ № 14 „Русск. Вѣд." за 1916 г.

[2] См. № 101 „Фин. Газ." за 1915 г. Такого же мнѣнія г. А. А. Бубликовъ (№ 126 „Фин. Газ." за 1916 г.) и др.

[3] № 101 „Фин. Газеты".

[4] № 101 „Фин. Газеты".

[5] См. № 23 журнала за 1915 г.

„Постоянные выпуски бумажныхъ денегъ, — говорятъ они, — взвинчиваютъ цѣны; дорожаютъ товары, пріобрѣтаемые для арміи, приходится для увеличивающихся военныхъ расходовъ выпускать бумажныхъ денегъ все больше и больше и въ результатѣ цѣны растутъ въ геометрической прогрессіи... Каждый вновь призываемый солдатъ ложится новымъ бременемъ на государственный бюджетъ; съ каждымъ призывомъ сжимается производственно-техническій аппаратъ. Производительность важнѣйшихъ отраслей промышленности падаетъ. Сократилась добыча каменнаго угля, выплавка чугуна. Падаетъ добыча золота. Государственный Банкъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы привлечь въ свои кассы оставшееся въ обращеніи золото. Одна за другой сокращаются и хирѣютъ неработающія на войну отрасли промышленности... Непріятель внесъ дезорганизацію въ дѣло снабженія населенія продовольствіемъ... Приходится страдать отъ голода и холода въ странѣ, располагающей огромными запасами сырья. А что въ будущемъ? Мы не повторимъ недавней фразы Гельфериха: „не мы, а тѣ, кто вызвалъ эту войну, должны будутъ влачить свинцовый грузъ этихъ милліардовъ“, ибо полное истощеніе противника устраняетъ возможность полученія даже ничтожной контрибуціи. Бумажная валюта воцарится надолго, а съ ней вся хозяйственная жизнь пріобрѣтаетъ нездоровый спекулятивный характеръ... Неустойчивый характеръ валюты будетъ еще обостряться пассивностью разсчетнаго баланса. Сжавшаяся промышленность едва ли сможетъ поглотить возвратившуюся съ войны рабочую армію. Неизбѣжная острая конкуренція между рабочими вызоветъ паденіе заработной платы. Если вмѣстѣ съ тѣмъ, государственный спросъ, поддерживающій промышленность, сразу оборвется, намъ грозятъ промышленный застой и безработица. Война поглотитъ всѣ свободные капиталы, что явствуетъ хотя бы изъ того, что израсходованная за годъ войны воюющими державами сумма превышаетъ въ 5—7 разъ сумму ежегодной міровой эмиссіи цѣнныхъ бумагъ. Вызываемое войной истребленіе капиталовъ всегда приводитъ къ вздорожанію кредита, а нынѣшняя военная катастрофа, несомнѣнно, породитъ особенно сильный ростъ учетныхъ ставокъ, которыя и до войны достигли весьма высокаго уровня. Дороговизна кредита будетъ задерживать процессъ оживленія промышленности послѣ перенесеннаго разгрома.

Еще большимъ препятствіемъ на пути промышленнаго подъема будетъ сѣть налоговъ, которая опутаетъ со всѣхъ сторонъ народное хозяйство. Насъ ждетъ впереди налоговая безпощадность“.

Кажется, единственнымъ нынѣ оптимистомъ оказался у насъ М. И. Туганъ-Барановскій, который высказалъ по интересующему насъ вопросу рядъ такихъ соображеній: [1]

„Вообще хозяйственное разстройство, созданное войной, такъ грандіозно, что не можетъ не внушать тревожныхъ опасеній. Многіе думаютъ, что именно на этой почвѣ и возникнетъ хозяйственный упадокъ Европы, которымъ воспользуются страны, оставшіяся внѣ войны и, прежде всего Америка. Среди нѣмецкихъ соціалъ-демократовъ, менѣе зараженныхъ шовинизмомъ, именно эти соображенія пускаются въ ходъ, какъ аргументъ въ пользу мира.

Мнѣ кажется, что обычное представленіе о трудности возстановленія хозяйственныхъ силъ послѣ войны основано на неправильномъ представленіи о строѣ капиталистическаго хозяйства.

---

[1] Сравн. ст. М. Боголѣпова въ № 300 „Торг. Пр. Газ.“ за 1915 г., ст. г. Л. Рафаиловича въ № 5 „Вѣстника Финансовъ“ за 1915 г. и нашу рецензію на книжку І. М. Гольдштейна въ настоящемъ номерѣ журнала.

Какъ уничтоженный градомъ посѣвъ не можетъ помѣшать тому, чтобы на томъ же полѣ въ слѣдующемъ году была собрана обильная жатва, такъ и въ народномъ хозяйствѣ Европы расширеніе производства съ избыткомъ покроетъ всѣ затраты и убытки, связанные съ войной. Порукой въ этомъ — опытъ предшествовавшихъ войнъ. На эту живительную силу капиталистическаго хозяйства указывалъ еще Милль, объясняя ею тотъ подъемъ промышленности, который послѣдовалъ послѣ столь опустошительныхъ наполеоновскихъ войнъ“ [1].

Противъ такого легкомысленнаго оптимизма возмутилась даже „Промышленность и Торговля“ [2]. „Конечно, — говоритъ она, — если разсматривать экономическія послѣдствія войны „съ точки зрѣнія вѣчности“, можно согласиться съ проф. Туганъ-Барановскимъ и увѣровать въ то, что, въ концѣ концовъ, „все образуется“. Но, если не заглядывать слишкомъ далеко въ будущее и ограничиться анализомъ возможныхъ результатовъ войны въ ближайшіе годы, то придется признать правоту... г. Туганъ-Барановскаго, который въ другой статьѣ рисуетъ картину, вполнѣ аналогичную той, какая представлена нами читателю. Замѣтимъ, мимоходомъ, что гг. Туганъ-Барановскому и Соболеву вмѣсто ссылокъ на Милля лучше бы обратиться къ поправкамъ, внесеннымъ въ его разсужденія Н. Г. Чернышевскимъ.

Мы могли бы привести еще безконечное количество самыхъ яркихъ описаній современнаго положенія нашего государственнаго хозяйства, безконечное количество доводовъ въ пользу самыхъ рѣшительныхъ мѣропріятій. Но едва ли это необходимо послѣ всего сказаннаго выше.

II.

Обратимся теперь къ изученію положительнаго творчества—мнѣній и проектовъ выхода изъ затрудненій. Финансовый планъ г. Барка извѣстенъ намъ по декабрьской книжкѣ „Лѣтописи“. Общее мнѣніе почти всѣхъ писавшихъ и высказавшихся о немъ таково, что онъ совершенно недостаточенъ съ количественной точки зрѣнія, что признается и въ офиціальной прессѣ [3] и плохъ съ качественной. Въ самомъ дѣлѣ, какъ видно изъ цифръ цитированной выше записки г. Барка о преобразованіи нашей налоговой системы [4], новый добавочный доходъ ожидается въ такомъ размѣрѣ:

Прямые налоги	210,3	милл.	руб.
Въ томъ числѣ подоходный.	75	„	„
Пошлины	64,8	„	„
Косвенные налоги (акцизы)	361,2	„	„
Таможенные налоги	23,0	„	„
Почтовый доходъ	27,5	„	„
Желѣзнодорожный доходъ	177,0	„	„
Всего .	863,3	„	„

[1] См. Рѣчь, № 352 за 1915 г.
[2] См № 1 за 1916 г.
[3] См. № 25 „Торг.-Пром. Газеты“, за 1916 г.
[4] См. № 49 „Вѣстн. Финансовъ“ за 1915 г.

Эта сумма покрываетъ только ущербъ отъ винной монополіи, но ничего не даетъ для покрытія $1^1/_2$ — 2 милліарднаго расхода по уплатѣ процентовъ и ликвидаціи войны. Что касается качественной оцѣнки этого плана, то центръ тяжести его оказался, главнымъ образомъ, въ увеличеніи косвеннаго обложенія на 384,2 м. р. (361,2 + 23,0) и, вообще, налоговъ на расходъ на 588,7 м. р. (384,2 + 27,5 + 177,0). Между тѣмъ подоходный налогъ фигурируетъ въ планѣ весьма скромной цифрой въ 75 мил. руб. При желаніи же отъ него можно получить и 235—250 м. р. Война произвела перераспредѣленіе цѣнностей и доходовъ въ сторону дальнѣйшей концентраціи ихъ въ рукахъ наиболѣе богатыхъ лицъ.

Въ виду новыхъ огромныхъ расходовъ и отсутствія средствъ, мысль невольно обращается прежде всего къ тому, нельзя ли какъ-нибудь сократить расходы. „Что разумная экономія въ расходахъ, напр., въ государственныхъ предпріятіяхъ, должна имѣть мѣсто, — пишутъ „Русскія Вѣдомости", — съ этимъ согласится всякій. Но было бы ошибкой разумѣть подъ экономіей сокращеніе расходовъ на культурныя нужды. Такая политика была бы узко-казначейской, а не государственной. Характеръ этой узко-казначейской политики извѣстенъ Россіи болѣе, чѣмъ какой-либо другой странѣ. Плоды ея намъ также извѣстны"[1]. Итакъ, культурные расходы сокращать нельзя, ибо это значило бы подрубать тотъ сукъ, на которомъ покоится государственное хозяйство. Пагубность сокращенія этихъ расходовъ была недавно засвидѣтельствована высокоавторитетнымъ совѣщаніемъ высшихъ представителей правительственной власти по вопросамъ современнаго финансоваго положенія имперіи, состоявшимся въ первой половинѣ января[2].

Однако, у насъ всегда такъ случалось, что сокращенія обрушивались на культурно-производительные расходы, и пока нѣтъ объективной гарантіи, что этого не будетъ и впредь. Все это вызываетъ естественныя опасенія у тѣхъ, кто слышитъ о какомъ-либо сокращеніи расходовъ[3]. Но есть и другіе расходы непроизводительные, или малопроизводительные которые, при желаніи можно было бы сокращать. Вотъ, что писалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ по этому поводу одинъ чиновникъ особыхъ порученій 5 класса при министрѣ финансовъ, нынѣ помощникъ редактора періодическихъ изданій министерства:

„каждый почти государственный расходъ связанъ со „штатомъ" и съ живымъ человѣкомъ. Недаромъ министръ финансовъ въ первой Думѣ

---

[1] См. № 14 за 1916 г.

[2] См. отчетъ о немъ въ № 11 „Русск. Вѣд." за 1916 г. и передовую въ № 14.

[3] Ср. мнѣніе „Утро Россіи" объ отсрочкѣ реформъ за недостаткомъ средствъ, цит. въ № 32 „Пр. и Торг." за 1915 г.

категорически заявлялъ, что сократить государственные расходы весьма затруднительно, почти немыслимо. Это понятно: государственные расходы отражаютъ на себѣ систему устройства административнаго аппарата; часто нѣкоторые органы этого аппарата существуютъ только потому, что существуютъ государственные доходы и возможность ихъ расходовать. Если при вотированіи бюджета Дума будетъ усѣкать расходы, то ей придется рѣзать по живому мясу. Ст. 8-я бюджетныхъ правилъ и гарантируетъ всероссійскую бюрократію отъ этой вивисекціи... Конечно, Дума можетъ заняться вивисекціей въ другой формѣ, предпринявъ широкія административныя реформы, но, какъ показалъ опытъ первой Думы, намѣренія народнаго представительства не всегда приближаются къ исполненію [1].

Итакъ, при наличности 8-й статьи и, вообще, нашихъ бюджетныхъ правилъ о серьезномъ сокращеніи ненужныхъ расходовъ говорить не приходится. Но допустимъ на минуту, что законодательныя учрежденія и правительство пришли бы къ соглашенію насчетъ необходимаго измѣненія бюджетныхъ правилъ. Тогда можно было бы съэкономить сотню-другую милліоновъ рублей, что, однако, финансовой проблемы не рѣшаетъ. Единственно, что могло бы ее почти рѣшить, это прекращеніе послѣ войны военно-морскихъ расходовъ. Но не пойдетъ же на это отвѣтственное министерство изъ членовъ редакціи „Рѣчи“... При такихъ условіяхъ говорить о сокращеніи расходовъ, какъ о выходѣ изъ положенія, совершенно невозможно.

Какія же мѣры рекомендуются для увеличенія доходовъ казны? Больше всего ожиданій возлагается на **монополіи**, вообще, и въ частности на монополіи торговыя (по сбыту); при этомъ подразумѣвается монополизація прежде всего оптовой торговли съ болѣе или менѣе выраженнымъ фискальнымъ характеромъ. Такъ, бюджетной комиссіей и отдѣльными ея членами выдвигались вопросы о введеніи различныхъ монополій, главнымъ образомъ, по сбыту, а именно: по сахару, чаю, кофе, спичкамъ, табаку, аптечнымъ продуктамъ, керосину, каменному углю, платинѣ, лѣсу, страхованію и водной энергіи; такимъ образомъ, съ добавленіемъ существующей монополіи на спиртъ, составилось бы 13 государственныхъ монополій“. „Носомнѣнно пріемлемыми и желательными“ казались въ бюджетной комиссіи только 7 изъ нихъ: по сахару, спичкамъ, табаку, платинѣ, лѣсу, страхованію и водной энергіи. „Затѣмъ было высказано пожеланіе о разработкѣ и возможномъ примѣненіи также и другого пріема, избавляющаго въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ введенія монополій, а именно, чтобы правительство разработало вопросъ о возможности долевого участія казны въ промышленныхъ предпріятіяхъ, имѣющихъ въ виду производство продуктовъ широкаго потребленія или ввозимыхъ до сихъ поръ изъ-за границы“. „Но какъ бы то ни было, —

[1] См. М. И. Боголѣповъ, „Финансы, правит. и общ. интересы“ стр. 74.

говоритъ бюджетная комиссія, — всѣ эти вопросы находятся пока или въ области предположеній, или же въ первоначальной стадіи собиранія матеріаловъ". Даже первоначальныя предположенія министра финансовъ „обѣщаютъ новыхъ, не учтенныхъ еще по росписи на 1916 г. доходовъ не болѣе, чѣмъ на 250 м. р..." „но изъ нихъ, — говоритъ докладъ бюджетной комиссіи, — судя по движенію этихъ дѣлъ и современному ихъ положенію, едва ли не $^2/_3$ намѣченнаго дохода уже потеряны для бюджета 1916 г.". Медлительностью въ дѣлѣ введенія монополій особенно возмущается проф. Мигулинъ; по его мнѣнію, министерство финансовъ вмѣсто того, чтобы производить финансовые отчеты съ введеніемъ ихъ, подобно тому, какъ это сдѣлалъ нѣкогда съ постепеннымъ введеніемъ по губерніямъ винной монополіи Витте, пишетъ „цѣлыя изслѣдованія... о состояніи чайной торговли, спичечной промышленности, сахарной промышленности въ Россіи, чайномъ дѣлѣ въ Закавказьѣ... Полезныя, интересныя изданія. Но гдѣ же проекты монополій, которые желала видѣть Г. Дума? Ихъ нѣтъ... Прошелъ годъ (съ января 1915 г.). Вопросъ не двинулся съ мѣста" [1].

Немудренно, что при такомъ кунктаторствѣ министру финансовъ пришлось уже внести проектъ займа на покрытіе дефицита по обыкновенному бюджету 1916 г. уже на сумму 471 м. р. [2], при чемъ другіе 246 м. р. дефицита, какъ мы знаемъ, предположено покрыть за счетъ займовъ, питающихъ военный фондъ. Разница будетъ лишь въ томъ, что первый заемъ будетъ заключенъ при посредствѣ законодательныхъ учрежденій, а военные заключаются помимо ихъ. Кунктаторство г. Барка — невыгодно для казны, но пріятно для той части буржуазіи, которая не хочетъ платить повышенныхъ налоговъ, предпочитая давать казнѣ взаймы. Монополіи же для хозяевъ, подлежащихъ огосударствленію отраслей торговли и промышленности, конечно, еще непріятнѣй, чѣмъ новые налоги: вѣдь и самый высокій налогъ на доходъ или на прибыль выгоднѣй, чѣмъ полное присвоеніе государствомъ этой прибыли. Отсюда видно, между какими могущественными интересами приходится лавировать г. Барку. До сихъ поръ наша бюрократія лавировала между ходатайствами совѣта объединеннаго дворянства, значеніе котораго нѣсколько упало, и совѣта съѣздовъ объединенныхъ торговли и промышленности. Это классовыя организаціи, но онѣ доселѣ охватывали только „верхи" своего класса. Нынѣ же предполагается поставить ихъ на болѣе широкій и прочный фундаментъ.

Какъ сообщаетъ „Дѣловая Россія", уже близко осуществленіе одной изъ нихъ (новыхъ „партій") — аграрной. Во главѣ ея называютъ членовъ Г. Совѣта князя Оболенскаго и Охотникова. Правооктябристская

[1] См. № 1 „Нов. Эк." за 1916 г.

[2] „Рѣчь", № 35.

по политическимъ воззрѣніямъ, эта партія въ экономическомъ вопросѣ будетъ отстаивать низкія пошлины или даже отмѣну ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ на готовые продукты фабрично-заводскаго производства, отмѣну таксъ (постановленіе въ этомъ смыслѣ особаго совѣщанія по борьбѣ съ дороговизной — показатель) на предметы первой необходимости, введеніе монополій, повышенные налоги для промышленности. Въ противовѣсъ этимъ вожделѣніямъ промышленники, въ лицѣ В. Жуковскаго и москвичей, выдвигаютъ новую политическую группировку, которая въ экономической области будетъ отстаивать усиленный протекціонизмъ. Борьбой этихъ группъ будетъ окрашена разработка экономическихъ реформъ ближайшаго будущаго [1].

Разъ это такъ, то не только г. Баркъ, но и всякій на его мѣстѣ семь разъ отмѣритъ, прежде чѣмъ разъ отрѣзать. Существующія и намѣчающіяся у насъ спеціально политическія организаціи прекрасно объясняютъ, кромѣ того, почему популярны тѣ, а не другія финансово-экономическія предложенія, и почему, сколько ни подсчитываютъ возможную выручку отъ нѣкоторыхъ налоговъ, никакъ не могутъ подсчитать, сколько же они дадутъ на самомъ дѣлѣ.

Причина популярности монополіи въ бюджетной комиссіи, Г. Думѣ и Г. Совѣтѣ — это сильное представительство въ нихъ аграрныхъ интересовъ. Тѣ же интересы объясняютъ популярность въ этой средѣ законопроекта объ обложеніи военныхъ прибылей съ промышленниковъ и торговцевъ. Наконецъ, рѣзко отрицательное отношеніе нашихъ аграріевъ къ подоходному обложенію объясняется крайне низкимъ у насъ поземельнымъ налогомъ [2]. И вотъ, въ то время, какъ въ Зап. Европѣ за подоходный налогъ, допускающій вычетъ долговъ, выступали землевладѣльцы, земли которыхъ были высоко обложены, такъ что подоходный налогъ представлялся имъ меньшимъ зломъ, — у насъ за него выступаютъ промышленники, чтобы хоть какъ-нибудь добиться обложенія постояннаго землевладѣнія и воспрепятствовать и безъ того высокому обложенію промышленности. Но, конечно, тѣ и другіе объединены нежеланіемъ платить высокій подоходный налогъ. Поэтому ставки его низки и выручка ожидается въ весьма скромныхъ размѣрахъ — около 70 м. р.

Вопросъ о монополіяхъ обсуждался, главнымъ образомъ, на первомъ засѣданіи, гдѣ противъ нихъ ратовали представители промышленности. Такъ, г. фонъ-Дитмаръ доказывалъ, напр., что „государственный соціализмъ можетъ быть особенно опасенъ въ тотъ моментъ, когда необходимо стремиться къ поощренію частной иниціативы въ промышленности, а не къ ея подо-

[1] См. № 2 (54).

[2] Это офиціально признано министромъ финансовъ въ мотивахъ ко введенію подоходнаго налога, долженствующаго, по его указанію, „пріобщить къ несенію податного бремени... такіе классы и профессіи, которые до сихъ поръ или вовсе не несли прямого обложенія, или же были затронуты имъ въ самой слабой степени".

вленію“[1]. Представители же Г. Думы, наоборотъ, упрекали министерство финансовъ, что оно остановилось лишь на малодоходныхъ монополіяхъ, какъ чайная, сахарная, спичечная и оставило безъ разсмотрѣнія такія крупныя, какъ нефтяную и страховую. Однако, насколько всѣ эти сужденія о возможной выручкѣ отъ той или другой монополіи проблематичны, легко увидѣть изъ слѣдующихъ мнѣній спеціалистовъ. По мнѣнію проф. Мигулина, отъ малодоходныхъ — чайной, сахарной и спичечной монополіи плюсъ отъ торговли кофе и виноградным виномъ можно получить „въ ближайшемъ будущемъ около 400 м. р. чистаго дохода, не считая нынѣшняго акциза“[2]. Въ частности отъ одной только сахарной и чайной монополіи тотъ же апологетъ ихъ ожидаетъ до 200 м. р. ежегодно сверхъ тѣхъ суммъ, которыя даетъ нынѣ обложеніе чая и сахара“[3]. Отъ кофейной онъ ожидаетъ до 10—15 м. р. новаго дохода. Про страховую монополію, на которую въ думскихъ кругахъ и особенно въ средѣ правыхъ возлагаютъ столько финансовыхъ надеждъ, проф. Мигулинъ говоритъ, что „финансовое значеніе ея невелико“, но она „должна быть осуществлена въ цѣляхъ спеціальныхъ“ (тамъ же). А вотъ проф. М. Н. Соболевъ пишетъ о сахарной, чайной, спичечной и табачной, нефтяной и страховой монополіяхъ слѣдующее: „каждая изъ нихъ, въ лучшемъ случаѣ, могла бы дать 30—50 мил., т. е. если бы даже вообразить себѣ осуществленіе всѣхъ предложенныхъ монополій, то мы получили бы всего на всего 200—250 м. р., т. е. совершенно не покрыли-бы образовавшагося въ обыкновенномъ бюджетѣ дефицита“. Въ частности, возможный новый доходъ даже отъ табачной монополіи, рисуется проф. Соболеву примѣрно въ 3—4 м. р.[4]. Кто правъ въ этихъ расчетахъ, мы сейчасъ разбирать не будемъ, но надо отмѣтить, что на такихъ расчетахъ никакихъ реформъ въ бюджетѣ не построишь. Кто изъ нашихъ ученыхъ стоитъ за монополіи, и кто противъ нихъ и почему — объ этомъ удобнѣе говорить при чисто академическомъ анализѣ значенія монополій. Пока же констатируемъ фактъ о невозможности покрытія дефицита въ бюджетѣ новыми доходами отъ монополій, по крайней мѣрѣ, въ ближайшіе годы, даже при самыхъ оптимистическихъ подсчетахъ и всесторонняго нажима податного винта при помощи тяжкаго груза остальныхъ упоминавшихся налоговъ.

Приходится поэтому подумать, какъ скорѣй развить производительныя силы страны какими-либо мѣрами экономической политики, поджидая, когда результаты этой политики начнутъ

---

[1] „Русск. Вѣд.“ № 26.

[2] „Нов. Эк.“ № 48, 1915.

[3] № 2 „Нов. Эк.“ за 1916 г.

[4] См. сборникъ „Вопросы фин. реформы въ Россіи“ подъ ред. проф. В. Я. Желѣзнова.

возвращать сторицей въ государственное казначейство. — Здѣсь мысль всѣхъ обращается прежде всего къ оборудованію страны рельсовыми, водными, шоссейными, гужевыми, подъѣздными путями, а также къ оборудованію торговыхъ морскихъ портовъ и рѣчныхъ пристаней. Какъ ни много обѣщаетъ дать такое оборудованіе для развитія производительныхъ силъ, какъ ни жестоко платимся мы сейчасъ за экономію на нихъ въ прошломъ, однако, сооруженіе всѣхъ упомянутыхъ путей обѣщаетъ много существеннаго для рѣшенія финансовой проблемы только въ будущемъ. Въ настоящемъ же только осложняетъ ее, ибо эти пути требуютъ прежде всего милліардныхъ расходовъ и займовъ, если строить ихъ за счетъ казны. Частное же желѣзнодорожное строительство на тѣхъ основаніяхъ, какъ оно велось до сихъ поръ, было въ концѣ концовъ слишкомъ убыточно для казны и грозитъ ей еще большими жертвами, порождая невѣроятную вакханалію аппетитовъ...

Объединенный капиталъ, апологеты и адепты его (и до войны) и сейчасъ высказываются за постройку новыхъ дорогъ частными обществами и противъ выкупа ихъ въ казну, они не прочь, чтобы и существующія казенныя дороги были распроданы имъ[1].

Объединенный капиталъ ставитъ, однако, вопросъ о той или иной формѣ хозяйства шире: не казенныя или частныя жел. дороги, а, вообще, казенное или частное хозяйство? — и рѣшаетъ его, естественно, въ пользу частнаго хозяйства. И у органа этого капитала „Промышленность и Торговля“ готовъ уже рецептъ для спасенія страны. Вотъ онъ: „русское государство является владѣльцемъ огромныхъ земельныхъ пространствъ, лѣсовъ, нефтеносныхъ земель, рудныхъ богатствъ. Но въ виду того, что государство не сумѣло до сего времени надлежащимъ образомъ справиться съ огромной задачей раціональной эксплоатаціи казенныхъ доменовъ и что желательно привлечь къ рѣшенію ея частную предпріимчивость, отъ части этихъ колоссальныхъ богатствъ можно было бы отказаться по примѣру западныхъ европейскихъ странъ ... первой половины XIX вѣка“. Итакъ, объединенный капиталъ полагаетъ, что, если избу государственнаго хозяйства растащить по бревнышкамъ, то „національная задача“ будетъ достигнута... Да, въ первой половинѣ XIX вѣка такъ и поступали, но въ первой половинѣ XX вѣка дѣлаютъ наоборотъ и не безъ основанія. Любопытно, что почти такое же рѣшеніе части финансовой проблемы предлагалъ въ преніяхъ по докладу А. И. Шингарева о росписи на 1916 г. новый государственный контролеръ Н. Н. Покровскій, который говорилъ: „Необходимо приступить, подобно правительству Соед. Штатовъ, къ планомѣрному отчужденію этихъ имуществъ лицамъ, хотя бы иностраннаго происхожденія, располагающимъ

[1] Статей въ этомъ родѣ масса на стр. „Промышленности и торговли“, „Торговопромышленнаго юга“, „Утра Россіи“, „Финансовой Газеты“ и другихъ органовъ капитала.

достаточнымъ капиталомъ“ [1]. Нужна ли болѣе яркая иллюстрація тѣснаго единенія и сердечнаго попеченія? Не устоять передъ такими патріотическими порывами нашимъ національнымъ богатствамъ!

Что касается остальныхъ налоговъ, проектируемыхъ г. Баркомъ, — вплоть до юмористическаго на патоку, — то о нихъ можно не говорить въ виду ничтожности ожидаемой отъ нихъ выручки. Налоги же на приростъ цѣнности, общепомущественный и хорошій наслѣдственный встрѣтятъ то же противодѣйствіе, что и общеподоходный. Защитники ихъ, изъ рядовъ академическихъ, подчеркиваютъ больше принципіальное значеніе ихъ какъ краеугольнаго камня хорошей реформы доходнаго бюджета, чѣмъ финансовое. Редакція „Финансовой Газеты“ идетъ, пожалуй, дальше всѣхъ, когда пишетъ, что „платежеспособность страны при нынѣшнемъ состояніи народнаго хозяйства не безгранична и можно, пожалуй, считать, что для удовлетворенія всѣхъ потребностей использованіе для фискальныхъ цѣлей наличныхъ доходовъ страны было бы недостаточно, и возникла бы необходимость растраты части національныхъ капиталовъ, народнаго имущества [2].

Какъ бы то ни было положеніе настолько тяжело, что одновременно и въ правительственныхъ и въ промышленныхъ кругахъ были выдвинуты проекты учрежденія особаго экономическаго совѣщанія для обсужденія основъ ближайшей финансово-экономической политики. Совѣтъ министровъ еще при Горемыкинѣ придумалъ для этого совѣщаніе изъ пяти министровъ, а совѣтъ съѣздовъ предложилъ учрежденіе совѣщанія въ законодательномъ порядкѣ подъ предсѣдательствомъ особаго лица, (но тоже типа правительственной комиссіи), вродѣ комиссіи, бывшей подъ предсѣдательствомъ гр. С. Ю. Витте. Но оба эти проекта обозначали бы похороны дѣла по 1-му разряду [3]. Потому „Русскія Вѣдомости“ находятъ „единственно правильнымъ учрежденіе экономическаго совѣщанія въ видѣ парламентской комиссіи по типу англійскихъ парламентскихъ комиссій“ съ тѣмъ, чтобы работа комиссій проходила въ сотрудничествѣ съ представителями правительства, но руководство работой оставалось „въ рукахъ выборныхъ членовъ законодательныхъ палатъ“ [4].

Поживемъ — увидимъ, что выйдетъ изъ новыхъ перемѣщеній все тѣхъ же музыкантовъ все того же квартета.

А. Никитскій.

---

[1] „Фин. Газ.“ № 97 за 1915 г. „Разумѣется, — прибавилъ Н. Н. Покровскій, — это мѣропріятіе должно быть осуществлено планомѣрно, чтобы не создавать новаго вопроса о засильѣ со стороны кого бы то ни было“. Продажу американцамъ предлагаетъ и членъ Г. Сов. В. І. Гурко (№ 126 „Фин. Газ.“).

[2] См. № 111.

[3] См. № 11 за 1916 г.

[4] См. № 11 за 1916 г.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

АНГЛІЙСКІЯ ДѢЛА.

Въ исторіи Англіи рубежъ 1915 и 1916 гг. будетъ, несомнѣнно, отмѣченъ какъ поворотный пунктъ исключительнаго значенія.

Англія, давно уже освободившаяся отъ рекрутчины стараго типа (press-gang) и никогда не знавшая всеобщей воинской повинности современнаго образца, въ концѣ 1915 г. приступила къ военной реформѣ, пробивающей брешь въ исконной англійской системѣ набора добровольцевъ. 23-го декабря въ палатѣ общинъ предложенъ былъ Асквитомъ билль о принудительномъ внесеніи въ списки рекрутовъ всѣхъ не записавшихся до сихъ поръ добровольно холостыхъ мужчинъ въ возрастѣ отъ 18-ти лѣтъ до 41-го года. Сейчасъ билль принятъ парламентомъ, утвержденъ королемъ и съ 28-го января вступилъ уже въ силу.

Актъ о военной службѣ не имѣетъ принципіальнаго характера. Онъ не вводитъ въ Англіи воинской повинности не только вообще, но даже на время войны. Его дѣйствіе простирается только на время даннаго набора и на строго опредѣленную категорію лицъ. Если въ будущемъ году потребуется, положимъ, новый наборъ 18-лѣтнихъ, то ихъ уже нельзя будетъ взять, пользуясь настоящимъ актомъ; для этого набора придется издавать новый спеціальный законъ. Такимъ образомъ, актъ далеко не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ англійскихъ конскрипціонистовъ. Тѣмъ не менѣе въ немъ нельзя не видѣть ихъ крупную побѣду; какъ таковую привѣтствуетъ его и они сами. Актъ — какъ бы ни старались затушевывать эту сторону дѣла англійскіе либералы, — является признаніемъ невозможности выполненія широкихъ задачъ британскаго имперіализма съ одной только арміей добровольцевъ. А такъ какъ эти задачи не могутъ быть ни разрѣшены, ни сняты съ очереди войной, какъ бы успѣшна она ни была, такъ какъ правящія Англіей общественныя силы не желаютъ отказаться отъ ихъ разрѣшенія сейчасъ и, конечно, не откажутся отъ него и въ будущемъ, — то прецедентъ 1915—1916 гг. обѣщаетъ быть больше, чѣмъ только прецедентомъ, — онъ обѣщаетъ быть первымъ шагомъ на пути къ полной милитаризаціи Англіи.

Тотъ историческій періодъ, когда Англія могла осуществлять планы своей внѣшней политики, пользуясь своимъ островнымъ положеніемъ и могущественнымъ флотомъ, безъ большой постоянной

арміи, отошелъ въ прошлое. У Англіи появился соперникъ, для борьбы съ которымъ оказалось недостаточно старыхъ средствъ Британіи и силъ ея союзниковъ; Англія оказалась вынужденной принять самое дѣятельное участіе въ борьбѣ континентальной, — и эти новыя требованія жизни должны были положить конецъ ея былому исключительному положенію. Возвратъ къ нему былъ бы возможенъ лишь въ случаѣ полной, всесокрушающей побѣды; поскольку такая побѣда находится подъ сомнѣніемъ, постольку весьма сомнителенъ и отказъ Англіи отъ того пути, на который она вступила актомъ о военной службѣ.

Въ исторіи послѣднихъ стадій борьбы за конскрипцію еще много неяснаго. Формально билль Асквита связанъ непосредственно съ неудачей (противники конскрипціи отрицаютъ эту неудачу) послѣдняго опыта вербовки добровольцевъ, — такъ называемаго „опыта Дерби“. Подъ давленіемъ требованія военнаго министерства, а, можетъ быть, и министерства иностранныхъ дѣлъ, — кабинетъ Асквита далъ, повидимому, въ сентябрѣ еще обязательство прибѣгнуть къ системѣ принужденія, если желательныхъ результатовъ не удастся достигнуть къ извѣстному сроку путемъ усиленной и систематической агитаціи въ пользу записи добровольцевъ. Руководство этой агитаціей было поручено лорду Дерби, при чемъ записавшихся по „системѣ Дерби“ было рѣшено призывать въ первую очередь холостыхъ, а потомъ уже женатыхъ, по возрастнымъ классамъ, начиная съ младшихъ.

Въ ходѣ кампаніи Дерби Асквитомъ было затѣмъ дано, — уже отъ себя лично, — новое обязательство: до призыва женатыхъ онъ обѣщалъ призвать принудительно холостыхъ, если число холостыхъ, не записавшихся добровольно, окажется значительно. Такъ какъ число холостыхъ оказалось по, даннымъ Дерби, около 600.000, то Асквитъ въ силу обязательства счелъ необходимымъ внести въ парламентъ соотвѣтственный билль. Неопредѣленность и опрометчивость такихъ обязательствъ, съ точки зрѣнія антиконскрипціониста (а Асквитъ числился таковымъ до самаго послѣдняго момента), совершенно непонятна и невольно наводитъ на мысль, что вся исторія съ обязательствами была спеціально инсценирована, чтобы прикрыть отступленіе либеральной партіи. Дѣйствительные мотивы этого отступленія и его первые этапы уже отмѣчены нами выше. Въ послѣдніе мѣсяцы оно было, вѣроятно, еще ускорено повышенными требованіями готовящейся лѣтней кампаніи и настояніями союзниковъ. На колеблющихся членовъ правительства и на колеблющуюся часть либеральной партіи было, повидимому, оказано сильнѣйшее давленіе. Имъ угрожали и отставкой Ллойдъ-Джорджа, и обструкціей палаты лордовъ, которая, отклонивъ билль объ отсрочкѣ на 8 мѣсяцевъ роспуска парламента, могла вызвать немедленно общіе выборы; и общимъ министерскимъ кризисомъ, который неизбѣжно при-

велъ бы къ власти консерваторовъ и т. д. и т. д. Въ результатѣ, къ моменту внесенія билля въ парламентъ изъ всей либеральной партіи осталась лишь небольшая группа (около 30-ти человѣкъ), рѣшившая оказывать реформѣ сопротивленіе до конца. Во главѣ ея сталъ единственный министръ, отказавшійся послѣдовать за Асквитомъ, Д. Саймонъ. Около 60-ти либераловъ систематически воздерживалось отъ голосованія. Вся остальная масса либеральной партіи послушно пошла за кабинетомъ.

II.

При такихъ условіяхъ сколько-нибудь серьезной оппозиціи можно было ждать лишь отъ ирландцевъ и отъ рабочей партіи. Ирландцевъ правительство обезоружило, изъявъ Ирландію изъ сферы дѣйствія билля. Оставались, слѣдовательно, рабочіе.

Въ отношеніи англійскихъ рабочихъ къ вопросу о воинской повинности, казалось, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Не далѣе, какъ въ августѣ мѣсяцѣ британскій конгрессъ трэдъюніоновъ принялъ единогласно резолюцію, осуждающую агитацію въ пользу обязательной военной службы. Ораторы конгресса достаточно убѣдительно выяснили реакціонное значеніе проповѣдуемой консерваторами военной реформы. Реформа, по ихъ мнѣнію, весьма облегчила бы задачи соціальной реакціи какъ сейчасъ, такъ и по окончаніи войны. Сейчасъ она могла бы сыграть свою роль въ смыслѣ орудія „промышленнаго принужденія“, въ смыслѣ мощнаго средства давленія на рабочій классъ, — по окончаніи войны созданная реформой большая постоянная армія въ значительной степени измѣнила бы къ худшему общія условія соціальнаго развитія Англіи, усиливъ самымъ несомнѣннымъ образомъ позиціи господствующихъ классовъ. Въ послѣднемъ пунктѣ, какъ видимъ, рабочіе защищали одно изъ положеній старой либеральной теоріи.

Болѣе непосредственную тревогу вызываетъ въ рабочихъ кругахъ Англіи возможность использованія сейчасъ закона объ обязательной военной службѣ въ цѣляхъ „промышленнаго принужденія“. Война во многихъ отношеніяхъ ухудшила положеніе англійскаго рабочаго класса. Законодательство и практика военнаго времени стремятся, — и въ значительной мѣрѣ успѣли — ограничить его въ его средствахъ борьбы и защиты. Противодѣйствіе этимъ ограниченіямъ является задачей все болѣе трудной; законъ объ обязательной военной службѣ грозитъ понизить силу сопротивленія рабочихъ и тѣмъ самымъ понизить ихъ шансы въ борьбѣ съ наступающимъ государствомъ. Для уясненія этого необходимо припомнить нѣкоторыя особенности такъ называемаго Munitions Act и дѣятельности министерства снабженій, съ одной стороны, новаго закона о военной службы, съ другой.

Munitions Act — актъ о военныхъ снабженіяхъ — былъ изданъ въ началѣ іюля прошлаго года и регламентировалъ въ первую очередь дѣятельность тѣхъ производствъ, которыя работаютъ по изготовленію военныхъ матеріаловъ. Но важнѣйшія изъ его положеній могли быть простой прокламаціей короля распространены на всѣ предпріятія „національно-необходимыя".

Интересы рабочихъ затрагивали непосредственно три пункта акта: запрещеніе стачекъ и введеніе обязательнаго третейскаго суда; отмѣна правилъ, ограничивающихъ примѣненіе женскаго и необученнаго труда; стѣсненіе свободы перехода изъ одного предпріятія въ другое (актъ запрещалъ брать на работу рабочаго безъ удостовѣренія отъ предыдущаго предпринимателя или отъ подлежащихъ властей). Всѣ три пункта вызвали упорное противодѣйствіе со стороны рабочихъ и противодѣйствіе не безуспѣшное. Первый пунктъ представлялся особенно опаснымъ, тѣмъ болѣе что министерство, несмотря на общее повышеніе цѣнъ, высказалось въ послѣднее время противъ повышенія заработной платы и дало соотвѣтственныя инструкціи органамъ, выполняющимъ посредническія функціи.

Первой пришлось выступить на борьбу за право стачекъ самой сильной рабочей организаціи Англіи — федераціи углекоповъ. Угольная промышленность, въ которой шло броженіе на экономической почвѣ, было подчинено акту о военныхъ снабженіяхъ королевской прокламаціей. Но это не остановило стачки, и правительство было въ концѣ концовъ вынуждено взять свое распоряженіе обратно. Въ концѣ 1915 г. смягченія, если не отмѣны этого пункта, удалось добиться и рабочимъ, непосредственно занятымъ въ производствѣ военныхъ матеріаловъ. За ними было признано право стачки, если третейскій судъ не приведетъ къ разрѣшенію конфликта въ теченіе трехнедѣльнаго срока.

Упорную борьбу пришлось вести рабочимъ и противъ третьяго пункта; и здѣсь они достигли кое-какихъ уступокъ въ смыслѣ ограниченія произвола предпринимателей. Наконецъ, чуть было не вспыхнулъ рѣзкій конфликтъ между рабочими и правительствомъ изъ-за пункта второго. Вопросъ о „разжиженіи" труда, т. е. о замѣнѣ квалифицированныхъ рабочихъ неквалифицированными и мужчинъ женщинами, былъ поставленъ въ острой формѣ лишь въ концѣ 1915 г. Рабочіе соглашались на „разжиженіе", но при условіи своего участія въ надзорѣ за этимъ „разжиженіемъ", при условіи соблюденія извѣстныхъ выработанныхъ ими правилъ, которыя, по ихъ мнѣнію, до извѣстной степени гарантируютъ ихъ отъ возможныхъ вредныхъ послѣдствій допущенія необученнаго труда.

Въ концѣ концовъ правительство признало эти требованія справедливыми, — но только тогда, когда положеніе стало очень и очень напряженнымъ, только послѣ длительныхъ и слож-

ныхъ переговоровъ, принимавшихъ подчасъ очень острый характеръ и сопровождавшихся весьма бурными личными столкновеніями между рабочими и Ллойдъ-Джорджемъ, закрытіемъ рабочихъ газетъ и т. п.

Таковы сейчасъ условія существованія англійскаго рабочаго движенія. Нечего и говорить о томъ, что нормы Munitions Act'a до крайности осложняютъ и затрудняютъ борьбу рабочаго класса за сохраненіе достигнутаго имъ до войны уровня существованія. Только благодаря исключительной силѣ сопротивленія ему удается до извѣстной степени смягчать эти нормы.

Итакъ, отрицательное отношеніе рабочаго класса къ биллю о военной службѣ приходится считать, съ извѣстной точки зрѣнія, достаточно обоснованнымъ. И спеціальная рабочая конференція, собравшаяся для обсужденія правительственнаго проекта въ концѣ декабря 1915 г., вновь и самымъ категорическимъ образомъ засвидѣтельствовала рѣшимость рабочихъ бороться противъ военной реформы. Резолюція противъ билля была принята подавляющимъ большинствомъ голосовъ — 1.998.000 противъ 783.000. Непосредственнымъ послѣдствіемъ этого вотума было рѣшеніе парламентской рабочей партіи выйти изъ состава коалиціи и отставка трехъ рабочихъ министровъ: Хендерсона, Брэса и Робертса.

Казалось, поведеніе рабочей партіи окончательно опредѣлялось, тѣмъ болѣе что вслѣдъ за общей рабочей конференціей противъ билля высказались на своей особой конференціей углекопы, а затѣмъ еще болѣе рѣзкую резолюцію вынесъ исполнительный комитетъ желѣзнодорожниковъ. Однако, не прошло и недѣли, какъ Хендерсонъ, Брэсъ и Робертсъ взяли уже свои прошенія объ отставкѣ обратно впредь до предстоявшаго въ январѣ годичнаго конгресса рабочей партіи. А въ палатѣ общинъ часть рабочей партіи вопреки рѣшенію конференціи систематически голосовала за билль, часть воздерживалась отъ голосованія и, въ общемъ, лишь члены соціалистической Независимой рабочей партіи держались оппозиціонной тактики. При первомъ чтеніи билля, за билль голосовало 8 рабочихъ, противъ—13; при второмъ чтеніи за—16, противъ—11; при третьемъ противъ — уже только 6.

Чѣмъ же объясняется такая неустойчивость рабочей партіи? Какіе мотивы побудили ее игнорировать недвусмысленное рѣшеніе конференціи? Конечно, и на нее, какъ и на колеблющуюся часть либераловъ, было оказано сильнѣйшее давленіе со стороны правительства. И ея представителямъ указывалось на то, что отклоненіе билля неизбѣжно поведетъ къ кризису и къ выборамъ, что, оказывая сопротивленіе частной и временной мѣрѣ, которая имъ только представляется реакціонной, они тѣмъ самымъ приблизятъ наступленіе настоящей, — общей и длительной реакціи. Съ другой стороны, рабочимъ было дано обѣщаніе смягчить тѣ пункты билля, которые могли послужить цѣлямъ промы-

шленнаго принужденія, и, дѣйствительно, эти пункты были нѣсколько смягчены: трибуналамъ было предоставлено право выдавать удостовѣренія объ изъятіи не только тѣмъ, кто занятъ работой государственной важности, но и тѣмъ, кто способенъ къ такой работѣ и желаетъ ее получить; рабочимъ, уволеннымъ изъ предпріятія, дающаго право на изъятіе, была предоставлена шестинедѣльная отсрочка и т. п. Но, конечно, ни эти мелочныя уступки, ни запугиваніе реакціей, не оказало бы на рабочихъ того вліянія, какое оно оказало, если бы отношеніе рабочихъ къ реформѣ въ самой основѣ своей не было двойственнымъ.

Тотъ же бристольскій конгрессъ трэдъ-юніоновъ (августовскій), которые вынесъ резолюцію противъ военной реформы, высказался самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу войны до побѣдоноснаго конца, до полнаго сокрушенія германскаго милитаризма, одобривъ, такимъ образомъ, политику правительства. Но ставя себѣ извѣстную цѣль, приходится иногда въ борьбѣ за нее, во имя ея достиженія кое-чѣмъ поступаться. Въ августѣ рабочимъ представителямъ казалось, что для побѣды надъ Германіей нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ такимъ героическимъ средствамъ какъ принудительный наборъ. Агитацію въ пользу воинской повинности они отнесли цѣликомъ, — и не основательно, — на счетъ реакціонной прессы, насчетъ ея стремленія „пруссіанизировать“ Англію. Сейчасъ на принудительномъ наборѣ настаиваютъ уже не „Times“ и „Daily Mail“, не Норсклиффъ и Мильнеръ, а Асквитъ, Ллойдъ-Джорджъ и Китченеръ, — люди, авторитетъ которыхъ въ рабочей массѣ все еще стоитъ весьма высоко. И характерно: въ августѣ въ пользу воинской повинности при данныхъ условіяхъ не поднялось ни одного сколько-нибудь авторитетнаго голоса, въ декабрѣ на защиту билля выступилъ цѣлый рядъ видныхъ дѣятелей рабочаго движенія, и противъ резолюціи, осуждающей реформу, набралось всего лишь 783.000 голосовъ.

Совсѣмъ особое положеніе занимала въ данномъ случаѣ Независимая рабочая партія. Она относится отрицательно къ войнѣ, она, во всякомъ случаѣ, не приняла оффиціальной формулы цѣлей войны; и поэтому могла, не вступая съ собой въ противорѣчіе, остаться до конца на своей рѣзко-враждебной биллю позиціи. Для рабочей партіи въ цѣломъ, — партіи въ вопросѣ о войнѣ вполнѣ отождествившейся съ правительствомъ, вошедшей въ обще-національную коалицію, — было почти невозможно на этой позиціи удержаться. Тѣсно связавъ свою судьбу съ судьбою либеральной партіи, она неизбѣжно должна была пойти вслѣдъ за своей союзницей въ Каноссу милитаризма и „пруссіанизма“.

Хендерсонъ, Брэсъ и Робертсъ, а вмѣстѣ съ ними и большая часть парламентской рабочей партіи продѣлали эту эволюцію весьма быстро, при чемъ они разошлись даже какъ-будто съ на-

строеніемъ партійныхъ массъ, высказавшихся на декабрьской конференціи противъ принудительной службы. Но бристольскій (январьскій) конгрессъ рабочей партіи показалъ достаточно убѣдительно, что въ дѣйствительности большинство партіи вполнѣ одобряетъ политику своихъ представителей въ министерствѣ. Правда, конгрессъ вновь осудилъ актъ о военной службѣ большинствомъ 1.796.000 голосовъ противъ 219.000. Но эта резолюція рядомъ послѣдовавшихъ постановленій была лишена всякаго практическаго значенія; это была чисто формальная декларація, ни къ чему не обязывающая. Предложеніе же начать кампанію въ пользу отмѣны акта было отклонено 649.000 голосовъ противъ 614.000. Резолюція, одобряющая общую политику правительства была принята 1.502.000 голосовъ противъ 602.000; резолюція, одобряющая вступленіе рабочихъ въ правительственную коалицію — 1.674.000 противъ 269.000. Наконецъ, резолюція, выражающая желаніе чтобы рабочіе остались въ министерствѣ, — 1.622.000 противъ 495.000. А въ то же время конгрессъ принялъ резолюцію, призывающую къ борьбѣ съ Munitions Akt, съ преслѣдованіемъ рабочей прессы, съ фактической отмѣной законовъ объ охранѣ труда, вообще со всей соціальной политикой кабинета. Врядъ ли можно придумать болѣе убѣдительное доказательство безсилія рабочей партіи найти выходъ изъ ея въ основѣ своей противорѣчиваго положенія, чѣмъ это нагроможденіе несогласованныхъ другъ съ другомъ резолюцій.

III.

Въ числѣ тѣхъ средствъ борьбы, при помощи которыхъ державы согласія разсчитываютъ сломить силу сопротивленія Германіи, одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ блокада. Благодаря господству на Атлантическомъ океанѣ своего флота Великобританія имѣетъ возможность почти совершенно прекратить непосредственный ввозъ въ Германію изъ внѣ-европейскихъ странъ. Само собою понятно, какое значеніе имѣетъ это для Германіи.

Наканунѣ войны одни Соединенные Штаты ввозили въ Германію на 300 слишкомъ милліоновъ долларовъ; не меньше получала Германія тѣмъ же морскимъ путемъ изъ прочихъ государствъ Америки и Азіи. Львиную долю этого ввоза составляли средства питанія и необходимые для германской промышленности сырые матеріалы. Исчезновеніе ихъ съ германскаго рынка должно было бы отразиться на немъ весьма чувствительно даже въ томъ случаѣ, если бы всѣ границы Германіи остались открытыми для торговыхъ сношеній. Въ дѣйствительности этого, конечно, нѣтъ; ибо съ начала войны ввозъ въ Германію черезъ русскую и черезъ французскую границу сталъ фактически невозможенъ. Германія можетъ получить хлѣбъ и сырье или съ юго-востока, т. е.

изъ балканскихъ странъ и изъ Турціи, — гдѣ ихъ не можетъ быть особенно много, — или черезъ нейтральныя страны Европы: Нидерланды, Данію, Швецію и Норвегію. При такихъ условіяхъ планъ „взять Германію голодомъ“ съ помощью ея полной блокады долженъ представляться ея противникамъ вполнѣ осуществимымъ. Разумѣется, болѣе или менѣе разумные сторонники этого плана никогда не придавали ему абсолютнаго значенія, никогда не думали, что голодъ самъ по себѣ можетъ заставить Германію положить оружіе. Но сокращеніе питанія населенія, хозяйственное разстройство въ связи съ недостаткомъ сырья — могутъ и должны понизить ея сопротивляемость, могутъ и должны приблизить моментъ ея капитуляціи.

Идеальная задача даннаго метода борьбы состоитъ въ полномъ экономическомъ изолированіи Германіи и союзныхъ съ нею государствъ. Эта задача до сихъ поръ разрѣшена Великобританіей далеко не вполнѣ. Путемъ постепеннаго „стягиванія сѣти“, путемъ постепеннаго усиленія мѣръ борьбы съ германской торговлей, Англія практически почти уничтожила непосредственный ввозъ въ Германію. Это было сравнительно не трудно, особенно послѣ того, какъ въ мартѣ условная контрабанда была приравнена къ абсолютной; гораздо сложнѣе былъ вопросъ о ввозѣ черезъ нейтральныя страны, ибо здѣсь для конфискаціи груза было необходимо доказать его германское назначеніе, что при современныхъ условіяхъ довольно затруднительно. И несомнѣнно, что Германія въ первый годъ войны получала такимъ путемъ кое-что въ пополненіе своихъ недостатковъ.

Въ одномъ изъ отчетовъ сэра Эдуарда Грея есть любопытныя цифры, характеризующія торговлю Соединенныхъ Штатовъ съ нейтральными европейскими государствами. Согласно этому отчету за январь — май 1914 г. общая сумма ввоза Соединенныхъ Штатовъ въ Норвегію, Швецію, Данію и Нидерланды равнялась 60.089.000 долларовъ; за тѣ же мѣсяцы 1915 г. — 205.747.000 долларовъ. Въ частности, хлопка, котораго особенно не хватаетъ сейчасъ Германіи, было ввезено въ 1914 г. — 204.177 центнеровъ, въ 1915 г. — 3.353.638 центнеровъ. Соотвѣтственно возросли также цифры ввоза табаку, кофе и т. д. Не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, чѣмъ вызывалось это повышеніе спроса нейтральныхъ государствъ, сосѣдей Германіи. Вѣроятно, не весь избытокъ, но, во всякомъ случаѣ, значительная доля его предназначалась для Германіи. И вполнѣ естественно, что Великобританія не могла оставаться равнодушной къ этому обходу блокады, вполнѣ естественно, что англійское министерство иностранныхъ дѣлъ изыскивало все новыя и новыя средства контроля надъ нейтральной торговлей.

Эти средства контроля были довольно разнообразны. Въ первую очередь это были договоры съ импортерами. Такъ какъ тор-

говыя сношенія нейтральныхъ странъ были стѣснены дѣйствіями британскаго флота, то нейтральные импортеры находили для себя выгоднымъ заключать съ англійскимъ правительствомъ соглашенія. Англія гарантировала имъ пропускъ извѣстныхъ грузовъ безъ задержки и стѣсненій, а импортеры гарантировали Англіи, что эти грузы не выйдутъ изъ предѣловъ ихъ страны. Иногда такія соглашенія получали болѣе широкій характеръ и заключались не съ отдѣльными импортерами, а съ цѣлыми трестами импортеровъ. Такъ было въ Нидерландахъ, къ этому стремилась Англія и въ прочихъ нейтральныхъ странахъ. Далѣе, англійское правительство заключало договоры съ пароходными линіями, иногда оказывая на нихъ самое энергичное давленіе (напримѣръ, отказывая въ углѣ пароходамъ линіи, желающей сохранить самостоятельность). Пароходныя компаніи, обычно въ обмѣнъ за извѣстное ускореніе и упрощеніе досмотра, давали обязательство, что ихъ грузы не пойдутъ въ Германію. Наконецъ, Англія стремилась завершить всю систему своего контроля соглашеніемъ съ правительствами нейтральныхъ странъ и точнымъ нормированіемъ допустимыхъ для каждой страны размѣровъ импорта въ соотвѣтствіи съ ея дѣйствительными потребностями. Но въ этомъ она встрѣчала со стороны нейтральныхъ странъ довольно рѣшительный отпоръ. Въ результатѣ всѣхъ перечисленныхъ мѣропріятій ввозъ въ Германію черезъ нейтральныя страны безусловно значительно сократился. По даннымъ „White Paper“, выпущенной англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ январѣ 1916 г., во вторую половину 1915 г. Германія не получала уже ни хлопка, ни шерсти, ни каучука и получала лишь ничтожное количество прочихъ предметовъ ввоза.

Извѣстное просачиваніе черезъ нейтральныя страны въ Германію все же существовало, и въ январѣ нѣкоторая часть англійской прессы подняла по этому поводу кампанію противъ правительства, обвиняя его въ томъ, что въ угоду нейтральнымъ странамъ оно „кормитъ“ Германію. Кампанія имѣла шумный успѣхъ, нашла поддержку въ самыхъ широкихъ слояхъ общества, и одно время казалось, что даже правительство склоняется на сторону болѣе рѣшительной блокады, т. е. въ данномъ случаѣ болѣе рѣшительныхъ мѣръ контроля нейтральной торговли.

Каковы должны были быть эти мѣры, трудно сказать точно. Говорили и объ объявленіи формальной блокады, съ распространеніемъ ея на нейтральныя гавани въ родѣ Роттердама и Мальмѣ и о болѣе строгомъ примѣненіи принципа „конечнаго назначенія“, и о принудительномъ сведеніи нейтральной торговли къ извѣстному раціону и т. д., и т. д. Можно спорить о соотвѣтствіи нормамъ международнаго права того контроля надъ нейтральной торговлей, какой практиковался Англіей раньше. Но мѣры, проектировавшіяся сторонниками строгой блокады, были уже безусловно съ правами

нейтральныхъ не совмѣстимы. Между тѣмъ въ нейтральныхъ странахъ и безъ того уже наростало за послѣдніе мѣсяцы недовольство торговой политикой Великобританіи. Усиленіе блокады могло бы вызвать послѣдствія, нежелательныя для самой Англіи. Не говоря уже о перспективахъ разрыва съ нейтральными странами, — разрыва, въ настоящій моментъ мало вѣроятнаго, Англія и ея союзники сами во многихъ отношеніяхъ зависятъ отъ нейтральныхъ странъ, и суровыя мѣры противъ послѣднихъ грозили вызвать и съ ихъ стороны извѣстныя репрессаліи того же характера, — репрессаліи для державъ согласія весьма чувствительныя.

Изъ европейскихъ государствъ наибольшее волненіе вопросъ о блокадѣ вызываетъ въ Швеціи. Торговая политика Англіи влила новыя силы въ шведскій „активизмъ“, въ началѣ державшійся только на идеѣ русской опасности, русскаго стремленія къ Атлантическому океану. Усиленіе активистскихъ настроеній въ связи съ раздраженіемъ противъ Англіи проявилось уже въ тронной рѣчи, произнесенной королемъ при открытіи парламента 4-го января. Отмѣчая свою надежду и далѣе сохранять нейтралитетъ, объявленный Швеціей въ началѣ войны, король въ то же время указываетъ и на трудность положенія нейтральнаго государства. Онъ жаловался на то, что воюющія державы нарушаютъ все безцеремоннѣе нормы международнаго права, на то, что ихъ поведеніе наноситъ существенный ущербъ экономическимъ интересамъ Швеціи. „Правительству приходилось не разъ выступать противъ попытокъ подчинить шведскую торговлю постороннему надзору“. И выводъ: работу по усиленію обороны страны необходимо продолжать безъ промедленія. 12-го января, при обсужденіи бюджета премьеръ Хамаршельдъ поставилъ точки надъ і. Политика правительства, — говорилъ онъ, — политика нейтралитета; въ этомъ никто не можетъ сомнѣваться. „Наше горячее желаніе — охранять миръ, и нашъ долгъ — всѣми силами содѣйствовать сохраненію мира“. Но „мы считаемся также съ возможностями, при которыхъ Швеція, несмотря на всѣ наши усилія, будетъ не въ состояніи сохранить миръ“. И эти возможности опять связываются съ торговой политикой. Швеція должна соблюдать полный нейтралитетъ въ вопросахъ торговой политики. Быть можетъ, было бы удобнѣе пойти здѣсь на какія-либо уступки давленію. Но эти уступки повели бы только къ новымъ требованіямъ, и въ результатѣ страна попала бы въ полную экономическую и политическую зависимость, что, конечно, совершенно недопустимо.

Заявленія шведскаго правительства не остались пустыми словесными деклараціями. Въ борьбѣ съ Англіей за свой торговый нейтралитетъ Швеція не остановилась передъ репрессаліями въ родѣ запрещенія вывоза бумажной массы, а въ послѣд-

нее время шведская пресса намекала даже на возможность мобилизаціи, которая и безъ объявленія войны могла бы оказать нѣкоторую услугу Германію. Но, разумѣется, угрозы и репрессаліи со стороны Швеціи по своему удѣльному вѣсу не могли идти въ сравненіи съ недовольствомъ, вызваннымъ торговой политикой Англіи въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ извѣстныхъ слояхъ американскаго общества это недовольство чувствуется уже давно; оно, несомнѣнно, все болѣе усиливается по мѣрѣ усиленія блокады Германіи.

Въ общемъ и цѣломъ объ ущербѣ для американской торговли отъ прекращенія вывоза въ Германію говорить не приходится. Американская торговля за время войны выросла необычайно. Только въ началѣ войны цифра американскаго вывоза рѣзко упала; затѣмъ она начала быстро повышаться и къ декабрю 1914 г. перегнала уже декабрьскую цифру 1913 г. (въ 1913 г. — 46.600.000 долларовъ, въ 1914 г.—49.200.000 долларовъ). По даннымъ своднаго отчета американскаго департамента торговли за первые 11 мѣсяцевъ 1915 г. Соединенные Штаты вывезли на 637.837.450 ф. ст. (цитируемъ по „Times"), тогда какъ за 11 мѣсяцевъ 1914 г. — всего на 237.598.298 ф. ст. Прекращеніе вывоза въ Германію съ избыткомъ компенсировалось повышеніемъ вывоза въ страны согласія и въ нейтральныя государства. Такъ по тому же отчету въ Англію было вывезено въ 1914 г. (всѣ цифры за первые 11 мѣсяцевъ) на 93.548.954 ф. ст., — въ 1915 г. — на 196.783.323 ф. ст.; во Францію въ 1914 г. — на 26.503.663 ф. ст., въ 1915 г. — на 90.347.066; въ Италію въ 1914 г., — на 14.353.102 ф. ст., въ 1915 г. на 49.671.358; въ Россію въ 1914 г. — на 4.326.127 ф. ст., въ 1915 г. — на 20.325.346. Вывозъ въ Данію повысился (въ круглыхъ цифрахъ) на 10 милл., въ Нидерланды — на 4 милл., въ Норвегію — на 7 милл., въ Швецію — на 13 милл.

Однако, этотъ ростъ далеко не равномѣренъ для разныхъ статей вывоза. Очень возросъ спросъ Европы на съѣстные припасы; нечего и говорить уже о военныхъ матеріалахъ, объ обуви, вообще о товарахъ, усиленное потребленіе которыхъ вызвано войной. Но, съ другой стороны, имѣется рядъ предметовъ вывоза, спросъ на которые за время войны абсолютно сократился, и сократился какъ разъ въ связи съ блокадой Германіи. Это, напримѣръ, удобренія, минеральныя масла; но прежде всего и главнѣе всего — **хлопокъ**. Трудно сказать, какъ великъ уронъ этой группы отъ прекращенія вывоза въ Германію, ея представители тѣмъ не менѣе прекрасно сознаютъ, что снятіе блокады или даже ея смягченіе обѣщаетъ имъ колоссальные барыши.

Хлопокъ занимаетъ первое мѣсто въ вывозѣ Соединенныхъ Штатовъ. Съ интересами хлопководовъ не можетъ не считаться аме-

риканское правительство. Демократическое правительство Вильсона сверхъ того особенно тѣсно связано съ югомъ; для демократической партіи порвать съ южными плантаторами — значитъ совершить актъ политическаго самоубійства.

Еще въ октябрѣ Вильсонъ попытался выступить въ защиту ихъ требованія. Въ нотѣ, предъявленной британскому правительству, онъ заявилъ протестъ, во-первыхъ, противъ терпимыхъ американской торговлей стѣсненій въ отношеніи вывоза неконтрабандныхъ товаровъ непосредственно въ Германіи (надо помнить, что формально блокада Германіи не объявлена); во-вторыхъ, противъ ограниченія свободы торговыхъ сношеній Соединенныхъ Штатовъ съ нейтральными странами. Для того, чтобы нота произвела желательное впечатлѣніе, необходимо, чтобы за нею чувствовалась готовность примѣнить въ случаѣ отказа извѣстныя мѣры воздѣйствія. Такой мѣрой воздѣйствія могло бы быть давно уже требуемое Германіей прекращеніе снабженія армій согласія американскимъ оружіемъ. Серьезная угроза такого рода бойкотомъ могла бы, пожалуй, привести къ смягченію блокады (объ отмѣнѣ ея врядъ ли можетъ быть рѣчь). Но въ дѣйствительности на пути къ примѣненію подобной мѣры стояли интересы сѣверной промышленности, еще болѣе мощные, чѣмъ интересы южныхъ хлопководовъ. Политическое вліяніе представителей тѣхъ отраслей индустріи, которыя заинтересованы въ сохраненіи дружественныхъ отношеній съ согласіемъ, въ Соединенныхъ Штатахъ огромно. Пойти открыто противъ нихъ для президента, казалось, весьма затруднительно. И это обстоятельство было, разумѣется, учтено въ Лондонѣ: нота Вильсона не оказала никакого дѣйствія. Мало того — какъ мы видѣли, въ Англіи, несмотря на эту ноту, былъ поднятъ вопросъ о новомъ усиленіи блокады.

Повидимому, на этотъ разъ расчеты на неизбѣжную уступчивость Соединенныхъ Штатовъ оказались невѣрны. Такой отвѣтъ на американскую ноту не могъ не вызвать смущенія въ правительственныхъ кругахъ Вашингтона и раздраженія — въ кругахъ экспортеровъ американскаго сырья. Правительство, явнымъ образомъ, оказалось безсильно отстоять ихъ интересы отъ новыхъ ограниченій.

Въ какомъ раздраженномъ тонѣ начали въ Соединенныхъ Штатахъ говорить объ Англіи, можно судить по рѣчамъ, произносившимся въ засѣданіи сената 8-го января. Сенаторъ Смитъ (демократъ) называлъ отношеніе Англіи къ нейтральной торговлѣ грабежемъ и требовалъ немедленнаго запрещенія вывоза военныхъ матеріаловъ. Другой демократъ, Бердманъ спрашивалъ съ негодованіемъ; „Долго ли мы будемъ поставлять Англіи все, что ей нужно, тогда какъ Англія попираетъ ногами торговыя права гражданъ нашей страны? Англія не можетъ продолжать войну безъ аммуниціи изъ Соединенныхъ Штатовъ. Англія не можетъ прокормиться населеніе безъ съѣстныхъ припа-

совъ изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ другихъ нейтральныхъ странъ. Безъ хлопка изъ Соединенныхъ Штатовъ Англія не можетъ дать работы даже на 60 дней тѣмъ милліонамъ, которые заняты въ ткацкихъ фабрикахъ Ланкашира".

Наконецъ и республиканецъ Кёмминсъ выступилъ съ горячей филиппикой противъ фирмъ, наживающихся на поставкѣ военныхъ матеріаловъ, и съ требованіемъ націонализаціи такихъ предпріятій.

Потому-ли что настроеніе демократической партіи выразилось въ столь рѣзкой формѣ, потому ли, что приближается срокъ президентскихъ выборовъ, или потому, что настоящій моментъ по какимъ-либо инымъ политическимъ расчетамъ оказался для того удобнымъ, но, какъ кажется, Вильсонъ, вопреки ожиданіямъ, сумѣлъ достаточно твердо формулировать по поводу новыхъ англійскихъ плановъ точку зрѣнія Соединенныхъ Штатовъ. Возможно даже, что отзвукъ этой формулировки прозвучалъ и въ знаменитой рѣчи Вильсона 14-го января. „Я хочу внушить вамъ, — говорилъ президентъ, между прочимъ, — что міровыя условія сейчасъ не таковы, какъ были вчера или въ какой-либо изъ прошлыхъ дней. Они навѣрное, не таковы, какими будутъ завтра. Я не могу сказать вамъ, каковы будутъ международныя отношенія нашей страны з а в т р а, — и я употребляю это слово въ его буквальномъ смыслѣ. Я не смѣю молчать и оставлять страну въ предположеніи, что завтра будетъ такъ же ясно, какъ и сегодня".

Въ тотъ же день Англія устами сэра Эдуарда Грея отказалась отъ плановъ усиленія блокады. Основнымъ доводомъ министра въ его рѣчи противъ резолюціи о блокадѣ было то соображеніе, что и настоящая система даетъ въ смыслѣ истощенія Германіи все, что требуется. Никакая иная система, — по словамъ Грея, — не въ состояніи дать больше, ибо совсѣмъ безъ „просачиванія" обойтись нельзя. Но наряду съ этимъ соображеніемъ Грей высказалъ и другое, въ данныхъ условіяхъ имѣющее, пожалуй, не меньшій реальный вѣсъ: „Нейтральныя державы въ правѣ претендовать на максимумъ тѣхъ правъ, которыя мы по совѣсти можемъ признать справедливыми и которыя мы признавали по отношенію къ другимъ воюющимъ государствахъ въ другихъ войнахъ... Всякая блокада должна быть согласуема съ правами нейтральныхъ народовъ".

Выразившееся въ этихъ словахъ стремленіе не раздражать нейтральныя государства вполнѣ понятно: обостреніе отношеній съ ними не можетъ входить сейчасъ въ намѣренія Англіи. Между тѣмъ такое обостреніе было-бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ усиленія блокады. Конечно, заявленія Грея не устраняютъ треній между Англіей, съ одной стороны, Швеціей и Соединенными Штатами, съ другой; но онѣ до извѣстной степени предупреждаютъ ихъ дальнѣйшее расширеніе.

В. Волгинъ.

ИЗЪ ИТАЛЬЯНСКИХЪ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ НАСТРОЕНІЙ.

(Письмо изъ Рима.)

Два вопроса стоятъ теперь въ центрѣ общественнаго вниманія Италіи: 1) ея участіе на балканскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и 2) предстоящее на-дняхъ открытіе парламентской сессіи.

Когда письмо это дойдетъ до Россіи и увидитъ свѣтъ, многое, быть можетъ, выяснится и станетъ болѣе опредѣленнымъ какъ во внѣшней, такъ и во внутренней политикѣ южнаго королевства. Думается, однако, что и эти запоздалыя строчки не утратятъ своего интереса, какъ фактическаго характера свидѣтельство о „Stato d'animo" различныхъ общественныхъ группъ Италіи.

Когда въ маѣ отшумѣла гроза (многіе скептики считаютъ ее бутафорской, но не послѣдуемъ за ними и оставимъ это слово безъ кавычекъ) и послѣ десяти мѣсяцевъ борьбы, треволненій, неувѣренности страна очутилась, наконецъ, передъ свершившимся фактомъ, даже противники этого исхода были удовлетворены въ одномъ отношеніи: слава Богу, конецъ двусмысленному положенію, экивокамъ, неопредѣленнымъ заявленіямъ и обѣщаніямъ, которыми одинаково довольны или недовольны обѣ стороны! Увы, этотъ медовый мѣсяцъ опредѣленности и ясности продолжался весьма недолго. Очень скоро возникли недоумѣнные вопросы: почему не объявлена война Германіи? почему Италія не присоединяется къ лондонскому договору союзниковъ?

Уже при начавшейся тогда оживленной — хотя и сильно стѣсненной цензурными рамками — дискуссіи на эту тему, намѣтились слѣдующія группировки, особенно ярко сказавшіяся въ послѣднее время, когда остро всталъ вопросъ о Балканахъ:

1) теченіе націоналъ-имперіалистское съ боевымъ органомъ, римской „L'Idea Nazionale" во главѣ. Это теченіе высказывается за наивозможное расширеніе войны, свободное отъ ограниченія ирредентистскими рамками, за осуществленіе всевозможныхъ „историческихъ задачъ" на Адріатикѣ, на Балканахъ и т. т. Изъ этихъ рядовъ раздаются голоса съ притязаніями на Далмацію, Истрію. Эта группа требуетъ отъ правительства широкой конкретной имперіалистской программы.

2) Теченіе „ирредентистское", представляющее всю буржуазную демократію — вплоть до республиканцевъ и реформистовъ. Крайнее лѣвое крыло этого теченія представляютъ немногочисленные оторвавшіеся отъ партіи соціалистовъ элементы во главѣ съ Муссолини и его органомъ „Popolo Italia". Вся эта группа, состоящая изъ довольно разнородныхъ элементовъ, единодушна въ требованіи войны съ Германіей и тѣснаго контакта

съ союзниками. Среди нея сильно развитъ культъ „союзничества“, особенно процвѣтаетъ франкофильство (противники этой группы довольно убѣдительно вскрываютъ прозаическую почву этого тяготѣнія къ „латинской сестрѣ“....) Здѣсь усердно разрабатывается вся возвышенная идеологія войны: борьба съ милитаризмомъ и тевтонскимъ имперіализмомъ; съ варварствомъ за культуру, цивилизацію, свободное національное развитіе и т. д. Что же касается программы итальянской войны, то кромѣ Тренто и Тріеста „ирредентисты“ никакихъ опредѣленныхъ требованій не предъявляютъ. Это не значитъ, что они противъ „историческихъ задачъ“, — органы демократической партіи вродѣ „Messaggero“ весьма охотно подпѣваютъ на эту тему; они только не включаютъ ее открыто въ свою программу, какъ боевой пунктъ, чтобы не компрометировать себя предъ массами, воспринявшими войну, какъ національно-освободительное дѣло, завершающее программу Гарибальди. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ случаѣ какихъ-либо восточныхъ аннексій и участія въ „дѣлежѣ наслѣдствъ“, „ирредентистская“ группа, за исключеніемъ, быть можетъ, части соціалистическихъ и республиканскихъ элементовъ, — не стала бы въ оппозицію къ правительству. (Стоитъ отмѣтить, что партіи охарактеризованныхъ нами двухъ теченій переполнены масонами.)

3) Теченіе „реальной политики“ или „sacro egoismo“, по крылатому слову Саландры. Это теченіе борется какъ съ имперіалистскими крайностями націоналистовъ, такъ и съ революціонно-освободительной фразеологій „ирредентистовъ“. Отражая или стремясь отразить взгляды правительственныхъ круговъ, это теченіе очень осторожно въ обѣщаніяхъ и программныхъ требованіяхъ, избѣгая всякой опредѣленности и конкретности. Лозунгъ „національнаго эгоизма“ сводится къ допущенію компромисса, сдѣлки и всякаго рода другихъ проявленій политической „трезвости“. Это теченіе располагаетъ наиболѣе сильной печатью. Одну изъ основныхъ струй этого теченія представляютъ собой джіолиттіанцы, о чемъ у насъ рѣчь будетъ еще ниже.

Въ сторонѣ ото всѣхъ этихъ группировокъ, въ которыя вошли элементы, такъ или иначе пріявшіе войну, стоятъ двѣ группы „не пріявшихъ“: католическая — или, вѣрнѣе, ватиканская, и соціалистическая. Каждая изъ нихъ, въ предѣлахъ свершившагося факта, продолжаетъ свою глубоко-принципіальную линію...

Итакъ, какъ же обстояло — и обстоитъ — дѣло объ отношеніяхъ съ Германіей? На этотъ счетъ ходитъ множество слуховъ, легендъ, строятся всевозможныя глубокомысленныя концепціи (главная ихъ лабораторія помѣщается въ римскомъ Cafe Aragno...), но ясности въ положеніи это не создаетъ... Мы имѣемъ здѣсь дѣло, очевидно, съ еще одной „тайной мадрид-

скаго двора"... Формальный, юридическій отвѣтъ на проблему имѣется и весьма безупречный:

— Мы объявили войну Австріи, потомъ Турціи — вѣрнымъ союзникамъ Германіи. Слѣдовательно, она должна объявить войну намъ...

Этимъ отвѣтомъ вынуждена пользоваться даже ирредентистская печать, когда приходится полемизировать съ нѣкоторыми изъ нетерпѣливыхъ союзниковъ, но его неудовлетворительность весьма хорошо сознается всѣми.

Не лучше обстоитъ дѣло и съ вопросомъ на тему: „L'Italia e gli alleati"*. Итальянская публика не знаетъ, присоединилось ли правительство къ лондонскому договору союзниковъ или нѣтъ. Никакихъ офиціальныхъ, имѣющихъ юридическую силу заявленій на этотъ счетъ сдѣлано не было. Бѣдные „ирредентисты" изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобы доказать, что и Италія просоединилась къ договору. Когда недавно пришло извѣстіе о запросѣ въ лондонскомъ парламентѣ насчетъ поведенія Италіи, объ уклончивомъ отвѣтѣ Грэя, о статьѣ Times'a, по поводу присоединенія Японіи спросившаго, почему недостаетъ подписи Италіи, — „Messaggero" торжественно извлекло на свѣтъ Божій телеграмму агентства Стефани (отъ 27 мая 1915) слѣдующаго содержанія: „Агентство Рейтера узнало изъ дипломатическихъ источниковъ, что Италія просоединилась къ договору, уже подписанному въ Лондонѣ союзными державами, относительно не-заключенія сепаратнаго мира". Если это такъ, почему агентство Стефани не сдѣлало подобнаго заявленія отъ имени итальянскаго правительства? Почему и агентство Рейтера вмѣсто яснаго и опредѣленнаго языка заговорило въ репортерскомъ тонѣ — „узнало... изъ источниковъ?..." Почему правительство не положитъ конца кривотолкамъ? Почему вопросъ о присоединеніи Японіи не вызвалъ никакихъ сомнѣній и экивоковъ?

Съ особенной остротой и силой дала о себѣ знать неопредѣленность этой позиціи съ наступленіемъ послѣдней фазы войны — съ выходомъ Болгаріи изъ нейтралитета и побѣдоноснымъ маршемъ Макензена.

Когда балканскія неудачи четвернаго согласія вызвали во Франціи и Англіи цѣлую общественную бурю вплоть до министерскихъ кризисовъ, — голосъ итальянской печати громче и, пожалуй, пронзительнѣе всѣхъ прочихъ воззвалъ къ „рѣшительнымъ дѣйствіямъ". О характерѣ этихъ „рѣшительныхъ" совѣтовъ можно судить по слѣдующему мнѣнію одного изъ совѣтчиковъ, сенатора Виттаріо Роландо Риччи: „Мы признаемъ, что это былъ бы методъ грубо-нѣмецкій; но поскольку онъ оказывается полезнымъ и практическимъ, мы его допускаемъ, помня Овидія, говорившаго, что хорошо учиться и у врага: fas est et

* Италія и союзники.

ab hoste doceri" (см. „Tribuna" № 321, статья „Politica e questa a sei mesi data").

Критикуя ошибки союзной дипломатіи (при чемъ предупредительно указывается на то, что Италія здѣсь не при чемъ, такъ какъ она лишь въ концѣ мая вступила въ войну), — печать съ горечью обрушивается на эллинофильство англичанъ и французовъ, вспоминая политику изъ-за Додекамеза, пролива Корфу и прочихъ объектовъ осуществленія „историческихъ задачъ..."

Ну, а кромѣ „словесности", что внесла Италія реальнаго въ разрѣшеніе балканскаго вопроса? И тутъ циркулировали безчисленные слухи. Cafe Aragno нѣсколько разъ уже снаряжало огромныя экспедиціи, — но всѣ онѣ за предѣлы этого кафе не ушли.

Всѣмъ этимъ фантастическимъ слухамъ и былъ положенъ временный конецъ оффиціальнаго характера статьей, напечатанной въ Giornaee d'Italia. Оголенная отъ всѣхъ словесныхъ пріукрашеній, суть ея сводилась къ тому, что Италія въ высадкѣ въ Салоникахъ въ настоящее время участія не приметъ, усиливъ наступленіе по всему австрійскому фронту. Поддержанное, правда, всей джіолиттіанской и „солидной" печатью (вплоть до „Corriere della Sera"), заявленіе это встрѣтило такое плохое отношеніе въ печати націоналъ-имперіалистской и „ирредентистской", — а особенно въ печати союзныхъ державъ съ самимъ „Temps" во главѣ — что нужно было выпустить второе, болѣе мягкое, туманное и запутанное изданіе.

Въ немъ подчеркивалось, что рѣшеніе Италіи принято съ согласія и одобренія всего четверного согласія, имѣющаго общую цѣль; далѣе, указывалось на не абсолютный, а временный („per ora") характеръ этого воздержанія, давалось знать, что въ будущемъ не исключена возможность участія Италіи непосредственно на балканскомъ театрѣ войны, и вообще, все было направлено къ тому, чтобы разсѣять сложившееся предубѣжденіе о какихъ-то маккіавелистскихъ расчетахъ. Нѣтъ, Боже избави, — тутъ вопросъ чисто военнаго характера — „semplicemente questione di opportunità militare"...

Но и это заявленіе внесло мало успокоенія. Имъ остались довольны тѣ, кто былъ доволенъ и первымъ... „Secolo" очень ѣхидно замѣтило, что лучшимъ свидѣтельствомъ о качествѣ сихъ документовъ можетъ служить то обстоятельство, что имъ очень удовлетворены такіе органы, какъ „Tribuna" и „Popolo Romano"... Впрочемъ, „сакроэгоисты" имѣли въ рукахъ очень сильный козырь: скептическое отношеніе весьма авторитетныхъ французскихъ и особенно англійскихъ круговъ къ балканской экспедиціи. Они могли ссылаться на мнѣнія такихъ военныхъ критиковъ, какъ полковникъ Репингтонъ и полковникъ Фейлеръ. Но эта была лишь пріятная приправа къ своему кушанью: „L'Italia deve far per se" — Италія должна работать на себя: если это „per se" потребуетъ — пойдемъ на Балканы, а нѣтъ — пошлемъ воздушный поцѣлуй многостра-

дальной героической Сербіи... Осуществленіе — и въ предѣлахъ австро-итальянскаго фронта довольно значительное и успѣшное — единственной реальной части программы, изложенной въ официозныхъ газетныхъ нотахъ, дало нѣкоторое удовлетвореніе и недовольной части общественнаго мнѣнія. Но страсти вновь разгорѣлись, когда разразился послѣдній парламентскій кризисъ въ Греціи, исходъ котораго навсегда, кажется, лишилъ союзниковъ надежды привлечь на свою сторону потомковъ Улисса. Вновь очень сильно заговорили объ экспедиціи, „о замѣнѣ Греціи Италіей", о „компенсаціяхъ" и т. п. Даже „Tribuna" принялась толковать о томъ, что никогда не была исключена возможность экспедиціи, „напримѣръ, въ Албанію". Тамъ же появилась статья Э. Тедески съ характернымъ проектомъ созданія на Балканахъ арміи для союзниковъ — изъ албанцевъ... (см. Trib., № 324).

Появленіе итальянскаго крейсера „Piemonte" у береговъ Греціи дало поводъ думать, что вотъ молъ, оно, начинается... Такъ же оптимистически настраивало и измѣнившееся поведеніе цензуры: она стала явно снисходительнѣе къ балканскому вопросу, стала пропускать не только общаго характера статьи, но и „слухи", фактическія замѣтки. Вотъ, напримѣръ, въ какомъ тонѣ позволили высказаться „Popolo d'Italia". Не говоря уже объ огромномъ, на всю газету, подзаголовкѣ: „Il governo deve decidersi" („Правительство должно рѣшиться"), въ текстѣ мы находимъ такое мѣсто: „Это мы, интервентисты площади („della piazza"), вернули Саландру къ власти... Онъ — нашъ и долженъ слѣдовать великой идеѣ мая. Иначе мы подымемся противъ него со всей той рѣшительностью, съ которой мы свалили Джіолитти. И свалимъ такъ же и Саландру" („E getteremo a terra anche Salandra") (см. „Popolo d'Italia" № 320).

При такомъ положеніи вещей оставалось ждать только новой „ноты"... Случай не замедлилъ представиться: послѣ публичныхъ рѣчей министровъ, — Саландры — въ Капитоліи, Барцилая — въ Неаполѣ, — очередь дошла до Орландо. Онъ говорилъ въ Палермо три дня тому назадъ — 21 ноября, — когда общественное вниманіе было приковано къ Балканамъ, и всѣ, естественно, ждали, послѣ вышеуказанныхъ симптомовъ, болѣе или менѣе опредѣленнаго заявленія. Читатели, разумѣется, знакомы съ этой рѣчью и знаютъ, какъ она, въ интересующей насъ части, бѣдна конкретнымъ содержаніемъ: общія, азбучнаго характера истины о томъ, что безъ побѣды союзниковъ немыслима побѣда Италіи и что невозможны, какъ отдѣльная побѣда, такъ и отдѣльный миръ (и все это въ видѣ разсужденія, а не заявленія). Что же касается Балканъ, то 1) „мы выражаемъ горячее сочувствіе героической Сербіи, 2) мы, разумѣется, заинтересованы въ судьбѣ балканскихъ народовъ, являющихся нашими со-

сѣдями по Адріатическому морю, которое есть наше море"... C'est tout... „Солидная" печать встрѣтила рѣчь съ восторгомъ, разошлась въ комплиментахъ передъ латинскимъ краснорѣчіемъ оратора, но вся прочая пресса осталась при особомъ мнѣніи. „Avanti" задало весьма справедливый вопросъ: если г. министръ ничего не имѣлъ или не хотѣлъ говорить, — то зачѣмъ онъ, собственно говоря, утруждалъ себя публичнымъ выступленіемъ? Тѣ газеты, которыя обыкновенно, въ такихъ случаяхъ занимались тѣмъ, что истолковывали слова въ желательномъ для себя смыслѣ, на сей разъ отказались отъ этой тактики: „Messaggero", напримѣръ, воздержалось отъ политическихъ комментаріевъ, а „L'Idea Nazionale" въ очень почтительной, но рѣшительной формѣ подвергла рѣчь уничтожающей критикѣ... * И опять все покрыто „мракомъ неизвѣстности"... Опять экспедиціи, снаряжаемыя въ кафе Араньо, опять слухи, шопоты, „факты"... Ну, какъ не вспомнить блаженной памяти нейтралитетъ того же итальянскаго кабинета?..

Изъ вопросовъ чисто внутренней политики центральное мѣсто занимаетъ вопросъ о парламентѣ. Страна съ демократическимъ и парламентарнымъ режимомъ, Италія лишь на 7-й мѣсяцъ войны даетъ голосъ полноправному народному представительству, въ теченіе полугода оставаясь, такимъ образомъ, подобно своему заклятому врагу, Австріи, государствомъ правительственной диктатуры. Первыми начали борьбу за парламентъ соціалисты; кромѣ нихъ, ни одна организованная партія въ цѣломъ не выставила требованія парламента. Высказывались за это отдѣльныя лица, отдѣльныя газеты, преимущественно изъ лагеря „реальныхъ политиковъ", какъ, напр., „Tribuna". Имперіалисты же, масоны, демократы и всѣ прочіе интервентисты повели болѣе или менѣе открытую и рѣшительную аттаку противъ открытія парламента.

---

* Немедленно послѣ опубликованія рѣчи Орландо, Центральный Комитетъ Національной ассоціаціи опубликовалъ слѣдующую резолюцію: Ц. К. Ассоціаціи Націоналистовъ, принимая во вниманіе, что цѣль итальянской войны заключается не только въ завершеніи возврата неосвобожденныхъ земель („terre irredente"), но также въ обезпеченіи необходимаго расширенія („espansione") Италіи политическаго и экономическаго въ Средиземномъ морѣ и на Востокѣ, а прежде всего въ утвержденіи Италіи, какъ великой міровой державы („come grande potenza mondiale"), которая не можетъ допустить разрѣшенія мірового кризиса безъ того, чтобы не запечатлѣть при этомъ разрѣшеніи своей сознающей себя воли; принимая во вниманіе, что для того, чтобы достигнуть этихъ цѣлей, какъ того требуетъ будущность и самое существованіе Италіи, — такъ же необходимо объявленіе войны Германіи, какъ и итальянскія дѣйствія на востокѣ Средиземнаго моря — требуетъ отъ итальянскаго правительства объявленія войны Германіи и принятія мѣръ безъ дальнѣйшихъ промедленій и безъ парализующихъ ограниченій для дѣйствій, — гдѣ бы онѣ ни были необходимы, — защищающихъ и приводящихъ въ движеніе наши интересы на востокѣ Средиземнаго моря въ которомъ заключается все наше будущее".

„L'Idea Nazionale" писала, что во время войны никакія „говорильни" не нужны, онѣ только будутъ мѣшать дѣлу. Но когда стало извѣстно, что правительство, — которому, очевидно, показалось неудобнымъ обострять отношенія съ парламентомъ и захотѣлось обновить вотумъ довѣрія, въ полученіи котораго ему нѣтъ основаній сомнѣваться, — созываетъ палату и даже зафиксировало срокъ — 1 декабря, — противникамъ парламента пришлось поневолѣ считаться съ фактомъ. Наиболѣе непримиримой и на этотъ разъ оказались націоналъ-имперіалисты: — Ладно! Пусть правительство прочтетъ свои заявленія, а палата безъ дальнѣйшихъ проволочекъ проголосуетъ кредиты, и баста — по домамъ! — писала „L'Idea Nazionale". Демократическая печать, разумѣется, не могла себѣ позволить роскоши подобнаго обращенія съ народнымъ представительствомъ, но и она трактуетъ его лишь какъ неизбѣжное зло.

Чѣмъ же объясняется это болѣе чѣмъ критическое отношеніе къ парламенту со стороны демо-націоналистическихъ группъ? — Существованіемъ въ немъ анти-патріотическаго комплота изъ джіолиттіанцевъ и соціалистовъ, — гласитъ циркулирующій въ ихъ печати отвѣтъ.

Но этотъ отвѣтъ ни въ малѣйшей степени не выдерживаетъ критики. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ основаніе подозрѣвать джіолиттіанцевъ въ анти-патріотизмѣ? Они противились въ свое время вступленію Италіи въ войну, но когда она стала свершившимся фактомъ, они „пріяли" ее не хуже всѣхъ прочихъ патріотовъ. При голосованіи полномочій правительству на время войны изъ 73 вотировавшихъ противъ — 48 принадлежало соціалистамъ; остаются 25 голосовъ, изъ которыхъ нѣсколько принадлежатъ клерикаламъ. Итакъ, изъ насчитывавшихся 300 слишкомъ джіолиттіанцевъ набралось едва два десятка „антипатріотовъ", — и это при закрытомъ голосованіи... Да иначе и не могло быть. Вѣдь та „оппозиція", которую вели джіолиттіанцы противъ вмѣшательства Италіи въ европейскій конфликтъ, ни въ какой мѣрѣ не была принципіальной, это было лишь однимъ изъ развѣтвленій все того же „Sacro egoismo", реальной политики... Характерно, что въ майскіе дни очень многіе объясняли поведеніе Джіолитти, какъ борьбу за власть и только: свалитъ Саландру, и самъ объявитъ войну...

Видѣть въ Саландрѣ и Джіолитти, какъ это принято, представителей какихъ-то двухъ полюсовъ итальянской общественности по меньшей мѣрѣ неосновательно. Можетъ быть, у перваго перчатки нѣсколько чище, чѣмъ у второго, но фактически оба они представляютъ собой лишь, пользуясь терминологіей Н. К. Михайловскаго, различныя с т е п е н и одного и того же т и п а общественнаго развитія. Интересы національной буржуазіи лежатъ въ основѣ политики одного и другого. Да и насчетъ перчатокъ можно поспорить, вспомнивъ исторію „нейтралитета"...

Джіолиттіанцы отдали войнѣ не только свои голоса, но и печать; они присоединялись къ рѣчамъ министровъ, принимали участіе въ общественной мобилизаціи. Видѣть въ этомъ, подобно многимъ, какой-то подвохъ, значитъ не обнаружить большой политической проницательности. Невольно возникаетъ сравненіе съ болгарской руссофильской оппозиціей, на которую союзники возлагали такія же надежды, какъ нѣмцы на джіолиттіанцевъ. Мы знаемъ теперь, что болгарская оппозиція примирилась съ правительствомъ Радославова (см., напр., „Рус. Вѣд." отъ 26 X, сообщенія г. А. Деренталя). Есть ли основанія предполагать здѣсь „подвохъ"? Малиновцы и радославовцы, саландріане и джіолиттіанцы — это все „споръ славянъ между собой", склока различныхъ буржуазныхъ группъ, которыя въ нужную минуту умѣютъ „объединяться"... И въ Италіи ни правительство, ни одинъ отдающій себѣ отчетъ политикъ не ждетъ съ этой стороны никакой опасности. Уже стало извѣстно, что Джіолитти не явится въ эту сессію въ парламентъ, что отвѣчать на правительственную декларацію будутъ только соціалисты...

Такимъ образомъ, если въ пропагандѣ недовѣрія къ парламенту, которую усиленно ведутъ „интервентисты", на видномъ мѣстѣ въ качествѣ жупела фигурируютъ джіолиттіанцы, то это не болѣе какъ демагогическій пріемъ, пытающійся замаскировать истинную сущность похода... Объ этомъ недавно проговорился одинъ изъ виднѣйшихъ интервентистовъ, депутатъ-республиканецъ проф. Наполеоне Колайанни. Въ статьѣ о предстоящемъ открытіи парламента („Messaggero", № 314) онъ, „осуждая" слишкомъ рѣзкія нападки націоналистовъ, указываетъ, что для такихъ нападокъ и вообще для развитія анти-парламентскихъ настроеній имѣются, къ сожалѣнію, солидныя основанія. Эти основанія покоятся на существованіи въ Италіи и въ парламентѣ опаснаго „внутренняго" врага — соціалистовъ. Мы не будемъ останавливаться на мало-интересной аргументаціи почтеннаго профессора — она какъ двѣ капли воды похожа на всѣ подобнаго рода посрамленія — отмѣчаемъ лишь, что старый и опытный политикъ, говоря о парламентской опасности, ни единымъ словомъ не упоминаетъ джіолиттіанцевъ, а прямо беретъ быка за рога. Походъ противъ парламента былъ косвеннымъ походомъ противъ соціалистовъ, для которыхъ, при существующихъ условіяхъ, парламентская трибуна является однимъ изъ наиболѣе могучихъ орудій дѣйствія.

Въ основу парламентской дѣятельности соціалистовъ въ открывающуюся сессію положенъ порядокъ дня, единогласно принятый группой на собраніи въ Римѣ (31 окт.), совмѣстно съ дирекціей партіи. Основные пункты резолюціи заключаются въ слѣдующемъ: группа констатируетъ все усиливающуюся, подъ предлогомъ военной необходимости, внутреннюю реакцію: аресты

и высылки въ административномъ порядкѣ, цензурные эксцессы, носящіе чисто политически-партійный характеръ, оттягиваніе созыва парламента при явномъ попустительствѣ къ сильной компаніи, направленной съ нѣкоторыхъ сторонъ противъ этого института, „который пролетаріатъ въ настоящей фазѣ общественнаго состоянія признаетъ, какъ мѣсто и естественную гарантію борьбы за всѣ гражданскіе идеи и интересы и потому намѣревается, въ случаѣ надобности, защищать его со всей энергіей"; къ этому ненормальному политическому состоянію присоединяется вызванный войной экономическій кризисъ, сильнѣе всего ударившій по рабочимъ, въ то время, какъ доходы всевозможныхъ поставщиковъ поднялись до скандальной высоты, на которую государственный фискъ не рѣшается наложить руку. Группа „заявляетъ странѣ обо всей этой классовой политикѣ, противоположной объявленной національной гармоніи".

Переходя къ политикѣ международной, группа прежде всего выражаетъ сочувствіе всѣмъ жертвамъ войны („Saluta tutte le vittime della guerra"), затѣмъ указываетъ на провалъ оптимистическихъ гипотезъ, связывавшихся со вступленіемъ Италіи въ войну — присоединеніе балканскихъ государствъ, скорое окончаніе войны и т. п. Убѣжденная, что война не въ состояніи справедливо разрѣшить всѣ великія проблемы жизни народовъ, группа выступаетъ противъ всѣхъ проектовъ расширенія войны, перенесенія ея на новые театры, что лишь усилило бы ея имперіалистическій характеръ. Подтверждая всѣ идеалы справедливости и мира, группа горячо привѣтствуетъ работу совѣщанія интернаціоналистовъ (въ Циммервальдѣ), въ которомъ она видитъ предвѣстіе грядущаго мира, основаннаго на справедливости и свободѣ народовъ. Всѣ эти положенія группа кладетъ въ основу своей дѣятельности въ открывающейся сессіи парламента...

Эти же взгляды развиваются соціалистами въ печати, на собраніяхъ, во всѣхъ партійныхъ институтахъ.

Разумѣется, борьба, поставленная такъ принципіально, не можетъ разсчитывать на широкое общественное сочувствіе. Попутчиковъ, Mitläufer'овъ тутъ быть не можетъ, приходится разсчитывать лишь на свои собственныя силы. Въ Италіи совершается сейчасъ процессъ изоляціи рабочаго класса, имѣющій противъ себя сильный антисоціалистическій блокъ, состоящій, правда, изъ пестрыхъ элементовъ, но спаянный, какъ цементомъ, борьбою съ соціализмомъ. Эта вызванная войной перегруппировка общественныхъ силъ открываетъ начало новой эры въ политической исторіи Италіи...

Чтобы охарактеризовать всю страстность вспыхнувшей вокругъ парламента борьбы, достаточно указать на то, что интервентисты, raison d'être существованія которыхъ, казалось бы, изсякъ одновременно со вступленіемъ Италіи въ войну, спѣшно

реорганизовываются и готовятся повторить майскіе дни... „Центральный Комитетъ“ ихъ организаціи („N. C. C. di asione interventista“) опубликовалъ резолюцію, въ которой въ первую голову „предостерегаетъ парламентъ не измѣнить волѣ страны, сказавшейся въ майскомъ плебисцитѣ“ (ammonisca il Parlamento a non tradire la olontà manifestata dal Paese nei plebisciti del maggio“). О майскихъ дняхъ очень усиленно и благодарно вспоминалъ въ своей рѣчи и министръ Орландо, изъ чего многіе сдѣлали выводъ, что правительство не прочь получить новый „импульсъ“ со стороны площади на предметъ выхода изъ нерѣшительнаго состоянія... Съ своей стороны, и соціалисты, устами Филиппо Турати, заявляютъ, что намѣреваются защищать парламентъ всѣми средствами — словомъ, руками, если будетъ необходимо — и жизнью, личностью... („Noi difenderemo le Parlamento colla voce, col braccio, colla persona sesará necessario“).

Раф. Григорьевъ.

Ноябрь 1915.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Валентинъ Горянскій. *„Крыломъ по землѣ“.* Первая книга стиховъ. Книгоиздательство „Новый человѣкъ“. Петроградъ, 1915 г., цѣна 1 р. 25 к.

Вопреки заглавію книги, авторъ весьма прочно сидитъ на землѣ, страстно любитъ воспѣваемый имъ „каменный плѣнъ“, не рвется ни въ какія заоблачныя выси, и чувствуетъ, видимо, нималой потребности въ какихъ-либо „крыльяхъ“... Скажу больше: съ птичьяго полета ему бы и не увидѣть тѣхъ интимныхъ уголковъ земной жизни, въ которые онъ съ особою любовью погружаетъ свой чуткій внимательный взглядъ: заглавіе книги, такимъ образомъ, отдаетъ „чистокровной“ рекламой — очень досадное обстоятельство, ибо внутри обложки — нѣтъ и слѣда этого повальнаго зла, заражающаго массами современныхъ жрецовъ поэзіи.

Обращаясь къ формѣ стиховъ, мы снова сталкиваемся съ весьма досаднымъ обстоятельствомъ: полное отсутствіе какихъ-либо формальныхъ исканій, упорное, неизмѣнное повтореніе на всемъ протяженіи книги квадратной строфы, съ однообразнымъ чередованіемъ четныхъ и нечетныхъ риѳмъ, и при такихъ „данныхъ“ вдругъ откуда-то, необъяснимымъ образомъ — внѣшность „свободнаго стиха“, требующаго для воплощенія своего изысканнѣйшаго ритмическаго чувства, — стиха, самая потребность въ коемъ можетъ появиться лишь въ итогѣ упорныхъ исканій, какъ результатъ глубокой неудовлетворенности строго періодическимъ возвращеніемъ равновеликихъ стопъ; „пути“ къ свободному стиху у автора не было: за это говорятъ его раннія стихотворенія, сплошь написанныя 4 стопными ямбами и хореями, и вдругъ...

„Ползетъ на самыя прясла,
„Горбится снѣговая дорога,
„Въ звѣздочкѣ зеленой выгорѣло все масло,
„Полетѣла просить его Бога:
„— Дай, скажетъ, Господи, маслица, — а то обидно,
„Чѣмъ я у тебя не лампадка?“—

слѣдующія риѳмы, конечно, будутъ: — „видно“ и „гладко“, — все на своемъ мѣстѣ, — только гдѣ же ритмъ, гдѣ форма, и какъ ненужны становятся самыя риѳмы при столь полномъ презрѣніи стихотворца къ музыкальнымъ элементамъ поэзіи! Риѳма, этотъ стихотворный кадансъ, отмѣчающій этапы ритмическаго теченія рѣчи — не у мѣста въ аритмической прозѣ, каковой по формальному существу своему являются миніатюрныя поэмы Горянскаго, — во имя чего же имъ привѣшиваются эти бутафорскія побрякушки къ мыслямъ и образамъ часто глубоко поэтичнымъ и красочнымъ безъ ихъ дешевой помощи?

Два пути у Горянскаго: либо приняться за систематическую работу преодолѣнія физическихъ свойствъ своего неблагодарнаго матеріала, подвергнуть себя тяжелому искусу серьезной школы, — и такимъ образомъ стать воистину стихотворцемъ-поэтомъ, либо отказаться разъ навсегда отъ всякихъ попытокъ писать стихи, перейти

на художественную прозу. „Великая Страда", заключительный циклъ книги, дающій отзвукъ на текущія грозныя событія міровой жизни — уже несомнѣнно-фальшивый аккордъ, непріятно обрывающій гармоничную музыку интимныхъ переживаній, наполняющихъ всю книгу — Кто не хочетъ испортить себѣ настроенія этой въ общемъ интересной по содержанію книги — пусть не разрѣзаетъ послѣдняго десятка ея неумѣстныхъ страницъ. Ars.

Любовь Столица. *Елена Дѣева.* Романъ. Изд. Виноградье. Москва, 1916 г. ц. 1 руб. 25 коп.

Романъ въ стихахъ посвященъ авторомъ благоговѣйно памяти Пушкина. Попытки изобразить русскій бытъ въ поэмѣ-романѣ встрѣчались не разъ на всемъ протяженіи литературнаго періода отъ „Евгенія Онѣгина" Пушкина до нашихъ дней, но то, что далъ геній, не можетъ дать талантъ, и звучные стихи производятъ лишь досадное впечатлѣніе въ заурядномъ повѣствованіи. Мало еще владѣть стихомъ для того, чтобы намѣчать сложныя и большія задачи творчеству, надо оживить его и духомъ высшаго идейнаго вдохновенія. Романъ Л. Столицы съ этой стороны заставляетъ желать многаго. Нѣсколько удачно схваченныхъ деталей въ бытѣ и его будничномъ обиходѣ еще не даютъ бытовой картины въ широкомъ смыслѣ. Типъ бабушки Дѣевой-купчихи стараго широко-русскаго покроя, — молодыя Елена и Анна Дѣевы и, наконецъ, какой-то игрушечный молодой купчикъ на заграничный ладъ, Данило — все это вращается въ узкомъ кругу чисто личныхъ, индивидуальныхъ переживаній, и не безкопечно далеко отъ настоящаго „романа", добраго стараго времени.

Кроткая, покончившая самоубійствомъ изъ-за измѣны мужа Анна, хищная, пьянящая любовью Елена (Евгеній Онѣгинъ въ женскомъ образѣ: какъ онъ, скитается Елена по „заграницѣ", какъ онъ; разочарована въ жизни) — все это слишкомъ надумано и какъ-то ненужно. А эпилогъ въ 12 строчекъ, заканчивающій „романъ", показываетъ, что подъ конецъ даже и самъ авторъ не зналъ, какъ выпутаться изъ труднаго положенія: дать идею безыдейному. Героиня „романа" вдругъ ни съ того, ни съ сего превращается въ кирасира-добровольца.

„Послѣ дѣвушку узнали;
Шпоры съ ногъ его блистали,
На рукахъ сіяли жъ кольца,
Кудри стриженыя были,
Грудь же — женственно бѣла (sic!)
Въ эту грудь его убили,
Что Елена то была".

Не меньшія оплошности можно найти и въ самомъ изложеніи „романа":

„Взоръ его голубоватый
Серафимски ужасался,
Но ужъ женски улыбался
Ротъ его малиноватый".

Звучность стиха, (въ общемъ довольно гладкаго) опускается иногда до такихъ строкъ:

Поспѣвалъ онъ въ храмъ и Думу,
На банкетъ и на мальчишникъ,
Дома жъ ждалъ студентъ угрюмый
И веселый плутъ барышникъ".

Частицей „же" авторъ вообще злоупотребляетъ, вставляя ее тамъ, гдѣ не хватаетъ для размѣра лишняго слога.

Трудность совладать съ замысломъ „романа", очевидно, отразилась и на формѣ его исполненія.

Т. Г.

Борисъ Садовской. *Полдень. Стихи.* Изд. „Лукоморье". Птг. 1915 г. 300 стр. Ц. 1 р. 50 к.

За періодъ времени 905—914, дата, указанная на титульномъ листѣ, Борисъ Садовской успѣлъ пройти путь подозрительной мистики полугимназическихъ стиховъ:

... „безумныя слова,
несказанныя слова
рвутся изъ груди холодной
въ часъ вечерній, въ часъ вечерній,
въ часъ, когда кричитъ сова"...
(Стр. 13).

— путь моднаго въ нѣкоторыхъ эстетическихъ кругахъ 905 г. пессимизма съ „облаками смерти“, съ беззвучнымъ и нетрогающимъ крикомъ:

... — „Усталость! Затишье! Безстрастные блѣдные лики!
Душа безглагольна, душа онѣмѣла отъ скуки!..“
(Стр. 132, 905 г.)

И кончилъ г. Садовской — бытомъ. Правда, стилизованнымъ — все же бытомъ. Это стихи изъ цикла „Самоваръ“. Но и здѣсь поэтъ не отступаетъ отъ присущихъ ему и характерныхъ для всей книги качествъ: описательности и, такъ сказать, вещности.

... „Иконы древнія развѣсились на стѣнахъ,
Гдѣ прячутся бюро старинныя въ углахъ
Среди вещей и книгъ, разбросанныхъ не втунѣ,
чернѣются холсты Егорова и Бруни,
Тамъ столикъ мраморный, тамъ люстра, тамъ комодъ“...
(стр. 240).

И „втунѣ“ Борисъ Садовской считаетъ себя „пушкиніанцемъ“. Мало для этого написать: „Я встрѣтилъ Васъ средь блеска бала“ и выпустить барскую книжечку о поэзіи!.. Отъ его творчества, если и пахнетъ, то слишкомъ дурно воспринятымъ Пушкинымъ... Ничего не подѣлаешь — теперь не „йдутъ“, а „идутъ“!.. И отъ этой стилизаціи, какъ и вообще отъ стилизаціи, непріятно отдаетъ мертвечиной...

А отъ слѣдующихъ стиховъ:

... „Родился я въ одиннадцатый день,
Какъ вѣщій Достоевскій былъ схороненъ. (Какая значительность!)
Въ тѣ времена, надъ Русью встала тѣнь
И былъ посѣвъ кровавый ей взборонен.
Въ тѣ времена тревожный гулъ стоналъ,
Клубились слухи мутные въ столицѣ
И на Екатерининскій каналъ
Уже готовились идти убійцы“... —

Отъ этого — отдаетъ просто... Лукоморьемъ...

Н. Венгровъ.

В. В. Брусянинъ. *Темный ликъ.* Романъ Книгоиздат. „Жизнь и Знаніе“. Ц. 2 руб.

У творцовъ современной художественной литературы искренность убѣжденій и вѣрность идеямъ не столь ужъ частое явленіе, — и съ этой стороны романъ г. В. Брусянина имѣетъ нѣкоторыя заслуги передъ книгами, „свободными“ отъ всякихъ идей. Но, какъ извѣстно, кромѣ благородныхъ заданій и живѣйшаго сочувствія автора „передовымъ идеямъ“, читатель требуетъ отъ художественной литературы правдиво изображенныхъ картинъ жизни, требуетъ ярко очерченныхъ образовъ и фигуръ, проникновенія духомъ описываемой обстановки, времени и явленій...

Этимъ требованіямъ ни въ коемъ случаѣ и ни въ какомъ размѣрѣ романъ „Темный ликъ“ не удовлетворяетъ.

Творческія силы — возможности уважаемаго автора болѣе, чѣмъ скромны, а тема, которую онъ пытался охватить въ „Темномъ ликѣ“,— сумбурнѣйшее восьмилѣтье 1906 — 1913 гг. въ цѣломъ была бы подъ силу, пожалуй, только Толстому.

Нѣтъ, положительно, никакой возможности перечислить здѣсь всѣхъ „вопросовъ“, затронутыхъ авторомъ въ своемъ романѣ. Ни одной мелочи, о которой въ послѣднія десять лѣтъ упоминалось въ газетахъ, не упустилъ г. Брусянинъ...

Но что же новаго сказалъ авторъ своимъ романомъ читателю, знакомому съ этими вопросами по газетамъ? Кажется, ничего новаго не сказалъ. На жгучія темы послѣднихъ лѣтъ написаны у насъ Боборыкинымъ „Переломъ“, г. Чулковымъ „Сатана“, Р. Григорьевымъ—„На ущербѣ“, Ропшинымъ „То, чего не было“, „Конь блѣд

ный", Андреевымъ „Сашка Жегулевъ". И во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, каждый въ мѣру своихъ силъ, былъ творцомъ, имѣлъ свое лицо Каждый изъ названныхъ писателей очертилъ себѣ опредѣленный кругъ явленій, въ предѣлахъ котораго онъ старался разсказать, какъ умѣетъ, что думалъ и что знаетъ о нихъ.

Нѣсколько иначе поступилъ въ своемъ романѣ „Темный ликъ" г. В. Брусянинъ, и вполнѣ понятно, почему этотъ объемистый романъ не можетъ разсчитывать на вниманіе даже самаго невзыскательнаго читателя. Исторія—не исторія; хроника—не хроника, наблюденіе—не наблюденіе, ибо здѣсь все въ готовомъ видѣ, все подъ ярлыкомъ, все такъ, какъ знаетъ всякій грамотный человѣкъ, читавшій газеты.

Великое десятилѣтіе 1905—1915 г.г. ждетъ еще своего геніальнаго творца, который покажетъ его настоящій (темный или свѣтлый) историческій ликъ...

Д. Волковъ.

А. Ремизовъ. *„Укрѣпа".* Слово къ русской землѣ о землѣ родной, тайностяхъ земныхъ и судьбѣ. Изд-во Лукоморье.

О „святой и крѣпкой Руси" должна, повидимому, разсказать послѣдняя книга Ал. Ремизова „Укрѣпа", — собраніе сказокъ и легендъ Самарской, Пермской губерній и Сѣвернаго края. Въ коей мѣрѣ, однако, сказки эти выявляютъ „святую и крѣпкую Русь", — сказать трудно. Врядъ ли даютъ онѣ почву для особо-новыхъ или интересныхъ выводовъ относительно народной психологіи и народнаго творчества; клады, черти, оборотни, ночь подъ Ивана Купалу, живая вода, Никола-угодникъ, цари и царевичи, святые пустынники, Божіи угодники, Баба-яга, — весь этотъ классическій репертуаръ русскихъ народныхъ сказокъ не пріобрѣтаетъ значительности подъ перомъ Ремизова. Точно также не даютъ эти сказки матеріала для обоснованія тезиса „святая, крѣпкая Русь", составляющаго, такъ сказать, motto сборника. Начать съ того, что мораль многихъ сказокъ болѣе, чѣмъ сомнительна. Врядъ ли утверждаетъ святость сказка о пустынникѣ, соблазненномъ дьяволомъ на блудъ и убійство, но спасеннаго отъ ада благодаря тому, что онъ во время перекрестился („Награда"); или сказка о томъ, какъ парень убилъ разбойника и получилъ въ награду богатство („Подожокъ"); или о томъ, что захочетъ Господь,— дастъ въ награду за терпѣніе богатство, захочетъ — назадъ отниметъ („На все Господь!"); или многочисленныя сказки о томъ, какъ люди чертей обманываютъ; или о томъ, какъ снялъ пьяница кабакъ, а чортъ помогалъ ему торговать и грабить и какъ купилъ пьяница „на награбленныя деньги постоялый дворъ, пересталъ пить и сдѣлался набожнымъ человѣкомъ"(sic!) („Кабачная кикимора"). Если къ этому прибавить, что непремѣнный элементъ всѣхъ сказокъ составляютъ обманъ, убійство и т. д., то станетъ яснымъ, что „Слово къ русской землѣ о землѣ родной" во всякомъ случаѣ не повѣствуетъ о „святой и крѣпкой Руси", о прославленіи коей говоритъ лирическое введеніе сборника.

Первая часть сборника „Укрѣпа" носитъ названіе „Страдной Россіи". Солдатамъ на поляхъ битвы посвящаетъ авторъ эту часть, гдѣ собраны солдатскія сказки. Но и онѣ по типу и складу своему не отличаются отъ прочихъ сказокъ.

Но что же въ итогѣ укрѣпляетъ Ремизовская „Укрѣпа"? Увы, только то старое положеніе, что скорбь о грѣшной Россіи легче находитъ себѣ художественное выявленіе, нежели гордость „святой Русью". Первую Ремизовъ намъ показалъ, относительно второй намъ приходится вѣрить ему на слово.

Мих. Левидовъ.

Дм. Крачковскій. *„Человѣческая весна“.* Разсказы. Кн-во, бывш. М. В. Попова, Петроградъ, 1916 г.

Про автора этихъ разсказовъ нельзя сказать, что онъ владѣетъ своими словами: наоборотъ, слова имъ владѣютъ. Отдаваясь ихъ потоку, Крачковскій плететъ словесное кружево, нанизывая слово за словомъ, нерѣдко безъ всякаго смысла. Художественной в о л и лишены почти всѣ его произведенія. Отъ этого — ихъ несвязность и хаотичность. Мелькаютъ въ нихъ обрывки впечатлѣній, кусочки мыслей, воспоминанія, лица, улыбки, гримасы, какія-то звѣрюшки, какіе-то цвѣточки, травка, запахи. Облачко проплыветъ, тая, — и облачко зарисуетъ г. Крачковскій. Птичка пролетитъ — и птичку поймаетъ Кошка гдѣ-нибудь на крышѣ мяукнетъ, — и кошку къ дѣлу пристегнетъ: такая ужъ у него импрессіонистская манера сваливать въ кучу ряды мимолетныхъ воспріятій. Иные наброски удаются г. Крачковскому. Сверкнетъ кусочекъ природы, блестящій, свѣжій, почти живой, — и скроется подъ водопадомъ словъ, незначительныхъ, случайныхъ, надоѣдливыхъ.

Человѣкъ и природа — такова тема г. Крачковскаго. Природа изрѣдка улыбнется автору; человѣкъ же рѣшительно у него не вытанцовывается. Людей просто нѣтъ на его страницахъ, мы ихъ не видимъ, не ощущаемъ. Знаемъ, какія шляпы носятъ они и сколько рублей съ копейками уплачено за послѣднюю обновку; авторъ подчеркиваетъ, какъ у одной героини его „дрожитъ нижняя губа“, а „глаза ея хохочутъ“; какъ кончики усовъ у какого-то господина „дрожатъ“, а у другого — „обнажаются“; какъ „наливается кровью шея“, и многое другое въ томъ же родѣ, — но живыхъ представленій не возникаетъ въ нашемъ сознаніи.

Дочитавъ книгу, закрываешь глаза, хочешь возстановить въ памяти какую-нибудь мысль, либо переживаніе, припомнить образъ, — н и ч е г о! Клочки тумана, облака, каскады словъ, чьи-то имена, какая-то фіолетовая шляпа, платочекъ съ дырочкой, еще что-то, и еще что-то, — разсыпаная какая-то мозаика, которая могла бы быть картиной. М о г л а б ы б ы т ь, потому что у г. Крачковскаго есть чувство краски. Онъ могъ сдѣлать изъ себя художника; но какой-то органическій порокъ мѣшаетъ ему собрать свои впечатлѣнія воедино и изъ груды цвѣтныхъ камешковъ сотворить (хотя бы „мозаичное“) цѣлое. **Вяч. П.**

Życie. *(Жизнь.) Изданіе неперіодическое.* Петроградъ, январь 1916 г. Цѣна 5 коп.

Война ввела въ нормальную жизнь европейскихъ народовъ цѣлый рядъ неожиданностей. Однимъ изъ такихъ явленій было для польскаго народа принужденная массовая эмиграція на Востокъ. Это такъ называемое бѣженство, точнѣе выселенчество, благодаря которому внутри Россіи оказалось, по нѣкоторымъ вычисленіямъ, около милліона жителей Царства Польскаго и Галиціи, поляковъ, евреевъ, русинъ и т. д. Большой процентъ выселенцевъ составляли рабочіе, эвакуируемые вмѣстѣ съ предпріятіями, въ которыхъ они работали, далѣе идутъ крестьяне и интеллигенція. Волна выселенцевъ принесла къ собою рядъ нуждъ какъ физическихъ, такъ и духовныхъ. И вотъ мы являемся въ настоящее время свидѣтелями необыкновеннаго роста польской періодической печати въ Россіи. Въ разныхъ ея мѣстахъ въ короткое время возникло около 20 ежедневныхъ и другихъ періодическихъ органовъ. Всѣ они въ большинствѣ случаевъ клерикальнаго и націоналистическаго направленія. И неудивительно: въ Россію въ полномъ составѣ переѣхалъ главный штабъ націоналъ-демократической партіи, которая здѣсь обосновала и проводитъ свою политическую линію. Въ ея рукахъ оказались всѣ орга

низаціи помощи выселенцамъ, всѣ средства а поэтому и .вся польская пресса.

На этомъ неприглядномъ фонѣ воинствующаго націонализма рѣзко выдѣляется новый демократическій органъ. Въ обоснованіи своей позиціи онъ исходитъ изъ критики націоналистическихъ программъ буржуазныхъ партій всѣхъ трехъ „Zacovow", т. е. частей раздѣленной Польши. Такова статья: „Тройной лоялизмъ польской буржуазіи", гдѣ доказывается, что польская буржуазія расколота на три лагеря, изъ которыхъ каждый иначе, по своему, понимаетъ сущность польскаго вопроса и польскихъ стремленій. Далѣе идетъ другая основная статья—„Имперіализмъ и война", излагающая происхожденіе и смыслъ переживаемыхъ нами событій.

Какъ въ первой, такъ и въ другой статьѣ отсутствуетъ изложеніе демократической точки зрѣнія какъ на рѣшеніе національнаго вопроса, въ частности, проблемы Польши, такъ и на отношенія демократіи къ современнымъ событіямъ. Бѣлыя мѣста въ обѣихъ статьяхъ свидѣтельствуютъ о томъ, что соотвѣтственные выводы авторовъ не могли увидѣть свѣта.

Далѣе, въ сборникѣ имѣются статьи о кризисѣ рабочаго движенія и объ общественныхъ силахъ Россіи въ современный моментъ.

Двѣ статьи посвящены задачамъ польской рабочей эмиграціи въ Россіи. Въ нихъ проводится мысль о необходимости культурнаго сближенія польской и русской демократіи, передъ которыми стоятъ для разрѣшенія въ ближайшемъ будущемъ одинаковыя задачи.

Еще одно интересное замѣчаніе: въ хроникѣ помѣщена переведенная изъ „Русскихъ Записокъ" статья о Циммервальдской конференціи, но и въ ней имѣются бѣлыя мѣста. Очевидно, не все разрѣшенное въ Петроградѣ по-русски можетъ быть напечатано на польскомъ языкѣ.

Полякъ.

Баронъ Д. Г. Гинцбургъ. *О [illegible] ском стихосложеніи.* Опытъ изслѣдованія ритмическаго строя стихотвореній Лермонтова. Посмертное изданіе съ портретомъ автора. Подъ редакціей и съ предисловіемъ Г. М. Князева. Петроградъ. 1915. Стр. LXIII+268, ц. не обозн.

Еще въ срединѣ прошлаго вѣка (1844) Н. Остолоповъ пытался разбушатать нашу школьную теорію стихосложенія. Но только въ наши дни съ легкой руки Андрея Бѣлаго вопросы нашей метрики стали интенсивно разрабатываться, требуя, если не немедленнаго разрѣшенія, то, во всякомъ случаѣ, основательнаго пересмотра. Послѣ „Символизма" Андрея Бѣлаго, сдавшаго въ архивъ ученіе о „классическихъ" ямбахъ и хореяхъ, появился цѣлый рядъ статей и книгъ (В. Недоброво, В. Чудовскаго, С. М Лукьянова, Н. Шульговскаго, С. Боброва и др.), либо довершавшихъ разрушеніе стараго, либо пытавшихся создать новое. Однако, созданіе научно-обоснованной и научно-доказанной теоріи русскаго стихосложенія оказалось дѣломъ очень нелегкимъ, и всѣ шаги, сдѣланные въ этомъ направленіи — не болѣе, какъ попытки истолковать отдѣльныя, частныя явленія стиховъ съ той или иной точки зрѣнія.

Совершенно отдѣльно отъ этихъ работъ стоитъ книга барона Гинцбурга, какъ и потому, что она создавалась внѣ зависимости отъ нихъ (ея основную точку зрѣнія авторъ изложилъ еще въ 1893 году въ своемъ докладѣ „Des rythme dans les vers", въ одномъ изъ засѣданій Неофилологическаго О-ва), такъ и потому, что авторъ ея задался построить цѣлую систему стихосложенія, найти общіе законы метрики. Система его, доказываемая для русской просодіи и подтверждаемая, въ частности, на примѣрахъ поэзіи Лермонтова, должна имѣть, по мнѣнію автора, значеніе универсальное.

Въ основу своего построенія, Гинцбургъ кладетъ теорію оріенталиста Гюйара (Stanislas Guyard) о естественномъ ритмѣ языка; теорію

которая, какъ читаемъ въ предисловіи, „основывается на тождественности законовъ стихосложенія съ законами ритма и законовъ ритма съ законами музыки". Этой теоріи, имѣющей значеніе только для арабскаго языка, да и то нѣсколько гипотетическое (не оспаривалъ, между прочимъ, покойный Ѳ. А. Коршъ), Гинцбургъ придаетъ значеніе универсальное и безусловное и строитъ на основаніи ея законы, претендующіе на значеніе общихъ.

Устанавливая различіе между метромъ и ритмомъ, Гинцбургъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе второму. Метръ — это однообразное и надоѣдливое чередованіе ударныхъ и неударныхъ слоговъ, это стѣснительная, а потому и ненужная рамка, въ которую только неопытные или неталантливые поэты заключаютъ свои стихи. Ритмъ же — это „великолѣпное теченіе животворящей струи природы во вселенной... Ритмъ управляетъ солнечнымъ міромъ, онъ породилъ время, и онъ двинулъ землю въ пространство, онъ же является и музыкальной основой всякаго стихотворенія". „Стихъ разнится отъ прозы тѣмъ, что ко всѣмъ способамъ обычной рѣчи для выраженія мысли онъ прибавляетъ еще соотвѣтствующій чувству поэта ритмъ" (стр. 47). А стихія ритма подчиняется въ стихотвореніи точно тѣмъ же законамъ, что и въ музыкальной композиціи. „Стихъ есть изображеніе ритма рѣчи, вставленной въ рамки музыкальнаго такта".

Это положеніе, глубоко вѣрное и не совсѣмъ новое (его высказывалъ и Бѣлый и другіе) послужило барону Гинцбургу основаніемъ для вывода цѣлаго ряда частью весьма субъективныхъ, частью же и опредѣленно невѣрныхъ заключеній. Къ числу коренныхъ его ошибокъ принадлежитъ ни на чемъ не основанное мнѣніе, что „рамкою стиха долженъ служить 4-хъдольный тактъ" (стр. 256). Ритмы русскаго стиха такъ многоразличны, что подвести ихъ ни подъ 4-хъдольный, ни вообще подъ одинъ какой-либо тактъ невозможно; при передачѣ музыкальной структуры стиха приходится прибѣгать къ весьма многимъ, весьма разнообразнымъ и, зачастую, весьма сложнымъ построеніямъ.

Эта основная ошибка совершенно обезцѣниваетъ всю вторую часть книги, содержащую въ себѣ попытку ритмическаго разбора поэзіи Лермонтова. Принужденный размѣщать главныя и второстепенныя ударенія по заранѣе опредѣленному 4-хъдольнымъ тактомъ плану, авторъ уже post-factum пытается ихъ логически обосновать и психологически оправдать. Вотъ какъ онъ подходитъ, напримѣръ, къ стихотворенію „Ангелъ". Поставивъ главныя ударенія на словахъ небу, ангелъ, тихую, пѣлъ, мѣсяцъ, тучи, внималъ, святой и т. д. черезъ одно слово (не считая предлоговъ, союзовъ и пр.), онъ затѣмъ (стр. 120) поясняетъ. „Вездѣ выдвинуть звукъ, (курсивъ всюду принадлежитъ автору и обозначаетъ слова, подчеркиваемыя главными удареніями) пѣсни; онъ остался живой; словъ же самой пѣсни не уцѣлѣло въ памяти молодой красавицы, безотвѣтной на скучныя, безцвѣтныя пѣсни земли, въ сей юдоли слезъ; вся вселенная внимала святымъ звукамъ, которые тихо льются, какъ чудная гармонія небесныхъ сферъ, безъ шума наполняя собою весь міръ; на небѣ летитъ ангелъ, держа въ объятіяхъ драгоцѣнную душу" и т. д. Нетрудно видѣть, насколько субъективна подобная интерпретація. Невольно задаешься вопросомъ, почему мѣсяцъ и тучи заслуживаютъ больше вниманія, чѣмъ „звѣзды"? Зачѣмъ надо напирать на совершенно случайныя слова въ объятіяхъ, подъ кущами, пренебрегая въ то же время такими существенно-важными эпитетами, какъ „младую (душу")", „райскихъ (садовъ")? и т. д.

Въ другихъ мѣстахъ баронъ Гинцбургъ не только находитъ недостатки Лермонтова, но и пытается

ихъ исправить, предлагая, напр., (стр. 234) вмѣсто Лермонтовскаго стиха :„Отчизну, домъ, друзей, родныхъ“, такое чтеніе:

„Отчизну, друзей, родныхъ“.

А вотъ къ какимъ ухищреніямъ приходится прибѣгать, чтобы объяснить ритмъ „Спора“. Такія значительныя слова, какъ „дымныхъ“, „гладкихъ“, „въ дыму“, „считая“, „Казбекъ“, „на сѣверъ“ и т. д. остаются безъ ударенія, даже второстепеннаго, зато „ужъ (проходятъ караваны“) имѣетъ главное удареніе, „до“, „на“ — второстепенныя; нѣкоторыя слова (нѐдвижи́ма) имѣетъ по два ударенія.

Думаю, что этихъ примѣровъ, отнюдь не самыхъ характерныхъ, не спеціально подобранныхъ, а выхваченныхъ изъ массы подобныхъ, совершенно достаточно, чтобъ убѣдиться въ непригодности того метода, которому съ такимъ усердіемъ служитъ бар. Гинцбургъ.

Все это заставляетъ насъ рѣшительно отказать книгѣ бар. Гинцбурга въ томъ значеніи, которое придаетъ ей и г. Г. М. Князевъ, давшій ей интересно составленное предисловіе, и нѣкоторые рецензенты во главѣ съ Валеріемъ Брюсовымъ.

Особенно печальнымъ намъ кажется то обстоятельство, что авторъ, стоящій на совершенно правильной точкѣ зрѣнія о музыкальной природѣ стиха, можетъ своими выводами дискредитировать эту точку зрѣнія. А ея распространенію и общему признанію, думаемъ, уже наступила пора. **Д. Высодскій.**

„Извѣстія книжныхъ магазиновъ Т-ва М. О. Вольфъ по литературѣ, наукамъ и библіографіи“ и „Вѣстникъ Литературы“. № 1. Январь, 1916 года.

Библіографія, какъ наука, находится въ Россіи еще въ зачаточномъ состояніи. Не говоря уже о разработкѣ библіографіей отдѣльныхъ отраслей науки или вопросовъ общественной жизни, — даже простой учетъ печатнаго матеріала, появляющагося на книжномъ рынкѣ, поставленъ совершенно неудовлетворительно. Библіографическіе журналы можно перечесть по пальцамъ, да и изъ нихъ развѣ только два-три удовлетворяютъ минимуму предъявляемыхъ требованій.

Большая же часть стоитъ ниже всякой критики. Изъ всѣхъ библіографическихъ журналовъ наибольшимъ распространеніемъ пользуются „Извѣстія кн. маг. т-ва Вольфъ“. Но по всей справедливости можно сказать, что достоинства этого журнала обратно пропорціональны его распространенности.

Прежде всего, журналъ носитъ самый безсистѣмчиво-рекламный характеръ. Хроника его переполнена замѣтками объ „одобреніи“ и „допущеніи“ тѣмъ или инымъ „комитетомъ“ того или иного изданія т-ва Вольфъ. Затѣмъ слѣдуютъ сообщенія о выходѣ вторымъ, третьимъ и т. д. изданіемъ такой-то книги, разумѣется, изданной все тѣмъ же т-вомъ. Наконецъ, при дальнѣйшемъ чтеніи, любознательный читатель можетъ почерпнуть совершенно для себя необходимыя свѣдѣнія о томъ, какія новыя книги готовятся къ печати и печатаются... опять-таки тѣмъ же т-вомъ М. О. Вольфъ.

Въ „Вѣстникѣ Литературы“, занимающемъ въ каждой книгѣ 10—12 страницъ, вы находите рядъ „литературно-критическихъ“ статей, посвященныхъ преимущественно либо изданіямъ т-ва, либо книгамъ, въ распространеніи коихъ т-во такъ или иначе заинтересовано. Такъ, въ № 1-мъ, въ первой же статьѣ неумѣренно восхваляется сусально-„историческая“ стряпня нѣкоего М. Д. Ордынцева-Кострицкаго, изданная т-вомъ Вольфъ; въ другой статьѣ весьма сочувственно цитируются стихи футуриста Тихона Чурилина (изд. „Альціоны“, на складѣ въ кн. маг. Вольфа) и наконецъ, въ „Письмѣ въ редакцію книжнаго продавца“ (не изъ магазиновъ ли т ва?), озаглавленномъ: „По поводу одного шаблоннаго упрека“, чрезвычайно назидательно разсказывается о томъ, какъ

„Чарскую сами дѣти требуютъ, т. е. заставляютъ своихъ родныхъ ее требовать". Но все это — куда ни шло. Хвалить свой товаръ никому не возбраняется, а „могій вмѣстити — да вмѣститъ".

Единственное значеніе „органовъ", подобныхъ „Извѣстіямъ" т-ва Вольфъ, — это возможность все же извлечь изъ нихъ свѣдѣнія хотя бы чисто освѣдомительнаго характера: о новыхъ книгахъ, о тѣхъ или иныхъ новостяхъ книжнаго міра и т. п. Но и эта сторона поставлена въ „Извѣстіяхъ" изъ рукъ вонъ плохо, вслѣдствіе удивительной небрежности и безграмотности, съ которыми ведется дѣло.

Нечего и говорить о томъ, что подъ видомъ „новостей" книжнаго міра редакція преподноситъ читателямъ давно уже устарѣвшія и потерявшія всякую цѣнность извѣстія. О книгахъ, давно уже вышедшихъ, говорится здѣсь какъ о готовящихся къ печати. Имена авторовъ безпощадно перевираются и т. д., и т. д... Но даже единственно цѣнный отдѣлъ журнала — каталогъ новыхъ книгъ — обнаруживаетъ полное невѣжество его составителей. Изъ всѣхъ требованій библіографіи тутъ болѣе или менѣе соблюдается лишь одно: распредѣленіе книгъ по отдѣламъ. Но и это — одна лишь видимость. Если васъ интересуетъ какая либо одна область литературы, то вы не можете полагаться на доброкачественность вольфовской классификаціи и должны внимательно просмотрѣть отъ начала и до конца весь каталогъ. И тутъ вы натолкнетесь на замѣчательныя вещи. Напримѣръ, если въ № 1 за 1916 г. вы пожелаете найти хотя бы новую книгу Н. Котляревскаго „Канунъ освобожденія", то должны ее искать не въ отдѣлѣ исторіи, а въ отдѣлѣ „Политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ наукъ и публицистики". Книжка стиховъ Маріи Левбергъ „Лукавый странникъ" какими-то неисповѣдимыми путями попала въ отдѣлъ „Педагогика, учебники, воспитаніе". Не повезло нѣкоему г-ну Н. Я—ову, написавшему книжку: „Пѣвецъ въ станѣ германскихъ воиновъ". Премудрая рука библіографа изъ „Извѣстій" занесла его въ отдѣлъ „Спортъ, охота, игры". Приведенные примѣры взяты наудачу и, при желаніи, можно было бы найти еще хоть два десятка такихъ же. И ужъ, конечно, въ каждомъ такомъ каталогѣ „новыхъ" книгъ значится цѣлая куча изданій, вышедшихъ давнымъ-давно и просто залежавшихся въ книжныхъ магазинахъ т-ва М. О. Вольфъ.

Созданіе хорошо поставленнаго библіографическаго журнала, соотвѣтствующаго потребностямъ науки и жизни, — задача необходимая и являющаяся лишь вопросомъ времени. И это становится особенно ясно, когда перелистаешь нѣсколько книжекъ журнала, подобнаго „Извѣстіямъ по литературѣ, наукамъ и библіографіи" т-ва М. О. Вольфъ.

Леонидъ Старкъ.

Е. Н. Медынскій. *Внѣшкольное образованіе, его значеніе, организація и техника.* Второе изданіе, значительно дополненное и переработанное. 327 стр. + VIII. Ц. 2р. Кн-ство „Наука" М. 1916.

Онъ же. *Методы внѣшкольной просвѣтительной работы.* Съ приложеніемъ статьи Гайдебурова: „Внѣшкольное образованіе и театръ". Изд. автора. 110 стр. + VIII. Птрг. 1915 г. Ц. 50 к.

Внѣшкольное просвѣщеніе народныхъ массъ стало за послѣднее время однимъ изъ боевыхъ лозунговъ мѣстныхъ общественныхъ дѣятелей. Благодаря этому теперь особенное вниманіе обращается на всякое изданіе, посвященное этому вопросу. Среди книгъ, вышедшихъ за послѣдніе три года, наибольшій интересъ внѣшкольниковъ привлекла книга Е. Н. Медынскаго, сдѣлавшаго первую попытку свести воедино, въ извѣстной системѣ, весь уже обширный литературный матеріалъ по внѣшкольному образованію. Въ два года разошлось первое изданіе книги и теперь мы имѣемъ

передъ собою значительно переработанную книгу, по справедливости заслуживающую стать настольной книгой дѣятеля по народному образованію. Въ ней даны и теоретическая разработка общихъ вопросовъ внѣшк-аго образованія, довольно подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ народныхъ домовъ, чтеній, о библіотекахъ, музеяхъ, книжныхъ складахъ и т. д. Написанная практикомъ — внѣшкольникомъ, эта книга Е. Н. Медынскаго несомнѣнно найдетъ своего читателя.

Вторая книга г. Медынскаго является дополненіемъ къ первой и представляетъ „опытъ методики для гг. библіотекарей, лекторовъ, лицъ, ведущихъ занятія со взрослыми, завѣдующихъ народными домами и пр.“ Она должна указать работникамъ практикамъ, какъ нужно вести занятія по различнымъ вопросамъ. Къ сожалѣнію, нельзя сказать, чтобы эта работа была выполнена достаточно основательно. Это скорѣе набросокъ будущей, болѣе обширной работы на ту же тему, такъ какъ методическія указанія автора слишкомъ общи и не даютъ яснаго представленія о томъ, что же нужно дѣлать внѣшкольнику. Однако, несмотря на эскизный характеръ работы, она можетъ быть полезна для лицъ, впервые приступающихъ къ занятіямъ въ области внѣшкольнаго образованія.

А. П.

Проф. Н. М. Книповичъ. *Курсъ общей зоологіи для высшихъ учебныхъ заведеній и самообразованія.* Изд. второе, Девріена. 680 стр.+ VI. 428 рис., 4 табл. и карта. Птрг. 1915. Ц. 5 р. 50 к.

По біологіи животныхъ на русскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько хорошихъ книгъ, — Шимкевича, Мензбира, Синицина и др., но, безспорно, среди нихъ лучшей, какъ по полнотѣ и научности матеріала, такъ и по ясности и популярности языка является книга проф. Книповича. Первое изданіе вышедшее шесть лѣтъ тому назадъ, было встрѣчено очень сочувственно читающей публикой и довольно быстро разошлось. Второе — не представляетъ простой перепечатки перваго: оно все тщательнѣйшимъ образомъ просмотрѣно и многіе отдѣлы переработаны авторомъ заново. Сдѣлано много добавленій, — о внутренней секреціи, въ главѣ о наслѣдственности и мн др. мѣстахъ.

Курсъ проф. Книповича даетъ много больше, чѣмъ обѣщаетъ его заглавіе. Это не только курсъ общей зоологіи, но въ значительной степени курсъ общей біологіи. Всѣ главнѣйшіе вопросы біологическаго характера затронуты авторомъ, и тамъ, гдѣ есть возможность привести цѣнный матеріалъ изъ области ботанической (напр., въ ученіи о наслѣдственности — законы Менделя и др.), онъ всегда это дѣлаетъ.

Мы глубоко убѣждены въ томъ, что разсматриваемая книга и во второмъ изданіи будетъ имѣть такой же успѣхъ, какъ и въ первомъ, такъ какъ она положительно необходимо студентамъ — естественникамъ и преподавателямъ естествознанія, а также представляетъ большой интересъ для всякаго, кто интересуется біологическими вопросами.

А. П.

О. Д. Хвольсонъ. *Знаніе и вѣра въ физикѣ.* Петроградъ, 1916 г.

Проф. Хвольсонъ, по установившейся давно традиціи, первые часы своего курса удѣляетъ разсмотрѣнію какого-нибудь общаго вопроса. Въ нынѣшнемъ году для вступительной лекціи онъ выбралъ интересную тему: знаніе и вѣра въ физикѣ.

Тема эта даетъ широкій просторъ для критическаго анализа содержанія и смысла науки.

Попытаемся изложить читателю точку зрѣнія проф. Хвольсона.

Прежде всего О. Д. Хвольсонъ дѣлитъ все содержаніе физики на три части. (Слѣдуетъ указать, что все, сказанное проф. Хвольсономъ

относительно физики, можетъ быть слово въ слово отнесено и къ любой изъ наукъ.) Затѣмъ разсматривается роль вѣры и знанія въ каждой изъ этихъ частей въ отдѣльности.

Первая часть имѣетъ дѣло „съ фактами качественнаго характера". Здѣсь нужно замѣтить, что „если явленіе наблюдалось другимъ лицомъ, то мы, очевидно, уже не можемъ обойтись безъ того, чтобы отнестись съ довѣріемъ къ тому, почти всегда совершенно намъ чужому, незнакомому наблюдателю. Если мы сами наблюдали явленіе, то опять-таки мы не обойдемся безъ довѣрія къ самому себѣ, къ нашему умѣнію правильно наблюдать, правильно интерпретировать то, что мы видимъ. Итакъ, ясно, что даже въ первой части вѣра играетъ нѣкоторую роль".

Вторая часть физики — это „область количественныхъ законовъ". Но здѣсь помимо того, что было сказано о первой части, справедливы, по мнѣнію, проф. Хвольсона, нѣкоторыя дополненія. „Во-первыхъ, мы вѣримъ въ существованіе закона. Во-вторыхъ, мы вѣримъ, что законъ долженъ быть простъ". Итакъ, во второй части, обнимающей законы физики, вѣра уже, несомнѣнно, сильно преобладаетъ надъ знаніемъ.

Третья часть физики охватываетъ объясненія явленій. Объясненія эти двоякаго рода: a) логическія слѣдствія уже извѣстнаго изъ первыхъ двухъ частей, b) гипотезы. Понятно, что въ случаѣ (a), элементъ вѣры въ объясненіи играетъ такую же роль, какъ и въ предпосылкахъ этого объясненія. Что касается случая (b) — гипотезъ, то „это область чистой вѣры и ни о какомъ знаніи въ этой области не можетъ быть и рѣчи".

Такомъ образомъ мы видимъ, что по созданной проф. Хвольсономъ схемѣ, роль вѣры отъ первой части къ третьей растетъ, между тѣмъ какъ достовѣрное знаніе убываетъ. Но соглашаясь съ этимъ неоспоримымъ выводомъ, читатель безъ труда замѣтитъ, что, въ сущности говоря, здѣсь идетъ рѣчь о вѣрѣ не въ глубокомъ, гносеологическомъ ея значеніи, а главнымъ образомъ, въ этическомъ. Иначе говоря, проф. Хвольсонъ разсматриваетъ не значеніе вѣры въ нашихъ познавательныхъ средствахъ, а довѣріе къ другимъ наблюдателямъ и къ самому себѣ.

Въ заключительной части лекціи проф. Хвольсонъ излагаетъ выводы изъ всего предыдущаго.

По мнѣнію проф. Хвольсона, неправильная, чрезмѣрная оцѣнка роли знанія въ наукѣ приводитъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. „Я думаю, говоритъ проф. Хвольсонъ, что она приводитъ къ великимъ и опаснымъ заблужденіямъ. Тотъ, кто полагаетъ, что въ наукѣ вѣра никакой роли не играетъ и что наука преисполнена знаніемъ, что мы очень многое, а, можетъ-быть, и все, или почти все, знаемъ, тотъ переоцѣниваетъ познавательную способность человѣка, безгранично расширяетъ область якобы познаваемаго и, самъ того не замѣчая, впадаетъ въ грубѣйшія ошибки. Онъ начинаетъ страдать какъ бы маніей умственнаго величія, полагая, что для него уже не существуетъ міровыхъ загадокъ, что у него готово для нихъ полное рѣшеніе. На такой-то почвѣ выросъ тотъ печальный плодъ научнаго недомыслія, который называется матеріализмомъ и который въ настоящее время уже кончаетъ свое безнадежное существованіе. На этой-то почвѣ выросло не менѣе печальное современное заблужденіе, такъ называемый монизмъ".

Въ теченіе своего существованія матеріализму и монизму неоднократно приходилось защищаться отъ критики. Но отъ нападокъ пр. Хвольсона имъ даже не надо защищаться. Возраженія пр. Хвольсона, направлены, въ сущности, не столько противъ матеріализма и монизма, сколько вообще противъ могущества знанія и науки. А защищать въ XX вѣкѣ суверенные права науки и разума, трудъ, пожалуй, уже излишній. **Varthо.**

М. Д. Зажецковъ. *„Всероссійскій Земскій союзъ“* (общіе принципы организаціи и юридическая природа), изд. журн. „Земское Дѣло“ П. 1915 г., ц. 50 к.

Появленіе на аренѣ нашей общественной жизни двухъ новыхъ, крупныхъ общественныхъ организацій: земскаго и городского союзовъ, утвердившихся нѣсколько необычнымъ для нашихъ общественныхъ условій порядкомъ, привлекло къ себѣ вниманіе проф. Зажецкаго, пожелавшаго выяснить юридическую природу союзовъ.

Анализъ автора привелъ къ выводу, что правовымъ источникомъ союзовъ явились постановленія съѣздовъ городовъ и земствъ. Такимъ образомъ юридической основой новыхъ организацій надо считать договоръ между учрежденіями мѣстнаго самоуправленія. Подобный публично-правовой договоръ не только заключается въ распредѣленіи обязанности по отношенію къ разрѣшенію какой-нибудь общей задачи (спеціальные расчеты), но и можетъ творить „новое объективное право“. Такимъ образомъ, утвержденіе правительственной властью создавшихся договорнымъ путемъ союзовъ городовъ и земствъ есть лишь одинъ изъ элементовъ въ созданіи нормъ объективнаго права, подобно тому, какъ однимъ изъ элементовъ является высшая правительственная власть и въ нашемъ законодательномъ механизмѣ.

Авторъ утверждаетъ, что право свободнаго публично-правового договора всегда было заложено въ существѣ учрежденій мѣстнаго самоуправленія, которыя на протяженіи всей исторіи земства стремились къ его осуществленію. Однако, общія неблагопріятныя условія нашего дореформеннаго — полицейскаго государства, мѣшали закрѣпленію права мѣстныхъ самоуправляющихся единицъ на публично-правовое творчество, ибо земство и города были лишены „власти“, также являющейся необходимымъ элементомъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, какъ учрежденій государственныхъ; — лишь война 1904—1905 года и нынѣшняя, помогли проявить городамъ и земствамъ ту полноту публичныхъ правъ, которыя заложены въ основѣ института мѣстнаго самоуправленія.

М. Зажецковъ попутно подчеркиваетъ, что компетенція союзовъ, распространяющаяся на всѣ стороны общественной жизни, внѣшне не связанная съ понятіемъ „мѣстныхъ пользъ и нуждъ“, показываетъ неразрывную связь „мѣстнаго“ съ „государственнымъ“ и еще разъ подтверждаетъ государственный характеръ самоуправленія.

Авторъ, однако, ничего не говоритъ о „легальномъ“ титулѣ союзовъ Единственнымъ фактомъ объективнаго права, на которомъ зиждятся земскіе городскіе союзы, остается лишь актъ 12 августа 1914 г., и при томъ актъ, редактированный въ ограничительномъ для союзовъ смыслѣ. Кромѣ указаннаго акта за союзами стоитъ лишь одинъ голый фактъ ихъ слишкомъ годового существованія и работы. Прецедентъ и давность имѣютъ значеніе въ государственномъ быту культурныхъ европейскихъ странъ, но у насъ пока не привились. Поэтому судьбамъ союзовъ угрожаетъ не мало опасностей. Въ 1904—1905 годахъ земскій союзъ такъ же былъ сорганизованъ, но реакція его свела на нѣтъ. Поэтому необходимо теперь же закрѣпить позиціи союзовъ, проведя право свободнаго договора земствъ и городовъ черезъ законодательныя учрежденія.

Брошюру М. Зажецкова чрезвычайно полезно прочесть дѣятелямъ городского и земскаго союзовъ. Она заставитъ ихъ руководителей озаботиться будущими судьбами этихъ важныхъ политическихъ организацій.

М. Петровъ.

П. Г. Мижуевъ. *Сады-города и жилищный вопросъ въ Англіи.* Изд. Т-ва А. С Суворина — „Новое Время“. Петроградъ, 1916.

XV + 494 стр. Ц. 5 р. 50 к. (въ переплетѣ).

Жилищный вопросъ — одна изъ сложнѣйшихъ проблемъ капиталистическаго вѣка. Являясь органической составной частью общей соціальной проблемы современности, онъ связанъ съ ней тысячью нитей и питается ея корнями. Какъ общая соціальная проблема капиталистическихъ странъ острѣе всего ощущается трудящимися массами городского населенія, такъ и бремя жилищной нужды и ея разнообразныхъ тяжелыхъ послѣдствій падаетъ, главнымъ образомъ, на плечи трудящихся низовъ современныхъ крупныхъ городовъ. Какъ условіемъ коренного рѣшенія общаго соціальнаго вопроса является фундаментальное измѣненіе основъ современной частно-хозяйственной системы, такъ и исчерпывающее разрѣшеніе жилищнаго вопроса немыслимо безъ коренной реорганизаціи господствующей системы соціальныхъ отношеній.

Отсюда вытекаетъ сложность и трудность не только выработки мѣропріятій жилищной политики, но и объективнаго научнаго изслѣдованія причинъ и содержанія современной жилищной нужды. Эта трудность очень хорошо чувствуется и признается лучшими изъ чрезвычайно многочисленныхъ авторовъ по жилищному вопросу. Тѣ изъ нихъ, которые ставятъ вопросъ о коренномъ устраненіи жилищной нужды, неизбѣжно упираются въ такія непреодолимыя трудности, — какъ капиталистическіе законы заработной платы, какъ особо монопольный характеръ капиталистической земельной собственности и вытекающія отсюда особенности городской земельной ренты и спекуляціи городскими землями и домами и т. п. Даже успѣшное за послѣднія десятилѣтія общее кооперативное движеніе наталкивается на совершенно исключительныя препятствія, разъ оно переходитъ въ сферу кооперативнаго жилищнаго строительства — препятствія, коренящіяся какъ разъ въ комбинаціи двухъ только что указанныхъ факторовъ — положенія наемнаго труда и особенностей городской земельной ренты.

Всѣ эти трудности совершенно не существуютъ для нашего автора, все поле зрѣнія котораго исключительно занято благопріятными впечатлѣніями, вывезенными имъ отъ разныхъ англійскихъ экспериментовъ по современной планировкѣ городовъ и по учрежденію городовъ-садовъ. Вотъ почему содержаніе книги, прежде всего, совершенно не оправдываетъ ея заглавія: „Сады-города и жилищный вопросъ въ Англіи". Жилищный вопросъ въ Англіи, въ общемъ, отсутствуетъ въ книгѣ. А то немногое, что подъ этимъ заглавіемъ дано авторомъ на протяженіи 20 страницъ главы II, представляетъ, по его собственнымъ словамъ, „только введеніе къ характеристикѣ Хоуардовскихъ идей о городѣ-садѣ" (стр. 122).

Но это введеніе надо признать весьма скуднымъ. Ибо правильная оцѣнка идей Хоуарда возможна только въ свѣтѣ общей характеристики жилищной проблемы. Между тѣмъ авторъ не только совершенно не затрагиваетъ крупнѣйшихъ сторонъ жилищнаго вопроса въ Англіи, каковы земельная рента и земельная спекуляція, системы ипотечнаго кредита и энергичное (именно въ Англіи) жилищное законодательство, земельная и жилищная политика муниципалитетовъ, мѣры по оздоровленію жилищъ и по сооруженію домовъ для бѣднѣйшей части городского населенія, рѣшительно поставленный (именно въ Англіи) институтъ жилищной инспекціи, дѣятельность тысячъ строительныхъ товариществъ и т. д. Больше того, мы не находимъ въ книгѣ даже намека на общую характеристику соціальныхъ основъ жилищнаго вопроса.

Такимъ образомъ, книга совсѣмъ не стоитъ на уровнѣ современнаго развитія научной литературы о жилищномъ вопросѣ. И это относится

не только къ тому, чего въ книгѣ нѣтъ, но и къ тому, о чемъ она трактуетъ. Въ характеристикѣ идей Хоуарда нѣтъ перспективы, нѣтъ яснаго различенія центральнаго, главнаго отъ второстепеннаго, и общій тонъ книги проникнутъ обывательскимъ оптимизмомъ. Авторъ производитъ впечатлѣніе не столько серьезнаго изслѣдователя, сколько любознательнаго туриста, очарованнаго удобствами и красотою ряда англійскихъ пригородныхъ поселковъ и ихъ дешевизной.

Надо отдать справедливость автору-туристу: онъ не только проявляетъ любознательность, но описываетъ видѣнное съ большой любовью. Его книга читается легко, съ большимъ интересомъ, ибо чувствуется живое наблюденіе, передается множество конкретныхъ фактовъ и чертъ, изложеніе проникнуто искренностью и непосредственностью.

Къ сожалѣнію, непосредственность часто переходитъ въ наивность и увлеченіе ненужными и посторонними дѣлу деталями, иногда чисто личнаго характера.

При всей несомнѣнной искренности автора, заставляющей его признать, что организаторы города-сада по идеямъ Хоуарда „должны были во многомъ пойти на компромиссъ и сдѣлать много уступокъ неумолимымъ требованіямъ жизни“ (355), — вы, однако, тщетно будете искать у г. Мижуева критической оцѣнки утопіи Хоуарда. А критика принципіальная тутъ необходима, — иначе непонятно, почему же прекрасная мечта о городѣ-садѣ оказалась непереваримой для „неумолимой жизни“. Вѣдь Хоуардъ развилъ планъ не только улучшенія жилищныхъ условій, но городами-садами думалъ осуществить „соціальную гармонію“, „счастливое человѣчество“. А между тѣмъ въ единственномъ (во всемъ мірѣ) реализованномъ по идеямъ Хоуарда городѣ-садѣ Лечворсъ (въ 50 верстахъ отъ Лондона) не осуществлено даже полностью коллективное владѣніе приростомъ земельной цѣнностью.

Самъ же г. Мижуевъ признаетъ, что изъ идей Хоуарда больше осуществились тѣ, которыя „касаются какъ санитарной и гигіенической стороны городовъ-садовъ, такъ и ихъ внѣшней красоты. Гораздо труднѣе осуществить экономическія идеи Хоуарда“ которыя „оказались только отчасти проведенными въ жизнь и въ самомъ Лечворсѣ“ (390). Не менѣе важно признаніе Хоуарда, стремившагося къ уничтоженію крупныхъ городовъ, что, кромѣ Лечворса, всѣ остальные эксперименты представляютъ собою вовсе не сады-города, а „сады-пригороды“ (garden-suburbs), „при томъ часто въ такихъ городахъ, которые лучше всего было бы вовсе не увеличивать“ (360). Но г. Мижуевъ не ищетъ даже причинъ этого важнаго обстоятельства, хотя самъ же излагаетъ слѣдующія слова самого Хоуарда: „Одинъ англійскій писатель, когда я ему послалъ свою книгу, отвѣтилъ мнѣ весьма торжественно: „Дни Александра Македонскаго и Филиппа II миновали безвозвратно и люди больше не строятъ городовъ по заказу“ Многіе другіе писатели отвѣчали мнѣ въ подобномъ же родѣ: „Города растутъ, ихъ не создаютъ“ (360).

Въ томъ-то и дѣло, что Хоуардъ игнорировалъ и капиталистическій законъ роста большихъ городовъ, и стихійный вообще, а не планомѣрный характеръ соціальныхъ процессовъ при современной игрѣ частнособственническихъ силъ и интересовъ, и противоположность между городомъ и деревней, и невозможность прочной осѣдлости для пролетарскихъ массъ, и законы наемной платы съ безработицей, и многое другое. Тутъ-то и лежитъ причина расхожденія Хоуардовской мечты съ реальной дѣйствительностью. Это, конечно, не ослабляетъ интереса къ идеямъ Хоуарда, которыя при иныхъ отношеніяхъ собственности могутъ получить полное примѣненіе и въ ихъ соціально-экономической части.

Конечно, не лишены интереса и тѣ идеи цѣлесообразной, гигіенич-

ной и красивой планировки и застройки городовъ, которыя подхвачены и развиты въ книжкѣ Хоуарда Какъ разъ теперь эти идеи могутъ получить неожиданно широкое примѣненіе, благодаря міровой войнѣ, при предстоящемъ возсозданіи многочисленныхъ городовъ, разрушенныхъ военнымъ пожаромъ. Авторъ сообщаетъ: „Намъ извѣстно, что германское правительство въ своихъ стремленіяхъ вернуть благосостояніе пострадавшимъ отъ русскихъ войскъ областямъ Восточной Пруссіи рѣшило оказать городамъ матеріальную помощь въ отстройкѣ ихъ согласно нѣкоторымъ существеннымъ принципамъ садовъ-городовъ“ (494).

Къ достоинствамъ книги г. Мижуева надо отнести систематически подчеркиваемую авторомъ мысль, что своими завоеваніями въ сферѣ жилищнаго вопроса Англія обязана своимъ демократическимъ условіямъ.

Книга снабжена множествомъ прекрасно выполненныхъ иллюстрацій. Напечатана она слишкомъ разгонисто и на слишкомъ хорошей бумагѣ, что, вѣроятно, и дѣлаетъ ея цѣну мало доступной для многихъ читателей.

А. Ерманскій.

В. С. Зивъ. *Иностранные капиталы въ русскихъ акціонерныхъ предпріятіяхъ.* Вып. I-й. Германскіе капиталы. Петроградъ. 1915. 104 стр. Цѣна не обозначена.

Большая часть этой книжки была напечатана въ видѣ статей на страницахъ „Вѣстника Финансовъ“ въ 1914 и 1915 гг. Для освѣщенія роли и значенія германскихъ капиталовъ въ Россіи изслѣдованіе г. Зива не даетъ ничего новаго по сравненію съ работами гг. И. И. Левина: „Герм. капиталы въ Россіи“ и А. Н. Зака: „Нѣмцы и нѣмецкіе капиталы въ русской промышленности“. Въ частности, отъ послѣдней книга г. Зива выгодно отличается стройностью плана и систематичностью изложенія; начинается она полезнымъ сравненіемъ особенностей французскаго, англійскаго и германскаго капиталовъ и продолжается опытомъ болѣе или менѣе точнаго количественнаго учета германскаго акціонернаго капитала, вложеннаго въ нашу электрическую, электро-техническую, желѣзную, химическую, горную и другія отрасли промышленности, а также въ предпріятія по благоустройству населенныхъ мѣстъ. Подобно г. Левину, далекому „отъ проповѣди отказа отъ привлеченія германскихъ капиталовъ въ Россію“ и находящему, что „привлеченіе ихъ можетъ интернаціонализировать иностранные капиталы въ Россіи“ и г Зивъ протестуетъ противъ раздающихся нынѣ подъ вліяніемъ войны голосовъ, будто „германскіе капиталы вообще“ „ничего, кромѣ вреда, не принесли и не приносятъ“ „Для успѣшнаго использованія колоссальныхъ природныхъ богатствъ Россіи, справедливо замѣчаетъ авторъ, и для развитія ея производительныхъ силъ нужны капиталы и капиталы. Тутъ двухъ мнѣній быть не можетъ. Позволительно сказать, что для достиженія такой высокой цѣли могутъ быть использованы и нѣмецкіе капиталы. Вопросъ сводится лишь къ условіямъ пользованія иностраннымъ капиталомъ“. Отмѣтимъ, кстати, что послѣ окончанія войны, у насъ не будетъ никакой возможности выбирать страну для ввоза къ себѣ капиталовъ и диктовать эти условія. Спросъ на капиталы будетъ больше предложенія, и придется получать ихъ тамъ, гдѣ дадутъ, лишь бы дали. Въ виду этого, мы отнюдь не можемъ раздѣлить взгляда г. Зива, что „затрудненіе доступа товаровъ изъ Германіи въ Россію послѣ заключенія мира можетъ дѣйствовать усиленію вліянія германскаго акціонернаго капитала въ Россіи“. И до войны значеніе этого капитала у насъ относительно падало, а послѣ войны положеніе Германіи тоже, вѣдь, ухудшится, а не улучшится. Также мало вѣримъ мы въ „затрудненіе до-

ступа товаровъ изъ Германіи въ Россію", такъ какъ многіе германскіе товары долго еще не будутъ замѣнимыми какими-либо другими. Въ международной торговлѣ страны руководятся соображеніями выгоды, а не любви, и русскіе потребители и купцы предпочитали рядъ германскихъ товаровъ англійскимъ и французскимъ не ради прекрасныхъ глазъ тевтоновъ, а вслѣдствіе дешевизны продукта и качества.

Однако, центръ интереса работы г. Зива не въ заблужденіяхъ и сужденіяхъ вродѣ вышеприведенныхъ, а въ попыткѣ болѣе точнаго количественнаго учета германскихъ капиталовъ въ Россіи. И, если г. Левинъ, опираясь на подсчеты Д-ра Hillringhaus'a преуменьшилъ значеніе у насъ германскихъ капиталовъ, то г. Зивъ, увлекшись генеалогіей нашихъ иностранныхъ акціонерныхъ предпріятій, преувеличилъ это значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ д-ръ Гильрингаузъ насчиталъ германскихъ акціонерныхъ капиталовъ, спеціально предназначенныхъ Россіи, всего лишь на сумму около 25 мил рублей, г. Зивъ даетъ такія цифры: въ электрической промышленности — 85 м. р., электро-технической —43 м. р.; марганцевой—1,5 м. р., металлургической — 28 м. р., металлической — 29 м. р., машино-строительной — 20 м. р., въ химической — 18 м. р., въ горной — 30 м. р., въ нефтяной — 62 м. р., въ разныхъ другихъ фабрикахъ и заводахъ — 69 м. р. и наконецъ, въ предпріятіяхъ по благоустройству населенныхъ мѣстъ — 20 м. р. (трамван) и 5 м. р. (газовые заводы). Всѣ эти цифры выражаютъ величину основныхъ капиталовъ и даютъ въ суммѣ: 420,5 м. р.! Какъ видно отсюда, разница въ цифрахъ огромная: 25 и 420 м. р Кромѣ склонности г. Зива считать германскимъ каждое предпріятіе, которое когда-либо было основано при томъ или другомъ участіи германскихъ капиталовъ, указанная разница объясняется и тѣмъ, что авторомъ онѣмечена масса предпріятій, нынѣ или вполнѣ русскихъ, бельгійскихъ или французскихъ, но въ которыхъ въ той или иной степени имѣются германскіе акціонеры или связи съ германскими финансовыми сферами. Потому, говоря точнѣе, 420 м р. есть сумма основныхъ капиталовъ въ тѣхъ изъ нашихъ предпріятій, въ которыхъ, въ какой бы то ни было степени, иногда весьма ничтожной, заинтересованы германскіе капиталы. Немудрено, что по мѣрѣ печатанія статей г. Зива редакція „Вѣстника Финансовъ" получила рядъ писемъ отъ разныхъ фирмъ, которыя протестовали противъ причисленія ихъ къ германскимъ. Но г. Зивъ не выкинулъ ихъ изъ своихъ подсчетовъ. Протесты эти продолжаются и до сихъ поръ и, напримѣръ, въ № 2 „В. Ф." уже за 1916 г. бельгійскій посланникъ прислалъ рядъ столь существенныхъ поправокъ къ подсчетамъ г. Зива, германизировавшимъ почти всѣ бельгійскія предпріятія по благоустройству въ Россіи, что отъ германскихъ трамвайныхъ предпріятій въ Россіи послѣ этихъ поправокъ не остались почти ничего. Вообще, если г. Зивъ, забывая пословицу „гдѣ тонко, тамъ и рвется", будетъ и впредь доходить до самыхъ „тонкихъ нитей" въ установленіи связей нашихъ предпріятій съ иностранными, то при продолженіи его работы цѣлый рядъ упомянутыхъ уже предпріятій будетъ фигурировать и въ числѣ французскихъ, бельгійскихъ, англійскихъ и т. д. Вѣдь, капиталъ международенъ, и тонкія нитки связываютъ все капиталистическое о-во. Не лучше ли поэтому взять какой-либо болѣе твердый признакъ для опредѣленія національности предпріятія?

А. Н-скій.

І. М. Кулишеръ. *Германскій экспортъ и борьба съ нимъ.* Петроградъ. 1915. 61 стр. Ц. 50 коп.

Названная брошюра печаталась въ видѣ статей въ №№ 5, 7 и 14

„Вѣстника Финансовъ“ за 1915 г. Она раздѣлена на три главы: 1) Общіе принципы постановки информаціоннаго дѣла въ области экспорта; 2) коммивояжеры, реклама, склады товарныхъ образцовъ и 3) торговые музеи. Брошюра можетъ служить хорошимъ дополненіемъ къ книжкѣ г. Лейтеса „Германскіе коммивояжеры“. Болѣе всего можетъ принести пользы ознакомленіе съ этой брошюрой тѣмъ изъ представителей нашего торгово-промышленнаго класса, которые занимаются производствомъ на экспортъ и экспортной торговлей. Но, такъ какъ она представляетъ собою какъ бы краткій очеркъ методовъ современной экспортной торговли и сравнительную оцѣнку ихъ, то она можетъ быть прочитана съ интересомъ и болѣе широкимъ кругомъ читателей, интересующихся экономическими вопросами, тѣмъ болѣе, что въ книгѣ можно найти достаточно указаній объ истинныхъ причинахъ успѣховъ Германіи и неуспѣховъ ея конкурентовъ на міровомъ рынкѣ, поскольку таковые зависятъ отъ той или иной организаціи экспорта.

Причины успѣха Германіи за послѣднія три десятилѣтія, зависятъ, во-1-хъ, отъ приспособленія ко вкусамъ покупателей, этнографическимъ и географическимъ условіямъ страны и т. д. вплоть до приспособленія къ предразсудкамъ и суевѣріямъ жителей; во-2-хъ. — изученія таможенныхъ правилъ и порядковъ въ данной странѣ; въ 3-хъ, — отъ дешевизны товаровъ при условіи добраго качества главныхъ и существенныхъ ихъ частей и, въ 4-хъ, — относительно продолжительныхъ сроковъ кредитованія покупателей (до 12—15 мѣсяцевъ). Задачу изученія рынка и таможенныхъ условій облегчаетъ нѣмцамъ образцовая организація института коммивояжеровъ, являющихся: во-1-хъ, информаціоннымъ органомъ, во-2-хъ — орудіемъ пропаганды-рекламы, въ широкомъ смыслѣ слова, и въ 3-хъ, орудіемъ сбыта. Большую роль въ успѣхахъ германцевъ играютъ также хорошо поставленная реклама (заимствованіе у американцевъ) и организація экспортныхъ союзовъ и экспортныхъ складовъ образцовъ, умѣлое использованіе всемірныхъ выставокъ. Коротко говоря, успѣхи германскаго экспорта объясняются тѣмъ, что и изъ экспортной торговли Германія сдѣлала прикладную науку или искусство, требующія массу знаній и энергіи.

Въ чемъ причины неуспѣховъ ея конкурентовъ? Всѣ французскіе авторы „жалуются на экономическій упадокъ Франціи, вслѣдствіе отсутствія энергіи и иниціативы у населенія, вслѣдствіе стремленія французовъ къ сытой и обезпеченной жизни рантье“. „Англичанинъ и французъ, — говоритъ г. Кулишеръ, — уступаютъ нѣмцу не въ недостаткѣ знанія торговыхъ дѣлъ, а въ томъ, что они либо не хотятъ вовсе знакомиться со вкусами, желаніями и предразсудками покупателя, либо, зная, игнорируютъ ихъ, считаютъ, что они сами лучше могутъ судить о томъ, какого вида и качества долженъ быть изготовляемый товаръ“. Авторъ приводитъ рядъ поразительныхъ примѣровъ. Къ свѣдѣнію русскихъ экспортеровъ, г. Кулишеръ пишетъ, что „быстро расползающіяся ткани, лопающаяся посуда, ломающіеся инструменты не годятся для экспорта и... къ некультурнымъ народамъ“ (ср. Боголѣповъ Соболевъ. „Очерки монгольской торговли“). А вотъ еще сравнительная характеристика германскихъ и нашихъ мѣстныхъ торговыхъ агентовъ и коммивояжеровъ. „Въ центральной Америкѣ (какъ и въ Африкѣ) — по словамъ г. Кулишера, — это молодые люди, очень дѣльные, образованные, съ солидной подготовкой“. Напротивъ, „служащіе русскихъ торговыхъ фирмъ Монголіи, какъ постоянныхъ отдѣленій, такъ и коммивояжеры, отличаются крайней невѣжественностью, едва грамотны, не имѣютъ представленія о бухгалтеріи, не умѣютъ ни писать, ни читать по-монгольски. Впрочемъ, и хозяева стоятъ не выше ихъ; и

тѣ, и другіе едва умѣютъ написать свою фамилію...“

Отсюда для тѣхъ, кто хочетъ успѣшно конкурировать съ Германіей,—не новая, но ясная мораль: сдѣлать Россію прежде всего культурной и самодѣятельной страной. Только тогда приложится и все остальное. И къ этой морали приводитъ сравнительное изслѣдованіе любой стороны нашей жизни.

А. Н.

КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ.

Алтаевъ, Ал. *Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ.* Историческая повѣсть изъ русской жизни XVII в. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 170. Ц. 65 к.

Артемьевъ, Вячеславъ. *Власть плоти.* Кн. III. Кн-во „Современныя проблемы“. М. 1916. Стр. 272. Ц. 1 р.

Архиповъ, Николай. *Темныя воды.* Романъ. Изд. „Виноградье“ М. 1916. Стр. 184. Ц. 1 р. 25 к.

Брейтманъ, Григорій. *Разсказы.* Т. I. Товарищеское изд-во „Союзъ“. Кіевъ. 1913. Стр. 178. Ц. 1 р.

Брусянинъ, В. В. *Въ рабочихъ кварталахъ.* Очерки. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 309. Ц. 1 р.

Брусянинъ, В. В. *Темный ликъ.* Романъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 495. Ц. 2 р.

Верхарнъ, Эмиль. *Окровавленная Бельгія.* Авториз. пер. съ фр. Н. Кончевской, съ пред. автора къ русск. изд. Стих. переведены М. Волошинымъ. Скл. изд. Москва. Трехпрудный, 7. М. 1916. Стр. 148. Ц. 1 р.

Верхоустинскій, Б. *Утренняя звѣзда.* Изд. „Лукоморье“. П. 1916. Стр. 203. Ц. 1 р. 50 к.

Гаазе, Е. *Земная кора.* Введеніе въ изученіе геологіи, пер. и доп., В. П. Дитмара, съ пред. С. Т. Григорьева. Кн-во „Космосъ“. М. 1916. Стр. 210. Ц. 2 р. 25 к.

Горькій, М. *Дѣтство.* Т. XX. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 340. Ц. 1 р. 50 к.

Горькій, М. *Пожаръ и др. разсказы.* Т. XVI. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 252. Ц. 1 р. 50 к.

Горькій, М. Сказки. Т. XVII. Кн-во „Жизнь и Знаніе“. П. 1916. Стр. 258. Ц. 1 р. 50 к.

Григорьевъ, Р. *На ущербѣ.* Романъ, изд. 3-е; скл. изд.: Кн-во и-ки. маг. б. „М. В. Попова“. Петроградъ, Невскій, 66. П. 1916. Стр. 288. Ц. 1 р. 50 к.

Григорьевъ, Р. *Недавнее.* Романъ. Т. I. Кн-во б. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 185. Ц. 1 р. 25 к.

Гусевъ-Оренбургскій, С. И. *Въ Приходѣ.* Т. IV. Изд. „Жизнь и Знаніе“. П. 1915. Стр. 301 Ц. 1 р. 25 к.

Гюлистанъ. *Альманахъ I.* Кн-во „Гюлистанъ“. М. 1916. Стр. 164. Ц. 2 р. 10 к.

Ежегодникъ *газеты „Рѣчь“ на 1915 годъ.* Изд. ред. газеты „Рѣчь“. П. 1916 г. Стр. 524.

Екатеринославская деревня *послѣ закрытія виноторговли.* Литературно-статистическій очеркъ подъ ред. П. К Соколова. Изд. Екат. губ. Земства, Екатеринославъ. 1915. Стр. 66.

Жеромскій, Стефанъ. *Забвеніе.* Разсказы. Пер. Вл. Высоцкаго, подъ ред. Л. Козловскаго. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 194. Ц. 1 р. 25 к.

Замятинъ, Е. *Уѣздное.* Повѣсти и разсказы. Книг. М. В. Попова. П. 1916. Стр. 195. Ц. 1 р. 50 к

Земля, *Сборникъ XVII.* М. Арцыбашевъ. — Женщина, стоящая посреди. Е. Чириковъ. — Волжскія сказки. Ив. Рукавишниковъ. — Убійство. Московское книгоиздательство. М. 1915. Стр. 229. Ц 1 р. 50 к.

Кауфманъ, А. А. *Теорія и методы статистики.* Рук. для учащихся и для лицъ, посвящающихъ себя статистическому труду. Изд. 3-е, перераб. Изд. Т. А. Лемана и С. И. Сахарова. М. 1916. Стр 601. Ц. 3 р. 50 к.

Кій. *Задачи профессіональныхъ союзовъ.* Изд „Пора". Саратовъ. 1916. Стр. 12. Ц. 5.

Кинешемскій календарь - ежегодникъ *на 1916 г.* Изд. Кинешемскаго Уѣзд. Земства. Кинешма, 1916. Стр Ц. 35 к.

Коганъ, П. С. *Прологъ. Мысли о литературѣ и жизни.* Изд. Я. М. Нейенбурга. П. 1915. Стр. 63. Ц. 60 к.

Коллонтай, А. *Общество и материнство.* 1. Государственное страхованіе материнства. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1916. Стр. 641. Ц. 3 р. 50 к.

Кондратьевъ, Н. Д. *Развитіе хозяйства кинешемскаго земства Костромской губ.* (Соц. - эконом. и финанс. очеркъ, съ пред. проф. П. П. Мигулина, подъ ред. прив.-доц. А. І. Буковецкаго. Изд. Кинешемскаго Уѣзд. Земства. Кинешма, 1915. Стр. 403. Ц. 1 р. 50 к.

Королевъ, Владимиръ. *Всѣмъ скорбящимъ.* Вторая книга призовъ. Изд. автора Ярославль, 1915. Стр. 46. Ц. 55 к.

Королевъ, Владимиръ. *Лазурные пражи.* Лирика (1909—1913). Изд. автора. Ялта, 1914. Стр. 56. Ц. 60 к.

Кошкаревъ, С. Н. *Сермяжная Русь.* Скл. изд.: Москва, Новая Божедомка, П. М. 1916. Стр. 28. Ц. 20 к.

Лазаревскій, Борисъ. *Новыя дѣвушки. Послѣднія.* Изд. „Лукоморье" П. 1916 Стр. 251. Ц. 1 р. 50 к

Лозинскій, С. Г. *Царствованіе Франца - Іосифа.* Политическій очеркъ современной Австріи. Скл. изд. при кажд. кн. скл. „Право". П. 1916. Стр. 205. Ц. 1 р. 50 к.

Макъ-Дауголлъ, У. проф. *Основныя проблемы соціальной психологіи.* Пер. съ 4 англ. изд. М. Н. Смирновой, подъ ред. Н. Д. Виноградова. Кн-во „Космосъ". М. 1916 Стр. 281 Ц. 2 р. 50 к.

Мандельштамъ, О. *Камень. Стихи.* Изд „Гиперборей". П. 1916. Стр. 28 Ц. 1 р. 25 к.

Мицкевичъ, Адамъ. *Конрадъ Валленродъ.* Историческая повѣсть. Вступленіе Д. Н. Овсянико-Куликовскаго. Пер. М. Славинскаго. Кн-во „Жизнь и Знаніе. П. 1915. Стр. 99. Ц. 60 к.

Мурашевъ, Петръ. *Искра въ туманѣ.* Разсказы Т. І. Скл. изд. въ кн. маг. б. М. В. Попова. П. 1916 Стр 184. Ц. 1. р. 25 к.

Отчетъ *Нижегородскаго уѣзднаго комитета всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ раненымъ и семьямъ призванныхъ на войну.* На 1-й годъ существованія. Нижній-Новгородъ. 1916.

Ремизовъ, Алексѣй. *Укрѣпа.* Слово къ русской землѣ о землѣ родной, тайностяхъ земныхъ и судьбѣ. Изд. „Лукоморье". П. 1916. Стр. 140. Ц. 1 р. 75 к.

Ролловъ, Юрій. *Побѣдныя бури.* Думы въ пѣсняхъ. Первая книга. Скл. изд.: Ново-Благословенная ул., Слободской пер., 15, кв. 2. М. 1915. Стр. 63. Ц. 45 к.

Садовскій, Борисъ. *Полдень.* Собраніе стихотв. (1905—1914). Изд. „Лукоморье". П. Стр. 300. Ц. 1 р. 50 к.

Самозащита. *Марксистскій сборникъ. І.* Скл. изд. „Земля" въ Петроградѣ, и „Кн-во Писателей въ Москвѣ". П. 1916. Стр. 141 Ц. 1 р. 25 к.

Санжаръ, Надежда. *Книга о человѣкѣ.* Первая. Скл. изд. контора журн. „Бюллетени Лит. и жизни". М. 1916. Стр. 188. Ц. 1 р.

Сказки. *Утѣхи досужія.* Вступ. статья Е. А. Ляцкаго. Изд. „Огни", П. 1916. Стр. 2 6. Ц. 2 р.

Слово. *Сб. V.* Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 288. Ц. 1 р. 75 к.

Стафѣевъ, Георгій. *Записки съ того свѣта.* Скл. изд. Литер общ. „Ars" П. 1916. Стр. 13. Ц. 25 к.

Тетмайеръ, Казимиръ. *Карпатскіе разсказы.* Т. І. Пер. Вл. Высоцкаго, под. ред. Л. Козловскаго. Кн-во

Писателей въ Москвѣ. М. 1916 191. Ц. 1. р 25 к.

Треневъ, К. *Владыка.* Разсказы. Изд. 2-е. Кн-во Писателей въ Москвѣ. М. 1915. Стр. 243. Ц. 1 р. 25 к.

Третья книга отъ Ѳедора Платова. Изд. „Центрофуга". М. 1916. Стр. 69. Ц. 1 р.

Уильямъ, Дж. Локкъ. *Случайность.* Романъ, пер. съ англ. З. Журавской. Кн-во „Сѣверные дни". М. 1916. Стр. 292. Ц. 1 р. 50 к.

Уильямъ, Дж. Локкъ. *Узурпаторъ.* Романъ, пер. съ англ. Г. Журавской. Кн-во „Сѣверные дни", М. 1916. Стр. 300. Ц. 1 р. 50 к.

Холлъ Кэйнъ. *Жена, которую Ты далъ мнѣ.* Романъ. Т. I. А. Маевскаго. М. 1915. Стр. 584. Ц. 1 р. 75 к.

Цинбергъ, С. Л. *Исторія еврейской печати въ Россіи въ связи съ общественными теченіями.* Скл. въ кн. маг. „Эзро". П. 1916. Стр. 264. Ц. 1 р. 50 к.

Шершеневичъ, Вадимъ. *Автомобилья поступь.* Изд. „Плеяды". М. 1916. Стр. 86. Ц. 1. 25 к.

Шершеневичъ, Владиміръ. *Быстрь.* Монологическая драма. Изд. „Плеяды" М. 1916. Стр. 40. Ц. 1 р.

Шершеневичъ, Владиміръ. *Земная улица.* Статьи и замѣтки объ искусствѣ. Изд. „Плеяды". М. 1916. Стр. 131. Ц. 1 р. 25 к.

Шиловъ, Алексѣй, прис. пов. *Знаменитый ученый на службѣ у алкогольнаго капитала.* Изд. автора. М. 1916. Стр. 26. Ц. 15 к.

Шретеръ, М. В. *Пѣсни чижика.* Книга вторая. Скл. изд. Кн-во „Сиріусъ". П. 1915. Стр. 140. Ц. 90 к.

Юркунъ, Юръ. *Разсказы.* Изд. „Лукоморье". П. 1916. Стр. 254. Ц. 1 р. 50 к.

Юшкевичъ, Семенъ. *Очерки дѣтства.* Т. VIII. Кн-во „Жизнь и Знаніе" П. 1915. Стр. 252. Ц. 1 р.

Юшкевичъ, Семенъ. *Человѣкъ воздуха.* Комедія въ 4 дѣйствіяхъ. Кн-во „Жизнь и Знаніе". П. 1916. Стр. 108. Ц. 1 р.

Издатель А. Н. Тихоновъ. Редакторъ А. Ѳ. Радзишевскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Голосъ Минувшаго".

Ежемѣсячный журн. исторіи и исторіи литературы подъ редакц. С. П. Мельгунова и В. И. Семевскаго. Открыта подписка на 1916 годъ (4-й годъ изданія) и продолжается подписка на 1915 г. Журналъ, какъ и въ предшествующіе годы, будетъ имѣть въ виду интересы широкихъ круговъ интеллигентныхъ читателей, обращая вниманіе на темы, способствующія историческому пониманію текущей жизни. Журналъ иллюстрируется портретами. Подписчики на 1916 годъ имѣютъ право пріобрѣсти въ конторѣ журнала на льготныхъ условіяхъ историческія книги изданія „Задруга" (между прочимъ, изданіе „Масонство въ его прошломъ и настоящемъ" за 18 руб. вм. 21 руб.). Условія подписки: на годъ 12 руб., на $^1/_2$ года 6 руб. Для народныхъ учителей и учащихся допускается разсрочка. Подписка принимается: въ конторѣ журнала Москва, М. Никитская, д. 29, кв. 6. — Кн-во „Задруга", въ Петроградѣ: кн. складъ „Земля" — Невскій, 55, К-ра журн. „Русскія Записки" — Баскова, 9, Кн-во „Огни" — Фонтанка, 60, кв. 2 и кн. складъ „Провинція" — Стремянная, 6, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

„Извѣстія Московской Городской Думы".

Въ 1916 году будетъ продолжаться (40-й годъ) изданіе журнала. Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками отъ 10 до 15 печ. листовъ и раздѣляется на три отдѣла, по 12 номеровъ въ каждомъ: 1) Отдѣлъ Общій, посвященн. разработкѣ вопросовъ городской жизни въ Россіи и за границей, 2) Ежемѣсячный Статистическій Бюллетень по городу Москвѣ съ безплатнымъ приложеніемъ „Врачебно-Санитарная хроника" и 3) отдѣлъ „Народное Образованіе", въ которомъ помѣщаются статьи по вопросамъ народнаго образованія и обзоры дѣятельности въ этой области г. Москвы и другихъ русскихъ, а также и иностранныхъ городовъ. Цѣна журнала съ пересылкой во всѣ города Россіи: Отдѣлъ I: За 12 мѣс. — 4 руб. 40 коп., 6 мѣс. — 2 р. 20 к., 3 мѣс. — 1 р. 20 к., 1 мѣс. — 40 к. Отдѣлъ II: За 12 мѣсяцевъ 4 р. 40 к., 6 мѣс. — 2 р. 20 к., 3 мѣс. — 1 р. 20 к., 1 мѣс. — 40 к. Отдѣлъ III: 12 мѣс. 3 руб., 6 мѣс. — 1 руб. 50 коп. Подписка принимается: Москва, Городская Управа, Воскресенская площадь, зданіе Думы. Телеф. 262-91.

„Уральскій Кооператоръ".

Открыта подписка на 1916-й годъ, на двухнедѣльный общественно-экономическій и литературный журналъ, издаваемый Уральскимъ Союзомъ Потребительныхъ Обществъ. Журналъ, какъ и въ прежніе годы, ставитъ своей главной задачей быть органомъ объединенія уральской кооперативной мысли. Стремясь къ разрѣшенію этой задачи, журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія жизни съ демократически-кооперативной точки зрѣнія, преданно служа интересамъ трудящихся массъ. Въ 1916 году въ журналѣ будутъ слѣдующіе отдѣлы: Передовыя статьи на мѣстныя и общія темы. Обще-экономическій отдѣлъ. Обще-русская кооперативная жизнь. Обще-русская хроника. Мѣстная кооперативная жизнь. Мѣстная хроника. Фельетонъ Корреспонденціи. За рубежомъ. Библіографія. Смѣсь. Подписная цѣна: На годъ 3 руб., на $^1/_2$ года—2 руб., на $^1/_4$ года—1 руб. Отдѣльный номеръ 15 коп. Съ требованіями на журналъ слѣдуетъ обращаться по адресу конторы изданія: Екатеринбургъ, Уктусская д. № 52.

АРГУСЪ.

Первый и единственный въ Россіи общедоступный художественный ежемѣсячникъ. 4-й годъ изданія. Открыта подписка на 1916 годъ. Цѣна за годъ съ 7 преміями 7 руб.

Все, интересующее широкіе читательскіе круги, „въ Аргусѣ". Лучшіе писатели. Лучшіе художники. Лучшіе фотографы-корреспонденты. **Въ 1916 году** „Аргусъ" предлагаетъ годовымъ подписчикамъ: семь богатыхъ премій, исполненныхъ въ мастерск. поставщ. Двора Е. И. В. Голике и Вильборгъ. Пять картинъ въ краскахъ, исполненныхъ лучшими русскими художниками: 1) И. Билибинымъ, 2) Н. Ре-ми, 3) проф. Н. С. Самокишемъ, 4) Степаномъ Колесниковомъ и 5) О. Шарлеманомъ. Двѣ роскошныхъ геліогравюры: 6) Подвигъ казака — Н. И. Кравченко. 7) Оскверненная святыня — мецотинто. Первая премія разослана будетъ годовымъ подписчикамъ съ январьскимъ нумеромъ „Аргуса". Подписная цѣна на „Аргусъ" съ семью преміями: 7 р. въ годъ, съ перес. 4 р. на полг., съ перес. Разсрочка: 4 р. при подп., 3 р. въ іюлѣ Подписка на журналъ „Аргусъ" съ преміями принимается во всѣхъ почтово телеграфныхъ конторахъ Россійской Имперіи, книжныхъ магазинахъ и въ Главной Конторѣ журнала „Аргусъ". Петроградъ, Сергіевская, д. 17-б. Редакторъ Вас. Регининъ. Издатель Акц. О-во „Біохромъ".

Открыта подписка на 1916 годъ на кооперативные журналы изданія Московскаго Союза Потребительныхъ Обществъ.

I.

„Союзъ Потребителей".

Посвященный интересамъ русской кооперації вообще и потребителей въ особенности. Выходитъ 48 разъ въ годъ. Всѣ подписчики „Союза Потребителей" получаютъ безплатно: 1) Одинъ изъ двухъ популярныхъ кооперативныхъ журналовъ — „Объединеніе" или Общее дѣло" по своему выбору и 2) Кооперативный настольный календарь на 1917 г. Подписная плата: за 1 г. — 5 р., за ½ г. — 2 р. 60 к., за ¼ 1 р. 40 к., за 1 м. — 50 к.

II.

„Объединеніе".

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ VI годъ изданія. Безплатное приложеніе: Кооперативный календарь на 1917 г. **При отдѣльной подпискѣ подписная плата за годъ 1 р. 50 к.**

III.

„Общее Дѣло".

Общедоступный иллюстрированный кооперативный журналъ членовъ потребительныхъ обществъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Безплатное приложеніе: Кооперативный настольный календарь на 1917 г. При отдѣльной подпискѣ за годъ 1 р. 50 к. Потребительныя Общества, желающія упрочить свое положеніе путемъ поднятія интереса къ Обществу въ средѣ членовъ и окрестнаго населенія, имѣютъ возможность это сдѣлать путемъ выписки за счетъ Общества и раздача членамъ и покупателямъ журналовъ: городскія и рабочія о-ба — „Объединенія", а сельскія — „Общаго дѣла". При выпискѣ какого-либо изъ популярныхъ журналовъ по одному адресу въ большомъ количествѣ назначена льготная подписная плата. Отъ 2 до 5 экз. по 1 р. 40 к. за годов. экз., отъ 6 до 10 экз. 1 р. 20 к., отъ 11 до 20 экз. 1 р. 10 к., отъ 21 до 50 экз. 1 р., отъ 51 до 100 экз. по 95 к., отъ 101 до 200 экз. по 90 к., отъ 201 до 500 экз по 85 к., отъ 501 до 1000 экз. по 80 к. Св. 1000 по 75 к. Подписная плата, начиная отъ 50 экземпл., можетъ быть вносима въ разсрочку по четвертямъ года. Подписка принимается: 1) въ конторѣ редакціи — Москва, Новая Переведеновка, с. д. 2) Кіевъ, Агентура Московскаго Союза, Подолъ, Воздвиженская, № 1. 3) Ростовъ-на-Дону, Агентура Союза, Старо-Почтовая, 98. 4) Одесса, Агентура Союза, ул. Кондратенко, № 29. 5) Рыбинскъ, Закупочн. пунктъ М. С., уг. Б. и Мал. Казанской, д. Соловьева. Въ лавкахъ потребительныхъ обществъ, въ кооперативныхъ союзахъ, земскихъ кассахъ мелкаго кредита, въ книжныхъ магазинахъ и черезъ почтовыя учрежденія.

„РЫБИНСКАЯ ГАЗЕТА".

Газета литературная, общественно-политическая и биржевая. Открыта подписка на 1916 — шестой годъ изданія. Задача газеты — возможно полнѣе освѣщать общественные и экономическіе интересы Поволжскаго края. Газета даетъ много оригинальнаго литературнаго матеріала. Подписная цѣна: на годъ—5 р., на ½ года—3 р., на 3 м.—1 р. 60 к. и на 1 м.—60 к. съ доставкой и пересылкою (можно марками). Адресъ конторы и редакціи: г. Рыбинскъ, Крестовая ул., 75, телеф. 433 Редакторъ-издатель Н. И. Любинъ.

„ЧЕРНОЗЕМЪ"

(II-й годъ изданія.) Открыта подписка на 1916 годъ на выходящую въ Пензѣ большую, ежедневную, краевую, политическую, общественную и литературную газету Всѣ важныя міровыя событія, жизнь Россіи, а также военныя извѣстія обслуживаются телеграммами собственныхъ корреспондентовъ. Благодаря полной всесторонней информаціи по телеграфу „Черноземъ" опережаетъ на день матеріалъ московскихъ газетъ. Широко поставленный отдѣлъ кооперацiи при участіи извѣстныхъ дѣятелей по кооперацiи: Н. В. Чайковскаго, быв. чл. 2-й Гос. Думы С. И. Бондарева, быв. чл. 1-й Гос. Думы С. В. Аникина, А. А. Евдокимова, Б. Фрометта, А. Меркулова, М. И. Хессина, Кильчевскаго, а также виднѣйшихъ кооператоровъ черноземной полосы. Въ отдѣлѣ фельетона — обзоры литературы, науки и искусства, оригинальныя и переводныя беллетристическія произведенія. Въ литературномъ отдѣлѣ газеты принимаютъ участіе: Максимъ Горькій, В. Вересаевъ, К. Бальмонтъ, гр. Алексѣй Н. Толстой, В. Н. Ладыженскій, Е. И. Чириковъ, О. Л. Д'Оръ, Ю. И. Айхенвальдъ, П. С. Коганъ и др. Во всѣхъ уѣздахъ и крупныхъ сельскихъ центрахъ Пензенской, Симбирской и Тамбовской губернія „Черноземъ" имѣетъ своихъ собственныхъ постоянныхъ корреспондентовъ Для оказанія юридической помощи подписчикамъ, въ газетѣ организуется отдѣлъ „отвѣты подписчикамъ", въ которомъ будутъ даваться спеціалиста—отвѣты на вопросы общественно-юридическаго характера. Подписная цѣна на „Черноземъ" для городскихъ подписчиковъ: на годъ — 9 р.; на 6 мѣс. — 5 р.; на 3 мѣс. — 2 руб. 90 коп.; на 2 мѣс. — 1 руб. 90 коп.; на 1 мѣс. — 1 руб. Для иногородныхъ подписчиковъ: на годъ — 9 р. 50 к.; на 6 мѣс. — 5 р. 50 к.; на 3 мѣс. — 3 р. 10 к.; на 2 мѣс. — 2 р. 10 к.; на 1 мѣс. — 1 р. 10 к. Увеличеніе подписной платы вызвано вздорожаніемъ бумаги и всѣхъ типографскихъ матеріаловъ. Допускается разсрочка подписной годовой платы: при подпискѣ — 4 р., къ 1 апрѣля — 3 руб. и къ 1-му іюля остальныя. Адресъ редакціи и конторы: Пенза, Московская улица. Телефонъ № 580. Редакторъ-Издатель А. Гордѣевъ.

„Иркутская Жизнь".

Большая политическая, литературная и экономическая газета. Открыта подписка на 1916 г. Свѣдѣнія съ войны передаются въ газету „Иркутская Жизнь" по телеграфу собственными корреспондентами и Петроградскимъ телеграфнымъ агентствомъ. Подписная цѣна газеты: На годъ — 9 р.; на полгода — 4 р. 75 к.; на 3 мѣсяца — 2 р. 75 к.; на 1 мѣсяцъ — 1 р.

СИБИРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Открыта подписка на 1916 г. (Двадцать шестой годъ изданія). Выходитъ въ Тобольскѣ три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, вторникамъ и четвергамъ. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: На 1 годъ — 5 руб.; на ½ — года 3 рубл.; на 4 мѣс. — 2 руб.; на 3 мѣс. — 1 руб. 50 коп.; на 1 мѣс. — 60 коп. Мелкія суммы принимаются почтовыми марками. Иногородніе адресуютъ: Тобольскъ. Редакція „Сибирск Листка". Редакт.-Изд. М. Н. Костюрина.

Вѣстникъ Русско-Англійской Торговой Палаты.

Принимается подписка на 1916 годъ. (8-й годъ изданія.) Періодическій органъ на русскомъ и англійскомъ языкахъ, издаваемый Палатою и выходящій въ числѣ не менѣе двѣнадцати №№ въ годъ. Программа. 1) Официальный отдѣлъ; 2) Статьи и изслѣдованія по вопросамъ русско-англійскихъ экономическихъ отношеній; 3) Хроника дѣятельности Палаты; 4) Хроника торгово-промышленной жизни; 5) Запросы и предложенія, поступившіе въ Палату (касающіеся продажи и закупки различныхъ русскихъ товаровъ въ Англіи и англійскихъ въ Россіи, торговыхъ представительствъ и т п.); 6) Справочный отдѣлъ (свѣдѣнія о цѣнахъ и настроеніи товарныхъ рынковъ Россіи и Англіи); 7) Библіографія; 8) Объявленія. Условія подписки: съ пересылкой въ Россію и за границу — на годъ — 6 р., на полгода — 3 р. „Вѣстникъ Русско-Англійской Торговой Палаты" разсылается безплатно всѣмъ членамъ Палаты, а также правительственнымъ учрежденіямъ, русскимъ консуламъ въ Англіи и ея колоніяхъ и англійскимъ въ Россіи, торговымъ палатамъ и пр. Цѣна объявленій: (Переводъ съ русскаго на англійскій или обратно — безплатно). На годъ: страница 200 руб., 1/2 страницы 125 руб., 1/4 страницы 75 руб., на 1/2 года: страница 115 руб., 1/2 страницы 70 руб., 1/4 страницы 40 руб., на 1/4 года: страница 65 руб., 1/2 страницы 40 руб., 1/4 страницы 25 руб., 1 разъ: страница 25 руб., 1/2 страницы 15 руб., 1/4 страницы 10 руб. Пробный нумеръ Вѣстника высылается по требованію. Редакція и контора: Петроградъ, Гороховая, 4. Телефонъ 506-16.

„Экономическая Жизнь Подоліи".

Органъ Подольскаго Губернскаго Земства. Годъ изданія четвертый. Двухнедѣльный журналъ. Журналъ ставитъ себѣ задачей изученіе экономической жизни Подоліи, выясненіе ея нуждъ и разработку мѣропріятій, содѣйствующихъ развитію производительныхъ силъ Подоліи. Подписная плата на годъ 2 р., на 1/2 г. 1 р. Адресъ редакціи: Винница, Губернская Земская Управа. Отвѣтственный редакторъ: Предсѣдатель Подольской Губернской Земской Управы П. Н. Александровъ.

„Вѣстникъ Красноярск. Гор. Обществ. Управленія",

муниципальный журналъ, издаваемый въ г. Красноярскѣ. Открыта подписка на 1916 годъ. Журналъ выходитъ 1 и 15 числа каждаго мѣсяца въ размѣрѣ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ. Подписная плата за изданіе: 3 руб. въ годъ, 1 р. 75 к. за полгода, 90 к. за 3 мѣс., 30 к. за 1 мѣсяцъ, отдѣльный номеръ 15 к. Подписка принимается въ Красноярской Городск. Управѣ и книжныхъ магазинахъ. Редакторъ Городской Голова С. Потылицынъ. Издатель Красноярское Городск. Общ. Управленіе.

„Извѣстія Кіевской Городской Думы".

Ежемѣсячный журналъ, посвященный вопросамъ городского хозяйства и управленія.

Принимается подписка на 1916 г. Послѣ реорганизаціи журнала въ сентябрѣ 1914 года по ноябрь 1915 г. были напечатаны, между прочимъ, статьи слѣд. авторовъ: Проф. К. Воблаго, проф. Л. Яснопольскаго, Б. Веселовскаго, Т. Лубенца, Н. Козеренко, С. Драгоманова, проф. Н. Силина, А. Волкова, В. Рудина, проф. М. Митилино, Д. Марголина, Я. Вѣсова, М. Б—анова, Д. М—линъ, В. Левитскаго. М. Петрова, инж В. Рябчевскаго, І. Волошиновскаго, проф. Вяч. Иванова, М. Б—анова. С. Д—ова, Я. Неволина, Г. Ал—скаго, Бориса Воронова, Д. Протопопова, Г. Наумова, Г. Михайлова, Д. Марголина, Кира-Донжана, В. Ворта, Г. Наумова, Библіографія. Муниципальная жизнь на Западѣ. Общерусское муниципальное обозрѣніе. Обзоръ муниципальной печати. Областной отдѣлъ. Кіевская муниципальная хроника. Подписная цѣна на годъ — 5 руб., на полгода — 2 руб. 50 к. Подписка и объявленія для напечатанія принимаются въ помѣщеніи редакціи — въ Статистическомъ Отдѣлѣ Городской Управы отъ 10 до 3 ч. дня.

ОРЕНБУРГСКОЕ „СЛОВО".

Открыта подписка на 1916 годъ (выходитъ взамѣнъ „Оренбургской газеты). Ежедневная прогрессивная общественно-литературная и политическая газета. Годъ изданія II (IX). На 12 мѣс — 7 р., на 6 мѣс. — 4 р., 3 мѣс. — 2 р. 20 к., 1 мѣс. — 80 коп. съ пересылкой. Адресъ редакціи: Оренбургъ, Николаевская ул. (вблизи церкви Вознесенія).

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Открыта подписка на 1916 годъ, на общепедагогическій журналъ для учителей и дѣятелей по народному образованію. Программа журнала: Общіе вопросы образованія и воспитанія. Реформа школы. Экспериментальная педагогика, психологія, школьная гигіена. Методика преподаванія разл. предметовъ. Исторія школы. Обзоры новѣйшихъ теченій въ области разныхъ наукъ. Дѣятельность госуд. и обществ. учрежденій по народному образованію (Госуд. Думы, земствъ и пр.). Народное образованіе за границей. Начальная и средняя школа въ Россіи. Вопросы національной школы разл. народовъ Россіи. Женское образованіе. Профессіон. образованіе. Внѣшкольное образованіе. Война и школа. Кромѣ статей по означенной программѣ, журналъ даетъ слѣдующіе постоянные отдѣлы: I. Экспериментальная педагогика, подъ ред. А. П. Нечаева и Н. Е. Румянцева. II. Критика и библіографія, обзоры педагогическихъ и дѣтскихъ журналовъ, подъ ред. А. Я. Гуревичъ. III. Хроника общаго и професс. образованія въ Россіи и за границей. IV. Хроника книжнаго и библіотечнаго дѣла и внѣшкольнаго образованія. V. Земскіе очерки. VI. Разныя извѣстія. VII. Новости литературы. VIII. Новѣйшія правительственныя распоряженія и законодательныя постановленія въ области народнаго образованія.

„Русская Школа" выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе 14 печ. листовъ. Подписная цѣна: въ Петроградѣ, безъ дост. — семь р., съ дост. — 7 р. 50 к., для иногородн. — восемь руб.; за границу — девять руб. въ годъ. Для сельскихъ учителей, выписыв журналъ за свой счетъ, — шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою (при подпискѣ — 3 р. и къ 1 іюля — 3 р.). Городамъ и земствамъ, выписыв. не менѣе 10 экз., уступка въ 15%. Книжн. магазинамъ за комиссію 5% съ год. цѣны. Подписка съ разсрочкой и уступкой только въ конторѣ редакціи (Петроградъ, Лиговская, д. 1). Редакторъ-издатель Я. Я. Гуревичъ.

„ВѢСТНИКЪ МОГИЛЕВСКАГО ЗЕМСТВА",

выходящій два раза въ мѣсяцъ книжками отъ 2-хъ до 3-хъ печатныхъ листовъ (32—48 стр.) текста. Открыта подписка на 1916 годъ. По примѣру прошлаго года, редакція „Вѣстника Могилевскаго Земства" будетъ давать подписчикамъ журнала отвѣты по вопросамъ сельскаго хозяйства, медицины, юридическимъ и т. п., въ томъ числѣ по кооперації. Вступая въ третій годъ изданія „В. М. З", редакція приметъ всѣ зависящія отъ нея мѣры къ болѣе полному обслуживанію интересовъ жизни Могилевской губерніи. На основаніи постановленія Могилевскаго Губернскаго Земскаго Собранія очередной сессіи 1913 г., журналъ высылается, въ предѣлахъ Могилевской губерніи, безплатно: предводителямъ дворянства, земскимъ гласнымъ, городскимъ управленіямъ, земскому агрономическому, страховому и ветеринарному персоналу, больницамъ, богоугоднымъ заведеніямъ. Уѣзднымъ же земскимъ управамъ, при выпискѣ для училищъ, и кооперативамъ — со скидкой въ 50% съ подписной платы. Для лицъ и учрежденій, не вошедшихъ въ число безплатныхъ подписчиковъ, подписная цѣна на 1916 г.— два рубля въ годъ къ доставкою и пересылкою, на ½ года — 1 р. 20 коп. Подписка на меньшіе сроки и разсрочка подписной платы не допускается. Адресъ редакціи и конторы „Вѣстникъ Могилевскаго Земства": Могилевъ-губернскій. Пробный номеръ для ознакомленія высылается, по требованію, безплатно.

Вѣстникъ кооперацiи.

Продолжается подписка на 1916 г. на ежемѣсячный, посвященный запросамъ теоріи и практики кооперативн. дѣла въ Россіи и за границей журналъ (восьмой годъ изданія), издаваемый Петроградскимъ Отдѣленіемъ Комитета о сельскихъ ссудо-сберегат. и промышленныхъ товариществахъ подъ редакціей проф. М. И. Туганъ-Барановскаго. „Вѣстникъ Кооперацiи“ выходитъ ежемѣсячно, кромѣ іюля и августа, отдѣльными книжками. Цѣль журнала — выясненіе теоретическихъ и практическихъ вопросовъ всѣхъ формъ кооперативнаго движенія, а также систематизированіе и опубликованіе важнѣйшихъ матеріаловъ по исторіи и практикѣ кооперативнаго движенія въ Россіи и за границей. Въ журналѣ ведутъ спеціальные текущіе отдѣлы: А. Меркуловъ — Кооперативное движеніе въ Россіи; М. Хейсинъ — Обзоръ иностранной и русской печати; П. Шимановскій — Земство и кооперація. Подписная цѣна: въ Россіи на годъ — 6 р., на полгода — 3 р. 50 к., отдѣльная книжка 70 к. За границу: на годъ — 7 р., на полгода — 4 р. 50 к. Народные учителя имѣютъ скидку въ 25%. Подписка и объявленія принимаются въ Конторѣ журнала: Петроградъ, ул. Жуковскаго, 38. Тамъ же можно получить юбилейный номеръ „Вѣстника Кооперацiи“ цѣна 1 рубль.

Новыя книги

Ник. Сухановъ.

Наши лѣвыя группы и война. (Цѣли войны и мотивы ея пріятія.) Изд. 3-е. Петроградъ. 1916 г. Цѣна 50 коп.

Къ кризису соціализма. (По поводу „военныхъ“ выступленій Г. В. Плеханова.) Петроградъ. 1916 г. Цѣна 40 коп.

Наши направленія. (Сборникъ статей о марксизмѣ и „народничествѣ.) Петроградъ. 1916 г. Цѣна 80 коп.

Очерки по вопросамъ народнаго хозяйства (печатается). Петроградъ 1916 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Складъ изданій въ книжн. магазинѣ Яснаго (бывш. М. В. Попова), Петроградъ, Невскій пр., 66.

Того же автора:

Земельная рента и основы земельнаго обложенія. Съ предисл. В. Чернова. Москва. 1908 г. Цѣна 85 коп.

Къ вопросу объ эволюціи сельскаго хозяйства. (Соціальныя отношенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ въ Россіи.) Москва. 1909 г. Цѣна 2 руб.

Складъ въ книжн. маг. „Наука“. Москва, Б. Никитская, 10.

Т-ВО

ТРЕУГОЛЬНИКЪ

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ

ДЛЯ НУЖДЪ
ЛАЗАРЕТОВЪ
ВСѢ
НЕОБХОДИМЫЕ
ПРЕДМЕТЫ
ИЗЪ РЕЗИНЫ,
ЭБОНИТА,
ПРОРЕЗИНЕННОЙ
МАТЕРІИ и ПР.

ПЕТРОГРАДЪ
Екатерин. кан. 34

Книгоиздательство „ПАРУСЪ“

А. Н. ТИХОНОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, БОЛ. МОНЕТНАЯ, 18, кв. 4.

Въ непродолжительномъ времени выйдутъ изъ печати книги:

Сборникъ АРМЯНСКОЙ литературы. Подъ редакціей М. ГОРЬКАГО, со вступительными статьями Д. Ананyна и П. Макинціана.

Сборникъ ЛАТЫШСКОЙ литературы. Подъ редакціей В. БРЮСОВА и М. ГОРЬКАГО, со вступительной статьей И. Янсона.

Сборникъ ФИНЛЯНДСКОЙ литературы. Подъ редакціей В. БРЮСОВА и М. ГОРЬКАГО, со вступительной статьей д-ра Таркіайнена.

Готовятся къ печати:

Сборникъ ЕВРЕЙСКОЙ литературы.

Сборникъ ЛИТОВСКОЙ литературы.

ВОЙНА и ДѢТИ. Дѣтскія письма, сочиненія и рисунки со вступительной статьей М. Горькаго.

Ж. ТЬЕРСО. Праздники и пѣсни Великой Французской революціи. (Переводъ съ французскаго.) Подъ редакціей В. А. Базарова. Съ предисловіемъ А. В. Луначарскаго.

ПРІОБРѢТАЙТЕ КНИЖНЫЯ НОВОСТИ
черезъ петроградскій
книжный магазинъ „УЧИТЕЛЬ“
И. С. Абрамова.
Петроградъ. Большой просп., (Петрогр. Стор.), д. 4. Тел. 602-59.

THE BORROWER WILL BE CHARGED THE COST OF OVERDUE NOTIFICATION IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW.

HALLGARD

DEC 2 6 1979